БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
20

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
20

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
20

XVIII—XX века

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
Н. В. ПОНЫРКО

ISBN 978-5-02-040331-4 (Т. 20)
ISBN 5-02-028307-X

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Когда задумывалось создание 20-томной книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси», редколлегией нового издания для заключительного тома этой серии было сформулировано понятие «древнерусская литература после Древней Руси», предполагавшее охватить тот комплекс литературных памятников, создававшихся с XVIII века вплоть до наших дней, который продолжал сохранять в большей или меньшей степени господствующий дух древнерусской литературы и приверженность ее жанрам.

Что такое господствующий дух древнерусской литературы? Это ощущение постоянного Божьего присутствия, запечатленное во всех без исключения ее памятниках. Когда этот дух воплощается в сочинениях Новейшего времени, при сохранении ими связей с древнерусскими мотивами, сюжетами и жанрами, с традициями ее поэтики, тогда мы видим перед собой произведения словесности, которые можно охарактеризовать названным понятием. Таковы жития русских подвижников, создававшиеся в XVIII—XIX веках, таково Духовное завещание старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина), написанное в 1951 году, такова Служба всем святым, в России просиявшим, составленная во время работы Московского поместного собора Русской православной церкви 1917—1918 годов профессором С.-Петербургского (Петроградского) университета Борисом Александровичем Тураевым и епископом Афанасием (Сахаровым), таковы многие другие произведения словесности.

Большинство таких творений находится вне главенствующей линии развития русской литературы XVIII—XX веков, как она сложилась со времен реформ Петра I, что объясняется той культурной ситуацией, которая установилась в России к началу XVIII века. В свое время Владимир Павлович Рябушинский — представитель известной старообрядческой династии промышленников, закончивший жизнь в эмиграции бессменным главой общества «Икона» при Сергиевском институте в Париже, в работе 1936 года «Старообрядчество и русское религиозное чувство» так охарактеризовал последствия резкого реформирования русской культуры, которое было начато в середине XVII века патриар-

хом Никоном и с новой силой продолжено на рубеже XVII—XVIII веков Петром I: эти реформы «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, — на мужика и на барина».[1] Во второй половине XVII века признаки такого культурного раздвоения еще только зарождались: боярыня Федосья Прокопьевна Морозова и протопоп Аввакум, окольничий Федор Михайлович Ртищев и юродивый Афанасий, царь Алексей Михайлович и духовный отец протопопа Аввакума инок Епифаний принадлежали к одному «народу», говорившему в широком смысле на одном языке и читавшему одни книги. Но уже к началу XVIII века пути «барина» и «мужика» стали зримо расходиться, языки, на которых они говорили, делались все менее понятны один другому, и книги, которые они читали, стали разными. С этого момента народная культура (культура «мужика») делалась все более чуждой, непонятной и неинтересной «барину», представителю господствовавшей культуры. Между тем в народе продолжали читать, сохраняя старинные рукописи и создавая их новые списки, пользуясь старопечатными изданиями и изданиями новейших потаенных типографий, такие памятники древнерусской словесности, как Прологи и Хронографы, творения таких раннехристианских авторов, как Ефрем Сирин, Василий Великий, авва Дорофей; продолжали переписывать жития византийских и русских святых, хождения в Святую Землю и т. д.

Для понимания того, как глубоко пронизала умственную жизнь русского «мужика» та многовековая культура, в основе которой лежала древнерусская литература, стоит обратить внимание на деятельность такого книжника и в прямом смысле народного литератора, как Иван Степанович Мяндин (1823—1894). Крестьянин-старообрядец из старинного села Усть-Цильма, расположенного на берегу реки Печоры в Архангельской губернии, И. С. Мяндин был профессиональным писцом и в качестве такового долгое время служил письмоводителем у одного из местных предпринимателей, а, кроме того, зарабатывал свой хлеб тем, что составлял и переписывал для нуждающихся различные жалобы и прошения, отправляемые по инстанциям. Но главное, чему он посвятил свою жизнь, была переписка старинных богослужебных и литературных текстов для своих односельчан и жителей округи. Сохранилось более 400 списков различных литературных призведений, переписанных рукой И. С. Мяндина. В распоряжении крестьянского книжника была большая библиотека, отдельные книги из которой до сего дня выявляются по владельческим записям их хозяина.

Самым значительным в рукописном наследии И. С. Мяндина являются его переделки древнерусских повестей, житий, поучений. Круг литературных тем и сюжетов, привлекших его внимание, поражает обширностью и разнообразием. Это и биографии библейских героев (Иосифа Прекрасного, царя Соломо-

---

[1] Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. М., 2010. С. 51.

на и др.), и евангельские сюжеты, нередко в их апокрифическом преломлении («Сказание Афродитиана»), и эпизоды мировой истории, почерпнутые из Хронографов (сказания об Александре Македонском, о падении Трои). Он читал и перерабатывал в свойственном ему духе древнерусские повести об Акире Премудром, о гордом царе Аггее, новеллы Великого Зерцала, сказания о чудотворных иконах Богородицы — Иверской, Новгородской и Устюжской.

В большом числе случаев И. С. Мяндин выступал по отношению к переписываемым им произведениям как редактор, бережно сохранявший композицию и языковую основу литературного памятника. Но часто в переписчике просыпался писатель, побеждавший редактора, — и древнерусский текст под его пером превращался в новое самостоятельное произведение. Средневековый повествователь уступал место современному рассказчику, — с характерными оборотами речи, зачастую неправильно употребленными падежами и синтаксическими конструкциями; все они для читателей Мяндина, печорских крестьян, были близки и понятны: это была их повседневная речь, привычный им синтаксис, обычная для них орфография. Именно поэтому составленные Мяндиным сборники так активно (судя по сохранившимся на них записям) читались устьцилемами и так бережно хранились ими.

Эти особенности мяндинских редакций и переделок древнерусских произведений ярко проявились в Сказании об Иосифе Прекрасном, построенном на известном сюжете из книги Бытия.

Для создания своей версии Сказания печорский книжник использовал два источника — рассказ из Русского Хронографа и «Слово об Иосифе Прекрасном» раннехристианского писателя IV в. Ефрема Сирина.

Из Хронографа (который значительно сократил библейский рассказ и сделал повествование более фактографичным, исторически окрашенным) И. С. Мяндин взял, стилистически переработав, ряд тематических эпизодов: рассказ о родителях Иосифа (о смерти Рахили и о борении Иакова с Богом), описание содержания снов Иосифа, рассказ о государственной деятельности Иосифа в Египте, сообщение о рождении там его сыновей. В основном же крестьянский писатель в своей работе над Сказанием опирался на осмысление библейского сюжета в Слове Ефрема Сирина. Отсюда он почерпнул ряд отсутствовавших в Хронографе подробностей, касающихся обстоятельств продажи Иосифа в рабство и его жизни в Египте (рассказ о плаче Иосифа на могиле матери, упоминание о женских хитростях жены Потифара, с помощью которых она пыталась соблазнить Иосифа и т. д.). Позаимствовал Мяндин у Ефрема Сирина и само осмысление образа Иосифа как праведника, ставшего жертвой сначала завистливых братьев, а затем блудницы — орудия самого сатаны.

При этом образы Иосифа и его соблазнительницы под пером Мяндина от версии к версии (а он работал над Сказанием в несколько этапов) постепенно меняли как стилистическую окраску, так и смысловое наполнение; постепен-

но перерабатывался сюжет. В итоге в Сказании появилось новое действующее лицо — возлюбленная Иосифа Селима, для которой, вопреки библейскому тексту, автор сочинил биографию. Сюжетную роль Селимы мотивировала зависть, которую испытывал к Иосифу один из его братьев, Симеон, также претендовавший на руку Селимы.

Введение нового действующего лица повлекло за собой и появление в дальнейшем повествовании ряда новых сюжетных мотивов, развивающих тему Селимы. Существенно переосмысляется в мяндинской версии Сказания и образ соблазнительницы Иосифа, названной здесь Далукой. Из окаянной блудницы она в новой версии сюжета превращается в страдающую от неразделенной любви женщину, которую только страх оказаться разоблаченной мужем толкает на оклеветание Иосифа. На этом этапе освоения библейского сюжета И. С. Мяндиным были сняты все упоминания о блудной страсти, влекущей Далуку к Иосифу. Вместо выражения «блудная страсть» появляется слово «любовь». Так в процессе освоения сюжета Сказания об Иосифе Прекрасном крестьянский писатель в духе Нового времени переосмыслил взаимоотношения своих персонажей.

Печорский крестьянин знает, читает и перерабатывает два крупнейших памятника древнерусской книжности — Хронограф и Паренесис Ефрема Сирина! Для его односельчан тут не было ничего удивительного, ведь это именно в их избах хранились те самые древние рукописи и старопечатные книги, которые составили позже, благодаря подвижнической деятельности ученых археографов XIX—XX веков, ценнейшие фонды знаменитых архивохранилищ страны.

И. С. Мяндин родился в 1823 году. А это значит, что мы не погрешим против истины, если назовем его младшим современником А. С. Пушкина. Скорее всего, свое Сказание об Иосифе Прекрасном Мяндин создал уже после гибели Пушкина, не ранее середины XIX века. Но существует целая серия памятников народной словесности, созданных как раз в те годы, которые принято называть Пушкинской эпохой. Более того, авторы этих произведений, при взаимном неведении друг о друге, возможно, не раз сталкивались на улицах одного южного города Российской империи с молодым Пушкиным, побывавшим там в те же самые годы, что и они. Имя этого города Одесса; годы, о которых идет речь: 1817—1820 (известно, что Пушкин впервые побывал в Одессе проездом из Крыма в 1820 году во времена своей южной ссылки).

Именно 1817—1820 годами датируются так называемые «Хождения» в Святую землю, написанные представителями российской «глубинки» того времени. Одно из них принадлежит подпоручику Илье Сысоеву, совершившему вместе с крестьянином Петром Хостовым паломническое путешествие в Иерусалим в 1817—1818 годах. Местом, откуда начался поход этих странников на богомолье, была Старая Русса. Другое «Хождение» по святым местам Палести-

ны надписано именем крестьянина Ростовского уезда Ярославской губернии Якима Васильева. Возможно, Яким Васильев и не был автором этого сочинения, а являлся лишь его переписчиком; обращение списка этого произведения среди крестьян Березниковской волости Ростовского уезда этим списком зафиксировано. Еще одно путешествие на богомолье в Святую землю было предпринято в 1819 году двумя жительницами села Лежнева Владимирской губернии — девицей Анной Алексеевной и вдовой Прасковьей Степановной.

Традиционное для Древней Руси именование паломнического произведения «Хождением» к началу XIX века вышло из употребления. В Новое время подобные описания стали именоваться «Путевыми заметками» или «Путешествиями», но это не мешало их читателям и авторам осознавать прямую связь «Путешествий» со средневековыми «Хождениями», такими как Хождения игумена Даниила, Василия Позднякова, Трифона Коробейникова и др.

Из столетия в столетие русские паломники одними и теми же путями шли в Святую Землю, описывали одни и те же места, встречавшиеся на их пути, рассказывали о связанных с событиями Нового Завета и ветхозаветной истории святынях, которые им удалось посетить. В XIX веке маршрут русских паломников на Святую землю был традиционен: через Черное море в Константинополь (именуемый паломниками, как и столетия назад, Царьградом), далее морским путем через острова Родос и Кипр до Яффы, оттуда сухопутным маршрутом — до Иерусалима.

Паломнический маршрут по Иерусалиму и его окрестностям тоже диктовался многовековой практикой богомолья на Святой земле: помимо Иерусалима совершались паломничества в Гефсиманию, на Елеон, Иордан, в Вифлеем, на Мертвое море. Центром описания Иерусалима был рассказ о храме Гроба Господня.

Точно так же как и древнерусских паломников, богомольцев XIX века поражал обычай местных христиан-арабов буйными воплями и плясками встречать в Великую субботу извещение о сошествии благодатного огня на Гроб Господень. Первым из русских паломников сообщение о сошествии благодатного огня оставил в XII веке игумен Даниил. В XV веке о благодатном огне писал иеродиакон Троице-Сергиева монастыря Зосима, упомянувший при этом об обычае палестинских арабов встречать благодатный огонь громко и восторженно. В Хождениях Василия Познякова и Трифона Коробейникова (XVI в.) это действо было подробно описано как обычай «беснующихся в церкви еретиков». Своими впечатлениями от этого обычая, не понимая его природы, делились и многие богомольцы XIX века. Отозвались на него и Илья Сысоев, и его современники Яким Васильев и Анна Алексеевна.

В записках Ильи Сысоева читаем: «После сего начали бегать арапы кругом святой Кувуклии крыгами и резвились, становились кучками и друг другу на плеча и, ходя вокруг святой Кувуклии, произнося на своих языках многими

голосами „воля динь илля динъ ель Месия". Т. е. утверждают веру христианскую, что делали, однако, не съ умилениемъ, но съ веселостию и рукоплесканием. Около 4-х часов пополудни погасили во храме все свечи и неугасимыя лампады, но арапы не преставали проказничить. Отперли святую порту, набралось народу разных леригий. Турецкия чиновники сидели на хорах тогда и смотрели на волнующийся народ и резвость арабской черни, никем необуздаемой» (см. наст. изд., с. 200)

К особенностям содержания Путешествия Якима Васильева в Святую Землю следует отнести обилие записанных апокрифических преданий и местных легенд, как традиционных для старинных паломнических текстов (сюжеты о Крестном древе, о жидовине, проявившем непочтение при погребении Богородицы, о происхождении имени реки Иордан), так и не фиксировавшихся ранее (легенды о происхождении трещины на плите Гроба Господня, об уверовавшем турецком воине — свидетеле чуда схождения Благодатного огня, о камне, на котором ковали гвозди для распятия Христа и т. д.).

Своеобразную черту паломнических описаний Нового времени составляют и сообщения о собственно паломнических обрядах и обычаях — о той стороне богомолья по Святым местам, которой в Средние века внимания не уделялось. К таким обычаям, например, относится совершавшийся в греческом патриархате обряд омовения ног паломникам, описанный в публикуемых нами Путешествиях, так же как и обычай бросать камни в памятник-обелиск Авессалома, восставшего некогда против своего отца — ветхозаветного царя Давида.

Уникальность рассказа девицы Анны Алексеевны о ее паломничестве состоит прежде всего в том, что оно представляет собой одно из ранних описаний женского богомолья в Святую Землю. Как следует из заглавия рукописи Путешествия, паломничество совершали две богомолки — девица Анна Алексеевна и вдова Прасковья Степановна. При этом сказано, что рассказ о паломничестве был записан со слов одной из них — девицы Анны Алексеевны, о чем сообщает сохранившаяся в конце рукописи приписка. Из приписки, кроме того, известно, что рассказ девицы Анны Алексеевны был записан с ее слов священником села Лежнева отцом Кондратом. А это значит, что все стилистические особенности текста этого паломничества характеризуют не только рассказчицу, но и сельского священника из владимирской «глубинки» отца Кондрата, так точно следовавшего за, очевидно, вполне близкой ему повествовательной манерой рассказчицы.

Не надо думать, что память жанров древнерусской литературы хранилась исключительно в народных низах. В особенности это было бы неверно по отношению к периоду XVIII века, когда связи со старой литературой еще не были полностью разорваны в культуре «барина». В этом отношении любопытна литературная деятельность предводителя Московского дворянства (в 80-е гг.

XVIII в.) Якова Афанасьевича Татищева (1729—1806), представителя древнего княжеского рода, из которого вышел знаменитый русский историк Василий Никитич Татищев. Я. А. Татищев принадлежал к высшей знати Российской империи. Если делать точкой отсчета в нашем обзоре фигуру Александра Сергеевича Пушкина, то следует обратить внимание на тот факт, что знаменитая княгиня Зинаида Волконская, хозяйка блестящего музыкально-литературного салона, который посещал среди прочих лиц и Пушкин, посвятивший Зинаиде Волконской стихи, была внучкой Я. А. Татищева. И именно из-под пера этого человека вышло первое опубликованное Житие святителя Димитрия Ростовского.

Предводитель Московского дворянства был инициатором и спонсором первого издания Собрания сочинений Димитрия Ростовского. Обращение Я. А. Татищева в Святейший правительствующий синод с просьбой разрешить напечатать на собственные средства имеющиеся у него тексты Димитрия Ростовского датируется 11 июля 1782 года. Вместе с прошением в Синод были присланы четыре книги, содержащие копии текстов Димитрия Ростовского. В 1785 году, когда издание уже шло полным ходом, Я. А. Татищев прислал в Синод еще один том сочинений Димитрия, в который и был включен текст Жития ростовского святителя. В результате на средства Татищева в 1786 году вышло в свет шеститомное Собрание сочинений Димитрия Ростовского с присовокупленным к нему Житием, автором которого был сам благотворитель.

Автор Жития начинает свое повествование таким образом, что сразу делается понятно, как хорошо он был начитан в памятниках житийного жанра: «Сию райскую вѣтвь, святителя и чудотворца Димитриа, произрасти Малая Россиа: родися бо в малом и незнаменитом градѣ, нарицаемом Макаровѣ, иже от богоспасаемаго града Киева отстоит за пятьдесят поприщь, в лѣто 1651 мѣсяца декемвриа от родителей благородных, вѣрою же и благочестием христианским украшенных и в заповѣдех Божиих неуклонно ходящих: отца именем Саввы, иже в воинствѣ малороссийском бысть чином сотник, матере же Марии. При рождении наречено имя ему Даниил, вскорѣ потом и святым крещением просвѣщен. По крещении же воспитываемь бысть отрок от родителей своих в страсѣ Божии и поучаемь христианскому закону, растяше лѣты же и разумом, и добродѣтельми, аки лѣствицею, от силы в силу грядущи...» (см. наст. изд., с. 97).

В то же время насыщенное биографическими сведениями сочинение Я. А. Татищева зримо отличается от традиционного жития, в нем мы видим не столько описание духовных подвигов святого, сколько биографию, и даже, можно сказать, подробный послужной список героя, известного и признанного церковного деятеля, писателя и проповедника по преимуществу (ср.: «Минувшу же нѣколику времени, из Глухова переведен в Троицкий Киево-Кирилловский монастырь, в немже пострижен во иноческий чин, и пребысть во оном токмо пять мѣсяцев. Посем, дабы таковый благоразумный и трудолюбивый муж, паче же рещи свѣтильник, не был сокрыт под спудом, по согласию преосвященнаго Вар-

лаама, митрополита Киевскаго, и преосвященнаго Иоанна, архиепископа Черниговскаго, в лѣто 1697 иуниа в 20 день, на память святаго священномученика Мефодиа, епископа Патарскаго, произведен бысть архимандритом в монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, именуемый Елецкий Черниговский» (см. наст. изд., с. 104)). Перед нами уже не средневековое житие, а агиографический памятник Нового времени на пути к новому биографическому жанру.

Не будем забывать, что дворянин Я. А. Татищев был светским лицом, тем более знаковой представляется его литературная деятельность, связанная с освоением житийного жанра. Посмотрим, как продолжала свое развитие житийная литература в творчестве духовного лица Нового времени, обратившись к фигуре писателя из круга церковной иерархии средины XVIII века Макария Пе́тровича (1733—1765). Венгерский серб, закончивший в Москве Славяно-греко-латинскую академию и принявший вскоре после этого монашеский постриг в Заиконоспасском монастыре, он был ректором Тверской духовной семинарии и архимандритом тверского Желтикова монастыря. Перу Макария принадлежит Житие тверского князя Михаила Ярославича.

К середине XVIII века Житие князя Михаила Ярославича было хорошо известно в Твери, и, надо полагать, не в одном списке и не в одной редакции. Но, как предположила исследовательница творчества Макария Пе́тровича С. А. Семячко, для этого автора очень важен был взгляд на свое творение как на литературное произведение, старые редакции жития не устраивали его, скорее всего, в эстетическом отношении. Жанр жития для Макария — это жанр в первую очередь литературный, что особенно ярко проявилось в сделанном им отборе источников для создаваемого текста. Положив в основу своего сочинения ту редакцию жития, которая была составлена в конце 50-х гг. XVII века, Макарий активно использовал при создании нового текста еще два важных источника, присутствие которых сделало его текст принципиально отличным от предшествующих редакций. Один из источников — это «Повесть о Тверском Отроче монастыре», яркий литературный памятник с неожиданными сюжетными поворотами, из которого Макарий извлек историю знакомства родителей князя Михаила.

Другим источником, из которого черпал свой материал архимандрит Макарий, было Житие благоверной княгини Анны Кашинской. На это Житие Макарий Пе́трович в своем сочинении сделал прямую ссылку, что представляется весьма примечательным, поскольку со времен церковного собора 1678 года Житие Анны Кашинской находилось под запрещением из-за описанного в нем чуда от двуперстно сложенной десницы святой. Знал ли Макарий о запрете почитания Анны Кашинской, состоявшемся задолго до его приезда в Россию? Как показывает исследование, Макарий Пе́трович обнаружил расхождение данных Жития Анны Кашинской с летописными известиями и пытался примирить эти

расхождения, но обнаруженные противоречия нисколько не помешали ему использовать в большой полноте именно Житие княгини Анны для создания Жития князя Михаила Ярославича.

Под пером Макария Пе́тровича повествование обретает черты драматизации: все герои в его Житии по разным поводам произносят пространные речи, в которых разъясняют свое отношение к происходящим событиям. Содержанием этих речей становятся рассуждения в духе просветительских идей Нового времени, об идеальном государе, о правосудном правлении, о государственной пользе. Герои Жития размышляют о необходимости приобретения рационального знания, об обучении наукам, поскольку «правила, преподаваемая въ наукахъ, много спосп́ѣшествуютъ къ просвѣщению разума». С точки зрения такого просвещенного разума, все, что связано с понятием Божьей благодати, также может быть изучено и подвергнуто критике, в том числе и чудо, которое может вызывать вопросы у непросвещенных, и, следовательно, нуждается в разъяснении со стороны просвещенных.

Под пером тверского митрополита XVIII века Житие князя Михаила Ярославича Тверского превратилось в наглядный образец словесности, отразивший основные идеи эпохи Просвещения в России, памятник, скорее, беллетристического, чем агиографического жанра.

Может показаться, что жанр жития во второй половине XVIII века стоял на пороге кризиса. Но так можно думать, если рассматривать исключительно литературу «барина». Одно дело, будучи блестящим предводителем дворянства, ценителем усадебного быта и творчества архитектора Н. А. Львова, создавать жизнеописание почитаемого исторического деятеля, расценивая его как церковного подвижника, другое — писать о личности, неразделимо связанной с твоим собственным существованием, творящей монашеский подвиг радом с тобой во глубине бескрайних пространств России. Обратимся к житийному памятнику, созданному в среде традиционного русского монашества, рекрутируемого на протяжении XVIII—XIX веков в подавляющей свой части из простонародной среды. Житие Феофана Соловецкого — памятник русской агиографии, повествующий об известном соловецком пустынножителе Феофане (1739—1819), долгие годы подвизавшемся в Поморье и на Анзерском острове Соловецкого архипелага.

Показательно, до какой степени это произведение как композиционно, так и стилистически продолжает традиции агиографического жанра. Церковнославянский язык этого сочинения и его поэтика позволяют говорить о нем как о ярком свидетельстве продолжения живой средневековой агиографической традиции «после Древней Руси».

Старший современник Пушкина, будущий соловецкий пустынножитель (в миру — Фома Пантелеймонов) родился в 1739 году в Малороссии. В 12 лет

он осиротел, а в 16 — ушел из дому в Киево-Печерскую лавру, где провел в разных послушаниях 17 лет. Из лавры Феофан совершил поездку в Молдавию к Паисию Величковскому, а впоследствии ушел в Соловецкий монастырь, где в течение нескольких лет проходил различные послушания: служил просфорником и пономарем, был «закупным» в Архангельске и даже был поставлен экономом монастыря. При этом Феофан испытывал постоянную духовную тягу к пустынножительству, о чем вел частые беседы со своим учеником Климентом. Следствием этого духовного общения стал тайный уход в пустыню обоих — сначала ученика, а затем и учителя. Местом отшельнического подвига Феофана была поначалу пещера в десяти верстах от Соловецкого монастыря, а затем — леса Поморья, где подвижник провел в уединении 23 года. Последние годы своего пустыннического подвига (с 1817 г.) Феофан провел на Анзерском острове, где ему явился Иисус Голгофский, предрекший больному старцу скорую кончину. Весной 1819 года изнемогший от недуга подвижник был возвращен в Соловецкий монастырь, где и преставился 26 июня того же года.

Самые яркие страницы Жития посвящены рассказу о пустынных тяготах соловецких отшельников — с подробным описанием устройства их быта (пищи из белого мха, тертого с брусникой, посуды из бересты и т. д.), порядка молитвенного делания, а также сцен бесовских «страхований». Причем досаждающие Феофану бесы являются ему не только в облике зверей, гадов или воронов, как это часто случается в агиографической традиции, но и «во образѣ знаемых поморовъ», хотящих утопить его в море, «аки рыболовцы», грозящие ему смертью, и даже «во образѣ Кемскаго протопопа» и «в видѣ штатных служителей», которые якобы по приказу архимандрита вынуждают его покинуть пустыню и вернуться в монастырь. Эти образы, как можно думать, могли иметь и конкретно-историческое происхождение, поскольку само Житие представляет собой яркий документ, свидетельствующий об обысках и гонениях на пустынников, которым те подвергались в XVIII—XIX веках как со стороны государства, так и со стороны монастырских властей. Так, раздел «О монастырях» изданного в 1722 году «Прибавления к Духовному Регламенту» содержал запрет на строительство «скитов пустынных». Это не могло не сказаться на положении любителей пустынного безмолвия, которых принудительно возвращали в покинутые ими без игуменского благословения монастыри. По новому официальному положению, сбежавших монахов следовало возвращать в обители, где и «держать по смерть во оковах в трудах монастырских».

Уникальный материал, позволяющий проследить бытование агиографической традиции в народной культуре, дают крестьянские дневники XIX—XX веков, удивительным образом сохранившиеся до наших дней. Среди таких памятников письменности большой интерес представляет дневник (записи которого относятся к промежутку времени с 1891 по 1909 г.) крестьянина, а с

1901 года старообрядческого священника Г. Я. Ситникова (1859—после 1926), уроженца Архангельской губернии. В 1899 году Г. Я. Ситников присоединился к старообрядческой Церкви белокриницкой иерархии, а в 1901 году был поставлен старообрядческим священником. После рукоположения во священника Г. Я. Ситников поселился в деревне Сёмженская, ставшей центром мезенских старообрядцев-поповцев. Здесь, сначала в доме одного из местных жителей, а с 1908 года в недавно построенном храме, Г. Я. Ситников совершал богослужения. Наиболее позднее известное упоминание о Г. Я. Ситникове содержится в переписи 1926 года, где он отмечен как житель деревни Верхнеберезницкая, по роду занятий — сапожник.

На протяжении нескольких лет Г. Я. Ситников являлся, в сущности, местным крестьянским агиографом: вел запись чудес двух почитаемых на Мезени святых — Иова Ущельского, основателя Ущельской пустыни (XVII в.), и Иуды Конещельского. Подлинные исторические известия об Иуде Конещельском, именуемом местными жителями Иудой (Юдой) Трофимовичем, не сохранились. О почитании его известно по крайней мере с конца XVIII века: в 1799—1800 годах Мезенским уездным судом рассматривалось дело крестьян деревни Белощелье, обвиняемых в «ложном разглашении» святости Иуды. По материалам дела, Иуда жил в построенной им избе в лесу на реке Попьюге, где и умер. Около 1792 года, получив у могилы Иуды исцеление, местный крестьянин выстроил здесь часовню-амбар, к которой стали приходить богомольцы и приносить деньги и вещи. Из допросов крестьян Мезенский уездный суд установил, что Иуда был белощельским крестьянином-старовером из рода Осташевых. После длительного рассмотрения дела суд вынес решение: наказать крестьян, почитавших место захоронения, плетьми, а «амбарчик» и «избу» Иуды оставить «запечатанными впредь до повеления».

В начале XX века крестьянин села Усть-Вашка Ф. Ф. Ляпушкин вознамерился построить над могилой Иуды Конещельского церковь во имя апостола Иуды, брата Господня, и создать здесь пустынь. Обращаясь в 1904 году к епископу Архангельскому и Холмогорскому Иоанникию (Казанскому) с просьбой дать разрешение на строительство церкви, Ф. Ф. Ляпушкин сообщал, ссылаясь на «сохранившееся предание», что Иуда был иноком Ущельского монастыря, учеником Иова Ущельского; после мученической кончины Иова в 1628 году от рук разбойников Иуда якобы ушел вверх по реке Мезени и поселился на речке Попьюге, где пребывал до конца своих дней в молитвенных трудах.

В том же 1904 году в своем рапорте Архангельской консистории священник Ценногорского прихода о. Александр Афанасьев, о котором известно, что он сам прибегал к помощи Иуды, писал, что «в Белощельском приходе, от деревни Конещельской в семи верстах 〈...〉 по сохранившемуся преданию известно, будто бы жил какой-то старец по имени Иуда, где он и окончил жизнь свою. Имеется могила, а письменных документов о сем не сохранилось. Неизвестно,

кто такой был старец Иуда, откуда и когда пришел и действительно был или не был на том месте».

Примечательно, что и сам Г. Я. Ситников в своем дневнике приводит совсем краткие сведения о происхождении Иуды, умалчивая о его пребывании в Ущельском монастыре.

Записи в дневнике Г. Я. Ситникова явно ориентированы на форму посмертных чудес, которые обычно следуют в житиях за рассказом о смерти святого. Они предельно фактографичны, начинаются с точного указания даты описываемых событий, нередко излагаются от лица свидетелей чудесных происшествий. Чудеса Иуды Конещельского свидетельствуют о том, что в конце XIX века этот угодник воспринимался прежде всего как покровитель животных. Жители Лешуконья обращались к Иуде в случае пропажи или болезни скота, принимая обет поставить свечу над его могилой, испечь «коровашки» (маленькие хлебцы) для нищих и «поминать» Иуду.

Культ Иуды Конещельского — неканонизированного угодника, о котором, кроме имени, доподлинно ничего не известно, — по сути, находится на границе между крестьянской магией и церковным благочестием. Не случайно весьма противоречивым было и отношение местного духовенства к народному почитанию Иуды. Так, Г. Я. Ситников рассказывает о попытках священника из дер. Койнасово Евграфа Калинникова разрушить часовню Иуды, «чтобы не ходили больше люди по овещанию к Юды» (см. с. 141 наст. изд.). Священник Евграф получил от «духовных властей» разрешение на ликвидацию часовни. Но когда его помощники приступили к делу, Евграф ослеп и был прощен и исцелился только после того, как дал обет больше не разорять Юдину часовню. Среди лиц, обращавшихся за помощью к Иуде в связи с пропажей животных, Г. Я. Ситников называет и местного священника о. Алексея.

Почитание Иуды Конещельского сохраняется на Севере до настоящего времени, причем не только в Лешуконье. В Юдину пустынь по-прежнему приходят молиться и просить о помощи, оставляют в часовне обетные приношения: одежды и полотенца, а также свечи, монеты, тетрадки с разными пожеланиями.

Рассказами о чудесах Иуды Конещельского и Иова Ущельского содержание дневника Г. Я. Ситникова не исчерпывается. Автору дневника являлись в «тонком сне» и некие безымянные святые, а также св. Матрона Цареградская и св. Феодосий Угличский и Черниговский, во сне он видел саму Богородицу. Сон и явь причудливо совмещаются в сознании Г. Я. Ситникова, он рассказывает о своем общении с бесом, поселившимся в голове одержимой женщины, и с неким соловецким юродивым, явившимся ему во сне.

Отсутствие ощущения четких границ между миром реальным и трансцендентым, «тонкое» духовное зрение и глубокая вера в неизменное участие сакральных сил в жизни человека — таковы особенности внутреннего мира рус-

ского мужика, которые питали его потребность в старинных жанрах древнерусской литературы.

Одним из таких жанров были Видения. Во второй половине XVII—XVIII веках, преимущественно среди старообрядцев, становятся популярны древние Видения и появляются новые произведения этого жанра. Нередко они помещаются в иллюстрированные сборники среди произведений о конце света. Немало Видений было записано и позднее — в XIX—XX веках.

Видения потустороннего мира в древнерусской литературе имеют давнюю традицию. Большой интерес у древнерусского читателя вызывали такие переводные и оригинальные произведения этого жанра, как видения из Житий Василия Нового, Андрея Цареградского, Видение Козмы игумена, Видение Антония Галичанина, Видения из Волоколамского патерика и многие другие. К Видениям примыкают сказания о «хождении» в загробный мир: Хождение Богородицы по мукам, Сказание отца нашего Агапия и др. Поздние Видения — XVIII—XX веков — в целом сохраняют жанровый канон и эсхатологическую топику древнерусских сочинений.

Другая традиция, которая связана с Видениями XVIII—XX веков, — это устные рассказы об «обмирании» (о посещении душой того света во время летаргического сна). Многие Видения представляют собой не что иное, как письменные фиксации таких устных рассказов. Общие мотивы сближают видения с духовными стихами и сказочно-легендарными текстами о пребывании человека на том свете.

Видения XVIII—XX веков достаточно разнообразны по своему происхождению и содержанию. Визионерами являются здесь старообрядцы разных согласий (Видение некоей старухи; «Сказание о дивном видении» девицы Маргариты, 1804 г.), монахи и монахини (Видение старца Макария, 1845 г.; «Чудесное сновидение» Феклы, 1902 г.), крестьяне (Видение крестьянина Семиона Федотова, 1788 г.; Видение девицы Пелагеи, 1818 г.), горожане («Видение рабы Веры», 1962 г.; Видение Клавдии Устюжаниной, 1964 г.).

Принадлежа к дидактическим жанрам, Видения не случайно использовались в Средние века в полемических — религиозных и политических — целях. Многие видения XVIII—XX веков сохраняют эту важнейшую жанровую функцию: в эти времена они писались старообрядцами поповского толка — против беспоповцев, представителями господствующей Церкви — против старообрядцев, христианами — против атеистов и революционеров. Визионером в этих полемических сочинениях часто оказывается человек, сомневающийся в каком-либо религиозном вопросе, стоящий перед выбором.

В другой группе Видений полемика по религиозно-обрядовым вопросам уступает место проповеди морального закона. Предметом осуждения являются здесь немилосердие к нищим, небрежение постом и молитвой, лечение у «чародеев», пьянство, блуд и т. п. Таких видений удостаиваются, как правило, греш-

ники, которые должны по возвращении души в тело покаяться или даже стать проповедниками христианской веры.

Нередко видению предшествует тяжелая болезнь визионера, во время которой он размышляет о своей посмертной участи, призывает смерть, подвергается притеснениям со стороны родственников. В видении ясновидец получает ответ на свои размышления, убеждается в ничтожности земных страданий перед загробными, иногда узнает дату своей смерти.

За каждый грех, совершенный на земле, человека ожидает на том свете расплата. И все же эсхатология, какой она предстает в Видениях, не оставляет чувства абсолютной безысходности. Ее пафос не только в неотвратимости загробного воздаяния, но и в том, что покаяние возможно даже для «великого грешника». Покаяние, молитва за усопших, милостыня дают надежду на спасение. Указание путей к нему и составляет в конечном счете основное содержание Видений.

С древних времен неоднократно обсуждался в истории христианской мысли вопрос о том, вечно ли зло, адский огонь, муки грешников, злоба дьявола против Бога, или же по истечении времен адский огонь погаснет, грешники будут прощены, а вместе с ними и родоначальник зла дьявол со всем своим воинством, и тогда произойдет всеобщее единение с Богом, всеобщее восстановление, или, в терминах православного богословия, — апокатастасис. Решение этого вопроса и составляет суть христианской эсхатологии. Теория апокатастасиса была разработана крупнейшим александрийским богословом древности Оригеном (III в.) и позднее нашла своего сторонника в лице св. Григория Нисского (IV в.). Однако то неразрешимое противоречие, в которое она вступала с концепцией свободы воли, не позволило ей стать точным выражением церковного учения о конечных судьбах мира. Во времена «оригенистских» споров, на поместном Константинопольском соборе 543 года, подготовившем решения V Вселенского собора 553 года, учение об апокатастасисе было предано анафеме.

Наиболее известной древнерусской версией сюжета о покаянии дьявола является «Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков (XIV в.), а в XVII веке (1627 г.) опубликованное типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой и включенное Димитрием Ростовским в «Книгу житий святых» под 17 января как приложение к «Житию Антония Великого» (публикацию повести и комментарии к ней см.: наст. изд. Т. 8. С. 528—533, 578—579). Бес Зерефер является в облике человека к некоему святому старцу, желая узнать у него, вернет ли Бог демону его прежнее ангельское достоинство, если тот искренне покается во всех своих грехах. Старец сообщает бесу, что Бог готов принять его покаяние. Но Зерефер сам отвергает предложенный ему путь спасения, поскольку не может смириться перед Творцом и отказаться от своей гордыни. «Древнее зло ново добро быти не можетъ» — таков нравственный итог этого произведения.

По-видимому, не ранее XVIII века в русской книжности появились новые произведения, в которых тема дьявольского покаяния получила противоположное — «оригеновское» — решение. Две повести на этот сюжет возникли в старообрядческой среде: «Повѣсть, како един бесъ прииде въ покаяние. Патерикъ Скитский» (далее — «скитская» повесть) и «Патерик Синайский ⟨...⟩. Повѣсть дивна, како покаяся бѣсъ и проси у старца креститися» (далее — «синайская» повесть). Произведения известны в нескольких списках XIX—XX веков.

Отличаясь друг от друга отдельными мотивами, повести воспроизводят одну и ту же сюжетную схему: старец встречает в пустыне беса, призывает его к покаянию — бес выражает первоначально сомнение в возможности своего возвращения на небо, однако в конце концов подчиняется старцу — нечистая сила пытается помешать бесу совершить покаяние, но это ей не удается — старец заставляет беса петь «божественную песнь» «Иже херувимы» или «Отче наш» — с неба слетают два ангела, возвращают бесу его прежний ангельский вид и возносят его на небеса.

Ссылки в заглавии обеих повестей на древние патерики — Синайский и Скитский, откуда они якобы извлечены, красноречиво свидетельствуют о сознательной ориентации авторов на традиции древнерусского патерикового повествования. С патериковыми «словами» повести роднят их дидактичность, лаконичность, занимательность изложения, особенности построения, а также целый ряд образов и мотивов. Типичной для патериковых рассказов является сама коллизия обеих повестей — столкновение пустынника и беса, испытание ими силы друг друга. Ссылка на рассказчика («Поведа намъ авва Пиминъ...»), от лица которого и ведется дальнейшее повествование в «синайской» повести, — традиционное начало патериковых «слов».

Одним из источников «скитской» повести послужила «Повесть о бесе Зерефере». Автор «скитской» повести обращается к «Повести о бесе Зерефере» в кульминационной части произведения — в рассказе о покаянии беса и, по существу, вступает в прямую полемику с древним сказанием. В отличие от Зерефера бес не скрывает здесь своей инфернальной природы, он принимает разные страшные образы, чтобы «прельстить» старца и погубить его. Но после беседы со старцем бес кается в своих грехах и ради возвращения на небо произносит те слова, которые согласно «Повести о бесе Зерефере» являются условием дьявольского спасения («Азъ есмь древняя злоба! Азъ есмь омраченная прелесть! Азъ есмь мерзость запустѣния!»), произнести слова покаяния ему, в отличие от Зерефера, «не мерско», но «сладко и радостно».

Вместе с тем образ самого старца лишен в «скитской» повести однозначной трактовки. Добродетельный старец, «мужъ смысленъ», который «козни дияЕвольския ни во что же вмѣняше», оказался гордецом, посчитавшим себя выше другого, пусть даже и самого «последнего», грешного существа — беса («Онъ есть духъ и тма, азъ же есмь свѣтъ»). Повесть заканчивается посрамлением

старца: посчитав себя неизмеримо выше беса, старец не закрыл уши во время пения бесом херувимской песни, полагая, что сможет устоять на ногах, но упал на землю. Вознесение беса и падение старца — таков неожиданный финал повести. «Первый» и «последний» поменялись местами: «грешник» оказался «святым», а «святой» — «грешником».

«Скитская» и «синайская» повести получили распространение в старообрядческих рукописях в те времена (XIX—XX вв.), когда, по словам П. А. Флоренского, «чуть ли не в каждую душу закрался вульгарный оригенизм — тайная уверенность на окончательное „прощение" Богом».[1] Тема падшего духа, его противоборства с Богом и надежды на прощение активно разрабатывалась русскими поэтами-романтиками вслед за их европейскими предшественниками (Мильтоном, Байроном, Муром, де Виньи и др.). Мятежный демон, уставший наконец творить зло, вспоминающий об утраченной гармонии с Богом и мечтающий вновь встать на путь добра, — традиционный образ романтической демонологии (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Подолинский, В. Г. Тепляков, М. Ю. Лермонтов и др.). Патериковые и народные легенды на этот сюжет послужили источниками для произведений А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева, Арсения Несмелова. В 1941 году известный русский богослов С. Н. Булгаков в одном из очерков книги «Невеста Агнца» вновь вернулся к обсуждению теории апокатастасиса. По его мнению, возвращение сатаны к Богу, «соединенное с началом его раскаяния», неизбежно: «...быть верховным архангелом, Денницей, — таковым призвал его к бытию Творец».[2] В «скитской» и «синайской» повестях языком народной легенды излагается та же богословская идея.

Одним из наиболее знаковых жанров древнерусской литературы являлась литургическая гимнография. С наступлением Нового времени не отмерла потребность в этом жанре: Службы русским святым продолжают создаваться и по сей день. Такова Служба пустозерским мученикам протопопу Аввакуму и его соузникам («Месяца апрелия в 14 день. Святых священномученик и исповедник, протопопа Аввакума, иерея Лазаря, диякона Феодора и инока Епифания, иже в Пустозерске сожженных»), созданная в 1918—1920 годах старообрядческим духовным писателем и апологетом преосвященным Иннокентием (Усовым), епископом Нижегородским и Костромским, впоследствии митрополитом Белокриницким.

Епископ Иннокентий (Усов) (23.01.1870—16.02.1942), автор многих статей и книг, посвященных духовным вопросам и полемике с представителями господствующей Церкви, был рукоположен во епископа в 1903 году. Смолоду он обучался иконописанию, в кон. 80-х—нач. 90-х годов XIX века вместе со своим

---

[1] Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. С. 208.

[2] Булгаков С. О Богочеловечестве. Paris, 1945. Ч. 3: Невеста Агнца. С. 568—569.

духовным наставником Арсением Швецовым, впоследствии епископом Арсением Уральским, организовал близ Нижнего Новгорода типографию и мастерскую по изготовлению гектографированных изданий; был основателем журналов «Старообрядческий вестник» (1904) и «Старообрядец» (1906—1907), принимал участие в заседаниях Петроградского религиозно-философского общества; после 1905 года создал в своей епархии мужской монастырь, где был воздвигнут храм с пятью алтарями, один из которых имел посвящение (1912) во имя протопопа Аввакума, священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания. В 1920 году владыка Иннокентий эмигрировал из России, некоторое время жил в Югославии, затем в Румынии, с 1920 года был епископом Кишиневским. После установления в 1940 году советской власти на правобережье Днестра был переведен на Тульчинскую кафедру. В 1941 году возведен в сан митрополита Белокриницкого, но при вступлении Румынии 22 июня 1941 года в войну с СССР был выслан в Яссы. Скончался и похоронен в Румынии.

В годы Гражданской войны епископ Иннокентий поддерживал Белое движение, активно выступал против коммунистического безбожия. Известно, что он читал в Добровольческой армии лекцию под названием «В защиту религии». Ему принадлежит «Молитва об избавлении России», в которой обращены к Богу такие слова: «Сохрани мир свой от пагубы воинствующаго безбожия, избави страну Русскую от враг Твоих, терзающих и убивающих тьмами ни в чем не повинных людей, а наипаче верующих в Тя, упокой во Царствии Твоем всех умученных оружием и стрелянием, гладом и мразом и иными смертями от человеконенавистных слуг диавола. Приими оружие и щит и восстани на помощь нашу. Простри нам с высоты славы Твоея руку помощи, и укрепи волю и силы наши поразити и низложити злолютых врагов рода человеческаго ⟨...⟩. И свободи землю нашу от тяжкаго ига ненавистнаго владычества богоборцев...».

Именно владыку Иннокентия описал М. М. Пришвин в четвертой главе своего очерка-повести «У стен града невидимого» (1909): «Маленький черный монашек с нервным, интеллигентным лицом сидит за круглым столом, читает книгу. Какую? „Юлиан Отступник" Мережковского... Два-три слова о романе, и мы знакомы». В ходе завязавшегося разговора епископ высказывается в пользу «полного разграничения земной Церкви и земного государства». «В душе старообрядцев, — замечает по этому поводу Пришвин, — есть два таинственных круга. Один круг государственный, другой — религиозный. Эти круги где-то пересекаются, и на месте их пересечения сидит-глядит зверь-антихрист».[1]

Существует одно весомое историческое свидетельство, позволяющее считать, что древнейшая Служба протопопу Аввакуму была создана уже в начале XVIII века, а возможно, и несколько раньше, на рубеже XVII—XVIII веков:

[1] Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 398.

об этой Службе, обращавшейся, по некоторым сведениям, среди керженских старообрядцев, упоминает в своем миссионерском антистарообрядческом трактате «Розыск о раскольнической брынской вере», написанном в 1709 году, Димитрий Ростовский. Однако керженская служба до наших дней не сохранилась. В Службе, творцом которой был епископ Иннокентий, обращают на себя внимание два фрагмента, которые при известных обстоятельствах могли бы быть истолкованы как следы первоначальной, созданной еще в начале XVIII века, Службы. В первом каноне новейшей Службы, посвященном всем пустозерским мученикам, читаются такие строки: «Огненным пламенем сожжении, святии исповедницы, *сохраните жилища наша от огненнаго запаления* и душа наша от огня вечнаго» (2-й тропарь 4-й песни первого канона). В другом каноне этой Службы, посвященном «Аввакуму единому», читаем: «В чюждую Египетскую страну избегшая с предвечным Младенцем от Ирода Богородице, *сохрани избегших от злых гонителей*, покрывая их покровом милости своея» (богородичен 3-й песни второго канона).

Если бы Служба епископа Иннокентия была составлена до 1917 года, приведенные строки могли бы означать только одно — они написаны в конце XVII—начале XVIII века, когда были столь актуальны старообрядческие «гари» и бегство противников никоновой реформы от их преследователей, — на Керженец, в Сибирь, в «леса и на гора». «Литературный слух» как будто подсказывает нам (по особенно устоявшемуся типу словесных формул: «огненное запаление», «злые гонители»), что перед нами следы древнейшей Службы XVIII века. Но в том-то и дело, что мы имеем перед собой творение «древнерусской литературы после Древней Руси», где древние формы могут органично воспроизводиться заново в новейшем памятнике словесности. И остается гадать, относятся ли тексты процитированных тропарей к ситуации рубежа XVII—XVIII веков или же в них идет речь о событиях Гражданской войны XX века, когда безжалостные «огненные запаления» человеческих жилищ и бегство людей, не только старообрядцев, с насиженных мест от «злых гонителей», их собственных соотечественников, сделались столь же актуальны, как и во времена Раскола.

Вот мы и подошли к теме, от которой никак нельзя уйти при разговоре о старообрядчестве, — о том, как события XVII века повлияли на события 1917 года и последовавшей затем коммунистической эпохи. Первым заговорил на эту тему А. И. Солженицын; именно он первый увязал события XVII века с событиями 1917 года, громко сказав о том, что во многом события 17-го года — это «эпилог, трагическая развязка другой, неизмеримо более глубокой и продолжительной трагедии, которая свое начало имеет в национально-религиозном кризисе XVII века».[1]

---

[1] Солженицын А. И. Письмо из Америки // Вестник Русского Христианского Движения. 1975.

Сегодня мы можем сказать, что старообрядческий XVII век был пророчеством о 1917 годе в России, его глубинной причиной и первым этапом. Потому и повторилась через 200 лет мольба о спасении нашего народа от злых гонителей, от насланного ими «огненного запаления».

Повторилось многое. Рассеяние русской эмиграции так называемой первой волны — вовсе не уникальное явление русской истории XX века. Чем как не рассеянием и эмиграцией было бегство старообрядцев XVII—XVIII веков в Сибирь, Польшу, Турцию, Австро-Венгрию? И понятие «новомученики» — вовсе не уникальное понятие, родившееся в России XX века для обозначения тех, кто был убит за веру коммунистическим режимом. Гораздо раньше это понятие — «новые мученики», «новые страдальцы», «новые страстотерпцы» — возникло в старообрядчестве и стало сопровождаться деятельностью по выявлению и собиранию сведений о тех, кто пострадал за веру в результате Раскола; примером такой подвижнической деятельности является «Виноград Российский» Семена Денисова, созданный в конце первой трети XVIII столетия и растиражированный в течение XVIII—XX веков во множестве рукописных списков старообрядцами самых разных областей России.[1]

И потому слова «древнерусского» гимнографа XX века владыки Иннокентия (Усова) из Службы пустозерским мученикам, написанной им во время Гражданской войны в России, воспринимаются с двойной пророческой силой, от имени как XVII, так и XX века: «Ходатаицу приводим Ти Матерь твою, Христе, воззри милостивым си оком на достояние Твое, и сохрани нас от страха и бедствий, *грядущих на вселенную*» (богородичен 6-й песни первого канона).

Н. В. Понырко

---

[1] Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 250—266.

СКАЗАНИЯ ОБ ИОСИФЕ ПРЕКРАСНОМ В ОБРАБОТКЕ КРЕСТЬЯНИНА-СТАРООБРЯДЦА И. С. МЯНДИНА

О ПРЕКРАСНѢМ ИОСИФѢ*

Из двенатцети сыновъ Ияковлихъ* одинъ прекрасный Иосифъ былъ утѣшением его старости, ибо Ияковъ, оплакивая свою прелѣстную Рахиль,* только утѣшался Иосифовыми премудрыми разговорами. И сего ради зѣло любляше Иосифа, паче же за красоту и премудрость его. Братия же Иосифова зѣло ненавидяще его, паче же того ради, понеже Иосифъ сония расказалъ братиям, якобы видѣлъ онъ: на поли снопы ихъ кланялись Иосифову снопу, таже паки одинатцеть звѣздъ кланялись одной звѣздѣ, за что Ияковъ возбранилъ Иосифа много расказывати, да не в завидѣние возбудитъ в братиях.

Во единъ от дний прииде ко Иякову дѣвица именем Селима,* зѣло млада и прекрасна, дщи бывши Нахорова, брата Рахилина.* Умерши бо родителю ею, оста она сиротою, Ияковъ же взя к себѣ и соблюдаше ю, яко зѣницу ока. По времени же и обручи ю прекрасному Иосифу, и готовляху к браку, понеже и Селима взаимно любяше Иосифа, якоже и онъ. Сего ради болии завистию одержими бѣяху братия на Иосифа, паче же Симионъ,* зане хотяше Селиму пояти себѣ в жену. Того ради со стады отидоша в гнѣвѣ велицѣ далече от жилища своего и помышляху, како бы имъ Иосифа погубити.

Ияковъ же, приготовивши все к брачьному празднику, и Селима, украсивши вмѣстѣ с возлюбленым Иосифом брачную сѣнь, точию ожидаху братию. Минувши же много времени, а они не являхуся. Тогда Ияковъ рече Иосифу, сыну возлюбленному: «Что бысть дѣтем моимъ, яко доселѣ не приидоша со стады своими? Но возми брашно[1] и пойди видѣти ихъ, и скоро возвратися ко мнѣ». Иосифъ же взя потребная и хотя итти. Селима же, яко предчювствуя долгую разлуку, с плачем провожаше его. И долго по пути провожаше очима. И, яко скрыся, тогда иде в жилище Ияковле печальна.

Иосифъ же долго искаше братию по пустыни. И позна мѣсто от нѣкоего пастыря, с радостию многою потече к нимъ на цѣлование. Но они, яко звѣрие лютии, на него устремишася и, нимало не внимаху слезному молению его, абие[2] ввергоша его в ровъ, глаголюще: «Се тебѣ и господьство над нами!» Потомъ начаша торжествовати, аки бы побѣдивше врага. Ядущимъ же имъ и веселящимся, внезапу воззрѣша на страну[3] и видѣша купцей измаильтянъ,* едущих на верб-

[1] пищу, угощение; [2] тотчас же; [3] в сторону.

людѣхъ. И рѣша в себѣ: «Лучше есть да продамы юношу сего купцем — и мы без печали будем». И совѣщаша цѣну за Иосифа и продаша его. И тако праведный Иосифъ иде в чюжу землю в работу[1]. И на пути плакася горько на гробѣ Рахили,* матере своея, до*н*деже[2] и очима его опухнути. Се же видѣша купцы, утѣшиша его и обѣщашася в хорошее мѣсто его определити.

Ияковъ же, отецъ его, и Селима не вѣдущи Иосифу нещастнаго приключения. Братия же его окровавиша Иосифову ризу, и, егда точию помышляше Ияковь о возвращении и мечташе скоро узрѣти Иосифа, абие зритъ посланную братиями ризу Иосифову окровавленную кровию юнчею[3]. И яко громом поразило Израиля о такомъ внезапном событии над возлюбленым. Сего ради Иосифа ради плачь сотвориша Ияковъ и Селима на многи дни. Хотя Иякова и увѣряли сыновья, что Иосифа изъялъ звѣрь и они ризу нашли на пустом мѣстѣ, но Ияковъ тому не вѣрил, а потому и оплакивалъ возлюбленнаго, что его злодѣи умертвили.

Купцы же измаильтине продали Иосифа князю египетскому Петерфию, и бѣ у него рабом с пастыри на пажити скотстѣй, и над ними былъ началник лютый и золъ зѣло, но Иосифъ из него сдѣлавъ кроткаго друга. И ко удивлению всѣхъ пастырей из древъ палмовых и дерна сотвори Иосифъ прекрасную сѣнь[4], и цвѣтами ю украсил, и лиру,* чего ради звукъ лиры и видѣния сѣни привлекалъ многих окрестны*х* пастырей ко Иосифу. Добродѣтели, премудрость и красота его всюду была извѣстна.

Слышавши се и госпожа Иосифова Далука,* которая красотою в то время цвѣтяше во Египтѣ, яко нѣкая земная богиня. И повелѣ рабом своим вести себя в пастырьския жилища в то время, егда у сѣни Иосифовой вси пастыри приношаху со Иосифом жертву Богу Израилеву и, веселящеся, послушаху лиру Иосифову. И абие внезапу узрѣша жену Петерфириеву, едуща на колесницѣ. И воззрѣнием абие на Иосифову красоту Далука такъ уязвися любовию, что не могла она утаитися. А потому мужу своему князю Петерфирию* скоро повелѣ раба Иосифа взяти во свои чертоги на службу, гдѣ мняше скорѣе склонити его на свою сторону. Сего ради каждый день новыя ризы[5] и украшения различныя Далука на себя возлагаше и благими мастьми мазашеся Иосифа ради. Праведный же ни возрѣнием не смѣя к Далукѣ касатися, но точию служа господину своему со всяким усердием. Петерфирий же постави его за усердную службу над всѣм имѣнием своим господином.

Госпожа же его, видя себя в небрежении от раба своего Иосифа, чюдяся[6]. Потомъ нача сама глаголати к нему: «О, милый Иосифе, чесо ради гнушаешися мене, госпожи своея, возлюбившия тебѣ сердечно? Почто убѣгаеши и не повеселишися со мною? Почто не идеши в мои обьятия, яко же и се

---

[1] в рабство; [2] дондеже — здесь: до такой степени, что; [3] теленка, бычка; [4] навес, беседку; [5] верхние одежды; [6] удивлялась.

бози наши любящеся?» И со словом показа на Венеру обнаженную, держащую Марса во обьятиях своих.* Возрѣвъ же Иосиф на истуканныя идолы, рече к Далукѣ: «Се безчювствени суще идолы, мы же чювствени, и сего ради неподобно есть у жива мужа любити жену, такоже и мнѣ, уже имѣющу обрученную невѣсту, помышляти о тебѣ, ибо азъ боюся Бога отца моего Израиля». Далука же, яко не возможе Иосифа ни словом, ни добротою ризъ прельстити, помысли себя обнажити донага и со словомъ сверже с себя всѣ одежди и покровы и показа Иосифу всѣ прелѣстныя и нѣжныя члены. И схвативъ за ризы Иосифа, и влече к себѣ на скверное дѣло. Иосифъ же, призвавъ Бога Израилева, и сверже ризу, и остави ю в руках Далуки, самъ же скоро из ложницы вонъ избѣжа.

Избѣжавшу же Иосифу из Далукиных обьятий, ужасеся Далука, зря ризу Иосифову в руках своихъ. Тутъ Далука излила весь гнѣвъ на Иосифа и показа Петерфирию с сими словами: «Виждь поступки своего купленнаго раба, что сотворилъ твоей вѣрнѣй сопрузѣ, не довлѣ[1] ли ему власть над всѣмъ твоим имѣнием, восхотѣ и меня поругати!» Петерфирий же, видя в руках Далукиных Иосифову ризу, паче же и самую распущеными власы и открытою грудью, вѣрова словесем жены злыя. Разгнѣвася на Иосифа Петерфирий, абие повелѣ без испытания в темницу вовреще.

Иосифъ же, ощути себя в таком заключении, нача молитися Богу Израилеву, яко да подастъ ему терпѣние. Далука же, оставшись во своих полатахъ, не могла наитти нигдѣ покоя себѣ, она пошла и ко Иосифу в темницу. Но какъ же она удивилась, когда при свѣтѣ увидя Иосифа, спящаго преспокойно и во снѣ разговаривающа с Селимою своею! Скоро возвратилась во свои чертоги Далука, нося с собою сердце Иосифово.

В то время согрѣшиша два раба царя фараона: старѣй[2] хлѣбарем* и старѣй виночерпиям.* И царь повелѣ вовреще в темницу обоих тут же, гдѣ находился и Иосиф. И какъ же они удивились, когда увидѣли себя вмѣстѣ с жидовином! Сего ради по гордости своей не хотѣли с ним разговаривать, но, однако же, Господь скоро прославилъ праведника.

Во единъ от дний рабы фараоновы видѣша сны, зѣло устрашили ихъ. В то время вниде Иосифъ служити мужем онѣм по обычаю и видѣ ихъ сѣдящих в недоумѣнии, и нача вопрошати. И яко по многом вопрошении не отвѣщаша, тогда Иосифъ паки рече с тихостию: «О, мужие, повѣдите[3] ми, яже что ради бысте в печали, или сония васъ устрашиша, или ино что?» И яко видѣша Иосифа прилѣжно вопрошающа, рекоша ему: «О, юноше, аще можеши разрѣшити[4] сония, то повѣдаем ти». И рече Иосиф: «Богъ мой скажет вамъ сония ваша мною, рабом своим». И нача первый: «Азъ видѣв, яко несохъ в корзинѣ на главѣ моей хлѣбы и

[1] довольно, достаточно; [2] то есть старейшина; [3] поведайте; [4] разгадать, объяснить.

прилѣтѣша птицы, и растерзаша мене». И рече Иосифъ: «Тебя царь заутра повелит повѣсить, и тако будут птицы клевать тебя».

И нача другий: «Азъ видѣвъ: источивши из винограда в чашу вино и подаяхъ ю царю». «Тебя фараонъ ученитъ в первый чинъ, и будешъ ему паки подавать в чаши вино», — сказал Иосиф, присовокупи и то: «Егда будеши в чести, помяни и меня».

Наутрие царь фараонъ испыта обоихъ и нашелъ хлѣбаря виновнѣе и казни его, а виночерпѣя учини в первый чинъ. И виночерпий в чести и славѣ забылъ про Иосифа.

По двою лѣту фараонъ, царь египетский, во снѣ увидѣлъ два сна, превосходящии умы всѣхъ мудрецов египетскихъ, и никтоже не можаше разрѣшити ихъ тайны. И сего ради царь фараонъ в недоумѣнии бысть. Тогда старѣй виночерпиям приступи к царю и сказа ему о Иосифѣ и о снах их.

И абие Иосифъ со всякою честию изводится ис темницы и предста пред лице фараоново. И нача царь глаголати ко Иосифу: «Азъ слышах, яко сония можеши разрѣшити». И рече Иосифъ к фараону: «Богъ мой может разрѣшити сония ваша, царю, мною, рабом твоим, но повѣси[1] ми сны оны нынѣ».

Тогда нача царь: «Азъ видѣхъ, — рече, — 7 кравъ тучных, исходящих из моря, и 7 сухощ*авых*, и пожроша оныя тучных. И паки 7 класовъ добрых и 7 пустых, и пожроша пустыя добрых. И тако азъ убудихся». Тогда рече Иосиф к царю фараону: «Сны твои обои едино возвѣщают: 7 лѣт хлѣбородных и 7 неурожайных. И сего ради да изберет царь мужа праведна и мудра и да наполнит пшеница довольно в урожайныя годы, чтобы довольствовались в неурожайныя».

Слыша сие царь фараонъ, дивися премудрости Иосифовой и рече: «Кого имамъ избрати, кромѣ тебя, праведна и в премудрости сияюща!» Иосифъ же со смирениемъ отговариваяся такой чести. И сего ради вси вельможи другъ пред другом хотяще восхитити той великий сан, но фараонъ, зная корыстолюбие своихъ вельможь, усугуби прозбы ко Иосифу, да не оставит людей бѣдных. И егда согласившись Иосифъ на приятие того сана, абие царь фараонъ посади его на свою колесницу и вда ему свой жезлъ царский. Иосифъ же всѣде на колесницѣ фараоновѣ в славѣ велицѣ и иде в палаты, уготованныя ему.

Петерфирий же, яко видѣ Иосифа в таковѣй славѣ, абие утаився вельможь и бѣжа в домъ свой. И сказа Далуцѣ, женѣ своей, про Иосифа, яко «сѣдит на колесницѣ фараоновѣ, и азъ убоявся и бѣжа, да не в гнѣв впаду». Она же, яко слыша, рече ему: «Не бойся, азъ изходатаих честь ему: аще бы не любила Иосифа паче мѣры, то не бы вверженъ былъ в темницу. Поиди нынѣ и поклонися Иосифу, онъ бо не помянет зло к тому».

---

[1] поведай.

Се же имъ глаголющимъ, абие узрѣ Далука колесницу фараонову и на ней Иосифа, шествующа с вельможами и окружающими его. Какъ Далука была терзаема, видя Иосифа, часто ездяща на колесницѣ фараоновѣ по всему Египту и собирающа пшеницу в хлѣбородныя лѣта от всего десятую часть!

Одныжды (так!) шествующу Иосифу по земли Египетстѣй, и увидя на долинахъ воды многи, и абие приказалъ своимъ слугамъ копати рвы; и изшушиша воды. И тако повелѣ сѣяти пшеницу и сыпати в хранилища. И в сии хлѣбородныя лѣта Иосиф наполни пшеницею всѣ хранилища и кладовыя.

По 7-ом лѣтѣ не принесла урожай хлѣба посѣянная пшеница, тако же и 2, и в 3 годъ. И внезапу ощутиша людие гладъ велий. Та же участь постиже и в дому патриарха Иякова. И яко услыша онъ, что во Египтѣ пшеницею довольствуясь народъ, и абие посылаетъ Ияковъ сыны своя на верблюдѣхъ со златом во Египетъ купити пшеницу.

И якоже приидоша братия Иосифова во Египетъ, абие узрѣ Иосифъ во единъ день идущих к нему чюжестранцовъ и в сихъ чюжестранцов Иосиф позна своихъ братию. И рече ко своимъ слугамъ: «Се суть соглядатаи приидоша из земли своей, коихъ надобно задержать». Се же слышавше братия Иосифова, убояшася и, падше, поклонишася Иосифу, и рекоша: «Мы не прелагатаи[1] есмы, но родныя братия, и насъ было 12, но един из насъ изяденъ звѣрьми, а другий остался со отцем. И до днесь отецъ плачется его ради». И абие Иосифъ повелѣ Симиона воврещи в темницу, и наполни вретища[2] ихъ пшеницею, и отпусти, рекъ: «Скоро идѣте в домъ свой и приведите ко мнѣ меньшаго Вениамина,* тогда вѣру иму вамъ и отпущу Симиона».

Пришедше же сыны Ияковли в домъ свой с печалию великою и повѣдаше отцу вся приключьшаяся с ними во Египтѣ, и како правитель Египта весьма яряся на нихъ. Слышавъ же сия Ияковъ, зѣло опечалися, бояся лишитися Вениамина. Но гладъ преодолѣ и любовь. Сего ради егда недоставшу пшеницы, тогда глагола Ияковь сыновом своим: «Поимѣте Вениамина и дары правителю Египта и идѣте купити пшеницу».

Шедше же сыны Ияковли паки во Египет и явишася правителю с дары своими и Вениамином. Видѣвъ же Иосиф Вениамина, единоутробнаго брата своего, нача вопрошати: «Живъ ли есть отецъ вашъ?» Тогда Вениаминъ отвѣща: «Живъ есть и молитъ о здравии твоемъ». Таже[3] изыде Иосиф в ложницу и плакася. Потом повелѣ всѣм братиям сѣсти на трапезу с ним. И нача сажати по возрасту, яко бы волхвуя чашею, называя имена, перстом ударяя. Вениамина же близъ себе посади и любезно бѣсѣдуя, вопрошая о любезной Селимѣ и о всѣхъ прочих.

По обѣдѣ же повелѣ насыпати пшеницу и злато данное возвратити тайно, и во вретище Вениаминово положити златую чашу. И егда братия Иосифова

---

[1] лазутчики, соглядатаи; [2] мешки из грубой ткани; [3] после этого, тогда.

поидоша в путь свой, зѣло хваляху Иосифа, и абие скоро гонецъ прискака к братиям Иосифовым и нача обыскивати вретища ихъ, глаголя: «Не довольствовалися есте тѣмъ, что властелинъ вамъ возвратил злато и угостил, а вы еще украли чашу, которою волхвует господинъ мой!» И найде оную во вретищи Вениаминову, и возврати паки всѣхъ ихъ ко Иосифу.

Тогда рече Иосиф к нимъ: «Воистинну прелагатаи есте, понеже чашу мою украдосте; да того ради гдѣ обрѣтеся чаша, той мнѣ да поработает». И абие Рувим* припаде к ногама Иосифовым и рече: «Молю тя, владыко, да не разгнѣваешися на рабы твоя! Повели ми остатися вмѣсто Вениамина, да некако отецъ, не видя его, с печали умрет!» Вениаминъ же стоя, плачася, ибо братия его укаряху яко татя, и прочая.

Видѣвъ же Иосифъ сие зрѣлище, не могий удержатися и рече: «Изыдите вонъ, служителие»: сам же повелѣ молчати и с плачем отвѣща к нимъ еврейским гласом и рече: «Азъ есмь брат вашъ Иосиф! Еще ли живъ есть отец наш? К тому[1] не бойтеся: вы сотвористе о мнѣ злая, но Богъ сотвори благая». Слышавше же се братия, ужасошася, Иосифъ же абие утѣшив я[2] и облызыза первие Вениамина, а потом и всѣх братию поряду[3], и повелѣ не боятися имъ. И отпусти всѣх ко Иякову с колесницами и дары: «Да вскорѣ шедше, приведите ми Иякова и вся домашния его, и жены, и дѣти ваши со скоты и имѣнием».

И абие идоша братия Иосифова в дом свой, радующеся. Егда же узрѣ Ияковъ приближающиися колесницы и конницы мнози, недоумѣвашеся: «Что се, — глаголя, — будетъ?». Мняше[4] бо: правитель Египта разгнѣвася на сыны его и хощетъ плѣнити ихъ. И абие узрѣ Вениамина и всѣх, идущых во мнозѣ веселии и радости. Сего ради болии в недоумѣнии бывъ.

Вниде же первие Вениаминъ и рече: «Радуйся, отче, яко сынъ твой живъ есть!» Удивль же ся Ияковъ о словеси семъ, таже и другия сынове рѣша: «Сынъ твой живъ есть и царствует во Египтѣ». Тогда рече к нимъ Ияковъ: «Почто смущаете духъ мой, той бо, единою звѣрми изяденъ, царствовати не может». Вениаминъ же, пришед во обьятия отча, рекъ: «Вѣру ими ми, отче, яко все, еже рекохомъ ти, истинна есть». И повѣда все случьшееся во Египтѣ, и показа ему писания и дары от Иосифа.

Несказанно возрадовася о такомъ событии Израиль. И первие Бога благодаривъ, таже воздвигся со всѣм имѣнием, и скоты, и родомъ — душъ 72, и поидоша во Египет. На пути же Ияковъ, Селима и Венеаминъ разглагольствующе точию обь Иосифѣ.

Егда же узрѣ Иосифъ приближившася Иякова, отца своего, с родом, абие поиде в срѣтение со всѣми вельможами. И срѣте Иосифъ отца своего, и спусти жезлъ свой, и поклонися отцу своему, и лобызастеся. Таже и Селима притече во обьятия Иосифова. И бѣ видѣти радость и веселие неизглаголенное. И тако внидоша вси во Египетъ.

[1] больше, впредь; [2] их; [3] подряд; [4] думал.

И прият царь фараонъ Израиля со всѣм семѣйством его, и любезно бѣсѣдова с ним. Потомъ даде царь фараонъ землю Геесинскую* Иосифову племени во владѣние. И по увеселении же Израиля с родом и празновании брака великолѣпнаго Иосифа с Селимою,* и всего Египта, Ияков преселися в земли, дарованнѣи фараономъ.

Житъ же Ияковъ во Египтѣ и видѣ сыны Иосифовы Ефрема и Манасию.* И при смерти всѣх благослови и прорече всѣмъ хотящая быти. И бысть всѣх жития Ияковля лѣт.* И погребоша его в земли, заповѣданой имъ. Житъ же Иосиф всѣх лѣт 120. И заповѣда сыном Израилевым, егда изыдут из Египта, и изнесут кости его в землю обѣтованную. И тако умре и погребенъ бысть во Египтѣ.

О ПРЕКРАСНѢМ ИОСИФѢ И О ЕЖЕ ЧЕСО РАДИ БРАТИЯ ПРОДАША ЕГО, И КАКО ПАКИ ВЗЫДЕ НА САМЫЙ ВЕРХЪ ЧЕСТИ И ВЕЛИЧИЯ И ЕГИПЕТЪ ОТ ГЛАДА ИЗБАВИ

Иосифъ же, сынъ Рахилинъ,* зѣло любимъ бѣ отцем своим Ияковом* за многую его кротость и послушание, паче же премудрость и красоту его. Сего ради братия Иосифова* завистию одержими бяху на Иосифа и мышьляху день от дни, како бы погубити праведнаго, паче же подвигшеся на гнѣвъ, того ради яко сония видѣвше о Исифѣ господьствующе над ними. И с того времени больми подвизавшеся, како бы избыти от ненавистнаго ими брата. К тому же Симионъ* болши имѣ ненависть на Иосифа за Селиму,* почти обрученую Иосифу дѣвицу прекраснѣйшую. Но Симионъ сам хотя присвоити оную себѣ в жену. Но отецъ его Ияковъ какъ любляше Иосифа, а потому и Селиму желалъ присовокупити ему какъ любимую дочь за красоту и добродѣтель ея. И уже приготовлено бѣ к браку и только дожидающе братию, отлучившихся за паствою скота. Они же нарочито отлучишася, чтобы не видѣти торжества братня или дабы исполнити свое намерение.

Видя Ияковъ, яко не возвращахуся его сынове, абие посла Иосифа, возлюбленнаго сына своего, на взыскание ихъ. Иосифъ же поиде, и Селима провождаше его с сердечным сокрушением и плачем, яко бы предчювствуя долгое разлучение. Такоже и Ияковъ, внутренно рыдая, провождаше.

Иосифъ же долго искаше братию свою. Послѣди же сказа ему нѣкий от пастырей, гдѣ обрѣтахуся сынове Ияковли. Радъ же бысть, яко услыша об них. И скоро потече на цѣлование ихъ. Они же, яко звѣрие лютие, абие[1] немилостивно

[1] тотчас.

вземше, ввергоша его в ровъ глубокъ, не внемлюще нимало жалостному молению его. Потом яко бы нѣкое торжество сотвориша — сѣдоша ясти и пити, и веселитися. И внезапу возрѣвше и видѣвше идущихъ на верблудѣхъ измаильтеских купцовъ.* И совѣщавшеся братия Иосифови продати его иностранным гостем. И абие возратиша купцей и извлекоша Иосифа из рова, и продаша гостем.

И тако быша без печали, точию боящеся отца своего, како ему явитися без Иосифа. Но обаче умыслиша окровавить ризу Иосифову и поднести ко Иякову, скоро сотвориша, какъ замыслили. Но Ияковъ, яко услышил такое внезапное приключение, постигшее по словамъ сыновьей его, якобы звѣрь растерзалъ Иосифа, возлюбленнаго его сына, и видѣ ризу его окровавлену, на плачь и рыдание обратися.

Такоже и Селима горко плакаше. Но Ияковъ, хотя и вполнѣ помышляя, что Иосифъ снѣденъ бысть от зверей, но зря ризу цѣлу и глаголя: «Его не звѣрь сьелъ, а злодѣи ободрали его и умертвили». И от того часа Ияковъ николиже обвеселися, выну[1] оплакивая злочастную судбу, постигшую Иосифа, вмѣстѣ с Селимою, ибо и она бысть причастница горести Ияковли.

Но и братия Иосифови, хотя сначалу были веселы, избывши своего ненавистнаго брата, но, увидя во отцѣ своемъ паче прежняго перемену, убояшася, и веселие ихъ на горесть обратися. И к тому в дому Ияковли не бѣ радостных восклицаний, ни пѣсней веселыхъ, ни ино что, но точию плачь и сѣтование.

Иосифъ же веденъ иностранными купцы, и узрѣ гробъ Рахили,* матери своей, на пути. И сотвори на гробѣ сугубый плачь и рыдание, яко и лице его видѣти опухло. Тогда купцы узнали, что онъ не есть рабъ, но свободный сынъ Израилевъ. И сказали ему, чтобы онъ не печалился, ибо они его ведутъ в хорошее мѣсто.

Такъ и сотворили, какъ обѣщали, ибо продали Иосифа во Египет Петерфию* князю за дорогую цену. И Перфирий князь поставилъ Иосифа над всѣмъ домомъ своимъ господином. И благословил Господь Петерфия Иосифа ради, и бѣ радость велия между рабами его.

Госпожа Иосифова — жена Петерфиева — уязвися на Иосифову красоту и начат зѣло за ним слѣдити. И ежедневно облачашеся в различно позлащенныя ризы и всячески Иосифа прельщаше к себѣ на смѣшение. Праведный же Иосифъ, видя се, убѣгаше. Единою же вниде Иосифъ в нѣкий прекрасный садъ, гдѣ Юпитеръ и Венера* въ обьятияхъ обнаженными члены другъ у друга обьемшеся. Тутъ же прибыла и Далука, жена Петерфириева,* нѣчаянно. Увидя Иосифа, какъ обрадовалась и сказала: «Вотъ ты, любезный Иосифе, от меня все бѣгаешъ, а здѣсь нѣужели нѣ видишъ, какъ любятся боги между собой!» И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: «Виждь, Иосифе, мои члены, нѣужели лучше моихъ у твоей Селимы?» Иосифъ же при таком зрѣлищи весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную. Но Далука восторжествовала,

---

[1] всегда, постоянно.

увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в обьятия. Иосифъ же спомнилъ свою Селиму и Иякава, какъ стрела из лука бросился вонъ из саду, такъ что ризу свою верхную оставилъ в руках Далукиных.

Тутъ-то злая жена и вымыслила весь свой гнѣвъ и вину свою взвалить на Иосифа. Вотъ встаетъ с мѣста и одѣваетъ свои обнаженныя уды[1] и идет к мужу своему Петерфию, показывает Иосифову ризу со словом, бутто бы рабъ Иосифъ ей чести хотѣлъ надругатися.

Какъ громом поразило такия рѣчи жены своей. Скоро приказалъ Иосифа ввергнути в темницу. Далука хотя на Иосифа и гнѣвалась, но зѣло его любила, такъ что нѣ могла имѣть покоя, а потому и принуждена была итти и в темницу. И тамъ никакъ нѣ могла соблазнить праведника ко своей воли.

В то же время согрѣшили два министра царя фараона — хлѣбарь и виночерпий,* и царь велѣлъ ихъ в темницу ввергнутъ, которыя какъ были высокаго звания, то Иосифа гнушались и нѣ хотѣли с ним разговаривать. По времени же ети министры видѣли сонъ страшенъ и были в размышлении. Ето Иосифъ увидѣлъ и сталъ настоятельно ихъ спрашивать о ихъ размышлении. Не могли отговориться от такого праведнаго мужа, разсказали все подробну, даже сны свои. На ето имъ растолковалъ сны, что хлѣбарь будет казненъ, а виночерпий — в прежнюю честь. Такъ и случилось. По времени же царь фараонъ возврати виночерпия на первую честь, а хлѣбаря повелѣ казнити. Иосифъ же виночер*пию* помолися об нем царю донѣсти, но виночерпий забылъ про Иосифа, дондеже самъ Богъ нѣ забылъ его.

По нѣмногом времени царь фараонъ египетский видѣ сны страшны, яко всѣ мудрецы египетския и волхвы халдѣйския не могуще повѣдати никакой новости. И царь в недоумѣнии бысть. Виночерпий же сказа царю про Иосифа, и абие скоро Иосифъ ис темницы приводится пред царя. И царь фараонъ расказа свои сны Иосифу и ожидалъ отвѣта от нѣго. Тогда началъ Иосифъ предсказывати судбу Божию: седмь коровь тучных означают хлѣбородныя времена, а седмь худощавых — голодныя, а потому надо найти из всего народа одного добродѣтельнаго мужа и премудра, дабы в хлѣбородныя годы собралъ хлѣба столько, сколько нужно прокормить весь народъ в голодныя годы.

Сия слышавъ царь Фараонъ, удивися и рече: «Воистинну гдѣ обрящу такова мужа, якоже ты? Тебя поставляю старѣйшиною над всѣм Египтом. И поручаю всѣ дѣла, и да напутьствуеши всѣхъ». И абие приказал облещи его в царьскую багреницу* и посади на свою колесницу, и уготовати прекрасныя полаты. Иосифъ же, хотя нѣ по охоты, принужденъ был приняти ету честь.

И начал исполняти и путешествовати. Сперва приказывал в хлѣбородныя годы собирати десятую часть в житницы, а потомъ высушил озеро и тутъ насѣяти пшеницей. Ибо Иосифъ при обьездѣ страны Египетския увидѣлъ удобныя

---

[1] члены.

мѣста, могущия учинити большую пользу народу. И в тѣ плодородныя годы они принесли много доходу от посѣву на новыхъ мѣстахъ пшеницы. И тако наполниша египетския житницы, вновъ содѣланныя.

В одинъ годъ пшеница посѣянная не принесла трудолюбивымъ земледелцамъ никакую пользу. Такъ же и в другий годъ, и в третий. И внезапно ощутили окрестныя страны гладъ велий. Та же участь постиже и патриярха Иякова. Но внезапно бысть извѣщение праведному мужу о избыткѣ пшеницѣ в Египтѣ. И абие Ияковъ посылает десять сыновъ своихъ со златомъ на верблюдах купити пшеницу во Египтѣ у доблественнаго и премудраго правителя фараонова.

Прибывше же в Египетъ, братия Иосифова абие явишася Иосифу, и онъ, призвавъ ихъ, вопрошаше о родѣ и откуду прибыли, потому что призналъ ихъ с перваго вз*г*ляду, чего ради долго ихъ распрашивалъ и наконецъ сказалъ: «Вотъ ети соглядаи чюжаго царства. Надо ихъ задержать».

Услышили сыновья Израилевы грозное мнѣние египетскаго правителя, весьма убоялись, и от страха пали Иосифу в ноги, просили помилования, расказывая, что они всѣ родныя братия и что было ихъ две*на*тцеть, и одинъ звѣрьми съеденъ, а другий остался для веселия отца.

Иосифъ, хотя зналъ ето всѣ, да нѣ вѣрилъ, а потому и вѣлѣлъ Симиона арестовать. И отпусти противъ денег братьям пшеницы и сказалъ, чтобы привезли к нему Вениамина,* иначе Симионъ не будетъ пущен.

Сыновья Ияковли привезли немного пшеницы и разсказали, что с нима произошло, отчего Ияковъ и паче опечалился, боясь лишиться Вениамина. В послѣдний день, когда ужь пшеницу съели, сказалъ Ияковъ: «Поедтѣ с дѣньгами и привезитѣ хлѣба из Египта, да нѣ голодом умрем. Возмитѣ же и Вениамина, только с уговором, чтобы не оставитъ его в Египтѣ, какъ и Симиона». Тутъ Рувимъ* взялся Вениамина сохранить, с клятвою давъ слово Иякову отвѣчать своей головою.

Вотъ сыновья Ияковли приеждаютъ в Египетъ и с Вениамином и являются Иосифу. Тутъ-то правителъ Египта паки свидѣлся с братьями, но и паче с единоутробным Вениамином, которыхъ паки вопрошал о здравии отца, Селимы и протчих. И по обычаю гостеприемства приказалъ братьямъ с собою на одной трапезѣ обѣдать, сажая ихъ по чину и старшиньству, даже имены нарицая, перстом ударяя в златокованую чашу. Вениамина же близъ себя посади и зѣло приятно с нимъ бѣсѣдуя, вопрошаше о отце и Селимѣ.

По обѣдѣ же повѣлѣ насыпати пшеницу в ихъ мѣшки и дѣньги назать возвратить, тайно и сверхъ того Вениамину в мѣшокъ чашу, которой, во*л*хвуя, называлъ имена, положити. И тако отпусти благополучно восвояси.

По отшествии же братиевъ Иосифъ посла скораго гонца вслѣдъ братьевъ, якобы обыскати украденную златую чашю. Посланный же с яростию нача испытывати о потеря*нн*ой чаши. И по обыскании же мѣшковъ найдена была ета чаша у Вениамина в мѣшку. И абие всѣх возвратиша к правителя Египта. Иосифъ же, яко гнѣваяся, рече к своимъ братиямъ: «Воистинну азъ вѣдахъ, яко

прелагатаи[1] сии люди: украли есте мою чашю, иже творих волхование, нѣ помянусте мои добродѣяния, то за ту вину да останет той в раба мѣсто, у котораго найдена бысть чаша».

Слышавъ же Рувимъ, припадъ на колѣна Иосифу, моля Вениамина отити ко Иякова, самъ в его мѣсто желая остатися в Египтѣ. И вси Вениамина укаряху яко татя, [2]даже и Иосифа сообщника его быти, глаголаху[2], за что и звѣри съели его. Вениаминъ же ничтоже не глаголя, точию[3] плачася.

Видѣвъ же Иосиф сие происшествие, едва удержася от слезъ. Послѣди же повелѣ прочим изыти ис полаты, самъ же, ставъ посредѣ братии, рекъ свѣтлым гласомъ: «Азъ есмъ братъ вашъ Иосифъ! К тому[4] не бойтеся, вы сотвористе мнѣ злая, но Богъ сотвори о мнѣ благая». Слышавше же братия, но и паче убояшася, мняще, яко Иосифъ отмститъ за обиду. Вениаминъ же радовашеся.

Тогда Иосифъ обьемъ Вениамина и прочих, рече: «Не бойтеся мщения, уже бо оставихъ, но скоро идѣте и скажите отцу моему и Селимѣ, что Иосифъ живъ есть и царствуетъ во Египтѣ, и да бы двигнулся со всѣм домомъ своимъ в Египетъ, да во время глада препитаю».

Абие сынове Ияковли [5]пути ся яша[5] и скоро до Иякова дошедше. И яко повѣдаша отцу своему такую радость о Иосифѣ, онъ же нѣ вѣровавъ, послѣди же едва увѣрился на Вениаминовы глаголы. Тогда воздвижеся и Израиль* со всѣмъ домомъ и имѣнием, и скоты, и домашними, яко до семидесяти душъ, и прииде во Египет.

Иосифъ же далече срѣте отца своего и урони жезлъ, и припадъ, поклонися царь пастырю. И облобызастася. Такоже и Селима. Тогда внидоша вси во Египетъ с веселиемъ и радостию и вселистася в земли Геесенстѣй.* И тако пожиста многа лѣта благополучно. Ияковъ же при умертвии всѣхъ сынов благослови и внучатъ. Такоже и Иосифъ прорече отшествие сыновъ Израилевыхъ, повелѣ и кости свои не оставити. И сия до здѣ[6] и прочие.

---

[1] лазутчики, соглядатаи; [2—2] даже говорили что Иосиф был его сообщником; [3] только; [4] впредь; [5—5] отправились в путь; [6] до сего места.

ЖИТИЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО, НАПИСАННОЕ АРХИМАНДРИТОМ ЖЕЛТИКОВА МОНАСТЫРЯ МАКАРИЕМ (ПЕ́ТРОВИЧЕМ)

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТФЕРСКАГО ЧУДОТВОРЦА, СОЧИНЕННОЕ ВЪ ТФЕРИ 1765 ГОДА ТФЕРСКОЙ СЕМИНАРИИ РЕКТОРОМЪ И АРХИМАНДРИТОМЪ МАКАРИЕМЪ

Печатано въ Московской синодальной типографии 1791 года.

1. Якоже плавающий по морю корабленникъ, аще и случится ему впасти въ зѣльная обуревания и опасная мѣста, обаче[1] представляя себѣ другихъ, иже от мореплавания великия получили корысти и богатства, надеждою ободряется и стремительно противъ неудобствъ ополчается, тако и намъ подобаетъ творити, о любопраздненственнии слышателие. Донележе бо есмы въ тѣлѣ, дотолѣ всѣхъ злостраданий, бѣдствий и печалей, приключающихся намъ, неудобно есть избѣжати; обаче взирающе на мужественныя подвиги святыхъ, иже, доброму послѣдующе предводителю Христу, содѣяша правду на земли и достигше къ желаемому пристанищу, получиша обѣщанный имъ от Бога вѣчныя славы неувядаемый вѣнецъ, ополчаемся крѣпко противу всѣхъ враговъ и побѣждаемъ о Христѣ. Блаженный Павелъ, аще и изчисляетъ бѣды, яже горестную творятъ жизнь, обаче присовокупляетъ, яко за то соблюдается вѣнецъ жизни.* Что убо не предпочтимъ ли краткой суетѣ житейской цѣлое небо? Аще навыкнути желаеши, чего ради, по преждеписанному, Богъ руководствует святыхъ къ Небесному Царствию, то слыши Спасителя, глаголющаго, яко нужно есть Царствие и тѣсный путь къ нему предлежитъ.* И яко злато въ горнилѣ, искушаетъ огнемъ страданий любящихъ его благоутробный Владыка, да тѣмъ всему миру изъявитъ мужественное въ святости постоянство ихъ, да дастъ намъ незыблемый христоподражания примѣръ. И да пожившии здѣ свято вящшее за понесенный кресть воспримутъ воздаяние въ будущей жизни, якоже блаженный Павелъ въ послании къ евреомъ учитъ* и якоже сей доблественный страдалецъ благовѣрный великий князь Михаилъ Ярославичь доказалъ то своимъ примѣромъ, о немже предлежитъ намъ настоящее слово.

2. Егда святый благовѣрный великий князь Александръ Ярославичь Невский по четвертомъ хождении въ Орду к Беркалю,* татарскому царю, на возвратномъ пути во градѣ Городцѣ, облекшися въ иноческий чинъ и схиму, преста-

[1] однако.

вися къ Богу,* тогда общимъ согласиемъ возведенъ бысть по немъ на великое княжение Ярославъ Ярославичь, князь Тферский, яко старѣйший братъ святаго, въ лѣто от спасительнаго промысла 1264.* Бысть убо сей двадесять первый великий князь по счислению лѣтъ от святаго Владимира,* по степени же родства седмый,* ибо Ярославъ родися от Всеволода Георгиевича Долгорукаго, иже произыде от Владимира Мономаха, сына Всеволода Ярославича, емуже в лѣто 981 даде начало святый равноапостольный великий князь Владимиръ Святославичь, внукъ Игоря Рюриковича,* российскаго князя из варяговъ.

3. Сей благовѣрный князь Ярославъ Ярославичь до возшествия на великое княжение, юнъ еще сый, обычай имѣяше въ та времена, иже избыточествоваху ему от общенародныхъ дѣлъ, увеселятися ловитвою звѣрей. Случися же ему за ловитвою отлучитися от града внизъ по Волгѣ рѣкѣ яко на 40 поприщь и обнощевати недалече от веси[1], нарицаемыя Едимоново село. Бяше же въ той веси у церковнопричетника именемъ Афанасия дщерь Ксения зѣло красна, премудра же и благочестива, юже[2] нѣкий княжеский отрокъ, зовомый Григорий, хотя въ супружество пояти, приде тамо. Егда убо усну благовѣрный князь, видитъ во снѣ нѣкое странное видѣние, еже не возможе тогда разумѣти, разумѣ же от исполнения. Потом же видитъ и вышереченная дѣвица Ксения подобное видѣние и, Богу ей открывающу, уразумѣ ясно, яко имѣетъ ю[3] пояти въ супружество князь и яко имѣетъ нѣкогда быти великою княгинею. Дню убо свитающу, воспрянувъ благовѣрный князь, воста и размышляше о сновидѣнии въ себѣ, что хощетъ быти, обаче никому онаго не повѣда. Дѣвица же Ксения приуготовляшеся, якоже мощно ей бѣ, на восприятие благовѣрнаго князя и глаголаше своимъ: «Другъ жениха моего прииде, самаго же того надлежитъ еще ожидати». Отроку же Григорию глаголаше: «Потерпи мнѣ мало, гсподине, яко на мой бракъ [4]не у[4] вси собрашася гости».

4. Между тѣмъ благовѣрный князь, Богу должныя молитвы воздавъ, по обычаю паки съ вельможами своими [5]въ ловитву дася[5]. И Божиимъ изволениемъ доспѣвши оныя веси, идѣже дѣвица Ксения живяше, воспомяну своего отрока и прииде видѣти имѣвшихъ сочетатися бракомъ. Егда же нача приближатися къ Афанасиеву дому, дѣвица, Духу Святому ей на сердцѣ глаголющу, абие[6] позна все сие и воззва къ собравшемуся на позоръ[7] народу: «Вскую вы достодолжную честь не воздаете вашему благовѣрному князю Ярославу Ярославичу, иже грядетъ съ вельможами своими наше убожество посѣтити. Изыдите во срѣтение ему скоро, яко уже приближися и входитъ», — не познаваху бо князя людие веси тоя, яко не бѣ облеченъ во своя великолѣпная одѣяния, но просто грядяше, яко единъ от велможъ. Срѣтоша убо людие благовѣрнаго князя своего съ подобающею честию и введоша въ домъ, идѣже благоразумная Ксения со отрокомъ Григориемъ, воставше, поклонишася ему. Князь же, сѣдши, воззрѣ на Ксению и

[1] селения; [2] которую; [3] ее; [4—4] еще не; [5—5] на охоту отправился; [6] тотчас; [7] достойное внимания зрелище.

проразумѣ сущыя въ ней от благодати Божия великия добродѣтели, еще же и видѣние, еже видѣ во снѣ, ту ему открыся, и рече ко отроку своему Григорию: «Друже, Богъ изволитъ, да сия дѣвица мнѣ супруга будетъ, ты убо ищи себѣ другую невѣсту». И тако, воставъ, князь поятъ дѣвицу и, шедше въ бывшую тамо святаго великомученика Димитриа Фессалонийскаго церковь,* по чиноположению обвѣнчастася. Князь бо не у бѣ сочетался бракомъ, юнъ еще сый, яко[1] двадесяти лѣтъ. Таже пришедъ въ домъ Афанасиевъ, сотвори велие учреждение[2] всему народу и, обнощевавъ ту, наутрие возвратися съ супругою своею во градъ Тферь, идѣже любезно срѣте его весь градъ, и срадовахуся князю своему, яко Богъ дарова ему таковую супругу, яже яко луна вся прочая свѣтила, тако та весь женский полъ красотою, мудростию и постоянствомъ превзыде, сего ради ублажаху ю, глаголюще: «Ты утѣшение граду и всему отечеству покровъ и надежда».

5. Симъ тако бывшымъ, предреченный отрокъ Григорий облечеся во иноческий чинъ и княжескимъ изволениемъ состави зѣло красный монастырь во Тфери, нарицаемый Отрочь, идѣже свято и добродѣтельно поживъ, ко Господу отъиде.* Благовѣрный же князь Ярославъ Ярославичь по томъ возведенъ бысть на великое княжение, якоже речеся, и бѣ любимъ всѣми кротости ради и другихъ добродѣтелей, яже враговъ убо страхомъ поражаху, подчиненныхъ же милостию въ слѣдъ привлекаху. Обаче велия ему печаль бѣ, наипаче же блаженнѣй Ксении, яко не бяху има чада. Начаша убо о томъ молитвами Бога умилостивляти, ибо, яко видѣти есть на святыхъ, сие едино бѣ врачевство, употребляемое древними разрѣшения ради неплодства. И тако даде имъ Богъ дщерь едину, яже потомъ уневѣстися Христу.* Зачатъ же паки Ксения богомудрая и, духомъ провидя, каково имать быти носимое во утробѣ отроча, возрадовася вельми, яко иногда[3] Самуилова мати,* и, Бога благодаря, непрестанно воспѣваше, въ пѣснехъ взывая: «Пою Богу моему, вознесеся рогъ мой, неплоды роди»,* — и подобная симъ.

6. Въ то время случися благовѣрному великому князю Ярославу Ярославичу отлучитися во Орду, [4]ово нуждъ ради нѣкиихъ общенародныхъ, ово[4] дая показания повиновения тогдашнему царю, и бывъ тамо, разболѣся вельми, почему, разумѣвъ свое ко Господу отшествие, скоро возвратися вспять, желая, да во своемъ отечествѣ [5]течение совершитъ[5], наипаче же, яко вѣдяше свою любезную супругу непраздну[6] быти. Обаче, по Божиимъ неиспытаннымъ судбамъ, желаемаго не получи. Бывшу бо ему на пути, въ конецъ изнеможе, таже призвавъ обрѣтающихся тогда при немъ духовныхъ лицъ, облечеся во святый аггелский образъ* и преименованъ бысть Афанасиемъ въ знамение ожидаемыя имъ безсмертныя жизни,* и вся благочинно устроивъ, съ миромъ тлѣнному естеству послѣдний отдаде долгъ въ лѣто от Христа 1271. Взяша убо бывшии тамо тѣло святаго князя и, опрятавше[7], якоже подобаетъ толикому лицу, привезоша въ

[1] приблизительно; [2] угощение, пир; [3] некогда; [4—4] и..., и; [5—5] жизнь закончит; [6] беременну; [7] приведя в надлежащий вид перед погребением, приготовив к погребению.

славный градъ Тферь, идѣже срѣтоша его съ горкими слезами вси от мала и до велика и, великолѣпно препроводивше въ церковь святыхъ безсребренныхъ Космы и Дамиана, ту погребоша его.*

7. Егда же услыша благовѣрная Ксения о семъ, кто изрещи можетъ, коликия слезы излия, коликия умиленныя произнесе словеса: «Увы мнѣ, — глаголаше, — мой любезный княже! Како увяде твоя доброта, яко кринъ[1] въ полудни от силнаго зноя! Како прекратися жизнь, исчезе слава, яко дымъ от вѣтра, яко пожатая трава, яко сѣнь, солнцу объяту тмою!* Весна зимою бысть, и паде кедръ, цвѣтущий въ Ливанѣ,* орелъ российский возлетѣ далече, и гдѣ обитаеши нынѣ, како не отвѣщаеши слова? Рцы, княже мой, что сотворилъ еси намъ? О померкни, свѣтъ! О рыдайте, друзи!»

8. Егда же преидоша дние плача, тогда исполнися время блаженной Ксении родити, и роди мужескъ полъ. Предвидя же имѣющую вселитися въ него Божию благодать и полагая упование свое на отеческий блаженный о прискорбныхъ сиротахъ промыслъ, наименова его во святомъ крещении Михаиломъ* и нача всевозможное попечение имѣти о добромъ воспитании и наставлении его, не тако бо млекомъ, яко благочестиемъ воспитоваше его.

9. И тако Богу поспѣшествующу, елико предуспѣваше возрастомъ, толико обогащашеся. Потщася бо благовѣрная княгиня Ксения обрѣсти людей добронравныхъ и смыслящихъ, имже вручи младаго князя Михаила, дабы его научили всякой мудрости книжной и добродѣтели, наипаче же повелѣ, да благочестию его наставятъ и страху Божию, премудростию и всѣми благими дѣлы. «Слышите, — рече, — что Писание глаголетъ, яко „страхъ Божий есть премудрости начало";* а дабы кто боялся Бога, якоже подобаетъ, не требуется ли къ тому истиннаго богопознания и рачительнаго богопочитания, къ нимъ же благочестие руководствомъ своимъ отверзаетъ путь. Что бо въ высокихъ наукахъ? Что въ богатствѣ и славѣ, аще кто не знаетъ всѣхъ благъ источника Бога? Якоже бо нѣкий медомъ растворенный ядъ, тако и вся мира сего красная без познания Бога. Безумныя младенцы, не могуще предусмотрѣти сущую въ змии смертоносную силу или во огни опаляющее качество, егда увидятъ сия и симъ подобная, увеселяющая ихъ зрѣние, абие стремятся къ нимъ, желая играти съ ними, яко обычай есть дѣтемъ, но от прикосновения впадаютъ въ опасность жизни, тако есть и все, еже въ мирѣ. Миръ сей, представляя намъ величие и славу, богатство же и честь, сладость снѣдей и питий различныхъ, красоту одеждъ и блистание многоцѣнныхъ вѣнцевъ, аки бы тайно на ухо шепчетъ оная диаволская словеса: „Сия вся тебѣ дамъ, аще, падъ, поклонишися предо мною, сирѣчь, аще восхощеши моимъ быти рабомъ, мое исполняти хотѣние и своей угождати плоти. Вскую[2], — глаголетъ, — трудами изнуряти младое тѣло? Вскую не употребляти мира красоту, юже Богъ состави во увеселение наше?" Тѣм же прелщаем-

---

[1] лилия, цветок вообще; [2] Зачем.

ся часто и вмѣсто Христова пути емлемся[1] за пространную жизнь, яже во дно адово приводитъ.* Разумѣете ли, яже глаголю, о премудрые мужи! Азъ изрекохъ та, яже самымъ искусомъ познахъ. Миръ сей никогдаже можетъ удоволствовати наше ненасытимое желание, но паче разгорячаетъ, елико употребляемъ мира, толико большее раждается въ насъ неудоволствие, сластолюбие и самолюбие, ихже требованиямъ и похотѣниямъ никтоже возможетъ положити предѣла. Возможно ли бо морскою водою утолити жажду или масломъ угасити огнь? Аще кто вкуситъ сладость небеснаго блаженства и уразумѣетъ, коль прекрасенъ Богъ, таковый, презрѣвъ вся, яже въ мирѣ, на оную непостижимую красоту мысленными очами съ крайнимъ удоволствиемъ выну[2] взираетъ. Сия, прошу васъ и молю, болѣе всего потщитеся сыну моему изъяснити, сие бо азъ за правило всея жизни почитаю, еже знати Бога и себе, разумѣти же мирская коварства и всякую вещь цѣнити достойно».

10. Отвѣщавше, учителие рѣша: «Мы потщимся о семъ, якоже повелѣваеши, госпоже наша, обаче блаженна ты, толикий премудрости даръ получившая от Божияго Духа; блаженъ и сынъ твой, яко удостоися имѣти таковую матерь, яже предходитъ[3] ему примѣромъ во всемъ. Аще бо и правила, преподаваемая въ наукахъ, много споспѣшествуютъ къ просвѣщению разума, обаче едино умозрѣние есть, аки тѣло бездушно, а примѣры дѣянию научаютъ и въ совершенство знание приводятъ. Едина вещь из сихъ не можетъ быти без другой. Убо потщимся добраго наслѣдника отечеству поставити, да не постыдни явимся пред Богомъ и пред тобою, лѣнивымъ бо рабомъ Божий гнѣвъ Судомъ угрожаетъ».*

11. Приемше убо учителие тии благовѣрнаго князя, воспитоваху его добрымъ наказаниемъ, якоже подобаетъ. Отрокъ же, благоразуменъ от природы сый, успѣваше зѣло въ предлагаемомъ ему учении, и вскорѣ пройде вся знания, яже въ та времена обрѣсти бѣ можно. Аще бо и княжеский сынъ бѣ, обаче о томъ ни мало не возношашеся, но учителемъ всякую воздаваше честь, глаголя въ себѣ: «Плотстии родители даша мнѣ жизнь, учители же сотворятъ тую богоугодну и отечеству полезну, убо не подобаетъ ли ихъ всячески почитати и слушати? Когда учуся, то мнѣ польза оттуду, а лѣность не нарушитъ ли должность, къ нейже Богъ мене обяза, и прелщу добрую о мнѣ имѣющихъ надежду, и раздражу учителей моихъ, и подъиму гнѣвъ, и взрасту, аки древо нѣкое, не имѣющее ни ума, ни плода. Убо подвизатися зѣло надлежитъ въ трудахъ, дондеже желаемый получу учения конецъ». Егда же въ чемъ недоумѣваше, таковыя учителямъ из неудоборазумителныхъ словесъ вывождаше вопросы, яко удивлятися имъ и глаголати: «Воистинну Духъ Святый препочи на отроцѣ семъ! Воистинну сия младая вѣтвь вся совершенства святыхъ прародителей своихъ представляетъ, яко въ зерцалѣ!»

[1] принимаемся; [2] всегда; [3] *зд.* служит, является.

12. Времени же довольну минувшу, и прилѣжно учащуся святому, доволно сокровищемъ премудрости обогатися, наипаче же потщася Бога, елико можно, лучше уразумѣти, обаче не вдавашеся продерзостно въ любопытное испытание непостижимыхъ, вѣдая, яко любопытство еретичество раждаетъ, а незнание есть суевѣрия мати. Узнавъ же Бога, дѣлаше сравнение, умомъ возлетая, яко по лѣствицѣ от тварей ко Творцу и прилѣжно разсматриваше имѣющееся между Богомъ и нами различие, отонуду[1] же стяжа совершенное познание вещей. Якоже бо хотяй[2] познати какия-либо вещи тяжесть и цѣну возлагаетъ ее на мѣрило и приравниваетъ къ извѣстному другому количеству, тако и святый Михаилъ вся прилагаше къ Богу, иже бѣ ему конецъ желанный и высочайшее добро. Отсюду увѣда явѣ[3], яко весь миръ есть игралище случайности превратныя; яко богатство есть прелесть очесъ и часть пестровидныя земли, разлучающая человѣка съ Богомъ; яко слава есть звукъ, раждающийся на воздусѣ и обращающийся въ ничто; яко вся жизнь наша есть дымъ исчезающий или трава, скоро увядающая въ полѣ;* яко похотѣния суть диаволския сѣти, а страсти — орудия смерти, имиже уязвляеми къ погибели спѣшимъ; яко плоть есть враждебница, яже по подобию Далиды предаетъ въ плѣнъ, обложивъ оковы.* Того ради святый, нигдѣ не возмогши обрѣсти тихаго спокойствия, въ немже бы моглъ безопасно от навѣтовъ препочити, къ единому устремися Богу, въ немже водворяшеся выну и радостно упокоевашеся, яко мнѣтися ему быти тѣломъ точию[4] на земли, духомъ же бѣ небесный гражданинъ, присный святымъ, и собесѣдникъ Богу. Тако миръ крайнѣ возненавидѣ и вся, яже въ немъ. Богатства, имиже изобиловаше, не своя быти мняше, но должникомъ себе почиташе убогихъ, помня еваггелскаго богатаго, осужденнаго за скупость,* домъ свой сотвори прибѣжищемъ Богу освященныхъ лицъ.* «Сии, — рече, — суть свѣтила мира, орудия Божияго Духа, имиже Божие снисхождение превлекаемъ къ намъ». Славу свою, величество же и честь тако покры смиренномудрия одеждою, яко быти ему и показоватися ничимже превосходнѣйшимъ от прочихъ. Съ убогими обращашеся кротцѣ, съ простыми милостиво, съ вельможами премудро, наконецъ плоть свою потщася всячески обуздати. «Да побѣжду тя, — глаголаше, — враже мой домашний, да злодѣйски ты мене ослѣпленнаго не вринеши въ погибель». Сия бяху размышления святаго, въ нихже, по закону свято управляя жизнь, упражняшеся день и нощь, и бѣ видѣти въ немъ вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, имиже, яко нѣкое солнце, сияше, и яко нѣкая смоковница, насажденная во оградѣ Христовой, сторичный приношаше плодъ.* Богу убо вразумляющу и святаго соблюдающу, превзыде отроческий возрастъ и достиже 20 лѣтъ.

13. Тогда блаженная Ксения, ово желая видѣти въ жизни своей благовѣрнаго князя сочетана бракомъ, ово поспѣшая удалитися къ безмолвному при-

[1] оттуда; [2] хотящий, желающий; [3] явно; [4] только.

станищу на уединение въ монастырь, ово отечеству защищения и наслѣдия скорѣйшаго желая, призва сына своего, аще и юна лѣты, но сѣдиною вышния премудрости украшена, и, сѣдши, нача глаголати къ нему сице: «Уже ты, любезное ми чадо, якоже вижу, дошелъ еси до совершеннаго возраста, безконечное убо Богу моему благодарение воздаю, яко поможе ми воспитати тя по родительской должности въ добромъ наказании[1] и страсѣ Божии. Нынѣ подобаетъ ти въ законное супружество вступити, яко единъ остался еси въ отеческомъ домѣ, дабы имя родителя твоего не истребилось от земли, и да княжество сие возъимѣетъ наслѣдника по тебѣ. Аще избираеши себѣ житие безмолвное и супружества свободное,* то разсуди самъ, что имѣетъ послѣдовати оттуду. Кто защититъ отечество от нападений вражиихъ и домъ сей, твоими прославленный предками? Кто въ цвѣтущемъ состоянии сохранитъ? Кто внутренняя возмущения, яже могутъ произойти, отвратитъ? Кто подчиненныхъ въ предѣлѣ закона удержитъ и, истребивъ, яко на лядине[2], умножающиеся въ народѣ пороки, истинныя добродѣтели насадитъ? Всякое правительство есть Божия величества сияние и горняго престола, на немже нелицеприемное правосудие сѣдитъ, орудие. Правительству убо подражати должно не точию въ дѣлахъ милосердия, но и въ дѣлахъ правосудия. Истреби волковъ, да овцы въ тишинѣ будутъ; попали терние, да чистая на нивахъ возрастетъ пшеница; сирѣчь, добрыхъ награждай, смотря на заслуги, злыхъ же наказуй, да зло истребится от земли, обаче вездѣ мѣру и равновѣсие наблюдай. Се другий тебѣ, чадо, представляю примѣръ. Владѣтель долженствуетъ быти солнцемъ, якоже бо солнце сияниемъ своимъ освѣщаетъ твари, да тако къ трудамъ возбудитъ человѣки, представляетъ красоту и безобразие вещей, да уклонившеся от зла, возлюбимъ благое, показуетъ путь, имже ходити подобаетъ да, въ яму впадше, не сокрушимся; тако есть и владѣтель: ему приличествуетъ неусыпнымъ окомъ на вся дѣла подчиненныхъ назирати и отеческий имѣти промыслъ о сохранении тишины государства, о вспоможении и возбуждении народа, да въ должности своей нелѣностно пребудетъ о уставлении чина и порядка, дабы всякъ, себя зная, удалялся излишния роскоши, легкомысленнаго высокомѣрия и надменныя гордости. Аще ли же владѣтель не будетъ радѣти о семъ, или свои пристрастия почтетъ вмѣсто правила жизни, или свирѣпствовати начнетъ и озлобляти народъ, то погубитъ и награждение обѣщанное ему от Бога на небеси и доброе имя на земли затмитъ, вмѣсто отца и повелителя назовется наемникъ, расточитель и тиранъ. Внимай, чадо, словесемъ моимъ, аще и случится согрѣшити когда («никто бо без грѣха, кромѣ единаго Бога»*), обаче грѣхи, происходящыя от излишняго снисходителства и милосердия, приличнѣйшии суть нашему естеству, нежели раждающыяся от безмѣрныя жестокости и ярости, ибо сие прилично звѣрямъ, милосердие же созданному по Божию образу человѣчеству сродно».

---

[1] наставлении, учении; [2] заброшенном поле, заросшем сорняками.

14. Отвѣща благовѣрный князь: «О коликое бремя под именемъ княжескаго высочества возлагается на насъ! И кто можетъ такое звание непогрѣшително проходити, требуетъ бо оно нѣчто, человѣческия превышающее силы». «Правду реклъ еси, яко многотрудная есть правителей должность, обаче идѣже человѣческия силы не достаютъ, тамо Божия укрѣпляетъ и наставляетъ благодать. Прозорливость убо надлежитъ имѣти и неусыпно Бога въ помощь призывати, впрочемъ, должно полагатися на мудрыя совѣты благоразумныхъ мужей. Гдѣ многие о единой вещи разсуждаютъ, ту больше вникается въ подробность и естество вещи. Случаются же иногда и такия дѣла, коихъ рѣшениемъ поспѣшати не подобаетъ, но отлагати или до дальнѣйшаго разсмотрения, или до произведения слѣдствия. Мнози согрѣшиша от скоропоспѣшества, еже и невиннымъ иногда отъемлетъ животъ[1], и виннымъ раздаетъ почести и дары. Первый другъ въ жизни твоей будетъ ти твоя супруга, еюже тя Богъ благословитъ. Вѣрная супруга мужу своему зиждетъ домъ и дѣлаетъ имя на земли, а мужъ женѣ есть красота и радость. Мужъ снисходительство да являетъ къ женѣ своей и любовь, а жена къ нему взаимное почтение и повиновение. Якоже кринъ без благовония, яко неплодная яблоня и неогражденный садъ, тако и жена без мужа; мужъ же без жены, яко собираяй[2] во [3]вретище раздранное[3] и не имѣющий пристаница корабль. Виждь убо, чадо мое, яко и тебѣ подобаетъ сочетатися бракомъ; инымъ аще и позволяется жити, якоже хотятъ, но ты князь сый и в народѣ долженъ еси о всемъ промышляти, яко предрекохъ ти; аще ли преслушаеши мя, согрѣшиши противъ Бога и всего народа, и противъ дому блаженныхъ родителей твоихъ».

15. Сия яко услыша благовѣрный князь, поклонися матери своей и рече: «Вѣмъ изъмлада, дражайшая мати, яко Духъ Святый и премудрость, присѣдящая Вышняго престолу,* обитаетъ въ тебѣ, того ради не смѣю ти прекословити ни въ чемъ, твоя увѣщания приемлю, яко Божия заповѣди, и обѣщаюся по нимъ исправляти всю мою жизнь». Къ симъ приложи богомудрая княгиня: «Нынѣ, чадо, послушай мя: пошлемъ послы во градъ Кашинъ къ благородному мужу Димитрию Борисовичу (князю Ростовскому),* яко да о бракосочетании изъявитъ слово, есть бо у него, якоже слышахъ, дщерь едина, зѣло добродѣтельна, премудра же и прекрасна, сию, Богу хотящу, желаю видѣти въ супружествѣ твоемъ, послѣдний бо сей еще долгъ родителский имѣю ти воздати, прочее въ совершенномъ безмолвии пребуду, удалившися от многомятежнаго мира в монастырь».

16. По довольномъ семъ увѣщании призва благовѣрная княгиня мужей сановитыхъ и честныхъ и, пославъ ихъ во градъ Кашинъ, рече: «Шедше, рцыте благородному Димитрию, яко да дастъ дщерь свою сыну моему въ жену, возлюбихъ бо ю добронравия ея ради». Они же, шедше, сотвориша вся, якоже повелѣно имъ бысть. Тогда великая княгиня Ксения, устроивъ вся, яже къ бракосо-

---

[1] жизнь; [2] собирающий; [3—3] мешок дырявый.

четанию служатъ, посла привести цѣломудренную дѣвицу Анну. Таковъ бо въ древности обычай цѣломудренный бѣ, яко юношамъ и дѣвицамъ ниже разглаголствовати лѣть[1] бѣ о тѣхъ, яже къ браку служатъ, но попечение о томъ родители ихъ или сродницы имѣяху, юношество же, стыдѣниемъ красящися[2], пребываше въ молчании и послушании родителей своихъ; а не якоже нынѣшний творитъ безобразный вѣкъ: дѣти, еще не доспѣвше совершеннаго возраста, назираютъ уже, гдѣ сходбище бываетъ то же мудрствующихъ дѣвицъ, или, скитаяся безстудно по домамъ, нелѣпая глаголютъ и сами себѣ избираютъ невѣсты, взирая или на едину тѣлесную красоту, или на знатность и богатство, добродѣтелей же, укращающихъ душу и некрадомое составляющихъ сокровище, отнюдъ не ищутъ. И како препочиетъ Божие благословение на таковыхъ, иже сочетаются единаго ради угождения похотнымъ страстемъ? Не оттуду ли происходятъ чудовища оная, иже ни Бога, ни закона, ни честности не зная, въ единыхъ упражняются порокахъ, якоже прежде потопа бывшии исполины?*

17. Егда же дѣвица Анна, препровождаемая своими сродниками и боляры, приближися ко граду, тогда абие срѣтоша ю знаменитии мужие, учрежденнии на то, во одѣянияхъ свѣтлыхъ и веселымъ лицемъ, поклоншеся ей, препроводиша съ великою славою во градъ до соборныя церкве, идѣже имѣ бракосочетание совершитися, и, шедше, по обычаю, возвѣстиша благовѣрной княгинѣ Ксении о томъ. Она же, призвавъ любезнаго сына своего Михаила и матернимъ напутствовавъ благословениемъ, отпусти въ церковь. Изшедъ убо благовѣрный князь, облеченъ во всю славу свою, идяше торжественно и великолѣпно, предшествующу ему и послѣдующу безчисленному множеству народа, дондеже приближися къ церкви, идѣже срѣтоша его съ честнымъ крестомъ духовная лица, и, введше въ церковь, обвѣнчаста, якоже чинъ святыхъ отецъ повелѣваетъ, потомъ, изшедше, возвратистася въ княжеския чертоги. Священницы убо предъидяху, окропляюще святою водою и благословляюще путь, народъ же радостно восклицаше: «Да живетъ Богомъ сочетанный супругъ! Да возвеличится Михаиловъ домъ, и Анна да процвѣтетъ во славѣ!»

18. Тако шествующымъ имъ, егда приближишася къ чертогамъ, изыде великая княгиня, нося на рукахъ пречестный крестъ и Спасителевъ образъ, и, срѣтши ихъ въ преддверии, ста и рече: «Се, чада, благословляю, васъ великимъ именемъ Спасителя нашего Христа; благодать его и милость, юже неоцѣненною кровию своею исходатайствова намъ у Бога Отца, да пребудетъ на васъ и на чадѣхъ вашихъ до вѣка. Нынѣ конецъ желаний моихъ наста, нынѣ моя исполнися радость. Азъ, отнелѣже овдовѣхъ, не имѣхъ толь благоприятнаго дне, якоже есть сей, но всегда печахся, дабы и домъ вашъ сохранити, и васъ привести до такого состояния, въ какомъ вижу нынѣ. Внидите убо во изобилующий славою и богатствомъ домъ, и Господь да приумножитъ сторично благополучие ваше».

[1] можно, позволено; [2] украшаясь, будучи украшенным.

Сия рекши, объя ихъ и облобыза любезно; они же, поклоншеся, цѣловаста Спасителевъ образъ, и матернюю десницу, потомъ внидоша въ чертоги. Въ той день сотвори князь велие учреждение вельможамъ своимъ и всему духовному чину, повелѣ же и милостыни многия дати из сокровищъ своихъ убогимъ и сиротамъ. И сице начаста благополучно господствовати во отечествии своемъ.

19. Немногу потомъ времени минувшу, зачатъ благовѣрная княгиня Анна, и роди мужескъ полъ, егоже во святомъ крещении Димитриемъ нарекоша,* таже приложи и еще родити три сына, Александра, Константина и Василия.* Благослови бо я[1] Богъ чадородиемъ, якоже Иоиля* иногда, еже бѣ явное знамение милосердия Господня, низпосылаемаго на вѣрныхъ своихъ рабовъ. От сего Александра, иже послѣжде великимъ княземъ бысть, мнози и велицы произыдоша цари же и князи,* якоже лѣтописи свидѣтельствуютъ; а Димитрий, по заклании отца своего, по нѣкоторомъ времени былъ также великимъ княземъ; Константинъ же бысть княземъ Тферскимъ, а Василий — Кашинскимъ; сей по матернему, а той по отцевскому наслѣдию.*

20. Видя же благовѣрный князь Михаилъ, яко Богъ огради его державу миромъ и сотвори прозябати[2] всякому изобилию и богатству на земли, благъ совѣтъ предприя во умѣ своемъ, еже бы создати великолѣпную каменную церковь во имя Святаго Спасова Преображения на томъ мѣстѣ, идѣже прежде древянная Святыхъ чудотворцевъ Космы и Дамиана бѣ,* потщася убо зотчиевъ взыскати и приуготовивъ вся, яже на потребу, нача съ великимъ прилѣжаниемъ строити. И тако благопоспѣшашеся дѣло, яко скоро воздвигнутися преславному храму, егоже, украсивъ благолѣпно и всякою утварию снабдивъ изобильно, посвяти Спасителю Христу въ жертву благоприятну, яко невѣсту прекрасну или яко неоцѣненный даръ, изъявляющий его возженную къ нему любовь. Въ сихъ бо и подобныхъ симъ дѣлахъ выну упражняшеся святый, а не вдавашеся въ роскоши и сластопитание, от нихже тщетное расточение и опустошение домовъ происходитъ. Богатство, употребляемое въ добро, станетъ на все и преизбудетъ. Аще ли же кто, забывъ, яко оное ему от Бога дадеся въ долгъ на домостроение чинное, и яко от него потребуется нѣкогда по преставлении отвѣтъ, начнетъ ясти и упиватися, и прочая непотребная дѣла творити, то аще бы и вся мира сего сокровища имѣлъ, скоро оскудѣетъ, и постигнетъ его клятва Божия со всеконечнымъ истреблениемъ от земли.

21. Между тѣмъ немалое время прейде, различнымъ княземъ управляющымъ престолъ, яко по кончинѣ благовѣрнаго великаго князя Ярослава Ярославича бысть преемникъ престола братъ его менший Василий Ярославичь,* иже бездѣтенъ скончася; по немъ владѣша дѣти святаго великаго князя Александра Невскаго, Димитрий, Андрей и Даниилъ.* Егда же вси сии ко Господу отъидоша, подобаше сему благовѣрному князю Михаилу Ярославичу и по старшинст-

---

[1] их; [2] произрастать.

ву, и по степени, и по общему соизволению всѣхъ, и по завѣтамъ прежнихъ князей взыти на великое княжение.* Того ради собравшеся знатнѣйшии российстии велможи во градъ Владимиръ, избраша сего благовѣрнаго Михаила во великаго князя и произведоша, якоже обычай есть, присутствующу при томъ и святѣйшему Петру, митрополиту всея России, 1304 года от Христа,* возраста же своего въ 33 лѣто. Въ та времена попущениемъ Божиимъ Россиа отчасти бѣ под татарскимъ игомъ, и российстии князи обычай имѣяху ходити во Орду къ татарскому царю, да от него власть свою приимутъ. Убо и благовѣрный князь Михаилъ иде во Орду.

22. Бѣ же у преждебывшаго великаго князя Даниила Александровича старѣйший сынъ, емуже имя Георгий.* Сей, славолюбиемъ возбуждаемъ и мудрования плотскаго держася, возжела быти великимъ княземъ. Воста убо, да идетъ въслѣдъ великаго князя въ Орду, [1]воеже бы[1] препятствие оному учинити и самому восприяти престолъ. Егда же бысть во градѣ Владимирѣ, срѣте его святѣйший Петръ митрополитъ* и, увѣдавъ причину шествия его во Орду, моли, да не идетъ и не сотворитъ сего, глаголя: «Благовѣрный княже Георгий Даниловичь, молю благородие твое, не твори дѣла сего, егоже умыслилъ еси сотворити; виждь, яко христиане есмы, и первѣе убо подобаетъ намъ, по завѣщанию Господню, сохранити любовь, таже и о томъ попечение имѣти, дабы имя Божие нами не хулилося во языцѣхъ. Что егда увидятъ варвары между нами несогласие и вражду, не рекутъ ли, яко тому насъ учитъ наша святая вѣра, ни, княже, не твори сего, азъ и великая княгиня Ксения, мати благовѣрнаго великаго князя Михаила, поручаемся тебѣ, яко еже аще восхощеши, получиши здѣ во отечествии твоемъ, егда возвратится князь. Ты вѣси добронравие князя, вѣси, яко онъ не иска великаго княжения, но Божию званию сопротивитися не возможе; обаче, аще желаеши, возвратитъ тебѣ всю славу и честь, онъ бо весь умъ и все желание имѣя вперено къ Богу, обыче измлада ничтоже желати от временныхъ». Отвѣщавъ князь Георгий Даниловичь святителю, рече: «Да вѣсть твоя святыня, отче, яко великаго княжения не хощу, видитъ Вседержителево око, и ни единаго препятствия не сотворю, но иду точию, да вижу дѣющаяся у татаръ». Сия рекъ, отъиде во Орду.

23. Бывшу же ему тамо, нача [2]обращатися съ[2] татарскими князи, еже видѣвъ всезлобный диаволъ, употреби сей случай въ коварство и, подустивъ[3] орудия своя безбожныхъ татаръ, научи совѣтовати ему тако: «Не ты ли сей, — рече, — Георгий Даниловичь, сынъ великаго князя? Не тебѣ ли по наслѣдству надлежитъ на великое княжение вступити? Вскую[4] не брежеши о томъ, но предаеши себе въ посмѣяние другимъ? Аще желаеши, объяви намъ мысль свою, мы обѣщаемся о тебѣ ходатайствовати къ царю». Сими словесы развратиша безбожнии сердце князя Георгиа, и нача желати великаго княжения. Татаре же, не

[1]—[1] для того чтобы; [2]—[2] жити среди; [3] подговорив; [4] Почему.

яко добра желающе, совѣтоваху сия, но да вящшыя дары и богатства получатъ от обоихъ князей. Шедше убо, татарове возвѣстиша царю своему о томъ; онъ же, варваръ сый и несмысленное подобие точию человѣка, егоже и страсти, и похоти, ослѣпивше, влекутъ, отвѣщавъ, рече: «Мнѣ не пристойно есть взирати, якоже глаголютъ, на достоинство и добродѣтели, но кто принесетъ мнѣ злата и больше обѣщаетъ впредь даней приносити, той да будетъ князь».

24. Тогда грѣхъ ради нашихъ велия тягота бысть въ российстѣй земли. Отвсюду бо собираху великия дани, а кои по неимуществу не имѣяху что дати, тии немилостивно влачимы, биемы и въ темницу всаждаемы бываху, — и бѣ видѣти вездѣ стенания и плачь, туги и бѣды. Еже бо Богъ долго непросвѣщенному знаниемъ вѣры народу терпитъ, то ускоряетъ низпосылати во мщение на тѣхъ, на нихже все сокровище благости своея излия, дабы тии злыми дѣлами имя всесвятое не хулили во языцѣхъ и дабы навыкли, живя по закону свято, всегда молитвами прибѣгати къ Богу. Тако бысть тогда, и собраша татаре велие сокровище из российской земли, обаче не превозможе противная страна князя Георгиа, но благоволи Богъ быти на великомъ княжении благовѣрному князю Михаилу, яко избранному от всѣхъ и по завѣту, опредѣленному на то: отпусти убо татарский царь великаго князя во своя съ миромъ, да обладаетъ престоломъ российскимъ, Георгию же князю за толикия дани велию сотвори честь и обѣщания состави, и тѣмъ прекратися между князьми вражда.

25. Возвратившуся убо благовѣрному великому князю Михаилу на свой престолъ, прияша его вси во градѣ Владимирѣ честно, и, благословение приемъ от святителя Божия Петра митрополита,* нача мирно управляти народъ. Начаша же съ прибытиемъ его вкупѣ процвѣтати науки, умножатися искусства, земледѣлие распространятися, купечество обогащатися, церкви созидатися и благочестие вкоренятися. Аможе[1] бы кто обратилъ очеса, вездѣ сияше миръ, тишина, довольство и радость; якоже бысть во дни Соломона, царя израильскаго,* тако бѣ и при благовѣрномъ великомъ князѣ Михаилѣ. Онъ бо якоже приобыклъ бѣ исперва, тако и во все владѣние свое никогдаже послѣдова пристрастиямъ своимъ, но Божий законъ выну пред очима имѣя, по нему исправляше[2] вся, тѣмже и подчиненныхъ своихъ управляше премудро, снисходительство велие являя ко всѣмъ; аще же и случашеся наказати кого за вины, обаче при томъ не раздражашеся гнѣвомъ, но правосудие сохраняя, пороки точию общия ради тишины истребляше, людей же всѣхъ, яко присный[3] отецъ, миловаше и щадяше. Не сие ли есть, еже глаголется въ законахъ, яко правосудие, наказуя винныхъ, милуетъ; не исправления ли ради сыновъ своихъ наказуетъ отецъ, подобно и врачь опаляетъ раны и гнилыя иссѣцаетъ уды[4], да сохранитъ болящаго животъ.

26. Особливыя же его добродѣтели, акибы ему единственно приличествующыя, бяху непрестанная молитва и глубочайшее смирение. Молитвою воз-

---

[1] Куда; [2] исполняя; [3] родной; [4] члены.

вышашеся от земли на небо и весь вперенъ[1] любовию несказанною въ Бога, о немъ выну помышляше и помышляя услаждашеся, и яко бы внѣ тѣла мняся быти и предстояти со безплотными престолу Владычню, разглагольствоваше день и нощь въ молитвахъ и сладцѣ пояше Давидовы пѣсни.* Сия ему бяху сладкая пища и увеселительное питие. Смирениемъ же украшая тлѣние естества, немощь человѣчества памятоваше, откуду вконецъ высокоумия надмѣние пресѣкъ, всѣхъ, яко присную[2] братию, любляше, наипачеже нищихъ миловаше, глаголя въ себѣ: «Кто есмь азъ, яко изобилую честию и богатствомъ, сии же таютъ гладомъ и по стогнамъ[3] скитаются без покрова на мразѣ? Не сии ли суть, ихже ублажая, Христосъ Господь братиями нарицаетъ?* Не сии ли продаютъ елей, имже во срѣтение Владычне возжигается свѣтилникъ?* У сихъ бо подобаетъ мамоною[4] неправды* куповати[5] небо»,* — тако размышляше о семъ. Другий смирения святаго плодъ бѣ всегдашнее умиление, якоже въ Житии святыя благовѣрныя великия княгини Анны, супруги святаго, написано обрѣтохомъ.* Размышляя бо о безприкладномъ[6] Владычнемъ снисхождении, како насъ ради сниде съ небесе, и воплотися от пречистыя Дѣвы, и послужи нашему спасению, и пострада, и умре, Богъ сый всѣхъ, соприсносущный Отцу и Святому Духу, непрестанно сокрушашеся от умиления и овогда теплыя из очесъ испускаше слезы, овогда взираше на вѣчную оную погибель, от неяже Спаситель насъ исхитивъ, возведе на небесное достоинство, овогда же повергаяся на землю, благодарение возсылаше Богу за пречудный его о насъ спасительный промыслъ, и толико уязвися любовию ко Христу, яко спасительное его имя никогдаже испущаше из устъ.

27. Въ сихъ богоугодныхъ исправленияхъ успѣвающу святому, преидоша от вступления его на великое княжение осмь лѣтъ. Между же тѣмъ умре ордынский царь, и наста по немъ другий, именемъ Азбякъ, иже, богомерзкую срацынскую вѣру по согласию съ турками приемъ,* паче всѣхъ лютъ врагъ и гонитель христианскому роду являшеся. Прежнии бо цари, бывшии до Азбяка, идолопоклонницы суще, имже огненное естество мняшеся быти богъ, не много радяху, какую кто вѣру держитъ; сей же, проклятаго Магомета сый ученикъ, яко безчеловѣчный и неприступный звѣрь всѣмъ являшеся. Идоша убо паки наши князие въ Орду новому царю поздравление и дары по обычаю принести.

28. Бывшымъ же имъ тамо, паки завидя диаволъ добродѣтели святаго, велию воздвизаетъ на христианство бурю, паки междоусобие и вражда востаетъ. Предреченный бо Георгий князь развратися паки, воеже великаго княжения возжелати; и по довольномъ прерѣкании бысть Георгию князю остатися во Ордѣ, святому же Михаилу возвратитися во своя съ миромъ, обаче и по отшествии его не преста ово ласканиями, ово великими дарами, яже собра съ бѣдныхъ

---

[1] устремлен; [2] родную, кровную; [3] улицам; [4] богатством; [5] покупать; [6] несравненном.

христианъ, привлекати благоволение къ себѣ новаго царя, еже и бысть. Минувшу бо непрестаннаго его тщания единому лѣту, соизволи лютый оный царь, взятаго мздоимства ради, Георгию убо быти великимъ княземъ, емуже и Кончану царевну, сестру свою, даде въ жену,* желая его присвоити къ себѣ, да вящшая еще от него получитъ, святаго же Михаила князя безвинно уничтожи, яко не толикия ему приносящаго дани. Святый бо князь, отечески защищая своихъ, ничесого излишняго не собираше от нихъ, но паче общенародныя нужды, идѣже бѣ можно, своимъ имѣниемъ дополняше. Возстена убо вся Россиа, услышавъ сия, глаголюще: «Лишихомся отца, се грядутъ проклятые сыроядцы на разорение наше! Горе намъ, яко согрѣшихом пред Богомъ!»

29. И сия убо тако суть: егда бо премудрое правосудие Владычне хощетъ по щедротамъ своимъ помиловати народ (не бо что можемъ заслужити, раби неключими[1] суще), тогда благихъ посылаетъ намъ царей и щедротно изливаетъ на землю изобилие и миръ. Егда же грѣхи нашя привлекаютъ благость Божию ко гнѣву, тогда или наказуетъ владѣтелей нашихъ, якоже о Давидѣ чтется, что и подчиненныхъ постизаетъ всѣхъ, или вмѣсто орудия мщения своего безчеловѣчнаго воздвизаетъ царя, якоже Навуходоносора на Иерусалимъ,* не его любя, но видя стремляение его злое, управляетъ оное на повинныхъ людей, излияния ради праведнаго гнѣва на нихъ.

30. Приемъ убо князь Георгий Даниловичь великое княжение от татарскаго царя, якоже предрекохомъ[2], въ лѣто 1317 от Христа, умысли возвратитися во своя, обаче вѣдая храбрость великаго князя Михаила, и, убоявся, испроси у царя, да послетъ съ нимъ противъ святаго единаго от велможъ своихъ съ татарскою силою: мняше бо, яко имать ему сопротивитися и прерѣкати. Сему прошению соизволивъ царь, опредѣли послати нѣкоего от совѣтникъ своихъ, именемъ Кавгадыя,* мужа, преисполненна всякаго варварства и звѣрства, и сице съ великимъ ополчениемъ грядяху на опустошение России. Блаженный же великий князь Михаилъ, яко слышавъ вся, грядущая на нь, потщася абие вся полки своя собрати, не кровопролития желая, но ово изъявляя, яко аще хощетъ, можетъ противъ ихъ стати, ово яко долженъ есть за благочестие отечества до капли крове стати, ово же предупреждая ихъ злая начинания, дабы свой домъ и дѣтей защитити. Изшедъ убо святый съ полки своими въ срѣтение великому князю Георгию, посла от лица своего посланника къ нему рещи: «Блюди, великий княже, да всуе кровь христианская тобою не проливается въ России, яко и ты христианинъ еси. Азъ ти уступаю великое княжение, еже даде убо тебѣ царь, радуюся бо, яко тебѣ княжеское достоинство прииде, иже братъ ми еси, господствуй убо имъ, Господу помогающу ти, обаче молю тя, въ мою область, яже от прародителей моихъ мнѣ въ наслѣдие бысть, не вступайся, ибо и азъ человѣкъ есмь, имый домъ, жену же и дѣтей, имже подобаетъ нѣкое пристанище имѣти». Слы-

[1] негодные; [2] выше сказано.

шавъ же сия, великий князь Георгий совратися[1] съ пути и иде во Владимиръ градъ, тамо бо княжеская столица бѣ. Благовѣрный же великий князь Михаилъ отпусти вся воя[2] своя и съ домочадцы прииде во отечество свое,* идѣже, яко обычай имѣ, нача мирно жити, въ добродѣтелехъ уединенныхъ упражняяся без всякаго коварства и лсти, не могутъ бо вмѣщатися сия, идѣже обитаетъ Христосъ, по оному: «Кое причастие свѣта ко тмѣ, или кое общение Христу съ велиаромъ» [2 Кор.: 6, стих 14 и 15].*

31. Минувшу нѣкоему времени, великий князь Георгий, видя, яко никияже споны[3] творитъ ему святый, укрѣпися на престолѣ, обаче не удовлися тѣмъ, но имѣя при себѣ кровопийцу Кавгадыя онаго, якоже рѣхомъ, со безчисленными татары, къ нимже присовокупивъ всю низовскую землю и мордву, нечаянно прииде ратию зѣлною на Тферь. Идяше же не яко на брань, но, уповая на свои толикия силы, яко на нѣкий торжественный пиръ, имѣя при себѣ и жену свою, яже от татаръ, и другихъ приятелей и сродниковъ своихъ. Якоже убо внидоша во область тферскую, начаша люто свирѣпствовати въ народѣ: сожигахуся грады, разоряхуся веси и села, опустошахуся обители святыя и церкви, убивахуся людие, различными изнуряеми смертми, оскверняхуся жены и дѣвы от неистовыхъ поганъ, младенцы мечьми разсѣцаеми бываху, — плачь велий ношашеся вездѣ, и туга[4] велия належаше на землю, еже все разпростреся, даже до Волги.

32. Егда же намѣреваше на другую страну Волги перенестися, тогда блаженный великий князь Михаилъ, не могущи толикое озлобление[5] людей своихъ терпѣти, призва отца своего преосвященнаго Варсонофия епископа* и другихъ вельможъ своихъ и рече къ нимъ: «Видите, братие, яко азъ, не желая пролития христианския крове, отрекохся всего княжения моего и уступихъ оное сроднику моему, дабы жилъ въ мирѣ, нынѣ же коликая злая сотвориша державѣ нашей; азъ же сия претерпѣвахъ, чая тѣмъ прекратитися злобѣ, яже не прекращается, убо главы моея, якоже вижу, ищутъ и всеконечнаго опустошения отечеству моему. Судите убо мя, аще есть во мнѣ кая неправда, унѣе[6] бо ми есть, да единъ азъ постражду, а не весь народъ погибнетъ за единаго мене».

33. Тогда отвѣщаша вси, и яко единѣми усты рекоша предстоящии: «Правъ еси, господине нашъ великий, яко аггелъ Божий, во всемъ пред сродникомъ твоимъ, смирение твое есть безмѣрное, еже явилъ еси уступлениемъ княжения и претерпѣниемъ толикихъ пред очима нашима нанесенныхъ ти озлоблений». Сия рекше, прослезишася вси от великия туги, яже ихъ сокрушаше сердце, и умолкоша надолзѣ, таже приложиша глаголати: «Что убо мы сѣдяще ожидаемъ? Время бо тѣсное[7] наста, еда[8] и намъ тогожде ожидати от окаянныхъ татаръ, да осквернятъ святыню, да опустошатъ градъ и насъ изсѣкутъ или живыхъ въ плѣнъ возмутъ? Ни, не будетъ то! Пойдемъ, друзи, да умремъ славно за

---

[1] свернул; [2] воинов, войско; [3] препятствия; [4] тоска, печаль; [5] притеснение; [6] лучше; [7] трудное; [8] неужели.

святую вѣру и за отечество наше!» Потомъ, обращшеся къ благовѣрному князю Михаилу, рѣша: «Молим тя, кротчайший господине нашъ, пощади рабовъ твоихъ, пойдемъ на сопротивление врагамъ, мы душы положити за тя готовы есмы; извѣстно вѣдаще, яко не въ силахъ восхощетъ Господь, аще бо и малы есмы числомъ, обаче славною благословитъ насъ побѣдою, принуждены бо суще, за душы наши воевати идемъ».

34. Сия слышавъ, князь кротцѣ отвѣща: «Похваляю, братие, вашъ благий совѣтъ и богоугодное намѣрение, еже душы положити за святыню Господню и за братию нашу, за Божию бо честь всегда должни есмы готовы быти умрети, за братию же умрети, яко подобаетъ; и самъ Спаситель примѣромъ показа, еваггелский бо гласъ научаетъ, глаголя: „Больше сея любви ничтоже есть, да кто душу свою положитъ за други" [Иоанн 15, стих 13].* Колико братий нынѣ стенетъ под лютымъ игомъ татарства? Коликихъ же пожре свирѣпая и немилостивая смерть? И не вменится ли намъ въ грѣхъ, аще пренебрежемъ о томъ? Нынѣ убо, поспѣшшеся, идите въ домы ваша и приуготовите скоро, яже на потребу ко ополчению, соберите же и воиновъ, елико возможно, и разпредѣлите, да кийждо знаетъ чинъ и порядокъ свой; азъ бо самъ, вооружившися, изыду къ вамъ утрѣ».

35. Изшедше убо велможи от князя, абие устроиша все, еже повелѣно бѣ, и пребыша день той кийждо въ своемъ домѣ, не разходящеся даже до утра. Благовѣрный же князь повелѣ, да будетъ всенощное моление по всѣмъ церквамъ въ той нощи и завѣща сѣтование и постъ, яко да прещедрый Господь отвратитъ свой гнѣвъ от града и народа. Во утрие же зѣло рано воста благовѣрный князь, и вооружися мечемъ по бедрѣ, воздѣвъ же златый свой крестъ на персѣхъ, и, сѣдъ на коня, изыде къ полкамъ. Прииде же и святѣйший Варсонофий епископъ съ клирики своими и, сотворивъ молитву, благослови я, рекъ: «Идите, чада, во имя Господне, Господь силъ да предъидетъ пред вами и мышцею крѣпкою, яко по израилѣ над фараономъ,* да поборетъ». И тако отъидоша въ путь.

36. Приближившым же ся имъ къ неприятелскимъ полкамъ, видѣша, яко великаго множества ихъ невозможно бѣ очима досягнути, и бяху пред ними, яко горсть пшеницы въ сравнении цѣлаго спуда,* того ради и ругахуся варвары изшедшымъ, глаголюще: «Что сии прузие[1] хотятъ? Не смерть ли предускорити на ся изъидоша?» — и пребываху, [2]ничтоже брегуще[2]. Великий же князь Михаилъ повелѣ воемъ своимъ стати и, расположивъ вся, якоже подобаетъ на сражение ити, помолися со всѣми Господу Богу, еже пособити имъ во брани. Тогда, обращся къ полкамъ, рече: «Внушите глаголемымъ, мужие, мы ополчаемся за душы нашя, не убойтеся превосходныя неприятельския силы. Господь бо предшествуяй побѣдѣ и побѣдитъ, яко единаго, всѣхъ, аще ли же ни, унѣе есть намъ на полѣ умрети славно, нежели, дождавшымся нападения враговъ, видѣти ра-

[1] саранча; [2—2] ни о чем не беспокоясь.

зорение отечества и срамоту плѣнения нашего и домашнихъ нашихъ во градѣ, идѣже спасающаго не будетъ, и со стыдомъ нужно[1] погубимъ животъ. Не убойтеся убо, но ополчимся крѣпко и днесь спасение получимъ. Видите, яко противницы, небрегуще о насъ, не приуготовляются на брань, Господь бо, поборствуя по насъ, ослепи я. Не убойтеся убо, но послѣдствуйте мнѣ».

37. Сия рекшу ему, вострубиша и устремишася силою на сопротивных, и соступишася полцы, и начася сѣча, яже на долгъ часъ продолжися, и аможе аще обращашеся съ своими святый, тамо падаху противныя враги, яко снопие в жатву, стремляху бо ся воини святаго, яко раздраженные львы, и мняхуся, подобно орламъ, на сражение летѣти, предваряюще другъ друга, душу положити, варварамъ же нанесена бысть язва, яко ихъ тѣлесами всему покрыту быти мѣсту. Нападе же и страхъ велий на окаянныхъ, и, [2]давше плещи[2], обратившася въ бѣгство, и давляхуся, разными стезями спасения ищуще. Сие видѣвше, воини святаго ободришася зѣло, и инии убо гнахуся за бѣгущими, собирающе поверженная оружия на земли, инии же плѣнниковъ стрежаху, ихже бѣ многое множество, между коими обрѣташеся и Кавгадый звѣрообразный, и Кончана царевна, супруга Георгия князя; самъ же князь Георгий, видя себе побѣжденна, побѣже въ Торжокъ, таже въ Великий Новъградъ со стыдомъ.

38. И тако благовѣрный великий князь Михаилъ съ воинствомъ своимъ возвратися торжественно въ славный градъ Тферь, водя и плѣнниковъ съ собою, месяца декемвриа въ 22 день,* и бѣ видѣти на немъ все одѣяние изсѣчено и язвенно, вся бо противная сила устремляшеся на него, а на святомъ тѣлеси его не бысть ни единыя раны, Господу его соблюдающу и заповѣдь давшу, якоже благоглаголивый вѣщаетъ Давидъ: «Аггеломъ своимъ заповѣсть, еже сохранити тя»* [Псал. 90, стих 11]. Егда же прииде во градъ, абие вшедъ въ церковь, всесильному Богу усердное благодарение принесе за дарованную над враги побѣду и, великия почести раздавъ послѣдовавшымъ ему, отпусти всѣхъ во своя. Царевнѣ же Кончанѣ и Кавгадыю оному повелѣ честныя домы ко обитанию отвести и всякимъ довольствиемъ и служительми по ихъ сану снабдѣти.

39. Прешедшымъ же нѣколикимъ днемъ, возвѣстиша святому, яко царевна Кончана болитъ. Прииде убо благовѣрный князь къ ней и, присѣдши ея одру, рече: «Царевна, что яко болиши? Не оскорбихомъ ли тя чемъ, или нужду нѣкую претерпѣваеши? Виждь, яко не аки плѣнницу тя имѣю, но яко драгаго посѣтившаго мя гостя. Аще ли скорбиши о разлучении съ мужемъ твоимъ, не есмь азъ тому причина: тогда же бо отпустилъ быхъ тя къ нему, аще не бы онъ отлучился, нынѣ же потерпи, молю, время бо способное улучивъ, съ честию отпущу тя въ мирѣ». Она же рече: «Не сия болѣзни моея причина, азъ бо толико твоимъ снизходительствомъ довольна, яко николиже забвению предамъ е[3], и къ благодѣяниямъ твоимъ навсегда благодарна пребуду. Начася же болѣзнь во мнѣ

[1] насильственно; [2—2] показав плечи (свои), повернувшись спиной (к противнику); [3] его.

еще исперва, ово от утруждения на пути, ово от страха, подъятаго при бывшемъ сражении». Сия слышавъ от нея, блаженный изыде и, призвавъ искусныя врачи, посла, да о ней всевозможное старание приложатъ. Шедше убо, врачи начаша ю по повелѣнию лѣчити, обаче болѣзнь умножашеся паче, а не ослабѣваше, яже тии вся подробно возвѣстиша благовѣрному князю.

40. Слышавъ же сия, благовѣрный князь прииде къ ней и нача тую надолзѣ богодухновенными словесы утѣшати и первѣе убо предлагаше повѣсти из Божия слова, како устроилъ Богъ сей миръ,* како грѣшныя истреби потопомъ,* како изведе израиля и даде законъ,* таже о Христе, Спасителѣ нашемъ, повѣдаше, како нашего ради спасения сниде съ небесе и воплотися от пречистыя Дѣвы Марии безмужно,* и пострада безвинно, и умре поносно,* и воскресе тридневно,* и взыде на небеса,* отнудуже паки приидетъ судити живыхъ и мертвыхъ. Наконецъ: «Всяк, — рече, — иже не вѣруетъ въ Господа нашего Иисуса Христа, осудится на вѣчное мучение, яко той есть единъ ходатай Бога и человѣковъ, иже своею кровию неоцѣненною соверши спасение наше, а иже вѣруетъ во Христа, той по преселении от земли наслѣдуетъ вѣчное блаженство».

41. Сия слышавъ, царевна зѣло умилися, никогдаже бо прежде таковая слыша, и дѣиствующей въ сердцѣ ея Божией благодати, нача просвѣщатися свѣтомъ вѣры, тѣмже[1] убо любопытнѣе нача вопрошати, глаголя: «Рцы ми, великий княже, молю тя, како глаголеши, яко Христосъ, сый истиненъ Богъ, умре и яко о насъ ходатайствуетъ къ Богу, не могу бо разумѣти сия. Еда ли и вы многихъ исповѣдуете боговъ, якоже татарове, или еда можетъ умирати богъ?» Отвѣща благовѣрный князь: «Ни, княгиня Кончана, не многихъ исповѣдуемъ боговъ, но точию единаго, иже из ничего единымъ словомъ всемогущимъ вся произведе въ бытие, и сохраняетъ всю тварь, и всѣмъ даетъ дыхание и жизнь, и вся управляетъ къ преславному концу, ибо онъ есть вездѣсущий, преблаженный и премудрый. Сей Богъ нашъ, аще и единъ существомъ, обаче троиченъ лицы быти вѣрится, якоже наши православныя книги учатъ, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Отецъ роди превѣчнаго Сына и Святаго Духа испусти, и сии три лица суть равны по всѣмъ совершенствамъ своимъ, но точию свойствами нерождения, рождения и исхождения раздѣляются, и симъ дѣиствиямъ не бѣ начала, не будетъ конца, ни премѣнения, ни преложения. Таинство сие воистинну непостижимо есть уму, обаче досязаемое вѣрою. Егда же изволи Богъ по безприкладной милости своей создати миръ (ибо никакия нужды не имѣяше въ немъ, самъ сый обогащаяй щедротами вся), тогда сотвори и человѣка въ раи сладости, да будетъ обладатель и повелитель всея земли. Сей человѣкъ долженствоваше въ знакъ благодарения Богу жити по закону свято, обаче согрѣши, диаволомъ прельщенъ. Суть бо злыя духи въ мирѣ, иже выну погибели нашея ищутъ. Богъ убо нашъ, яко пречистый и пресвятый, грѣхомъ онымъ зѣло прогнѣванъ бысть, того

[1] потому.

ради человѣка предаде смерти, изгна из рая и осуди,* да вѣчное мучение по временной смерти поъиметъ во адѣ. Яко вѣтви въ корени, тако мы вси тогда бѣхомъ во Адамѣ (сице бо именовашеся первый человѣкъ). Убо оному за грѣхъ осуждение подъявшу, вси погибохомъ, грѣха его участницы бывше, не устоитъ бо здание, колеблющуся основанию, и злое сѣмя не можетъ добрые плоды издати. Сия, яже изрекохъ ти, вся от правосудия зависятъ, еже требуетъ или удовлетворения, или наказания за грѣхъ. Мы, осквернены суще и праотеческимъ, и произвольными безчисленными грѣхами, удовлетворити правдѣ отнюдъ не возмогохомъ, того ради Сынъ Божий, милосердиемъ привлекаемь, сниде съ небесе и воплотися, якоже рѣхъ ти, да насъ искупитъ от осуждения и смерти. Подобаше бо удовлетворению страданиемъ совершитися, а Божество есть смерти непричастно, безстрастный убо Богъ плотию пострада, и убо симъ страданиемъ спасаемся, вѣрою присвояюще себѣ заслуги Христовы, оправдаемся и воусыновляемся Богу. Разумѣеши ли отсюду, яко вмѣняемыя намъ заслуги Христовы суть нашего искупления безконечная цѣна. Подобно бо сия быша, яко аще бы кто за неимущаго должника удовлетворение своимъ богатствомъ сотворилъ, или бы праведный кто предалъ себе смерти, да повиннаго искупитъ».

42. Здѣ царевна, прервавъ святаго бесѣду, ражжеся бо велми любовию къ Богу, возопи: «О глубина недовѣдомыхъ таинствъ! Кто не удивится толикой премудрости? О лютыя погибели нехотящихъ слышати проповѣди Божия слова! О благий Иисусе! И кто тя не возлюбитъ за толикую твою любовь, весь бо еси сладость?» Таже, обращся къ князю, рече: «Молю тя, господине мой, буди мнѣ вмѣсто рождшаго мя отца, присоедини мя избранному Христову стаду, не потерплю бо отселѣ отчуждатися толикихъ благъ, ихже наслаждаются христиане». Возрадовася убо князь вельми со всѣмъ домомъ своимъ о семъ и абие посла призвати епископа, иже, [1]огласивъ ю[1], крести. Бысть же от святыя купѣли восприемникъ самъ благовѣрный князь, и преименоваша ю Агафиею,* въ знамение ожидаемыхъ за доброе ея усердие благостей небесныхъ. Наутрие же зѣльному належащу недугу, вконецъ изнеможе блаженная Агафия. Посла убо къ благовѣрному князю, моля его, яко да не бы облѣнился приити къ ней. Егда же прииде князь, то она возблагодари ему за вся сия благая: «Твоимъ, — рече, — благодѣяниемъ азъ неизреченно одолжена есмь, наипаче же, яко былъ ми еси наставникъ и предводитель ко Христу, нынѣ же азъ съ радостию скончаваюся, Господь мой Иисусъ Христосъ да воздастъ ти за мя!» Таже, причастився Святыхъ Таинъ, съ миромъ о Господѣ успе, и погребоша ю при церкви честно.

43. Симъ тако бывшымъ, повелѣ благовѣрный князь Кавгадыя призвати къ себѣ. Онъ же, пришедъ пред княжеское лице, вострепета от страха, совѣсть бо его люто угрызаше, и мняше, яко князь абие велитъ его смерти предати, паде убо на лицѣ своемъ пред князя, глаголя: «Согрѣшихъ, господи[2] мой, пред тобою,

[1]—[1] наставив ее в вере; [2] господин.

яко толикая нанесохъ ти злая, обаче ты, благъ сый, не помяни беззаконий моихъ ради Бога, егоже подобие носиши на себѣ». Благовѣрный же князь, абие притекши, воздвиже его от земли, глаголя: «Дерзай, Кавгадый, востани, не бойся, Божий бо есмь азъ, сего ради въ той же самый часъ, егда брань совершися, забвению вся предахъ, да и прежде никогдаже гнѣвахся на тя и желахъ ти мщения, но точию животъ мой защищахъ мечемъ, долженствуемъ бо защищати и сохраняти, елико мощно, здравие свое, по повелѣнию, да не самоубийцы будемъ. Нынѣ же не поношаю ти, ибо яко человѣкъ согрѣшилъ еси, обаче внуши словесемъ моимъ, яже реку ти въ ползу: виждь, Кавгадый, яко еже умыслилъ еси мнѣ сотворити, Богъ обрати на твою главу, и впаде въ яму, юже ископа другому, не дивися сему, ибо не самослученъ[1] есть свѣтъ, но Божия вседержителная сила, правда же и премудрость управляетъ вся. Вскую убо немощнѣйшая тварь человѣкъ продерзостно и гордостно возносится на Бога, а не паче смиряется, зря свою тлѣнность? Истаеваетъ бо животъ нашъ, яко воскъ от огня, и дние проходятъ, яко быстрая рѣка, яже не возвращается никогда, убо умремъ вси. Вскую горести умножаемъ, вскую призываемъ смерть, да поспѣшшися насъ истребляетъ? Не лучше ли тишина неба, нежели обуревания морския? Не лучше ли согласие и миръ, нежели кровопролития и брани? Брани неизвѣстенъ конецъ; на брани, иже стояше, падетъ, иже лежаше, востанетъ, да никто уповаетъ на ся; мира же извѣстенъ плодъ, яко обогатится земля, возвеселятся людие и умножатся народы. Разумей, Кавгадый, яже глаголю: ты умыслилъ мнѣ нанести язву, нынѣ же смири тя Господь, предаде тя въ руцѣ мои. Аще бы хотѣлъ, не моглъ ли бы тя убити? Обаче да вѣси, яко Христовы рабы мщения не ищутъ, ниже радуются о погибели враговъ; прощаю ти вину и дарую ти животъ».

44. Сия слышавъ, Кавгадый, аще и окамененъ бѣ сердцемъ, обаче прослезися и падъ на нозѣ великаго князя, благодарение ему возсылаше, глаголя: «Щедрота и великодушие твое есть безмѣрное, великий княже! Нынѣ разумѣхъ добродѣтели христианъ, нынѣ удостовѣрихся, коликъ ты пред Богомъ. Тѣмже благодарю тя, великий княже, за твои щедроты, яже изливаеши на мя, и се предлагаю ти завѣтъ[2], яко аще пустиши мя, не точию никаковаго зла не восхощу ти нанести никогда, но и буду всевозможное тщание прилагати о ползѣ твоей и всего народа». Глагола ему князь: «Еже реклъ еси, утверди клятвою, и пущу тя». Кавгадый же клятся, глаголя: «Да погибну от земли, и да поразитъ мя небо, аще не пребуду въ завѣщанномъ словѣ!» Тогда святый Кавгадыю рече: «Зри, яко мщение Божие призвалъ еси на свою душу, еже непремѣнно постигнетъ тя, аще солжеши, Бога бо прелстити[3] невозможно, онъ бо тайная сердца видитъ и на клятвопреступныхъ, ругающихся ему, неумытенъ[4] есть судия». Отвѣща Кавгадый: «Ей, великий княже, не солгу, кленуся ти небомъ и землею, наипаче яко преобидѣхъ тя много, царь бо не повелѣ ми воевати на твою державу, но точию

[1] без промысла Божия; [2] договор; [3] обмануть; [4] неподкупен.

возвести князя Георгия на престолъ и усмирити точию тѣхъ, иже бы хотѣли сопротивлятися тому». На сие святый рече: «Не вопрошаю тя болше ни о чемъ, ибо слѣдствия творити над тобою не хощу, и самъ азъ все то вѣмъ, еже бы хотѣлъ еси изрещи, но точию объявляю прощение и свободу, не точию единому тебѣ, но и всѣмъ плѣннымъ съ тобою. Нынѣ убо идите съ миромъ, сохраняя нерушимо слово, еже завѣщалъ еси со мною». И тако отпусти всѣхъ плѣнниковъ, напутствовавъ ихъ нужными къ содержанию и шествию вещми.

45. Между тѣмъ великий князь Георгий, побѣжавъ, якоже рекохомъ, съ малымъ числомъ въ Новъградъ от брани, паки собра своихъ, иже живи осташася, воевъ, къ нимже присовокупивъ множество новгородцевъ и псковичь, пойде ко Тфери, хотя во отмщение святому вторичное составити сражение. Святый же князь, щадя христианскую кровь и не терпя видѣти толикихъ разорений, имѣвшихъ послѣдовати, малымъ числомъ воевъ провожаемъ, изыде къ нему и срѣте его противу Синевскаго,* идѣже съ своими ополчашеся великий князь Георгий, и, дерзнувъ, небоязненно вниде въ неприятельския полки, помышляя въ себѣ предускорити кровопролития и разорения, яже сии умыслиша сотворити. «Аще ли же ни, то самъ азъ, — рече, — добровольно предамся въ руки ихъ, яко да, насытившеся крове, или пощадятъ другихъ, или да не вижу имѣющая быти на земли стенания и воздыхания». Обаче Богу его соблюдающу, никтоже ему коснуся, ниже дерзну что противное рещи, и уста бо ихъ загради Господь, якоже при Даниилѣ львомъ въ ровѣ,* и руцѣ невидимою силою связа, яко Исаву иногда, иже противъ кроткаго Иакова ополчашеся.*

46. И тако святый князь, прошедъ полки, дойде до князя Георгиа. Видѣвъ же сей святаго, абие премѣнися сердцемъ от гнѣва на любовь и, притекъ, объя святаго, прирекъ: «Добрѣ пришелъ еси, брате мой любезный». Ему же святый возотвѣтствова: «Господь да сохранитъ тя от всякаго зла и да низпослетъ ти благословение святое свыше». И цѣловастася, таже внидоша въ шатеръ, и, сѣдше, начатъ святый глаголати ко князю сице:

47. «Ты вѣси, брате, яко недавно имѣхомъ кровопролитное сражение, и земля еще не очистися от крове, еще трупия не истлѣша мертвыхъ, что убо ускоряеши паки погибелную язву нанести на людей убогихъ. На сие ли Богъ воздвиже насъ въ князи народу? На сие ли порождени есмы, да будемъ погибелью людемъ? И гдѣ должности наши и обѣщания, яко кляхомся пред Богомъ, да защищаемъ народъ и да будемъ яко отцы подданнымъ своимъ? Остави, брате, молю тя, великаго ради имене Божия, еже от начала призвася на насъ, остави намѣрение твое. Вскую изощряеши на блато топоръ? Вскую противу комара строиши махины и извлекаеши мечь? Азъ не противлюся ти ни въ чемъ, скажи, чесо хощеши, тебе ради и ради общаго покоя вся сотворю. Не видиши ли, яко самъ азъ изыдохъ и вдахся въ руцѣ твои? Твори со мною, еже ти угодно: аще изволиши, вонзи мечь твой въ сердце мое, азъ бо съ радостию умру, точию да своею смертию миръ воздвигну въ России; аще ли сего сотворити не хощеши, то паки тя во-

прошаю, чесо ища, пришелъ еси во владѣние мое. Не отрекохся ли княжескаго престола тебе ради? Не оставихъ ли ти вся въ цѣлости, яже ми во Владимирѣ быша? Не удалихся ли во отечествие мое, дабы тебѣ ни единаго случая къ подозрѣнию не подати? Не живяхъ ли мирно? Кто тя воздвиже на мя? Аще ли чимъ раздражихъ тя, отдаждь неправду мою. Развѣ негли[1] то тебе безпокоитъ, яко живу еще? Живу убо, яко воля Божия продолжается о бытии моемъ; егда же неизбѣжный предѣлъ жизни моея настанетъ, отъиду вслѣдъ бывшихъ от вѣка. Престани на мя злобствовати, княже, Богъ свидѣтель совѣсти моей, яко ничимже виненъ есмь пред тобою; аще ли же ни, убий мя убо ты, якоже рѣхъ ти, видиши, яко единъ есмь съ тобою; убий мя, яко уби незлобиваго Авеля Каинъ,* и возврати отечеству покой».

48. Князь Георгий, слушая сия, сѣдяше, въ землю потупивъ очи, таже воззрѣвъ на святаго, рече: «Прости мя, брате, за вся злая, яже нанесохъ ти, велия бо есть моя неправда пред Богомъ и тобою, а во языцѣ твоемъ нѣсть ни единыя льсти, яже изреклъ ми еси, вся тако суть; и убо азъ раскаяние приношу пред тобою и обѣщаюсь впредь никогда не воевати на твою державу; живи въ мирѣ, и азъ пребуду въ покоѣ, а яже доселѣ быша, вѣру ми ими, яко вся быша по наущению другихъ».

49. «По наущению другихъ?! — отвѣща святый. — Что аще бы кто совѣтовалъ кому, да обѣситъ камень жерновый на выю[2] свою и ввержется въ море? Еда послушалъ бы чужаго гласа? Подобно есть и сие, паче же и болше. Коликия бо опустѣша веси и селения, осиротѣша младенцы, овдовѣша жены, старцы лишишася помощи, и ихже тогда не пожре смерть, тии умроша гладомъ. Лютѣ намъ, яко унее бѣ намъ единымъ, якоже рѣхъ ти, ввергнуться въ море, нежели толикая сотворити злая, о нихже въ пришествие Господне страшное истязание[3] наступитъ. И како явимся тамо? Кий воздадимъ отвѣтъ? Како избѣжимъ осуждения, нещадно убогую братию Христову, ихже подобаше миловати, умучивше? Обаче грѣхъ да понесетъ наушникъ и ласкатель, возжегший толикий пожаръ, намъ же надлежитъ отнынѣ опасно[4] жития нашего препровождати время, выну пред очима Божий имѣюще законъ, и аще кто совѣтуетъ согласная закону, тому послѣдовати, льстецовъ же и ласкателей, яко орудий диаволскихъ, всячески блюстися. Таковии бо людие суть прегубителнии въ свѣтѣ, наипаче же для высокихъ властей, ихже они окружаютъ, зѣло опасни. Увы, брате мой, яко сии лукавии человѣцы под видомъ доброхотства вѣдаютъ хитро покрывати лесть свою; мы же, не могуще проникнути въ злое ихъ сердце, прелщаемся часто и, вреднымъ ихъ послѣдующе совѣтамъ, падаемъ въ неприязненную сѣть лукавства. Не о таковыхъ ли вѣщаетъ Богъ чрез пророка: „Сыне человѣчь, ты посредѣ скорпий живеши",* — мнози бо бяху во иудеехъ лживии пророцы, вси же таковии именуются въ Писании прелестныя звѣзды,* дважды умершая тѣлеса,* аг-

[1] что; [2] шею; [3] испытание, суд; [4] с осторожностью.

гели сатанины,* волцы хищнии* и проч. Тѣмже убо всякий властелинъ долженъ есть всемѣрно блюстися ихъ».

50. Отвѣща Георгий князь: «Добрѣ глаголеши, княже, и якоже совѣтуеши мнѣ, потщуся блюстися, да не кто от таковыхъ прелстить мя. Нынѣ убо утвердимъ между мною и тобою завѣтъ, еже мирно и любезно по Бозѣ жити намъ отселѣ». Благо слово приложи князь: «Святый Духъ Божий проглагола усты твоими. Завѣтъ, егоже предлагаеши, приемлю тако, яко завѣтъ Христовъ; обаче, вѣдая, разумѣй, яко подобаетъ его свято и нерушимо хранити; аще ли же кто разрушитъ оный, того разрушитъ Богъ въ конецъ, якоже из Писания доволно вѣси». На сие князь Георгий отвѣща: «Буди тако: кто утвержденный сей между мною и тобою завѣтъ разрушитъ, да разрушитъ его Богъ». И к сему оба вкупѣ приложиша: «Буди тако. Аминь». Таже, воставше, цѣловастася, и бысть въ той день велия радость во всѣхъ. И повѣда святый князю вся, яже збышася во Тфери, како супруга его въ добромъ исповѣдании скончася, како Кавгадыя отпусти, утвердивъ съ нимъ завѣтъ, и прочая. Егда же святый хотяше возвратитися во своя (ибо великий князь Георгий потщася съ воинствомъ отъити во градъ Владимиръ), предложи ему святый, да аще угодно явится слово, пойдутъ вкупѣ во Орду къ царю, да нѣкую милость исходатайствуютъ у него христианомъ, яко да престанетъ озлобляти ихъ и уменшитъ наложенныя дани, яко несносны суть. Соизволи на сие князь Георгий; и совѣщастася въ грядущее лѣто, еже умыслиша, исполнити дѣломъ, и тако разыдошася.

51. Великий убо князь Георгий, пришедъ во Владимиръ, обрѣте Кавгадыя, ожидающаго его ту, и, совокупився съ нимъ, паки начаста вкупѣ на святаго составляти ковы[1]. «Зри, — рече, — коликий стыдъ и срамъ нанесе онъ не точию княжению сему, но и всему татарскому царству, поразивъ насъ, плѣни и, яко хищный волкъ, обогатися нашими корыстьми[2], умертви же и великую царевну; аще ему потерпимъ, то никогда не возможемъ въ спокойствии жити, он бо упова на ся, не престанетъ возмущати насъ», — сице сии на праведнаго и незлобиваго совѣщашася мужа и, забывше кийждо клятвенная обѣщания своя, предвариша святаго и отъидоша къ царю во Орду, поемше съ собою вся князи низовския земли* и боляръ всѣхъ градовъ, еже клеветати на святаго къ царю.

52. Егда же приидоша во Орду, абие царь повелѣ всѣхъ представити пред собою, иже, представше, начаша многия лжи клеветати на святаго, къ нимже присовокупиша и сие, яко онъ и царския власти отторжеся, и отречеся приити къ нему, укорительно вѣщая: «Кто есть сей варваръ нечестивый, дабы азъ на поклонение къ нему пришелъ?!» Слышавъ же сие, царь разгнѣвася зѣло, яко измѣнитися ему лицем и сотрястися от распаления ярости, и возопи: «Увы мнѣ, яко от единаго проклятаго человѣка того преобижается моя держава, еяже трепещутъ земля и море; тако ми силы моея, яко не будетъ живъ той человѣкъ».

[1] козни; [2] добычей.

Таже, призвавъ нѣкоего от велможъ своихъ, именемъ Ахмыля,* посла его къ блаженному князю, да объявитъ ему царское повелѣние свое, яко да непремѣнно чрез четыредесятъ дней приидетъ во Орду; аще ли же сего не сотворитъ, да предложитъ ему лютую рать, поносную[1] смерть и разорение всего наслѣдия его.

53. Святый же великий князь, духомъ предвидя вся, совѣщаваемая и грядущая на нь, призва сына своего князя Константина и посла его пред собою во Орду, глаголя: «Шедъ, чадо, явися царю и рцы, яко и азъ вскорѣ имамъ лицу его предстати; виждь бо, яко князи наши, не возвѣстивше, предвариша насъ, и боюся, да оттуду царь не возъимѣетъ нѣкоего подозрѣния на насъ и не сталъ бы пакости какия строити намъ. Тако бо научихомся от Христа, да нанесенное зло терпимъ великодушно, обаче самихъ себе подвергати опасности и бѣдамъ не повелѣ, но еще и отвращати зло, елико возможно, подобаетъ по примеру святыхъ, иже ово бѣгствиями, ово извинениями, ово молениями и кротостию укрощаху гнѣвъ, прогоняху зло и защищаху жизнь. Жизнь бо от Бога имѣемъ. Убо мы над нею власти не имѣемъ, и должни есмы оную, яко Божий даръ, сохраняти до повелѣния Господня».

54. Отшедшу князю Константину во Орду, призва блаженный супругу свою Анну, якоже пишется въ Житии ея, и от великия скорби горько прослезися пред нею наединѣ, таже начатъ глаголати: «Время лютое наста, о госпоже моя! Яко сие духъ мнѣ предвѣщаетъ: паки врази мои злохитрыя на мя составиша совѣты и внушиша царю, воеже бы имя мое истребити от земли. Увы, яко тяжестенъ быхъ людемъ, азъ же потщахся никогоже озлобити никогдаже; убо да умру азъ, яко да престанетъ злоба и успокоится вся земля, аще за мя страждетъ». Отвѣща благовѣрная княгиня: «Ни, княже, ты не тяжестенъ еси землѣ, вси бо подчиненнии твои, под крилами щедротъ твоихъ покоящеся, сие свидѣтелствуютъ согласно, но твои добродѣтели порокамъ несносны. Можетъ ли когда злобный кроткаго и смиреннаго любити, и неправда не всегда ли воюетъ на правду? Самъ Духъ Святый въ Писании изрекъ: „Яко вси, хотящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ".* Причина сего изъявляется во Евагтелии; „Всякъ, — рече, — дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта",* — и паки: „Вы от мира нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ миръ".* Что, скажи мнѣ, овцы согрѣшиша волкамъ, яко сии всегда враждуютъ на тѣхъ? Убо вскую желаеши смерти, якоже реклъ еси, да умру, умремъ бо вси, но Богомъ уставленный жития предѣлъ въ терпѣнии ожидати должно».

55. Отвѣща благовѣрный князь: «Не мни, яко малодушествую азъ и въ нетерпѣнии желаю себѣ смерти. Ни, госпоже! Но рекохъ ти, яко надлежитъ ити ми во Орду, аще царь прогнѣвався на мя и хощетъ мя убити; аще ли же не иду азъ туда, то приидутъ онии варвары, и опустошатъ всю землю, и насъ избиютъ».

---

[1] позорную.

На сие святая княгиня от великия надежды на Бога устремительно рече: «Почто боишися злочестиваго царя? Нѣсть неправды въ насъ, за вѣру бо и отечество стоимъ; аще и малы есмы числомъ, обаче Богъ поборетъ по насъ. Не явный ли Божия помощи примѣръ недавно имѣлъ еси пред очесы твоими, егда врази твои овии, сокрушившеся, падоша на брани, овии, плещи давше, со стыдомъ побѣгоша, овии же плѣнены быша и приведены во градъ? Не убойся убо горделиваго царя, ибо и онъ падетъ и падетъ наипаче, яко дерзаетъ хулу глаголати на Бога; не предавайся, яко агнецъ, въ челюсти того несытаго волка».

56. На сие князь рече: «Ни, великая княгиня, мнѣ подобаетъ всяко предстати лицу царя, ибо аще бы азъ и извѣстно вѣдалъ, яко побѣдою над нимъ Богъ насъ увѣнчаетъ, обаче оную многими разорениями убогихъ и многимъ пролитиемъ крове надлежитъ купити. Вѣси татарскую лютость: аможе[1] аще обратятся, все опустошаютъ, яко силное возгорение огня, и колико душъ погибнетъ за мя от Орды доселѣ и здѣ во отечествии нашемъ; убо да сия не вижу, всяко подобаетъ ми во Орду ити, воля Господня да будетъ. Азъ бо от многа времени желаю пострадати за имя Христово и душу положити за порученное ми от Бога стадо». Глагола княгиня: «Аще тако есть, яко желаеши пострадати за святое имя Господа нашего Иисуса Христа и за достояние его, еже честною своею кровию искупи, блаженъ воистинну будеши, блаженство бо Писание приписуетъ страждущымъ правды ради и умирающымъ о Христѣ и полагающымъ душу за братию свою.* Обаче блюди, великий княже мой, да не прельстятъ тя хитрии человѣцы обѣщаниями и ласканиями своими. Блюди же, молю тя паки, да не убоишися мучений различия и множества орудиевъ смертныхъ. Пребуди въ добромъ исповѣдании, пребуди вѣренъ тому до смерти, иже Богъ сый истиненъ горькую за насъ на крестѣ чашу смерти испи и тѣмъ даде намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ его». Сия и симъ подобная блаженнѣй Аннѣ глаголющей, зѣло возрадовася святый и велие Богу возсылаше благодарение, яко устами супруги своея извѣщение о томъ своемъ намѣрении приятъ.

57. Таже призвавъ дѣти своя и поучивъ я доволно, еже жити въ страсѣ Господнемъ, покарятися матери своей и добрымъ ея исправлениямъ послѣдовати, благослови единаго коегождо ихъ, рекъ: «Богъ вѣсть, увижу ли васъ еще, чада, обаче Богу, всещедрому Отцу, васъ препоручаю, той попечется о васъ; вы же живите согласно и мирно, якоже подобаетъ дѣтемъ, покорнымъ отцу, и препочиетъ благословение на васъ. Аще ли же вражда вселится между вами, блюдите, да не единъ от другаго истреблени будете; матерь вашу почитайте, сия бо есть воля Божия, она же сохранитъ васъ въ добромъ наказании, якоже и мене моя воистинну блаженная и богомудрая мати Ксения. Осиротѣлъ бо азъ прежде рождения моего, якоже вѣсте, обаче Богъ чрез матерь возрасти мя, тако и вы не будете оставлени никогдаже». Потомъ состави имъ завѣщание и раздѣли кня-

[1] куда.

жение, глаголя: «Будите довольни симъ завѣщаниемъ моимъ: се раздѣлихъ вамъ достояние мое, да кийждо свою часть имѣетъ, и да не будетъ вражды и несогласия между вами. Аще умѣренно и добродѣтельно поживете, можете быти довольни своими удѣлы, еще же и преизбудутъ вамъ вся, и приложатся вящше, и руки ваша будутъ на плещи враговъ вашихъ, вы же не постыдитеся никогдаже. Аще же за пороки впадете въ скудость и бѣды, себе окаевайте, а не Бога и мене. Се рѣхъ вамъ: внушите словесемъ моимъ и помните, еже сохранити я, и Богъ мира пребудетъ съ вами». И тако отпусти ихъ от себе.

58. По сихъ иде благовѣрный князь къ святителю Божию Варсонофию епископу и взя благословение у него, такожде и вся святая, бывшая во Тфери, мѣста обшедъ, даде всѣмъ цѣлование и миръ, и на другий день зѣло рано, знаменався крестнымъ знамениемъ, ятся пути, провождающымъ его многимъ от града, въ нихже бѣ первая блаженная княгиня Анна съ чады своими. Пришедшымъ же имъ къ рѣцѣ, называемой Нѣрли, пригласи святый духовнаго отца своего Иоанна,* пред нимже, излиявъ все сердце свое Богу, истинное исповѣдание грѣховъ приношаше надолзѣ, предочищая свою святую душу. Таже, веземъ благословение у отца, отпусти возвратно всѣхъ, самъ же поятъ два сыны своя Димитриа и Александра, Василью же, яко младшему сыну, повелѣ съ материю возвратитися, идяше во Владимиръ градъ. Коликия же излияшася на землю от обоихъ странъ при разлучении семъ слезы, невозможно есть изъявити словомъ! Самъ князь, человѣчествомъ препобѣждаемъ, рыдаше, яко оставляетъ отечествие свое и разлучается съ любезными други и чады. Княгиня же съ прочими рыдаху, яко лишаются добраго отца и великаго пастыря и покровителя. На многъ убо часъ не могуще глаголати от слезъ, очима точию взираху другъ на друга и едва наконецъ возмогоша разлучитися въ предлежащыя имъ пути.

59. Егда же прииде благовѣрный князь Михаилъ во Владимиръ, тогда постиже къ нему и преждереченный от царя посланникъ Ахмыль, объявляя ему вся по ряду, како клеветаша на него къ царю, како прогнѣвася царь, и како его посла, и что рѣщи повелѣ. Слышавше же сия, предстоящии боляре совѣтоваху святому, еже не ходити во Орду и не возвращатися во отечествие свое, но уклонитися на время въ безвѣстное мѣсто, дондеже мимо идетъ царевъ гнѣвъ. Такожде и сынове блаженнаго глаголаху: «Уклонися, молимъ тя, дражайший родителю, на время от царева гнѣва, яко оболганъ еси, и опасность велия належить[1]; мы же идемъ съ боляры нашими во Орду къ брату нашему Константину и тамо утолимъ царевъ гнѣвъ кроткимъ извинениемъ, или мы да умремъ вмѣсто тебе». Кроткий же умомъ мужъ и преисполненный всякия добродѣтели, великий князь Михаилъ, отвѣщавъ, рече: «Ваша, яже изрекосте, словеса, происходятъ от любви ко мнѣ, о любезная чада и вожделѣннии друзи, обаче видите, яко любовь истинная долженствуетъ зрѣние имѣти, без сего бо удобно пополз-

[1] приближается.

немся[1] въ различныя страсти, вмѣсто неувядаемаго благополучия поработившеся мнимому добру, еже раждаетъ отступление от Бога и грѣховный плѣнъ. Вы рѣсте[2], да скрыюся от царева гнѣва; и аще азъ сие сотворю, кто вѣсть, что имѣетъ послѣдовати потомъ. Что аще царь всѣхъ васъ истребитъ мечемъ? Что аще, пришедъ на отечествие мое, въ конецъ опустошитъ? Что аще мене пойдетъ искати въслѣдъ? Коликую тяжесть претерпитъ земля, коликия разорения причинятся вездѣ, коликия душы ненасытимая пожретъ смерть, и кто за вся сия Богу воздастъ отвѣтъ? Не и мене ли Божие за то мщение постигнетъ, и грозный Судия вѣчному мя осуждению предастъ? Убо не препятствуйте ми, да иду къ царю, унее[3] бо есть, да азъ единъ умру, а не толикия за мене единаго постраждутъ. Единожды бо умрети предлежитъ ми, и почто неизбѣжное отлагати надолзѣ? Пожихъ довольно, нынѣ конецъ житию наста, умираю съ радостию, мня сие приобрѣтение быти, яко пожихъ со Христомъ и добрымъ подвигомъ подвизахся». Сия рекъ, прослезися святый и, воздохнувъ от сердца, умиленно воздѣ руцѣ свои на небо, глаголя: «Увы мнѣ, яко пришелствие мое продолжися!» [Псал. 119, стих 5],* «Когда прииду и явлюся лицу твоему, Боже!» [Псал. 41, стих 3].* Посемъ надолзѣ, якоже обычай имѣяше, дѣтей своихъ поучивъ и написавъ имъ грамату о раздѣлении отеческаго достояния своего, отпусти возвратно всѣхъ, самъ же пойде во Орду.

60. Егда же достиже святый до устия Дону рѣки, идѣже впадаетъ въ Сурожское море,* ту срѣтоша его князь Константинъ, сынъ святаго, и приставы, иже под видомъ благоволения нѣкоего послани бяху от царя, еже проводити святаго съ честию и блюсти, дабы ему не воспослѣдовала каковая обида на пути от татаръ. Тако провождаемь, достиже святый во Орду и, шедъ, одари по обычаю вся князи ордынския и царицу, потомъ и самого царя. Вси же тии умягчивше словеса своя и, притворствомъ покрывше гнѣздящуюся на сердцахъ своихъ злобу, прияша святаго честно и повелѣша ему нѣкое время пребыти, глаголюще: «Утрудился еси от пути, княже, препочи и успокойся, яко въ собственномъ дому, вси бо здѣшнии попремногу любятъ тя, и ты не смущайся ни о чемъ». Святый же разумѣваше, что оная словеса суть, и, помышляя въ себѣ, удивляшеся хитрости и лукавству людей, како они знаютъ ядъ аспиденъ под языкомъ скрывати, коимъ, лобзая, убиваютъ. Таже рече: «Весь миръ во злѣ лежитъ, и малыя дѣти умѣютъ прельщати сѣтию птицъ и удицею рыбъ, сладкую представляя пищу. О, когда истребится зло и возсияетъ Царствие Божие на земли? Когда диаволя разрушится прелесть?»

61. Прешедшымъ же нѣколицѣмъ днемъ, призва царь совѣтники своя и рече имъ: «Кую рѣчь изнесосте на князя Михаила, аки бы онъ обиду нанесе Георгию князю? Шедше, испытайте о словеси семъ, азъ бо правду хощу хранити, и иже из нихъ явится виновенъ, достойную да подъиметъ казнь, праваго же

---

[1] впадем; [2] говорите; [3] лучше.

помиловати хощу». Собрашася убо вси ординстии князие во едину вѣжу[1], яже бѣ за царевымъ дворомъ, въ нихже бѣ началствуяй лютый Кавгадый, о немже прежде рекохомъ, и послаша пригласити на судъ святаго великаго князя Михаила. Онъ же, слышавъ сия, воста скоро и, знаменався крестнымъ знамениемъ, поклонися Господеви, глаголя: «Благодарю тя, Боже и Отче мой прещедрый, яко предначинаеши постилати ми путь, имже, тлѣнности тѣла сего свобождшися, достигну къ желаемому раю». Таже, яко незлобивый агнецъ, грядяше къ злочестивому тому собранию волковъ; пришедъ же, ста дерзновенно на судѣ, обаче видъ глубокаго смирения, имже украшашеся от дѣтства, сияше приятно на лицѣ его. Рѣша убо судии святому: «Рцы намъ истину, княже, принеси признание, и проститъ ти царь вину». Отвѣща святый: «Измлада не навыкохъ лгати, азъ правду вамъ исповѣдую, яко нѣсть вины моея ни единыя пред царемъ». Тии же рѣша: «Обличимъ тя, княже, яко вся извѣстно вѣмы, обаче унее ти есть, да самъ признание принесеши, и мы умолимъ царя за тя». Святый же тихо рече: «Еже умыслисте творити о мнѣ, творите, нѣсть вины моея ни единыя пред царемъ». На сия словеса возревѣша вси онии, составляющии весь сонмъ, глаголюще: «Зри окаменение сего человѣка, яко не умягчается ничимже», — и начаша многая вадити[2], клевещуще на святаго, сами бо и доносители, и соперники, и послухи[3], и судии бяху.

62. Предлагаху же сии наипаче вопросы: «Чесо ради сопротивися произведению великаго князя Георгиа на престолъ? Чесо ради сражение имѣ без царскаго соизволения? Чесо ради посланника царева плѣни и [4]нужно изнури[4] многихъ? Чесо ради умертви татарскую царевну, бывшую за Георгиемъ княземъ? Чесо ради дани многия собра и корысти, яже подобаютъ царю, и не принесе я? Чесо ради укори царя и отречеся во Орду приити?» Отвѣща святый: «Произведению Георгиа не сопротивляхся, но паче много способствовахъ, самъ онъ можетъ свидѣтелствовати, аще хощетъ. Сражение имѣхъ защищения ради отечества моего, не моглъ же царскаго повелѣния просити, яко далече бяше, а время медления не терпяше. Царева посланника не плѣнихъ, но точию предводителя разорений, обаче съ честию и дарами отпустихъ его со всѣми. Се Кавгадый здѣ, да скажетъ правду. Царевну не умертвихъ, но сама естественною смертию скончася съ миромъ. Пошлите вопросити тамо. Дани никакия не собирахъ, но и яже ми бяху, вся царю дахъ, свидѣтельствуютъ книги, и [5]праздная сокровища[5] моя, и весь под моимъ правлениемъ находившийся народъ. Царя же николиже укорихъ, вѣдая, яко нѣсть власть, аще не от Бога, и не отрицахся во Орду приити, паче же и Георгию совѣтовахъ о томъ, умедлихъ же, яко не сказаша ми единоплеменнии мои и предвариша мя. Не и посланникъ ли царевъ на пути шествующа мя обрѣте? Аще ли когда кого и укоряхъ, якоже мнится вамъ, обаче исправ-

---

[1] шатер, палатку; [2] жаловаться; [3] свидетели; [4—4] насильственно извел; [5—5] пустая казна.

ления ради, и не уничижахъ человѣка, но на пороки устремляхся, тии бо зѣло ненавистни суть мнѣ и терпѣти я[1] отнюдъ не могохъ. Се истину вамъ рекохъ, свидѣтель ми есть Господь мой Иисусъ Христосъ, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его».

63. Отвѣщавше же князие ординстии, рекоша: «Еще ли и Христа здѣ въ свидѣтели приводиши, и кто есть Христосъ, да вѣримъ ему? Ты самъ хитро исплелъ еси ложъ, обаче не избудеши суда, повиненъ бо еси всему тому, яже предложихомъ[2] ти». Воззрѣвъ же святый съ негодованиемъ на нихъ, рече: «Вы, еже хощете творити, творите ми по единымъ пристрастиямъ вашымъ, яко правду слушати не хощете и прогнасте ю от себе, обаче Христа, моего Господа, не укоряйте, той бо всевѣдущъ и праведенъ, ускоритъ низпослати гнѣвъ свой на хулителей имене Своего и истребитъ я въконецъ[3], яко не обрѣстися имъ мѣсту на земли, Его бо есть земля, и Онъ всея твари владыка».

64. Сия слышавше, татарове рѣша: «На сие ли тя призвахомъ, да здѣ проповѣдуеши Христа? Еда и насъ хощеши своею безумною ересию повредити? Ни, не буди то, но глаголемъ, яко ты человѣкъ еси, преисполненный всякия лсти и коварства, беззакония твоя и злость вопиетъ на главу твою, обаче аще сообщишися[4] добрѣй нашей вѣрѣ и намъ житиемъ и мудрованиемъ подражати начнеши, можеши имѣти надежду наслаждатися еще сладкою сего свѣта жизнию. Аще ли сего сотворити не восхощеши, не избѣжиши мучительнаго осуждения и поносныя смерти. Отъиди убо отсюду, нечестиве, отъиди, не терпимъ бо видѣти твою главу скверную».

65. Тако укоривше святаго, изгнаша вонъ и повелѣша, да под стражею узами связанъ, блюдется, идѣже бѣ святый по обычаю своему въ непрестанныхъ молитвахъ, богомыслии же и умилении благодаря Бога. Они же, совѣщавшеся, идоша къ царю, возвѣщающе ему безчисленныя глаголы ложныя на святаго, яже сами лестно сплетоша, и тогда абие опредѣляху ему умрети, рекше: «Да умретъ злочестивый оный, не достоинъ бо есть жити». Обаче царь повелѣ, да другое ему истязание сотворятъ. Сие же, не яко хотя изслѣдовати правду, но точию свою покрыти злобу. Можетъ ли бо добродѣтель вселитися въ злочестивую душу, и правда между разбойниками можетъ ли имѣти мѣсто?

66. Минувшымъ убо седми днемъ, вторично изыде повелѣние от ордынскихъ собравшихся князей, да представятъ святаго на судъ; прииде же великий князь, связанъ по руку оковами, и пред ними ста, они же, свирѣпо воззрѣвше на нь, паки начаша святаго вопрошати, о немже и на первомъ судѣ истязанъ бѣ. «Рцы намъ, — глаголаху ко святому, — еда ли прииде въ чувство, еда ли умягчился еси сердцемъ, еже сказати намъ правду, юже прежде утаилъ еси, еда ли согласился еси на предложение, еже сообщитися намъ? Се предлагаемъ ти последнее увѣщание, да аще повиновение принесеши, добрѣ, аще ли ни, злѣ умре-

[1] их; [2] представили, предъявили; [3] окончательно; [4] приобщишься.

ши, воздаждь убо отвѣтъ на преждепредложенныя ти вопросы». Отвѣща святый: «Рѣхъ вамъ всю истину, но не приемлете ю, что еще хощете слышати от мене? Еда ли яко безумный младенецъ буду, да, убоявшися вашихъ угрожений, противъ совѣсти солгу на ся? Ни, Богъ бо возненавидѣ всякаго, глаголющаго лжу, повелѣ же и правду небоязненно исповѣдати пред всѣми. Разсудите убо, кого паче послушати должно, васъ ли или Бога. Ни, не солгу азъ; вы же, аще хощете истину увѣдати, испытание сотворите, призовите свидѣтели, учредите порядочное слѣдствие, все явно будетъ; вашымъ же суетнымъ мудрованиямъ, яже къ пагубѣ приводятъ, не соглашусь никогда. Вы паче, познавше истину, поработитеся Христу, да получите животъ вѣчный». Тогда возопиша князие от ярости: «О, продерзости! О, безстудства!» И обращшеся ко святому, рѣша: «Ты ли ны учиши, неключимая[1] главо? На что свидѣтели? Не требуемъ слѣдствия. Дѣла твоя гласятъ: повиненъ еси, покайся или согласися съ нами и рцы правду».

67. Святый же, видя, яко умножися вконецъ злоба, и зависть, ослѣпляющая ихъ очеса, не даетъ правдѣ мѣста, прочее[2] умолча. Неистовствующии же тии судии настояху на него, вопрошающе и поношающе, обаче святый ничтоже проглагола, но, терпѣниемъ оградився, пребысть, яко камень, волнениями морскими непоколебимь. Тии же, видяще, яко молчитъ святый, осудиша его, рекше: «Повиненъ есть, ибо совѣстью угрызаемый, признание и согласие приноситъ». По семъ изгнаша святаго паки съ безчестиемъ вонъ под стражу, яко и прежде. Бѣ же суббота той день, и приставиша къ нему от седми князей седмь суровых стражей* со инѣми многими, заповѣдавше имъ, да нозѣ святаго забиютъ въ кладу[3], да будетъ окованъ по руку, и да, изгнавше всѣхъ боляръ и знаемыхъ от святаго, никогоже пустятъ къ нему собесѣдования и служения ради.

68. Сия вся сотвориша, пришедше стражие тии и оградивше святаго даже до одеждъ его и иныхъ вещей, яже ему бяху въ наметѣ[4], и, раздѣливше по себѣ, сѣдоша, стрегуще его и ругающеся ему, укоряху, глаголюще: «Что, княже, гдѣ гордость твоя? Мы тебе усмиримъ, да уразумѣеши татарскую силу и власть». Святый же терпѣливо на вся дѣемая взирая, глаголаше въ себѣ: «Обыдоша мя врази мои, яко пчелы сотъ» [Псал. 117],* «Друзи мои и искреннии мои далече от мене сташа» [Псал. 37],* «Благословенъ Господь, научаяй руцѣ мои на ополчение» [Псал. 143],* «Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ» [Псал. 22].*

69. Во утрие же, свитающей недѣлѣ[5], повелѣниемъ беззаконныхъ варваровъ, освободиша нозѣ святаго от клады и отрѣшиша[6] руцѣ, но точию на честную его выю возложиша кладу велию и тяжку, яже проображаше у нихъ поносную[7] муку, и повелѣша, да клада оная на выи его будетъ, руцѣ же его да связываютъ и забиваютъ въ кладу точию нощию. Таже, вящшаго ради поругания и

[1] дурная; [2] далее; [3] колоду; [4] шатре; [5] воскресенья, т. е. воскресного дня; [6] отвязали; [7] позорную.

безчестия, изведоша святаго, да течетъ въслѣдъ царя, иже тогда идяше съ своими боляры на ловъ[1]. Тече убо святый весь день той, аможе аще идяше на конѣ своемъ царь, къ вечеру же возвратистася въ станъ, обаче святый, ово от толикаго подъятаго труда, ово от неносныя[2] тяжести клады, ово от многаго неядения утруждся, изнеможе вконецъ и, вшедъ въ опредѣленное ему мѣсто, паде, яко мертвъ, на лицѣ своемъ. Стражие же по повелѣнию связаша его паки и забиша въ кладу.

70. Минувшымъ же нѣколикимъ часамъ, воспрянувъ святый и, очи воздѣвъ на высоту (обременяемъ бо тяжестию веригъ, не можаше востати), помолися въ себѣ, глаголя: «Слава тебѣ, всещедрый Владыко, Господи душелюбче, яко сподобляеши мя участника быти страдания и креста, егоже вси доблественнии мужи, на рамена[3] подъявше, доброму послѣдоваша предводителю Христу и тѣснымъ жития путемъ внидоша въ животъ. Слава тебѣ, Человѣколюбче, яко сими оковы удостовѣряеши мя недостойнаго о твоемъ благоволении ко мнѣ. И кое ти благодарение принесу? Что ти воздамъ за толикую милость? Нынѣ азъ свободенъ, яко вси мя оставиша и всего того лишихся, еже бы возмогло душу мою плѣнити, и незыблемымъ упованиемъ всажденъ есмь въ Бозѣ, той мнѣ сокровище, той веселие, слава же и честь. Нынѣ азъ воистинну блаженъ, яко сподобляюся Христовымъ страстемъ сообразоватися[4]. Нынѣ азъ побѣдитель и царь, Христова бо, яже во мнѣ, сила разоряетъ вся коварства враговъ. Нынѣ конецъ желаний моихъ наста, и что ми еще восхотѣти на земли. Даждь ми убо, Господи, совершенное терпѣние, да возмогу до конца преплыти сия обуревания мира».

71. Въ сихъ и подобныхъ размышленияхъ вся нощи препровождаше святый. Пища же ему весма скудная давашеся от мучителей оныхъ, обаче святый доволенъ бяше ею, навыче бо воздержанию измлада, емуже паче прилѣжаше, путемъ шествуя от Владимира во Орду, на немже обрѣтаяся, во всякую недѣлю[5] причащашеся пречистаго Тѣла и Крове Владычни; а отнелѣже взятъ бысть, вся нощи без сна препровождаше въ глубокихъ воздыханияхъ и слезахъ, исповѣдаяся Господеви и непрестанно пояше богодухновенныя пророка Давида псалмы, имиже соуслаждашеся и увеселяшеся, яко нѣкоею на велицѣмъ пиршествѣ мусикиею. Поелику же руцѣ его оковами вязахуся въ нощи и не можаше книгу держати самъ, сего ради испроси у стражей, да позволятъ быти единому своему отроку при немъ, иже, сѣдя, держаше книгу и прекладываше листы. Молящуся святому, множае же чтяше наизусть слѣдующыя псалмы: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей» [Псал. 50],* «Господи, услыши молитву мою» [Псал. 71 и 142],* «На тя, Господи, уповахъ, да не постыждуся вовѣкъ» [Псал. 30],* «Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея» [Псал. 68],* и прочая, симъ подобная.

---

[1] охоту; [2] неподъемной; [3] плечи; [4] уподобляться, соответствовать; [5] воскресенье.

72. Тако святый препровождаше нощи, во дни же бѣ видѣти его свѣтлымъ и веселымъ лицемъ, акибы склабящася[1], и ни единаго не подъемлюща озлобления; егда же прихождаху къ нему боляре его посѣщения ради, и видяше ихъ святый, сожалѣющихъ и скорбящихъ о немъ, глаголаше къ ним: «Се ли вамъ прискорбно, о друзи мои, яко зрите мя нынѣ, плѣненна и окованна отвсюду и тяжесть сию носяща на выи? Но не стужайте, ниже смущайтеся, вскорѣ бо узрите мя свободна и разрѣшенна плотскихъ оковъ и предстояща Христу. Не смущайтеся, молю, яко давно желанныя ми дни нынѣ возсияша, иже предзнаменуютъ ми побѣдоносное прешествие от юдоли сея плачевныя въ дивный и немерцающий свѣтъ. О день приятный, егоже память зѣло услаждаетъ мя! О день послѣдний, далече ли отстоиши от мене, да предстану Христу, да увижу всѣхъ праведныхъ от вѣка, да воспою радостно со аггелы пѣснь! Тако есть, любезнии друзи, тако Духъ Святый намъ въ Писанияхъ изрекъ, яко елико внѣшний человѣкъ тлѣетъ, толико внутренний обновляется,* сирѣчь, елико больше умерщвляема бываетъ плоть, толико возмогаетъ и мужается душа,* и симъ образомъ приходитъ въ возрастъ исполнения Христова. И паки глаголетъ: „Да не кто от васъ постраждетъ, яко убийца или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель[2]" [1 П*етр*. 4, стих 15].* „Аще ли же кто христианинъ состоитъ въ страданияхъ, хвалюся, — рече, — въ скорбехъ моихъ, яко знамение наше есть крестъ".* „Да возметъ крестъ свой, — Спаситель вѣщаетъ, — всякъ послѣдователь мой, яко воини есмы, яко настоитъ намъ сражение и вѣнецъ за побѣду, яко наше житие на небесѣхъ есть, яко странни и пришелцы есмы на земли".* Взирая убо на толикое блаженство мое, вскую скорбите? Радовастеся иногда, егда славою сияхъ, егда изобиловахъ богатствомъ, честию и властию, яже вся, яко сонъ, преидоша и, яко дымъ, исчезоша, бяху бо тлѣнныя вещи и мнимое добро, еже никогдаже можетъ истиннаго благополучия принести. Нынѣ же, зря мя побѣдителя страстей, обогащенна страданиями, умерщвляема плотию, защитника правды, проповѣдника Христова, изобилующа духовною радостию и украшенна вѣнцемъ нетлѣннымъ, вскую унываете, а не, радующеся, паче молите за мя, яко да доблественный подвигъ в терпѣнии совершу? Сия желайте ми, о друзи, аще любите мя, желайте, да моя умножатся страдания, яко да тѣми очищуся от грѣховъ и, яко злато въ горнилѣ, чистъ предстану Христу, и приумножится ми славы вѣнецъ. Помяните Христовы за насъ подъятыя язвы. Помяните Павловы узы,* Петровы вериги,* Иовлевы страдания,* Давыдовы изгнания;* Даниилъ въ ровѣ со львы борется,* отроцы естество укрощаютъ огня.* Толикии мученицы пролияша кровь, толикии праведницы руганиемъ и ранами искушения прияша, еще же и узами и темницею, камениемъ побиени быша, искушени быша, убийствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ* и в козияхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь миръ, въ пустыняхъ скитающеся, и

[1] улыбающимся; [2] сплетник, смутьян.

въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ [Евр.: 11, стих 36 и слѣд.].* Убо мнѣ ли скорбѣти, яко въ число сихъ избранныхъ мужей нынѣ выиненъ[1] есмь? Ни, не скорблю, но радуюся». Сия рекъ, паки весело воспѣ: «Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое его» [Псал. 105, стих 1],* — и прочая до конца.

73. По семъ исхождаше по обычаю своему царь на ловитву, того ради, пришедше, посланнии взяша святаго, да течетъ, якоже и прежде, за нимъ. Онъ же, воставъ, скоро изыде и течаше, поя въ себѣ: «Блажени непорочнии въ путь...» [Псал. 118, стих 1].* Совершаше же сие дѣло весма рачительно и тщательно, глаголя: «От Господа ми бысть сие, сие есть звание[2] мое, звание же совѣстно совершати должно. Не взыщетъ ли Богъ, аще азъ нерадиво повелѣнное ми совершу, и не навлеку ли на ся клятву[3], яже изречеся творящымъ дѣло Божие съ небреженiемъ? Лѣность причиняетъ медление, ослабляетъ силы и усугубляетъ трудъ; радѣние же и рачение облегчеваетъ тяжесть всякую, преодолеваетъ неудобства, укрѣпляетъ слабыя руки, благопоспѣшество призываетъ и Божияго благословения удостоеваемо бываетъ. И вскую ты, помышление мое, глаголеши ми, яко что есть, еже тещи всуе, сие не богоугодно и неполезно есть дѣло. Вопрошу бо тя азъ: долженствуетъ ли конь или оселъ, употребляемый въ дѣло, вопрошати у своего господина, почто сие или иное дѣло дѣеши? Почто мя понужаеши въ сию или въ ту страну ити? Ни не вопрошаютъ, и аще бы тии начали разсуждати о семъ, то наказание подъяли бы у господина, емуже и всегда лѣнивый скотъ подвергается. Не и рабы ли, и малые отроки, и всякъ лишенный свободы по сему же поступаютъ, не истязывая у приставниковъ своихъ причины, чего ради дѣлается что, но точию повелѣнная зная исполняти; убо господское дѣло есть о качествѣ вещей дѣемыхъ разсуждати, наше же точию есть налагаемыя труды проходити без роптания и лѣности. Сей бо есть порядокъ вещей от вѣка. Рабъ научися въ пользу питающаго тя свои употребляти силы, а ты, брение[4], не глаголи скудельнику[5]: „Почто мя сотворили еси?"* — тако отрокъ да послушаетъ учителей своихъ, корабль да течетъ, аможе управляетъ кормчий, тако надлежитъ истинному послушанию быти. Но разумная тварь человѣкъ о семъ единомъ наипаче да разсуждаетъ, яко Богъ есть всея твари общий властелинъ, убо больше ему повиноватися долженъ есть; аще ли же другии находящиися под нимъ власти повѣрятъ намъ что противное Божией воли сотворити, то въ семъ ихъ слушати мы не обязаны, якоже апостоли рекоша: „Лучше бо есть тысящекратно умрети, нежели единожды грѣхомъ раздражити Бога",* — а еже тещи нѣсть богопротивное дѣло». Сице размышляя въ себѣ, святый радостно за царемъ всегда течаше, аще и кладу нося на выи.

74. Минувшымъ же 24 днемъ страданию сему, повелѣ начестивый Кавгадый вящшаго ради поругания привести блаженнаго страдальца на торжище,

---

[1] вхож; [2] призвание, предназначение; [3] проклятие; [4] глина; [5] гончару.

идѣже собрася безчисленное множество народа на позоръ той, въ немже бѣ немалая часть и российскихъ людей. Отвсюду бо во Орду стекашеся народъ, ово нуждъ радии нѣкиихъ, ово же царю приносяще дани и купеческий отправляюще промыслъ. Ту предста святый въ кладѣ, худыми одѣянъ рубы[1], босъ и непокрыту имѣя главу. Прииде же и лютый Кавгадый мучитель, съ велиею гордостию ѣздя на конѣ, иже абие возопи къ своимъ: «Гдѣ есть уничиживый царскую власть и толикая злая содѣявый, поминания недостойный Михаилъ?» Взяша убо слуги святаго и представивше его лицу Кавгадыеву, иже, на высокомъ мѣстѣ сѣдяше, рѣша: «Се Михаилъ». Тогда Кавгадый, свирѣпо на святаго воззрѣвъ, рече: «Еще ли величаешися, Михаиле, вскую достойную ми не воздаеши честь, не вѣси ли, яко власть имамъ на тя, да тя умерщвлю и паки оживлю?» Таже обращся къ слугамъ, со гнѣвомъ рече, да святаго пред нимъ на колѣнѣхъ поставятъ. Они же, нападше на нь, повергоша его на землю съ толикимъ стремлениемъ, яко сокрушатися костемъ его, потомъ, подъявше, поставиша на колѣнѣхъ, и стояше тако вѣнценосецъ Михаилъ на долгъ часъ. Между же тѣмъ Кавгадый не престаяше поношати и злословити святаго, емуже нѣцыи из предстоящихъ зрителей послѣдоваху, друзии же о семъ зѣло сожалѣху, обаче никтоже ни единыя вины изнесе на святаго, аще и сего ради изведоша его на позоръ той, дабы народу свободно клеветати на нь.

75. Видѣвъ же Кавгадый, яко вси умолкоша, повелѣ святаго отвести паки под стражу, аможе самъ потомъ, притворшися, аки бы сожалѣетъ о немъ, прииде и, сѣдъ, нача глаголати, предстоящу святому: «Не скорби, Михаиле, азъ много скорблю о злополучии твоемъ и многую тщуся дати помогу, но многихъ имѣеши враговъ, потерпи мало, и вскорѣ твоимъ страданиямъ настанетъ конецъ; а яже о кладѣ, тобою носимѣй на выи, вѣдый буди, яко таковъ есть царевъ обычай: аще на кого гнѣвъ свой положитъ, абие повелѣваетъ забити его въ кладѣ, аще бы и присный былъ его сродникъ; егда же утолится его гнѣвъ, то вящшую изливаетъ милость и въ первый паки вчиняетъ санъ. Потерпи убо: на сихъ бо днехъ свободу, якоже предрекохъ ти, получиши, и тягость сия отъидетъ от тебе. Аще ли же хощеши, то ты самъ можеши спасение твое предускорити и въ сей день получити е, азъ свидѣтельствую ти и поручаюся, объяви намъ точию, яко будеши сообщникъ съ нами въ вѣрѣ, яже коль есть честна и добра, самъ видиши: вся бо намъ дѣяти, ясти же и пити, и наслаждатися похоти, и не изнуряти постами и молитвами тѣло намъ позволяетъ. Ты убо, аще хощеши, приими сию вѣру. Вскую ти есть уповати на убогаго Христа, умершаго поносно и тяжкий вамъ давшаго законъ. Приими нашу вѣру, и абие будутъ ти вся». Отвѣща Кавгадыю святый: «Азъ не требую, дабы ти дѣемая о мнѣ предлагалъ, ибо самъ азъ вѣдаю по единому вся, не требую же ни чести вашея, ни свободы, ни ходатайства твоего, отнелѣже внидохъ въ подвигъ сей, яко Господь мой печется

[1] лохмотьями.

о мнѣ, и той мя прославитъ на небесѣхъ. А яже ми глаголалъ еси о вѣрѣ, дабы Христа моего отрекся, ни, не буди то, не буди то никогда, Господи мой сладчайший Иисусе. Ты убо вѣдай, Кавгадый, яко аще бы мнѣ извѣстно было, яко тысящу ми лѣтъ жити и на кийждо день тысящекратно мучительною смертию умирати, то ни тако бы азъ отверглся Христа, егоже любовию уязвлена ми есть душа, и горю сладостно божественнымъ огнемъ».

76. Рече Кавгадый: «Много глаголеши, Михаиле, обаче терплю ти, зная продерзость твою, паче же совѣтую, да, лучшая избравъ, сохраниши свой животъ». Отвѣща святый: «Лучшая избрахъ, предпочетши вѣчная тлѣннымъ и египетскимъ сокровищемъ поношение Христово; не хощу измѣнити вѣру, не хощу разорити законъ. Законъ бо нашъ святъ, праведенъ и чистъ, законъ же вашъ прескверенъ и пребезуменъ. Законъ долженъ обуздати страсти, и кто видѣ законъ, побуждающий ко злу, якоже вашъ. Не лститеся, законъ вашъ есть къ вѣчной погибели путь, вѣра же наша есть едино средство ко спасению». Отвѣща Кагадый: «Много глаголеши, Михаиле, но мню, яко от великия скорби изумился[1] еси, того ради терплю ти, протчее умолчи». Таже, воззрѣвъ на стрегущихъ, рече: «Почто не облегчите убо или поне[2] поддержите ему кладу, да не отягчаетъ ему плечи». Притекъ убо единъ от предстоящихъ, поддержаше древо или паче, болше обременяше святаго, ругаяся ему, по семъ отъиде Кавгадый во своя.

77. Нѣкогда бывшу блаженному въ ловѣ съ царемъ, случися ему остатися далече от царя, яко пѣшъ бѣ и утруждся от пути, и никтоже из стражей бяше при немъ, ибо разыдошася по стремнинамъ искати звѣрей, здѣ предсташа святому раби его, иже не терпяще зрѣти страдания и укоризны, наносимыя святому, согласилися бяху помощь нѣкую ему сотворити. Глаголаху убо святому: «Молимъ тя, господине нашъ великий княже, да соблаговолиши бѣгствиемъ спасти свой животъ, се кони предстоятъ, и проводницы готовы, уклонися въ нѣкую страну, да получиши свободу и животъ». Отвѣща святый: «Ни, чада, не буди ми то во дни моя, язъ бо измлада всегда правдою ходихъ и пожихъ открыто пред Богомъ и людми, и нынѣ ли начну скрыватися противу совѣсти моей. Аще ли скрыюся азъ, то дѣти мои останутся въ рукахъ враговъ, многия народы разорениямъ подпадутъ, отечество мое опустошится мечемъ и огнемъ, и вскую ми единому жити въ погибель толикимъ людемъ. Воля Господня да будетъ, и да царевъ гнѣвъ на мнѣ единѣмъ скончается, яко да прочии получатъ отраду. Вы же, чада, навыкните отселѣ жити постоянно въ мирѣ и блюдите, да никогдаже ничесоже сотворите, о немже имате стыдѣтися потомъ, но единыя держитеся добродѣтели, та бо спокойствие человѣку приноситъ, а пороковъ, яко огня, бѣжите, ибо тии плѣняютъ душу. Страдания же сия, въ нихже видите мя днесь, суть средния[3] вещи, ихъ доброта и худость от мнѣния человѣческаго зависитъ. Аще кто благоволитъ, якоже Павелъ апостолъ, въ страданияхъ, и аще кто любитъ Бога и

---

[1] вышел из ума; [2] хотя бы; [3] обыкновенные.

правды ради подъемлетъ муки, тому вся поспѣшествуютъ во благое и къ приумножению радости душевныя служатъ,* от противныхъ представлений и въ противныхъ случаяхъ приходитъ туга и печаль. Не слышасте ли, яко Неронъ Римский не можаше во всемъ царствии своемъ спокойствия обрѣсти? Также и Крезъ Мидский, и Киръ Персидский, и Александръ Македонский».* Сия рекъ, моли рабы своя, да, взявше его, отведутъ въ наметъ под стражу, не можаше бо о себѣ ити, бяху бо нозѣ его утруждены, яко нощию всаждашеся въ кладу и во узы, днемъ же бѣгаше за царемъ на ловитву.

78. Тако безчисленная страдания блаженному подъемлющу, ово от повседневнаго течения за царемъ, ово от нощныхъ томлений во узахъ, неспания же и неядения, ово от безчеловѣчныхъ стражей оныхъ, иже, яко тигры нѣкие, выну нападаху на святаго, биюще его и пхающе, и влачаше, и всячески ругающеся ему, приспѣ день святаго Михаила, архистратига воевъ небесныхъ, егоже память совершается ноемрия въ 8 день. Сей день бѣ знаменитъ святому, яко въ немъ повсягодно обыклъ бѣ совершати тезоименитство свое. Зѣло убо рано поутру нача пѣти Давидови псалмы, возсиявшу же солнцу, воззрѣ святый и видѣ, яко пресвѣтелъ бѣ день, восплакася убо и, моляся Господеви, рече въ себѣ: «Вся тварь радуется нынѣ, азъ же, тяжкими оковы пригвожденъ сый къ землѣ, не могу главы моея подняти. Гдѣ прежняя свѣтлость? Гдѣ великолѣпие и слава? Гдѣ богатство, домъ, рабы, свѣтлыя трапезы и празднственныя одежды? Въ сей день иногда домъ мой не вмѣщаше множества народа, и весь градъ красяшеся радостно, нынѣ же азъ во тмѣ и сѣни смертнѣй лежу, а яже дѣются во отечествии моемъ, далечайшее разстрояние мѣста мракомъ невѣдѣния закры. О коль непостояненъ есть свѣтъ! О коль неизвѣстны жизни сея премѣны!» Сия рекъ, весь день той въ горкихъ препроводи воздыханияхъ и слезахъ.

79. По семъ абие на другий день изыде повелѣние от царя, да, воздвигшеся от того мѣста, прейдутъ на другое. Татарове бо обыкли бяху выну преходити от мѣста на мѣсто, да тѣмъ и глада избудутъ, и повреждения воздуха удалятся, и сего ради тии ниже градовъ, ниже домовъ не строятъ, но водворяются въ поляхъ и обитаютъ въ [1]скинияхъ и кущахъ[1], питаются же всякимъ мясомъ, какое бы токмо можно было имъ обрѣсти, еже ядятъ съ кровию, а хлѣба мало употребляютъ. Шествоваху убо татарове сквозѣ безводная и каменистая мѣста нѣколико дней, ведуще и святаго въ кладѣ пѣша за собою. Въ семъ пути неизреченное мучение святый от окаянныхъ тѣхъ сыроядцевъ подъя, наипаче же яко и хлѣба не бѣ, мясъ же съ кровию не яде, глаголя: «Аще ми будетъ и умрети, не хощу сего учинити. Се, колицы взираютъ на мя, иже въ тяжкий могутъ впасти соблазнъ и погибнути моего невоздержания ради: отроцы бо обыкновенно, всегда на дѣйствие своихъ властелиновъ взирая, тако жизнь свою располагаютъ, сообразуя оную примѣрамъ тѣхъ, и аще убо злый примѣръ видятъ, развра-

[1]—[1] шатрах и палатках.

щаются вскорѣ, есть бо зло заразительная и прилипчивая болѣзнь, или яко непотребное зѣлие, еже удобно размножается без труда; аще ли же добрая исправления видятъ, не скоро могутъ привыкнути послѣдовати тѣмъ, развратное бо естество наше и природное стремление ко злу прилагаетъ многая неудобства, якова суть лѣность, сластолюбие, плотоугодие и подобная симъ. И сего ради глаголетъ Спаситель: „Блюдите, да не соблазните единаго от малыхъ" [Марк 9, стих 42].* Сирѣчь, да не подадите своими дѣйствиями, безъ коихъ можете пробыти, случая другимъ грѣшити; суть бо и такия дѣйствия, яже оставляти не должно, аще бы и соблазнился миръ, о нихже богоглаголивый Павелъ тако рече: „Мы проповѣдуемъ Иисуса распята, иудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безумие" [1 Кор. 1, стих 26]*».

80. Между тѣмъ, минувше вся грады черкасския и ясския, ополчишася пред градомъ Тятяковымъ,* за рѣкою Теркою,* близъ вратъ желѣзныхъ,* на рѣцѣ Сѣвенцѣ,* ту убо призвавъ царь своихъ велможъ, повелѣ, да послѣднее испытание сотворятъ о благовѣрномъ князѣ. «Вскую ми, — рече, — злочестивый той обременение творитъ? Вскую недостойный жития приятнымъ наслаждается свѣтомъ?» Они же, изшедше от царя, послаша воиновъ, да абие святаго на торжище изведутъ, близъ бо бяше торжища блаженнаго вѣжа, яко камениемъ довреши. Послании же, шедше, изведоша святаго, и стояше тамо на многъ часъ, дондеже собрашася сонмища того неправеднаго судии.

81. Егда же собрашася, начаша взаимно другъ друга привѣтствовати и расказывати, кто что видѣ и слыша, кто что сотвори, или кое намѣрение положи учинити, происхождаху же и распри нѣкия между варварами тѣми, и вопли великия и кличи слышахуся ту, яже продолжишася до самаго времене обѣда, таже хотяше разытися, призваша святаго и устремишася вси руганиемъ и поношениемъ на него, глаголюще: «Злая главо, колико намъ причинилъ еси трудовъ и ничтоже далъ еси намъ; мы тебѣ ради собрахомся днесь и, другая дѣла оставлше, сѣдимъ, разсуждающе о тебѣ, изыди убо, окаянне, от лица нашего и вѣдый буди, яко повиненъ еси смерти». И тако разбойническое то сходбище, ни вопросовъ предложивъ, якоже бы подобало сотворити, обвиняемому, ни послушавъ оправдания, ни законнаго учинивъ определѣния, осудиша на смерть неповиннаго. Зри зерцало безчиннаго суда, и пристрастия лютость, и проклятаго мздоимства плодъ.

82. По томъ святый, изшедъ оттуду, повелѣ отрокомъ своимъ принести себѣ стулецъ, да мало почивъ, рече: «Прииму ногамъ моимъ покой, бяху бо зѣло отягчены от долгаго стояния и многаго труда». Отвѣщавъ же, единъ от предстоящихъ рече: «Господине нашъ великий княже, видиши ли, коликое множество народа тебе окружаютъ, мы стыдимся дати тебѣ сѣсти въ позоръ сей на поругание врагамъ, но молимъ тя, гряди въ вѣжу свою и упокойся тамо». Прослезися святый блаженный страдалецъ, сие слышавъ, и рече: «Позоръ быхомъ миру, и аггеломъ, и человѣкомъ» [1 Кор. 4, стих 9].* Таже идяше къ шатру своему, читая

наизусть псаломъ: «Боже, Боже мой, вонми ми, вскую мя оставилъ еси...» [Псал. 21, стих 2].* От того часа бяше видѣти очи блаженнаго выну исполнены слезъ, провидяше бо духомъ, яко уже скоро настоитъ добрымъ его подвигамъ конецъ.

83. Сия быша во вторникъ, въ день Введения въ храмъ пресвятыя Богородицы,* въ среду же рано повелѣ святый утреннее славословие отпѣти, емуже совершаему бывшу, со многимъ умилениемъ и плачемъ внимаше, по семъ повелѣ правило ко святому причащению прочитати. Наченшу же иерею, рече святый: «Даждь ми книгу, отче, да самъ азъ правило прочту». И внемъ, читаше умиленно и тихо, слезы же ему из очесъ, яко струи нѣкия, изливахуся на землю. Въ то время предстояху ту, послушающе, сынъ святаго Константинъ и Александръ игуменъ,* иже бѣ святому духовный отецъ, да два иереа, иже пришли бяху съ нимъ из Тфери во Орду. Егда же святый все правило соверши, тогда пригласи предреченнаго игумена и, наченъ, исповѣдашеся Богу пред нимъ. Таже завѣща князю Константину о домѣ своемъ, и о отечествии, и о тѣхъ, иже быша съ нимъ, дабы купно съ княгинею-материю не оставили ихъ, и о прочемъ поучаше и наставляше сына своего, дондеже священницы, приуготовивше запасное причастие,* принесоша ему, не бѣ бо можно божественную службу во Ордѣ совершати, яко запрещено бѣ от злочестиваго царя.

84. Видѣвъ же святый чашу въ рукахъ иереа, паде ницъ на землю, кланяяся Господеви, и, воставъ, ста на колѣнѣхъ, глаголя: «О чаша благословенная, содержащая спасение мира! О дражайшая Спасителя моего кровь, цѣна искупления моего, утоление гнѣва Божия, очищение грѣховъ, угасившая адова пламене свирѣпую бездну! О пречистое тѣло сладкаго Иисуса, животе вѣчный, источниче благихъ, ключь, отверзающий небо, просвѣщаяй, яко солнце, душу, нетлѣния вѣнецъ, представляющий со дерзновениемъ Божию престолу! Господи Иисусе, премилосердый Владыко мой и Творче, не возгнушайся недостойнаго мене! Аще бо и превзыдоша главу мою беззакония моя,* но ты, преблагий, пришелъ еси грѣшныя спасти, от нихже первый есмь азъ, удиви милость твою на мнѣ, прииди и вселися во мнѣ, и очисти мя, и убѣли мя, да съ тобою непостыдно предстану на судъ». Сия рекъ, объятъ божественную чашу, и съ неизреченнымъ веселиемъ животворящихъ приобщися Таинъ. Священницы же провозглашаху, якоже обычай есть: «Тѣло Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите». По семъ святый, из глубины сердечныя благодарение Богу принося о всѣхъ, приложи наконецъ: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко,* да умру отселѣ съ миромъ. Что есть еще на небеси, и что ми восхотѣти на земли? Исчезе сердце мое Боже, яко земля безводная, къ тебѣ.* И кто дастъ ми крилѣ, и полечу, и почию?»*

85. Таже умолче святый, продолжая вътайнѣ умиленная размышления о величияхъ Божиихъ. Но абие страхъ нападе на нь, смутившися бо зѣло, нача тяжцѣ воздыхати, глаголя: «Уже конецъ жития моего наста, уже при дверехъ

предстоитъ пришедый взяти,* уже Кавгадый изречение приятъ, еже заклати мя лютѣ. Не дивитеся, яко смущаюся, друзи: азъ бо всегда разлучения от тѣла и преселения ко Господу желахъ, но человѣческому естеству противна есть смерть, якоже и другия въ жизни случающыяся болѣзни, сия бо вся суть неприродна, но внидоша въ миръ прелестию змия въ Едемѣ».* Потомъ сыну своему Константину рече: «Отъиди, сыне мой отселѣ въ покровительство къ царицѣ, да и тебе беснующиися не убиютъ люди». Такожде отпусти от себе и освященныя мужи, глаголя: «Идите, отцы святии, и молите за мя».

86. Тѣм же изшедшымъ, испроси святый богодухновенную книгу Псалтирь и, выславъ из кущи своея всѣхъ, читаше псалмы. Въ то время окаянный Кавгадый вхождаше къ царю и исхождаше съ ложными на непорочнаго агнца отвѣты, послѣди же приемъ от царя конечное изречение, еже бы святаго смерти предати, грядяше вкупѣ съ княземъ Георгиемъ прямо къ вѣжи святаго, провождающу ихъ множеству народа. Видѣвъ же сие, единъ из отроковъ притече скоро ко святому, весь поблѣднѣвъ лицемъ, и прерывающимся от страха гласомъ рече: «О дражайший господине нашъ великий княже, се грядетъ Кавгадый и князь Георгий со множествомъ народа прямо къ вѣжи твоей». Отвѣща святый: «Вѣмъ, чадо, яко грядутъ и грядутъ на заколение мое. Но воля Господня да будетъ». Пришедъ же Кавгадый съ княземъ Георгиемъ на торжище, сташа и, ссѣдше съ коней своихъ, сѣдоша ту; призвавше же нѣкия немилостивыя воины, послаша, еже убити святаго; между же тѣмъ ожидаху исполнения повелѣннаго имъ дѣла.

87. Изшедше убо, воини тии устремишася къ шатру святаго, еже видѣвше друзии, иже бяху на торжищи и путехъ, вси туда же побѣжаша, и бѣ кличь велий и молва: овии бо домочадцевъ святаго бияху и грабляху, овии разоряху окрестныя вѣжи, овии надзираху, дабы что содрати и унести, — не можно изъяснити, коликое бысть тогда смятение въ народѣ. Убийцы же тии, яко дивии[1] звѣрие, ворвашася въ шатеръ святаго и, обрѣтше его на молитвѣ стояща, простроша свои безчеловѣчныя руки, и, емше его, инии давляху, инии пхаху и бияху дреколиемъ по главѣ, потомъ схватиша за древо, еже бѣ на выи святаго, и толь зѣльнѣ начаша терзати, сѣмо и овамо влекуще, яко пастися[2] святому на землю, древо же, [3]приразився вѣжѣ[3], сокрушися; но дивный оный страдалецъ вскочи на нозѣ свои паки, лютии же убийцы съ новымъ бѣшенствомъ паки нападоша на нь и, повергше на землю, бияху пятами и топтаху. Тогда единъ из числа тѣхъ беззаконныхъ убийцъ, именемъ Романецъ, извлекъ великий ножъ, егоже при бедрѣ имѣяше, удари неповиннаго страдалца одесную страну въ ребра и, обращая сѣмо и овамо, отрѣза чистое святаго сердце. И тако скончася блаженный и великий князь Михаилъ въ лѣто от воплощения Бога Слова 1319, мѣсяца ноемвриа въ 22 день, въ среду въ 3 часъ дне. Душа его святая возлетѣ торжест-

[1] дикие; [2] упасть; [3—3] ударившись о шатер.

веннѣ къ Богу и причтена бысть къ ликамъ[1] избраннымъ от вѣка, а тѣло остася на земли, валяяся въ крови, наго повержено, никимже брегомо.

88. По томъ абие нападоша звѣрообразнии татарове съ российскими единомышленниками, иже бяху от страны Георгиа князя, и разграбиша вѣжу святаго, такожде же и отроковъ, находившихся при блаженномъ, вземше, заключиша въ темницы. Таже притекъ единъ от злодѣевъ тѣхъ на торжище, Кавгадыю и князю возвѣсти, яко уже вся повелѣнная сотвориша. Воставъ же, Кавгадый съ княземъ приидоша на мѣсто, идѣже лѣжаше многострадальное блаженнаго тѣло. Кавгадый убо, яко видѣ въ толикомъ презрѣнии лежащее блаженнаго тѣло, сожалѣ си и со гнѣвомъ князю Георгию рече: «Не братъ ли тебѣ старѣйший сей бѣ, иже почитается вмѣсто отца? Почто убо нерадиши о немъ? Тако ли ожесточенъ еси? Почто тѣло сие лежитъ повержено наго?» Сия слышавъ, князь постыдѣся и повелѣ, да, своею ризою покрывше святаго тѣло, положатъ на нѣкую великую дску, иже потомъ, крѣпко ужами[2] на возницу стягнувше, превезоша за рѣку, называемую Адежъ,* и ту осташася, по повелѣнию Георгиа князя, два из его отроковъ, яко да обнощь стрегутъ святаго тѣло; прочии же разыдошася во своя, якоже и ихъ господие, иже собравшеся во едину вѣжу съ прочими татарскими князи, пияху вино и составляху ложныя вины на неповиннаго страдальца.

89. Виждь лютую злость, яже и на скончавшихся уже не престаетъ изощряти свой ядовитый языкъ. Сие, яко мню, происходитъ оттуду, что совѣсть, свирѣпо терзающая духъ повинныхъ какому злу, всегда ихъ безпокоитъ и, адскихъ скорпиевъ горше, угрызаетъ. Не отсюду ли привидѣния оная раждаются, яже у язычниковъ фуриями нарицаются?* Не сие ли причиною, что многимъ, имѣющымъ нечистую совѣсть, мечтается, аки бы колеблется земля под ними, или гласы ужасныя возслѣдствуютъ за ними, или мертвецы хотятъ ихъ пожрети? Не сие ли то, еже въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ именуется ипохондрия, принуждающая человѣка укрыватися, всего трепетати, боятися солнца и своея сѣни, и весь миръ почитати себѣ за врага? Воистинну нѣсть свирѣпѣйшаго мучителя, якоже совѣсть. Она выну вопиетъ, обличаетъ, терзаетъ и угрызаетъ человѣка, содѣявшаго злое, и еще въ жизни сей принуждаетъ его чувствовати адское мучение; и чемъ болѣе умножается зло на земли и любовь оскудѣваетъ въ людехъ, тѣмъ лютѣе свирѣпѣетъ совѣсти тиранство и умножается адская мука. Откуду нынѣ толико изумленныхъ[3], толико ожесточенныхъ, трепещущихъ и бѣснующихся? Къ избѣжанию от сего нѣсть лучшаго средства, какъ прибѣгнуть къ Богу вѣрою и надеждою чрез Христа. Но увы! Коль многие бѣдные люди прельщаются въ подобныхъ симъ случаяхъ: они ищутъ утѣшения и упокоения совѣсти не въ покаянии, но или въ пиянствѣ, имже хотятъ притупити память содѣяннаго грѣха, или въ порочныхъ обращенияхъ съ развратными людми, кои обыкновенно не токмо

[1] сонму; [2] веревками; [3] безумных.

извиняютъ зло, но и похваляютъ и удобряютъ е, или въ козлогласованияхъ и игрищахъ, или въ расточительныхъ иждивенияхъ, мотовствѣ и роскошахъ. Сия вся како могутъ успокоити совѣсть? Не паче ли раздражаютъ дотолѣ, доколѣ во ожесточение впадетъ человѣкъ и совсѣмъ потемнитъ свѣтило разума? Горе такому человѣку! Лучше было бы ему, аще не бы родился въ мирѣ, нежели родился на свою погибель и на оскорбление Бога и природы. Таковый бо человѣкъ, по Приточнику, не радитъ и дерзаетъ, яко левъ, сирѣчь, на вся злая стремится,* отсюду разорения, грабежи, убийства, отсюду татьбы, рвения, клеветы, отсюду прелюбодѣяния, сквернословия, студодѣяния и подобная. Не таковъ ли бѣ Иуда предатель,* Саулъ,* Исавъ,* Каинъ,* иже не возмогоша покаятися, зане Божию прогнали благодать, и Господь оставилъ ихъ въ начинанияъ сердецъ ихъ. Боже прещедрый, избави таковаго состояния всѣхъ!

90. Тѣло убо святаго, якоже рѣхъ, изнесено бѣ въ пусто мѣсто. Татарове бо, бояся мертвецевъ, не могутъ терпѣти, да обнощуетъ у нихъ въ станѣ мертвое тѣло. Наставшей же нощи, велий страхъ и ужасъ нападе на стрегущихъ воиновъ, егоже терпѣти не могше, побѣгоша въ станы своя. Наутрие же, возвращшеся, паки видятъ возницу со дскою тщу[1], тѣло же святаго особь лежащее на единомъ мѣстѣ, язвою обращено къ земли, и кровь многую истекшую из нея, десная[2] же рука под лицемъ бѣ, а лѣвая у язвы, одѣяние же все цѣло, якоже бѣ прежде, и ничимъ не повреждено. Аще бо и многия дивия звѣри нощию скитахуся по пустынѣ[3] той, но Господу хранящу вся кости праведныхъ своихъ,* нимало не прикоснушася святому, аки бы нѣкое благоговѣние и почтение тѣмъ изъявляя праведному мужу, яко Даниилу пророку иногда.* Еже бо человѣческая злоба прогна от себе, то во обличение намъ вселися въ пустынныхъ неукротимыхъ звѣрей.

91. Въ той же нощи мнози от вѣрныхъ, елицы не спаху, такожде и от невѣрныхъ (недалече бо бѣ пустыня та от становъ ихъ) видѣша два облака пресвѣтла, во всю нощь осѣняющая над многострадальнымъ тѣломъ святаго, яже ово убо разступахуся, ово же паки совокупляхуся, просиявающе, яко солнце; наутрие же съ великимъ удостовѣриемъ явѣ то чудо повѣдаху всѣмъ, глаголюще, яко святъ мужъ бѣ великий князь Михаилъ и яко закланъ бысть неповинно, еже самъ Богъ небесными стихиями, изъявляющими присѣщение[4] аггеловъ его, явѣ показа. Промчеся же чудо сие абие повсюду, еже слышавъ, великий князь Георгий убояся велми, глаголя: «Зри, яко не снѣдоша сего человѣка звѣри, дабы истребилася от земли память его. Зри, яко соперникъ мой и по смерти не престаетъ обличати мя и пакости ми творити. Аще сие дойдетъ во уши царю, то ему неугодно явится слово, и азъ посрамлюся пред нимъ».

92. Сихъ ради винъ совѣтъ положи Георгий князь, да сокрыетъ тѣло святаго. Посла убо боляры своя со отроки, иже по повелѣнию его взяша мощи

---

[1] пустую; [2] правая; [3] пустынному месту; [4] милость.

святаго оттуду и, возложше на возницу, отвезоша въ Мосчары.* Бяху же ту нѣцыи из отечества святаго, знаемии купцы, иже, слышавше збывшаяся, приидоша видѣти новаго своего мученика мощи и моляху приставленныхъ стражей, да дозволятъ имъ драгоцѣнными плащаницами покрыти святаго тѣло и съ честию, якоже обычай есть, положити е въ церкви. Но безстуднии тии воини не точию честь учинити святому отрекоша[1] купцамъ, но и видѣти его имъ возбраниша, положивше же неоцѣненное оное сокровище въ нѣкоей темной хлѣвинѣ, ту стрежаху, дабы никто не приходилъ и не прикасался святому. Пребыша убо ту мощи святаго нѣколико дней. По вся же нощи жители тѣхъ мѣстъ явѣ зряху чудный нѣкий столпъ огненъ, сияющъ вельми и протязающся от земли до небеси, иногда же и днемъ видяху на воздусѣ прекрасную дугу, прегибающуюся и преклоняющуюся над хлѣвиною, идѣже почиваше святый. Сия вся повѣдаема бяху великому князю Георгию чрез посланниковъ во Ордѣ, того ради умысли мощи святаго отпустити въ Российскую землю, дабы тѣмъ и грѣхъ свой загладити и показати нѣкое сожалѣние, яко неповиненъ есть неправедному тому убийству.

93. Призвавъ убо единаго из боляръ своихъ, даде ему нѣколикихъ воиновъ, глаголя: «Шедъ, отвези тѣло князя Михаила въ Москву и ожидай мя тамо, азъ бо и самъ вскорѣ возвратитися имамъ во отечествие мое». Изшедши же болягинъ той съ воинами от князя, прииде и, взявъ тѣло святаго съ возницею, якоже въ хлѣвинѣ лежаше, повезоша е ко граду Бездежу, и яко уже приближающеся бяху, мнози видѣша из града окрестъ возницы множество народа со свѣщами и кандилы[2], а инии на конѣхъ съ фонари по воздуху летаху, благолѣпно провождающе гробъ, еже видѣвше, граждане со удивлениемъ изыдоша во срѣтение и моляху воиновъ, да святаго мощи поставятъ на нѣколико дней въ церкви освящения ради града, но воини, пренебрегши ихъ прошения, обрѣтше же нѣкий гостиный дворъ, заключиша святаго ту и стрежаху.

94. Въ то время единъ от стрегущихъ воиновъ возлеже съ небрежениемъ въ нощи верху возницы, на нейже мощи святаго бяху, и се абие невидимая нѣкая сила восхити его и, отвергши далече от возницы тоя, удари о землю толь крѣпко, яко еле живу остатися ему. По семъ пришедъ въ себѣ, воинъ едва возможе помалу приползти ко гробу святаго и ту, надолзѣ моляся, получи от святаго прощение и здравъ бывъ, благодаряше дивнаго во святыхъ Бога, всемъ повѣдая сие.

95. По нѣколицѣхъ днехъ идоша оттуду въ Российскую землю, везуще мощи святаго; чрез все же шествования ихъ время непрестанно ношашеся нѣкий пресвѣтлый над мощми святаго облакъ, и идѣже людие тии стояху, тамо стояше и облакъ, шествующымъ же, шествоваше невысоко, паря по воздуху и аки бы осѣняя святаго. Тако Богъ прослави угодника своего князя Михаила. Человѣколюбивъ бо есть владыка нашъ Господь, и премудъ, и праведенъ вкупѣ,

[1] отказали; [2] лампадами.

воздаяй комуждо по дѣломъ. Поживе богоугодно благовѣрный князь Михаилъ, сего ради и слава Божия сияетъ над нимъ, и чудодѣйствиями прославленъ, и нетлѣниемъ почтенъ, еже все знамениемъ есть оныя несказанныя радости, юже получи от Бога на небеси. Душа благовѣрнаго князя, увѣнчанная неувядаемымъ вѣнцемъ побѣды, одержанныя на земли, нынѣ сияетъ, яко солнце, въ неприступнѣй славѣ, выну видитъ лице небеснаго Отца, и поетъ со аггелы, и водворяется со святыми, и наслаждается того блаженства, еже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде.* Не глаголи убо, вскую на всѣхъ равныя дары не изливаются. Взирает бо Богъ на способность и расположение сердецъ человѣческихъ, и елико кто можетъ вмѣстити, толико и приемлетъ даровъ. Кто рѣшетомъ можетъ почерпнути воду? Како закрываяй очеса увидитъ солнце? Благодать Божия изливается на всѣхъ, такожде и еваггелский гласъ по всему миру гремитъ, но иный затыкаетъ уши, да не слышитъ, иный божественнымъ ругается дѣйствиямъ. Не слышиши ли фараона, глаголющаго къ Моисею съ презорствомъ[1]: «Кто есть Богъ?» [Исхода 5, стих 2].* И паки Исаиа пророкъ: «Сыны родихъ и возвысихъ, тии же отвергошася мене» [глава 1, стих 2].* И паки: «Цѣлихъ, — рече, — Вавилона, и не исцѣлѣ» [Иерем. 51, стих 9].* Убо Богъ есть чистѣйший источникъ всѣхъ благъ, погибели же нашей мы есмы причина. Хощеши ли наслѣдити животъ и видѣти дни благи? «Уклонися от зла и сотвори благо» [Псал. 33, стих 15],* — глаголетъ пророкъ. Приуготовляй на исходъ дѣла твоя, не воюй противъ Бога, не буди измѣнникъ Христовъ и ругатель таинъ святыя вѣры. Симъ путемъ достигнеши къ вѣчному блаженству, грѣшницы же погибнутъ и истребятся. Кто пуститъословъ и свиней въ царския чертоги? Подобнымъ образомъ и обремененныя грѣхами какъ внидутъ въ небо? Добрый пастырь волковъ хищныхъ не впущаетъ въ стадо. Аще же бы и единъ ожесточенный грѣшникъ ворвался въ небо, мню, яко небо превратилъ бы въ землю; они бо, имѣя от претворившейся въ природу привычки непреложное стремление къ злу, стали бы и тамо обиды наносити святымъ. Мы же утверждаемъ, что грѣшные во адѣ, ово свирѣпымъ взоромъ, ово зловониемъ грѣховъ, ово скрежетаниемъ зубовъ, ово воплемъ лютымъ, и подобными симъ, единъ другому есть спекулаторъ[2] неукротимый.

96. Везяху убо воины тии мощи святаго князя сквозѣ грады российския земли и, якоже заповѣдано бѣ имъ, никомуже повѣдати хотяху, что и кого везутъ, и симъ образомъ доидоша до великаго града Москвы, идѣже повелѣно имъ бѣ тѣло положити святаго. Ту убо, вшедше въ княжеский дворъ, сняша мощи съ возницы и, внесше въ единый монастырь, запечатлѣша[3] тыя (якоже из Орды привезены быша во гробѣ, егоже устрои тамо великий князь Георгий) впредь до повелѣния.

97. Пребыша же мощи святаго ту цѣлый годъ без всякаго призрѣния[4], забвениемъ и небрежениемъ покрыты; и тако темный гробъ скрываше всемир-

[1] высокомерием; [2] палач; [3] опечатали, заперли; [4] присмотра.

ное свѣтило, печать содержаше неизреченнаго источника чудесъ; хранящееся под спудомъ воинъ небесный, богогласная труба, органъ Святаго Духа. О вы жители горняго Сиона, не удивляетеся ли, зря безумие смертныхъ? У нихъ той именуется свѣтлѣйший князь, на комъ блистаетъ златотканная одежда, той сиятельнѣйший и превосходительнѣйший господинъ, иже на колесницѣ сѣдитъ и предшествуютъ ему всадники и тристраты,* тому покланяются людие, иже изобилуетъ златомъ и сребромъ, а Божии раби презираются, Христовы други пренебрегаются и попираются. Павелъ апостолъ глаголетъ, яко единаго святаго весь миръ не стоитъ,* но мы такое сокровище ни во что вмѣняемъ. О, безумия! О, слѣпоты! Обаче рцы мнѣ, ты, ругаяйся святымъ, како назовеши тѣхъ, кои ради прибытка и чрева своего попираютъ честная камения и драгоцѣнный бисеръ[1]? Свиниями и псами именуются сии въ Божиемъ словѣ. Убо болшая часть въ мирѣ свиней и скотовъ, имже Спаситель не повелѣ даяти святая, ниже пред ними пометати бисеръ,* убо за ожесточение ваше отъимется от васъ Царствие Божие и дастся языку[2], творящему плоды, сирѣчь кроткимъ, смиреннымъ, боящымся и почитающымъ Бога,* вы же взалчете, и изсохнете, и погибнете. Речеши мнѣ, кая потреба сухия почитати кости? Но ты не почитай кости простыя, костей бо всякихъ великое множество вездѣ, но почитай кости праведныхъ, ихже Богъ хранитъ, да не сокрушится ни едина от нихъ;* почитай почтенныхъ нетлѣниемъ от Бога; почти орудия Божиихъ благодѣяний; почти пречистую ту обитель, въ нейже вселяется и дѣйствуетъ Богъ; почти неоскудный благодати источникъ; почти порфиру, въ нейже одѣты бяху Божии сынове и цари всемирнии; почти тѣло, еже нѣкогда сияше добродѣтелми въ мирѣ и еже нѣкогда прославится, яко солнце, во Царствии Небеснѣмъ; почти плоть, юже чудесами прославляетъ Богъ; почти прогонителей демоновъ, истребителей недуговъ, красоту Церкве и защищение отечества. Рѣхъ, яко многия кости вездѣ, чесо убо ради не всякия такия удостоишася чести? Чесо ради едина Илиина милоть раздѣляетъ Иорданъ,* а не иная кая? Чесо ради едины Елиссеевы кости воскрешаютъ мертвыхъ,* и единъ Моисейский жезлъ изсушаетъ море,* и побѣждаетъ Амалика,* и наказуетъ Египетъ,* а не иное что? Спаситель нашъ Христосъ не обличаетъ иудеовъ, яко красяху праведныхъ раки, но яко избиваютъ къ нимъ посланныя пророки и Божию сопротивляются слову.* Обаче научаемся отсюду, яко и во иудеехъ древле обычай бѣ почитати Божиихъ угодниковъ мощи, не и первенствующая ли христианская церковь то же представляетъ ясно. Святыхъ бо память торжественно съ похвалами совершаше въ день Пентикостии[3]* и Пасхи, а мощи ихъ погребаемы бываху въ церквахъ и при молитвенныхъ храмѣхъ. Прочти древности и увидишъ правду, вопроси у смыслящихъ, и возвѣстятъ ти истину. Не слѣдуй слѣпымъ разсуждениямъ твоимъ. И аще убо не подобаетъ почитати мощи святыя,* то что речеши, подобаетъ ли презирати и попирати? И аще сия

[1] жемчуг; [2] народу; [3] Пятидесятницы.

речеши, не назову ли тя взбѣсившимся человѣкомъ или разума лишеннымъ? Сии бо точию мудрствуютъ неподобная, мы же от православия научихомся, да, предстояще окрестъ нетлѣниемъ почтенныхъ мощей, призываемъ въ заступление и помощь свято поживших зде.

98. Довольно времени минувшу от принесения мощей святаго въ Москву, достиже о томъ слухъ въ Тферь къ благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ, бывшей супругѣ святаго, и к чадомъ ея. Не бо бяше можно сбывшаяся слышати скоро, яко ордынское поселение далече бяше от России и писмоносителей тогда не бѣ. Егда же сия услыша княгиня великая, абие вѣрныхъ посла въ Москву людей, да о глаголѣ семъ испытаютъ извѣстно, иже бывше тамо возвратишася и повѣдаша, яко благовѣрный князь убиенъ во Ордѣ и привезенъ въ Москву, обрѣтается на княжескомъ дворѣ во храмѣ всемилостиваго Спаса,* запечатанъ во гробѣ. Симъ гласомъ вѣстницы тии, аки копиями, пронзоша благовѣрныя княгини Анны сердце, яже от нестерпимыя жалости горцѣ возстена, из очесъ источники изливая слезъ, не меньше же и дѣти святаго съ своими супруги и со всѣмъ домомъ рыдаху неутѣшно.

99. Промчеся же абие сие по всему граду, и вси плакаху гласомъ, еже слышавъ, святитель Варсонофий, притече во княжеский дворъ, да княгиню утѣшитъ и чада, но не бѣ утѣшению мѣста. Аще и представляше[1] святитель, яко не подобаетъ плакати, но паче радоватися о свято почившихъ о Господѣ: тии бо, подвигомъ добрымъ подвизавшеся, благополучно преплыша горкий сего жития океанъ и нынѣ, водворяющеся со святыми, выну видятъ неприступную Божию славу и ходатайствуютъ о насъ. Аще и предлагаше, яко всѣмъ предлежитъ единою умрети и неизбѣженъ есть жития предѣлъ, смерть бо есть врата, отверзающая вѣчность, и путь, имже преселяемся на небо, идѣже отечество наше, аще и живо описоваше, яко идѣже нынѣ обрѣтается князь, тамо вси праведнии от вѣка, тамо патриарси, пророки, апостоли, тамо святители, мученики и праведныя души, тамо спасительная обоженная плоть и неизреченное блаженство, обаче сия утѣшителная словеса успѣваху мало, язва бо, егда разсвирѣпѣетъ, не терпитъ ни пластыря, ни обязания[2], ни елея,* наконецъ и самъ святитель прослезися вельми и тако отъиде въ домъ, оставивъ всѣхъ, яко да насытятся рыданий.

100. Наутрие же паки прииде святитель во дворъ, и совѣщаста со княгинею и чады ея, яко да, пославше къ великому князю Георгию во Владимиръ градъ, испросятъ страстотерпца Христова чудотворныя мощи, тогда бо и великий князь Георгий возвратился бѣ из Орды, во второе от убиения святаго лѣто, имѣя съ собою и князя Константина Михайловича, и всѣхъ боляръ, совозслѣдовавшихъ святому из Тфери. Сей совѣтъ благъ явися пред очима всѣхъ, того ради князь Димитрий Михайловичь, емуже святый князь при отшествии своемъ во

[1] говорил, наставлял; [2] повязки.

Орду поручи, яко старѣйшему сыну, правление княжения Тферскаго, общимъ согласиемъ посылаетъ брата своего князя Александра Михайловича со знатнѣйшими боляры во Владимиръ къ великому князю Георгию Даниловичу, моля его, да подастъ имъ многострадалное отца ихъ тѣло во утѣшение граду и защищение отечеству. Восписа же къ нему и грамоту, имѣющую образъ сей.

101. «Великому князю Георгию Даниловичу, Богомъ избранному и превознесенному, Димитрий, князь Тферский, здравия и всякаго благопоспѣшества желаетъ. Извѣстно намъ сотворися, яко дражайший родитель нашъ, вашъ же ближайший сродникъ и братъ, убиенъ бысть завистию татарскою во Ордѣ. Ваше же величество, христианскою движимо любовию, потщася тѣло его оттуду привести въ Москву, идѣже и донынѣ обрѣтается въ Спасовомъ храмѣ запечатано. Мы, слышавше сия вся, зѣло смутихомся, и неукротимая печаль, сокрушая духъ нашъ, понуждаетъ непрестанными обливатися слезами, наипаче же матерь наша, великая княгиня Анна, яже от зѣлныя туги и скорби изсше[1], яко скудель[2],* и еле жива, молитъ тя отдати отца нашего тѣло брату нашему Александру, егоже на сие истое[3] послахомъ, и обрѣтающемуся нынѣ при тебѣ Константину, яко да обще съ боляры нашими, присланными къ тебѣ, и съ тѣми, ихже из Орды привелъ еси, привезутъ намъ нашего отца. Дондеже его не увидимъ, не возможемъ утѣшитися, ниже приятныхъ наслаждатися дней; ты же, сие сотворивъ, приусугубиши къ свѣтлости твоей короны сияние милосердия и любви и заставиши всѣхъ неумолчно твои благодѣяния проповѣдати».

102. Съ симъ писаниемъ яко прииде князь Александръ Михайловичь къ великому князю Георгию Даниловичу во Владимиръ, абие вину пришествия своего возвѣсти и послание вдаде ему. Онъ же, слышавъ, надолзѣ отрицашеся прошение ихъ исполнити, ово тщася утаити убийство, еже сотвори, ово бояся, да не подвигнетъ къ мщению народъ. Обаче наконецъ, многимъ прошениемъ убѣжденъ, повелѣ из Москвы въ Тферь отпустити тѣло святаго. Шедше убо вси тферские боляре съ чады святаго князя въ Москву, внидоша во храмъ, идѣже почиваше святый и, молебствовавше доволнѣ, открыша раку святаго и, любопытно воззрѣвше, видѣша, яко мощи святаго — о чудесе! — тако бяху нетлѣнны, яко аще бы святый въ той день скончася.

103. Тако Богъ свою благодать удивляетъ на святыхъ своихъ, аще бо и бреннаго бяху сложения, еже удобно разрушается въ прахъ, обаче тии на верхъ добродѣтелей возшедше, вѣчному уподобишася Богу и тѣломъ, и духомъ; якоже бо Богъ вѣчно пребываетъ, тако и тии; якоже Богъ неоскудно источаетъ дары, тако и тии благодѣтельствуютъ своими молитвами людемъ; якоже Богъ чудодѣйствуетъ въ мирѣ, тако и святии сообщаемою имъ силою удивляютъ вселенную, по предсказанию Спасителя нашего Христа: «Вѣруяй, — рече, — въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и болша сихъ сотворитъ» [Иоан. 14, стих

---

[1] иссохла; [2] черепок, высохшая глина; [3] искомое, взыскиваемое.

12].* Не дивися сему, яко Богъ угодниковъ своихъ такими дарами почте. Вся бо бѣдствия привнидоша въ миръ по падении Адама въ грѣхъ, а до того Адама бяше нетлѣненъ, безсмертенъ, повелитель всемирный, зерцало Божиихъ совершенствъ, премудрый и пресвободный.* Убо аще кто клятвы Адамли избѣгнетъ, аще въ такое состояние приидетъ, въ какомъ бѣ Адамъ, аще совершенно образъ Божий и подобие возставитъ въ себѣ, аще облекшися въ правду, преподобие и истину, достигнетъ въ мѣру возраста исполнения Христова, таковый уподобляется Богу Над нимъ не царствуетъ смерть, ему покаряются звѣри, его не смущаютъ страсти, въ немъ вселяется Богъ, и выну разглаголствуетъ съ нимъ, онъ бываетъ радостию аггеловъ и ужасомъ бѣсовъ, покровителемъ мира и ходатаемъ къ Богу. И сего ради смерть праведныхъ именуется успениемъ, упокоениемъ, преселениемъ, возрождениемъ и приятнымъ разлучениемъ от плотскихъ оковъ, еже святому Павлу всегдашнимъ бѣ увеселениемъ.* Сие состояние святыхъ сравнивъ съ состояниемъ беззаконныхъ людей, удобно возможеши вообразити горестную ихъ пагубу и тщету, на нихъ и воздухъ воюетъ, и звѣри стремятся, и свирѣпѣетъ огнь, вода и земля, диаволъ, адъ и вся тварь. Горе имъ, окаяннымъ, горе беззаконной ихъ жизни, состоящей въ присносущнѣй смерти, горе, яко лишишася Бога и въ бѣсовский премѣнишася образъ!

104. По нѣколицѣхъ днехъ, яже тферския послы препроводиша въ постѣ и молитвахъ, взяша святаго страстотерпца мощи и, якоже подобаетъ, благоговѣйно съ кадилы и пѣниями возложиша на приуготованную колесницу и везяху ихъ славно и великолѣпно. Егда же достигоша до Волги рѣки, ту изъемше мощи из колесницы, преложиша въ присланное имъ на то великое судно и, сѣдше, поплыша ко граду, еже слышавше людие, абие собрашася от всѣхъ странъ въ великомъ множествѣ и, вземше честныя кресты и святыя иконы съ кадилы и свѣщи, изыдоша во срѣтение святому. Послѣдова же и благовѣрная великая княгиня Анна съ чады своими и преосвященный Варсонофий епископъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Бывше же у монастыря святаго архаггела Михаила,* ту ста судно, и изнесоша мощи святаго на брегъ, обаче от великаго стѣснения народа, рыдания же и вопля не возмогоша раку святаго въ церковь внести, но поставиша ю пред церковными враты, яко да вси приступаютъ къ ней благословения ради.

105. Видѣвъ же гробъ супруга своего, благовѣрная княгиня Анна вострепета от великия жалости сердцемъ и, падши на землю, аки къ живому, рыдая, взываше: «Рыдати ли ми повелѣваеши, яко лишихся тебе, или возвеселитися, яко зрю тя, о дражайший свѣте! Зрю убо тя, но зрю, яко не чаяхъ, зрю бездыханна и мертва, зрю безгласна во гробѣ. Како померче свѣтъ? Како потемнѣ злато? Кто наше сокровище украде, и животъ нашъ кто отъя? О ордынская страна, царство безбожныхъ татаръ! Да объиметъ тя вѣчная нощь, и да не будетъ вышняго благословения над тобою! О зависть! О злоба! О лютыя диавола дщери, превозмогосте, побѣдисте, истребисте правду! Но не хвалися, гордость. Князь мой, яко орелъ, возлетѣ въ высоту. Князь мой, яко свѣтлое возсия свѣтило, увя-

зеся вѣнцемъ, торжествуетъ въ небѣ, вамъ же вѣчная готовится мука. Возрыдаю ли убо или возвеселюся? Рыдати заставляетъ естество, яко осиротѣ мати съ чады, яко лишихомся надежды, покровителя и отца; веселие же причиняютъ доблественныя подвиги страдальца, имиже сотре главу змиеву* и вѣчно воцарися со Христомъ. Но препобѣждаетъ естество. Ктому[1] не увижу тя, свѣте мой! Ктому не услышу сладкаго ми гласа, и от сожития твоего разлучихся, — увы! — и кто дастъ мнѣ, княже, да умру нынѣ съ тобою, да единъ объиметъ насъ гробъ, и да вкупѣ предстанемъ Христови».

106. Сице блаженнѣй княгинѣ Аннѣ рыдающей надолзѣ, едва возмогоша тую от гроба подъяти, и, вземше гробъ, честно отнесоша боляре на раменахъ своихъ въ соборную Спасова Преображения церковь, юже самъ святый созда.* Провождаше же его все безчисленное множество народа, иже необычнымъ рыданиемъ и стенаниемъ исполняху воздухъ, пребыша убо многоцѣлебныя мощи нѣколико дней не погребены въ соборнѣй церквѣ, дондеже народъ святому своему князю послѣднее цѣлование отдаде и приуготовленъ бысть новый каменный гробъ. Таже пришедъ святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ, вложи въ него съ ковчегомъ мощи и, обычное над ними пѣвше надгробное пѣние, погребению предаша месяца септемвриа въ 6 день въ придѣлѣ святаго Александра Невскаго об ону страну боголюбиваго епископа Симеона Тферскаго, прямо жертвенника.*

107. Тако бысть житие святаго, тако совершися христоподражательное страдание. Подвизася вмалѣ и обрѣте тяготу вѣчныя славы. Сия же написашася въ наставление наше, да терпѣниемъ и утѣшениемъ писаний упование имамы. Полезная писания, яже намъ предлагаетъ святая Церковь, подобна суть нѣкоему прекрасному и преизобилному вертограду,[2] яко въ немъ различныя обрѣтаются благовонныя цвѣты, сладкия плоды, воды живыя, драгия древеса, различныя изображения и памятники, представляющыя древность.* Въ писанияхъ видимъ дѣяния, яже быша от вѣка, обрѣтаемъ чистое учение, имже напаяется душа, и прямый къ царствию путь, созерцаемъ добрыя примѣры святыхъ, иже во всей вселеннѣй добродѣтелми просияша, узнаваемъ Божия чудеса и отеческий промыслъ о насъ. Сия вся не суть ли оныя плоды, имиже питаема мужается и утучнѣвается душа? Не суть ли роса благодати, изкапающая свыше, еюже Богъ строитъ спасение наше и духовную радость? Подобаетъ убо намъ уподоблятися пчеламъ. Видѣлъ ли еси, како онѣ, отвсюду собирая медъ, сладостию обогащаются, вредительнаго же удаляются яда. Тако и ты, наипаче неискусный въ писанияхъ человѣкъ, читай книги точию, яже матерь твоя Церковь, сохраняя въ цѣлости, тебѣ предлагаетъ въ пользу, и обогащайся всѣми благими оттуду. Иныя бо книги предлагаютъ та, яже къ вѣрѣ и надеждѣ служатъ, другия же о любви учатъ; из тѣхъ научайся познавати Бога, его творение, промыслъ и таин-

[1] Впредь; [2] саду.

ства христианскаго благочестия, а из сихъ почерпай истинныя добродѣтели и должности, яже къ благополучию служатъ. Аще уразумѣеши сия, абие искоренятся въ тебѣ страсти, и суеверия, и ереси, просвѣтится ти умъ свѣтомъ божественныхъ откровений; увѣси, яже суть Божия и яже противника его, яже непоколебимыя догматы и яже сномечтания и бабия басни. Не возложиши тогда надежду спасения твоего на тлѣнныя вещи и человѣческия обряды, не дерзнеши представляти Бога съ долгою брадою и протяженнымъ тѣломъ, ниже речеши, яко перстное сложение, старыя книги и черныя иконы спасаютъ,* но исповѣси съ Петромъ верховнымъ, яко нѣсть иного имене под небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися, кромѣ имене Иисуса,* имже приведение имамы къ Богу, и той есть очищение о грѣсѣхъ нашихъ. Рекохъ ти уже пользу, происходящую от божественныхъ книгъ, откуду разумѣеши, яко не всякия книги, не всякое учение подобаетъ слушати. Навыкни убо полезныя книги опасно различати от неполезныхъ и лживыхъ. Полезныя книги суть, по Писанию, яко огнь, пожирающий терние грѣховъ, яко млатъ на жестокия сердца,* яко дождь, напаяющий душу, яко хлѣбъ, укрѣпляющий тѣло и кости, яко сѣмя, сторичный приносящее плодъ.* Сия, аще вѣси, подобаетъ читати со вниманиемъ, и страхомъ Божиимъ, и добрымъ намѣрениемъ; аще ли не вѣси, послушай чтущихъ и приложи старание, да не будеши, по Иакову апостолу, слушатель забытливъ, иже уподобляется мужу, смотрящему лице бытия своего въ зерцалѣ, иже, отшедъ, забы, каковъ бѣ.* Но потщися слышанное исполнити дѣломъ, да возрастеши и плодъ принесеши во святыни. Лживыя же и развратныя суть, яко тлетворный воздухъ, яко смертоносная язва, яко змиинъ ядъ, яко диаволя уста; от сихъ бѣжи, сихъ не касайся, да святаго Давида наслѣдиши блаженство, яко «не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста».* Зѣло бо прилипчивая суть развращения тая. Кто, къ котлу приразився, не очернится? Кого диаволя не прельстятъ уста? Кого змиевъ не умертвитъ ядъ? Весь миръ погибаетъ от злыхъ дѣлателей сихъ: Азия исполнена учениемъ безбожнаго Магомета, Америка и Африка — идолопоклонствомъ, произшедшимъ от язычества, Европа — различными еретиками и суевѣриями. О коль мало спасающихя и въ самомъ христианствѣ! Вси уклонишася и неключимы[1] быша, якоже глаголетъ пророкъ.* Вины сего отступления три наипаче считаются: первая — соблазнительные злыхъ людей примѣры и словеса, вторая — диавольския тайныя прелести, третия — развратная человѣческая воля, слѣпый плѣнившая разумъ. И понеже соестественныя вещи взаимное всегда имѣютъ между собою соотвѣтствие, притязание и любострадание, того ради не дивися, яко всякия пороки удобно вселяются въ насъ, и мы, согласуяся погибелнымь представлениямъ диавола и мира, безразсудно спѣшимъ во адово дно. Вопреки же добродѣтельный путь коль труденъ и прискорбенъ начинающымъ является, плоть бо воюетъ на духъ и воля-враждеб-

---

[1] бесполезны, негодны, недостойны.

ница — на Бога; обаче чемъ больше начнеши въ святости успѣвати, тѣмъ способнѣйший сотворяется ти на гору Господню восходъ, а наконецъ, до такого безстрастия достигнеши, яко рещи ти съ Павломъ: «Кто разлучитъ мя от любве Божия» [Рим. 8, стих 35].* Любящымъ бо Бога вся поспѣшествуютъ во благое, и вся коварства, и гонения врагов почтеши, яко стрелы младенецъ. Домъ мудраго мужа не разрушаютъ вѣтры и буря,* подобно и волнения моря не преодолѣваютъ непоколебимый камень. Кия страхования, кия хитрости и соблазны возмогоша блаженнаго князя от любве Божия и добродѣтелнаго пути отвлещи. Молися убо Христу Богу о насъ, молимъ тя, страстотерпче Христовъ великий Михаиле, яко да и мы, грѣшнии, по безприкладной милости его удостоимся быти наслѣдниками вѣчнаго блаженства.

108. Благовѣрная великая княгиня Анна по погребении супруга своего святаго князя пребысть нѣколико времени при сынѣ своемъ Константинѣ, тому бо во владѣние от отца отданъ бѣ градъ Тферь. Потомъ, пришедъ, вселися въ монастырь дѣвичий, иже бѣ во градѣ во имя Софии премудрости Божия, и ту, постригшися во иноческий чинъ, живяше во всякихъ добродѣтельныхъ исправленияхъ, выну взирая на гробъ святаго князя и желая, да кости ея возлягутъ съ нимъ вкупѣ и душа да вселится, идѣже обитаетъ самъ. Умершу же сыну ея Константину Тферскому, прииде другий сынъ Василий из Кашина града и слезнымъ прошениемъ едва возможе умолити ю, да идетъ съ нимъ въ Кашинъ, тамо бо бѣ и отечествие ея, идѣже, пришедъ, пребысть до самой кончины своея, добрымъ житиемъ и нелестнымъ учениемъ всѣмъ подая совершенныя святости примѣръ. Прешедшымъ же от убиения святаго князя 19 лѣтомъ, въ мирѣ скончася о Господѣ и погребена бысть въ соборнѣй Успения пресвятыя Богородицы церквѣ.* Во времена же христолюбиваго царя и великаго князя Алексия Михайловича обрѣтены быша мощи ея нетлѣниемъ и чудодѣйствиемъ почтены, якоже и донынѣ въ Кашинѣ градѣ видѣти есть.*

109. Навыкнути намъ подобаетъ отсюду, яко у Бога лицеприятия нѣсть: нѣсть рабъ, ни свободь; нѣсть мужеский полъ, ни женский, но праведное воздаяние комуждо по дѣломъ. Жена, украшенная благими дѣлы, препобѣдитъ мужеский полъ, и рабъ, сотворивый Божию волю, злочестивыхъ царей вышший явится. Что ми предлагаеши составление и полъ? Не могу, — рече, — подвизатися, яко рабъ есмь невольный, яко жена немощная есмь. И жены бо получиша небо, и рабами не возгнушася Богъ. И аще воззриши на небожителей, обрящеши между ими большую часть рабовъ и нищихъ презрѣнныхъ, по оному Павла святаго изречению: «Видите звание ваше, братие, яко не мнози сильни, не мнози благородни, но буяя мира избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощныя мира избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая, и худородная и уничиженная избра Богъ, и несущая[1], да сущая[2] упразднитъ» [1 Корин. 1, стих 27 и слѣд.].* Тии въ святой про-

[1] ничего не значащее; [2] значащее.

стотѣ со смирениемъ и терпѣниемъ шествоваху за Христомъ, не противящеся благодати и полагающеся во всемъ на Божие слово, и не любопытствоваху гордостию надменны, испытующе глубину Божиихъ судебъ, якоже творятъ мнящиися нѣчто быти въ свѣтѣ, иже въ буйствѣ своемъ аки бы истязуютъ Христа, глаголюще: «Кто ты? Что учиши? Куда ведеши? Есть ли рай и мука? Безсмертна ли душа?» — и подобная симъ, яже суть диавольския сѣти, препинающыя[1] мудрыхъ въ коварствѣ и высокопарную гордость и тщетное превосходство властей. Почто убо вы, христиане, сихъ почитая, презираете убогихъ святыхъ, иже судити имутъ миру, и со Христомъ сядутъ на дванадесяти престолѣхъ,* и возлягутъ со Авраамомъ въ Царствии.* Что же до женска пола принадлежить, то и оныя не равнымъ ли достоинствомъ и дарами почтошася от Бога? Не подобная ли душа и у нихъ, якоже и въ мужескомъ полѣ? Аще бо тѣломъ и немощны суть, обаче умомъ могутъ быть крѣпки, аще внѣшнимъ состояниемъ и уничижены, но постоянствомъ, но святостию, но чистотою могутъ быти по внутреннему человѣку превосходны. Аще и поползновени ко злу, но могутъ злую природу препобѣдити неусыпнымъ тщаниемъ о добродѣтельной жизни. Итакъ, что мѣшаетъ тебѣ, жено, быти въ числѣ избранныхъ? Аще и нѣсть злѣйшаго зла, паче злыя жены, якоже глаголетъ нѣкто,* ибо онѣ всему причина, онѣ ядовитѣе аспидовъ и скорпиевъ, онѣ свирѣпѣе львовъ и тигровъ, безстудству и сластолюбию ихъ нѣсть мѣры, нѣсть предѣловъ ненасытству ихъ, похотѣниямъ, гордости и злобѣ. Кого не прелстиша женская словеса? Кого не уязви злоковарный ихъ языкъ? Сие диаволе орудие разорило есть царства, плѣнило непобѣдимыхъ мужей, истребило благополучие смертныхъ; обаче, аще добрую обрящеши жену, обрѣлъ еси неоцѣненное сокровище, имже благослови тя Господь Богъ твой. Домъ, въ немъже добрая жена обитаетъ, изобилуетъ всѣми благими: тамо благочестие и страхъ Божий, тамо согласие и любовь, тамо тишина и мѣрность, тамо возрастаютъ кроткая и молчаливая чада, тамо вси домочадцы благонравны и послушны, тамо изобилуетъ хлѣбъ, вино и елей, вертограды удобрены, сады благовонны, нивы угобжены[2] и плодоносны. Блажен стократно, емуже Богъ такого друга и сожителя посла, презлополученъ же той, иже паде въ руки неприязненныя жены, ибо не умерщвляетъ та, якоже звѣрие, растерзая внезапно, но истончеваетъ и изсушаетъ помалу, чемъ умножаетъ болѣзнь и приусугубляетъ мучение въ безконечное наказание за грѣхъ.

110. Аще и под спудомъ бѣ угодникъ Божий великий князь Михаилъ, обаче люди помняще чудеса, яже содѣяшася при убиении его и благодѣяния, яже показоваше ко всѣмъ, еще живъ сый, велие къ нему усердие имѣяху и, притекающе ко храму, идѣже честныя его почиваху мощи, моляхуся Богу и получаху различная исцѣления молитвами святаго. Егда же попущениемъ Божиимъ грѣхъ ради нашихъ быша литовская и польская нападения на Россию,* тогда

---

[1] запутывающие; [2] ухожены.

многажды видимъ бываше святый, исходящь на бѣломъ конѣ из града, имѣя въ рукахъ превеликий обнаженный мечь, имже устрашаше и прогоняше враговъ, якоже сами противницы со извѣстнымъ утверждениемъ исповѣдаша святителю Феоктисту, архиепископу Тферскому,* въ лѣто от Христа 1606. Тогда бо помянутые варвары лестию и измѣною начальниковъ нашихъ взявше градъ Тферь, приидоша во архиерейский домъ и видѣвше на стѣнѣ икону святаго, сказаша яже о немъ, вкупѣ признающе, яко великъ той человѣкъ есь у Бога.

111. Не дивися, читателю, слыша, яко святии ходатайствуютъ о насъ и защищаютъ грады и страны, наипаче же — идѣже ихъ почиваютъ мощи, или идѣже съ плотию обитали. Ибо они аще и отстоятъ нынѣ духомъ от насъ, преселившеся на небо, обаче любовию всегда суть соединены намъ и никогда не престаютъ промышляти, иже къ нашему благополучию служатъ. Павелъ апостолъ глаголетъ, яко аще видѣниемъ Бога и получениемъ небесныхъ благъ и «истребляется вѣра и надежда, обаче любовь николиже отпадаетъ» [1 Кор. 13: 8].* Любовь, якоже бѣ на земли, тако продолжается на небеси, неизмѣнно и вѣчно, паче же и умножается во святыхъ. Дондеже бо были они в тѣлѣ, обрѣтали многая препятствия, погашающая любовь, нынѣ же бо безпрепятственно успѣваютъ въ ней. И елико кто больше любитъ, толико больше блаженъ; и елико кто больше блаженъ, толико ближайший и подобнѣйший Богу. Толико большее стремление имѣетъ ко благодѣянию и защищению нашему, толико болшее имѣетъ отвращение от всякаго зла и праведное омерзѣние къ некающымся грѣшникамъ. Тѣмже убо тщашеся зло истребити, наказуютъ грѣшныхъ, добрыхъ же награждаютъ, да больше успѣваютъ въ святости. Изъяснения ради предложенныя истины мы докольныя примѣры въ Писанияхъ обрѣтаемъ. Молятся аггели у Даниила о помиловании израиля.* Молятся апокалиптическии старцы и мученицы о спасении Божиихъ рабовъ и истреблении диавольскаго царства.* Молятся в Маккавейскихъ книгахъ упоминаемии архиерее о свобождении своего народа.* Такожде и мужи нѣкии упоминаются тамо, иже, являющеся, устрашаху враговъ и защищааху вѣрныхъ.* Видитъ Елиссей поборствующая по немъ огненныя колесницы и кони.* Да умолчу о другихъ примѣрахъ. А яко святии наипаче та назираютъ мѣста, идѣже пожиша и почиша, сие происходитъ оттуду, что вездѣсущие имъ не можетъ приличествовати. Тѣмже убо каждая страна своихъ покровителей особливыхъ имѣетъ, якоже видѣти есть и на аггелахъ-хранителяхъ градовъ, церквей, народовъ, царствъ, человѣковъ. Таковъ и въ строении нашего спасения видимь есть порядокъ, каковъ и вь расположении мира. Повелѣ Творецъ, да иная звѣзда сияетъ въ Греции, иная — въ Индии, иная — въ России. Всѣхъ же предводитель — солнце. Сице и благодатному промыслу изволися, да святый князь Михаилъ будетъ защитникъ Тфери, якоже Димитрий — Фессалоникии,* Петръ — Риму,* и прочая. Сия уразумѣвше, прославимъ Божие неприступное величество, еже толикое попечение имѣетъ о насъ. Божиихъ же рабовъ достойно почтимъ, яко, толикою къ намъ любовию горя, ходатайствуютъ о насъ.

112. Прешедшымъ от убиения святаго благовѣрнаго князя Михаила Ярославича 340 лѣтомъ, благоволи Богъ угодника своего прославити, еже бысть сице. Державствующу благочестивому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу,* прейде от времянныя жизни ко Господу отецъ его величества святѣйший Филаритъ Никитичь, патриархъ Московский и всея России.* Того ради христолюбивый оный царь, якоже въ прочия церкви даяше милостыню на поминовение родителя своего, сице и въ тферскую соборную церковь, обаче противъ прочихъ несравненно вящшую. Тферский бо архиепископъ Евфимий* предложивъ его величеству, яко созданная святымъ княземъ тферская церковь зѣло обветшала и требуетъ возсоздания от основания вновь. *Молит*, да повелитъ оную состроити и поможетъ своимъ иждивениемъ тому богоугодному дѣлу. Получивъ убо святитель вся, яже прошаше, молитвами святаго и обрѣтши искусныхъ зодъчиевъ, изъ нихже первѣйший бѣ нѣкто, называемый Иоаннъ, абие касается дѣлу и въ маломъ времени воздвиже зѣло прекрасную церковь, якоже бѣ и прежде.

113. Егда же святитель Евфимий хотяше освятити придѣлъ тоя церкви, идѣже положены быша мощи святаго, прииде ему благий помыслъ от Бога, еже обрѣсти гробъ святаго съ чудотворными мощами. «Не подобаетъ, — рече, — да свѣтилникъ мира и источникъ чудестъ хранится под спудомъ, но да положенъ будетъ на свѣщницѣ и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ Церкве православныя обитаютъ».* Того бо ради Богъ и прославляетъ святыя своя, яко да примеромъ ихъ благочестивии утвердятся въ вѣрѣ, а злыя да навыкнутъ отгребатися от грѣховъ и путемъ добродѣтелей ходити; да обличатся еретики и расколники, иже, суетнымъ послѣдующе мудрованиямъ своимъ, отторгаются от ограды Христовой; да злочестивии обратятся от тмы ко свѣту, услышавше велегласную чудотворения святыхъ трубу; да славы Божия, яже увѣнча святыхъ за добрые ихъ подвиги, возсияетъ да возъимѣетъ всюду чрез ходатайство ихъ спасительное влияние.

114. Тако помысливъ, святитель приложи великое попечение о семъ. Обаче недоумѣвашеся, гдѣ бы мощи святаго князя почивали, никто же бо можаше сие ему повѣдати, еже многое время забвениемъ покры. Нѣцыи же глаголаху, яко тыя сгорѣша въ велицѣмъ пожарѣ, иже весь градъ иногда пояде и въ пепелъ превврати. Бяше же при церквѣ нѣкий священникъ, именемъ Феодоръ, зѣло ветхъ денми, иже издавна служаше у гроба святаго. Сей приступль ко святителю, рече: «Слышахъ, владыко, яко гроба святаго ищеши. Сего ради придохъ возвѣстити о семъ. Азъ бо вся случившаяся о глаголѣ семъ, юнъ еще сый, своима очима видѣхъ и обстоятельно вѣмъ. Мощи святаго князя исперва, якоже памятовати могу, бяху наверху земли, и многая чудодѣйствия и исцѣления бываху при нихъ, обаче кѣмъ и когда обрѣтены быша, сего исповѣдати не могу. Егда же бысть пожаръ великий во Тфери, тогда мы ово возгорѣния ради, да не сожжетъ святыя мощи, ово бояся, дабы како не пали на нихъ стѣны, или бы

иное что не приключилося, вложихомъ я въ гробницу древяну и спрятахомъ у церковной стѣны въ землю, вложивше гробницу ту въ каменный великий гробъ утверждения ради. Тако убо и донынѣ суть».

115. Слышавъ же, святитель возрадовася и, призвавъ помянутаго зодчия Иоанна, повелѣ ему, да церковный мостъ[1], идѣже показа священникъ, разроетъ и гробъ святаго обрящетъ. Прииде убо сей въ церковь и взявъ блаословение у святителя, рече: «Молися за мя, святче Божий, да возмогу послужити толикому дѣлу, и да не огнь, изшедъ из гроба святаго, опалитъ мя, недостойна прикосновения суща». Сия рекъ, приятъ прощение у всѣхъ и, прочистивъ мѣсто (бяше бо множество углия на немъ), нача, во-первыхъ, церковный мостъ разбирати, потомъ же — землю. И якоже ископа на единъ лакоть,* явися каменный гробъ. Видѣвъ же сие, святитель и священницы, иже предстояще ту, моляхуся, да Господь обрѣтениемъ святаго мощей милость свою явитъ имъ, возрадовашася велми и абие со святителемъ вси, облекшеся во священыя одежды, соборнѣ молебная всемилостивому Спасу и пречистѣй Богородицѣ, и святому совершиша. Таже святитель, приемъ святую воду, покропи всю церковь и гробъ святаго, и всѣхъ ту бывшихъ, и разыдошася в своя, благодаряще Бога, не презирающаго прошения своихъ рабовъ. Пришедъ же въ домъ свой, святитель Евфимий разсуди, яко неприлично есть мощамъ святаго, егда по обрѣтении явѣ положены будутъ, остатится въ древнѣй рацѣ, но «подобаетъ, — рече, — да новая устроена будетъ». Еще же умысли и службу святому сочинити, и храмъ нѣкий во имя святаго освятити, да въ немъ Божия благодать, яже удивляетъ святыя своя, прославляема будетъ. Обаче не дерзаше сие без повелѣния самодержавнаго сотворити, вземъ убо хартию, восписа к нему сице:

116. «Благочестивѣйшему самодержавнѣйшему господину царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея России — Евфимий, архиепискомъ богоспасаемаго града Тфери, со всею церковию: благодать, милость, миръ от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножится. Якоже повелѣлъ еси, державнѣйший царю, еже новую церковь вмѣсто ветхия твоимъ щедротнымъ поданиемъ создати, сице и бысть. Вся бо благочинно и благолѣпно устроишася, и нынѣ храмъ, егоже воздвиглъ еси, предстоитъ Христу, яко невѣста украшена мужеви своему, и вопиетъ немолчно къ Богу, да тебѣ, украсившему его, низпослетъ всякое благословение свыше. Егда же восхотѣхомъ освятити придѣлъ, иже въ храмѣ, прииде намъ помыслъ, еже взыскати чудотворныя мощи предсѣдателя[2] и сродника твоего святаго благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича въ покровителство державѣ твоей и въ защищение граду нашему. Мы убо, мня сие быти богоугодное дѣло, предприяхомъ намѣрение исполнити и, яко изрыхомъ на единъ лакоть на показанномъ свидѣтельми достовѣрными мѣстѣ землю, се внезапу явися каменный гробъ, въ немже рака святаго съ чудо-

[1] помост; [2] предшественника.

творными мощми. Видѣвше же то, возрадовахомся велми и благодарихомъ Бога. Обаче без твоего повелѣния не смѣемъ ниже прикоснутися мощемъ, ниже изнести я из нѣдръ земныхъ въ свѣтъ. Тебѣ бо от Бога дадеся управляти сущая въ державѣ царствия твоего, а намъ соизволения творити, наипаче же вѣдая, яко самъ Богъ твое содержитъ сердце и направляетъ ти мысли ко исполнению своего хотѣния святаго. Аще убо заблагоразсудится пред тобою, Богомъ вѣнчанный царю и владыко нашъ, повели, да обрѣтенныя мощи святаго князя въ церквѣ явѣ поставлены будутъ. На сие бо и прославляетъ Богъ угодниковъ своихъ, да имѣя ихъ выну пред очима, потщимся подражати вѣрѣ и житию ихъ. Ты же, сие сотворивъ, обрящеши вѣчнаго богомольца и ходатая къ Богу о спасении твоемъ, сего святаго великаго князя».

117. Сие послание, егда достиже чрез нарочитыхъ мужей въ руки благочестивѣйшаго государя царя, возрадовася велми, глаголя: «Слава тебѣ, Христе Боже, яко въ мои времена изволилъ еси сие толикое свѣтило намъ, грѣшнымъ, открыти». И абие повелѣ свою царскую грамоту написати въ Тферь ко святителю Евфимию, да вся, яже о святомъ великомъ князѣ умысли сотворити, сотворитъ вскорѣ. Приемъ же святитель от самодержавнаго послание, абие намѣреваемому касается дѣлу и, обрѣтъ нѣкоего искуснаго древодѣля, именемъ Назариа, повелѣ ему, да со всякимъ опаствомъ очиститъ мѣсто, идѣже святаго гробъ, потомъ приложитъ старание, како бы его изъ земли подъяти, бѣ бо зѣло ветхъ и тяжекъ, и бояхуся, дабы не разрушился, егда прикоснутся ему.

118. Егда убо помянутый Назарий, приуготовавъ вся, служащая къ подъятию, приступи ко гробу святаго и хотя оный мало очистити и укрѣпити, осязаше его, къ подъятию приуготовляя, въ то время между гробомъ и дскою, иже бѣ верху, внезапу явися скважня нѣкая, иже видѣвъ, Назарий простре руку свою сквозѣ оную съ безстрашиемъ, и абие въ той же часъ рука его тако возболѣ, яко аще бы кто ее стрѣлою поразилъ, и сокрушахуся кости его от того, и ощущаше болѣзнь даже до раздѣления мозговъ же и членовъ [Евр. 4: 12].* Случися же единъ быти при гробѣ, и не бѣ, кто бы ему руку помощи подалъ. Того ради, едва возможе мало восклонитися и, излѣзъ от гроба, бѣжа на святительский дворъ, вся окрестная мѣста стенаниемъ и воплемъ исполняя. Стечеся убо на вопль той множество народа, и самъ святитель, слышавъ, прииде къ нему и вопрошаше его, что бысть ему, или какое приключение сотворися, чесо ради рука его виситъ без дѣйствия долу. Обаче той от зѣлныя болѣзни слячеся[1] весь и не можаше ниже возрѣти на кого, ниже отвѣщати словесе. И тако пребысть Назарий пять дней, лютѣ валяяся и стражда, въ шестый же день едва возможе святителю исповѣдати вся случившаяся ему. «Огнь, — рече, — изшедъ из гроба святаго, опали мя, или страшный порази мя громъ, не вѣмъ, что бѣ. Но точию яко вложихъ руку мою въ явившуюся скважню и прикоснувся мощемъ, мало

[1] скорчился.

святаго праха взяхъ, се адовы объяша мя болѣзни, се лютѣ поражаемъ, умираю. Увы мнѣ! Яко многогрѣшенъ сый, продерзостенъ же и безуменъ. Дерзнухъ сие сотворити и се умираю».

119. Слышавъ же сие, святитель и предстоящии ту зжалишася зѣло о немъ и, вшедше съ болящимъ въ церковь, начаша молебная совершати о помиловании его. Егда же приспѣ время чтению святаго Еваггелиа, внезапу облегчися Назарию болѣзнь, яко возмощи ему о себѣ больною рукою знаменатися крестнымъ знамениемъ. Возрадовася убо о семъ, нача прилѣжнѣе молитися и, взирая на икону святаго, яже над гробомъ его бѣ, припадаше на землю, прося о своемъ согрѣшении прощения. По отпущении же молебнаго пѣния осѣни его святитель животворящимъ крестомъ и покропи святою водою. И от того часа здравъ бысть человѣкъ, и утвердися рука его, якоже бѣ прежде. Видѣвъ же сие велие чудо, святитель и предстоящии ту людие прославиша Бога и угодника его святаго великаго князя Михаила.

120. Тогда начася совопрошение у нѣкиихъ о святыхъ, и глаголаху, яко святии удобопреклоннѣйшии суть ко мщению, нежели ко благотворению, а Божия кротость колико нашымъ поползновениямъ терпитъ, невозможно есть изъ явити словомъ. Слышавъ же сие, святитель Евфимий рече: «Правду рекосте, чада, яко Божия кротость и долготерпѣние есть неизслѣдимая пучина, обаче яко и небожители еси, поелику вмѣстити могутъ, сообразуются Божиимъ совершенствамъ, всеконечными же добротами, якоже Богъ, никакая тварь просияти не можетъ. И сие есть, якоже глаголетъ Богословъ: „Возлюбленнии, нынѣ чада Божия есмы, и не су явися, что будемъ. Вѣмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ, ибо узрим его, якоже есть" [1 Иоанна 3, стих 2].* Аще убо сия тако суть, вскую глаголете, яко святии скорѣйшии ко мщению суть? Ни, чада, не глаголите сего! Святии несказанною любовию выну пылающе къ намъ, всякаго желаютъ намъ блага и ходатайствуютъ у Бога. Но мы сами причиною бываемъ всѣхъ находящихъ на насъ злоключений и бѣдъ, яко самопроизволно прогоняемъ добро и объемлемъ зло, еже возгнѣздившися въ нѣдра наша, яко змий, уязвляетъ насъ смертию и недостойныхъ творитъ небесныхъ дарований, паче же и обращаетъ та въ лютую пагубу намъ и въ вѣчную погибель. Не Божие ли дарование есть свѣтъ, еже просвѣщаетъ вся, открываетъ всемирную красоту, согрѣваетъ землю, производитъ древеса и травы и оживляетъ все, что въ ноздряхъ дыхание носитъ. Обаче тѣмъ безумныя младенцы иногда ожигаютъ руки, иногда же или неосторожность, или злоба людей тѣм же огнемъ великия производятъ пожары. И что denечеши, огнь ли зло? Да не будетъ! Но злое онаго употребление бѣды наноситъ. Подобно и о водѣ надлежитъ рещи. Всякому извѣстно, коль сия полезна. Но аще человѣкъ ввержется въ ню, утопаетъ. Ибо невмѣстно есть воздушной твари обитати въ водахъ, яже тяжестию своею превосходитъ воздухъ. Навыкните убо отсюду, яко имже образомъ не всякая земля всякий произрастаетъ злакъ, сице и не всякая вещь всякой твари пользу приноситъ. Къ восприятию бо

различныхъ вещей, различныя требуются приуготовления и вмѣстилища. Babретища[1] служатъ къ восприятию пшеницы, а мѣхи[2] — ко вмѣщению вина. Сице и о прочихъ разсуждая, уразумѣете, чесо ради червь, иже в калѣ, абие умираетъ от прикосновения благовонному крину, чесо ради Оза внезапу паде мертвъ пред Господемъ, яко прикоснуся кивоту завѣта,* чесо ради звѣрие не прикоснушася Даниилу* и огнь не опали отроковъ.* Аще бы Назарий достоинъ былъ прикосновения святаго, никогда бы таковая не пострадалъ, а яко были въ немъ грѣховныя плевы[3] и удобоподжигаемое хврастие безплодныхъ дѣлъ, того ради не дивно, яко опали его огнь Святаго Духа, иже вселися въ святаго чудотворца мощи. И кто виновенъ казни, разсудите. Како дрзаетъ сѣно изсохшее прикасатися огню?! Да не дерзнетъ Божию киоту прикасатися рука скверныхъ. Сие еше молю васъ, чада, возмите въ разсуждение: что святѣйше, чистѣйше и полезнѣйше Божияго слова. Обаче языковъ учитель глаголетъ, яко и то нѣкиимъ бываетъ воня смерти въ смерть [2 Коринф.: 2, стих 16].* Кому же, вопросиши, не ученикомъ ли Христовымъ? Ни, яко въ нихъ вмѣщается слово Божие изобилно, но иудеемъ и еллиномъ: сии бо за безумие почитаютъ откровенныя тайны, а тии соблюдаются ими, и тако въ нихъ не вмѣщается слово Божие. Якоже нѣгдѣ Спаситель научаетъ: и вины не имутъ о грѣсѣ своемъ.* Паки слышите: что сладчайше, и величайше, и снисходительнѣйше Спасителя нашего Христа, иже преподаетъ намъ себе въ Божественной Евхаристии? Обаче пишется, яко и той бываетъ во осуждение нѣкиимъ: „Ядый, — рече, — недостойнѣ судъ себѣ ястъ и пиетъ" [1 Коринф.: 11, стих 24].* Убо на гору Божию никто да не восходитъ не предочистився, якоже Моисей,* никто кадило въ руки да не возметъ, кромѣ тѣхъ, ихже Богъ избра и освяти».

121. На другий по томъ день, то есть месяца ноемвриа въ 24 день, вечеру приспѣвшу, прииде святитель въ церковь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и церковными служители, от другихъ же никого не повелѣ пустити, кромѣ архиерейскаго дому дѣтей боярскихъ, и облекшися во священныя одежды начаша молебная совершати. Назарию же повелѣ, да послужитъ, якоже преднача, подъятию святаго гроба, обаче той бояшеся и надолзѣ отрицашеся. По семъ, ободренъ надеждою на Бога и святительское благословение приимъ со благодарѣниемъ, касается дѣлу, и съ Божиею помощию вскорѣ подъемше гробъ, поставиша на благопристойномъ уготовленномъ мѣстѣ. И совершивше молебная, приступи святитель и повелѣ дску со гроба сняти до полу, самъ же руками держаше покровъ, имже бы покрыти святаго мощи. Сие сотворши, приниче во гробъ и осяза мощи тыя со страхомъ (бяху бо велие издающе благовоние), таже покры я покровомъ и облобыза любезно, такожде и вси, приключившиися ту. По семъ повелѣ святитель паки покрыти гробъ тою же дскою, дондеже новый устроитъ.

[1] здесь: мешки из грубой ткани; [2] мешки для хранения жидкостей, бурдюки; [3] шелуха.

Прежнее же мѣсто наполниша землею. И тако отъидоша во своя, благодаряще Бога и угодника его святаго великаго князя Михаила.

122. Наутрие мнози жители градстии, приходяще къ соборнѣй церквѣ, исповѣдаху явѣ: ови — яко видѣша свѣтъ велий во градѣ, друзии же — яко столпъ огненъ, сияющъ надъ церковию, видѣша, инии же — яко два пресвѣтлыя облака обнощь ношахуся надъ гробомъ. Слышавъ же сие, Божий архиерей удивляшеся несказанно толикимъ Божиимъ щедротамъ, яко тѣми же чудесами изволи и тогда благоволение свое къ вѣрному рабу своему изъявити, имиже при убиении его изъяви, якоже въ Житии святаго повѣствуется. А вскорѣ по сихъ потщася архиерей освятити придѣлъ, въ немже почиваху мощи, во имя святаго великаго князя Михаила и повелѣ въ немъ совершати молебствия и Божественную службу. И от того времене начаша людие вящщее ко святому князю имѣти усердие и притекаху къ нему съ болящими отвсюду, молящеся, да исцѣление получатъ, еже и бываше: мнози бо различными недуги одержими получаху отраду молитвами святаго. Обаче якоже сия, тако и прочая премногая обстоятелства, случившаяся при томъ, древность забвению предаде. Вины же забвения сего слѣдующыя наипаче быти мню: или бо яко людей, искусныхъ въ писании и въ замѣчании достопамятныхъ дѣяний мало бѣ тогда (изключая нашествия враговъ, опустошавшихъ отечество); или яко мы от природы больше склонны изслѣдовати прешедшая и будущая, настоящее же время, аки маловажное и не касающееся до насъ, оставляемъ; или яко опасаемся строгаго изслѣдования и такъ называемыя критики или осуждения вкупѣ живущихъ съ нами людей; или яко зависть и злоба не допускаетъ намъ чужыя добродѣтели прославляти. Не похваляю азъ ни единыя причины из сихъ, иже затмѣваютъ и заглаждаютъ достопамятныя и нужныя къ наставлению будущихъ родовъ вещи, и желаю бы, во-первыхъ, дабы вси или, по крайнѣй мѣрѣ, тѣ, до коихъ сие наипаче принадлежитъ, просвѣщениемъ учения умудрилися. Учение бо не вредитъ, якоже нѣцыи глаголютъ, но точию злое онаго употребление пагубно есть. Разсуди, что лучше есть, знание ли Бога, разумѣние ли себе и своихъ должностей, имже научаемся от закона, или въ глубинѣ невѣжества утопати, подобно несмысленнымъ скотамъ. Потомъ — дабы излишнее любопытство о другихъ временахъ оставивше, больше о настоящемъ пеклися. Будущая бо неизвѣстность причиняетъ безпокойство, изслѣдование же прешедшихъ случаевъ великимъ подвержено затруднениямъ. Настоящее точию принадлежитъ до насъ, о семъ подобаетъ пещися, выну ожидая, яко наступающую уже смерть, тако и грядущий Судъ и яко отверстая врата къ прешедшему и будущему времени. Не то глаголю, еже бы вся возмощи знати, ибо человѣцы есмы, но научаю, да нужная паче иныхъ къ свѣдѣнию и служащая къ благополучию временному и вѣчному по силѣ и возможности приобрѣтаемъ и да вся въ пользу, а не в пагубу обращаемъ. Наконецъ желалъ быхъ азъ того зѣло, дабы люди от неразсудныхъ предосуждений другихъ всемѣрно воздержалися. Изрядно, когда судитъ могущий разсуждати, той бо исправитъ и

наставитъ. Но жалостно есть зрѣти, когда благоразумнаго мужа уязвляетъ или пересуждаетъ непросвѣщенный и злобный невѣжда. О, буии человѣцы! Вскую нападете безвинно? Вскую угрызаете благодѣтелствующихъ вамъ человѣковъ? Написалъ ли нѣчто ближний твой не по твоему вкусу, разсуди, яко никтоже можетъ на всѣхъ угодити. Приими перо и самъ лучше напиши (Кто руки отъя? Кто уста загради?) или погрѣшности исправи благосклонно. Аще ли сего не хощеши или не можеши сотворити, умолчи, не повреждай чужыя труды незлобнаго брата твоего. Ты кто еси, судяй чуждему рабу? Не уподобляйся гонителямъ Христовымъ, иже, завидуя силѣ словесъ и дѣйствиямъ чудесъ его, ихже сами не можаху сотворити, хуляху, глаголюще, яко лжетъ онъ, яко о Велзевулѣ изгонитъ бѣсы, яко прелщаетъ народы, и подобная симъ.*

123. Въ лѣто от воплощения Слова Божия 1665, въ царство благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича,* самодержца всероссийскаго, престолъ патриаршества правящу святѣйшему Никону,* во Тфери же Лаврентию архиепископу пасящу Христово стадо,* бысть во всемъ градѣ Тфери, такожде и далече во окрестныхъ весехъ и селѣхъ, тлетворное повѣтрие и зѣло тяжкий моръ: падаху бо людие нечаянно[1], яко есению листвие от древесъ, и [2]не бяху доволни живии[2] къ погребению мертвыхъ. Тако Богу наказующу грѣхъ ради нашихъ. Тогда архиерею Лаврентию прииде благий помыслъ, еже преложение мощей святаго князя сотворити из древния зѣло ветхия раки въ новую, еже умысли благолѣпно соорyжити. Предреченный бо Евфимий архиепископъ, не успевъ сего сотворити, ко Господу отъиде, и мощи святаго не открывахуся никогдаже, но бяху почивающе въ каменномъ гробѣ, якоже обрѣтены быша, древяную бо раку ветхости ради не можно бѣ оттуду изъяти.

124. Созва убо Лаврентий архиепископъ вся священныя настоятели и соборныя иереи и возвѣсти имъ желание свое о семъ, рекъ: «Видите, братие, яко гнѣвъ Божий постиже насъ грѣхъ ради нашихъ: нечаянно скончеваемся от тлетворныя смерти. Камо[3] же скрыемся от вездѣсущия Божия? Вездѣ грѣшника обрящетъ неумытное[4] правосудие, вездѣ достойная постигнетъ казнь. Извѣстно же из Писания вѣмы, яко нѣсть инаго средства ко умилостивлению Бога кромѣ истиннаго покаяния. Того ради подобаетъ нынѣ предварити лице Господне во исповѣдании, въ постѣ же и молитвѣ, якоже примѣромъ предшествова намъ великий Ниневийский градъ,* и тако негли Божий гнѣвъ утолится и милость его возсияетъ къ намъ. Слѣдующую убо седмицу[5] умыслихъ завѣщати, еже препроводити ту въ постѣ и молитвѣ. Приимите убо сие завѣщание любезно, чада, и сотворите, да вси людие от мала и до велика, вашему примеру послѣдующе, постятся. Азъ же между тѣмъ потщуся святому великому князю новый устроити гробъ. Древний бо, якоже видите, зѣло обветша, и Богу хотящу преложение мо-

---

[1] неожиданно; [2—2] не хватало живых; [3] Куда; [4] неподкупное; [5] неделю.

щей сотворити. И литию по граду съ мощми учредимъ, негли[1] Божий гнѣвъ утолится молитвами святаго».

125. Сия словеса слышавше, святолѣпнии оними мужи прияша любезно и абие по всѣмъ мѣстамъ проповѣдаша постъ и молитву. Егда же та седмица прейде и вся, яже къ преложению, приуготовишася, повелѣ святитель, да по всѣмъ церквамъ сотворятъ триипостасному Богу всенощное славословие. Во утрие же собрася все множество народа къ соборнѣй церквѣ на Божественную литургию, юже самъ архиепископъ со знатнѣйшими из духовныхъ соверши. По окончании же литургии приступи архиепископъ съ прочими духовными лицы къ рацѣ святаго и, открывше ту, обрѣтоша честныя святаго великаго князя мощи, яко кринъ сияющыя и яко бисеръ не увядающыя, толикое же благоухание исходяше от нихъ, яко превышать ему курение фимиама и смирны. Дерзнувше убо, со страхомъ пркоснушася святымъ мощемъ и со благоговѣниемъ, якоже подобаетъ, подъявше из старыя раки, обвиша въ новую бѣлую камку* и, радостно цѣловавше, преложиша въ новоустроенную древяную раку и, многоцѣнными покровы покрыша тыя, разидошася восвояси. Сия быша месяца септевриа послѣднихъ числъ.

126. Тридесятому же дню доспѣвшу, собрася паки все множество народа въ соборную святую церковь и, надлежащую службу совершивше, изидоша внѣ града съ честными кресты и святыми иконы, литию творяще. Сшествоваху же и священницы, одѣяны во священныя одежды, благолѣпно носяще на раменахъ своихъ новоустроенную раку съ многоцѣлебными мощми святаго великаго князя Михаила, народъ же, предшествуяй и вслѣдствуяй, взываше велиимъ гласомъ: «Господи, помилуй!» И тако обшедше градъ, возвратишася въ церковь, идѣже, отслушавше Божественную литургию, поставиша паки святыя оныя мощи на прежнемъ мѣстѣ — въ придѣлѣ святаго на лѣвой странѣ близ стѣны. Абие же по томъ милостию всещедраго Бога и молитвъ ради святаго великаго князя нача всюду смертоносие умалятися, дондеже въ конецъ исчезе. Того ради соборнѣ тогда уставлено бысть, да во всемъ градѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ воспоминания ради Божиихъ благодѣяний празднество преложения мощей святаго повсягодно въ предреченное число на память святаго священномученика Григория, епископа Великия Армении, совершается. Благоволи же всеблагий Богъ тогда же вложити въ сердце нѣкоему велможѣ, именем Роману Бобарыкину, иже при дворѣ его царскаго величества отправляше должность столника,* да устроитъ швеннымъ художествомъ украшенную плащаницу, на нейже образъ святаго изображенъ бѣ, воеже бы покрывати тою святыя мощи, въ память отшедшихъ от сея жизни его родителей. Сей богоугодный свой обѣтъ егда соверши, принесе ко святителю, иже благоговѣйно покры тѣмъ святыя мощи, и тако пребыша въ соборѣ надолзѣ.

[1] быть может.

127. Въ лѣто Господне 1682 возведенъ бысть на святителский престолъ въ Тферь преосвященный Сергий.* Сей, видя, яко зѣло обветша соборная Преображенская церковь, и отчасти восколебася, умысли вновь оную собственнымъ своимъ иждивениемъ сооружити. Того ради пренесе мощи святаго из собора въ церковь Воздвижения честнаго креста,* пренесе же вкупѣ и древний каменный гробъ, въ немже мощи обрѣтены быша. Совершившуся же зданию оному,* паки возврати мощи въ соборъ и положи на прежнемъ мѣстѣ, каменный же гробъ остави въ Крестовоздвиженстѣй церквѣ въ память пренесения его. Егда же наста въ Тфери преосвященный епископъ Варлаамъ, бывый въ 18 вѣцѣ,* тогда повелѣниемъ его пренесены и положены быша мощи святаго под устроенною на то, изваянною и позлащенною сѣнию за архиерейскимъ мѣстомъ между церковными столпами, придѣлъ же святаго изпразднивъ, учреди въ немъ ризницѣ архиерейстѣй быти.

128. Пребыша убо на томъ мѣстѣ мощи даже до времени преосвященнаго Митрофана, иже святительствова въ лѣто 1746 от Христа.* Сей доброхотнымъ подаяниемъ потщася древяную святаго князя раку благолѣпнѣ изваяннымъ сребромъ обложити, позлативъ ю въ мѣстахъ приличныхъ. Таже, устроивъ на правой странѣ у самаго иконостаса въ стѣнѣ мѣсто, ту пренесе и положи святыя мощи, якоже и донынѣ есть видѣти. Ветхий же каменный гробъ, иже храняшеся въ Крестовоздвиженстѣй церквѣ, въ случившейся пожаръ распадеся весь, обломки точию нѣкия осташася, иже и донынѣ зрятся въ соборѣ.

129. 1763 года съ самый день Сошествия Святаго Духа поутру паки случися въ Тфери зѣло великий пожаръ: возгорѣвшуся въ дому архиерейскомъ огню, абие по всему распространися граду и силнымъ стремлениемъ, яко змий нѣкий, ношашеся, прелетая всюду и пожирая до основания вся, зажжеся тогда и соборная колоколня. Еже видѣвше духоные мужи (тферскому бо епископу Афанасию* не случившуся ту), абие вся своя презрѣвше, со тщаниемъ стекошася отвсюду и боящеся, да некако мощамъ святымъ повреждение нѣкое случится, аще возгорится соборная церковь, облекошася во священныя одежды, и, вземше раку съ мощми, якоже бѣ, изнесоша из церкви, и, благоговѣйно на раменахъ носяще, принесоша ко углу града и поставиша на брезѣ Волги-рѣки противъ Феодоровскаго училищнаго монастыря.* Таже, приставлше священномонаществующихъ къ рацѣ, да, храняще мощи, молебствуютъ ту, разидошася кийждо спасати свой домъ от огня. Вечеру же наставшу, и свирѣпству огня мало утолившуся, пришедше паки, взяша мощи и, честно несше, поставиша на прежнее мѣсто въ соборѣ. Уцѣлѣ же вся та страна, идѣже лежаша мощи, теплое бо ходатайство святаго, яко бичь нѣкий, прогоняше огнь.

130. О семъ плачевномъ прилючении достиже вѣсть въ царствующий градъ Москву, идѣже обрѣташеся тогда благочестивѣйшая самодержавнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна Вторая, пришедъ из Санкт-Петербурга коронования ради,* яже по приятии священнѣйшаго помаза-

ния и вѣнца, егда возвращашеся въ царствующий градъ святаго Петра, бысть по пути въ Тфери и видѣвъ весь градъ обратившийся въ пепелъ, соболѣзнова зѣло и, матернимъ возбуждаема милосердиемъ, соизволи от щедроты своея толикое пожаловати богатство, елико доволно имѣло быти къ созиданию и украшению всего града и всѣхъ домовъ жителствующихъ ту людей. Повелѣ же, да оттолѣ во всей Тфери, нѣкая точию мѣста изключивъ, вездѣ каменныя домы великолѣпныя и высокия устроены будутъ, еже и бысть.

131. Вся сия, досдѣ написанная, великимъ тщаниемъ собрахомъ из разныхъ древностей остатковъ, яже возмогохомъ обрѣсти, нѣкая же от повѣствования достовѣрныхъ свидѣтелей взяхомъ, а яже видѣхомъ, яко благопристойнымъ слѣдствиемъ из предъидущихъ можно бѣ выводити, та съ опасностию внесохомъ. Въ дополнение же къ прежнимъ здѣ воспомянути потребно, яко благовѣрный великий князь Михаилъ Ярославичь поживе лѣтъ 48, державствова же во Владимирѣ, по лѣтописямъ российскимъ, 13 лѣтъ. Убо матерь свою блаженную Ксению самъ погребе въ Тфери въ соборной церкви, якоже мню, за шесть лѣтъ до кончины своея. Отецъ же его благовѣрный великий князь Ярославъ Ярославичь младъ сый скончася, и тридесяти лѣтъ не доживъ.* Онъ святителский престолъ основа въ Тфери въ лѣто от Христа 1271, на немже бысть первый предсѣдатель Симеонъ, князь Полотский,* по немъ Андрей, князь Литовский,* таже Варсонофий, упоминаемый здѣ въ житии. Послѣдовавшихъ же за сими прочихъ преосвященныхъ архиереевъ тферскихъ зри оглавления при концѣ сея книги.*

132. По кончинѣ же святаго князя Михаила вскорѣ постиже гнѣвъ Божий и праведное его мщение всѣхъ злокозненныхъ враговъ его. Окаянный бо Кавгадый, прогнѣвавшуся на него татарскому царю, въ первый годъ по убиении блаженнаго от печали и бѣснования злѣ изверже окаянную свою душу. Князь же Георгий вскорѣ по томъ убиенъ бысть во Ордѣ, якоже глаголютъ, от князя Димитриа Михайловича. Прочии же единомышленники и сковники[1] ихъ, разными образы пострадавше, погибоша.

133. Мы же, видяще толикий гнѣвъ Божий на злочестивыя, къ праведнымъ же толикия щедроты и чудный промыслъ, имже онъ обыче руководствовати къ небесному блаженству, потщимся бѣгати грѣха и усердно хранити святый его законъ, прославляя дивнаго въ чудесѣхъ Бога, Отца, и Сына, и Святаго Духа, емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклонение, нынѣ, и присно, и вовѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] союзники; единомышленники в ковах, крамолах.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО, НАПИСАННОЕ Я. А. ТАТИЩЕВЫМ

ЖИТИЕ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ДИМИТРИА, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО, ЧУДОТВОРЦА

Следующее святаго Димитрия, митрополита Ростовскаго, чудотворца, житие выбрано из дневных собственноручных сего святителя записок, которыя напечатаны в Древней Российской вивлиофике,* и от книги Епистоляра, при тех же записках напечатаннаго,* от предисловий, положенных при Четиих Минеях,* от книги «Розыска»* и Историческаго о российских писателях словаря,* от Духовной его грамматы,* и от двух поучений, писанных им к священникам паствы его,* и от письменнаго его же Жития,* сочиненнаго по Имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти благочестивѣйшия государыни императрицы Елисаветы Петровны указу* в Ростове во время обретения сего святителя мощей, которое основывается на достоверных записках,* отысканных в Ростове, и на вероятных разного звания людей свидетельствах, бывших при сем святителе в семинарии и служивших при келлии его, кои, егда обретены были мощи, в живых находилися.

Сию райскую вѣтвь, святителя и чудотворца Димитриа, произрасти Малая Россиа: родися бо в малом и незнаменитом градѣ, нарицаемом Макаровѣ,* иже от богоспасаемаго града Киева отстоит за пятьдесят поприщь,* в лѣто 1651 мѣсяца декемвриа от родителей благородных, вѣрою же и благочестием христианским украшенных и в заповѣдех Божиих неуклонно ходящих: отца именем Саввы, иже в воинствѣ малороссийском бысть чином сотник,* матере же Марии.* При рождении наречено имя ему Даниил, вскорѣ потом и святым крещением просвѣщен.* По крещении же воспитываемь бысть отрок от родителей своих в страсѣ Божии и поучаемь христианскому закону, растяше лѣты же и разумом, и добродѣтельми, аки лѣствицею от силы в силу грядущи.* И егда добрѣ навыче чтению и писанию славенскаго диалекта, тогда вдан бысть во градѣ Киевѣ в училищный Богоявленский монастырь* ради обучения иностранным языкам и другим свободным тамо преподаваемым наукам.* По опредѣлении в сие училище отрок Даниил остроты ради ума своего и неусыпнаго ради прилѣжания в скором времени хорошие нача в учении показывати успѣхи и паче сверстников своих преспѣваше; не многим же лѣтам минувшым, явися

довольно искусен в стихотворствѣ и витийствѣ и знающ добрѣ все тое, чему учимь бысть.*

Проходя оныя науки, Даниил не меньше поучашася и добродѣтелному житию, ибо чрез все тое время, которое он в науках препроводил, ни малого не имѣл сообщения с дѣтьми сквернословящими, смѣхи и глумления творящыми и единственно о увеселениях и утѣхах суетных помышляющими, дабы со злыми не развратитися и не пасти в пропасть грѣховную, ибо довольно вѣдал, что злыя бесѣды портят добрыя нравы, но, елико возможно, тщашеся цѣломудрие и чистоту соблюсти. Егда же избываше от школьнаго учения время, то не в дѣтских играниях, якоже обычай есть юным, но в чтении богодухновенных книг упражняшеся, к церквам Божиим со тщанием на молитву притекаше: уже бо сердце его божественныя любве пламенем начинаше согрѣватися, и в поучении его огонь разгарашеся, и елико болѣе присѣдяше книгам, чтя Божественныя Писания и жития святых отец, толико день от дня к подражанию их распаляшеся сердцем и желаше послѣдовати стопам их. В мирѣ убо сущи, Даниил иноческаго жития начатки в себѣ являше.

Достигши же осмнадесятаго от рождения своего лѣта, презрѣ Христа ради временный сей мир и сущая в нем благая и, испросив от родителей своих благословение, нача жити в монастырѣ Троицком Кириловском, иже есть в том же градѣ Киевѣ,* идѣже немногу минувшу времени, пострижен бысть во иноческий чин тогожде монастыря игуменом Мелетием* в лѣто 1668 мѣсяца иулиа в 9 день, на память святаго священномученика Панкратиа,* и вмѣсто Даниила преименован Димитрием.* По восприятии иноческаго чина сей богобоязнивый муж, всего себе возложивши на промысл Божий, нача проходити иноком приличное житие, поучаяся смирению, послушанию и братолюбию, и, елико возможно, тщашеся в добрых дѣлѣх подражати преподобным отцем Антонию, Феодосию* и прочим печерским чудотворцам:* отнюд же не печашеся о снискании имѣний и богатств временных, но все тщание ему бяше, дабы угодити Богу и по званию своему вѣрно ему служити.

Минувшу же по пострижении святаго малу времени, в лето 1669 мѣсяца марта в 25 день, на праздник Благовѣщения Пресвятыя Богородицы,* по изволению настоятеля посвящен святый Димитрий во диакона преосвященным митрополитом киевским Иосифом Тукалским* и пребысть в той Киево-Кириловской обители довольное время,* настоятелю во всем повинуяся, братии без лѣности служя в смирении с молчанием, всякое монастырское и церковное послушание исполняя с прилѣжанием. Первѣе всѣх обрѣташеся на церковном пѣнии, послѣди же исхождаше, в церкви стояше со страхом, послушая чтомаго Божественнаго Писания со всяким вниманием, в келлии упражняшеся в молитвѣ, писаше и сочиняше повелѣнныа от игумена или от других вышних начальников, прилѣжаше и чтению книг душеполезных.

Прешедшу же нѣколику времени, по изволению преосвященнаго Лазаря Барановича, архиепископа Черниговскаго,* призван бысть святый Димитрий из Киева во град Чернигов и хиротонисан во пресвитера* в монастырѣ Густинском* в лѣто 1675 мѣсяца маиа в 23 день, на праздник Сошествия Святаго Духа.* Посем вскорѣ той же преосвященный Лазарь Черниговский, понеже вѣдяше его быти мужа в науках довольно искусна, в добродѣтелех преуспѣвающа и к посѣянию в сердца человѣческия Божия слова* довольныя дарования имуща, благослови его быти проповѣдником* в том же градѣ Черниговѣ,* и пребысть святый Димитрий болѣе двух лѣт в соборной черниговской церкви* и в других тоя епархии храмѣх,* проповѣдая слово Божие к народом с великою пользою и услаждением слышащих, бяше бо слово его твердо, солию премудрости растворено,* и вси желаху слышати его. Не токмо же в Малой России бысть проповѣдником, но и за рубежем — в княжествѣ Литовском,* ибо по прошествии нѣкоего времени, испросив себѣ уволнение и приняв от преосвященнаго благословение, отбыл святый Димитрий из Чернигова во град Вильню* и, быв тамо недолгое время в монастырѣ Сошествия Святаго Духа,* сказывал два поучительныя слова.* Таже, егда по прошению духовенства братства Слуцкаго из Вильни преселися в Слуцк,* цѣлый год неусыпно в проповѣди слова Божия труждашеся, пребывая в тамошнем грекороссийскаго исповѣдания Братском Преображенском монастырѣ,* и по обявлению того города жителей имѣяше себѣ благодѣтелем нѣкоего благочестиваго гражданина Иоанна, по именованию Скочкевича,* который обитель тую своим иждивением устрои. Из Слуцка же аще и многими духовных и свѣтских лиц писаниями призываемь бысть, но он, усильнѣйшими прошениями и великими обѣщаниями от духовенства братства Слуцкаго удерживаемь будучи, умедли даже до кончины онаго Скочкевича. Егда же той преставися, Димитрий святый при погребении его приличное таковому дѣйствию надгробное говорил слово.

Посем вскорѣ из Слуцка возвратися в Малую Россию и нача жителство имѣти в столичном гетманском градѣ Батуринѣ,* в монастырѣ святителя Николаа, именуемом Крупицком,* упражняяся в постѣ, в молитвах и непрестанном чтении душеполезных книг, наипаче же прилѣжаше к проповѣди слова Божия. И за таковый его богоугодный, Церкви же святой по тогдашнему времени весьма нуждный труд, по благословению архиереев киевских и черниговских производимь бысть игуменом в разныя обители, кои слыша о добродѣтельном его житии и имѣя великую склонность к слушанию слова Божия, аки бы завидя едина другой, неотступными прошениями к себѣ его призываху.* Поставлен же святый Димитрий во игумена преосвященным архиепископом Черниговским Лазарем Барановичем первѣе во обитель Преображения Господня, нарицаемую Максаковскую,* в лѣто 1681 мѣсяца септемвриа в 4 день, на память святаго пророка Моисея Боговидца.* Пред поставлением его преосвященный оный, аки бы предузнавши, яко святый Димитрий имѣет сподобитися святителскаго сана, слѣду-

ющыя к нему изрече слова: «Да благословит вас Господь Бог не только игуменства, но по имени Димитриа желаю вам митры: Димитрий да получит митру». А по поставлении от него же привѣтствован тако: «Сего дня святаго пророка Моисеа Боговидца, сего дня сподобил вас Господь Бог игуменства, идѣже храм Преображения Господня, яко Моисеа на Фавор;* и иже сказа пути своя Моисеови,* да скажет и вам на сем Фаворѣ пути своя к вѣчному Фавору». Сии слова, якоже сам святый Димитрий, о себѣ свидѣтельствуя, глаголет: «Аз грѣшный за хорошее предзнаменование и пророчество себѣ поставил и замѣтил. Дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырства собылося!»* Приемши же сей благочестивый инок от преосвященнаго благословение, отиде в оную Максаковскую обитель и вступи в порученную себѣ игуменскую должность, идѣже, добрѣ братию наставляя и вся яже на общую обители пользу строя,* труждашеся в проповѣди слова Божия, угождая Богу постом, бдѣнием и другими добрыми дѣлы, а паче смиреномудрием: ибо аще и началство прия, благонравия же своего и кротости никакоже измѣни, но всегда в памяти содержя реченное Господем: «Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга»,* якоже сам себе пред всѣми меншим творяше, тако и братию по вся дни учаше не возносится ни в чем же.

Посем в лѣто 1682, мѣсяца марта в 1 день, на память святыя мученицы Евдокии,* по благословению тогожде преосвященнаго опредѣлен бысть игуменом во град Батурин, в монастырь святителя Николаа, именуемый Крупицкий. И так, сдавши игуменство Максаковское и возблагодаривши тамошней братии, отбыл в монастырь Батуринский и, получа указ, принял началство над сим монастырем. По прошествии же единаго года и осми мѣсяцев сей достохвалный игумен, любя безмолвное и безмятежное житие и желая наединѣ угождати Богу, октовриа в 26 день, на память святаго великомученика Димитриа, в день своего тезоименитства, остави начальство Батуринскаго монастыря и живяше во оном уединенно.*

Минувшу по сем нѣколику времени, по прошению Киево-Печерския лавры* архимандрита Варлаама Ясинскаго* (который потом бысть митрополитом Киевским) преселися из Батурина в Киево-Печерскую лавру.* Оный архимандрит (якоже от Предисловия, в началѣ Четиих Миней положеннаго,* видѣти можно), желая богоугодное намѣрение предваривших его и немало о исправлении книг житий святых угодников Божиих, прежде трудившихся Печерския лавры начальников, блаженныя памяти митрополита Киевскаго Петра Могилы* и архимандрита Иннокентиа Гизеля,* Божиею помощию в совершение привести тщашеся, елико возможно, отискати таковаго благоразумнаго мужа, емуже бы то благопотребное дѣло совершити вручил. Егда же вседаровитый Бог по усердному его взысканию посла в лавру тую сожительствовати в ней сего благоразумнаго и благочестиваго мужа, тогда оный архимандрит, благодарение Богу воздав, совѣтова о том с соборными отцы и с братиею лавры тоя, и по совѣту их

сему дѣлом и словом искуснѣйшему проповѣднику слова Божия, самою истиною свидѣтельствованному, поручи, дабы и от любве к святым Божиим, и вписания ради своего имени в книги живота вѣчнаго потрудился жития святых собрати и, совершенно исправив, списати. И тако святый Димитрий, видя нуждную Церкве Божия потребу, к сему же и послушая предложеннаго ему того, еже блаженный Симеон Метафраст* пишет яко: «Равное есть зло — и еже глаголати неподобающая, и еже молчанию предавати та, яже суть полезна и честна, якоже бо вредит мысли слышащих глаголяй нечестная, тако умолчеваяй добрая святых дѣяния лишает благочестивых пользы»,* и, предпочитая дѣло Божие своему упокоению, хотя и по долгом отрицании, возложивши надежду на помощь Божию и на молитвы пречистыя живота Матере, и на всѣх святых, вступи в сей богоугодный труд в лѣто 1684 мѣсяца иуниа,* и нача порученное тое дѣло с великим тщанием исполняти, почерпая же, аки от источников, от великих блаженнаго Макариа, митрополита Московскаго,* Четиих книг, и иных христианских историков,* произвождаше живоносный поток в напоение жаждущым пользы душам христианским.

Трудящуся святому Димитрию в сем спасительном послушании, быша два сицевыя во снѣ видѣния, в скором времени едино по другом случившыяся, из которых послѣднее напечатано в Минеях Четиях,* мѣсяца ноемвриа в 10 день, при концѣ жития святаго мученика Ореста.*

Первое. В лѣто 1685 мѣсяца августа в 10 день в понедѣльник* услышав я (глаголет сей святитель о себѣ самом) благовѣст* к заутрени, но по обыкновенному моему лѣнивству, разоспавшись, не поспѣл к началу, но проспал даже до чтения Псалтири.* В сие время видѣл слѣдующее видѣние: казалось, будто поручена была мнѣ в смотрение нѣкоторая пещера, в коей святыя почивали мощи; осматривая со свѣщею святых гробы, увидѣл там же якобы почивающую святую великомученицу Варвару.* Приступив к ея гробу, узрѣл ея, лежащую боком, и гроб ея, являющий нѣкоторую гнилость. Желая оную очистить, вынял мощи из раки и на другом положил мѣстѣ; очистив, приступил к мощам ея и взяв оныя руками для вложения в раку, но вдруг узрѣл в живых Варвару святую. Вѣщающему мнѣ к ней: «Святая дѣво Варваро, благодѣтельнице моя, умоли Бога о грѣсѣх моих». Отвѣтствовала святая, будто бы имѣя нѣкое сумнѣние: «Не вѣдаю, — рекла, — умолю ли, ибо молишся по-римски». (Думаю, что сие мнѣ сказано для того, что я весьма лѣнив к молитвѣ и уподоблялся в сем случаѣ римлянам, у коих весьма краткое молитвословие, так и у меня краткая и рѣдкая молитва.) Слова сии услышав от святыя, начал я тужити и аки бы отчаяватися. Но святая, спустя мало времени, воззрѣла на меня с веселым и осклабленным лицем и рекла: «Не бойся»; и иныя нѣкоторыя утѣшительныя произнесла слова, которых я и не вспомню. Потом, вложив в раку, облобызал ея руки и ноги, казалось тѣло живое и весьма бѣлое, но рака убогая и обветшалая. Сожалѣя о том, что нечистыми и скверными руками и усты дерзаю касатися святых мощей и что

не вижу хорошия раки, размышлял, как бы украсити сей гроб, и начал искать новой и богатѣйшей раки, в которую бы преложити святыя мощи, но в том самом мгновении проснулся. Жалѣя о пробуждении моем, почувствовало сердце мое нѣкоторую радость. Богъ вѣдает, что сей сон знаменует, и каково онаго событие воспослѣдует! О, когда бы молитвами святыя Варвары, патрона моего,* дал Бог мнѣ исправление злаго и окаяннаго жития моего!

Второе видѣние бысть того же лѣта сице:* «В пост апостола Филиппа,* во одну ночь, окончав писмом страдания святаго мученика Ореста,* котораго память ноемвриа 10 числа почитается, за час или менше до заутрени лег отдохнуть не раздѣваяся и в сонном видѣнии узрѣл святаго мученика Ореста, лицем веселым, ко мнѣ вѣщающаго сими словами: „Я больше претерпѣл за Христа мук, нежели ты написал".* Сие рек, откры мнѣ перси своя и показа в лѣвом боку великую рану, сквозь во внутренность проходящую, сказав: „Сие мнѣ желѣзом прожжено". Потом, открыв правую руку до лактя, показа рану на самом противу лактя мѣстѣ и рече: „Сие мнѣ прерѣзано". При чем и видны были прерѣзанные жилы. Такожде и лѣвую руку показавши на таком же мѣстѣ, такую же показа рану, сказуя: „И то мнѣ прерѣзано". Потом преклоншися, откры ногу до колѣна и показа на сгибѣ колѣна рану, такожде и другую ногу до колѣна открывши, такую же рану на таком же мѣстѣ показа и рече: „А сие мнѣ косою разсѣчено". И став прямо, взирая мнѣ в лице, рече: „Видиши ли, больше я за Христа претерпѣл, нежели ты написал". Я противу сего ничтоже смѣя сказати, молчал и мыслил в себѣ: „Кто сей есть Орест? Не из числа ли пяточисленных?"* На сию мою мысль святый мученик отвѣща: „Не той я Орест, иже от пяточисленных, но той, егоже ты нынѣ житие писал". Видѣл я и другаго нѣкоего человѣка важнаго, за ним стоящаго, и казался мнѣ такожде нѣкий мученик быти, но той ничтоже изрече. В то самое время учиненный к утрени благовѣст пробудил меня, и я жалѣл, что сие весьма приятное видѣние скоро окончилось. А что сие видѣние я, недостойный и грѣшный, истинно видѣл и точно так видѣл, как написал, а не иначе, сие под клятвою моею священноиноческою исповѣдую: ибо как тогда, так и теперь помню».

Минувшим же двум лѣтам и трем мѣсяцам от того времени, егда святый Димитрий сложи с себя игуменство, случися ему быти во градѣ Батуринѣ с вышереченным киевопечерским архимандритом Варлаамом, идѣже по прошению ясновельможнаго гетмана и прочих духовных и свѣтских властей, аще и зѣло отрицашеся, убѣжден бысть паки восприяти игуменство монастыря Батуринскаго Николаевскаго.* И, получа на оное указ, отбыл из Киево-Печерския лавры. Пришедши же в оный монастырь, сѣде на игуменство по воли духовных и свѣтских властей.

Тамо пребывая, оконча писанием жития святых, в первых трех мѣсяцѣх, септемврии, октоврии и ноемврии, содержимая, соглася же оныя с Великими блаженнаго Макариа, митрополита Московскаго, Четиими книгами во всѣх

историах, повѣстях и дѣяниях, святыми содѣянных, в подвигах их и страданиях, и, совершенно исправив, вдаде на разсмотрѣние преждереченному Киево-Печерския лавры архимандриту Варлааму с братиею. Егда же тыя соборными отцы лавры тоя с другими благоразумными мужи прочтены и освидѣтельствованы быша, тогда трудолюбец сей, прибыв из Батурина в Киево-Печерский монастырь, нача оныя печатати под своим смотрением в лѣто 1689 мѣсяца ианнуариа. И совершена бысть печатанием тая первая книга, начинающаяся по тогдашнему счислению с новаго лѣта, содержащая в себѣ вышепомянутыя три мѣсяцы, в тоежде лѣто при том же архимандритѣ Варлаамѣ Ясинском.

Вскорѣ посем бысть потреба исправления ради нѣкиих дѣл ясновельможному гетману* отъехати из Батурина в царствующий град Москву.* Тогда спутьшествоваша ему Троицкаго Киево-Кирилловскаго монастыря игумен Иннокентий* и святый Димитрий со двѣма тоя обители диаконами* до тогожде града Москвы. По прибытии в Москву представлены его царскому величеству, благочестивѣйшему государю царю Иоанну Алексеевичу,* и благовѣрной царевнѣ Софии Алексиевнѣ* и жалованы к рукѣ. А благочестивѣйший государь царь Петр Алексиевичь* в оное время бысть во обители преподобнаго Сергиа, Радонежскаго чудотворца.* Того же дни приняли благословение от святѣйшаго патриарха Иоакима.* По прошествии же нѣскольких дней отбыли в реченную Сергиа Радонежскаго обитель, идѣже удостоившеся видѣти его царское величество, благочестивѣйшаго государя царя Петра Алексиевича, милостивно им приняты и жалованы к рукѣ. В оное время и святѣйший патриарх в той же обители прилучися быти.* При отпускѣ вторично представлены его царскому величеству и жалованы к руцѣ, такожде и святѣйший патриарх, отпущая их, дарова святому Димитрию образ Пресвятыя Богородицы в окладѣ и благослови продолжати писанием жития святых.* Вскорѣ посем из царствующаго града Москвы обратный восприяли путь до Батурина. Прибывши же святый Димитрий в монастырь свой, устрои себѣ особенную келлию для способнѣйшаго пребывания близ церкви святителя Николаа, которую он в дневных своих записках именует скитом.* И преселився в оную, приступи к сочинению вторыя книги на мѣсяцы декемврий, ианнуарий и февруарий. Трудящуся же ему в исправлении оных, немалое ободрение подаде наставший послѣ Иоакима святѣйший патриарх Адриан* своею грамматою, ибо он, видѣв первую трехмѣсячную книгу, добрѣ составленну, суди труд сей зѣло полезен быти и всему российскому христианству. Того ради присла с преосвященным митрополитом Киевским Варлаамом Ясинским, бывшим прежде Киево-Печерскыя лавры архимандритом,* к сему трудолюбивому мужу архипастырскую свою благословляющую писати жития святых граммату, которая граммата в началѣ второй книги Четиих Миней напечатана.* В оной трудящемуся за первую книгу житий святых довольная приписывается похвала и благодарение, а дабы впредь того душеспасительнаго дѣла не остав-

лял, но всячески тщился бы оное приводити ко окончанию, архипастырское увѣщание и благословение. Тою грамматою трудолюбивый Димитрий ободрен быв, вскорѣ отвѣтствова святѣйшему патриарху* с подобающим смирением и благодарением и проси, дабы взятыя от него в Москву по приказанию святѣйшаго патриарха Иоакима Минеи Четии, содержащыя в себѣ мѣсяцы декемврий, ианнуарий и февруарий, паки к нему присланы были, ибо оныя хотя и были разсматриваны им прежде, но за краткостию времени не всѣ прочтены, и много полезнаго и зѣло нужднаго из тѣх не вписано.

Егда же по повелѣнию святѣйшаго патриарха Великия, оных трех мѣсяцев, Четии присланы, паки трудолюбец сей для способнѣйшаго писания житий святых остави игуменство монастыря Батуринаскаго.* Живя же в пустыни своей на уединении, другия три мѣсяцы, согласив с Великими Четиими, совершенно исправи. И прибыв в Киев, нача печатати мѣсяц декемврий в лѣто 1693 мѣсяца иулиа в 10 день.* Таже по изволению нѣкиих духовных властей опредѣлен бысть святый Димитрий игуменом во град Глухов в монастырь Первоверховных апостол Петра и Павла.* Пребывающу же ему тамо, окончана бысть печатанием вторая трехмѣсячная книга в лѣто 1695* при архимандритѣ Мелетии.* Не меньшую похвалу получи сей муж от тогожде святѣйшаго патриарха и за сию вторую книгу чрез присланное к нему в том же годѣ другое писание.* Сими двумя блаженнѣйшаго и толико о умножении Божией и святых его славы пекущагося пастыря писаниями трудолюбивый Димитрий побужден быв, простре руку свою на исправление третией книги житий святых, содержащей в себѣ мѣсяцы март, априллий и маий, и нача труждатися в преписывании оной паче перваго.

Минувшу же нѣколику времени, из Глухова* переведен в Троицкий Киево-Кирилловский монастырь,* в немже пострижен во иноческий чин, и пребысть во оном токмо пять мѣсяцев.* Посем, дабы таковый благоразумный и трудолюбивый муж, паче же рещи свѣтитильник, не был сокрыт под спудом,* по согласию преосвященнаго Варлаама, митрополита Киевскаго,* и преосвященнаго Иоанна, архиепископа Черниговскаго,* в лѣто 1697 иуниа в 20 день, на память святаго священномученика Мефодиа, епископа Патарскаго,* произведен бысть архимандритом* в монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, именуемый Елецкий Черниговский.*

Возшедши убо святый Димитрий на вышший достоинства степень, приложи по степени и трудолюбие большее, вѣдый писанное: «Емуже дано будет много, много и взыщется от него».* И якоже в прежднем от Киево-Печерския лавры возложенном на него послушании, исправляя жития святых с помощию Божиею, по силѣ труждашеся, тако и о монастырстѣм благоустроении и о спасении порученной себѣ братии печашеся.* Не менше же и в других духовных, Церкви же святой многополезных дѣлах, словом, совѣтом, разсуждением и дѣлом помоществоваше.

Таже по прошествии двух лѣт и трех мѣсяцев из Елецкой обители изволением началствующих переведен в Новгород-Сѣверский, в монастырь Всемилостиваго Спаса* архимандритом же. В оном пребывая, оконча писанием прежде помянутыя три — март, априллий и маий — житий святых мѣсяцы, а печатанием оныя совершены в лѣто 1700.* Бывшу тогда в Киево-Печерской лаврѣ архимандриту Иоасафу Кроковскому,* от котораго вскорѣ посем на благоволение прислан святому Димитрию той царский образ, егоже благочестивѣйший государь царь Алексий Михайловичь преосвященному митрополиту Киевскому Петру Могилѣ* присла в дар, егда вѣнчан бысть на царство.*

Но и сия святая обитель недолго под тѣнию толь многоплодныя райския вѣтви покоися, ибо тщательное исправление поручаемых сему мужу должностей и особливое искусство в проповѣдании слова Божия, такожде и добродѣтельная его жизнь вскорѣ прозорливому монарху* извѣстны бысть стали. Чего ради, дабы за оныя достойное получил награждение, в началѣ 1701 лѣта, по имянному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти благочестивѣйшаго и самодержавнѣйшаго государя императора Петра Великаго указу, оттуда призван в Москву: не имущей же тогда пастыря епархии Тобольской, посвящен бысть в митрополита Тобольскаго и Сибирскаго между патриаршеством, тогожде лѣта мѣсяца марта в 23 день,* в недѣлю Крестопоклонную.* Вскорѣ по сем одержимь бысть нѣкоторою болѣзнию. В оной болѣзни сам благочестивѣйший государь благоволи его посѣтити. И познав, яко тая болѣзнь приключися ему от нѣкоторой печали, повелѣ, да не скрывая, объявит подлинную причину своея печали, которую он и объявил таковым образом: «Сие, — рече, — причиняет мнѣ печаль и болѣзнь, яко меня в тяжелую и жестокую страну посылают, здравию моему несносную и вредительную, а мнѣ послушание есть, дабы к душевнѣй всѣх православных российскаго рода христиан пользѣ тщатися оканчивать писанием жития святых». Таковый правильный резон услышав от него, премудрый монарх благоволи всемилостивѣйше отмѣнити, еже бы в Сибирь его не посылати, и повелѣ ему жити в Москвѣ.*

Не по многом же времени преставльшуся преосвященному Иоасафу, митрополиту Ростовскому и Ярославскому,* опредѣлен бысть святый Димитрий на мѣсто его митрополитом в епархию Ростовскую и Ярославскую в лѣто 1702 ианнуариа в 4 день, иже бѣ недѣля пред Просвѣщением.* А в Ростов прииде мѣсяца марта в 1 день, в недѣлю вторую Великаго поста. Вступая же во град Ростов, егда первѣе прииде в монастырь святаго Иакова, епископа Ростовскаго,* и вшед в соборную Зачатия Пресвятыя Богородицы церковь,* обычное моление сотвори. В тое самое время по нѣкоему свыше ему бывшему откровению предузнав, яко в Ростовѣ имѣет скончатися, назнаменова во углѣ тоя цѣркви на правой странѣ к погребению себѣ мѣсто. И глагола к бывшим тогда с ним: «Се покой мой, здѣ вселюся во вѣк вѣка», — еже напослѣдок точно и сбысться по пречению его: в Ростовѣ бо преставися, и идѣже назнаменова мѣсто, тамо и

положен. Пришедши же на престол свой, соверши в соборной ростовской церкви* божественную литургию, при окончании той сказав изрядное поучительное слово* ко всѣм вообще как духовным, так и мирским, ввѣренным ему в паству человѣкам, мир и благословение преподаде. В скором времени по сем обычному погребению предаде тѣло усопшаго в Бозѣ преосвященнаго Иоасафа митрополита в соборной ростовской церкви.

И тако святый Димитрий Божиим изволением и благочестивѣйшаго монарха повелѣнием, всего же освященнаго собора благословением приняв всечестнѣйшия Ростовския митрополии правление, прия и подвиги большия, нача возложенный на себя святаго сего послушания ярем со всяким тщанием о укрѣпляющем Иисусѣ носити и неусыпное о управлении церковном и о спасении ввѣренных себѣ душ прилагати попечение: словом своим тщашеся распространяти истинное евангельское учение, житием же воздержным, богобоязнивым и честным, яко истинный стада Христова пастырь, непрестанно в памяти имѣя реченное во Евангелии Пастырем пастырей: «Тако да просвѣтится свѣт ваш пред человѣки, яко да видят ваша добрая дѣла, и прославят отца вашего, иже на небесѣх»,* всѣм подавал спасительные примѣры, наказываше всѣх духовных и мирских властей и под властию сущих, да всяк в подобающих себѣ добрых дѣлѣх пребывает, и порученную себѣ должность да проходит со всяким прилѣжанием, тщашеся искореняти от всяких санов злые нравы, нечистоту, зависть, неправду и всякое, еже видяше быти, небогоугодное дѣло истребляти; насаждати же чистоту, любовь, правду, милосердие и всякую добродѣтель вкореняти. Наипаче же попечение имѣяше, дабы первѣе от духовных лиц грубость и невѣжество истребити. Ибо добрый сей пастырь, вскорѣ по вступлении своем на престол Ростовский, увѣда, яко многие от паствы его во градѣх и в селѣх обитающие священники, непросвѣщены суще, не токмо званию своему не внимают, но ниже знают, что есть сан священства, и в чем состоит должность священническая и духовническая, и како оную проходити надлежит. От нихже нѣкоторые, гордяся священством, обличают и укаряют дѣтей духовных при иных людех во грѣхах, объявленных им на исповѣди, другие, немалую под собою паству душ человѣеческих имѣя, не пекутся о спасении их, лѣнятся ходити к больным, еже исповѣдывати их и сподобляти причащения Божественных Таин, а наипаче к людям убогим и нищым не хотят ходити, токмо к богатым ходят, убогих же презирают.

Болѣе же ревности по Бозѣ исполненнаго пастыря на возболѣзнование подвиже сие, егда он усмотрил, яко нѣкие из священников, забыв страх Божий, и самым пречистым и животворящым Христовым Таинствам, больных ради чрез весь год хранимым, достойнаго почитания не воздают, паче же уничтожают, держат в неподобающих мѣстах и в сосудах не зѣло чистых, а еже горѣе, яко ни нарицания им честнаго вѣдят. Не нарицают бо оныя пречистыми Тайнами, но нѣкиим простым нарицанием именуют, рекше «запас»,* якоже видѣти мощно от

поучения его, писаннаго ко всѣм священникам, в котором между протчим тако повѣствует: «Случися нам мимошедшаго 1702 года во град Ярославль грядущым внити во единой вѣси в церковь, идѣже по обычном молении аз, смиренный, хотя обычную почесть и поклонение воздати Пречистым Христовым Тайнам, егда вопросих тамошняго попа: „Гдѣ пречистыя животворящыя Христовы Тайны?", — поп той не уразумѣ словесе моего и, яко не домышляяй, стояше молча. Паки рѣх к нему: „Гдѣ тѣло Христово?", — поп же ни сего словесе можаше познати. Един же от бывших со мною искусных иереев рече к нему: „Гдѣ запас?" Тогда он иземь от угла сосудец зѣло гнусный и показа в нем хранимую оную в небрежении толь великую святыню, на нюже святии аггели смотрят со страхом. И аз возболѣзновах о том сердцем по-премногу, ово — яко в таковом непочитании хранится тѣло Христово, ово же — яко ни нарицания честнаго, Пречистым Тайнам подобающаго, иереи вѣдят».*

Сего ради попечительный сей пастырь, дабы священники, небрежение отринувше, начали помалу вразумляти себя и подобающий званию своему путь со всяким тщанием во страсѣ Божии проходили, два краткия, но ясныя о нѣкиих нужднѣйших до священническия должности касающихся вещах вскорѣ, едино по другом, написа поучения,* из нихже в первом яко отец увѣщаваше и яко пастырь властию архиерейскою повѣлеваше всѣм священникам, дабы престали от таковаго злонравия и пагубныя дерзости: не точию не обличали бы и в явление не производили бы чуждих грѣхов, но и не тщеславилися духовничеством, а дабы, не презирая убогих и нищих, равно о спасении ввѣренных себѣ человѣческих душ всячески во дни и в нощи попечение прилагали, заповѣдию Божиею заповѣдоваше.

Во втором же своем поучении тою же властию, от Бога данною, повелѣваше и Страшным Судом Божиим прещаше, дабы и сами священники животворящие Христовы Тайны, хранимые во весь год больных ради, всячески божественною честию почитали и других тому поучали, дабы хранили оныя в сосудах честных и держали в мѣстах благопристойных, не нарицали бы оныя простым словом «запас», к служению имѣли бы приуготовление доброе и служения святаго достойное, по служении же пребывали бы в воздержании и трезвости, старалися бы всѣми виды о спасении душ человѣческих, поучали бы народ в церкви и протчая подобающая их сану исправляли нелѣностно.* С сих поучений, дабы всѣм священникам были извѣстны и никто невѣдѣнием извинятися не мог, повелѣ многия учинити списки и разослати по городам и в уѣзды к старостам заказным,* с таковым подтверждением, дабы кийждо священник, преписав оныя, у себя имѣл и, почасту прочитывая содержимыя в них увѣщательныя статии, тщился, елико возможно, всѣ без упущения дѣлом исполнять.*

К пресѣчению же всего вышереченнаго, по свидѣтельству многих достовѣрных священническаго и монашескаго чина, бывших при сем святителѣ в училищѣ и при келлии его служивших людей, святый Димитрий, дабы дѣти свя-

щенно-церковнослужительские не были такожде невѣждами, как и отцы их, и егда вмѣсто отцев своих сподобятся священническаго или диаконскаго сана, разумѣли бы силу чтомаго ими Божественнаго Писания и умѣли бы в церкви поучати народ не токмо книжным чтением, но и наизустным слова Божия сказыванием, завел в Ростовѣ семинарию* и, собрав во оную из священно-церковнослужительских дѣтей болѣе двухсот человѣк,* для лучшаго порядка и успѣхов раздѣлил их на три училища* и, опредѣля к ним трех человѣк добропорядочнаго жития учителями,* о воспитании и обучении их всевозможное прилагал попечение. Часто посѣщая оныя училища, сам учеников слушал и в успехах пробовал, в воскресныя же и праздничныя дни приказывал ученикам приходити в соборную церковь на молитву ко всенощному бдѣнию* и к литургии.* А дабы всѣ были безотлучно и со страхом в храмѣ стояли, внимая поемому и чтомому, повелѣвал по окончании первыя кафисмы,* егда чтением продолжаемо бываше слово или житие каковое, приходити к себѣ ко благословению. За отбытием учителей оную должность на себя восприимал и, отобрав способнѣйших, сам в свободныя от дѣл церковных часы труждался, обучая их, толковал нѣкоторыя книги из Ветхаго Завѣта; в лѣтнее же время, пребывая в архиерейском своем селѣ Демьянах,* между протчими богоугодными своими трудами объяснял им Новый Завѣт. Во святый Великий пост и в протчия посты повелѣвал ученикам поститися, сам их исповѣдывал и Святых Таин приобщал; обучая же, опредѣлял оных к мѣстам, истребляя невѣжество. Дьячков и пономарей, к церквам опредѣляемых, дабы служение свое со всяким благоговѣнием и страхом в церкви творили, якоже правила святых отец повелѣвают, посвящал в стихари,* чего прежде в Ростовѣ не было.

В таковом великом санѣ на престолѣ своем пребывая, святый Димитрий, аще и многочисленными по званию оному, каково есть святительское, обременен бысть дѣлами, но трудолюбиваго сего мужа ничто от предприятаго им дѣла отвратити не возможе. Ибо он по пришествии своем в Ростов чрез два года одиннатцать мѣсяцев и девять дней, труждаяся в избывающее от исправления церковных и епаршеских дѣл время, вышереченных книг Миней Четиих четвертую и послѣднюю книгу, содержащую мѣсяцы иуний, иулий и август, писанием оконча и совершенно исправи, якоже видѣти можно от книги, именуемой «Лѣтопись о архиереах ростовских»,* которая находится в Ростовѣ при соборной церкви в книгохранительницѣ,* в оной пишется тако: «В лѣто от воплощения Бога Слова 1705 месяца февруариа в 9 день, на память святаго мученика Никифора, сказуемаго Побѣдоносца,* в отдание праздника Срѣтениа Господня,* изрекшу святому Симеону Богоприимцу* послѣднее свое моление: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко",* в день страданий Господних пятничный,* в оньже на крестѣ рече Христосъ: „Совершишася",* пред субботою поминовения усопших* и пред недѣлею Страшнаго Суда* помощию Божиею и пречистыя Богоматере и всѣх святых молитвами месяц август написася. Аминь».

По окончании же немедленно отосла оную книгу в Киево-Печерскую лавру, которая и окончана печатанием тогожде 1705 лѣта* при том же архимандритѣ Иоасафѣ.* И тако книги житий святых на всецѣлый год, начинающыяся от перваго числа месяца септемвриа, окончавающыяся же послѣдним числом августа, многими трудами и неусыпным старанием святаго Димитриа, болѣе нежели чрез двадесять лѣт собираемыя и исправляемыя,* в славу во святых славимаго Бога и Божия Матере, в честь всѣх в книзѣ животнѣй написанных угодников Божиих в пользу же всему христианскому православному роду писанием совершишася во градѣ Ростовѣ, печатным же тиснением во святой Киево-Печерской лаврѣ.

Не многому по сем прешедшу времени, вѣстно сотворися бодрому сему пастырю, яко по различным мѣстам Богом врученныя ему паствы входят многие лжеучители, от дубрав и пустынь брынских,* аки волки, исходящии, которые, лжеглаголивыми своими и тайными шепты прельщающе Христовы овцы, терзают стадо Божие, и яко многие, лестным их учениям вѣру емлюще, колеблются во святой восточныя святыя Церкве христианской вѣрѣ; друзии же, прельщением того раскольническаго, си есть капитонскаго яда,* и весьма уже отравлены бывше, вѣщают противная святѣй Церкви и развращают души незлобных. Поболѣв духом, ревнуя о благочестии, якоже Илиа,* и яко добрый пастырь, желая колеблющихся в правовѣрии утвердити, заблуждших же от погибельнаго пути отвратити, сочини книгу «Розыск о расколнической брынской вѣрѣ, о учении их, о дѣлах их»,* в которой изъявляше, яко вѣра их неправа, учение их душевредно, и дѣла их не богоугодны. Окончана оная книга писанием в лѣто 1709, напечатана же первым тиснением в царствующем градѣ Москвѣ в 1745 лѣто.

Упражняяся же святый Димитрий в сих Церкви святѣй и обществу многополезных трудах и добрѣ в паствѣ своей всѣм вся, яже ко спасению, строя, простирашеся и на большыя в надеждѣ будущаго мздовоздаяния: возимѣ намѣрение еще сочинити книгу, именуемую «Лѣтопись», сказующую дѣяния от начала миробытия до Рождества Христова,* с нѣкоторыми приличными к тому и полезными нравоучениями, вѣдѣния ради своего и келейнаго ради чтения, наипаче же сего ради, якожѣ видѣти можно от его же книжицы, «Епистоляр»* (записки письмам) нарицаемой, понеже довольно вѣдяше сей трудолюбец, яко не токмо в Малой России, но и в Великой России рѣдко гдѣ обрѣтаются славенския Библии и едва кто из богатых оную купити достанет за великую цѣну. Убогие же, не имѣя тѣх, лишаются пользы, происходящия от чтения, и яко многие от духовнаго чина не знают порядка библейных историй. Того ради, желая таковым для вѣдения преподать вкратцѣ библейную историю книжицею не зѣло великою, дабы всяк недорого купити мог и удобно о всѣх, яже в Библиах, увѣдати историах, каковым идут порядком, немедленно приступи к сочинению оныя и нача собирати от Божественнаго Писания и от различных хронографов и историографов греческих, славенских, римских, польских, еврейских и иных.* Со-

бирая же оную, истории, содержащыяся в Библии, полагал вкратцѣ вмѣсто фемы, а от тѣх, аки от источников различныя струи, многия полезныя нравоучения производил. Оной книги святый Димитрий, аще и весьма желал (якоже от тогожде Епистоляра явствует), за предлежащими иными дѣлами во управлении наложеннаго ему церковнаго ига, а болѣе за частыми недугованиями совершити не возможе. Но токмо по лѣточислению четвертыя тысячи шестаго ста лѣт дѣяния написаны.* Намѣрение же сего трудолюбиваго мужа бѣ таковое, дабы по окончании сей Лѣтописи, аще Господь устроит о нем во благое и жизнь его продолжится, принятися за Псалтирь* и вкратцѣ оную толкованиями изъяснити. Но замышленному сему дѣлу препятствие сотвори скорая смерть.

Прежде же Ростова, егда пребываше в Малой России, сочини двѣ книги. Первую — «Алфавит духовный»,* си есть нѣкая по писменам алфавитным начинаемая духовная увѣщания. В той книгѣ к поощрению да усерднѣе всяк человѣк заповѣди Господни исполняет и ко очищению страстей себя да понуждает, многия весьма полезныя предлагаются статии. Раздѣлив же оную на три части, к концу присовокупи пять главизн стихословий рачительнаго к Богу взывания. Сия книга, прешедшым нѣколиким лѣтам по преставлении сочинителя, напечатана в Киево-Печерской лаврѣ. Вторую же состави в похвалу Пречистыя Дѣвы Богородицы, именуемую «Руно орошенное»,* в оной повѣствует о чудесах от чудотворнаго ея образа, который обрѣтается в монастырѣ Ильинском Черниговском,* происходивших, с бесѣдами и нравоучениями богодухновенными. Оная книга, живу сущу святому Димитрию, в Черниговѣ в лѣто 1696 печатным тиснением издана.*

Сверх сего находятся и другия его же трудов многия полезныя сочинения, а именно: «Апологиа, во утоление печали человѣка, сущаго в бѣдѣ, гонении и озлоблении, составленная»,* в оной содержится бесѣда и разговор утѣшающаго со скорбящим (такожде и сия книжица при жизни его в 1700 лѣто в Черниговѣ, по преставлении же вторично во Могилевѣ в лѣто 1715 напечатана);* «Краткий Катихисис»* с вопросами и отвѣтами о вѣрѣ зѣло полезный; «Благодарственное размышление о страстѣх Христовых»;* «Цѣлование удов, или ран Господа нашего Иисуса Христа»;* «Плачь на погребение Христово»;* «Поклонение святѣй Троицѣ»;* «Поклонение Господу нашему Иисусу Христу»;* «Поклонение Пресвятой Богородицѣ»;* «Разсуждение о причащении Божественных Таин»;* «Поклонение пречистым Христовым Тайнам»;* «Молитва исповѣдания повседневнаго»;* «Исповѣдание грѣхов генеральное»;* «Молитва, или краткое воспоминание страстей Христовых»;* «Врачевство духовное на смущение помыслов со многими примѣрами, от различных отеческих книг вкратцѣ выбранными»;* «Духовное обучение внутренняго человѣка, в клѣти сердца наединѣ поучающагося и молящагося втайнѣ».* Сочини такождѣ двѣ Лѣтописи: первую — о славенском народѣ,* вторую — о построении церквей и о поставлении в России архиереев.* И еще нѣколико духовных пѣсней* и других стихотворе-

ний довольное число.* Из сих кратких сочинений Апологию и Лѣтописи в бытность свою в Малой России состави, а протчыя когда написаны от него — извѣстия нѣсть.

Что ж принадлежит до поучителных сего красноглаголиваго проповѣдника слов, оных весма много числом быти должно, аще бы всѣ тѣ возможно было отискати и воедино собрати, ибо, во-первых (якоже выше изъявися), довольное время бысть сей муж проповѣдником слова Божия в Черниговѣ при преосвященном архиепископѣ Лазарѣ Барановичѣ. По отбытии из Чернигова нѣколико времени находился во градѣ Вильнѣ. Таже прибыв в Слуцк и болѣе года жительствуя в тамошнѣм Преображенском монастырѣ, единственно упражняшеся в посѣянии слова. Возвратившися же в Малую Россию, во градѣ Батуринѣ по большей части проповѣдническую отправлял должность, даже до определения своего на игуменство. Бывши же игуменом и архимандритом в разных обителех, аще управления, таковому чину надлежащая, и много препятствоваша, и возложено бысть на него послушание жития святых собирати и исправляти, но сей неутомимый трудами начальник чрез все оное время нимало не преставаше сочиняти поучения и проповѣдати слово Божие. К крайнѣйшему же сожалѣнию, едва не всѣ оныя поучения, не извѣстно, сочинителем ли самим в жизни его или по преставлении того другим каким нечаянным случаем, утрачены. Ибо аще и обрѣтается в Ростовѣ при тамошнѣй соборной церкви в книгохранительницѣ поучительных слов и других нѣкоторых сочинений сего трудолюбиваго мужа великая книга, полууставом писанная,* однако во оной наиболѣе находятся поучения, проповѣданныя им во время пребывания его в Великой России, но и из тѣх (якоже явствует от тояжде книжицы Епистоляра) нѣкоторых недостает, в Малой же России сказыванных имѣется в той книгѣ числом токмо пять.*

Управляя убо святый Димитрий добрѣ Богом врученную себѣ паству, аще и многими всегда по званию своему отвлекаемь бѣ препятствиями, но в церковь на службу Божию для моления ежедневно притекаше, во дни же воскресныя и праздничныя служение святыя литургии мало когда оставляше, развѣ за немощь или великия ради нужды. Когда прилучался праздник, в которой из соборной ростовской церкви* бывает крестное хождение,* тогда в крестном хождении, аще бы и далеко ити, по большей части сам бываше и служение литургии сам совершаше, и народ проповѣдию к творению добрых дѣл возбуждаше. Часто отъѣжжал во град Ярославль* и, пребывая тамо, в соборной и в других того града церквах,* идѣже прилучашеся служити, проповѣдоваше слово Божие и поучая всякаго звания людей святой православной христианской вѣрѣ, увѣщаваше не прельщатися ложными неправо мудрствующих учениями, не отторгатися стада Христова, но крѣпко стояти, придержащися матере нашея святыя восточныя Церкве. И бѣ бодрый пастырь, сохраняя Христово стадо от врагов, воюющих на них, и от волков лживых, приходящих в кожах овчих.

В лѣто 1705 бывшу сему пастырю в томжде градѣ Ярославлѣ в лѣтнее время и умедлившу в нем исправления ради нѣкиих церковных дѣл два мѣсяцы, иуний и иулий, случися в оное время таковое приключение (якоже сам святый Димитрий в книгѣ «Розыскѣ» о сем свидѣтельствует): «В един от воскресных дней из церкве соборныя по святѣй литургии изшедшу ми и к двору своему грядущу,* два нѣкия человѣка брадаты, но не стары, приступльше ко мнѣ, воззваша, глаголюще: „Владыко святый, как ты велишъ? Велят нам брады брить, а мы готовы главы наши за брады наши положити. Уне нам есть, да отсѣкутся наши главы, неже да обриются брады наши". Аз же нечаянному и внезапному вопросу тому удивихся и не возмог вскорѣ что от Писания отвѣщати, противу вопросих их, глаголя: „Что отрастет, глава ли отсѣченная или брада обриенная?" Они же, усумнѣвшеся и мало помолчавше, рѣша: „Брада отрастет, а глава ни". Аз же рѣх им: „Уне убо вам есть не пощадити брады, яже и десятерицею бриема, отрастет, неже потеряти главу, яже, единою отсѣчена, не отрастет никогдаже, развѣ во общее всѣх мертвых воскресение". То рек, идох в келлию мою. Проводиша же мя мнози честнии граждане и в келлию со мною внидоша, и бысть в нас разглагольствие довольно о брадобритии и небрадобритии. И познах, яко мнози, иже по указу обриша брады своя, сумнятся о спасении своем, аки бы истеряли образ и подобие Божие и не суть уже по образу Божию и по подобию обритых ради брад. Аз же увѣщавах их не сумнитися, сказуя, яко не в брадѣ и зримом лицѣ человѣческом состоится образ Божий и подобие, но в невидимой душѣ. Еще же и сего ради никтоже да сумнится о спасении своем, понеже не по своему его произволению дѣется брадобритие. Подобает же велѣнию тѣх, иже во властех суть, повиноватися в дѣлѣх, не противных Богу, ни вреждающих спасение». Сего ради, дабы вмѣняющии обритие брад за великий и непрощаемый грѣх, ращение же их за великую святость отложили тое сумнѣние, и да никтоже от брадатых уповает брадою свое спасение получити, и да никтоже сумнится и отчаевается о спасении своем брадобрития ради. В реченной книгѣ «Розыскѣ» между иными приложил и о брадах довольное разсуждение* во увѣщание неутвержденных и в подтверждение о малом много колебающихся.

Во все время пребывания на престолѣ своем сей кроткий пастырь бодрствоваше в паствѣ своей без суровости, храняше достоинство сана своего без кичения, ко всѣм великим и малым являше нелицемѣрную любовь, — того ради и сам всѣми вѣрными Церкве святыя сынами яко отец бысть любимь, почитаемь и славимь, не токмо же своими подчиненными, но и другими многими благородными особами, не меньше и самим благочестивѣйшим монархом и всею царскою фамилиею ради добродѣтельнаго жития его. Почасту призываемь бысть в Москву,* идѣже в присутствии самаго монарха и других царския фамилии лиц божественныя службы совершаше и слово Божие проповѣдоваше,* еже видѣти можно от надписей при тѣх поучениях, на брезѣ означенных.* Почасту же и к нему в Ростов приѣжжали благословения ради многия царския осо-

бы, как то: вдовствующая супруга благочестивѣйшаго государя царя Иоанна Алексиевича* царица Параскева Феодоровна* с чады своими и дщери благочестивѣйшаго государя царя Алексиа Михайловича* благовѣрныя царевны Мариа,* Феодосиа* и Наталиа Алексиевны.* Жаловали его рясами и другими разными вещами, из чего он, все архиерейское одѣяние себѣ на смертный час приготовив, завѣща служащым при себѣ, дабы по преставлении в оном одѣянии положен был, что и сдѣлано по завѣщанию его. Тое одѣяние и донынѣ на нем обрѣтается.*

Имѣяше святый Димитрий обыкновение таковое: аще когда почувствует в себѣ каковую болѣзнь и начнет изнемогати, тогда пришлет в семинарию и прикажет семинаристам на воспоминание пяти язв Христовых,* яже бяху в пречистых его руках и ногах и в прободенном ребрѣ даже до сердца, по пяти крат молитву «Отче наш»* прочитати. И тогда бывало ему отраднѣе, а изнемогал часто. Посѣщая же семинарию свою, учеников увѣщаваше, дабы житие свое провождали в воздержании, цѣломудрии и чистотѣ и дабы, призывая себѣ в помощь премудрости наставника и смысла подателя Бога, к учению всевозможное прилагали тщание. Между тѣм и сие часто к ним глаголаше: «Аще аз сподоблюся от Господа получити милость, тогда и об вас буду его молити, дабы и вы токожде получили от него милость, писано бо есть: „Да идѣже аз, ту и слуга мой будет"».*

Служителей же своих и прочих при нем находящихся учил, егда ударяют часы, на всякое ударение ограждати себя знамением честнаго креста и прочитати тихо молитву: «Богородице Дѣво, радуйся».* Аще же кто из домовых его служителей прилучится быти имянинник и придет к нему с почестию, оных благословлял образами, а естьли образа не случится, тогда жаловал деньгами по разсмотрению. Часто подданых поучая посту прилѣжати, объядения же и пиянства бѣгати, сам собою прежде примѣр того показываше: по вся бо дни, кромѣ праздников, в воздержании пребываше, мало вкушая токмо тѣлесныя ради потребы, во святую же Великую четыредесятницу* в первую недѣлю единожды пищи употребляше, такожде и в Страстную,* токмо в Великий четверток единожды,* а в протчыя дни пребываше в молитвах, постяся.

Сей богобоязнивый муж был остраго разума, великаго просвѣщения, искусный в славянском, латинском, греческом, еврейском и польском языках,* великую имѣл склонность к наукам, любил добродѣтельных и честных людей, к вышшым был почтителен, к равным благосклонен, любовен, привѣтлив, к подчиненным милостив, к нещастным сострадателен, к неимущым благотворителен, к бѣдным весьма щедр. Скупость в сердцѣ его не обитала, любостяжание никакого в нем не имѣло мѣста, сребролюбие же совсѣм от онаго прогнано было: от того бо времени, егда восприя на ся иноческий образ и обѣща Богови извольную нищету, даже до преставления своего не токмо нимало не печашеся о стяжании многаго имѣния и не собираше (якоже сам о себѣ в Духовной* своей

свидѣтельствует) злата и сребра, но ниже изволяше имѣти излишних одежд или других каких-либо вещей, кромѣ самых нуждных и кромѣ книг душеполѣзных; всякия же входящыя в руки его от благодѣтелей подаяния и всѣ, егда бысть во игуменах и архимандритах, такожде и во все время пребывания его во архиерействѣ келейныя приходы ово на свои, ово на монастырския истощеваше потребы,* ово же на украшение святых церквей, а наипаче на нужды нуждных, ибо о сиротах и вдовицах, о нищих и неимущих толико промышляше, яко отец о присных своих чадѣх, и толико щедро входящая в руки его раздоваше, яко на всякий день едва мало что у себя оставляше. Часто призывая в Крестовую палату* слѣпых, глухих, хромых и в послѣдней нищетѣ страждущих, поставляше им трапезы, одежды дарствоваше и прочая сим подобная милости дѣла оказывати не отрицашеся, и бѣ, по Иову, «око слѣпым, нога же хромым».*

А дабы по смерти его никто не искал в храминах его злата, сребра и другаго каковаго-либо имѣния и не погублял бы времени на напрасное онаго искание и служащих при келлии его о том не истязывал,* за два года и седмь месяцев до преставления своего написа Духовную, или Завѣщание, и объяви оную преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому,* и положиша они между собою завѣт таковый: аще преосвященный Стефан митрополит прежде преставится, тогда при погребении его быти Димитрию митрополиту; аще же Димитрий Ростовский прежде скончается, тогда погребению его предати преосвященному Стефану Рязанскому.* Так и сдѣлалося, яко не другий кто, но сам преосвященный Стефан его погребе. Они между собою яко братия в любви жительствоваша: святый же Димитрий во все время пребывания своего в Ростовѣ о дѣлах важных, наипаче, егда сочиняше книгу «Лѣтопись, сказующую дѣяния от начала мира до Рождества Христова», весьма часто посылаше писания от себя* и самыя сочинения на разсмотрение к преосвященному Стефану митрополиту и в рѣшении сумнительств от него требоваше совѣта.

За нѣколико дней прежде кончины святаго Димитриа благочестивѣйшая государыня царица Параскева Феодоровна* возимѣ намѣрение из царствующаго града Москвы шествовати во град Ярославль поклонения ради чудотворной Пресвятыя Богородицы иконѣ, нарицаемой Тольской,* но за великими тогда случившимися непогодами и за распутием осенним до Ярославля шествовати бѣ трудно, того ради повелѣно чудотворную оную икону из Тольския обители* принести в Ростов. И егда донесено сему святителю о скором пришествии в Ростов благочестивѣйшия государыни царицы с благовѣрными царевнами и о принесении чудотворныя Пресвятыя Богородицы иконы Тольския, тогда повелѣ призвати к себѣ Дому своего архиерейскаго казначея иеромонаха Филарета,* которому, между протчими приказаниями, предувѣдав о скором своем к Богу отшествии, тако обявил: «Се грядут в Ростов двѣ гостьи: Царица Небесная и царица земная,* токмо я уже видѣть их здѣсь не сподоблюся, а надлежит к принятию оных готову быть тебѣ, казначею».

Пред самою же кончиною, дни за три до преставления своего, вельми нача изнемогати и часто кашляти, однако в день тезоименитства* своего, си есть октовриа 26 числа, на память святаго великомученика Димитриа Селунскаго,* божественную литургию сам в соборной церкви совершал, быв уже крайнѣ болен, яко и лицем измѣнитися ему, и поучения в оный день сам сказовати не мог, но сидя при царских дверѣх* слушал, читал же тое поучение, от него самаго прежде приготовленное, по тетради един из пѣвчих.* За обѣденным столом в той день с гостьми, по обыкновению прежних лѣт, аще и немощен бысть, с крайнею нуждою сидѣл. А в 27 день октовриа прииде к сему святителю из города Переславля Залѣсскаго обители преподобнаго Даниила столпника* архимандрит Варлаам* для посѣщения, который и принят от святаго Димитриа с любовию и угощеваемь по приличию. Бесѣдующим же им наединѣ, присла к сему пастырю дворецкаго своего жительствующая тогда в Ростовѣ близ Дому архиерейскаго монахиня Варсонофиа Евфимиева, роду Козинских,* яже бысть нѣкогда питательницею блаженныя памяти государя царевича Алексиа Петровича,* просити, дабы преосвященный благоволил в тот день ея посѣтити, ибо оная во все время пребывания своего в Ростовѣ добродѣтельнаго ради жития святаго Димитриа велие к нему имѣяше почтение и начастѣ в пользу душевную себѣ от него требоваше наставлений. К той монахинѣ чрез дворецкаго ея зван быв, сей святитель отказася ити по немощи, ибо весьма изнемогаше. И егда той, пришед в дом, объявил госпожѣ своей, яко за болѣзнию преосвященный посѣтити ея не может, тогда оная монахиня вторично присла просити, дабы хотя на краткое время благоволил приити. Святый же Димитрий и по вторичному тоя прошению много отрицашеся, представляя причиною болѣзнь свою, но преждереченный архимандрит Варлаам нача ему совѣтовати, дабы пошел и хождением тѣм хотя малое себѣ облегчение от болѣзни получил. Тогда, послушав архимандрита, приказа себя вести до нея послѣ вечерняго пѣния.* Пришедши же вкупѣ с оным архимандритом в дом ея, мало побесѣдова и паки возвратися в вечеру. Но едва уже возможе доити до келлии своея и помянутаго архимандрита, быв в Крестовой палатѣ, повелѣ приняти и угостити казначею своему иеромонаху Филарету. Сам же, пришед в келлию свою, нача весма кашляти и ходити по келлии немалое время, поддерживаемь служителями под руки.

Таже повелѣ призвати к себѣ в келлию пѣвчих* для пѣния сочиненных им самим нѣкоторых духовных пѣсней, яко то: «Иисусе мой прелюбезный», «Надежду мою в Бозѣ полагаю», «Ты мой Богъ Иисусе, ты моя радосте».* И во время продолжения пѣнием тѣх пѣсней святый Димитрий слушал, стоя при пещи и грѣяся сердцем. По окончании же пѣнием оных благоволи всѣх пѣвчих отпустити в домы своя, единаго точию из них любимаго своего пѣвчаго и усерднѣйшаго в трудах ему помощника у себя удержав. И егда той остася, нача повѣдати о своей жизни, како оную препровождаше в юности и в совершенном возрастѣ, како моляшеся Господу Богу и Пречистой его Матери и всѣм угодником Божи-

им. А потом сие рече: «И вы, дѣти, молитеся такожде». Наконец же сказа: «Время и тебѣ, чадо, отити в дом свой». И егда пѣвчий той, приняв благословение, пойде, тогда сам святый Димитрий проводи его из келлии своея и поклонися ему едва не до земли, благодаря его за тое, яко при нем много потрудися в преписывании всяких сочинений.* Видя же пѣвчий той таковое смиренное и необычное себѣ от пастыря своего провождение и толь низкий поклон, содрогнуся, таже со благодарением рече: «Мнѣ ли, послѣднейшему рабу, Владыко святый, тако покланяешися?» Он же паки тоежде кротцѣ проглагола: «Благодарю тя, чадо». И возвратися в келлию, а пѣвчий, заплакав, отиде в дом свой. Святый же Димитрий возвратився в келлию, повелѣ служителям своим, да кийждо их идет в свое мѣсто. Сам же в особенной келлии затворився, аки бы мало покоя прияти хотя, пребысть моляся, даже до преставления своего. Утру же наступающу, егда внидоша во оную келлию служащии, узрѣша его на колѣнях, якоже моляшеся, скончавшагося. И пѣвчий той, быв в своем домѣ, заутра рано услыша, яко при соборной церкви на колоколнѣ ударили трикраты в большой колокол* в знак святительскаго преставления, немедленно прибѣжав в архиерейския келлии,* обрѣте своего пастыря и отца, в молитвѣ дух свой Богу предавшаго.

По облачении его во все святительское одѣяние, которое он, якоже выше изъявися, прежде кончины своея приготови, вложено святое тѣло его во гроб, а под главу вмѣсто возглавия и под все тѣло по завѣщанию его положены разныя вчернѣ писанныя его рукою сочинения,* — вынесено в той же день в церковь Всемилостиваго Спаса, что на Сѣнях,* близ архиерейских келлий.

Егда же вѣстно сотворися во градѣ Ростовѣ о преставлении сего добраго и чадолюбиваго пастыря, стечеся мало не весь град к честному тѣлу его, и бысть множество народа, и сотвориша плачь, яко остави их пастырь и учитель, в бѣдах и в печалех сущым помощник, вдовицам и сиротам заступник, нищым и убогим питатель, иерейскому же и монашескому чину наставник и учитель.

Тогожде дня и благочестивѣйшая государыня царица Параскева Феодоровна со дщерьми своими благовѣрными царевнами* Екатериною,* Параскевою* и Анною Иоанновнами* прибыть соизволи в Ростов по окончании обѣден, но уже святаго Димитриа в живых не получи. Много о том плакала, яко благословения его святительскаго не удостоися приняти. И повелѣ над тѣлом его собором отслужити* паннихиду.* Потом изволи отъѣхати срѣтения ради чудотворныя Пресвятыя Богородицы иконы Тольския, но за осеннею распутицею и непогодами не продолжая далѣе пути к Ярославлю, остановися в Богоявленском монастырѣ* до послѣдующаго дня. Утру же бывшу, егда донесено ей, яко икона Богородична уже близ есть града Ростова, тогда повелѣ, дабы пришедшие в Богоявленский монастырь в день памяти преподобнаго Аврамиа, архимандрита Богоявленскаго, ростовскаго же чудотворца,* из соборной церкви священно- и церковнослужители со кресты из того Богоявленскаго монастыря шествовали

на срѣтение чудотворныя иконы к Петровскому монастырю, на пути же от Ростова к Ярославлю стоящему,* куда и царевны всѣ три за крѣсты пѣшия слѣдоваша. И срѣтя оную икону, принесоша в Богоявленский монастырь сами царевны на своих руках, а государыня царица изволи ожидати ея во вратах того монастыря. Егда же принесена бысть оная икона ко вратам, тогда сама изыде в срѣтение ея, и, сотворив обычное моление, благоговѣйнѣ лобыза тую и повелѣ внести в церковь: стояше же оная икона до окончания божественныя литургии, а по литургии отправлен Пресвятѣй Богородицѣ молебен.* И отнесена та чудотворная икона в соборную Ростовскую церковь при том же возвращающемся из Богоявленскаго монастыря крестном ходѣ.

В 30 день того же октовриа по изволению государыни царицы тѣло святаго Димитриа из домовой той Спасовой церкви с подобающею церемониею пренесено в соборную церковь.* И по повелѣнию ея отправлена вторично по нем паннихида. Посем вскорѣ благочестивѣйшая государыня царица с благовѣрными царевнами и с протчими, при ней бывшими, изволи обратный путь восприяти из Ростова в царствующий град Москву. Егда же Духовная сего святителя, писанная собственною его рукою,* послана из Ростова в Москву в Монастырский приказ,* тогда по написанному в оной его завѣщанию, или паче рещи, по его прошению, еже бы по преставлении погрести тѣло его в монастырѣ святаго Иакова епископа, ростовскаго чудотворца, во углѣ церковном, идѣже сам назнаменова, прислан из Монастырскаго приказа в Ростов указ,* которым повелѣно точно, якоже в Духовной той написано, в Иаковлевском монастырѣ, в соборной Зачатия Пресвятыя Богородицы церкви, на правой странѣ во углѣ, выкопав могилу, выслать оную камнем, и гробницу сдѣлать каменную же, и погребению предати. Однако по тому указу, неизвѣстно чего ради, не исполнено: могила камнем не выслана, и гробница каменная не сдѣлана, а сдѣлан только обруб деревянный, который от сырости скоро изгни, якоже о том пространнѣе в представленном Святѣйшему Правительствующему Синоду доношении о обрѣтении мощей сего святителя извѣствуется.*

Егда же прииде в Ростов ради погребения святаго Димитриа в месяцѣ ноемврии преосвященный Стефан, митрополит Рязанский и Муромский, прямо вшед в соборную церковь, много над тѣлом сего угодника плакал и приказал казначею иеромонаху Филарету приуготовляти все к погребению принадлежащее в Иаковлевском монастырѣ. Тогда якоже власти монастырей ростовских, тако и соборныя священники и многие из граждан, пришедше к преосвященному Стефану, просиша его, дабы благоволил погребению предати тѣло сего святителя в соборной ростовской церкви близ покойнаго Иоасафа митрополита, идѣже вси прежде бывшии ростовские архиереи погребены.* Точию преосвященный Стефан по тому их прошению учинити не соизволи и просителям сказа: «Понеже при самом еще на ростовский престол вступлении быв первѣе преосвященный Димитрий в Иаковлевском монастырѣ, сам избра к погребению себѣ мѣсто, како

же мнѣ сие премѣнити?» И тако в назначенный к погребению день, собравшымся духовным властем и всѣм священно- и церковнослужителям в соборную церковь, соверши преосвященный Стефан божественную литургию. По окончании же оныя отправлено им же со всѣм освященным собором над тѣлом святаго Димитриа надгробное пѣние, на котором сам преосвященный говорил к народу приличное сему печальному дѣйствию надгробное слово.* Таже по завѣщанию сего угодника оное святое его тѣло из собора с подобающим благочинием, с кандилы* и псалмопѣнием, предшествующу всему священному клиру, сопровождающу же множеству народа и горестная стенания о пастырѣ и учителѣ своем произносящу, в Иаковлевский монастырь пренесено и земли предано в преждереченной Зачатия Пресвятыя Богородицы церкви на правой странѣ во углѣ. По погребении же преосвященный Стефан написа об нем надгробную, которая при концѣ сего жития положена.*

По смерти сего трудолюбиваго мужа книг греческих, латинских, польских, славянских, рукописных и печатных остася довольно, которые в тоежде время всѣ из Ростова взяты преосвященным Стефаном в Москву и отданы в книгохранительницу Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода типографии.*

Сей угодник Божий преставися в лѣто от воплощения Бога Слова 1709 мѣсяца октовриа на 28 число в нощи, иже бысть день пятничный, вскорѣ послѣ своего тезоименитства. Тѣло его погребено месяца ноемвриа в 25 день, иже бысть такожде день пятничный. На ростовском престолѣ пребысть седмь лѣт без двух мѣсяцев, в иночествѣ четыредесять едино лѣто, три месяца и осмнадесять дней; всѣх же жития его лѣт бѣ 58 невступно.*

Он в жизни сей свѣтолѣпная угодников Божиих, в книзѣ вѣчнѣй на небеси написанных, жития и подвиги в славу во святых славимаго Бога, в честь угодников, в пользу же всего православнаго христианскаго рода воедино собрав и тростию на хартии написав, преподаде. И сам по отшествии своем от сей маловременной жизни к вѣчной вкупѣ со оными в книги живота вѣчнаго перстом Божиим вписан и нетлѣнным вѣнцем увѣнчан быти сподобися. А яко бысть истинным пастырем и недремленным наблюдателем ввѣренной себѣ от Бога паствы, удостоися к лику пастырей с прочиими святители ростовскими и со всѣми иерархи причтен быти, ибо в лѣто 1752 мѣсяца септемвриа в 21 день, при разбирании в оной Зачатия Пресвятыя Богородицы церкви опустившагося пола для починки, обрѣтены святыя его мощи по четыредесяти двух лѣтах, десяти мѣсяцах и двадесяти четырех днех от преставления его цѣлы и нетлѣнны, и одеждам его святительским мало гдѣ прикоснуся истлѣние, от нихже аки от источника нѣкоего с того времени даже и донынѣ различныя с вѣрою притекающым источаются чудеса:* бѣсы от человѣк прогоняются, нѣмыя глаголют, слѣпыя прозирают, хромыя, разслабленныя и другими тяжкими и неисцѣльными болѣзньми одержимыя, чрез призывания по Бозѣ его себѣ в помощь и чрез приносимыя при

тѣх святых мощах молитвы, благодатию Божиею исцѣлѣваются, и славится о нем Бог в Троицѣ единый, во святых своих прославляемый.

Славим и мы тогожде всеблагаго Бога, яко в вышнем своем совѣтѣ опредѣли явити в послѣдняя сия лѣта в Российской нашей земли сего великаго свѣтильника, иже чудесы своими вся российския озаряет страны и скор во истинѣ призывающым его помощник является. Притекаим с несумнѣнною вѣрою ко святым и многоцѣлебным его мощам, призываим денно и нощно по Бозѣ его себѣ в помощь, да молитвами сего списателя житий святых и мы, прочие дни жития нашего в покаянии препроводивше и богоугодно поживше, сподобимся написаны быти в книги живота Агнца Божия, купно со всѣми от вѣка ему угодившими, и хвалити того со Отцем и Святым Духом в безконечныя вѣки. Аминь.

ЖИТИЕ ФЕОФАНА СОЛОВЕЦКОГО

ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ БЛАЖЕННАГО ФЕОФАНА СОЛОВЕЦКАГО

Блаженны*й* и памяти достойный пустынножитель инокъ Феофанъ, родом из мало*ро*ссийских земледѣльцовъ,* по смерти родителей бывъ 12 лѣт, остася съ братом и сестрою малолѣтными. Доспѣвшу же 16 лѣтъ, наченъ и землю возделовати, и пропитовати себѣ и малолѣтныхъ.

И единою[1] изыдѣ на ниву орати[2] землю — внезапу осия его свѣтъ, возывая от чувственныя нивы мысленный воздѣловати виноградъ.* И тако, умилився душею, абие[3] того же часа распряже воловъ, остави; вземъ въ руку жезлъ, ни з домашними простився, ниже что на путь взя, остави недоуменных брата и сестру любве ради Христовы, возложися на промыслъ Божий, иде въ путь.* И, Богом наставляем, приидѣ в Киево-Печерскую лавру.* И, приятъ бывъ, препроводи въ послушании 17 лѣт, представленъ служити некоему затворнику, Досифею именем, даръ прозрѣния имущу.* Служаше со смирением, обучаяся иноческому житию.

И прииде ему желание посѣтити во Иерусалиме святая места, и моли старца своего, да благословитъ ему ити. Старецъ же рече: «Нѣсть ти, чадо, пути во Иерусалимъ, ни во Святую гору,* зане инъ ти путь належи*тъ* во свое время. Нынѣ же, аще хощеши, иди въ Молдавию, се ти будетъ на ползу.* Иди во градъ, и вопроси о приехавших из Молдавии двух монаховъ, и приведи ихъ семо».

Сей бо затворникъ многа лѣта преживе въ затворе неисходно, съ приходящими странниками бѣсѣдоваше оконцем, [4]извѣщая хотящая быти[4], и сбывахуся: кому аще къ смерти — даваше ладанъ,* кому же на животъ[5] — даяше просфору* или жезлъ. Сице и о иноках онѣх не слыша, а посла взыскати.

И приидоша. Единъ — Софроний,* иже братъ Нежинскому архимандриту, и по кончине его бысть преемникъ.* Сии были посланы от аввы[6] Паисия Нямецкаго монастыря* въ Киевъ ради потребъ, книгъ и прочаго. И моли ихъ

---

[1] однажды, как-то раз; [2] пахать; [3] тотчас, сразу; [4—4] предсказывая, что должно произойти; [5] жизнь; [6] отца.

затворникъ, да возмутъ ученика его съ собою. Они же съ любовию пояша его, потребенъ бе имъ въ послужении. И въ пути том многа озлобления[1] претерпѣ от турокъ.

Приходящим же имъ къ Нямецкой обители, изыдѣ въ сретение ихъ самъ великий старецъ Паисий, и привѣтствова любезно, благословляя Феофана,* называя по имени, егоже никогдаже вѣдаше, и любезно упокои. И пребы неколико время, разсмотряя чинъ жития ихъ. Бяше бо братии до 7 сотъ, живуще нестяжательно, ибо в келиах не имѣяху кроме иконы и книги, и рогозину,* и орудие для рукодѣлия, не даяху бо никому праздно жити.*

И сия разсмотряя Феофанъ, и моли авву Паисия, да благоволитъ ему у нихъ пребывати, но той не благоволя, глагола: «Несть ти, чадо, благоволения Божия, но иди послужи мало старцу, уже скоро имущу скончатися». И напутствова потребными, даде же ему листъ для прехождѣния въ обратный путь пограничный.* Случашеся же индѣ[2] истязану[3] быти от турокъ, кто и откуду грядетъ. Егда же показоваше листъ, то [4]помаваху руками[4] и глаголаху: «О, Паисий, Паисий! Гайда, гайда!», си есть: «Паисий далъ, иди, не стой!» Онъ же, видя сие, удивися, что и турки почитаютъ старца.

И прииде въ Киевъ, повѣда вся бывшая затворнику, и прославиша Бога. Егда же увѣда старецъ кончину свою, глагола ученику своему: «Чадо возлюбленное, много послужилъ худости моей! Нынѣ же отхожду в путь отецъ моихъ. Ты же, егда погребѣши тѣло мое, не пребуди здѣ, но иди, идѣже ти даруется спасение, во обитель Соловѣцку».* Онъ же не вѣдѣ о месте томъ, ниже слыша, рече: «Азъ, отче, обѣщахся здѣ жити, затворитися или въ пустыни».* Старецъ же рече: «Чадо, едино у Бога здѣ Антоний и Феодосий, тамо — Зосима и Савватий,* равну имутъ благодать у Бога, ходатайство о духовных чадѣх своихъ. А понеже[5] вижду божественный промыслъ, показающь место тебѣ на Севере, и вѣрую, яко молитвъ ради угодниковъ своих Богъ устроитъ по желанию ти на спасение души твоей, имаши понести болезни пустынныя. Но внимай себѣ, и не буди противенъ воли Божии, и блюдися от льва диавола, рыкающа поглотити тя,* и не буди унылъ. Благодать же Божия, и предстательство Пречистыя Богоматере, и молитвы преподобных Антония и Феодосия да сшествуютъ с тобою!»

И помалѣ затворникъ оный потерпѣ изгнание от бывшаго тогда митрополита Самуила.* Той некогда шествова, увидѣ у оконца затворникова множество народа, негодова и повеле его превести въ Китаевскую пустыню,* от Лавры за 10 верстъ, идѣже и преставися, 55 лѣтъ бысть, въ затворе же 30 лѣт.*

Феофанъ же, забывъ наказания[6] старца своего, восхоте въ Киевѣ пребывати, ископа пещеру, но воспрещен бысть.* Таже[7] отъиде в пустыню близ Лавры — и ни тамо жити возможе. Виде же неблаговоление Божие, из Лавры изыдѣ

[1] страданий, притеснений; [2] кое-где; [3] расспрашиваему; [4—4] всплескивали руками; [5] поскольку; [6] наставления; [7] Затем, потом.

и поидѣ въ Соловецкий монастырь,* идѣже и приятъ былъ архимандритом Иеронимом,* и прохождаше монастырская послушания.

И бывшу ему въ просфорнѣ* съ нѣкиим братом именем Климентом,* зѣло добродѣтельным, иже всегда постяся: вечеръ приимаше пищу, овогда[1] чрез день. Съ таковым подвижником пребывая Феофанъ, иногда бѣсѣдоваша о пустынниках, како, никиим вѣдомии, пребываютъ, точию[2] единъ Богъ укрѣпляя ихъ, во алчбѣ и жаждѣ, и мразъ претерпѣваху, питахуся же вахтовым корением* съ бѣлым мохом.* Зѣло бо промышляетъ Богъ о взыскующих Его всемъ сердцем и посылаетъ аггелъ своихъ въ помощь. И здѣ, на Соловѣцком островѣ,* бывъ Андрей, поживѣ во всякой тѣсноте 58 лѣтъ,* и приснопамят*ный* Дамианъ многа озлобления от бѣсовъ претерпѣ,* емуже и иныхъ Богъ показа рабовъ своихъ: инаго, яко плотнаго аггела, верху водъ ходяща по Святому озеру,* иже живя въ Анзерском острове.*

И абие возгорѣся духом Климентъ къ пустыному житию, отъидѣ, ископа пещеру под горою и нача жити. Феофанъ же пѣчашеся о немъ, посылая нужная[3] съ нѣкиим богобоязнивым воином. Единое же в зимное время посла сухарей съ оным же воином, служитель же монастырский увидѣ стезю лыжную, хотя увѣдати, камо ведетъ. И дошедъ до пещеры, и пустынника видѣвъ, возвратися, повѣда архимандриту, яко послушникъ въ пустыни живетъ. Той же, сия слыша, абие посла привести й въ монастырь. И приведоша й, наказавъ, посла его въ просфорню. И нача паки жити съ Феофаном, но невдолзѣ[4] паки утече в пустыню. И паки послани быша съскати его, но не обретоша.

По семъ и самъ Феофанъ идѣ, въ пустыню вселися, хотя взыскати Климента, но не обрете, избра себѣ место под горою близъ Ягоднаго озѣра,* 10 верст от Соловецка. И вселися, благодаря Бога, плоть свою изнуряя. Бѣси же, видяще, вооружахуся на него во множестве, страшаху, изгнати его хотяще, овогда же в видѣ штатных служителей* — и творяху скорби, аки бы архимандритъ посла на взыскание его, и нуждаху съ собою ити въ монастырь. Но той сотвори крестное знамение — и абие изчезаху. Иногда въ различныя звери претворяхуся, иногда же во множестве врановъ, крачаще[5] гласы нелепыми и бьюще его. Онъ же, вѣдый коварство ихъ, пометаше себе пред Богом, прося помощи. А иногда аки воинство ополчающеся, топотъ творяще, устрашающе его. Онъ же, воздѣвъ руцѣ къ Богу, глаголя: «Прибѣжище мое, Боже мой, избави мя от обышедших мя!»*

По семъ прииде ему желание видѣти иныхъ рабовъ Божиих, и моля Бога, да возможетъ обрести и наставитися от нихъ. К тому же надѣяшеся приснаго брата Климента узрѣти, ходя по пустыни, хотя обрести желаемое. И Божиим промыслом обрете двухъ пустынниковъ, во единой келии 7 лѣтъ пребыва-

---

[1] иногда; [2] только; [3] необходимое, то, в чем нуждаются; [4] вскоре; [5] каркая (от междометия *кра* — крик ворона).

ющих, у нихже препочи. И видѣ чинъ моления ихъ: въ полунощи воставше, единъ поклоны творя, а другий, руцѣ на высоту воздѣв, въ богомыслии простирашеся, моляшеся о себѣ и о брате; таже пременяющеся: овъ поклоны, овъ же молитву дѣя. Сице сия святая двоица молястася. И тако довольно ходивъ, и Климента обрести не возможе, сего ради помышляше его скончавшася.

Ходящу же ему, внезапу абие сретеся съ посланными на взыскание его, иже, емше, отвѣдоша въ монастырь и архимандриту представиша, иже с клятвою увѣща, да не изыдетъ ктому[1] въ пустыню: «Донелиже[2] азъ живу, и не буди ти на сие благо*сло*вения!»

По времени же посланъ бысть въ Сумский посадъ на управление монастырскаго подворья.* Тамо же пребывая Феофанъ, и видя во градѣ беззаконие, и от сообращения[3] *со* строптивым*и** омраченъ бывъ, падеся и ослабѣ от прежняго богоугоднаго жития. И тако пребы 3 лѣта 6 месяцъ, въ нерадѣнии пребывая. По семъ посланъ бе въ городъ А*р*хаггелскъ для закупки годовых припасовъ.*

Егда же наста архимандритъ Герасим,* опредѣлили его икономом.* И пребывающу ему въ службѣ оной лѣто едино, и случися вещь сицѣвая. Звонарь соловецкий прииде единою к нему и рече: «Отче Феофане, сподвижникъ твой и богомолецъ Климентъ кланяется тебѣ и проситъ благословения». Онъ же, слыша сие, ужасеся и рече: «Или еще живъ есть Климентъ?» Звонарь же рече: «Ей, отче, тако есть, и подвизается о спасении души своея». Тогда нача вопрошати, когда и гдѣ видѣлъ его. Той же нача повѣдати сице:

«Бывшу ми въ Анзерском ските,* таже шедъ на Голговску гору.* И, оттуду возвращающуся, снидох с пути брати ягод, и заблудих, забых путь к скиту. Пребых блудя по острову два дни, и въ 3 день узрѣхъ дымъ в горѣ, возрадовахся, надѣяхся обрести коего либо раба Христова. И шедъ убо[4] азъ къ горѣ, и узрѣхъ малу скважину,[5] влѣзохъ въ ню и обретохъ дверь въ келью, сотворих молитву, рекохъ: „Благослови". И отвѣща ми: „Аминь". Вшедшу ми, узрѣхъ раба Божия и поклонихся ему. Онъ же повелѣ ми сѣсти, рече: „Не ты ли еси звонарь?", и имя рекъ. Азъ же рекохъ: „Азъ есмь. Како мя знаеши?" Онъ же отвеща: „Зналъ ли отца Феофана, въ просфорне бывша, ученика Климента? Се азъ есмь". Тогда познахъ его и начахъ его вопрошати: „Повѣждь ми, како семо пришелъ еси?" Пустынникъ же нача повѣдати сице:

„Изъшедшу ми тайно из монастыря, и слыша архимандритъ Иеронимъ, оскорбися[6] зѣло, посла възыскати мя. Азъ же слышах сие от салдата, иже посылаем бѣ от отца Феофана, и, вземъ мешецъ съ сухарями, идохъ къ морю, на Волокъ Двинской.* Пришедъ на брегъ, обретохъ 3 бревна и, сотворши малъ плотъ, отступихъ от брега в море, воззвахъ ко Христу: «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже мой! Ты вѣси предложение[7] мое, яко Тебѣ, единому Богу, работати

---

[1] больше, впредь; [2] Пока; [3] пребывания, нахождения; [4] так; [5] расселину, щель; [6] опечалился, огорчился; [7] намерение, душевное расположение.

хотя, бѣгаю прелести[1] мира сего. Аще волиши на семъ островѣ спасти мя, то мя удержи здѣ, аще ли индѣ[2] — назнаменуй[3] ми место и ввѣди мя тамо. Аще же не хощеши моего покаяния, убо потопи мя во глубине сей, точию да не работаю страстем моимъ. Молю же Тя, Владыко: не лиши мя, грѣшнаго, Твоего промысла, но буди воля Твоя!»*

Тако ми помолившуся, нача далее поступати, грѣбя прилучившимся древцомъ, ветру путну несущу мя. И Божиим пособиемъ преплых сальму ту,* пристахъ къ Анзѣрскому острову, изшедъ на брегъ, воздах благодарение Богу. И поидохъ внутрь острова, ища сокровеннаго места для обитания, приидохъ семо, и сотворих хижу, и обитаю въ ней 6 лѣто, работаю Богу въ безмолвии"».

Звонарь, сие слыша, удивися и паки вопроси: «Повеждь ми, чимъ питаешися? И не стужают[4] ли нечисти дуси?» Онъ же показа корение вахтовое, рече: «Сие истирая аки муку, съ толченою березовою корою смѣсивши, творю хлѣбцы — сими питаюся, славя Бога. О стужении же бѣсовстем сие ти повѣдаю:

Въ началѣ на остров моего пришествия претерпѣхъ многа от бѣсовъ, иже приходиша аки рыболовцы, биюще мя, глаголаху: „Чесо ради семо пришелъ еси? Изыди отсюду и иди в миръ. Аще ли ни — поне[5] въ монастырь. Аще ли не поидеши, то, паки пришедше, убиемъ тя!" Иногда во множествѣ зверей приходяще, испущаху гласы нелѣпыя, устремляющеся на мя, пожрети[6] хотяху».

«По семъ вопроси мя пустынникъ: „Живъ ли отецъ Феофанъ, и како пребыветъ?" Азъ же рехъ: „Живъ, и нынѣ закупнымъ".* Онъ же, сия слыша, удари *в* перси своя руками, падѣ на землю, восплакася, глаголя: „Увы мнѣ, грѣшному: не яже хотѣхъ слышу! Возвести ему, брате, Господа ради, яко погибаетъ, и скажи болезнь[7] мою. И гдѣ его прежнее подвижное[8] житие и ревность къ добродѣтелям?! И гдѣ его желание къ пустынному житию?! Се, вижду подвижников, вѣнцы приемлющих, а онъ, посредѣ мира и прелести сы*й*,[9] аки въ блате валяется. Повѣдай же ему и сие, яко трие онии пустынницы преставишася, ихъже отецъ Иоаннъ казначей видѣ, и азъ погрѣбохъ ихъ своима рукама".

Въ сицевой беседе препроводихом всю нощь. Воутрие же, отходя, поклонихся рабу Божию и прося благословения и молитвъ. Онъ же рече: „Богъ, Егоже ради живу въ пустыни сей, да сподобитъ тя достойна звания сего, в немже нынѣ пребываеши. Спасая, спаси душу твою".* То рекши, показа ми путь къ скиту».

Старецъ же Феофанъ, сия слыша от звонаря, сокрушися сердцем, зря въ таковых подвигахъ пребывающа брата, себѣ же погруженна въ грѣховном блате и готова в снедь душетленному змию.* Богъ же, не хотя*й* смерти грѣшнику, но еже обратитися на путь спасения,* не презрѣ прежних его добродѣлей, внуши мысль покаяния сицевым образом.

---

[1] прельщений, соблазнов; [2] в другом месте; [3] укажи, отметь; [4] досаждают, докучают; [5] хотя бы, по крайней мере; [6] проглотить, сожрать; [7] *здесь*: горе, скорбь; [8] подвижническое; [9] будучи; существующий.

Во оно время Герасим архимандритъ нача притеснение творити ему, Богу полезное строящу. Феофанъ же на Божий промысль возложися: усмотри время удобно, взя малый карбасъ* и хлѣба, отплый в море, хотя обрести место въ Примории,* да никтоже бы о немъ увѣдалъ. Знаяше бо: на Соловецкомъ островѣ укрытися неможно[1] бываемых ради гонений и поисковъ на пустынниковъ.*

Пловущу же ему, въначалѣ вѣяше ветръ тихи*й*, таже воста буря и море восколеба. Старецъ Феофанъ, видя пред очима напрасную[2] смерть, воззопи къ Богу, глаголя: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, углѣбоша[3] въ тимѣнии[4] дѣлъ моихъ!* Ты вѣси[5], яко Тебѣ ради вдахся волнам симъ. Ты вѣси и предложение мое, яко покаяния ища на сие изыдохъ, — молю милосердие Твое: даждь ми время покаяния! Се бо вижду, яко волны устрашаютъ смертию. Ей, Человѣколюбче, да не потопитъ мене буря водная, ниже пожретъ мене глубина морская и свѣдетъ во Адъ душу мою, не готову сущу!»

Волнам же толико свирепѣющим, яко не мощи вѣтрила держати, ни вѣслами грѣсти, паде посредѣ карбаса аки мертвъ, чая абие волнами покрыту быти, чесо ради велми изнеможе — [6]ово от неядѣния, ово[6] от страха морскаго. И сице носимъ десять дний, по семъ изверже его буря на брегъ. И доставъ огня, согрѣяся, благодаря Бога, спасшаго от видимыя смерти. И паки моляше Бога со слезами, да покажетъ ему место, на немже могъ спастися.

По малѣ времени приидѣ тамо землѣдѣлецъ нѣкий, вопроси его: «Чесо ради, сѣдя здѣ, плачешися?» Феофан же поведа намерение свое и моли его, да ведетъ негдѣ въ глубочайшую пустыню и мало киимъ вѣдомую. Той же земледѣлецъ, боголюбивъ сый, ведѣ его въ дальнее лѣса, показа ему малу хижу, въ нейже Феофанъ водворися. Врагъ же человѣческаго рода сотвори препятие въ добром начинании его: наведѣ некиих человѣкъ, иже, емше его, отведоша къ исправнику, а той — в городъ Кемь,* посади его въ некий домъ въ подполии, место темницы, за стражу, хотя его при случаи послати въ монастырь. Феофанъ же сѣдя тамо, моля Бога, да избавитъ его оттуда. И видя въ полунощи заснувша стража, онъ же тихо изыдѣ из храмины и бѣжа въ лѣсъ во единой срачице.[7]

Бѣгущу же ему лѣсом, внезапу наидѣ на нѣкиих людей — вопрошаху его, кто и камо идетъ. Старецъ ничтоже ино вѣщаше, точию: «Спастися хощу, пустыннаго места ища». И моля ихъ, да поведутъ его въ сокровенное место, идѣже никтоже бы могъ обрести его. Они же умилосердишася над нимъ, облекоша его рубищем, и накормиша, и напутствоваху[8] пищею, отвезоша по реке вверх за 30 верстъ и показаша звероловную хижу, оставиша его тамо. И нача старецъ Феофанъ жити тамо, простираяся на большия подвиги, во всякой скудости потребных.

---

[1] нельзя, невозможно; [2] скорую, внезапную, безвременную; [3] увязшего, погрязшего; [4] в тине, болоте, трясине; [5] знаешь, ведаешь; [6—6] и..., и; [7] сорочке, рубахе; [8] снабдили, дали на путь.

Но сие начало еще болезнем! Диаволъ бо не возможе первым своимъ коварством пременити Христова раба, вооружися второе[1] на него тѣм же образом: устрои нѣкиих рыболовцев во время зимное обрести его. И, узрѣвше, познаша, яко монахъ Феофанъ есть, бывший Соловецкаго монастыря закупный. И помыслиша, яко онъ, бѣжа из монастыря, денегъ много съ собою изнесе, начаша истязовати, вопрошаху, да повѣсть имъ о денгах. Оному же глаголющу не имѣти денегъ, и абие возъяришася на него, и келию сожгоша, самого же вельми[2] мучиша и биюще допрошаху, по семъ на огни жгоша. И умыслиша умертвити его: прорубиша во езере две проруби и, продѣвше вервь из единой въ другую, и провлачаху под лѣдомъ из проруби въ прорубь неколико кратъ, истязующе, да повѣсть[3], гдѣ скры денги. Аще ли не повесть, грозяху въ монастырь отвести или во езере конечно[4] потопити. [5]Но ничтоже успѣша[5], отъидоша, оставльше *п*олумертва.

Он же мало очувство*ва*ся и благодаря Бога, сицевую на него напасть попустившаго, достойна и больша помышляя за грѣхи своя тѣрпети, за обидѣвших же моляся, да не поставитъ имъ сего въ грѣхъ.* Таже едва воста, избитъ весь и измерзший от стужи, и видѣ хижу свою сожжену, малую пищу и некая орудиа, от боголюбивыхъ данная, пограблена, воззрѣ на небо и рече: «Ты, Господи, зриши сию болезнь[6], и сего ради остави вся грѣхи моя! Видиши напасть мою, яко не имам чимъ питатися и прикрыти грѣшное мое тѣло. Молю убо милосердие Твое: помози мне окаянному, въ конѣчней бедѣ сущему! Уне[7] же умрети въ пустыни сей, нежели возвратитися на прежния моя грѣхи». Паки глаголаше: «Умру здѣ, аще воля Божия есть. Силенъ Владыка и Господь укрѣпити немощь мою».

И укрепися, идѣ на иное место. И нѣкиим образом доставъ огня, собравъ дровъ, таяше землю, и съ трудомъ ископа пещеру, нача жити, зиме сущей, ни хлѣба *имѣ*, ни потребнаго орудия на копание, ни корения, ни травы кия для снеди, но точию гнилое древо и мохъ собираше и, то смесивъ, ядяше. Посуда же ему бяше берест*о*.* Толико от зѣльнаго[8] глада изнеможе и от необычной пищи — на кийждо[9] бо день чаяше смерти. Во всю зиму хлѣба не имѣ, но точию мохъ и гнилое древо, и гладом одержимъ. Егда же таковую пищу хотя во уста влагати, утроба его не приимаше:

«Егда же понудихся внутрь прияти, абие лютая болезнь одержаше: множицею[10] падати на землю, и мнѣся — духъ испустити. Въ сицѣвой бедѣ, возревши горѣ[11], глаголах: „Господи, приими въ мире духъ мой,* яко не могу более жити". Таже ощутивъ въ себѣ малу теплоту, радостенъ востахъ, паки моляхся Богу, да укрѣпитъ немощь мою. И сице до пяти разъ случашеся. И уже наставшу лѣту, изготових корения вахтоваго, моху и ягодъ и пребыхъ, сицевою

---

[1] во второй раз, вторично; [2] очень сильно; [3] расскажет, поведает; [4] окончательно; [5—5] Но ничего не добились; [6] *здесь*: горе, беда; [7] лучше; [8] сильного; [9] каждый; [10] многократно; [11] вверх.

питахся пищею, пять лѣтъ, никиим же вѣдом. Чесо ради и зубы испадоша от вредящия травы».

По семъ увѣдаша нѣцыи о нем боголюбивии посѣляне, иже и сами гладнии, обаче[1] потребная ему приношаху. По семъ, не хотя въ праздности сѣдѣти и чуждымъ хлѣбом питатися, самъ землю копаше, сѣяше рожъ и ячмень. Господь же благословляше труды его, малое бо сѣяние гобзованно[2] растяше, до избытка ему бываше, яко и скудным[3] подаваше. Во дни бо землю копаше, въ нощи же Богу моляшеся по правилу препод*обнаго* Пахомиа:* 12 молитвъ, си есть 1200 Иисусовых* и поклоновъ 600 обнощь[4], и въ день такожде, всего же на нощеденство[5] 2400 молитвъ Иисусовых, а поклонов 1200.

Тако препроводи 23 лѣта. Последи прииде к нему бѣсъ во образѣ Кемскаго протопопа и нача поносити ему, глаголя: «Доколе, здѣ пребывая, нам досаждаеши, уча приходящих къ тебѣ? Скоро имѣемъ тя изгнати отсюду!» И по прешествии 3 дней приидѣ соловецкий иеромонах Иосифъ, взявъ его оттуду, привезѣ въ монастырь, 1817 году, при архимандрите Паисии* (по причине иеромонаха Иосифа, бывша въ Петербург*е* за монастырскими потребами, и вопрошаху его о пустынниках — онъ же помяну Феофана и рече: «Есть»; того ради привезѣ его въ монастырь).

Прилучися же старцу приехати в нощи. Егда же бысть утреннее славословие, идѣ Феофанъ в церковь препод*обных* Зосимы и Савватия, и приложися ко святым мощем ихъ,* и стояше умиленнѣ, и внимаше пѣнию. Имаше же страненъ образъ: самъ росту малаго, одѣжда кратка, весь от дыму очернѣвший, клобук ветхий, вся одежда его рубище. Къ сему же покрывашеся черным флером[6], да не расточится умъ его зрением, ниже киим хотяше виденъ быти.

Помале же отпущенъ бысть въ Анзерский скитъ, преживѣ 3 месяца, дондеже[7] келию соорудиша. Но обаче нечистии бѣсовѣ и тамо не оставиша его. Увѣдѣвше же на брегу людие поморсти, яко пустынникъ ихъ взятъ от нихъ въ монастырь и находится на Голгофе, прихождаху къ нему, скорбяще и плачуще, и яко отъидѣ от нихъ. Мнози бо поморцы, паче же въ Кеми живущии, имѣяху вѣру и усердие къ старцу Феофану и яко своего духовнаго отца любяще. И аще бы возможно было и старецъ восхотѣлъ, тайно бы увезли его на прежнее место.

Сим же тако посѣщающим, бѣси же во образѣ знаемых поморовъ* являющеся и хотяще его въ мори потопити, и аки скорбящи отшествия его, и нудяху его, да идетъ с ними, яко ничтоже тамо скудно имать. *Иногда* — аки церковники, и косы заплетены и въ пуки связаны.* Сии совѣтоваху ему ити на брегъ, яко зде многи скорби имать терпѣти от братии. И иными ухищрении тщахуся искусити, но, Богу соблюдающу раба своего, ничтоже успѣша. Старецъ бо исперва

---

[1] однако, но все же; [2] изобильно; [3] нуждающимся; [4] в течение ночи; [5] сутки; [6] *здесь*: покров, накидка из тонкой ткани; [7] до тех пор пока.

помышляше истиных человѣкъ быти, обаче онъ не соизволяше им, а егда нуждаху, онъ же изгоняше ихъ ис келии.

Иеромонах Иосифъ живяше близъ его въ другой келии, и вопрошая: «С кимъ бѣседуеши, отче?» Феофанъ же жаловашеся ему: приходятъ во образѣ поморовъ бѣси. И, дверем затворенным, въходяще без молитвы бѣси, от знамения же крестнаго изчезающих, не дающе правила совершати.*

Сице пребывая, крѣпко боряся з бѣсы, 3 месяцы, и состаресы, бывъ 73 лѣтъ.* И не можаше самъ ни воды, ни дровъ на гору носити, [1]чесо ради[1] той же есени поставиша ему келию под горою. И ту живяше, многая претерпѣ от человѣкъ досады, ругания, от бѣсовъ же страхования и мучения. Лукавии бо бѣси зѣло налѣгаху, тщащеся изгнати его оттуду: прихождаху бо яко воини, и въ бубны биюще, тимпаны ударяюще,* и руками плещуще, изгнати й хотяще, вокругъ келии его ходяще, въ стены и окна ударяюще. И егда правило совершаше, наипаче тогда бѣси налегаху: иногда аки воины, музыку играюще, да от молитвы отведутъ умъ его. Обаче, Богу соблюдающу раба Своего, ничтоже успѣша.

Приходящим же из монастыря братиям, немощи же своя и страсти исповѣдающе, инымъ вопрошающим, можно ли на утешение монаху чай и вино пити, сице отвѣщаваше: «Отцы святии! Како мы, изшедшии на взыскание вѣчных благъ, хощемъ спасение получити и страсти исполняти? Немощно бо двема господинома работати, Богу и мамоне, глаголетъ Писание».* Сам же, обливаяся слезами, и простираяся въ бѣсѣду сице:

«Воззримъ на сладчайшаго Владыку Иисуса Христа: Той, спасение наше содѣвая, колика претерпѣ мучения, биения, оплевания, заушения, раны, послѣди на кресте распятия! И егда, уже во истощании телесных силъ, проси, рекъ: „Жажду!“, то чесо прия — чай или вино? Но ни капли воды даша иуде*и*, но вонзше на трость губу[2], исполниша[3] оцта[4] съ желчию.* — Симъ Спаситель утоли жажду свою, а мы сладостраствуем! Мнози подвижницы презираху плоть свою — тѣмъ и наслѣдницы небеснии быша. А мы кроме нужды и преждѣ времене изутра[5] чай пьемъ,* среды и пятки разрѣшающе,* и въ святый постъ со скоромным сахаром,* и преждѣ литургии, новоначальным[6] въ соблазнъ, себѣ же во грѣхъ. И бываете подражатели язычникам, постовъ не имущих, от нихъже и обычай сей привнидѣ, чесого изначала во обители сей не бысть.

Не довольно ли нам общия трапезы? И на ней сѣдяще, ядимъ до сытости и пьемъ, потребу исполнивъ, — что еще треба? Но, пришедше въ келию, вместо еже бы молитву творити или книгу чести и, по кратком упокоении, на богоугодна дѣла, въ молчании сѣдя, упразднитися[7] или рукодѣлие творити, — а упражняемся в пустом, угождающе своей плоти и сласти исполняюще».

[1—1] из-за чего; [2] губку; [3] наполнили; [4] уксуса; [5] утром, с утра; [6] недавно пришедшим в монастырь, только что постриженным; [7] освободиться, удосужиться, найти время; *здесь*: направиться.

Паки глаголаше: «Сваривше чай, еще въ большее осуждѣние, а бѣсу во угождение, призвавъ брата или двухъ, аки любве ради сошедшеся, пьемъ, продолжаем время въ празднословии: кто что видѣлъ или что слышалъ о некоем брате — повѣдаетъ, другий же, аще имать на кого кое негодование, порицаетъ его и злословитъ, хулитъ, глаголя: „Оный то и то содѣя, и сицевъ есть!” Последи другий, угождая ему, подтверждаетъ слышанное на имя: „Ей, тако есть!” Инъ же изъявляетъ суету свою, глаголя: „То и то куплю”, или „то купилъ”. Инъ глаголетъ: „Хощу тамо быти или онамо[1], на посещение святых местъ или на мирския потребы отлучитися”. И сице глагола кийждо своему искреннему[2], развращаютъ единъ другаго. Кая польза пити монаху чай? — рцы ми! Уне намъ слезы точити! Се ли есть любовь? Но, увы, не точию не духовна, но и душевредна».

Паки галаголаше братиам: «А мы, монахи, изыдохомъ от мира ради спасения души и на взыскание вѣчных благъ. Но оно спасение без подвига не бываетъ, без алчбы и жажди искушения не обретается — а мы всегда сладких ищемъ, о несладких же робщем, без воздѣржания обьядаемся и упиваемся, о порученом же правиле небрежемъ[3].

Ей, братие, не тако есть! Явѣ бо есть, яко забыхом, чесо ради изыдохом от мира. Лучше бы намъ не познати пути правды. Уне бы въ мире жити, неже, пришедше въ монастырь, восприявъ аггелский образъ,* мирская творити. Полезнее бы было не обѣщатися, нежели, обѣщавшеся, не исполняти иноческаго обѣта и истязану быти горце.

И азъ, братие, якоже нынѣ разумелъ бы страшное при пострижении въ молитве даемое обѣщание, отнюдъ не постригся бы въ мантию — довольно бы мне было рясофора* и должная бы рясѣ дѣла послушания творити, хоша и малое воздаяние, без большаго осуждения. А нынѣ вижду преждѣ времене тщащихся, како бы мантию получити. Получивше же, абие свои воли исполняемъ.

Да не будемъ прочее сицевии, но подщимся кийждо насъ положити начало благое къ дѣланию добродѣтелей! Возлюбим Бога от всея души, послужимъ Ему въ жизни сей во смирении и кротости, данныя от отцевъ духовныхъ правила исполним. Настоятелю же яко Христу покаряйтеся, въ церкви Божии стойте со вниманием и страхом Божиим, от души. Празднии же отнюдь не будите, въ келлии брата без нужды не ходите — то просвѣтит Господь очеса ваша, и, тако Господѣви угодивше, сподобитеся причтени съ начальными отцы нашима Зосимою и Савватиемъ въ Царствии Небеснѣм о Христе Иисусе, Господѣ нашемъ».

По семъ старецъ Феофанъ умоленъ бывъ от нѣкиих двухъ, дабы восприялъ ихъ от пострижения.* И прия ихъ, и пѣчашеся о нихъ, наставляя и поучая, яже подобаетъ творити инокомъ.

---

[1] там (*здесь*: в другом месте); [2] ближнему; [3] не печемся, пренебрегаем.

Единою же, молящуся ему о ученицѣх своихъ, да сохранени будутъ от диавольскаго искушения, внезапу ста бѣсъ близъ келии противу окна, рече: «Почто молишися *о* ученицѣхъ твоихъ, злый старче? При тебѣ бо таковии суть, но не всегда таковии будутъ. Будетъ же и наше время!»

По некоем же времени паки моляся о ученицѣхъ, приидѣ диаволъ и рече: «Ты свое творишъ, и азъ такождѣ. Обаче единаго двумя стрелами стрелихъ, другому же шепчу во ухо». Сия старецъ слыша, опѣчалися и плакаше зѣло.

1818 году, при архимандрите Паисии, въ обители между братиами и настоятелем случися нѣкое нестроение.* Учеником вопрошающим Феофана: «Доколѣ пребудетъ сицевое смущение, и кто по семъ будетъ архимандритъ?», отвѣща старецъ: «Врагъ и клеветникъ братии нашея диаволъ испроси на время искусити обитель и в ней живущих. Искушаемии же быша нетерпеливии, чесо ради и обитель претерпитъ поношение на время. Но вскоре молитвами преподобных все мимоидетъ[1], и будетъ, яко не бысть ничто, а паче более прославится». О настоятелех же рече: «Будутъ два архимандрита, подобнии Зосиме и Савватию, и имутъ управляти братию во смирении духа и простоте сердца, во мнозѣмъ терпѣнии подвизающиися о спасении ближняго, а не якоже нынѣ. И тогда въ добродѣтелѣхъ преуспѣютъ мнози». Вопрошающим же паки учеником: «Увидят ли очи наши спасение оно?», и рече старецъ: «Узрят». И умолча.

Нѣкогда же пустынникъ Феофанъ приидѣ въ монастырь на поклонение честным мощем преподобных, к тому же и учениковъ своихъ видѣти, како пребываютъ. Приидѣ въ церковь преподобных въ началѣ утрени,* приложися святымъ мощемъ, ста во углѣ. По семъ позрѣ къ ракам[2] святых, братиамъ же во оно время цѣлующим святыя мощи. И се видитъ преподобных Зосиму и Савватия, присѣдящих ракам своимъ, [3]овых благословляюще, овых[3] же отвращающеся. Сие видѣвъ, и ужасеся. Послѣди повѣда ученику своему и наказоваше, да по вся дни приходятъ къ мощамъ угодниковъ Божиих и цѣлуютъ со благоговением, моляще я́[4], да сохранятъ от искушений вражиих и да молятся о прощении грѣховъ своихъ. Нѣцыи от братии, наказанием его пользующеся, исправляху себѣ, нецыи же, от завистливаго диавола подстрекаемии, злословяху старца. Самъ же злобы началникъ, злокoварный Филузеръ, иже препод*обнаго* Елеазара искушаше,* многажды приходя къ пустыннику, злословя, да не поучаетъ братию.

Бысть нѣкогда, Феофану сѣдящу в келии под горою, во утренее время исправляющу правило обычно, абие бѣси наидоша въ грозном видѣ, глаголаху: «Не хощетъ сей исправитися! Еще едино дѣло сотворим и почием[5] — размещем келью и живущаго в ней убиемъ». И абие начаша разоряти келью: сънизу, якоже видяшеся, прорубиша окна, избиша двери, приемше длинныя крюки, тщахуся извлещи пустынника, мятежъ велий творяще, вопиюще: «Нынѣ не уйдѣшь от

---

[1] пройдет, минует; [2] гробницам; [3—3] одних ..., других; [4] их; [5] остановимся, прекратим.

насъ!» Старецъ же, сия видѣвъ, устрашися, поверже себѣ пред Богом, прося помощи и заступления. Бѣсовѣ же всуе трудишася, ничтоже успѣша, изчезоша.

Старецъ же по довольней[1] молитвѣ обратися видѣти бывшее — видѣ келию по-прежнему цѣлу и невреждену. А понеже слыша во время страха онаго [2]в закровъ трубны*й*[2] вельми ударяюща, таже последи слыша нѣчто въ трубѣ движущееся, взем святый крестъ, положи на трубѣ, отъидѣ въ скитъ Анзерский на единъ день. Оттоле возвращаяся съ нѣкиим братом въ келию свою, посла его съ трубы сняти крестъ святый. Той же, егда сня, видя излѣтевша абие врана черна и изчезнувша. Последи же бѣсъ гнѣваяся на него и рече: «Почто ты, злый калогере,* толь долго муча мя, жеглъ мя еси? Устрою же и азъ ти мучение!»

Въ нѣкое время старецъ возлеже почити — и видѣ во сне жену некую, благолѣпиемъ сияющу, со двема святолепными мужи къ нему пришедшую, [3]наказующу его[3] не малодушствовати и грозящих страхований не боятися. То ей глаголющей, видѣ старецъ бесовъ, съ яростию пришедших и вопиющих: «Нынѣ убиемъ его!» Егда же узрѣша свѣтоносную жену, содрогнуша и отступиша вспять, глаголюще: «Горе намъ — здѣ Помогающая ему явися! О, аще бы не сия намъ возбраняла, давно бы погубили сего злоязычнаго калогера!» То рыкнувше, изчезоша. Жена же она нечто утѣшительно изрече, невидима бысть. Бѣ же то сама Владычица наша Пресвятая Богородица, всемъ в напастѣх заступница, иже приидѣ утешити и посѣтити раба своего [4]въ належащей брани[4]. Ей же старецъ обычай име по вся дни, по 600 молитвъ Иисусовых, седмое сто — Богородицѣ и молитву «Богородице Дѣво, радуйся» всю до конца.*

По семъ паки приидѣ диаволъ и рече: «Не потерплю уже тебе более, но пришлю по тебѣ шестерыхъ, и, поемше, отведутъ тя, аможе[5] азъ вѣмъ». Старецъ же рече: «Твори еже хощеши, аще можеши, псе нечисте! Азъ же, еже мнѣ повелѣно, то творю». Учеником же въ бесѣдѣ, аки недоумеа, глаголаше: «Что сотворю, яко не попуска*ю*тъ ми проклятии бѣсовѣ жити *здѣ*, и поучати запрещаютъ, и угрожаютъ м*и* нѣкиим изгнанием? Азъ же како не реку словесе спасителнаго? — яко раба, скрывшаго талантъ,* люте мучитъ».

И нача поучати ихъ, глаголя со слезами:

«Чада моя возлюбленная о Господѣ! Аще изыдосте от мира ради спасения души своея и на взыскание вечных благъ, молю вы: возлюбите Господа от всея души своея, служит*е* Ему со страхом и заповѣди Его исполняйте. Умертвите ваша тѣлеса воздержанием и трудом, не творите плотоугодия. Обѣты же, при пострижении Господѣви данныя, подщитеся соблюсти. Сласти тѣлесныя отсѣкайте, не чреву, но Богу работающе, да не вотще[6] будетъ ваше из мира изшествие! Смирите себѣ всѣхъ грѣшнѣйших быти, дабы Господь извелъ васъ от страстей, ибо Господь гордым противится, смиренным же даетъ благодать.*

---

[1] достаточной, долгой; [2—2] в задвижку печной трубы; [3—3] дающую ему наказ; [4—4] в происходящей борьбе; [5] куда; [6] тщетно, напрасно.

Внимайте же молитвѣ, егда молитеся, да не будетъ она намъ в грѣхъ и да не будите, устами псалмы поя, умомъ же индѣ бродя.

Молитва — съ Богомъ бѣсѣда. Совершающе же, умомъ к Богу помышляя: „Предзрѣхъ Господа предо мною выну[1], яко одѣсную[2] мене есть, да не подвижуся".* Въ церкви Божии, яко Господу предстояще со страхом, внемлите пѣнию и чтению. Въ келии же отнюдъ праздниы не будите, ибо праздно сѣдяй не избѣжитъ грѣха, лѣности и разслабления. К тому же влагаютъ бѣси множество помысловъ неподобных,[3] и не можетъ бѣдный праздносѣдящий противитися имъ, но побѣжден падаетъ, исполняя волю врага. Глаголютъ бо святии отцы, яко праздно въ келии сѣдящий со тмою бѣсовъ борется, и одолѣваемъ бываетъ, пребывая же въ послушании и рукодѣлии — съ единым бѣсом борется — и удобь[4] одолѣвает, ибо во Отѣчнике* писано есть:

Нѣкий старецъ пребываше въ келии со учеником единъ, о немже глаголаху бѣси, яко: „Къ старцу не можем приближитися, ученика же не обретаем праздна, понеже созидаетъ и разоряетъ, — сего ради не можем искусити его. Старца благодать Божия охраняетъ великих ради подвигъ его, ученика же — разоряюща и созидающа стену ис камене, — и не обретаем силы искусити его, яко не бываетъ празденъ"».*

Въ нѣкое время, стоящу Феофану на молитве, приидоша бѣси во многой толпѣ Божиимъ попущением на большее искушение рабу Божию, да, многая претерпѣвъ от бѣсовъ томления, въ будущем прииметъ воздаяние. Тии бо нечистии бѣсовѣ, възошедше въ келию, съ яростию абие начаша мучити старца. Онъ же, видя таковое ихъ стремление, падѣ на землю пред Богом, прося свыше помощи, глаголя молитву Господню «Отче нашъ».* Бѣси же, препинающе[5] молитву и словеса его пререкающе, мучиша его различно: овии бияху жезлием, овии руками щипающе, инии же ногами попирающе, хребетъ ему сокрушающе. Пустынникъ же мня, яко хотятъ его до смерти убити, хотя яти ихъ руками, но онии яко дымъ густый въ руцѣ его обрѣтахуся. По семъ исторгоша власы главы и брады его и послѣдняя, еже име, зубы избиша. Горящей тогда пещи, вземше главню, опалиша все тѣло его и, еле жива оставиша, отъидоша.

Сице страдалецъ Христовъ Феофанъ избиен и опаленъ бысть, лѣжа ту три дни аки мертвъ, не могий нимало двигнутися; едва не издше[6] от мраза и глада, не могий воставати и пещь возжещи, еже согрѣтися, зиме сущей. От сего времени бѣ боленъ до кончины своея, с велию болезнию понуждаяся пещь возжещи и правило совершать; страненъ видъ на себѣ имѣяй: старецъ сый, без брады и волосъ, сокрушен имѣя хребетъ, тѣло же и зубы избиты.

Въ некое время явися старцу Феофану мужъ святолепенъ, иже пришествием своимъ всю келию освѣти, — бѣ же то преподобный Иисусъ Голгов-

[1] всегда; [2] справа; [3] неподобающих, непотребных; [4] легко, удобно; [5] препятствуя, мешая; [6] умер, испустил дух.

ский,* — и рече: «Радуйся, брате! Еще мало потерпи — и почиеши скоро». И утѣшився, пребысть прочее, готовяся ко исходу.

Въ некое же время велми пѣчалию ему одержиму бывшу, размышляше бо блаженный высоту аггелскаго образа и ужасное приключение[1] во время смерти: горькое истязание от злобных воздушных духовъ на мытарствах и неизвѣстное от Страшнаго Судии изречени*е* — въ блаженое селение съ праведными или в горестная томления во Адѣ держимым душамъ грѣшным. Къ сему же помышляше суету мира и забвение, имущих быти по сихъ, скорбя же о ученицѣх, да не поругани будутъ врагом, и моляся о нихъ къ Богу со слезами, [2]мня себѣ за них истязану быти[2].

И явишася ему два святолепны мужи, реша: «Миръ тебѣ, возлюбленный брате нашъ! Почто пѣчалуеши о братии, сущей во обители? Время злое настоитъ, прелести преступления и нерадѣния исполнено. Прочее — спасая да спасетъ душу свою». Реша же и о ученицѣхъ, яко ничтоже еще в нихъ подвижническое, но суть, якоже и прочии. Тогда старецъ вопроси ихъ: «Откуду есте?» Они же рекоша: «Мы есмы Антоний и Феодосий, здѣ, на Муксалском осторовѣ, пожихом, под горою Фаворъ живше,* давно уже преставлшеся. Никтоже насъ увѣдѣ, како изыдохом и здѣ пожихом, точию единъ Богъ». И невидими бѣ. Тогда старецъ Феофанъ заповѣда ученикам постную пищю ясти, млека же и рыбы, ниже поснаго масла вкушати, не пити же и чаю отнюдъ. И пребыша тако до смерти старцевой. Пред скончанием же умоленъ бывъ нѣкиими из братии, и разрѣши имъ, кроме чаю, отнюдъ не пити.

Сице препроводившу Феофану зиму въ велицем недузѣ. Лѣту же наставшу, умножися болезнь его. Кътому не возможе быти единъ, чесо ради взятъ бысть из Анзеръ в Соловецкой монастырь и при хлѣбне въ чуланѣ оставлен.* И служаше ему ту живущий монахъ Аввакумъ.

Оный Аввакум иде единою на братскую кухню взяти пищи для больнаго. Прилучися ту быти келарю именем Сергию. Бѣ же *сей* Сергий ненавидя больных, вопроси Аввакума, кому беретъ пищу. Оному рекшу, яко ради больнаго Феофана. То слыша Сергий, нача злословити старца больнаго, нарицая его лицѣмера, пустосвята, раскольника* и братския пищи недостойна: «Почто долго не издыхаетъ?!» И иными непотребными словами поноси старца. Аввакум же, ничтоже рекши, взя пищу, несе больному, моля его, да вкуситъ елико можетъ. Больный же, яко усумнеся, посмотревъ на принесенное, рече: «Неможно ми сея пищи ясти». Аввакум же вопроси: «Почто?» Старецъ рече: «Егда ты просилъ пищи, что рекоша?» Онъ же отвеща: «Ничтоже, но с любовию даша и благословиша». Рече больный: «Ни, несть благословения здѣ, но клятва. Нецыи ропташа намъ». Аввакумъ крѣпляшеся, глаголя: «Ей, отче, никто». Бояшеся бо повѣдати,

[1] то, что случится; [2—2] считая, что с него за них спросится (считая себя за них ответственным).

да не оскорбитъ его. Тогда рече старецъ: «Всяка лжа от диавола есть. Тѣмже много погрѣшаете, своим неразумиемъ, мняще ничтоже быти клятвенная словеса». И [1]приложи рещи[1]: «Не повѣдаешъ ты мнѣ, не хотя мя оскорбити, то я реку тебѣ: был тутъ келарь Сергий. Когда ты отвѣчалъ на вопросъ его, что берешъ пищу для меня, онъ, робчущи на мя, глагола тебѣ: „Почто ему несешъ? Скорее бы онъ околѣвалъ — яко болный, пищи не требуетъ!"»

И прочая глаголанная тамо изрече Аввакуму. Таже покива главою, рече: «О, Сергий, бѣдный Сергий! Почто трудъ послушания погубляешъ?» И рече: «Того ради не могу пищи сея прияти, ибо есть проклята». Оному же просившу благословения самому ясти, старецъ же не повелѣ, но повелѣ птицам поврещи. Себѣ же испроси тоя пищи, юже Аввакумъ преждѣ принесе себѣ ради. И, видѣвъ ю, рече: «Сию пищу можно ясти, сия есть очищенна. Сию пищу самъ Господь благослови». И ядѣ ю[2] зѣло мало, зане от лютыя болезни вся горка ему бѣху. Аввакум же, сие видѣвъ, чудися, како онъ въдали дѣемая вѣдаетъ, дивяся прозорливству его.

Тому же Аввакуму приидѣ скорбь, яко много хлѣба напече, ожидая богомолцевъ, и той нача гнити. Сие провѣдѣ Феофанъ, призва Аввакума, вопрошаше, чесо ради скорбитъ. Оному же отрицающуся не имѣти скорби. Тогда повѣда ему вину скорби и прорече скорое разобрание хлѣба, еже збыстся: наутрие бо начаша стекатися богомольцы в толиком множествѣ, яко едва на два дни доста того печенаго хлѣба. Аввакум же чудися, яко старецъ помышление его увѣда.

Инъ братъ, простецъ, иже некогда служа старцу, скорбя зѣло, яко не имѣ писма уволнительнаго, ибо таковых из монастыря высылаху.* Старецъ же рече ему: «Чадо, не скорби: придѣтъ ти уволнение». И по малѣх днѣхъ принесе ему христолюбецъ уволнительный листъ, и оста въ монастыри, и бысть инокъ, именемъ Савватий.

Къ сему же речемъ о прозорливстве его и сие. Живущу ему еще на Голгофе, есть же на том островѣ рыбная ловля, имянуемо Кирилов,* на нейже монахъ Варнава живый съ двумя помощники. Сей имяше любовь и усердие *ко* старцу Феофану. Случися ему нѣкогда малодушствовати о квасѣ, яко закиснулъ и исплѣснѣлъ, и скорбя в себѣ. И воутрие идѣ посѣтити пустынника. И бывшей беседѣ, нача старецъ наказовати брата, обличая малодушие его, яко недобре хранитъ совѣсть къ вѣщам: яко малыя ради вещи, кваса, толико смутившася и роптавша, забывша предложение, егоже ради въ монастырь приидѣ. Сия слыша Варнава, чудися, како они, едини быша, прошедшаго вечера глаголаша, сия старецъ, в келии сѣдя, вѣдаетъ, разстояния же два поприща?* И ина многа предсказоваше, но за долготу слова оставляемъ.

И тако лѣжащу старцу Феофану в хлѣбне в чуланѣ зѣло больну, но *не можаше укрытися* от приходящих к нему пользы ради* и творящих вопроше-

---

[1]—[1] продолжил, добавил; [2] ее.

ния различна, того ради скорбя, виде безмолвие его пресецаемо. Посту же апостолску приходящу,* больному же конечне огневицею* истаявающу, принесенъ бысть из хлѣбни въ просвирню, въ келию единаго от учениковъ, в то время живущу в послушании печении просфоръ, Антонию именем, иже и списатель бысть жития и подвиговъ его самовидецъ, тогда уже бывъ иеродиаконом.*

Блаженному старцу Феофану лѣжащу тамо три дни, видя себѣ къ концу уже приближившася, испроси [1]Божественых Таинъ[1], и приобщен бывъ пречистаго Тѣла и Кровѣ Господа нашего Иисуса Христа. Таже рече ученику своему: «Чадо Антоние, приходитъ часъ моего скончания, часъ, паче всехъ жизни моея тяжчайший, время, в неже сокровенная откроются и все, еже въ жизни сей чтуще слышахом, нынѣ вся предстанутъ; болезнь паче всѣхъ болезней, время, ужаса и страха исполнено, часъ, егоже и праведнии трепетаху. Тебѣ же даю (глагола ученику) послѣднюю сию заповедь. Ты же послушай мя, отца твоего, и неотложно соблюди ю. Егда моя грѣшная душа изыдет от окаяннаго моего тѣла, ты, вземъ за нозѣ, извлеки е[2] на брегъ морский и, привязавъ к прилучившимся ту древцамъ, отрини от брега, вдай волнамъ, глаголя къ Богу: „Господи, милостивъ буди души убогаго монаха Феофана!" Внемли же, чадо: да не сподобится смрадный трупъ обычна погребения, да не осквернитъ место сие святое вложением въ недра земная сея гнусности!* Негли[3] сего ради сотворитъ Господь милость многогрѣшной души моей в сей тяжкий часъ». И паки повтори, глаголя: «Сотвори, еже заповѣдах!» Оному же обѣщавшу исполнити, и старецъ умолча.

И сотворил бы то ученикъ, аще бы вскоре по преставлении тѣло его опрятано[4] и въ церковь внесено не было.

По семъ нача озиратися и аки бы нѣкиихъ страшитися. Таже повелѣ ученику своему покадити келию и сѣни росным ладаномъ.* Оному же кадящу, нача старецъ Феофанъ скончаватися. И пребысть труждаяся[5] яко часъ единъ, преидѣ от многобѣднаго сего жития и от многоболезненнаго тѣла си въ вѣчную жизнь, исполнь сый дней, име 75 лѣтъ от рождѣния своего.* Преставися 1819 года июня 26 дня* въ 3 часа пополудни и погребѣнъ бысть внутрь обители Соловѣцкия, близъ часовни преподобнаго Германа, от восточныя страны.*

На гробѣ же его бѣснующиися исцѣление получаютъ, привлѣкаеми нуждѣю,[6] кричаще: «Жжетъ, жжетъ Феофанъ! О, Феофанъ, сожеглъ еси насъ!» И тако здравы отхождаху, благодаряще Бога.*

[1—1] причастия; [2] его; [3] Может быть; [4] приготовлено к погребению; [5] страдая; [6] потребностью; бедою, страданием.

СТИХИ В ПОХВАЛУ БЛАЖЕННОМУ ФЕОФАНУ*

Здѣ пустыник єдинъ живяше,
Во дни и нощи Бога пояше.

Молитвы его, вкупѣ и стенание,
Присно дѣло его — воздѣржание.

Поклоны его многи —
Шествия в Небесныи чертоги.

Слово Божие яко хлѣбъ ядяше,
Слезы яко сладкое вино пияше.

Болезни тѣрпяше велики,
Вчиненъ будет со аггелскими лики.

В житии семъ яко на позор[1] стоя,
В подвигах стоя, бѣсы прогоня.

Во время лютой его брани
В помощь Силнаго *зовя*: «Востани!

Борющия мя, Боже, побори,
Навѣты их под нозѣ покори!»

Со враги боряся до смерти,
Тщася до конца их стерти.

В покой вѣчны*й* мирно взяся,
Исполнь старости, скончася.

От скорбей на радость званъ
Подвижник сей Феофанъ.

Христовъ подвижникъ Феофан,
Богомъ семо званъ,

От мест пещерных удалися,*
В обитель Соловецку вселися.

---

[1] *здесь*: обозрение, зрелище.

Аггелский чин здѣ восприя,
По сем в пустыни просия.

Тамо велий подвиг сотвори,
Плоть духу покори.

Богу день и нощь предстоя,
Псалмы и пѣснми Бога поя.

Его дѣло — слезы и стенание,
Болезни и велико воздѣржание.

Поклоны многи творяше,
В посте умрети изволяше.

Многу брань подъя испéрва,
Боря всезлобна Филузера.

Готовъ противу стати
Люту сυпостату, [1]ищущу запяти[1].

Укрѣпляем от подвигоположника Христа
Силою Животворящаго креста.

Крестъ взем, вспять не обратися,
Путемъ шествуя, не совратися.

Боленъ *сый, от* Анзеръ бо яся,
В келии ученика скончася.

Убогий Антоний сие пишетъ,
Унылым гласом Господу зоветъ:

Ему да будет память вѣчная,
Да почиетъ духъ его навѣчно!

Благо было тогда мнѣ,
Когда авва жилъ при мнѣ.

1—1 пытающемуся воспрепятствовать, помешать.

Онъ, яко пастырь добрый,
Души моей стражъ бодрый.

Яко копие его моление,
И стрѣлы — о мнѣ бдѣние.

Лютых врагов от мене отгоняше,
Сѣтей ихъ избавляше.

Но увы мнѣ, увы и горѣ! —
Смерть похити его вскоре.

По мучении от лютых бѣсóвъ
Взятъ от темных лѣсовъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ

Написавый сию повѣсть,
Иже чтый да вѣсть,

Ученикъ сый сего отца,
Иже носяше мя, яко овча.

Яко чадолюбивый отецъ мя любя,
Яко старецъ мя наставляя.

Яко имый о мнѣ отвѣтъ дати Богу, моляше,
Яко боголюбецъ сый, и къ Богу привождаше.

Но увы мнѣ, оплетшуся в суетах!
Онъ глаголаше — азъ не внимахъ.

Повѣдаше отцевъ дѣяния
И бываемая от бѣсóв страхования.

«Чадо, — глаголаше, — многи бѣсóвъ сѣти!
Стоящу на брани — присно бдѣти!»

ЧУДЕСА ИУДЫ КОНЕЩЕЛЬСКОГО
(ИЗ ДНЕВНИКА МЕЗЕНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА Г. Я. СИТНИКОВА)

1896 года по окончании месеца февраля, 29 числа, у мня, у Григорья *Яковлева* Ситникова, было списано чюдо и сонъ объ Юды Трофимовици и отослано в Питербургъ в духовную академию на имя Александра Михайлова Кононова.* Вотъ я отослалъ в то число, 29 февраля 1896, чюдо и сонъ объ Юде Трофимовице и завечилсе[1] в ту ночь, что мне привидитце во сне. Вотъ мне и привиделось во сне в ту ночь (смотри смежно на страницы съ 1896-го месеца марта 1 числа списанъ сонъ чернымъ чернилом). 1896 года месеца марта 1 числа я, Григорей Яковлевъ Ситьниковъ, виделъ сонъ. Вижу я во сне, быто[2] я хожу где-то не в знакомомъ мести, потомъ увиделъ толпу народа. Потомъ я пришол к людямъ, быто ети люди выкопали мощы святаго угодника какого-то, я не знаю, выкопали гробъ. Етотъ гробъ новой, нетленой. В числе техъ людей незнакомаго народа я заметилъ Илью Иванова Мишина, Михаила Онтипича Ситникова, 3 — Федора Антипича Ситьникова, 4 — Ивана Михайлова Кожевникова, 5 — Семена Васильева Новикова.* Потомъ Илья Мишинъ началъ отрывать у гроба верхнюю доску, скрылъ[3] з гроба. В гробу лежытъ угодник, мощи нетленныя. Лежытъ человек в гробу, быто вроди какъ жывой. На етомъ человеки верхняя одежда черная, а рубашка и почтаники белыя-белыя. Потомъ Илья Мишынъ взялъ угодника за ноги, а Михайло Онтипичъ взялъ угодника за голову, и стали поднимать угодника из гроба. У угодника голова знимаице[4], и ноги знимаютце, а серетка тела у угодника не знимаице. Угодникъ лежытъ, какъ быто спитъ сномъ. Потомъ я подскочилъ къ угоднику и захватилъ угодника за серетку. И вынели мы угодника из гроба, и положыли мы угодника на одръ, и понесли мы угодника в квартеру. Тутъ в квартеры очюдилось много начальства, стали описывать мощы угодника. Потомъ какой-то старенкой старичек седатенкой подскочилъ к чиновнику и говоритъ чиновнику: «Меня, Еграфа, запиши сведетелемъ въ ето писмо». А чиновникъ нечего не сказалъ. Потомъ етотъ старичекъ подскочилъ и ко мне и говорит мне: «Григорей, запишы меня, Еграфа, на стену, чтобы не забылъ меня

---

[1] задумался, загадал. [2] будто; [3] снял; [4] приподнимается.

чиновникъ, Еграфа, чтобы увиделъ чиновникъ на стены меня, Еграфа, и записалъ меня, Еграфа, сведетелемъ въ ето писмо». Потомъ я и проснулсе от сна.

⟨...⟩

1896-го, месеца сентября 7 дня, я вечеромъ помолилсе Богу и повалилсе спать и самъ себе говорю: «Я завтре пойду к обедни на Нисогору и тамъ спишу чудо про Иова,* которое росказывалъ мне нисогорской Алексей Федоровъ Ивановъ, да еще спишу чудо про Юду Трофимовица, которое мне росказывалъ Белащелскаго прихода старичекъ». Вотъ какъ думалъ, такъ и зделалъ. Потомъ, на завтрешной день, 8 числа, тѣтка моя, девица, ей 60 годовъ, она из деревни Верхнеберезницкой, Марья Ефимовна Ситникова, она девица честна, богобоязлива, богомольна. Ета тетка 8 числа пришла ко мне и говоритъ мне: «Григорей, я сегодешную ночь видела во сне, быто я сплю, хто-то меня завопелъ[1]. Я быто розбудилась и пошла к тебе. И мы с тобой быто пошли ко службы въ Ущелье ко святому пре*подобному* Иову. Потомъ быто мы зашли в церковь Иевску.* Я, Марья, осталась в трапезы, а ты, Григорей, прошолъ далше в церковъ. Потомъ мы стоимъ быто, пришли ко Григорью два старца, бороды седы, лица у ихъ сухоньки, посныя. Ети два старца принесли золотой венецъ, только зиятъ[2], и етотъ венец стали накладывать на голову на Григорьеву. Потом наложыли на Григорья венецъ, а на венце-то стоитъ крестъ. Потомъ я подошла к нимъ, к старцамъ, и сказала имъ: „Веть Григорей-то женатой" (думаю: Григорья неженити[3] хотятъ). Потомъ старцы ответили мне: „И тебе тоже скоро венецъ будет". Потомъ я и пробудилась». Вотъ я, Григорей Яковлевицъ Ситниковъ, етот сонъ Марьин списалъ и по етому сну розмышляю, что два старьца были: одинъ старецъ былъ святой препо*добный* Иовъ, а другой старецъ былъ Юда Трофимовицъ. Они были, угодники святы, потому что я, Григорей Яковлевиц Ситниковъ, началъ списать в то число, 8 сентября, чюдо Иова и Юды Трофимовица, и отослано в духовную академию на имя его высокопреподобию иромонаху Никодиму Михайлову Кононову.

⟨...⟩

Было чудо. 1895-го, въ Архангелской губерни, въ Мезенскомъ уезде, Белещелскаго прихода, в деревни Конещелья была молва или слыхъ в народи про угодника Юду Трофимовица. Было чудо. Въ какой-то день скопилось народу поклоников много. Эти люди пошли къ Юды Трофимовицу и пришли къ Юда Трофимовицу. И все эти люди переходили въ етотъ анбарчикъ, которой стоитъ над могилой угодника Юды Трофимовица, и все припадали къ его могилы. Ис числа этого народу одна дѣвица не могла зайти въ этотъ анбарчикъ къ Юды Трофимовицу. Много расъ эта дѣвица намерялась зайти въ этотъ анбарчикъ къ Юды Тро*фимовицу*, но не могла зайти. Какъ только подойдетъ къ этому анбарчику ко дверямъ, такъ сечасъ и упадетъ на землю. Сколько не трудилась эта дѣвица, а не могла зайти въ анбарчикъ къ Юды, такъ и домой ушла. Не допустилъ Юда ее.

---

[1] позвал, покликал; [2] блестит, сияет; [3] оставить неженатым.

Слухъ и молва была въ народи в Мезенскомъ уезде, въ Койнескомъ приходе. В то время, когда в Койнаси при церкви находилсе священикъ отецъ Еграфъ,* в то врѣмя о. Еграфу было чюдо у Юды Трофимовица. Отецъ Еграфъ не пущалъ людей ходить къ Юды Трофимовицу. Потомъ [1]не то що[1] не пущалъ людей къ Юды Трофим*овицу*, даже отнессе прозбою к духовному началству, чтобы розорить у Юды Трофимо*вица* анбарчикъ, чтобы не ходили больше люди по овещанию[2] къ Юды Трофимовицу. Потомъ на прозбу отцу Еграфу пришло от духовнаго началства повеление, чтобы розрыть и розорить анбарчик у Юды Тро*фимовица*, чтобы не приходили болше люди къ Юды Трофимови*цу*. Вотъ отецъ Еграфъ взялъ [3]по полицы[3] начальства, и поѣхали разорять анбарчикъ у Юды Трофимовица. Толко приехал къ Юды къ анбарчику, хотели приступить ломать а*н*барчикъ, тутъ сечасъ отецъ Еграфъ ослепъ и не видитъ несколько. Потомъ отецъ Еграфъ нача*лъ* упрашивать по полицы начальства, которы были тутъ при томъ чюде, чтобы не ломали и не розоряли анбарчик у Юды. Потомъ отецъ Еграфъ и все по полицы началство вопше[4] начали молитце, и просить Юду, и припадать к могилы Юды Трофимовицу, чтобы простилъ и помиловалъ Юда Трофимовицъ в таком грехе отца Еграфа, чтобы далъ обратно зрение видеть о. Еграфу. Отецъ Еграфъ с той минуты далъ такое обещание, чтобы болше не розорять анбарчикъ у Юды Трофимовица. Потомъ в ту минуту отецъ Е*г*рафъ прозрелъ и сталъ видеть по-старому и прославилъ Господа Бога и угодника Юду Трофимовица. И отправились домой все началство.

189-го (*sic!*) было чюдо про Юдо. Мезенскаго уѣзда, Ущелскаго прихода, Верхнеберезницкой деревни у крестьянина Филипа Петровица Кычина потерял*ся* ско*т*. Много время искали, не могли найти негдѣ. И некоторымъ св*ятым* угодникамъ обвещались, но полвы намъ не было. Потомъ у етого Филипа Кычина хозяйка, супруга Пелагия Яковлева, легла спать на ночь. И видитъ во сне, быто к нимъ пришолъ какой-то старичекъ незнакомой и говоритъ: «Пелагия, пеки коровашки[5] до шести недель, и подавай Христа ради, и вели поминать Юду Трофимовица. Есле будешъ пекчи коровашки и поминать Юду Троф*имовица*, то прид*у*тъ у васъ». Потомъ ета Пелагия и пробудилась. Потомъ ета Пелагия стала с ночи утромъ, обредилась[6], и напекла коровашковъ, и стала подавать Христа ради коровашки, и поминать Юду Трофимовица. Потомъ на завтрешной день пришл*и* у ихъ сами домой. Мы прославили Господа Бога и Юду Трофимов*ица*.

1894-го было чюдо про Юду. Мезенскаго уезда, Ущелскаго прихода, Верхнеберезницкой деревни у крестьянина Василья Матвеевица Кычина отскочила от кобылы чига[7] маленка в лесу, кобылы не держытце, и поймать чигу не можутъ. Потомъ стали овещатце сходить къ Юды Тровимовицу помолитце. По-

[1]—[1] не только; [2] обету; [3]—[3] из полиции; [4] сообща, вместе; [5] небольшие хлебцы; [6] привела себя в порядок; [7] жеребенок;

томъ чига выбежала за кобылой домой. Потомъ весна пришла, люди ходили къ Юды, а Василей Мат*веевиц* Кычинъ не ходилъ, обещание Юды не исполнилъ. Потомъ друга весна пришла, через годъ время у Василья Матв*еевица* Кычина отскочилъ теленокъ от скота в лесу, и не можутъ найти теленка. Много время искали. Хотя когда и увидятъ теленка в лесу вочи[1], то теленокъ, какъ стрела, убежытъ ис гласъ. Потом Василей Матвеевицъ со своею супругою Марьею Петровною дали такое обещание, чтобы непремено сходить къ Юды Трофимовицу, есле они поймают. Потомъ Василей Матвеевицъ со своею супругою Марьею пошли в лесъ искать теленка. Потомъ Васильева супруга Марья увидела теленка, и начала тихонко подходить к теленку, и стала молить со слезами Юду Трофимовица, чтобы поймать ее теленка. Потомъ подошла тихонко к теленку и поймала теленка, и закрычала[2] своего супруга Василья. Василей к Марьи пришолъ, и вывели теленка из лесу домой. И прославили Господа Бога и также и угодника Юду Трофимовица. Потомъ через годъ времени опять весна пришла, люди опять пошли къ Юды Трофимовицу. А Василей Матвеевицъ и супруга его Марья опять не пошли къ Юды, опожыли[3], говорятъ, что «мы наново[4] сходимъ». Вотъ немного время прошло — у Василья Матвеевица Кычина дома во хлеви теленокъ задавилсе на вяски[5]. Пришли во хлевъ, увидели: теленокъ лежытъ мертвой. Вотъ каково не исправлять обещания! Нужно непремено исправлять обещания.

1897-го было чудо у Юду. Мезенскаго уезда, Верхнеберезницкой деревни у крестьянина Павла Семенова Логинова хозяйка супруга Лизавета Павлова выпустила первой расъ на волю скота и прогнала скота в лесъ. Вотъ у ихъ отскочилъ теленокъ о*т* скота и не пришолъ домой. Вотъ Павелъ Семеновъ много время ходили, искали теленка, не могли негде теленка на*й*ти. Потомъ Павелъ Семеновъ со своею супругой Лизаветою дали такое обещание: есле теленокъ у ихъ найдетца, то непремено сходили бы къ Юды Трофимовицу помолитце. Потом у Павла Семенова вышол из лесу теленокъ, самъ домой пришолъ. Тутъ Павелъ Семеновъ со своею супругою Лизаветою прославили Господа Бога и также и угодника Юду Трофимовица.

⟨...⟩

1897-го, юля десятаго числа, было чудо Юды. Арх*ангелской* губерни, Мезеньскаго уезда, Верхнеберезницкой деревни у крестьянина Левонтея Герасимова потерялась корова, много ночей не приходила домой начевать. Етотъ Левонтей Афонасьѣвицъ Герасимовъ со своею хозяйкою Анною Яковлевою везде обыскали, не могли на*й*ти коровы. Потомъ Левонтеева хозяйка, Анна Яковлева, сла на вечерьнею молитву и стала со слезами молитце Господу Богу. И стала обещатце Юды Трофимовицу, дала такое обещание: «Есле у миня найдетца корова, то я прочитаю канонъ Юды Трофимовицу». «Потомъ на завтрешной день у

[1] воочию; [2] позвала; [3] опоздали; [4] *здесь*: на следующий год; [5] веревке.

насъ корова сама домой пришла. Потомъ я прославила Господа Бога и также и Юду Трофимовица и поспешила исполнить обещание».

⟨...⟩

Мезенскаго уѣзда, около Иуды, ис той деревни одинъ старѣцъ росказывалъ. «У насъ у одного крестьянина было чудо. У этого крестьянина былъ сынъ женѣнъ. Этотъ крестьянинъ и сынъ его очунь погоняли эту женщину. Свекоръ журилъ кажной день невѣску, и сынъ его свою супругу ненавиделъ и не любилъ ея, и вся семья ея не любили и ненавидели. Потомъ у этой невѣски случилось несчастие. Эта невиска ходила въ анбаръ да ключ потеряла анбарней. Доложно быть, дорогой обронила да и не схватилась, т. е. не спомнила, что потеряла ключь. Потомъ ночью пала погодушка[1], и всѣ снѣгомъ занесло. Потомъ свекоръ пошолъ зачем-то въ анбаръ и спросилъ у невѣски ключь анбарней. Вотъ эта невѣска не знатъ, гдѣ взять ключь анбарней. Вотъ свекоръ, и сынъ его, и вся семья начали невѣску бранить, журить и бить-погонять. Потомъ до того дожурили эту невѣску, что эта невѣска не знатъ, куда деватце. Потомъ эта невѣска вечеромъ стала перед Богомъ на молитву, и стала молитце со слезами Господу Богу, и стала обещатце Иуды Трофимовицу, и дала такое обещание: ѣстле у ихъ ключь найдетце, то „я бы пожертвовала Иуды платъ алой, которой стоитъ 3 рубля, снесла бы къ Иуды въ анбарчикъ". Потомъ легла спать. Утромъ [2]порядовная сусетка[2] вышла за дровами, хочет топить печку. Къ этой сусетки прибѣжала собака и очунь лащище[3], и принесла в зубахъ ключь анбарней. „Я взяла у собаки и-зубовъ, т. е. изо рта, ключь анбарней и побежала к суседу, потому что я слышила, что суседъ потерялъ ключь от анбара". К суседу прибѣжала и сказала: „Не ваш ле этотъ ключь анбарней?" Суседъ взяли кълючь и видятъ, что ключь ихной. Этотъ суседъ говоритъ сусетки: „Гдѣ ты ключь взяла?" Сусетка говоритъ: „Я вышла за дровами под окошко, и ко мне принесла собака ключь в зубахъ". Потомъ эта невѣска росказала своему свекру и супругу о своемъ такомъ обещании, что „я дала такое обещание: ѣстле у насъ найдетца ключь, то я пожертвую алой платъ Иуды, которой стоитъ 3 рубля". Потомъ этотъ свѣкоръ и вся семья подивились этому чуду и прославили Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица, поспешили отправить невѣску исполнить обещание Иуды Трофимовицѣ».

1895-го го*ду* былъ слыхъ и молва в народи. В Конещелской деревни у одного крестьянина здѣлалсе нездоровой быкъ трехъгодовалой. Такъ этотъ быкъ здѣлалсе боленъ, что не могъ выходить из двора вонъ. Потомъ у этого крестьянина хозяйка очунь плакала о быкѣ и молилась Господу Богу со слезами и также и угоднику Иуды Трофимовицу. Вотъ у этого крестьянина было семество болшое. Потомъ в праздникъ семество отобѣдали, и всѣ ушли одыхать. А хозяйка

---

[1] непогода, ненастье; [2—2] соседка, живущая рядом, на той же стороне улицы; [3] ластится.

еще со стола убирает, да посуду моетъ, да всѣ горюет о быкѣ. Потомъ вдругъ къ этой хозяйки пришолъ какой-то странникъ незнакомой в черной одежды, Богу помолилсе в передней уголъ с*вятым* образамъ и говоритъ хозяйки: «Вотъ ты меня просила и молилась мне, дакъ Господь меня послалъ к тебѣ. Я и пришолъ к тебе». Эта хозяйка не почуствовала, что этот человѣкъ непростой пришолъ к ней. Потомъ эта хозяйка стала просить этого страника, чтобы этотъ страникъ не может ли выличить ихняго быка. Потомъ этотъ страникъ говоритъ хозяйки: «Дай мне воды тѣплой въ чашку, я помолю Бога, чтобы Господь Богъ далъ твоему быку здоровья». Потомъ эта хозяйка говоритъ странику: «У мня нету тѣплой воды в печи уже. Я сечасъ наставлю самоваръ, сейчасъ скипитъ». Потомъ этот страникъ говоритъ хозяйки, что «нельзя и-самовару. Самоваръ — пустодомъ.* Дай мне луче холодной воды в чашу». Потомъ эта хозяйка подала холодной воды странику. Этотъ страникъ взял у хозяйки холодную воду, и сталъ в передней уголъ пред св*яты*ми образами, и помолилсе св*яты*мъ иконамъ, и пошолъ к быку с хозяйкой. Этотъ страникъ идѣт к быку прямо к той стаи[1], в которой стаи быкъ болной живетъ, как быто знаѣтъ. И отворилъ ету стаю, и этого быка попрыскалъ, и половину полчаши воды вылил на этого быка, а другую половину полчаши воды вылилъ себе за пазуху. И говоритъ хозяйки: «Тепере будетъ твой быкъ здравъ». И пошли с хозяйкой в квартеру. Потомъ эта хозяйка хотела страника угостить, начала страника просить, чтобы страникъ сѣлъ за столъ. Потомъ этотъ страникъ говоритъ хозяйки: «Хозяюшка, попровать меня до ручья. Я тебѣ всѣ роскажу, что почто у васъ частыя ускотья[2] падаютъ». Вотъ пошолъ этотъ страникъ с хозяйкой до ручья по той дорошки, по которой дорошки ходятъ къ угоднику Иуды Трофимовицу. Потомъ пришли к ручью. Этотъ страникъ говоритъ хозяйки: «Хозяюшка, вотъ почто у васъ падаютъ частыя ускотья. У васъ семество большое, вы праздники не почитаите, не чтите, вы в праздники работаите. У васъ семество болшое, вы в праздникъ работы очунь много сроботаите, потому у васъ и падаютъ частыя ускотья. Ѣстле бы вы не роботали в праздники, то и не было бы у васъ ускотья». Потомъ я спросила у страника: «Чей ты, доброй человѣк, и откуда ты и куда ты пошолъ тамъ в лѣсъ?» Потомъ этот страникъ говоритъ хозяйки: «Я пошолъ домой, я — Иуда Трофимовицъ, житель мѣста вашего. А ты ходи почаще, ставь свещи Иуды Трофимовицу. А в праздники болше не роботайте, то и не будет у васъ болше ускотья». И потомъ вдругъ этотъ страникъ Иуда потерялсе и здѣлалсе невидимъ. Эта хозяйка пришла домой, а на завтрешной день у ихъ быкъ здѣлалсе здравъ, какъ по-старому. Мы прославили Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица.

Было чудо у Иуды. Мезенскаго уѣзда, Ущелскаго прихода, Верхнеберезницкой деревни у крестьянки Дарьи Михайловной Климцовой в то время, когда

[1] хлеву, загону; [2] падеж скота.

у этой Дарьи был сынъ Николай Васильевицъ Климцовъ еще не псаломщикъ. Вотъ этотъ Николай Васильевицъ Климцовъ росказыват. У ихъ потерялись телята, домой не пришли. И много время они ходили искали телятъ, негдѣ не могли найти телят. Потомъ стали обещатце Иуды Трофимовицу пекчи коровашки до шести недѣль и подавать эти коровашки Христа ради и поминать Иуду Трофи*мовица*. Потомъ, какъ это обещание положили, на завтрешной денъ у ихъ утромъ телята пришли домой. Эта Дарья прославила Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица. Потомъ эта Дарья Климцова обещание исполнила.

1891-го, было чудо у Иуды. Мезенскаго уѣзда, Ущелскаго прихода, Смоленской деревни у крестьянина Петра Кожевникова потерялась лошать, конь. Этотъ Петръ много время искали коня, но негдѣ не могли найти коня, вездѣ объискали. Потомъ этотъ Петръ стали обещатце Иуды Трофимовицу сходит къ Иуды поставитъ свещу. Какъ этотъ Петръ обещание положилъ сходить к Иуды, у ихъ конь выбежалъ въ ихной лугъ и нашолсе. Пот*ом* этотъ Петръ прославилъ Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица.

⟨...⟩

1898-го, было чудо. Архангелской губерни, Мезенскаго уѣзда, Ущелскаго прихода, Верхнеберездницкой деревни у крестьянина Григория Яковлевица Ситьникова зимою захворала лошать, кобыла, и всю зиму хварала до вѣсны. И такъ эта лошать, кобыла, истощала, что страшно на ея и смотреть. Только здѣлалась лошадинной составъ, кости обтенуло кожѣю, и нехто не думали, что эта кобыла выздоровеетъ. Потомъ этотъ Григорей далъ такое обѣщание, чтобы немедлено сходить къ Иуды Трофимови*цу* и поставить свещу его ангелу тезоименитому Иуды, брату Господнему,* 19 июния, и помянуть Иуду Трофимовица. Потомъ эта кобыла с того часа стала исть[1] ѣду, а ранше не ѣла ѣды. Потомъ стала поправлятце и выздоровела в скорое врѣмя.

Объявление объ Иуды. Въ 1898 го*ду*, мѣсеца юня 28 чис*ла*, обѣщания исправлять я пошолъ къ Иуды в Конещелскую деревню. Я пришолъ, и приусталъ, и захотелось мнѣ одохнуть. Я легъ спать, и вижу я во сни, быто я пришол къ Иуды въ анбарчикъ, дверцы я отворилъ, а на полу прям[2] дверей быто горитъ свеща, теплитце. И потомъ я розбудилсе. И потомъ я пошолъ по дорошки къ Иуды, и пришолъ къ Иуды къ анбарчику, или къ чесовенки. Дверчи я отвори*л*, и зашолъ я въ часовенку. Свещи я поставилъ образу св. апостолу Иуды, брата Господня, 19 юня живетъ[3]. И помолилъ за упокой Иуду Трофимовица. Потомъ мнѣ пришли таки мысли на разумъ свой: что такоѣ мнѣ сегодня виделось во снѣ, быто горит, теплице свеща на полу прям дверцей? Потомъ я такую смелость возимел: осмелилсе я, вывернулъ прям дверей 3 половицы. А у мня былъ в собою посохъ, т. е. батожокъ. Я этимъ посохомъ началъ сщупать, тыкать

[1] есть; [2] напротив; [3] отмечается, совершается.

прям дверей в землю. И потомъ я нащупалъ прямъ дверей, *от* дверей на четьверть* в земли, так располагаю, что, доложно быть, гробъ, длины около два аршина* с половиною, а ширина у дверей около 3 (трехъ) четвертей. А другой конецъ гроба около 2 (двухъ) четвертей. А на гробу земли около 2 (двухъ) четвертей. Потомъ я осмелилсе и вырылъ ямку сърѣтка гробу, и дествително, я так располагаю, что тутъ гробъ с мощами угодника Иуды Трофимовица.

Въ 1898 го*ду*, мѣсеца юня съ 15 числа и до 29-го числа, было считано: было народу богомольцев у Иуды Трофимовица двести один человѣкъ.

В Конещелской деревни старожилы говорят, что этотъ Иуда — уроженецъ Пине*ж*скаго уѣзда,* а из дерѣвни неизвестно. А по отчеству называли Иуду Трофимовицем, поэтому, доложно быть, отца у Иуды звали Трофимомъ, а матерь неизвестно какъ звали.

⟨...⟩

Въ 1898 го*ду* весною было чудо Иуды. Мезенскаго уѣзда, Верхнеберезницкой деревни некая женщина Анна Яковлева Герасимова потеряла овцу, и много время искала, и негдѣ не могла найти овцу. Потомъ стала обѣщатца Иуды Трофимовицу: есле у ей найдетца овца, то «я буду пекчи коровашки и подавать Христа ради и поминать Иуду Трофимовица». Потомъ у этой Анны Герасимовой на завтрешной день овца домой под окошко пришла. Тутъ эта Анна зрадовалась и прославила Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица.

Было чудо Иуды. 1898-го, мѣсеца иуниа, 8 числа. Мезенскаго уѣзда, Верхнеберезницкой деревни вдова Ксенья Грибанова спустила на волю свою корову. Потомъ эта корова у ей потерялась. Потомъ эта Ксенья вездѣ обыскала свою корову и негдѣ не могла найти своей коровы. Потомъ дала такое обѣщание Иуды Трофимовицу: «Есле у мня корова найдетца, то я буду пекчи коровашки и подавать Христа ради и поминать Иуду Трофимовица». Потомъ эта Ксенья пришла из лѣсу и пошла к суседу Федору Антипичу Ситьникову и говоритъ Феодору: «Я сегодня искала корову, и день весь выплакала, и дала обѣщание Иуды, чтобы пекчи коровашки и подавать Христу и поминать Иуду Трофимовица. И не помогъ мнѣ и Иуда на*й*ти корову». Потомъ дѣвочка неболшая, Петра Алѣксеева Климцова, прибѣжала под окошко и кричитъ: «Ксенья, твоя корова ходитъ у насъ в заулки[1]». Тутъ эта Ксенья возрадовалась, и всѣ суседи прославили Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица.

⟨...⟩

О. Алексѣй спустилъ овецъ на волю. Потомъ эти овцы у отца Алексѣя потерялись. Потомъ этотъ священикъ о. Алексѣй сталъ обѣщатце Иуды Трофимовицу: «Ѣстле у мня найдутце овцы, то я непременно съѣжду къ Иуды и сослужу панихиду Иуды Трофимовицу». Потомъ у этого священика о. Алексѣя нашлись овцы, сами пришли домой. Этотъ о. Алексѣй обѣщание исполнилъ,

---

[1] переулке, проходе между домами.

съѣздилъ къ Иуды, сослужилъ панихиду Иуды и прославилъ Господа Бога и также и угодника.

⟨...⟩

1898-го, юля 14 числа, было чудо. Мезенскаго уѣзда Верхнеберезницкой деревни у крестьянина Афонасья *Яковлевича* Ситникова потерялась телица в лѣси, 4 ночи не приходила домой. Так росполагали, что звѣрь похитилъ. Потомъ этотъ Афонасей далъ такое обѣщание Иуды Трофимовицу: ѣстьле у его телица домой приидет, то онъ будетъ целой годъ пекчи коровашки и подавать Христа ради и поминать Иуду Трофимовица. Потомъ у этого Афанасья того же дня, 14 числа юля мѣсеца 1898 го*да*, телица домой пришла.

⟨...⟩

1893 года было чудо. Архангелской губерни, Мезенскаго уезда, Верхнеберезницкой деревни крестьянину Григорью Яковлеву Ситникову было чудо. Григорей говоритъ: «Я весной спустилъ лошать кобылу с чигой на волю, и всю весну, и все лето, и всю осень я не могъ натъти ее, и не видалъ ее негде и до снегу, и снегъ ушъ напалъ. Вотъ я и говорю: „Люди ходятъ овещающе какому-то къ Юды. Есле бы у мня кобыла нашлась, то бы и я сходилъ къ Юды Трофимовицу". Вотъ я повалилсе спать и вижу во сни, бытто бы я пошолъ къ Юды и подхожу г деревни. Я огленулсе назадъ и вижу: назади идутъ много девицъ, они идутъ тоже къ Юды. Я зашолъ въ деревню в какой-то домъ, и глежу я в окошко: ети девицы пришли к окошку. Одна девица зашла въ избу в квартеру, и Богу помолилась, и вынела ис коромана изображение лошади. Ету изображену лошатку бросила ко мне в колени и говоритъ мне: „Ты пошолъ къ Юды. Возми ету лошатку, снеси и повесь тамъ лоша*т*ку ету къ Юды". И тутъ я и розбудилсе. Вотъ я и росказалъ сонъ своимъ родителямъ. Я далъ обещание: есле бы у мня нашлась лошать, то я бы купилъ изображение лошади и снесъ бы, повесилъ бы къ Юды. Потомъ на завтрешной день я слышу, мне говорятъ: „Каки-то кони вышли на Келцемгору". Я пошолъ скорее и пришолъ на Келцомгору. Мне говоритъ некто Иванъ Мироновъ. Онъ говоритъ: „Я былъ на Юромскомъ. Сходи, тамъ объевлялъ крестьянинъ, Шилявы,* Василья Ильица сынъ, что онъ поймалъ кобылу карюю с чигой, и на нижной губы бородавка". Я скорее пошолъ, и пришолъ к нимъ, и увиделъ кобылу, кобыла моя. Етотъ сынъ Васильевъ говоритъ мне: „Твою кобылу гонитъ волкъ в домашную сторону и выгналъ в деревню. Мы в деревни поймали твою кобылу, и вот возми ее". Я поблагодарилъ его и прославилъ Господа Бога и етому Юды Трофимовицу исполнилъ обещание».

ВИДЕНИЯ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

ВИДЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА СЕМИОНА ФЕДОТОВА

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЪ ОДНИМЪ РУССКИМЪ КРЕСТЬЯНИНОМЪ

Крестьянинъ Семионъ Федотовъ, имѣвший отъ рождения 25 лѣтъ и женатый на крестьянкѣ Аннѣ Ивановой, 1788 году* поутру, въ самое заговенье предъ Рождественскимъ постомъ* поѣхалъ въ лѣсъ за нарубленными дровами. И, наклавъ тяжелый возъ, возвращался домой, но на дурномъ мѣстѣ дороги, хотевши поддержать свой возъ, падениемъ онаго такъ сильно былъ ушибенъ, что оба бедра его совсѣмъ были раздавлены, спинная кость свихнута и одна нога вывернута, и онъ безъ памяти привезенъ былъ домой товарищами. Въ сей тяжкой болѣзни могъ онъ съ помощию привязаннаго къ потолку пояса поворачивать только грудь, ноги же и спину поворачивали другия. Въ такомъ положении лежалъ онъ 7 недѣль. Четверо таскали его въ печь и парили, однако безъ пользы, мазали потомъ мозжевеловымъ масломъ. И присланъ былъ цирульникъ, чтобы пустить кровь. Но больной на это не хотѣлъ согласиться, говоря, что пускание крови ему не поможетъ. Послѣ того, хотя онъ и могъ таскаться на костыляхъ, однако все не владѣлъ ногами и былъ весьма слабъ. Управитель послалъ его въ городъ к лѣкарю, который, осмотревъ переломленную ногу и найдя ее заросшею хрящемъ, а спинную кость поврежденную, отказался лѣчить и рѣшительно объявилъ ему, что онъ никогда не будетъ имѣть ноги и спины премыми. Во время сей болѣзни жена, наскучивъ имъ, хотѣла было отравить его, но по здѣланому на нее доносу сама въ томъ призналась, была дома наказана и отъ мужа прощена.

Въ самое масличное заговѣнье* на заутрени, то есть на росвѣтѣ, или, по-крестьянски, въ поддымки,* сдѣлалось ему крайне тяжело. Онъ почувствовалъ во всѣмъ тѣлѣ такое разслабление, что не могъ двинуть палцемъ. Скоро потомъ онъ увидѣлъ на лѣвой сторонѣ въ головахъ у себя двухъ юношей, ростомъ съ семилѣтнихъ дѣтей, въ длинныхъ платьяхъ, такъ сияющихъ, какъ лучь солнечный. Но что было у нихъ на головахъ, того не примѣтилъ. Лица ихъ были прекраснейшия, а сами безъ крыльевъ. Сии юноши стояли, ничего не говоря, только миловидно на него глядѣли. Больной испугался и почелъ въ мысли своей, что приходитъ его конецъ. Онъ сказалъ отцу своему: «Батюшка! Ступай скорѣе

по священника причастить меня, кончина моя пришла, и застанешь, либо нѣтъ!» Отецъ, усмотря его слабость, спрашивалъ у него, что съ нимъ. Но онъ уже не могъ отвѣчать и остался безъ языка.

Когда отецъ поспѣшилъ отправится за священникомъ, тогда два сказанные юноши, взявъ больнаго подъ обѣ руки, повели его, казалось, вонъ изъ избы. Онъ видѣлъ себя точно такъ, какъ былъ, то есть въ одной рубашкѣ и съ крюченною ногою. Въ то же время показался ему обыкновенный ясный дневный свѣтъ. Но потомъ, чрезъ минуту, перешелъ онъ къ Вѣчному дому, гдѣ уже свѣтъ былъ гораздо ярче. На семъ краткомъ пути въ лѣвой сторонѣ юноши показали ему мытарей, кои стояли по два, одни другихъ повыше, числомъ около 20-ти, какъ бы на лѣстницѣ.* Юноши сказали ему: «Тут мы водимъ души грѣшныя, которыхъ сии мытари у насъ отбиваютъ. Такъ что у иной души грѣшной к намъ неможно стоять: Царя Небеснаго прогнѣваемъ». Мытари показались ему въ человѣческомъ видѣ, съ ужасными и безобразными лицами и съ рогами, и были столь страшны, что, по его словамъ, естли бы увидѣлъ ихъ кто здѣсь живущий, то въ то же бы мгновение отъ страха умеръ.

Сей Вѣчный домъ почитается храмомъ Божиимъ. Повыше надъ нимъ великое сияние и многия вѣчныя пресвѣтлыя жилища. Возлѣ сего храма множество гуляющихъ въ рясахъ Божиихъ зеленаго цвѣта. Они питаются благовониемъ воздуха, который называется тамъ благодатию Духа Святаго. Столь тамъ радостно, какъ здѣсь у обѣдни въ Свѣтлое воскресенье. Юноши показали ему священника, которой гулялъ возлѣ храма. На немъ были обыкновенныя священническия одежды золотаго цвѣта съ разными или со всякими цвѣтами. Священникъ сей былъ старъ, съ русою бородою. О семъ священникѣ сказали ему, что онъ совершаетъ службу въ храмѣ Господнемъ всякое воскресенье и что всѣ тамъ живущия ходятъ къ службѣ. Храмъ Господень, внутрь котораго онъ не былъ введенъ, былъ великаго пространства и вышиною подобенъ здѣшнимъ церквамъ. На немъ стоялъ крестъ. На правой сторонѣ храма видѣлось вышеупомянутое великое сияние, о коемъ онъ не знаетъ, что оно такое. Въ лѣвой же сторонѣ храма, пониже, былъ садъ безъ ограды, в немъ находились младенцы крещеные. Юноши сказали: «Здѣсь младенцы крещеныя до 7-милѣтняго возраста. Имъ тутъ быть опредѣлено». Ниже сего мѣста былъ садъ же, но потемнѣе, въ немъ живутъ некрещенные младенцы.* На окружающихъ сии мѣста лугахъ гуляютъ многие, между коими самъ-пятъ нѣкоторый петербургской господинъ, прочие четверо — его бывшие слуги. О семъ господинѣ юноши сказали ему, что они всѣ пятеро, согласясь, постились, ѣли одинъ хлѣбъ, носили власяницы, а въ обуви ежевую кожу и въ полтора года получили здѣсь покой. Они вмѣстѣ умерли тому полтараста уже лѣтъ.

Потомъ повели его въънизъ, ниже мѣста некрещеныхъ младенцевъ, въ Сумрачное Царство, гдѣ такой свѣтъ, какъ по захождении солнца бываетъ здѣсь въ сумрачной день. Тамъ всѣ лѣжатъ на лугу; въ чемъ одѣты — не знаетъ. Имъ

нѣтъ муки, нѣтъ и свѣта, только ходятъ по воскресеньямъ молиться, и куда — ему не показано. Тутъ же есть разноцвѣтныя огни и что-то кипящее, о чемъ ему сказано такъ: «Здѣсь нѣкоторыя безъ муки, другия же въ мукѣ».

Чрезъ это Сумрачное Царство привели его къ огненной рѣкѣ. Она такъ широка, что другаго ея берега не видно. Огонь сей рѣки, сказывалъ онъ, какъ будто глядитъ на человѣка и подобенъ обыкновенному печному огню, только очень жарокъ. И нельзя, по его словамъ, на версту къ нему подойти: онъ чувствовалъ, что ему жарко было. Юноши при этомъ сказали ему: «Нельзя ближе подойти, ибо, де, хотя мы и ангелы, но сего огня боимся и не можемъ въ немъ помогать грѣшному, страшась гнѣва Божия». Въ огненной сей рѣкѣ указали чернокнижниковъ, ростовщиковъ, убийцъ, однако жъ крещеныя находились отдѣльно отъ некрещеныхъ. Тамъ ему показывали также цыгановъ, кои яко душегубцы мучатся. Тѣ, которыя стоятъ по шею въ огнѣ семъ, ужасными голосами вопиютъ: «Истинный Владыка, Царь Небесный! Долго ли маяться?» Тѣхъ же, кои на днѣ глубоко находятся, совсѣмъ не слышно. Тамъ и самоубийцы. Ему сказано: «Напрасно говорятъ сии слова: потребимъ душу. Душа не потребляется, не убивается, а потребляется только тѣло. Душа же, гдѣ бы ни умеръ человѣкъ, будетъ здѣсь, за Сумрачны*м* Царствомъ».

Къ огненной рѣкѣ стоитъ великий железный тынъ, къ которому свѣтъ приходитъ въ отсвѣчиванияхъ огня сей рѣки. Тутъ люди безпрестанно подымаютъ одинъ конецъ сего тына, между тѣмъ какъ другой опять упадаетъ. При нихъ находятся другия, которымъ легче сихъ работниковъ. Они гоняютъ тѣхъ съ одного конца на другой, дабы подымали упадающий тынъ. Страждутъ же за одно слово: здѣсь бы мнѣ сладко въ богатствѣ и славѣ, а тамъ, де, мной хоть тынъ подопри. Отъ сей речи ангелъ углемъ чернеетъ, когда оную скажутъ. Съ сихъ работниковъ потъ льется, какъ кровь. Въ чемъ они одѣты, за великимъ разстояниемъ не могъ онъ видѣть. За рѣкою находится страна тьмы, гдѣ, сказано, живутъ люди, не наблюдавшии закона, которыя не почитали за грѣхъ совокупляться съ мачихою, сестрою и прочими.

Посемъ водители обратились назадъ, лѣвѣе, шли по другимъ уже мѣстамъ. И, перешедъ опять Сумрачное Царство, показали между онымъ и раемъ, или Царствомъ Небеснымъ, страну, въ которой жесточайшая стужа. Тамъ издали видѣлъ онъ привязаннаго къ столбу человѣка въ одной рубахѣ, который дрожа кричитъ: «Господи! Озябъ я, издрогъ. Долго ли маяться?» Юноши сказали, что онъ страждетъ за то, что, бывши богатъ, гонялъ нищихъ и не давалъ имъ ничего. Видѣлъ еще нѣкоего крестьянина, за ребро повѣшеннаго за то, что, притворясь больным и подкупая выборныхъ,* два года не ходилъ съ прочими на работу, а по ночамъ свое домашнее дѣло отправлялъ. Онъ вопиетъ тоже: «Господи! Долго ли маяться?». Однако онъ не совсемъ виситъ, ибо поддержываетъ его сила милосердия. Тутъ ему приказано отъ юношей сказать людямъ: «Давайте милостыню! Скромная милостыня сияетъ паче солнца».

Потомъ опять привели въ Царство Небесное, гдѣ показали ему вдалекѣ одно небольшое каменное строение, и сказали: «Тутъ будутъ двое изъ вашего города: одинъ постарѣе, а другой въ твои лѣта. Тотъ, де, который постарѣе, умыслитъ изменить Божию слову, но Богъ по милосердию не допуститъ его до сего и лишитъ жизни въ то же время, когда онъ это задумаетъ. Сии двое изъ купечества и торгуютъ по правдѣ». Показали въ сторонѣ садъ Елисеевъ, въ которомъ будетъ по смерти бѣдный ему знакомый крестьянинъ Елисей, садовый работникъ.* Садъ Елисеевъ имѣетъ особое отъ райских луговъ и жилищь отдѣление. Въ немъ прекрасныя цвѣтущия деревья, невиданныя поющия птицы. Тамъ многия гуляютъ, но каковы и кто, за великимъ разстояниемъ онъ не знаетъ.

Потомъ показали садикъ, деревъ изъ 20-ти, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ лежитъ дѣвица П. округи, которая жила здѣсь 42 года. Показано еще приготовленное сидѣнье для двухъ крестьянъ, живущихъ на дорогѣ изъ В. въ ... (*sic!*), ибо живутъ правдою: что посѣютъ, то и ядятъ. Сказано при томъ, что они оба умрутъ въ 1789-м году въ Свѣтлое воскресенье, а если попросятъ Господа Бога, то за прежнюю ихъ доброту Господь имъ жизни прибавитъ. Привели къ паламъ невѣрнаго купца, то есть нехристианскаго вѣроисповѣдания, который выкупалъ невольниковъ изъ тюремъ, одѣвалъ нагихъ и питалъ нищихъ. Затѣмъ онъ видѣлъ трехъ маймистовъ,* въ рогожѣ гуляющихъ, видѣлъ молодую дѣвицу, съ тростию ходящую. Причемъ сказано, что она изъ города В. А за нею шли 4 крестьянина съ почтительнымъ видомъ. Она, говорили, напрядала въ годъ себѣ на 3 сарафана и на 3 рубашки, а прочее, что выробатывала трудами своими, тайно давала извѣстнымъ ей бѣднымъ, изъ коихъ сии 4 пришли съ нею въ рай. Они помнятъ добро, имъ здѣланное, и благодарятъ ее. Тамъ же видѣлъ онъ еще великое и прекрасное здание, которое строится для шестерыхъ въ М. живущихъ, изъ коихъ объ одномъ только крестьянинѣ сказано, что онъ подаетъ великую милостыню и что здание сие строятъ ему благословения и желания ему Царствия Небеснаго тѣхъ, кои отъ него принимаютъ. О прочихъ же 5-хъ, кто они таковы и за что тутъ будутъ, не сказано.

Потомъ опять было показано ему мѣсто, гдѣ на удивление другимъ поставленъ столбъ, ежевою шкурою до половины обитый, а внизу столба раскаленные гвозди. Это готовится крестьянину В. уѣзда, села К., или деревни, не знаетъ. Готовится за то, что онъ, питаясь съ семействомъ своимъ хорошею пищею, одной изъ 3-хъ невѣстокъ своихъ, которую не любитъ, даетъ оглодки и корки, а она плачетъ, благодаритъ Бога и никому не сказываетъ. Сей крестьянинъ по смерти приведенъ будетъ мимо мытарствъ прямо на сие мѣсто его муки. Тутъ же сидитъ женщина на креслахъ, и ее терзаютъ змѣи, ужи, ящерицы и лягушки за то, что, обѣщавшись быть дѣвицею, не соблюла обѣта и вышла замужъ. Еще какому-то неизвѣстному К. прикащику поставлено жилище.

Послѣ сего видѣлъ онъ 5-хъ человѣкъ, лежащихъ на постеляхъ подъ одѣялами. За то, что невинно казнены смертию, имъ можно лежать, но неможно ходить. Тутъ толковали ему о мудрости, ко вреду на землѣ употребляемой, по которой иныя чародѣйствуютъ, продаютъ такия хлѣбныя семена, кои въ два года приходятъ, а въ третий пропадаютъ, обманываютъ въ мѣрахъ. И что за это и за прочее бываетъ, для примѣра показали ему близъ страны некрещеныхъ младенцовъ женщину, на стулѣ горящую за то, что по ненависти первой удой коровы изжарила и вылила въ навозъ, отъчего корова изсохла и умерла. Причемъ сказано, что за мучение безсловесныхъ животныхъ много потерпятъ. Еще показанъ былъ крестьянинъ, который путалъ ноги чужихъ лошадей, для того чтобы ихъ тѣмъ портить и стирать щотки,* дабы къ ѣздѣ здѣлать неспособными. Онъ томился тѣмъ, что черепъ его стягивали конскими волосами.

Наконецъ, юноши ему говорили: «Рабъ Симеонъ! Скажи, чтобы не клеветали и не ябедничали, не перекрещивались,* чтобъ любили Бога и ближняго». Толковали также, что Господь хочетъ, чтобы всѣ шли въ рай, но нейдутъ сами, и что какъ скоро человѣкъ обратится на истинный путь и покается, то Господь покрываетъ тогда же грѣхи его, но что иные и каются, однако жъ въ покаянии лицемерятъ, отътого Господь и не приемлетъ покаяния. Далѣе толковали, чтобъ народъ о томъ не судилъ, какъ кто умираетъ, что о смерти человѣка ни ангелы не знаютъ, а вѣдаетъ о семъ одинъ Богъ, что Господь не радуется тому, когда люди идутъ во тьму, но прощаетъ скоро и убийцу обращающагося, что всѣ игры, которыя обыкновенно бываютъ въ великий праздникъ, не отъ Бога, но отъ диавола изобретены въ ругательство святости Божией, что Богъ не опредѣлилъ (не пишетъ народу) никому смерти ни отъ качелей, ни отъ пьянства, ни отъ самоубийства и что души умирающихъ отъ сего ввергаются прямо въ глубину огненной рѣки.

Потомъ повели его какъ будто подъ гору. Свѣтъ убавлялся и сдѣлался таковъ же, как нашъ. Они какъ бы съсунули его съ горы. Онъ почувствовалъ холодъ, какъ бы морозомъ его ошибло, опомнился въ самой обѣдъ, всталъ на ноги и здѣлался здоровъ. Спинныя кости и ноги стали совсемъ прямыми. Внутреннии глаза его открылись: онъ видѣлъ грѣшныхъ людей черными, какъ смоль, а на тѣхъ, кои лучшей жизни, — здоровый алый цвѣтъ. Тотъ священникъ, который съ благоговѣйными мыслями служитъ, свѣтелъ въ лицѣ, и слова его благоуханны, какъ малина, а грѣшный и не благоговейный черенъ и такъ какъ бы несъ великую на себѣ тяжесть. Онъ виделъ на торгу крестьянина, у котораго змѣй виситъ, какъ жерновъ, на шеѣ за то, что онъ обѣщался давать милостыню и давалъ, но пересталъ и впалъ въ скупость, послушавшись совѣта другихъ, которые говорили ему: «Что ты раздаешъ? Ты и самъ будешь нищий». Въ этомъ самъ онъ признавался ему, хотя Симеонъ и не сказывалъ, что онъ видитъ на немъ, а спросилъ только, отчего ему тяжело.

Ему не приказано сказывать о трехъ вещахъ, о коихъ говорить и думать онъ боится. И когда спрашивали, то онъ говоритъ, что и спрашивать о семъ грѣхъ. «Лучше, — говоритъ онъ, — дамъ я себя сжечь на кострѣ, лучше увижу отца моего и мать сожигаемыхъ, нежели скажу то, что мнѣ не велѣно сказывать. Да хотя бы я и захотѣлъ кому сказать о томъ, такъ языкъ у меня не поворотится и словъ не сыщу въ себѣ». Когда спрашивали у него, для чего онъ, увидевъ ангеловъ и подумавъ, что конецъ его пришелъ, не сказалъ отцу, что видитъ, то онъ отвѣчалъ: «Мнѣ дано было только то сказать, что я сказалъ. А прочее и хотѣлъ я сказать, но не могъ выговорить». Ангелы когда повели его, сказали ему, что они опять его приведутъ назадъ, показавши то, что Богъ открыть повелѣлъ. Также сказывалъ онъ: «У меня и понынѣ такая смѣлость говорить о томъ, что мнѣ приказано, что если бы и палашъ висѣлъ надъ моею шеею, я и тогда говорилъ бы безъ страха». Когда спросили его: «Скажи хотя это: тѣ три неизрекаемые вещи злыя ли или добрыя?», тогда онъ переменился въ лицѣ, робѣлъ и говорилъ: «Грѣхъ о нихъ и думать». Одинъ изъ его начальниковъ вскорѣ послѣ его выздоровления принуждалъ его сказать, какия то были вещи. Онъ, долго противившись, наконецъ сказалъ: «Изволь, быть такъ. Я тебѣ скажу о нихъ, но знай и вѣрь, что я и ты, какъ скоро я выговорю ихъ, умремъ въ ту же минуту». Это испугало спрашившаго, который, не желая такъ скоро умирать, оставилъ свое любопытство.

Когда происходило сие видѣние, тогда тѣло его лежало безъдыханно, безъ всякихъ знаковъ жизни трое сутокъ, оставалось только движение пальцовъ, а потому и медлили его погребать. Господинъ его находился тогда въ тѣхъ деревняхъ и, узнавъ о семъ, призывалъ къ себѣ крестьянина своего Симеона, распрашивалъ, но не хотѣлъ всего слушать, а отнесъ это ко бреду, бывающему въ горячкѣ, почему и велѣлъ пустить кровь изъ правой руки. Онъ, хотя и не хотелъ этаго, однако жъ долженъ былъ повиноваться. Это не лишило его упомянутаго зрѣния. Послѣ сего онъ, по свидѣтельству управителя тѣхъ деревень, жилъ упражняясь въ молитвѣ и почти всякую ночь ходя тайно на паперть церковную, отъстоящую отъ деревни въ полуторѣ вѣрстъ, куда бралъ съ собою товарища, молодаго крестьянина Конона. Но когда о томъ узнали, то ему стали препятствовать и даже гнать до того, что хотѣли отдать въ рекруты.

По совѣту родни, отца и матери, говорившихъ ему, чтобы онъ жилъ съ женою и не довелъ бы ее до распутства, онъ долго колебался самъ съ собою, наконецъ послушался ихъ и въ тотъ же день лишился духовнаго зрѣния, что случилось 1789 года въ августѣ мѣсяцѣ. Возчувствовалъ сию потерю, сожалелъ онъ о семъ и раскаявался, почиталъ великимъ грѣхомъ свой поступокъ и потому, согласившись съ упомянутымъ Конономъ, пошелъ въ октебрѣ мѣсяцѣ в лѣсъ, въ самое пустое мѣсто. Тамъ во рвѣ вырыли они себѣ пещеру. Съ ними былъ топоръ и заступъ, они нарубили деревъ и сдѣлали въ пещерѣ срубъ, гдѣ и жили три недѣли и 5 дней, упражняясь въ молитвѣ съ колѣноприклонениемъ. Пища

ихъ во все это время состояла въ льняной избойнѣ,* которую далъ имъ крестьянинъ, приѣзжавший въ лѣсъ за хворостомъ. Сверхъ того другой крестьянинъ далъ имъ 20 рѣпъ. Когда же ничего у нихъ не осталось, то они ѣли липовой листъ. Въ первые шесть дней пребывания въ сей избушкѣ слышали они надъ собою многихъ кузнецовъ, кующихъ железо съ великимъ стукомъ, чемъ крайне были испуганы. Во все сии 3 нѣдѣли выходили вонъ только три раза и, къ удивлению, не имѣли даже нужды въ тѣлесныхъ изверженияхъ. О всѣмъ этомъ Симеонъ не сказывалъ до тѣхъ поръ, пока услышалъ оное отъ управителя, который и приказалъ ему то подтвердить. Но и тогда просилъ, чтобы сего не писать, дабы не привести въ огласку. Конецъ и Богу нашему слава.

ВИДЕНИЕ ДЕВИЦЫ ПЕЛАГЕИ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИ, ТОТЕМСКАГО УЕЗДА, СЕЛА ВНУТРЕННАГО СУТОЧНОЕ ВИДЕНИЕ ДЕВИЦИ ПЕЛАГЕИ ИВАНОВНЫ ВЪ 1818-М ГОДУ, МЕСЕЦА МАРТА 2-ГО ДНЯ

Въ первое воскресенье святаго Великаго поста,* съ вечера на понеделникъ, легла я спать въ дому своемъ на полатяхъ и спала целые судки безобразно. Во сне увидела себя на месте незнаемомъ и необычномъ, где стоялъ домъ высокой, собою нехорошей. В него осмелилась възошла по леснице, едва въсходила. Вънутри его ничего нетъ, толко весма черно, ровно котелное дно или под овиномъ. Видела среди избы поставленъ железной столъ, а на немъ одинъ деревянной ковшъ с водою. Окончинъ нетъ во всехъ окнахъ. По улице шли салдаты къ востоку впередъ. Походя по избе недолго, вышла я вонъ обратно и зашла во дворъ, подобно кирпишному сараю. Видела тутъ разныя страшилища; видела людей, жгущихъ два пучка соломы: сожигали неизвеснаго человека. Устрашась, я бежала.

После очутилась на лугахъ обилныхъ и прекрасныхъ. Любуясь тутъ разнымъ цветамъ, ходя, искала себе дороги. Увидела тропочку, шла по ней въ надежде вытти къ какому ни есть селению. По дороге видела рощи изъретка, увидела тамъ дома преогромныя и прекрасныя и церквы, но не на земли, а висятъ какъ, но выше, на воздусехъ. Сама себе говорила: «Что же такое необычное место и удивителное? И спросить некого». Однако у одново дому былъ отъворенъ крылецъ. Тутъ увидела: умершая моя меншая сестра, то я спросила: «Сестрица, чей етотъ домъ?» Она мне говорила: «Домъ етотъ твой есть». Я възошла внутрь покоевъ, въ коимъ видъ весма хорошъ собою. Онъ продолговатъ, о трехъ окнахъ. Из него видно весма далеко. Увидела я на правой стороне, далеко къ востоку чрезъ рощи, церкви и дома пресветлые, какъ премножества солнце, сияю-

щия лучами светлыми. А на левой стороне въ отъдалности, къ западу восходитъ дымъ густой во множественномъ количестве. О семъ съпрашивала я свою сестру, но она не знаетъ.

Заглядывала я въ другие двери, увидела тамъ седящаго человека на окне, которой мне говорилъ, что «вамъ, всемъ сестрамъ, сряду построены горници». Сестра моя мне говорила: «Иди, сестрица, вонъ. Спроси у крылца стоящихъ подъ яблонью певчиехъ, наподобие дьяконовъ, одетыхъ въ белыхъ стихаряхъ,* съ книгами и кадилами, спроси о замужной сестре нашей болшой, где ее домъ находится». Я, пришедши къ певчимъ, поклонилася по повелению моей сестры, одново изъ нихъ называла Васильемъ. Сама тому не веря, спросила, чтобы не ошибилась: «Прошу васъ, батюшко, какъ васъ называютъ?» Онъ отъве*т*ствовалъ: «Такъ и называютъ, какъ ты говорила». Я ихъ просила: «Прошу покорно васъ, батюшки, покажите мне домъ болшей моей сестры замужней, где онъ находится». Они сказали: «Пожалуй, покажемъ». Повели назадъ миня на конецъ улици, и сестру мою меншую. И увидела домъ тамъ сестры болшей, онъ не очунь хорошъ, руки средней.

Все мы скоро поворотились назатъ, обратно. Трое певчиехъ и я на левой руке несли сестру свою меншую, коя показалась мне очунь мала. Шли дорогой, улицами и садами. Стречались со многими партиями са*л*датами, кои идутъ въ светлыхъ одеждахъ, въ золотыхъ галстукахъ и въ венцахъ на головахъ своихъ. Спрашивала я певчихъ: «Что они очунь хорошо сънаряжены, галстуки и венцы прекрасны и светлы?» Певчие мне отвечали, что они были *в* съраженияхъ убиты, для того идутъ въ венцахъ мимо сего места прямо в самой рай.

Съ сего времени и съ ихъ словъ очуствовавшись, я узнала, что нахожусь я на другомъ свете, а не на етомъ. Тогда спросила я певчихъ: «Батюшки мои, покажите мне роднаго брата моего, онъ такъже служилъ государю и померъ. Где ево домъ находится? Мне хочется желателно ево увидеть». «Здесь, — говорили певчие, — очунь далеко онъ. Да не знаемъ, пропустятъ ли тебя до него. Однако хотя бы хотела или не хотела, да пойдемъ». Повели миня; въ сихъ разъговорахъ пришли до реки, чрезъ кою переходили по мосту, где за рекой гора, высоты наивеличайшия. Тутъ въсходила я на нее, употребя великие труды. Правою рукою опиралась о землю, а на левой руке держала сестру свою. Кое-какъ въспялились на вершину оной горы. Распустили и навесили на миня седку, потому что видимыхъ мною светозарныхъ лучей безъ седки никакому человеку зреть неможно. Смотрила я съквозь ея.

И вели миня певчие улицами, и садами, и рощами до церкви, исъ коей вышелъ нашъ бывшей священникъ отецъ Григорий со крестомъ и съ Евангелиемъ. Онъ мне говорилъ: «Какимъ ты образомъ сюда пришла?» Я отвечала: «Миня певчие привели сюда». Онъ говорилъ п*ро* себе: «И мне бы не жить при сей церкве, да одинъ святой помолился и упросилъ за миня, за что миня сюда и привели. А тутъ бы мне быть тамъ, где ты видела выходитъ густой дымъ. Да, по-

жалуйсте, скажи моей попадье тогда, когда придешь домой, чтобы она не делала помочей* въ воскресенье, и никакие бы работы не работала, и не опивалася бы виномъ. Ибо и за пирушки-те такие не минут вечнаго наказания. Конь сей, котораго ты видишь, ходилъ и помогалъ ей, когда она жила благочестиво. А ныне, видно, она жить пременилася, что конь сей отсюда не отлучается и къ ней помогать пересталъ ходить. Однако мужа святаго, котораго я почиталъ в жизни своей, перенесъ онъ миня чрезъ все мытарства. Сказать словомъ: теперь мне здесь хорошо. Но и попадье моей здесь домъ былъ построенъ, но перемененъ за перемену ея жизни, что она стала жить непостоянно». Певчие миня торопили ити въпередъ, и я съвященникомъ своим простилася.

Перешли места несколко весма прекрасные. Стены града явилися чрезъмерно высокия и благолепныя. Врата града сияниемъ удивляли бъ здесь каждаго человека, что зрить на нихъ неможно. При вратахъ поставленъ образъ Спасителя нашего Иисуса Христа, къ сему повелено было мне приложится и пасть на землю. И я сие учинивши, а певчие читали молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ» трижды. Изънутри града отвечали: «Аминь! Буди имя Господне благословенно отныне и вовеки вековъ. Аминь!» Такъже и певчие отвечали: «Аминь».

Врата града отворили два мужа светолепные. И во вратахъ отворили седку обширнее прежние, и надели на миня, что безъ седки нелзя мне было видеть и стерпеть светозарныхъ лучей. И повелели мне въстать на ноги. Мужъ, блистающи светомъ, имъ говорилъ: «Для чего вы сюда привели девицу грешную? Ей здесь быть не надлежитъ». Певчие отвечали: «Ради сроственниковъ ея пропустить можно». Оной светозарной мужъ разъгнулъ книгу, въ коей вся деяния моя, дела, и словеса, и помышления ясно объявлены и показуются; хотя и не учившемуся писанию, все ясно познаетъ и уразумеетъ. Тутъ я и узнала, что хотя миня и привели на место светлое, но жить мне тутъ не приходится, но будетъ мне казнь и мучение по делом моимъ. Трое певчиехъ несли седку передо мною, чтобы мне лзя было итти по великолепному оному месту. Тамъ видела я души чистыя въ виде голубицъ, белейши снега, на местахъ златыхъ и прохладныхъ веселятся, мужей, и женъ, и детей малыхъ — сказать объ нихъ совершенно неможно, и подобия на земли нетъ.

Подымались мы въпередъ въ высоту и наконецъ достигли храма наивеличайшаго. Называли его соборомъ вечнаго блаженства, высота его человеку видеть неможно. Сказывали: ему конецъ тамъ, где престолъ Всевышняго Бога. Тутъ виделись с моимъ братомъ и радовались, которой находится во ономъ соборе. Онъ радовался о мне, но мало, потому что мне места нетъ сесть и остановится, что я темна.

Во оныхъ светозарныхъ местахъ видела я тамъ малыхъ детей, разделенныхъ на четыре части. Въ первой части — в ризахъ позлащенныхъ и съ крыльями; во второй части — в ризахъ сребрянныхъ, безъ крылья; въ третьей части —

безъ крыльевъ же, видом несветлы; въ четвертой части — темнообразные и съ крыльями же. Я певчихъ спросила: «Что они не в одномъ виде?» Мне они толковали, что златокрылые — души младенцевъ, умирающихъ воспою,* кои здесь сравнены съ мучениками и златотканно одеты, и даны имъ крылы. Сребровидные — души въ болезни умерли, первыхъ не достигнутъ. Третия часть — несветлыя, незаконнорожденныя, за невинность свою почтены местами светлыми, а они не достигли первыхъ. А темныя сии имеютъ и крылье — удушенныя своими матерми, ради своихъ матерей темны видъ имеютъ. А естьли когда матери ихъ въ совершенное покаяние принесутъ, тогда они позлащены будутъ, и достигнутъ воспою умирающихъ, и въ златотканные одежды облекутся.

Еще видела я тронъ посреде града. На не*м*ъ стояли три венца, светомъ сияюще, яко солнце. Спросила я певчихъ: «Батюшки мои, что ето за венцы очунь светлы?» Они отвечали: «Ето три венца, средней возложенъ будетъ на Матерь Божию, когда Судия приидетъ судити живыхъ и мертвыхъ; по правую руку — венецъ девице чистой и неоскверненной, а по левую руку — вдовице, которая чрезъ тритцать летъ не осквернила себя, ума своего, серца, ни души, ни тела своего». Въ сихъ разъговорахъ шли обратно, назадъ. Братъ мой провожалъ миня от собора до вратъ царскихъ, шолъ за нами, ступая по моимъ следамъ, чтобы то место освятить, где мои темные ноги и грешные становились. Все тамъ видела прекрасно и великолепно. Вышедши изъ воротъ града, тутъ съ братомъ простились.

Проходили мостами. Тамъ же видела человека, идущаго намъ въстречу, обложеннаго цепми железными, а видомъ весма страшнаго и очерненнаго, руки ево прикованы къ коленамъ. Я о немъ спросила: «Что за человекъ?» Певчие мне говорили, что онъ въ жизни своей былъ нездоровъ и часто боленъ, а исцеления не просилъ у Создателя своего, но ходилъ къ колдунамъ и волшебникамъ искать себе помощи — за то по смерти ево прикованъ былъ сими цепми къ самому аду. А ныне поминовениемъ по немъ вывели его изъ ада и ведутъ в си царские врата во градъ, где его раскуютъ и водворятъ после сего в одномъ месте.

Видела я: стоитъ столъ величайшей, на столе лежитъ хлебъ чистыя, около его стоятъ в ряду много женщинъ. Они от глада желаютъ насытится, съесть для установления алчбы своея, но не могутъ и нелзя, потому что у нихъ руки прикованы къ серцу и ноги къ полу, потому, глядя на хлебъ, плачутъ. Певчие мне говорили: «Они, живучи в мире, ласково принимали на словахъ странныхъ и друговъ своихъ, но лицемерно, а на серце своемъ не держали истинной любви и нищихъ не миловали, а самымъ деломъ не делали — за то и лишаются онаго хлеба с таковыми руками». Да после сего и многихъ таковыхъ я видела.

Вели мине мимо сего места; шли местами болотными, и зыбкими, и съмрадными, всякаго гада множествомъ преисполненно. Тутъ я узрела участь свою неизъбежную, мне означенную певчими за творение делъ моихъ в жизни моей. Доведена я была до ужаснаго и величайшаго рва, и въ длину онаго рву

конца невидимаго не имеющемуся. По оному протягнута цепь, наподобие связи железной, а на ней повешены человеки кулаками въ замокъ, коихъ сънизу дымъ густой покрываетъ. Видны толко у нихъ одни руки, которые поверхъ цепей. И въ ужасе человека распознать неможно. Изъо рва съ дымомъ выметываются искры съ треском силнымъ, от того шума ничего слышать неможно. На правой руке стоятъ безобразные демоны съ своими книгами, кои чинятъ допросы грешникамъ. Между рвомъ симъ — дорога въ три бруса шириною, и поперегъ рва накладены брусья, чрезъ кои должно намъ перехаживать.

Съхватили миня тутъ темныя демоны и бросили какъ бы по-нашему въ голбецъ.* Тутъ летела я безъ всякаго порядка; тутъ во ужасе болшемъ, какъ изъумленная, кричала я безъперерывно. Еще подъхватили миня во тме демоны темнообразные и колотили гвозья премножество въ голову мою, да и руки мои не знаю къ чему приковали, называли миня окаянною и непотребною. Я певчимъ молилась во всю силу. Мучение продолжалось, пока не отворили дверей. Отворя двери, певчие покадили миня, говоря злобнымъ, что «вы уже свое взяли, и ей мучимой быть не надлежитъ». По проговорению ихъ какъ бы некая сила невидимая вырвала миня оттуды, и руки мои ослабли, и все демоны от миня отстали. Я въ болшей ужасти не могла видеть и узнать, что делается. А за мною оттуда вылетелъ зми*й* крыластой и билъ миня по правой щеке безъ пощадения, какъ левъ рыкая* или волъ ревущи, вопль мой заглушалъ своимъ визгомъ и крикомъ. И я ничего тутъ не могла увидеть, а повсюду я искала себе защиты и не находила.

И взяли миня певчие, пришли на другое судное место, где я безъ оправдания, добрыхъ делъ у миня не было. Посаждена я была на горячей камень, и камнями въ миня бесы метали и били въ зубы мои, ибо неможно терпеть таковаго биени, но недолго, певчие кадя на миня, демоны и зми*й* отставали, и болезнь мне престала.

И достигнувъ третьяго места — по моему блудному делу. Волоса на мне загорелись и зъделались длинные до самой земли, опаляли все тело мое и распирали лице мое железными удици, темъ продолжалось мучение мое. А зми*й* с высоты съналету на миня нападалъ и бить в голову мою не переставалъ, какъ то неможно мне было от него оборонится и видеть места, по коему я шла въ безъпамятстве за певчими, кои миня не жалели, упрекали миня моими злыми делами и говорили: «Аще бы ты шла съ делами добрыми, то бъ передъ тобою катился клубъ огненной, отганялъ бы всехъ демоновъ, а не зми*й* крыластой». Какъ певчии покадили, и все демоны и мучение от миня отставало.

Потомъ на четвертомъ месте стретили насъ демоны и съхватили мине, еще не дошедшую, и бросили на огненную воробницу,* вертящуюся надъ бездною с дымомъ. И руки мое къ ней приковали, и оную со мной махали и досягали ровно до самова дна, что я со страсти не могла узнать и обратно назадъ выносили. Потомъ певчие въступили въ споръ великой съ безобразными, съняли миня

съ воробницы, говоря имъ, что «вамъ ваше все отдано, и более нетъ вамъ до нее дела». И я, какъ изумленная, кричала безъперерывно, не знала конца своему делу. Ужасъ смертелной находилъ на каждомъ шагу.

Певчие предъставали миня на пятое судное место, где я была удержана от демоновъ. Они миня уличали моими злыми делами, на вопросъ ихъ оправдания от миня не последовало. Почему удержали миня, и, объвивъ горячею проволокою, миня всю мучили, и гвозья съквось тело мое натыкали, и назадъ вырывали исъ тела, ругаяся надо мною. А змий тотъ, шумя надо мною, и билъ миня с полету сверху безъ пощады. А когда певчие кадилами миня окадили, тогда болезнь моя перестала, и проволока отпадала, и все изъчезало.

Тутъ я въ горести своей дошла до огня величайшаго, которой показываетъ видъ свой страшной и шумъ безъмерной. И ефиопы,* тутъ стоящие, хотели миня во оной въверзить, но певчие не допустили, предъставя за миня силные резоны, которыхъ бы мне не въздумать. Тутъ темнообразные рвали тело мое и кидали на огонь, а зми*й* хоботомъ длиннымъ билъ миня с полету, пока ему время позволило. Прошли огни, си*и* показанныя, доходили до котловъ, висящихъ на уголье огненномъ, шумящие трескъ и клокотъ котловъ кипящихъ. Тутъ серце мое от зрения окаменело, но, минувъ ево, певчие провели сквозь чрезъ огни.

Демоны скрежетали на миня зубами своими, съхватили миня и бросили на огненную машину. Къ ней была опущена лесница, и я, летевши с машины, упала на лесницу, где злобные демоны миня приковали. Певчие спорили обо мне съ ефиопами, утверждая, что «мы ее снимемъ и уведемъ в миръ обратно», что «она възята безовременно, не дождавшись своево конца определения». А те въ упорстве говорили: «Наша есть, наши дела делала». Попоже наконецъ певчие миня руками отвязали. Тогда они отступили, идучи обратно, что зми*й* за мной более не летелъ. Еще тутъ во огни видела я некоторыя души, лежащие на доскахъ или на вратахъ железныхъ, разъженныхъ, поливаемыхъ варомъ, яко бы изъ кувшина.* Когда демоны льютъ на нихъ, тогда те места белеютъ и они крикъ и голосъ свой удвояютъ, и ревутъ, и визгомъ самымъ ревя вопиютъ къ Богу, чтобъ судъ Свой сослалъ и милосердие.

Еще видела допросъ, исъ коихъ одну душу уличали демоны, что та гуляла, играла, веселилась и песни всегда пела. И не отвечала та душа имъ ничего, что она была неповинна. Говорили ей демоны, что «ты хотя сама и не все делала, но тутъ же стояла, слушала и серцемъ веселилась приятно, с таковыми же осуждаешися». Еще видела человека, а на немъ навешенъ онучъ* более воза черныхъ, долгихъ и волочащихся за нимъ боле сажени, которой приведенъ блиско рва и въ ровъ сверженъ со всемъ имениемъ.

Певчие мне говорили: «Ты поди в миръ, тамъ простись съвоею матерью и со всеми людми и покайся во всехъ грехахъ, принеси чистое раскаяние.* А если ты сего не учинишь, то скоро будешь прикована къ той же леснице, с которые мы тебя съняли. Да еще не вожена ты туду, где ваши гулбы и ярмонки.

Тутъ бы тебе не стерпеть, принуждено бы намъ тебя оставить». Я еще осмелилась съпросить певчиехъ: «Батюшки мои, умирающие въ пьянстве где находятся они?» Мне отвечали: «Они далеко, брошены на огненное колесо, которое имеетъ оборотъ свой безъпрестанно. И оттуда ни единъ не вынимается и с колеса не снимается».

И туть прошли мы все страшные места, и не увидела я никакой страсти. И в сихъ разъговорахъ с ними ровно бы дошла я до своего дому. И в него входила и пробудилась. На другой день къ вечеру серце мое от страсти болело немалое время.*

ВИДЕНИЕ СТАРЦА МАКАРИЯ

ВИДѢНИЕ СТАРЦА МАКАРЬЕВСКАГО 2-КЛАСНАГО МОНАСТЫРЯ* ИЕРОДИАКОНА МАКАРИЯ, ЧТО НЫНѢ ПЕРВОКЛАСНАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ* ИЕРОСХИМОНАХА МАРДАРИЯ*

Въ 1845 году,* когда жилъ еще въ Макарьевскомъ монастырѣ, я отчаянно хворалъ цѣлую зиму. Причина моей болѣзни — странное приключение. Въ началѣ зимы ночью мнѣ представилось, будто волжный разливъ воды былъ такъ великъ, что досягалъ оконъ моей келлии и вода чуть-чуть не влилась въ мою келлию, чего никогда не бывало.* Надобно сказать, что келлия моя была вверху корпуса окнами на Волгу, высоты от земли до оконъ полагается около 4 саженъ. Я былъ въ страхѣ и думал, какъ бы не потонуть мнѣ, съ минуты на минуту ожидалъ смерти извнѣ чрез окна.

Но, о Боже мой! Страшно вспомнить! Ужасъ смерти усилился и всего оковалъ меня при мгновенно появившемся еще болѣе ужасномъ прежняго видѣнии. Смерть уже была внутри моей келлии и грозила прекратить мою жизнь. Мнѣ представился силный пожаръ внутри келлии, стѣны которой всѣ объяты были великимъ пламенемъ. От силнаго страха я былъ внѣ себя и не зналъ, что дѣлать. Хотѣлъ было выпрыгнуть, не представляя невозможности, из окна, которое было за рѣшеткою, думая, что легче утонуть, нежели сгорѣть, а если будетъ угодно Богу, я какъ-нибудь спасусь и выплыву. Но вдругъ остановился, ибо увидѣлъ на разливѣ нѣсколько лодокъ съ людми, которыхъ началъ звать къ себѣ на помощь. Пловцы старались раза три подплыть къ окну келлии моей, но волны съ великою силою мгновенно отражали ихъ еще далѣе прежняго. Это, вѣрно, были недобрые пловцы, которые искони ищутъ души человѣка.* Огонь наполнилъ всю келлию такъ, что весь нутрь ея былъ огонь. Мнѣ стало нестерпимо горячо и душно, еще нѣсколько секундъ — и въ рукахъ смерти.

Не стерпѣвши жара огня, я бросился въ окно.* И что же!? О, лютая смерть мнѣ, грѣшнику! Голова моя по плеча увязла въ железной рѣшетки окна такъ, что мнѣ нельзя было не только поворотится, но и освободится. Въ такомъ-то висячемъ положении я почуствовалъ въ себѣ смертельную боль и от стеснения и огня. Пламя объяло до колѣнъ мои ноги — они горѣли. Я горько плакалъ и, силно крича, началъ звать къ себѣ на помощь. Иеромонахъ Мануилъ, живший въ сосѣдствѣ со мною, услыхалъ вопль и неистовый крикъ мой, вскорѣ подбѣжалъ къ двери моей келлии — она была заперта. Иеромонахъ сшибъ крючекъ и, взошедши, вынулъ меня чуть живаго из рѣшетки окна и положилъ на постель, какъ мертваго.

Утромъ, мало-помалу опомнившись, я не довѣрялъ самъ себѣ, что еще нахожусь въ живыхъ, но былъ уже силно нездоровъ. От испуга видѣннаго не только сердце, но и все тѣло мое дрожало. Осмотрѣлъ кругомъ себя въ келлии: все было цѣло и невредимо, и ни малѣйшихъ слѣдовъ огня не оказалось. Посмотрѣлъ въ окно на Волгу: все по-прежнему на своемъ мѣстѣ. Толко на мнѣ остались слѣды этаго страннаго и страшнаго видѣния. Голова была вся избита, шея изрѣзана, отчего я былъ весь въ крови, ноги обгорѣли и черныя, какъ уголь. От сего-то приключения я слегъ въ постель и был долго и силно нездоровъ.

Къ концу зимы болѣзнь до того усилилась, что нельзя было ни поворотится, ни приподнять головы. Дѣйствительно, я такъ былъ плохъ, что и вспомнить страшно, съ часу на часъ ожидалъ конца жизни. По моему желанию меня причастили Христовыхъ Таин и особоровали. Въ предсмертныхъ минутахъ, теряясь въ размышленияхъ о будущей жизни, мнѣ приходили страшныя мысли. Я, живя въ миру, служилъ при церкви святителя Николая,* а въ настоящее время въ монастырѣ преподобнаго Макария.* Что, думалъ я, жизнь моя, дѣла и служение угодны ли будутъ Богу и получу ли себѣ прощение грѣховъ или вмѣсто благоугождения болѣе прогнѣвлялъ Его и вверженъ буду въ геенский огнь?

Между тѣмъ болѣзнь все болѣе и болѣе разслабляла мое тѣло. И вотъ, когда слабость доходила до послѣднихъ границъ, а день склонялся къ вечеру, я замѣтилъ у противоположной стѣны келлии моей нѣсколько юношъ благолѣпныхъ въ бѣломъ свѣтломъ одѣянии, прекрасной наружности, съ серебристыми кудрявыми волосами. «Мы за тобой пришли, — сказали они, приближаясь ко мнѣ, — пойдемъ съ нами, намъ повелѣно нечто открыть тебѣ». Вдругъ я почуствовалъ, что от самаго нутря что-то выходило из гортани моей, и ощутително из меня вылѣтела небольшая птичка. Какъ это случилось, вѣдаетъ Богъ, — неудобопостижимо. Но въ видѣ вылѣтевшей птички был я самъ, мгновенно принявший обликъ, подобный образу небесныхъ небожителей, былъ я самъ, отдѣлившийся от тела, въ полномъ сознании, со всѣми чуствами, со свѣжими силами, здоровый, но без отчетнаго понятия самаго себя и случившагося.

Благовидные юноши вывели меня из келлии моей и повели монастырскими переходами. Вдругъ на пути семъ явился предъ нами страшный звѣрь, на-

подобие собаки, который препятствовалъ мнѣ идти за моими путеводителями. Но я на нихъ надѣялся, думая, что они, сохранивъ, проведутъ меня мимо етаго сквернаго звѣря. Аггелы, угадавъ мою мысль, сказали: «Что намъ до тебя? Какъ самъ хочешь, съ нимъ дѣлайся. Мы тебя не можемъ провести». И оставили меня. Я, безъпомощный, началъ силнѣе страшится и скорбѣть, находясь въ такой опасности. Въ сию минуту предсталъ предо мною на помощь преподобный Макарий съ посохомъ въ рукѣ. Онъ, вѣроятно, пришелъ посѣтить свою пещеру, въ которой нѣкогда спасался. Видя меня въ опасности, устремился на звѣря и началъ бить его своимъ жезломъ такъ силно, что онъ наконецъ сдѣлался бездыханнымъ. Вскорѣ послѣ сего прилѣтели два великие ворона, которые, забивъ острые клювы и въпустивъ длинные когти свои въ трупъ, понесли его по воздуху и скоро скрылись из гласъ нашихъ. Аггелы опять заступили мѣсто избавителя, преподобнаго Макария, который сказавъ: «Я съ тобою опять увижусь» — и удалился въ горний миръ, свое жилище.

Небесные спутники повели меня на ночь въ западную страну, вели долго такъ, что я замѣтилъ: становилось уже темнѣе. Наконецъ подошли къ какому-то строению, ветхому, почерневшему от неопрятности. В срединѣ, какъ бы особо, стоялъ одинъ домъ въ нѣсколько етажей, по величинѣ отличавшийся от прочихъ. Сопутники почему-то въ этотъ домъ меня не сводили, хотя и желалось побывать мнѣ въ немъ. Надо полагать, что етотъ домъ былъ наполненъ грѣшниками, которые въ жизни своей прогнѣвляли Бога. Мы пришли въ небольшой домикъ, закоптелый, смрадный, грязный, вонючий, преисполненный всякою нечистотою до отвратительности. Во mракѣ на полу вдоль стѣнъ сидѣли женщины съ страшными лицами, оборванныя, истерзанныя, они жалобно стонали и проклинали дни злосчастной своей жизни. Среди стѣны устроены родъ подмостковъ, на нихъ лежали младенцы — черные, как уголь. Будучи небольшаго росту, младенцы съ виду казались примѣрно лѣтъ 30. При входѣ въ этотъ полный несчастными жертвами домъ въ рукѣ у меня появился крестъ деревянный, от котораго исходило такое сияние, что весь домъ ярко освѣтился. Но меня содрагал и ужасалъ укоризненный вопль младенцевъ. «Вы сами были нашими злодѣями, — вопияли они, — вы сами, какъ змия ехидны, погрызли насъ и отчуждили от уготованнаго намъ райскаго жилища». Среди прочихъ я узналъ одну знакомую мнѣ макарьевскую женщину.* Над головою ея лежали три младенца и подобно прочимъ вопияли на матерь.[1] «Что это за женщины

[1] Въпослѣдствии времени я долго отискивалъ видѣнную съ тремя младенцами женщину. Когда же отискалъ, со слезами упрашивалъ ее, чтобы раскрыла предо мною свою душу. «До замужества моего, — говорила она мнѣ, — я имѣла троихъ дѣтей незаконнорожденныхъ. Долго придумывала, куда бы ихъ збыть съ рукъ. Но кто-то научилъ, чтобы я въ самую полночь истопила баню и тамъ сдѣлала извѣстное чародѣйство. Я восползовалась этимъ злымъ совѣтомъ, истопила и здѣлала какъ нужно. От того ихъ нѣтъ — не могу увѣрять, но дѣтей не стало». По выслушании признания я обличилъ ее судомъ Божиимъ

съ младенцами?» — въ недоумѣнии спросилъ я аггеловъ. «Ето тѣ злыя женщины и безбожныя матери, — отвѣчали они, — которыя, чтобы скрыть от людей прелюбодѣйный грѣхъ, отравляли незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ и умерщвляли несчастныхъ без совершения надъ ними христианскаго таинства крещения. И вотъ, какъ незаконный, нечистый и скверный плодъ, не омытый водою таинства, они праведнымъ Судиею осуждены на вѣчное мучение вмѣстѣ съ матерями своими».

Путеводители повели меня дальше. Намъ пришлось проходить между двухъ грудъ, родъ хлѣбныхъ вороховъ, прогнилыхъ и черныхъ на видъ. «Это, — сказали аггелы, — хлѣбъ тѣхъ скупыхъ продавцевъ, кои во время голода продавали его по дорогой цѣнѣ и кромѣ того продавали съ обманомъ, съ лукавствомъ, примѣшивая въ мукѣ песокъ, землю и прочее».

Потомъ небесные спутники привели меня къ озеру. Въ видѣ тонкаго дыма от озера отдѣлялся вонючий смрадъ, а вода пропитана червями и подобными отвратительными насѣкомыми. Подходя ближе къ озеру, я сталъ замѣчать, что из него выметывались, какъ рыба въ рѣкѣ при тихой погодѣ, человѣческие члены: то руки покажутся, то ноги, случалось, выныривало до половины человѣческое тѣло. Меня ужасало видѣнное. Аггелы на мой вопросъ объ участи и причинѣ наказания сихъ несчастных сказали, что ето христиане, состоящие въ сектѣ перекрещенцемъ.*

Мы шли еще дальше. Вдали я замѣтилъ густой дымъ, столбомъ клубившийся высоко по воздуху. Подошли ближе. Въ землѣ замѣтилъ отверстие, из котораго и выходилъ дымъ. Жерло имѣло странную форму: оно походило на великий глазъ, что самое приблизително изображается на картинахъ. «А ето что такое?», — заслышавъ выходящие оттуда стоны человѣческие, въ ужасѣ спросил я аггеловъ. «Здѣсь адъ, — они отвѣчали мнѣ, — здѣсь мѣсто мучения нераскаянныхъ грѣшниковъ, оскорблявшихъ Бога неисполнениемъ Его святыхъ заповѣдей и прогнѣвлявшихъ Его величие своими неправдами. Въ продолжение своей жизни они были неплоднымъ древомъ, которое, будучи посѣчено, вмѣтается здѣсь въ етотъ огонь.* Живя на землѣ, имъ не хотѣлось жить такъ, какъ заповѣдалъ Спаситель. Но жили такъ, какъ внушалъ имъ лукавый врагъ, не размышляли о Царствѣ Небесномъ и етомъ адѣ, не хотѣли помнить словъ, имѣющихъ изрѣчься на грѣшниковъ: „Отидите от Мене, проклятии, во огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггеломъ его".* И вотъ, теперь страждутъ во пламени семъ».

Оттуда начался другой путь. Аггелы обратились къ востоку, куда и повели меня. Шли долго. Но вотъ показался народъ въ такомъ количествѣ, что смотрѣть страшно. Они составляли из себя двѣ стороны, противоположныхъ одна другой. Всѣ шли по пути намъ — къ востоку же. По лѣвую от насъ руку

и расположилъ къ очищению ея от сего смертнаго грѣха чрез покаяние, усильныя молитвы и другия богоугодныя дѣла.

шли успѣшно, без давки и замѣшательства, по одному направлению. Напротивъ было с правой: эти люди и шли, и падали, опять вставали, опять пытались идти и снова тѣснясь спотыкались, снова падали, подавляя другъ друга. Видя безсилие и отталкивающую ихъ силу идти вмѣстѣ съ людми, что на противоположной сторонѣ, одни из нихъ отставали, иные обращались въ южную сторону, а иные бродили зря, без правилнаго и цѣлнаго направления. «Вотъ христиане, приближающиеся къ Царствию Небесному за молитвы, приносимыя о нихъ Богу православною церковию. По смерти они не имѣли столко достойныхъ дѣлъ, чтобы вполнѣ получить от Судии оправдание на частном судѣ. Но молитвы и Безкровная Жертва, выну приносимая за нихъ церковию, смотри, какъ успѣшно подводитъ ихъ къ назначенному мѣсту вѣчнаго покоя. А вотъ ети, что въ правой рукѣ, люди из идолопоклонниковъ, магометанъ и другихъ исповѣданий языческихъ. Они желали бы идти вмѣстѣ съ христианами, но не могутъ, будучи безсилны, ниоткуда не получая себѣ помощи». Этотъ народъ, обѣихъ сторонъ, и мы шли по воздуху, но его путь былъ ниже нашего, и потому намъ смотрѣть на него было весьма удобно. Число идущихъ превышало всякую цыфру, зрѣние терялось въ пространствѣ, занятомъ идущими.

Въ противоположность ужасныхъ и страшныхъ видѣний очамъ моимъ представилось зрѣлище новое, умилителное и прекрасное. Вдали я замѣтил церковь неописаннаго вѣликолѣпия и красоты, расположенную среди прекраснаго града, чуднаго по строению и обширности. Преждѣ отвѣта аггеловъ сердце шептало мнѣ, что ето рай, и я не ошибся. Боже мой! Что я тогда чуствовалъ! Мысль, тяготившая при усилной болѣзни, снова начинала развиватся. Я опять сталъ размышлять: проститъ ли мнѣ Господь грѣхи мои и получу ли пропускъ въ сие райское жилище. «Умоляю васъ, служители Господни, введите меня въ оный горний градъ, во Иерусалимъ небесный. Я великий грѣшникъ, но вы имѣете силу предстательствовать обо мнѣ». — «Иди за нами», — въ утѣшение сказали мнѣ аггелы. И вотъ мы очутились среди церкви. Ея красоту и великолѣпие языкъ мой изрещи не можетъ. Но въ общемъ планѣ храмъ имѣлъ сходство съ нашими церквами: таковые олтарь и трапеза, олтарь, отдѣленный, какъ въ нашихъ церквахъ, иконостасомъ съ образами Спасителя и Богородицы. Образовъ другихъ святыхъ я не замѣтилъ, а только однѣ иконы явленныя Богоматери Владимирской, Казанской, Иверской* и другие. Пред каждымъ образомъ висѣли лампадки съ горящимъ елеемъ. Царския врата были отверсты, но завѣсы въ нихъ не было. Вмѣсто царскихъ вратъ запрестолное мѣсто было за завѣсой, во всю длину которой былъ изображенъ крестъ. Въ олтарѣ помѣщались служащие священники и диаконы, крестообразно опоясанные ораремъ,* нѣкоторые из нихъ имѣли крылья. Самый храмъ былъ полонъ народа — и мужщинъ, и женщинъ — со свѣщами въ рукахъ, а у иныхъ сосуды съ елеемъ, но у всѣх без огня. Вскорѣ по моемъ приходѣ началось богослужение, имѣющее сходство съ нашей вечерней. Помню, что пѣли среди кафизмъ* «Аллилуйа», потомъ стихиры*

и «Свѣте тихий».* Но многое совершалось и пѣлось новое и неудобопонятное для меня. Совершалось и каждение храма особаго рода нѣкимъ благовоннымъ фимиамомъ.

Потомъ водворилось глубокое молчание, и всѣ предстоящие какъ бы готовились къ чему-то необычайному. Не долго длилось молчание. От необыкновенной вѣсти все приняло другой видъ. «Царица Небесная грядетъ», — провозглашалъ нѣкто громко. Съ этимъ словом всѣ бывшие въ храмѣ встрепенулись, свѣчи и елей зажглись мгновенно въ руках каждаго. Сводъ церковный раступился, и на небѣ показалось молниеносное сияние, оттѣнокъ какого имѣетъ въ ночное время зарево от великаго пожара. И вотъ, за престоломъ на горнем мѣстѣ явилась честнѣйшая и славнѣйшая без сравнения серафимъ* Владычица наша Пресвятая Богородица Приснодева Мария, заступница и ходатаица рода христианскаго, сопровождаемая апостолами Петромъ, Иоанномъ* и многими другими святыми. Она была лѣтъ 16 или 15, въ томъ возрастѣ, въ которомъ Христа Спасителя намъ родила. Красота Ея, красота паче дщерей земныхъ, ослѣпляла очи мои, и слова Ея, яко самой сущей Матери Божией, потрясали духъ мой. Она была въ образѣ монахини, въ темно-малиновой мантии, надъ покровомъ главы Ея — неболшая карона съ водруженнымъ наверху крестикомъ. Карона от камней вся такъ и горѣла. Съ появлениемъ въ церкви Богоматери вправо от царскихъ вратъ въверху иконостаса запѣли: «О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь».* Царица Небесная от горняго мѣста проходила до западныхъ вратъ церкви. Пред Нею двое, предшествуемые нѣсколкими свѣщами и кадилами, несли на блюдѣ четвероуголныя хлѣбы съ обрѣзными краями и крестообразно перерезанными въ срединѣ. На краяхъ блюда звѣзды блестели, будто звѣзды на небѣ. По выходѣ из церкви Богоматери вся небесная процессия скрылась из виду, и въ церкви снова водворилось молчание и глубокая тишина.

Сътоя въ восхищении, я слушалъ аггельские гласы поющихъ: «О Тебѣ радуется». Ахъ, какъ сладко слушать ихъ! Сердце мое растаявало. Того нелзя было понять, гдѣ именно поют и во сколько примѣрно голосовъ. Нельзя также было замѣтить такого раздѣления, какъ въ нашихъ пѣвческихъ хорахъ, кто бы пѣлъ дышкантомъ* и другим голосомъ. Но то были небесныя звуки, полные превыспренней мелодии. То была одна цѣлная небесная гармония, не условливающаяся физическими законами организма и слуха. То были гласы звучные, нѣжные, стройные, кои у престола Божия славословятъ немолчно, воспѣвая Святѣйшему святыхъ пѣснь свою: «Свять, Свять, Свять» и «Аллилуйа».* Эти гласы и здѣсь, въ церкви, воспѣвали Благодатную и вѣщали Ей радость свою и рода человѣческаго.

Прошло нѣсколько времени, снова возвѣстили, что Царица Небесная грядетъ. И точно: съ прежними сопровождавшими Ея апостолами Петромъ и Иоанномъ Она вошла въ церковь. Надъ главою Ея я замѣтилъ небольшаго размѣра вѣнецъ, лучи коего были такъ ярки, что нельзя ихъ сравнить или уподо-

бить солнцу. Этотъ свѣтъ ослѣпилъ мои взоры, и я не могъ разсмотрѣть, кто вѣнецъ сей поддерживалъ. Но что-то, близъ вѣнца, казалось мнѣ наподобие тонкой сѣни легкаго облака. Въпереди Ея несли тѣ же лица упомянутые хлѣбы, только съзади шли новые люди. По обѣ стороны къ поламъ мантии Богоматери излегка прикасались двое монаховъ и шли въслѣдъ за Нею. За монаховъ таким же образомъ держались другие — из мирянъ, за тѣхъ — третьи. И по обѣимъ сторонамъ держащихся другъ за друга было человѣкъ по 15. Божия Матерь[1] еще прошла всю церковь и удалилась со всѣми предшествующими и провождающими Ее къ горнему мѣсту олтаря, а оттуда вознеслась на небо. «Здѣсь, — сказали мнѣ аггелы, — второе небо, гдѣ истинные христиане находятся въ ожидании себѣ полной награды до времени втораго пришествия Христова».

Ко мнѣ подошли величественной наружности двое старцевъ: святитель Николай и преподобный Макарий. «Царица Небесная, — сказалъ святитель Николай, — умолила Сына и Бога Своего о твоихъ грѣхахъ. Успокойся и возвратись къ прежнему мѣсту твоего жилища». Исполненный радости, въ благодар-

[1] Во время сего церемониалнаго шествия обратно въ церковь Пресвятыя Богородицы я стоялъ близъ царскихъ, на лѣвой сторонѣ, и замѣтилъ въ послѣдовавшихъ за святѣйшую святыхъ Девою и придерживавшихся за края Ея мантии одного знакомаго мнѣ макарьевскаго человѣка, одѣтаго въ простую одежду. Онъ скончался назадъ тому около 3 лѣтъ. Спустя нѣсколько времени я разыскалъ домъ его семейства и распросилъ о умершем, какой онъ былъ жизни. По ихъ расказамъ, онъ велъ жизнь благочестивую, былъ милостивъ къ бѣднымъ и сострадателенъ къ несчаснымъ. Я съ своей стороны расказалъ причину моего любопытства — вышеписанное видѣние. Всѣ слушающие начали сомнѣватся въ расказанномъ мною и, чтобы выйти из сомнѣния, спросили меня, въ какой я видѣлъ его одеждѣ. Я расказалъ примѣты его одежды. Тутъ всѣ домашние стали говорить, что онъ положенъ былъ во гробѣ не въ такой одеждѣ, какую я видѣлъ на немъ. А посему начали подозрѣвать меня во лжи. Но мое видѣние само собою оправдалось. Жена етаго покойника вдругъ вспомнила одно изъ случаевъ его жизни и расказала при всѣхъ такъ: «Точно, у моего покойнаго мужа былъ подобный видѣнному тобою кавтанъ, который онъ отдалъ одному неизвѣстному и странному нищему. Это было такъ. Въ лѣтнюю пору, — говорила она, — по своей надобности мужъ мой ѣздилъ въ г. Княгининъ.* На возвратномъ оттуда пути внезапно встретилъ его на дорогѣ полунагий въ изодраной рубашкѣ нищий, который началъ просить у покойнаго милостини. Мужъ мой, ничего при себѣ не имѣя, хотя и съ жалостию, но отказалъ этому бѣдняку и поспѣшилъ къ дому, далеко оставив его, наконецъ совершенно потерялъ его из вида. Чрез нѣсколько минутъ прытко бѣжавшая лошадь вдругъ остановилась. И что же?! Мужъ мой опять, во второй разъ, видитъ етаго дряхлаго старичка на дорогѣ, стоящаго уже на колѣнахъ и усилно, съ простертыми руками просящаго у него хотя малѣйшую толичку чего-нибудь. Мужъ мой содрогнулся, но въ этотъ раз также отказалъ ему и, оставивъ его, спѣша, погналъ прытко свою лошадь. Но, о чудо! Этотъ дивный нищий и въ третий разъ, Богъ вѣсть какъ опередивъ мужа, предсталъ пред нимъ и усилнѣе прежнихъ двухъ разъ началъ просить чего-нибудь, стоя на колѣнахъ, со слезами на глазахъ, съ простертыми руками и умолялъ подать что-нибудь своимъ хриплымъ и томнымъ голосомъ. Мужъ мой вспомнилъ, что сидѣлъ на кавтанѣ, взявъ его, отдалъ сему дивному и неизвѣстному старичку. И какое чудо! Нищий сталъ невидимъ. Куда скрылся, Богъ вѣсть». И такъ разказъ мой оправдала жена покойнаго, мною видѣннаго грядущимъ за Девою, и всѣ ея семейныя и я самъ возблагодарили Бога.

ныхъ слезах, я умолялъ сихъ святыхъ и спутниковъ моихъ, аггелов Господнихъ, оставить меня тамъ навсегда. «Этому быть невозможно, — отвѣчали они мнѣ, — для етого не пришло еще время. Тебѣ нужно жить на землѣ для спасений братий нашихъ. А въ награду и утѣшение твое ко днямъ жития твоего Господь прибавил еще 15 лѣтъ. Поди же и молись!»

Аггелы несли меня по воздуху, и я скоро очутился въ своей келлии, гдѣ лежало бездыханное мое тѣло. Кто бы могъ представить, сколь гнусно, сколь отвратителною казалась тогда плоть моя! Нѣсколько раз отворачивался я от моего бреннаго праха и молилъ аггеловъ избавить меня от тѣла смерти сея. Но ихъ слова были непреложны. И я очутился въ томъ тѣлѣ, въ котором за нѣсколько часовъ, болный, въ предсмертныхъ минутахъ, ожидалъ себѣ смерти. Теперь — здоровый, съ крѣпкими силами.

На другой день я былъ совершенно здоровъ. Когда братия монастыря увидѣли меня въ легкой одеждѣ, шедшаго къ божественной службѣ, до крайности всѣ удивились. Самъ архимандритъ* за непременное счелъ распросить меня о неожиданном моемъ выздоровлении, какъ было дѣло. Я расказалъ ему и благодарилъ Бога, дивнаго въ чудесѣхъ Своихъ.

Раз ко мнѣ пришла старшая родная сестра моя. Въ бѣсѣдѣ между прочимъ я расказалъ ей описанное видѣние. Но кто без слабостей? Иногда еже не хощу, си содѣваю!* Я расказалъ было то, что заповѣдано было молчать. Едва раскрыл уста, началъ разговоръ, неудобопонятно какъ из передняго угла появился человѣкъ въ длинномъ полукафтанье, съ грознымъ видомъ и съ обнаженнымъ въ рукѣ мечемъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и не сказалъ ни слова, размахнулся и разсѣкъ мою голову. Я обмеръ, но ощущение боли взяло верхъ. Руки неволно протянулись къ разсѣченной головѣ и сложили обѣ половины черепа, который казался мягкимъ, какъ воскъ, а вмѣсто мозгу былъ ледъ. Кричу сестру свою на помощь, чтобъ она пособила мнѣ сложить черепъ поплотнѣе. Когда оба сложили, голова моя без боли и признаковъ разсѣка сдѣлалась здорова и цѣла. Странный человѣкъ изчез. Я и сестра моя благоговѣли пред чудом, столь страшно и дивно заградившимъ уста мои для сохранения заповѣданной тайны.

ПОВЕСТИ О ПОКАЯНИИ БЕСА

ПОВѢСТЬ, КАКО ЕДИНЪ БѢСЪ ПРИИДЕ ВЪ ПОКАЯНИЕ. ПАТЕРИКЪ СКИТСКИЙ*

Сказание о вѣщи славной и повѣсти дивной, еже исполнитися речению Писания: «Радость бываетъ велия на небеси ангеломъ о единомъ грѣшницѣ кающемся».* Се бысть истинная радость велия на небеси, еже предлежащая повѣсть явити хощетъ, еже обносится писание в патерице Египетскомъ.*

Бѣ нѣкий пустыникъ в пустынѣ египетьской, внимая своему спасению. И навыкъ искусно разумѣти сѣть вражию и лесть бѣсовскую, и вся козни дияволькия ни во что же вмѣняше, бяше совершенно мужъ смысленъ. Сильно есть се слово, сего дѣло же совершенно. В пустыни, яко во градѣ, живяше, со звѣрми водворяяся, понеже мнози звѣрие к нему прихождаху.

И се паки единъ дивий звѣрь, о немъже намъ слово, нача ходити к нему начасто и видъ свой измѣняя, хождаше же дней 15. И видѣ его старецъ, рече ему: «Рцы ми, звѣрю, кто еси: звѣрь ли или духъ?» И рече ему звѣрь: «Духъ есмь в видѣ льва велика». Старецъ же рече ему: «Да како ты овогда аки звѣрь являешися, овогда аки лѣсъ?» — «Азъ есмь трава, и вода, и вѣтръ. Азъ есмь птица, и гадъ, и скотъ. Азъ могу всякъ видъ премѣнити и показати, да тя устрашу и прельщу». Рече ему старецъ: «Аще прельстиши, что сотвориши с прельщенным до конца?». Рече ему бѣсъ: «Азъ тя тогда во адъ и в муки вѣчныя, яко плѣнника, свѣду».

И рече ему старецъ: «А азъ тя спасти хощу, дабы ты былъ паки ангелъ». И вострепета бѣсъ: «Отче, мерзко ми сие речеши. Како могу сие сотворити, и кто можетъ мнѣ покаяние дати?» Рече же ему старецъ: «Не отпущу тя, дондеже покаешися и спасенъ будеши. Азъ за тя Бога умолю и буду знать мѣру своему спасению. И аще за тя помолю, и будеши ангелъ. И азъ тя вижу чювственныма очима и гласъ агельский услышу». И рече духъ: «Вѣмъ, отче авва, добрѣ вѣмъ: вся глубина во адѣ родъства огненаго исполнена намъ наслѣдовати. И сего, отче, страшуся и трепещу. Безконечная мука и лютъ тартаръ уготованъ намъ на осуждение. Сего, авва, страшуся и азъ, и кто вѣсть сие. Аще бы было мнѣ покаяние у Бога, всяко бы припалъ к щедротамъ Его милосердия».

И рече ему старецъ: «Ложъ еси и во истиннѣ не стоиши. Почто речеши? Всяко могу показати: ложъ еси и истинны нѣсть в тебѣ». И рече духъ: «Вѣмъ,

отче авва! Да и того ради начасто къ тебѣ прихожду. Вижу тя совершена в дѣлѣхъ и заповѣдехъ иноческихъ». И рече ему старецъ: «Да можеши ли себя нарещи древняя злоба, и помраченная прелесть, и мерзость запустѣния?* Аще ли ни, то азъ тя замучу». Отвѣща бѣсъ: «Могу, честный старче, и не срамляюся. Не якоже иногда Зереферъ лестно, приходя къ старцу, искушая, вопрошаше его. Азъ же не тако! Но боюся мукъ во адѣ, отче, и хотя с чистымъ помысломъ и доброю волею хотя спасения, аще можеши Бога ты умолити о моемъ окаянствѣ. Азъ есмь древняя злоба! Азъ есмь омраченная прелесть! Азъ есмь мерзость запустѣния! Глаголю и не срамляюся, ищу себѣ помилования от Бога Отца, и единороднаго Сына Его, и всесвятаго и благаго Духа. И не мерско ми есть, но сладко и радостно рещи».

И рече старцу: «Отче авва, хощетъ мя неприязнь раздрати». И осѣняя рукою над главою его старецъ, и онъ весь потрясеся, яко дымъ от вѣтра. И бысть с небесе яко молния облиста его, и громъ бысть. И рече ему старецъ: «Можеши ли воспѣти пѣснь херувимскую* нынѣ?» И рече духъ: «Могу, честный отче. Но токмо ты отиди подалѣ, яко полъпоприща,* понеже от гласа живъ быти не можеши. И уши закрый рукама». И отиде старецъ полъпоприща, и помысли уши не закрыти, понеже рече: «Онъ есть духъ и тма, азъ же есмь свѣтъ. Могу стояти».

И воспѣ пѣснь «Иже херувими тайно образующе», и прочее сего стиха. И паде старецъ на землю, не може стояти от гласа ангельска. Отверзоша же ся небеса, и ангели, радующися о покаянии его, лѣтаху по небесемъ с веселиемъ. И бысть гласъ на небеси, яко громъ вопиющъ: «Приимите его в первое достоинство его и дадите ему первую одежду». Егда же отпѣ стихъ, тогда помощию Божиею слетѣша два ангела и даша крилѣ ему, и бѣлое одѣяние снесоша с небесе, и взяша на небо предстояти Святѣй Троицѣ. Богу нашему слава и нынѣ вовѣки. Аминь.

ПОВЕСТЬ ДИВНА, КАКО ПОКАЯСЯ БЕСЪ И ПРОСИ У СТАРЦА КРЕСТИТИСЯ

Патерикъ Синайский, знамение «П», лист 345.*
Повѣсть дивна, како покаяся бѣсъ и проси у старца креститися

Повѣда намъ авва Пиминъ,* яко нѣкогда ходящу ему по пустыни, виде бѣса, стояща при устии рѣки, всего окровавлена.

«Азъ же зрѣхъ, что имать быти. Постоявъ той мало, нача драти власы своя и терзати лице свое. Азъ же, постоявъ мало и приступль, рече ему: „Заклинаю тя именнѣмъ Господа нашего Исуса Христа, рцы ми: что ти содеяся?" Онъ

же с плачемъ глагола: „Отиди от мене, старче, и не мучи мене. Ибо толику тяжку печаль имамъ, яковыя, отнележе испадохъ от небеси, не видехъ. Колико уязвенъ быхъ от Богослова железными веригами Андрея ради* и прочихъ святыхъ, не обретохъ толики беды, иже в настоящее время подъемлю". Азъ же паки рекохъ: „Рцы ми Господа ради, яко да увемъ вину печали твоея". Отвеща дияволъ: „Жихъ тридесять шесть летъ в души единаго князя и, елико хотехъ, темъ глумихся, яко мучити и убивати християнъ сотворихъ его. По малѣ же времени прииде нѣкий старецъ от пустыни, сотвори его веровати Распятому и отрещися отца нашего и всехъ насъ и крести его. Того ради сице и терзаюся, отче. Не вемъ, како предстану отцу моему". Азъ же паки вопросихъ его: „Еда крещение разрушаетъ все ваши козьни?" Отвеща дияволъ: „Ей, отче, великий даръ от Христа своего приемлютъ крещениемъ. Прежде бо крещения всякъ человѣкъ, и грѣшенъ, и праведенъ, нашъ рабъ и слуга, и имя его въ книгахъ отца нашего написано. И егда креститъца, тогда свобождается от ига рабства нашего и бываетъ рабъ Распятому. И приставляется к нему аггелъ хранити его во дни и в нощи и неприступны насъ к нему творитъ, имый в руку своею пламенный мечь, егоже видѣвше, вельми страшимся. Имя его из книги отца нашего заглажено бываетъ невидимою силою Божиею и написуется на небесѣхъ в книгахъ животныхъ".*

Сия слышахъ, рече ко дияволу: „Аще сия вся свеси, почто не раскаешися?" Рече дияволъ: „Не вемъ, проститъ ли Богъ и приемлетъ ли Богъ мое покаяние. Вѣмъ, яко Манасию прости, нинѣвитяны гневъ на милость преложи, и Навуходоносору покаятися сподоби,* и разбойниковъ и блудницъ не отвержеся прияти, Июду призывая на покаяние.* Но токмо сие, отче, смущаетъ мя, яко ни единъ каяся и творяй добродетели не исходитъ нашея власьти, аще не первѣе в купели крестился. Всяко приятъ былъ бы предъ Господемъ. Но сего точию не вемъ, яко духъ есть, не могу креститися". Азъ же рѣхъ ему: „Ты без плоти согрѣшилъ еси, того ради не требе крещения. А имущии первородный Адамль грѣхъ и с плотию согрѣшили — симъ требе креститися. Потомъ же, аще растлятъ крещение злыми делы, трѣбе плачь и покаяние и прочее. Тебѣ же треба точию истинно раскаятися. Азъ ти поручникъ буду, яко Богъ, видѣвъ твое покаяние, проститъ тя". Той же рече к святому: „Ни, отче, ничемъ инымъ невозможно избыти от области отца нашего, аще не крещениемъ. Сего ради, аще можешь, крести мя. Когда аще крещуся, вемъ, яко свободенъ буду от князя адскаго".

И егда той изрекъ, рече ми: „Рцы, отче, молитвы мнози! Се бо скоро братия наша подъемлютъ мя и ведутъ ко отцу нашему, тогда лютее мне будетъ". Азъ же рече ему: „Рцы успешнѣе: Отче нашъ, Иже еси на небесехъ".* Егда той начатъ пети слова сия, рече ми: „Отче, некрещении не поютъ". Азъ же рече ему: „Пой со умилениемъ — и узриши славу Божию". И егда той воспетъ паки, и прилетеша духове, яко галищъ множество,* возопиша: „Нашъ еси! Почто чюжаго отца прославляеши?" Той же единою поя, ни очима на нихъ взирая. И видехъ: снидоша от востокъ два аггела и реша ему: „Уже молитв*ами* сего святаго

старца Богъ приятъ твое раскаяние". И возложи на нь ризы белы, и поясъ, и крылие, и венецъ на главу его возложиша, и возопиша: „Аллилуйя!" И вознесошася на небо.

Азъ же возопихъ: „Слава в вышнихъ Богу!"* И падохъ на землю, благодаря Бога. И, воставъ, иде в монастырь и поведа игумену. И возва братию, повеле ми предъ всеми глаголати. Азъ же поведахъ, и вси плакаху, прославиша милосердие Божие, приемше покаяние дияволе».

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» ПОДПОРУЧИКА ИЛЬИ СЫСОЕВА

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВО СВЯТЫЙ ВЪ ГРАД БОЖИЙ ИЕРУСАЛИМ И ВЪ ОКРЕСТНОСТИ ОНАГО НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ГОРОДА СТАРОЙ РУСѢ ИЗ ВОЕННЫХ ПОДПОРУТ*ЧИКА* ИЛЬЯ СТЕПАНОВ СЫН СЫСОЕВ И ОНАГО ЖЪ УЕЗДА КРЕСТЬЯНИНА ПЕТРА ХОСТОВА ВЪ 1817-М И 1818-М ГОДАХ

Быв порываем ревностию и любопытством, решился въ 1817 года предпринять путешествие во святый град Иерусалим и, получив пашпарты въ С.-П*етер*бургѣ, итак, призвав въ помощь имя Божие, отправились 1-го майя вышеназначеннаго года с крестянином Петром Хостовым Старорускаго уезда, деревни Марфина* въ богоспасаемый град Москву, во обитель преподобному Нилы, столбна чудотворцу.* И чрез города Осташков, Таржок, Тверь, Дмитриевъ, обитель преподобнаго Мефодия, называема Пестовшина,* и обитель ходков[1] Троицы, лавру Сергия Радонежскаго,* въ столичный град Москву. Из онаго въ Подолько, Серпухов, Таруся, Калуга, Перемышль, Козельско, Болхов, Орел, Кромна, Дмитрев, Глухов, обитель Петра и Павла (построен преподобным чудотворцем Димитрием Ростовским),* Софроновская пустынь,* Путивль, Конотопа, Батурин, Нежин, Козелск, Киев, Васильков, Белая Церковь, Умань, Богопил, где при устье реки Синюхи переправились чрезъ Буг.* Прибыли потомъ въ славной город портовой Одессу июля 27-го дня въ дом 1-й гилдии купца Лариона Федоровича Портнова,* которой по доброму своему къ путешествующим во святыя места *расположению* принимает въ свой дом, въ особенно въ саду его, упокойвает квартерою въсех приходящих к нему безденежно.

3-го августа. Прописали свои пашпорты у господина генерал-губернатора графа Ланжерона и раз*ных* орде*нов* кавалера* въ канцелярии и въ таможной. По том, приискивая себе судна, 14-го августа, нашед корабль[a] турецкой со пшеницею въ готовности к пути, условились с хозяином сего корабля довести нас до Констинополя по зговорной цене (по червонцу галанскому* съ человека взяв с нас довести), до коего пола*га*ют от Дебы 700 верст, ибо тогда не было кораблей безденe*ж*но вести.

---

[1] ходоков, паломников.

[a] *На поле*: Цена, платима пассажирами от Одесы до Константинополя.

17-го августа, прописав пашпорты в Одесской портовом правлении, забрав свои вещи и явив пашпорты у капитана над портом (и на брандвахтѣ), переехав съ берегу на судно.

18-го августа въ 9 часовъ вечера[а] снялось судно наше съ якоря, и пустились въ море при сѣверном ветре. Потом чрезъ трое сутокъ ветр утих, почитай на одном месте стояло судно. 24-го дня начал ветр дутъ попутной слабой. При солношном въсходе узрели гористыя брега Константинополя. Пополудни въ 7 часов прибыли на пристань Галатскую корабелную,* въ пролив, въ Константинополь благополучно. Потомъ я со товарищем моим Петром пошли на рынок для покупки себе пищи, где нашли толъмача, знающаго российский язык и турецкой, которой *к* нам на другой день *с* утра пришел и показал корабль, отъправляем*ый* въ Яфу, на котором наших российских поклонников уже было более дватцати человекъ. Мы, забрав свои вещы, переехав на сей корабль, с которым хозяином условились довести нас до Яфы за 40 левков,[б] коему заплатя все деньги и зъполна, разместились по местам внутре корабле. Потом пошли въ канцелярию к российскому посланнику генерал-майору и кавалеру Григорью Александровичу, барону Строгонову.* Где отъдав пашпорты свои, заплатя турецкому правлению за фирман[1] 26 левков, то есть 20 р. 80 ко*пеек*,[в] чрез два дня получили мы от турецкаго правителства фирман, а от своего начальства пашпорт на *и*талианском языке. Согласились один възять четверо: Петр, Захаръ Литаков, Иван и я, Сысоев.

25-го августа съ 2 часу пополудня, переехав пролив Уфанарий,* пошли со товарищами мы къ патриарху Иерусалимскому, къ Поликарпу,* въ подворье его. Где, пришед на двор, възошед въ церковь греческую, слушали вечернюю, у коея и сам патриарх был. После службе пошли к нему въ дом. Потом чрез докладчика были допущены на благословение к патриарху. И распрашивал о именах наших чрез перевочика, ибо российскаго языка не разуме*л* сам. Потом поднесли нам по чашке кофию, что нас удивило, что здесь заведение пить кофей без сахара и без сливок, по-турецки. Мы хоша и непривычны к сему обычаю, с уважения и с почтения ко владыки, выпив, поблагодаря его, пошли обратно на судно. Нам приказал владыко опять побывать къ нему, как будим готовы отъправлятся въ Яфу. Обещал нам дать рекомендательные писма въ Иерусалим и въ Яфу.

27-го августа пожелали видеть Живоносный источник,[г] а по-турецки называемый «Балыкли»,* находящися за городом въ церкви греческой, въ которую

---

[1] охранная грамота.

[а] *На поле*: Отъбытие из Одессы в Константинополь.

[б] *На поле*: Цена, платимая до Яфы отъ Царяграда (или Константинополя) — 40 левов или 32 р.

[в] *На поле*: Цена, платимая за фирман один — 26 левков, на россий*ский* щет — 29 р. 80 к.

[г] *На поле*: Описание Живоноснаго источника и семи рыб въ нем.

по празникам стекается из христиан множество народа къ литургии. И так, переехав пролив пристани, Фанарий называемой, против патриаршаго манастыря, а от онаго спрашивали у стречающих людей о дороги. Шли чрез многия улицы и рынки до ворот Адриопольских,* от коих, по указанию, следовало итить въ левую сторону около крепости древней по дорогѣ мимо широкова рва, обложеннаго съ обоих боков тесанным камнем, въ котором разведены сады, огороды. За сим рвом въ скольких саженях и крепость съ четвероугольными башнями. На правой старане сей дороги, ведущей къ Живоносному источнику, ростут прекрасныя кипарисныя рощи, содержащия въ себе магометанския кладбища, где безчисленное множество мраморных надгробий разнаго вида, украшенных позолотою и арабскими надписями. По концам кладбищ и кипарисной рощи простирались сады, огороды и пашенные земли. Прошед и еще двое городских воротъ к морю Мраморному, поворотя немного направо, наконец поднялись на малой пригорокъ, гдѣ занимают христианскими кладбищами со многими греческими надъписями. Здесь находится въ земле древняя церковь каменная, при дверех коей на диване сидел турок и собирал со всех входящих во оную по одной паре,* то есть по две копейки.

Съ надземной паперти сошли мы вниз въ самую церковь по двумя каменным лесницам. Неподалеку сходу, на левой руке, украшеной мрамором кладесь, называемой Живоносный источник, у коего кувшыны небольшые медные с водою из кладезя налиты стоят. Вниз сходя, ступени три, узришь воду, где лампада неугасимая горид одна над сим местом, где и семь рыб неболшия ходят, видать в воде оной: глубиною аршин, шириною полтара аршина, въ длину сажени две. Олтарь на правой руке. Възойдя въ церковь, мы пили воду и мыли головы, и брали в бутылки с собою. Над сим кладезем, верху сажни три, зделана глава и крест над оным. Церковь пять сажень въ длину, а поперех три сажни; сверху въ своде зделано посреди окно. Потом пошли на судно другими улицами.

29-го августа 2 часа утра, переехав пролив, пошли въ греческую церковь Иоанна Предтечи, где слушали литургию и служили молебна, и к мощам прикладывались преподобной Фекле.* Церковь каменная, украшена лампадами сребренными. На местных образах, кроме лицъ, покрыто сребром; посреде церкве висят три паникадила кристалных. Вышли из церкви, пошли къ патриарху Иерусалимскому въ дом, где у коего были на благословении. Потом подносили всем водки виноградной и кофию по чашки. После сего повел нас отец Димитрий, которой за переводчика у патриарха находится. Привел в сад нас патриарший подли дома его, находящи на горе, отъкудова видать весь город и прочия места. В коем ростут кипарисныя дерева и масличные, миндалные, лимонные и прочие, и разных цветов насеенно. Потом угощали нас обедным столом въ бесетке. Подносили вотки и белым вином почивали, безпрестано поднося. Кушанье было: бобы турецкие, каша сорочинской пшены,* маслины, белой хлеб, виноград свежой. После стола пошли ко владыки, поблагодаря его за угощение и

получа два писма рекомедательныя на восми человек въ Яфу и во Ерусалим митрополиту Мисаилу.*

Потом пошли через рынок на площатъ, называемой Иподром,* где видели египетскую пирамиду[а] чрезвычайную величины съ гиографами[1], из сероватаго мрамора, из одного камня обделаннаго, съ высеченными выпукло съ четырех сторон царскими и другими лицами. На педестале находится латынская и еллионогреческая надписи, свидетельствуют, что воздвигнут великим Феодосием. На углах основания медныѣ толстые четвероугольные столбики, на коих и поставлена та ужасная (вышиною семь сажень печатных) пирамида, а шириною сажень печатная,* со всех четырех сторон равно. Неподалеку стоит медный столб, свитой из трех змей, на головах возвышался въ древния времена кумир Аполлонов, которому византийские еллены приносили божественную честь и жертвы.* И еще столб, сделанный из болших обделанных камней. Он обит был некогда медью, коей теперь нет.*

Чрез одну улицу находится и мечеть Софийская,* она находится близ дворцовых ворот. О Софийском храме пишет Дорофей, митрополит Монемвасийский,* что въ лето от воплощения Христова 531-е, въ царствование греческаго царя Устиниана,* на учрежденное некогда им конское ристание, т. е. иподром,[б] когда стеклось отвсюду великое множество народа, тогда въ продолжение обыкновенно бывает между собою сражение. Более 35 000 лишились жизни, забавляющихся таковыми играми разнаго рода людей. По окончании жъ сего самопроизвольнаго кровопролития Устиниан царь, возжелев убиенных и сокрушаяся о их преждевременной смерти, помышлял, чем бы возмог умилостивить своего Создателя, раздраженнаго убивством. Пришло ему на мысль соорудить храм, могущей своим великолепием удивить вселенную.*

Константинополь,[в] или Стамбул по-турецки, разделяется на три части вытекающим проливом при рукаве Мраморнаго морѣ из Чернаго, соединившися строение по-над самым берегам и высокими горами. Домов каменных малое количество высоких, а более древянные, обитые тесом под краскою.[г] Окон мало имеется и то за решетками древянными, безо всякаго фасада. Улицы кривые и нечистота по оным, от чего нередко бывает зараза. По всему городу невозможно въ каретах ездить и в других каких екипажах за теснотою улиц. Да и вовсе не имеют никаких екипажей; есть род карет — древянные под золотом — возят женской пол на паре волах. А разехатся неможно в улице, и гористыя места притом же. По всем улицам подведены фантаны и поделаны краны и корыты для

---

[1] иероглифами.

[а] *На поле*: Описание египецкия перемиды на площади иподроме.

[б] *На поле*: Причина построения Софийской церкви.

[в] *На поле*: Описание Царяграда и постройки домов и улиц кривых, нечистоты во оных.

[г] *На поле*: Содержат въ себѣ 1800 улиц, 1000 финтанов, 120 рынков, 500 гостинниц, 1652 болниц, 1600 училищ, 4122 мечетей и церквей, 360 башин, 2000 бань публичных.

пресной воды, на пищу употребляемая. Везде находятся рынки по улицам с разными товарами и разнаго рода мастерства в оных, а в домах не имеется цеховых мастеров или других каких дел мастеров.

3-го сентября 10 часов[а] пополудня снялось судно наше с якоря, при северном ветре пустились въ Мраморное море. На другой день поутру видать были берега по обе стороны; по правую руку видать были селений и город великой Галиполи.* После полдень приближились к *к*репостям на правой и на левой руке, называемым по-турецки Ченакали, въ древности — Сесто иовидо.* Против крепости бросили якорь, но за глубиною не мог де*й*ствовать. По ветру судно плыло версты две. К нам приехав из турок чиновный таможный, с янычарами на баркасе. Потом, записав карабль, и с какимъ грузом, и сколько посажиров, потребовал пошлины с посажиров: з греков и с армян по 22 лева съ человека. Однаго армяна хотели въ море бросить, но греки упросили (за то, что не хотел пошлины платить), а с нас нечего не потребовал, ибо мы имели султанския фирманы. И потом, уехав от нас, матросы, подняв якорь и паруса, плыли Дарданельским проливом* между батареями, установленными въ два ряда многими пушками. Итак, оставя сей пролив, пошли архипелагом.

5-го сентября проходили мимо город Троя. Островов и селениев, от нас по обоим сторонам находящихся, виду великих и малых островов, город Хио.

6-го сентября[б] плыли мимо находящего*ся* от нас съ правой стараны, видать было, на острове город Станкио. А по наступлению ночи, въ часу въ первом по полуночи, прибыли къ славному городу, под самые стены, Родоссы, стоящаго на нискомъ брегу. Поутру, 7 часов утра, переехав судна, пошли в город для покупки правизии себе, покупали кому что нужно было. Възо*й*дя *в* ворота крепости, пришли въ рынок; покупали хлеба и прочих зелени недорогою ценою.

В городѣ дома каменныя,[в] вообще крыш на оных нет, а поделаны купалами, плоския, вымощеныя камнями, известкою обмазаны. Улицы неширокия, одна*ко* чысты и свежий воздух. Жители по правую сторону магометаны живут, а по левую — христиане, греки. Имеют сады разнаго сортов дерева. Жители одеваются, как и въ Цареграде. Здесь и гавань неболшая, и карабли строят военные в малом количестве.

8-го числа пожелали все поклоники к литургии въ гречскую церковь, до коей и шли чрез замок крепости и подземный мост около городской стены, невысокой, подле берега моря до ветренных каменных мелниц. А от оных, поворотя влево, пришли въ церковь,* где слушали утреннию и литургию. Церковь каменная, неболшая. На местных образах ризы сребренныя, престол святителя Николая Чудотворца, Иоанна Предтечи. Потом, возвратясь, пошли той же дорогую, где греки нам показали. Подли ветренныхъ мелниц некогда былъ монастырь

[а] *На поле*: Отъплытия из Царяграда въ Яфу.

[б] *На поле*: Прибытия въ город Родост.

[в] *На поле*: Описания города Родоссы.

христианский, а ныне одне стены, без верха, оставшы развалѣны. Потом пришли на карабль. С морской старане город сей укреплен стенами высокими и башнями со многими пушками.

9-го сентября пополудни 2 часа снялось судно наше с якоря. Вышли из гавани, подняв паруса, при северъном ветре плыли въ Средиземное море. В левой руке находились от нас виду Анатолския берега.

10-го числа в левой старане въдали видать был городъ *Мир Ликиск*, где святитель Николай Чудотворец находясь въ древности.* Потом трое суток ничего не видали, кроме неба и воды.

13-го числа поутру узрели брега. 8 часовъ пополудня при сильном северном ветре благополучно прибыли под город Яфу,* за 3 версты остановились на якоре.[a] Некоторые поклонники перееха*ли* на берех, я остался на судне за погодою до утра.

14-го сентября 2 часа поутру, забрав свои вещи, переехав на лодки на берех, где нас стретил игумен Явфской и консул италианский. Повели въ монастырь, а вещи забрали арапы, перенося въ монастырь. За каждый мешек платили: за перенос по 8 пар, т. е. по 16 копеек, а за перевоз судна по 2 лева с каждаго человека (1 р. 60 ко*пеек* по российскому курсу). Потом пошли въ церковь к утренней службе, где слушали и литургию. В сем монастыре одна находится церковь, въ коей два престола — Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца.* На прекрасном месте построена церковь, откудова далеко видатъ въ море Средизем*ное*.

Город Яфа укреплен со всех четырех сторон стенами и бастионами, на коих доволно есть разных калибров медных и чугунных пушек. С морской стараны весь город открытой: на горе построин. Ворота градския одне имеются, Дамасковы по названию. Улицы уские и кривые, и нечистота в оном; постро*й*ка каменная. В рынках хлеб продается недорогою ценою, рыбы много бывает, яиц и молока, сыру, арбузов, винограду зеленова. Вин не держут: в продаже запрещено от пашы Критцкаго, чтоб во*й*ска его не привыкли къ пянству. Кофеных домов много имеется.

16-го сентября повели нас двое монахов за Дамасковые городскые ворота около крепостно*й* стены въ южной части. За городом христианское арапское кладбище — знак бывшей некогда церкви на месте, где святый апостол Петр воскресил Тавифу.* И потом возвратились въ монастырь. Пришел къ нам италлианский консул Франц. Всех российских поклонников и поклонниц просил к себе въ дом. Мы, соглашась, пошли к нему, где нас ласково принял. Всех просил сести, потом подносили намъ водки, на закуску подавали конфеты. Потом накрыли по коврам скатерти, поставили кушанье. Угощал нас обеденным столом, после стола подали по чашки кофию *с* сахаром. Потом, поблагодаря его за угощение, въозвратясь в монастырь.

---

[a] *На поле*: Прибытия городу Яффе, или Иопии.

27-го сентября 3 часа утра прибыли изъ деревень арапы[а] съ оседланными лошадми, лошаками и остановились около подворья монастырскаго. Брали скотов, кто хотел ехать на каком.[б] Я, и Петр, и Захар согласилисъ пешком ити. Въ караване было обоего пола 40 человек. И отъправились въ путь по иерусалимской дороги на восток.

Вышли же из города Дамасковы ворота, отдав караульным янычарам билеты, и шли садами (большею частию состоят из египетской смоковницы). Потом чрез равныя поля, имеющия грунт земли хотя и песковатая, но хлебородная; по местам масличныя дерева сим равным полям предают красоты. Проходили мимо некоего древняго селения, пострο*й*ка каменная. За оным, в левой же руки, бывший город Лидду, где святый апостол Павел Енея изъцелил разслабленнаго.* Так же Лида славна по рождении святаго великомученика Георгия.* Путь *от* Яфы до Ремля равный и приятный.

Потом 5 часов пополудня прибыли въ город, въ Рем,* где нас стретели монахи и повели въ Иерусалимское подворье. Разместились по кельям, потом по*д*чивали нас водкою, после позвали к вечерни въ храм Святаго великомученика Георгия.* Повели нас за подворье, улицы через две пришли въ церковь, где начали службу совершать; прикладывалисъ въ семъ храме великомученика Георгия. Въ немже с правой страны есть столп, егоже, купивши, вдовица морем посла, и молитвою *святаго* Георгия обретен бысть въ пристанищи и положен здесь с правой стране у столъба 2-го храма сего.*

Потом, возвратясь въ метох (то есть въ монастырь), где уже собрана ужина для насъ. За ужином подносили ковшичками виноградное вино безпрестанно. Кушанье было: каша сарачинской пшены с коровьем маслом, яишня, а кто хотел, ели баранину. После ужина подали по чашке кофию. И потом были у игумена въ келии, записывали имена родителей (живых и померших), клали денги, кто сколько хотел.

Поутру рано разбудили въ доску, повели к литургии въ тую же церковь, где у вечерни были. На свету 28-го сентября[в] приехали арапы с лошадми и с лошаками, те же самые, кои из Яфы наняты до Иерусалима. Ремский чиновник изъ арапов, приехав верхом на лошади и всех осмотрев поклонников, взя*л* с каждаго поклонника 5 пар. И пошли за город. Сей чиновник, приметив нас трех, идущих пеших, приказал лошаков привести, и нас одержали, но мы противились, отговаривались, что у нас денег нет, мы люди бедныя, но сего не хател слушать, а говорил, что манастырь заплатит за нас ему. Между лошадми мои товарищи ушли, а меня два арапа держали. Потом чиновник с лошади слез далой и просил меня сесть на оную. Хоша я и отъговаривальса от сего, приказал арапамъ двумя

[а] *На поле*: Отъбытия изъ Яфы во Иерусалим.

[б] *На поле*: Цена, платима за лошать по 18 левов до Иерусалима.

[в] *На поле*: Отъбытие из Ремля во Иерусалим.

посадить на оную лошадь его. Я принужден сести, опасаясь, чтобы не убили. Заплатя ему 20 пар подарок, поскакал за караваном въслед, а чиновник с арапами пошел въ город пешком. Здесь въсе вообще агаряне[1] до интересу жадны, нередко случаются и худыя последствия: насилия делают, буди хто противится, то бьют и денги отнимают.

Догнавши я караван, ехал с оным, проежая долинами промиш высоких гор, неболшими кустарниками, один за другим по уской дароги, каменистой. Потом поднялись на высокия горы, проежая масличныя сады и прочаго родов дерева неизвесных нам. Спустясь под гору, проежая селение, въ левой руке от дороги стоящаго, каменная постройка. По дороги находятся скалы, высеченныя из камней, ямы — род кладезей, которые наполняются дожевою водою (нарочито поделаны для проходящих с караванами); берут воду и пьют, и напаяют верьблют, лошадей и лошаков. На дорогу выбегали арапския разбоники с ружьями и саблями для отнятия денег у поклоник. Остановя нас, требовали денег, но мы, не дав им не одной пары, проехав их мимо, ане не стали противится нам, ибо нас превосходнее число было въдвое.

Потомъ приближились к селению Еманусу,* арабскому, где арапов сидело на дароги множество, и чиновник их, остановя караван, требовал от нас подорожной. Мы, имев у себя данную подорожную, 26 человекъ российских, отъ Яфскаго консуля, подав ему, чиновнику, которой прочитав и пропустя насъ щетом, а прочих греков и армян, остановя их, с каждаго человека възяв пошлину по 40 пар, то есть по 80 копеек. Проежая каменный мост небольшей, проежали долины, нам навстречу, по дароги, шли арапки из Ерусалима.

Поднялись на высокия горы, где въ левой руке въ долине видать было арабское селение с прекрасными садами. Еще проехав небольшее селение по правую руку, близ дароги, на горе. Въ правой же старане, въ лощине, видать Крестной манастырь, греческой, с высокими стенами.*

По приближении ко Иерусалиму,[a] версты за 2, открылись зрению нашему окружающия его высокия съ зубцами стены. Поклонники, удостоившися узреть святый Божий град и Обетованную Землю по благополучном совершении своего из отдаленных стран путешествия, слезли с лошадей. Остановясь, вослали сердечное благодарение небесному владыке Господу и Владычице Пресвятой Богородицы. В радости неизреченной испольнившися, поседали на лошадей и на лошаков въ сей поехали под город.

От Давыдовых ворот* по обе стороны стояло народу, состоящаго из иерусалимских жителей и прежде прибывших разных христианских религий поклонников, а особенно российских. От иноземцов увидав, господин калледский советник Георгий Яковлевичъ Пимонов возопияв к нам: «Проздравляем вас

[1] измаильтяне или арабы.

[a] *На поле*: Прибытие во Иерусалим.

щасливым прибытием!» Убогия арапы растилали свои шерстяные полосатые плащи и крычали: «Хаджи христиане, хаты масары, флус бакшиш!», — то есть «дай денег». Путешествующие бросали им на плащи турецкия пары. Неподалеку ворот стояли женщины турецки, молодыя, покрывши белыми покрывалом, держали в руках трупки, курили табак. *В* воротах Давыдовых стояли караульныя янычары турецкыя, за поясами пистольли и ножами сребром оправленные, а на головах чалмы белые обернув. Одеты въ спенцари разнаго цвета сукна и под исподом белаго полотна бумажные балахоны, зборами пониже колена, на ногах башмаки и щеблеты малиновые, повышеты золотом.

И так мы, при чувствовании неизъяснимой радости, въехав в Давыдовы ворота во Иерусалим 28-го сентября въ 5 часов пополудня великими ворота Давыдовыми. Проехав немного, поворотя налево в улицу, потом направо, приближелись къ Патриаршему, съ правой стороны, монастырю.* Ворота были отворены, у коих стояло два монастырских послушника, держав въ руках цыновки, кои при въезде *в* ворота постилали под ноги лошадям оные. Въсреди воротах сидели на коврах турецкие караульные.

Въехав во двор Патриаршаго дома, стояли на *в*стречу вышедшыя владыки пять членов Синода святейшаго и множество архимандритов, игумнов, иеромонахов, иеродиаконов и прочаго звания народа монастырскаго. Мы стали с лошадей, поклоняясь владыки и подходя к нему на благословение, кой проздравляя нас щасливым прибытием. А послушники, забрав наши вещи с лошад*ей*, и повели нас въ гостиную палату, продолговатую, которая услана коврами и подушками, около стены укладина кругом. Мы разместилисъ по местам, потом нам подносили водки всем по чашке, на закуску винограду раздавали по ветки, потом кофию по чашке *с* сухарями подали. После сего повели на трапезу, где на столах мраморных белых, как снег, и без скатертей наставлено уже было довольно пищи, состоявшей большею частию из сарачинской пшены съ коровьимъ маслом, крутая каша, яишни с коров*ь*им же масломъ, сыру и плодов. А греки ели и баранину. На руки подали всем полатенца. Посуда вся из красной меди, кругом полуженная. Виноградныя вины подносили серебренными ковшичками безперестанно. Угощали изобильно.

По окончании ужина возвратились мы въ свое место. Подали зажженные восковые свечи белые въ покойща к нам; спустя несколько времени легли спать. Въ 1-мъ часу по полуночи начали бить въ доску. Мерхаджи[1], пришед, разбудил нас и объявил, чтоб мы и шли въ церковь Святыя Феклы слушать утреню.* По приходе въ оную, увидели мы стоящих въ своих местах по старши*н*ству архиепископов, из них один — митрополит Мисаил, который управляет во Иерусалиме за патриарха.

[1] православный монах, знающий местные языки.

Церковь украшена: местные образа покрыты, кроме лиц, сребром, иконостас вызолочен вырезной. Так же люстры, лампады въ большемъ количестве состояло зажженными, освещали сей храм въ прекрасном виде. Тут на правой стране въ стене зделанное место, где части камней от стольпа Христова, при котором мучили жиды Господа нашего Иисуса Христа. По окончании утрени прикладывались поклонники ко святым иконам. Раздали нам из белаго воска свечи и повели нас по другим церквам патриаршаго дома: Святаго апостола Иакова и Авраамия, праотца нашего, где своего сына приносил на жертву Богу, Исаакия.* Наконец въвели въ пространную палату, въ которой раставлены многия скамьи съ подушками и покрыты зеленым сукном. Здесь всех мущин и женщин посадили, началосъ омовение ног путешествующим.*[а] Около шести человек иеромонахов, иеродиаконов принесли кувшины медные съ теплою водою, тазы и мыло и полотенцы. Мы разу*ли*сь, а они омывали и отирали ноги поклоникам, кроме женщин, которым предлежало целовать их головы, покрытые комилавками. Читали и пели по-гречески иеромонахи во все продолжение церемиальнаго сего обряда и потом руки умывали всем вообще и женщинам, и отирали лентиями чистыми белыми, а кто пожелал, кидали *в* воду пары по усердию своему, въ тазы сим еромонахам.

По окончании сего церемиальнаго обряда повели въ церковь к литургии. После того пошли в палату свою гостиную, где подъносили вотки. На закуску раздавали винограду свежева, потом подали кофию по чашки.

Потом пошли десподы, или владыки, въ особенной зал, въ коем бывают их заседания. Потом призывали поклонников по одному и по два въ зал къ заседанию владыкам, где спрашивали об их именах и ихъ родителей, живых и умерших, и вписывали въ Синодик. За каждое вписанное имя должно было платить на изкупление Божия Гроба отъ магометан по 50 левов, т. е. сорок рублев, или, по крайней мере, по 30 левков.*[б] Богатые по изволению своему записывали многия живых и усопших имена и давали по 500, по 1000 и более левов. Отзывавши*е*ся поклонники, не имеющи денег, подвергались пред всимъ собранием выговорам и упреками, представляя, что Патриарший монастырь должен муселиму[1] и прочим магаметанам за него платить определенную съ хаджей[2] дань въ немалом количестве,* поелику ни единая душа младенца не может обо*й*титься. Въ противном случае, естьли епитроп[3] за кого-либо откажется платить, таковаго тотчас выгоняют из Иерусалима, но патриархи иерусалимские по-человечеству до сего поклоников не допускают, стараются оплачивать за неимущихъ все подати, какой бы нации не был. Греческаго изсповеданья неимущих же по обыкновению (30 левов заплатитъ за келлию и содержат себя пищею) помещают осо-

[1] мусульманину; здесь, очевидно, представителю местной администрации; [2] паломников; [3] эконом.

[а] *На поле*: Умовение всем поклонникам ноги.

[б] *На поле*: При записании имен платимая цена.

бенно во иерусалимских или в окрестных, подвластных патриарху, монастырях. Дают ему хлеб и манжу (род каши из пшеничных круп, а иногда из сарачинскаго пшена, уваренную съ маслом коровьим или деревянным), за что должен исправлять послушание.

Въпрочем, главные доходы иерусалимск*ой* патриархи*и* состоят въ том, что во всяком городе простр*а*ннаго турецкаго государства находятся подначальные их монастыри, скиты, подворья съ обширными землями, садами и выгодными местами, которыя отдаются на откуп тем, кто более денег обяжется вносить въ сумму патриархи*и*. Иерусалимския властелины, кроме обыкновеннаго взимаемаго ими съ патриаршаго монастыря денежнаго побора, требуют всегда и на содержание воска, сухарей, сарачинской пшены, а для лошадей ячмень большим количеством, что и доставляется безпрекословно.

Сентября 31-го числа[а] сподобились мы придти ко вратам храма Гроба Божия, созданнаго святою царицею Еленою от Рождества Христова въ 326-мъ году.* Пришедшие многию из магометан турки и арапы съ ключами врата церковныя, запираемыя двумя замками, отперли и отпечатали. Потом, вошед внутрь, сели на диване съ левой стороны близ оных врат. Изъвне онаго храма, то есть снаружи, на обоих странах болших врат, при входе во святую церковь, стоят шесть столпов мраморных, и на левой стране из единаго столпа Божиим промыслом изшел чрез отъкрывшуюся въ нем разселину благодатный огнь патриарху Софронию въ 1547 году.* И ныне к той разселинѣ прикладываются все православные християне и прочие поклонники. Вънидеши вънутрь церкве, с левой старане, садятся турки, где и, отбирая тескеры[1] и фирманы, пропускали. Им давали по одной паре. Кто не имел султанских фирманов из поклоников, те платят по 25 левков, по входе коих, заперев и запечатав врата сънаруже двумя замками.[б]

Первое поклонителное место, от врат прошед 14 ступень, снятию со Креста тела Христова, где Иосиф и Никодим, повиша Его чистою плащаницею. Здесь красноватаго мрамора доска наподобия гроба, вышиною 5 вершков, коей длина въ 3, а ширина въ 2-*е* четверти с половиною.* Тут стоят подъсвешников медных великих 6 и малых 6 со свещами,[в] въ числе коих православных чѣтыре, римских 4 и армянских 4. Въверху над сим местом висят восемь лампад сребренных, между коим православных 4, римских 1, армянская 1, коптская 1 и сирианская 1. Отъсюду налево, пройдеши шагов тринадцать, там есть куполец небольшой железной, и мрамором белым кругловато пол оделано, идеже стояла Божия Матерь со Иоанном Богословом при распятии Христовом.* И все християне

---

[1] грамоты (тур. tezkere).

[а] *На поле*: Въпуск во храм Гроба Господняго въ св*ятые* вратей.

[б] *На поле*: Описание храма Живоносного Гроба Господня.

[в] *На поле*: Число зажигателных свечей и неугасимых лампад.

сему месту благовенно покланяются и прикладываются; тут 1 лампад*а* неугасима горит. И близ армянская церковь ту, и лествица наверх их церкви.* Отъселе, поворотя направо, продя промеш столпов каменных, посреде отверзтый верх церкви: купол оловом покрытый, зделана въ нем железная решетка.

Посреди сего храма построенная святая Кувуклия,* или часовня, из красноватаго мраморнаго камня со столбами, продолговатою, на запад полукруглою, вышиною 2 сажни, з балясами. А над самым гробом Божиим круглая окно, и над им купол с окнами круглой; вышины сажени две оной купол. На восток находясь двери, а позади Кувуклии приделан престол коптов. Кругом Кувуклии шагов 46, а ширины 2 сажени с половиною.

Вокруг всей Кувуклии завешано малинаго бархатом материею, 34 полотнища, по швам золотыми позументами широкими и богмарами[1]; длиною сажни по полторы, от земли с аршин не достаеть, такъ же и све*р*ху.

Оставив пред дверьми башмаки свои,[а] вошли въ оную съ умилительным благоговением и лобызали начально тот камень, на котором по Воскресении Христовом сидевший ангел возвестил женам: «Что ищете Живаго съ мертвыми? Воста, несть здѣ», — которой обделан въ столбике мраморном, вышиною въ поис человеку, которой цвета красноватаго, длиною пол-аршина, шириною 6 вершков.* Тут висят сребренных болших лампад: на правой стране православных 7, посреде римских 6, а на левой стране армянских 3, сирианских 2, коптская 1. Пол и стены в средине белаго мрамора, стены обиты малиновым бархатом з бахмарами золотыми. Вошед въ другия двери, внутрь ко гробу Господню,[б] где узриши гроб Господень, по правую руку, подле двере*й*, из белаго мрамора* въ долготу 9 с половиною четвертей, въ широту 4 с половиною четверти, въ высоту три с половиною четверти. Висят лампад неугасимых сребренных греческих 21, римских 13, армянских 4, сирианских 2, коптских 4, въ куполе болшая 1 греческая. Итого — 45 лампад. Стены украшены малиновым бархатом съ позументами и бахмарами золотыми. Отсюду изшед, поворотясь направо, есть трое дверей греческих для входу въ покоища и приемницы страных. Такожде и на втором етаже, а на третием — армянская церковь. Отътуду изходя, близ оных дверей еще есть двое таковых же, гдѣ копты пребывают. Здесь усмотришь приделанный сзади Кувукли*и* гроба Господня малый олтарь коптский,* противу сего двое дверей, коими внидеши въ церковь сирианскую. Въ нейже есть и пещера, идеже гробы святых благообразнаго Иосифа и Никодима.*

Отътуду изшед, паки усмотриши трое дверей греческихъ келий, въ коих пребывают служащи*и* диаконы, иеромонахи и еклисиархи. Проходя их, есть на левой стране ход къ штернѣ, то есть къ болъшому каменному кладезю, который

[1] бахромой (?).

[а] *На поле*: Описания Живоноснаго гроба Господня.

[б] *На поле*: А настоящаго гроба Господня никто видаить не может, ибо по*д* тем гробом мраморным.

выстроила царица Елена, и оный наполняется водою отъ дождя, изъ коего почерпаютъ воду все живущия въ храме Господнем, где есть и ванны каменныя, въ которых моют белье, такъже и кладовыя каморы греческих.

Изходя отсюду, поврати налево, там есть место круговидно, мрамором обделано, над коим висят двѣ лампады: франская[1] и армянская, гдѣ Христос по Воскресении своем рек Марии Магдалине: «Не прикасайся Мне».* Къ коему месту всѣ вѣрующие въ Господа Иисуса, поклоняясь, прикладываются. На левой же стране сего хоры, идеже орган римских. Тутъ есть и церковь их, ступени три *в*верх поднятся; тутъ двери въ церковь. Римская же, пространная, с тремя престолами, украшенная искусна, полъ разъноцветнаго мелкаго мраморнаго камня, а стены украшенные малиновым штофов материи с позументами золотыми, а в большия празники украшаютъ во всех своих церквах, въ храме Гроба Господня, малиновым бархатом. Въ се*й* же церкви, на правой стране, близ дверей есть столп каменный за двема решетками железными, къ которому жыды привязывали Спасителя нашего во время страдания Его.* Во оный достают зделанною нарочито тростию и целуют ея, воспоминая страдания и трость Его.

Изходя отсуду, паки налево повратясь, тут есть дверь, где римских ризница, отсель же, налев*о* прошед шагов сорок, ту есть церковь греческая, и под престолом лежит плита толщиною 1 четверть аршина, длиною 7 четвертей, а шериною 5 четвертѣй съ двумя кругловатыми въ ней дырами, въ коих святыя нозѣ Христовы заключенны были въ железы.* Въпреди сего другий престол и под нимъ пещера, въ которой Божия Матерь укрывалась от иудей, смотря из оной при начале страдание Христова.* Отътуду изъшед, поврати налев*о*, ту есть дверь боковая въ соборную церковь. От сея паки налево есть келия греческая, близ оной престол святаго Логгина Сотника, къ которому престолу также все христиане прикладываются.* Близ же того келлия греческая. От оной налево престол армянской, идеже воины разделиша ризы Христовы.*

Налево сего есть лествица въниз, каменная, о двадцати осми ступенях. Там есть церковь армянская съ куполом, въ коем и окны поделаны, на четырех столпах мраморных, своды поддерживая. Ту два престола и место, идеже сидела царица Елена, когда отыскивали и откопывали въ землѣ сокровенный жидами Крестъ Животворящий Господень.* Ту лампад неугасимых 3 горят. А на правую страну въторая лествица вниз о тринадцати ступенях: тут престол римских. И въ правой же стране, близ онаго, место греческих, обделанное чистым мрамором, идеже обретен Крест Господень.* На оном месте зделано изображение Креста Христова из чернаго мрамора, которому благоговенно покланяются все приходящии. На сем месте, сказывают, около креста изходит благодатная роса, аки водою бываѣтъ облиты мраморы. И сие начинается съ первыхъ чисел августа и продолжается до Воздвижения Честнаго Животворящаго Креста Господня.*

---

[1] Здесь: католическая.

Отсюду, возвратясь на гору обратно, на левой стране узриши престол греческой, под которым есть камень за решеткою железною, на немъже жиды Христа посадиша, и терновый венец на главу Его святую возложиша.* Тут все христиане страстем Христовымъ благовенно покланяются. Оттуду на левой стране есть дверь греческих. От сея, пройдеши мало, на левой стране дверь боковая въ соборную церковь, а отъселе, паки пройдеши на леву страну, будет лествица каменная осмнадцать ступеней, коею взыдеши на святую Голъгофу.*

Ту есть церковь греческая и римская со сводами, подерживают двумя столпами длиною 21 шагхъ, шириною 17 шаговъ, вышиною сажни полъторы печатных. Стены и своды росписаны разными красками, въ торжественнымъ праздникам бывают стены обьвешаны шельковыми материям*и* вокруг всей церкве. Пол изукрашен разными мраморным*и* камнями накрест. Под престолом греческим место, обделанное сребром, идеже водружен был Крест Господенъ: руппа[1] круглая, въ которую свободно пройти может человеческая голова, в нее поставлен был крест съ пригвожденным на нем Саситул*ем*. А позади престола поставлен крест Господень и образ во всю стену на нем, означающие Христовы все страсти, при коих неугасимых лампад 13 горит, свещей болших *с* сребренными подсвещник*ами* 5. У жертвенника три лампады неугасимых горит. Жертвенник и престол из белаго мраморнаго камня зделаны. На правой стране у престола есть болшая разселина въ камне от верху до низу: когда распят был Христос, тогда земля потрясеся и камение разпадеся, как и ныне зрится тая же самая разселина; къ нейже и руппе все прикладываются приходящии — и франки, копты, сириане и армяне — со страхом и благовением.

Да посреде церкви висят паникадилы: кристальных два и вызолоченное одно. Лампад въсех до восмидесят находясь въ сем храме. Служба бывает повсядневно совершается божественная, даже и Великой пост всякий день бывает. А на правой стране, идеже пригвождали ко Кресту Спасителя, служат франки, и горят у них неугасимых сребренных лампад 9 и едина особна, пред образом Божией Матери, особливо сих лампад болших есть до дватцати сребреных. Въ стене есть болшое окно, идеже царица Елена сидела и жидом допрос делала *об* отыскании Креста Господня. Тут церковь римлян. Отъсюду изыд, лѣствицею въниз ко изходным церковным вратам, поворотя направо, там есть келлия мала и близ ея двери, коими пройдеши под святую Голъгофу. Тутъ церковь малая святаго Иоанна Предтечи, и за престолом пещерка за решеткою медною, идеже обретен Адамов лоб, почему и называется Лобное место.* Въ сем притворе есть дверь в особливую келлию, въ которой всѣ приходящие поклонники записывают имена. И сии все поклонительныя места состоят во внутреннѣй окружности соборныя Воскресения Христовой церкви.

---

[1] отверстие.

Отсюду обратимся паки къ Божию гробу. Изсходя отъ Кувуклии гроба Господня прямо въ церковь, есть на обоих странах два крылца высотою въ один сажень, обнесенною решеткою железною, а посреде сих двер. Тут пол чернаго и красноватаго мрамора камней изукрашено. Не дойдя дверей, висят 5 лампад сребренных болших, римских, а на стенах малинова бархату объвешаны с позументами и бахрамами. Въ соборную великую церковь Воскресения Христова внидеши, посредѣ которой зделан из камня мраморнаго красноватаго Пуп земли* и висят два болших паникадила: одно медное, а другое кристальное. Отсуду пройдеши к местным иконам. Не доходя оных, стоят два трона, вырезных из дерева, на правой стране иерусалимскаго, а на левой — александрийскаго *патриарха*.* Близ иконостаса есть дверь и лествица, коею взыдеши ко святой Голъгофе. Иконостас выкладенъ из камня мраморнаго и разными красками разкрашенной,* по коим 8 столпов из краснаго мрамора до втораго етажа икон высотою, поддерживая оный. Месных икон 4, въ среднем етаже 7, а въ третием одне места 15, не имеющих икон, не в готовности. Перед месными иконами стоят два подсвешника болших из чистаго белаго мрамора, вырезные, подкрашенные золотом и красками, два медных, неболших. Сей храм росписан красками. Посреде купол, вверху, не имеющая въ стенах никаких связей железных и древянных, кроме иконостаса. В окружности ея 151 шаг, поперех 25 шахов, высотою своды 10 сажень. Сверх иконостаса постановленное распятие Господне и при нем Божия Матерь, Иоанн Богослов. В олтарѣ есть трое дверей, вырезные, высотою 2 аршина, вызолоченные. Престол въ долготу 7, а въ ширину 4 четвертей, соделанной из чистаго мраморнаго камня, под балдахинею, на четырех столпахъ с позолотою, и за престолом трон патриаршии. На обоих странах олтаря внутри есть двое дверей железных, решечестых.

Возходя на святую Голъгофу, а на левой стране будит дверь въ трапезу, и под низомъ кухня и келлии для монахов, живущих при гробе Господнем. *От*толѣ на правой стране лествица и дверь, коею возходя на хоры, идеже калатают на правило церковное въ доски. Ту есть позлащенное решетчистое полукруглое малое крылцо над царскими вратами, идеже въ болшие празничные дни протодиаконъ читает Евангелие. Так же и на обоих странах неподалеку иконостаса особливыя два балхона, и во время Пасхи читают Евангелие постиховно на разных языках. Отъсюду есть возход лествицею на вышые хоры, поверх иконостаса. Въ правой стране тамо есть окно, въ кое из патриархии спускают пищу живущим въ келлиях и служащим Божия гроба. Отътуду исходя, есть келлия и на левой стране лествица, коею взыдеши на четвертый етаж. Там зделаны особливые келлии для архиереев и архимандритов. Возвратясъ отътуда вънизъ внидеши во олтаръ Великия церкви: по левую руку есть лествица, коею възыдешь въ ризницу, где хранятся все церковные богатые вещи.

Во время торжественных великих Господских праздников и соборнаго служения бывает во всем храме Господнем, на Голъгофе и у гроба Господня, во-

круг купала, как равно и въ верхних сводах церковных по приличию мест великолепное украшение внутренным освещением премногочисленными лампадами, навешенными гирлендами и другими приятными видами. Так что всех лампад, болших и малых, бывает сребренных не менее трехъсот, и стекляных белыхъ более осмисот, что делает чрезвычайный украсительный вид.

По обозрении многих мест, мерхаджи во время вечера позвал нас въ трапезу сего храма к уж*ину*, и угощали явствами и виномъ изобильно, по окончании коего позвали всех под Голъгофу, въ покоище для записания имен. Призывали по одному, где заседаю*т* владыки, и спрашивали о именах. Клали денги, сколъко кто хател, не менее 25 левков за каждое имя на искупления Гроба Божия, в Синодик записание вечное поминовение. По окончании коего указали всем места для начлега.

Постели состояли из набитых хлопчатою бумагою тюфяков и подушек, покрытых коврами. Кто хотел, спали, а другие проходя по храму из любопытства до седмаго часу по полуночи, а по-российский, до перваго часа.

На 1-е число октября, на празник Покрова Пресвятыя Богродицы,* греческие иноки начали бить въ деревянную и железную доски, а потом, какъ у сих, так и армян и римлян, коптов и сириан, началась утренняя служба: у всех на своих престолах. Гром великих римских органов заглушал гласы въсех престолов. Римляне служат всегда собором весма церимониально: служащие облачены въ белую одежды, въ руках имеют серебряные подсвечники съ большими из белаго воска свечами, со крестом и с хоругвимами и другими вещьми священными. Им предъидут въ два ряда арабские, римской религи*и*, мальчики въ ал*о*м длинном платье, а сверху белое платье по пояс, наученные латинскому и италианскому языкам, имеющие въ руках по книжке. Въ таком виде и порядке съ пением обходят они трижды святую Кувуклию и другия священныя места.

Греческаго монашества совершал литургию епископъ Кирилл, на Голгофе, з двумя еромонахами, иеродиаконами. При выноси святых божественных Христовых Таин делается поминовение на коленоприклонении. Епископ сам прочитыва*л* имена поклоников, записанных живых и усопших, на обедни; еродякон такъже прочитыва*л*. А после службе делают панихиду: служат собором епископов и архимандритов, иеродиаконов и прочаго звания духовенства, становясъ въ два ря*да*, надев патрахилии. Иеродиаконы, читая, всякому подадя по книге, и имена записаныя прочитывая. Поставя кутью посреди церкви, зажжеными у всех свещами, которые свещи мерхатже раздает пред сим по одно каждому поклоннику. После сего епископ, служащей службу, облаченный въ ризы, раздает антидор всем.* Таким порятком завсегда бывает, буди архиерей в с*лу*жении находящей.

После службы позвали нас въ гостиную горницу, гдѣ на коврах сели мы, поднося нам всем по чашке кофию *с* сухарями. Потом водки поднесли по чаръке, винограду раздавали на закуску; потом угощали обеденным столом, за коим под-

нос*или* виноградные вины ковшичками безпрестанно. По окончании коего поутру, при восходе солнца, пришедшие турки отперли и отворили великия врата. Внутре, подле врат, сели турки на мягких подушках, усланными коврами; курили табак, варили на жаровнях кофе, и пьют. Входящие христиане мужескаго и женскаго пола, кроме монашествующих, ни имеющие фирманов султанския, должны на диван класть по одной турецкой паре, въ противном же случае биют палками, сказав «ру», то есть «вон».

Потом нас мерхадже повел въ патриаршей монастырь, въ гостиную, где нам объявил, чтобы мы избирали себе места въ других монастырях. Меня пригласи*л* в монастырь Святаго праотца Авраамия,* въ келлию к себе, господин колле*ж*ский советник Георгий Яковлевич Пиманов, который, здесь находясь уже другой год, из России прибывши во святый град Иерусалим (и расположен здесь жизнъ свою окончить при старости своихъ лет и слабаго здаровья), с коим я поместясь въ келии. Игумен сего манастыря, позвав нас, новых пришелцев (всех было человек семь), *в* монастыре поместясь, угощали водкою и кофием, записывал имена наши для поминовения, потом платили за келлии по 40 левков, а с меня половинное число взяв. Въ каждом монастыре живет только один игумен съ двумя послушникам*и* из греков. Ежедневн*ую* въ монастырях служба въ церквях исправляют священники для квартирующих поклонников.

Иерусалимские монастыри весъма пространны, въ оных находится много жилищ со всеми нужными принадлежностями. Келлии все — каменны*е* постройки, окны за однеми железными решетками, без стекол и без печей, холодные, почему не с привычки человеку и без теплых одежд часто помирают. Въ каждом манастыре по двести и по триста и более человек съ женами и детьми помещаются. У греческих народовъ въ обыкновении, что многие путешествуютъ въ Иерусалим со всем своим семейством, а домы свои поручают другим до возвращения. Они привозят *с* собою муки и прочих съесных припасов для себя и для продаж*и*, равно же и отъсудова закупают много товаров разнаго, для продажы въ дома возят. Мы кра*й*не удивлялись сим поклонникам, празно живущим столь долгое время: живут, оставя свои домы.

Вода употребляется дож*д*евая, собираемая въ великия кладези, поделанные нарочито из камн*я*. Водныя скопища посредством желобов и труб со всех монастырских кро*в*лей на целое лето запасают, ибо здесь летом не бывают дож*д*ей. Во Иерусалиме из окрестностей речной воды нет во всем оном.

Въ сем манастыре храма Гроба Господня, подле Голъгофы самой, в оной же стене, приделанной храм малый на том самом месте, на горѣ, гдѣ святый праотец Авраамий приносил на жертву сына своего Исаакия. Ту престол его, а на том месте из разноцветных мелких камней мраморных выкладенное место оное и сребром кругловидно обделано.* Ту часть его мощей, к сему прикладаются. Неподалеку и древо масличное, *в* 10 шагах находится. Самое тое, у котораго был баран привязан по указанию ангела, въместо святаго Исаакия принесен на жер-

тву, которое объделанной корень въ камнях и приносит плоды. Ту есть и другая церковь во имя двоенадесять апостоловъ: *в* верхнем етаже келья, монастырь сей въ пять етажей построин. Вънизу под сим еще две церкви находится — армянская и коптская. Тут подле церковь арапская, престол Марии Египецкия, где ей на сем мести возбранял ход ангел Господень въ святую порту[1], и глас был от иконы Божией Матери: «Аще же прейдеши Иордан, покой обрящеши».* Над сею церквою еще церковь римская, ту и крылцо во оную, где царица Елена сидела во время допроса, чинимаго жидамъ о животворящем Кресте Господнемъ.* А по левую руку, где колоколня, тут под нею престол 40 мучеников.* А посреди Воскресения Господня престол, позаде апостола Иакова, брата Божия.* Сия соборная церковь арапская, грекоисповедания религи*и*, где повсядневно служба бывает; по воскресным и празничным дням множество арапов стекается к литургии, равно и поклонники бывают. Из оной выдеш на площитъ перед храма Божия Гроба, бывает ежедневной торг с разными товарами для поклонников: продаются четки, иконы, полотна, колцы, тесма, шали, одеялы, материи разныя и платки — всякаго родов вещи.

4-го октября повел нас мерхаджий от храма Господня *в* ворота налево чрез завод кожевной по улице мимо главнаго рынку. Поворотя влево, чрез старинной рынок, которые лавки засыпаны землею и мелким*и* камнями, ту направо будет улица, въ которой дом находится царицы Елены, пустой. Про*й*дя еще немного по рыношной улицы, будит улица направо, по коей мы шли вниз, где поворот налево в улицу.* А на правой стране, на камне въ стене есть знак локтя Христова: когда нес крест Господа на раме своем на волную страстъ. И шед, ту пал, и знак изобразися на камне от пречистаго локтя Его.* Тут все христиане припадают и лобыза*ют* оный камень. А направа есть дом над вратами в улице, преогромный, Лазаря богатаго, въ коем мечеть турецкая.* Влево про*й*дя немного, поворотя направо в улицу, ту, на повороте сидя, Христос от усталости Креста имел отъдохновения присести, где столп лежит мраморны*й*, красноватый.* Потом про*й*дя, будут род ворот, где Божия Матерь сидела на правой стране у стене во время, как Христа к Пилату жиды водили.* Ту место въ стене означает луминою[2]. Ту все христиане прикладаясь, лобызая оные камня, воспоминая Божией Матери страдания ея. Не доходя еще воротъ, тутъ есть крылц*о* на двор Пилатов, идеже и темница малая, где Господь Иисус Христос сидел, покудова собралось со*н*мище жидовское. Отътудова изъходя, по улице на левой руке, общая темница, где же Христос сидел. Не доходя крепостных *Гев*симанских ворот, на левой стране, будит дом о двух окнах, высокой, святых Акима и Анны, и соборная церковь пустая, находящаяся там, *где* Божия Матерь родиласъ.* Ту и баня, идеже по рождении ея обмиваша, где и стопа от пречистых ея ног малая остася на камне, где и теперь существует и поднесь банею, где арапы содержат,

---

[1] Здесь: церковь; [2] углублением.

все християне моются в ней. И мы мывались. Цена платимая по 20 пар съ человека; мыло и завеса платна бумажнаго, и тазъ хозяйский, и вода теплая. Находившаяся у сих мест Овчая купель,* въ коей евреи мывали овец, приносимых на жертву въ храме Соломоновом, преобращена въ развалины, заросшая травою и кустарником.

Построенный тут, где был дом Иоакима и Анны,[а] святою царицею Еленою монастырь разорен и опустошен за многие назад тому веки.* Где ростет египетцкая смоковница, въ Гевсиманских въратах, въ стене, на камне, на левой руке, след ангельский изображенный, аки на глине, коему все христиане, припадая, лобызая (подле сих и баня).[б]

От Гевсиманских врат, от города, менее нежели на версту, начинается дорога, идущая под гору между садами масличных, милдальных, инжирных дерев, проходя мимо грунта каменнаго, бывшаго обагренным кровию святаго первомученика архидиакона Стефана, убиеннаго на сем месте.* Ту все христиане лобызают оный камень. Неподалеку отселѣ, перешедши каменый мост за потоком Кедрским, находится великий въ земле храм Успения Пресвятыя Богородицы.*[в] Въход — первая лествица о тринацати ступенях. Ту место пред церквою пространое; направо уская дорога до Пещеры святых апостолов двоенадесет,* где пребывали оне до Воскресения Христова. Тут армянский престол.* Въход в храм Успения во оной двери с полуденной стране знаменуется 8-ю мраморными столбами. Широкая, ведущая въ подземный сей храм лествица состоит из 50 ступеней. Пройдя 25 ступеней сего крылца, на правой руке вмещаются въ стене гробы святых и праведных Иоакима и Анны, а напротив, на левой стране, въ стене же гроб святаго Иосифа Обручника, а внизу храма, направо, престол святителя Николая Чудотворца.*

Въ самом же храме представляется вдруг въ правой старане глазам кувуклия,[г] или часовня, вмещающая въ себѣ беломраморный гроб Пресвятыя Богородицы, покрытый мрамором, с голубоватыми накось полосами, которой длиною 9 четвертей, шириною 4-ре, высотою 5 четвертей. Над ним горят 26 неугасимых лампад, посвященныя христианами разных исповеданий. Святая сия кувуклия имеет два входа на юг и запад. Построена каменная на четыре угла, шириною полторы сажени, и въ длину то же, а высотою 4 аршина. Кругом стены бумажными материями завешана и въсредине шелковою материю. На версе подсвешников со свещами стоят 17, над куполом лампад 32 стеклянных белых. С прихода кувуклии по левую страну подле дверей престол есть армянской, а в

[а] *На поле*: Дом *святых* Иоакима и Анны и рожения Божией Матери.

[б] *На поле*: В коей Пресвятую Богородицу омывали при рождении, где следы изображения на камне.

[в] *На поле*: Описание храма Успения Богродицы, называемой Евсимании, и гробов Акима и Анны, Иосифа, архидиакона Стефана.

[г] *На поле*: Описание кувуклии, где гроб Пресвятыя Богородицы.

левой же руки престол римской, а въпреде кувуклии престол греческий. Пройдя от кувуклии направо, ту престол и гроб святаго архидиакона Стефана.* Ту есть дверь въ гостиную келию, идеже поклоников угощают обеденным столом, имена записывая въ Синодикъ. И мы были угощаемы изобильно; клали денги, сколько кто хател. Ту въ храме есть и кладезъ — вода, от дожа збираемая во оный. А позади сего кладезя есть престол коптский. Храм весь со сводами, построин крестоватны, с однем окном въ земле, за решеткою железною, на восток. Храм длиною 63 шага, поперех 51 шаг, въсредине 10 шагов шириною. Еще есть келлии у армян неподалеку отъ кладезя. Паникадил медных 3, гристалны 2, медных подсвешников болших со свещами 2, лампад сребреных и стеклянных белых гирландами и другими видами. Изукрашенный сей храм представляет приятный вид, до трехъсот освещая лампад.

От Гевсиманскаго храма до вертограда 195 шагов,[а] въ коем молился Христос, оставив Петра и Иакова и Иоанна.* Ту и камни, где спали апостолы. Неподалеку масличные древа чрезвычайной толстоты, имеющими въ окружности более трех саженей до восми, где Иуда дая лобзание, жиды Христа связаша по преданию Иуды.* От сего места неподалеку тот камень, с котораго Христос на жребя сел, въехав во Иерусалим.* От сего камня есть пещера святыя Палагии,* которая дверь засыпана землею и закладена камнями от безбожных огарян.

Не в далном расстояний находится ведущая дорога на восток Елеонския горы, с которой вознесеся на небеса Сын Божий.* Она, будучи отлогою, на версту покрыта вся пашнями и садами масличными. На самом верьху ея, гдѣ построен был святою Еленою храм кругловидной, то есть Вознесения, остались одне древния стены: непокровенный верьх, а посреде оных находится кругловидная часовня, над самым камнем построенная, на коем остася следы по Вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа, как будто на воске, стопы.*

И поныне находится одна по той причине, что оный камень разбит надвое. В боку горы Елеона пространная пещера съ гробами древних пророков, съ надписями еврейскими.*

Неподалеку гора Малая Галилея находится от Елеонския.[б] Когда Спаситель на небеса вознесеся, тогда на оной стояша двоенадесятъ апостолы, и пред ними сташа ангели Господни и рекоша им: «Что, мужие галилесте, зристе на небо? Видите Господа, восходяща от земли на небо со славою?» Тако тут теперь источник ключевой воды, а храм разорен до основания.*

На восток за Елеонскою горою верстах четырех находится Вифания,[в] въ коей мы были раз до трех, где находится селение арабское и мечеть турецкой,

---

[а] *На поле*: Расстояние вертограда, где Христос молясь, от *Ге*всимании.
[б] *На поле*: Описание горы Малыя Галилеи от Елеонския.
[в] *На поле*: Описание Вифании, где был погребен Лазарь.

где въ горе был погребен Лазарь.* Сходя въниз со свещами зажженными по лествицам, двумя въ левой рукѣ, выкладеная камнями, пространная, пустое место въ боку сего, влеве, где лежало тело Лазарево, тут ему даровал Создатель жизнь.

Неподалеку от Сионской горы находится источник[а] въ горе каменной, пространный, называемая Силоамская купель,*[,б] въ коей мы часто хаживали купатся по пространным каменным ступеням. А по другой стране горе имеет течение воды быстрое въ Кедрской поток. Ту находится близъ дороги самое тое древо, на котором Исаию пророка претроша пилою:* объкладенное камнями, вышиною въ сажень. Напротив находится село Силоамское, въ коем живут арапы. Чрез поток Кедрский есть мост, близ онаго на камне, аки на воскѣ, изображенныя стопы Спасителя нашего. На сем месте дав прозрение слепому, помазав землею очи ему, ту и перстов знаки есть и стопы Божией Матери.*

На сем же камне есть неподалеку сооруженная из весма великих камней великая кругловидная остроконечная пирамида над гробом Авессалома, сына Давыдова.* На юго-западной стране, за Дамасковыми воротами, въ горе каменной находится пещера, гдѣ Варух,[в] посланный Иеремием за смоквами больных ради, спал 72 лѣта,* где могаметанское кладбище, обнесенное каменою стеною, и двери запирают. Въходящие платят по две пары турецкия, где была церковь въ древние времена, а ныне зрятся развалины.

За Давыдовыми воротами, на западной стране, версты за две[г] находится Крестный монастырь, под горою, в долине, каменый, с высокими стенами, въ коем храмѣ великолепны. И еще в нем находятся две малыя церькви и множество келий, где и мы были угощаемы обеденным столом и винами виноградными изобильно и начлегом успокоены были на коврах и подушках с бумажными одеялами. Спали ночь, а потом, отстояв утреннюю и обедню, угощаемые были воткою и кофием и, записывая имена въ Синодик, клали денги, сколько хто хател. И потом возвратясь во Иерусалим.

Название монастыря Крестнаго потому, что на том месте построены, где древо было вырощено, с котораго Крест Животворящий зделаный, а древо было посеченное царем Соломоном, а вырощенное праведным Лотом, поливанное Иорданскою водою: въ три года мог один раз полить, потому что воду, просящие на дороги, выпивали въсю, почему не мог доносить для поливу до трех лѣт.*

14-го октября повел насъ мерхаджий *в* Вифлием,*[,д] на полуденную страну верст съ 10. Мы согласились ити пешком. Вышли въ Давыдовы ворота по большой дароги ровными пашедными полями. На половине дароги въ левой сто-

---

[а] *На поле*: Источник Силоамской.

[б] *На поле*: Сей источник, тот самый, у коего Христос дал слепому прозрение.

[в] *На поле*: Описание спящаго Варуха 72 лета.

[г] *На поле*: Описание Крестнаго монастыря.

[д] *На поле*: Расстояние Вифлиема от Иерусалима.

ране находится монастырь Святаго пророка Ильи, гдѣ ангел воздвиг его спящаго от сна и возгласил: «Востани, яждь и пий, яко многъ отъ тебѣ путь».* Мы, възо*й*дя въ монастырь, прямо въ храм, где становили свещи иконам святым и прикладывались к оным.

Възошли верх по лестницам въ гостиною келлию, пространую, где уже на коврах *были* разосланные скатеръти. Стояла пища: каша из сорочинской пшены с коровьем маслом, яишня и смоковни, и хлеб, виноград. Наперет подносили водки по чарьке, потом сели за стол. На руки подали всем бумажные синие полатенца, чистыя. Потом почивали безпрестанно: два человека подносили виноградные вины. После стола всем поднесли по чашке кофию и записывали имена. Клали мы денги, хто сколько хотел. Поблагодаря игумна, вышли на дорогу, спустились под гору, потом поднялись на гору.

Про*й*дя немного, где нам указав поле то, где крестьянин сеил горох, а в то время Спаситель шел во плоти, спрося у земледельца: «Что сеишь?» Который отвечал: «Камень сею». Господь сказал: «Уродись камень!» Что и збылось — горох обратильса камнями.* Гдѣ мы на сем поле въ земле находили горох каменной, на оном поле ничего не сеютъ, и трава не ростет. Про*й*дя версты две, гдѣ въ правой рукѣ находится от дароги гроб Рахилии: Иосифа Прекраснаго матерь на сем месте погребенна.* Над коим выкладенная кругловидная видъ часовни, где и кладбица еврейское по обоим странам дороги находятся. Сады прекрасные, разнаго рода дерева и винограды, украшающие въ прелесном виде.

По входе въ селение увидели мы на улицах толпы арабских мальчиков, а иные бежали на*в*стречу нам по дороге для проздравления съ прибытием поклоников. Они произносили громким голосом на своем языке «хаджи, хаджи», что заставило много смеятся. Некоторые давали изъ нас турецкия пары, а другие бросали *в*верх, чрез что делались немалые кучи: падали на землю малых дете*й*, стараясь захватить пары, и землею хватав. Иные, замешкав въ земле, не могши отыскать, тесняся и толъкая друг друга, провожая до манастырских върат.

По прибытии въ Вифлием, где стретил нас игумен.[a] Приход наш был въ пространный продолговатый храм Рождества Христова, созданный императором Иустинианом, до 44 колон, поддерживающих своды. А потом царь Мануил украсил оной весь мусиею, или мозаиком и мрамором, но Солиман султан весь оной обобрал на украшение иерусалимскаго Соломонова храма, или мечети.* Мусия и по сие время на стенах довольна видна, и позолота не потеряла своего блеска, видны и лики святителей.

Вошли мы въ том же храме малою дверью въ главный собор, гдѣ находится вертеп — место Рождения Христова,* имеющий двои дверѣй медных отъ юга и запада. Низводящая въ него лесница состоит изъ 15 ступеней. Свод его поддерживается тремя мраморными столбами: здесь место под престолом, гдѣ

---

[a] *На поле*: Описание храма Рождества Христова въ Вифлиеме.

Христос родился. Древнейший сей вертеп въблизи и ясли по правую руку, въ которых по рождении положенъ был Спаситель.

Въ нем горятъ неугасимых 5 лампад. За решеткою ясли существуют из чистаго белаго мраморнаго камня, въ длину 6 четвертей и два вершка, въ ширину 4 четверти аршина. Вертеп длина 6 четвертей, ширина 4 четверти аршина. В сем вертепе белой мраморной пол з голубыми полосами, и стены одинакова мрамора объделаные. Где ясли Господни, там престол франский.* Въ левой руке стены объвешаны малиновым штофом с позументами золотыми. Над вертепом лампад 14 неугасимых горят, посреди 24 лампад неугасимых.

Позаде престола есть место, где по рождении Спасителя Божия Матерь пелена омывала.* Тут есть дверь, коею внидеши въ церковь, или кирку франков, гдѣ есть пещера под престолом, гдѣ матери сокрываясь со младенцами от Ирода царя, где их побили; тамъ их телеса.* Сквось решетку зелезную видеть за темнотою свещей ничего невозможно в одаленности пещеры, где и другие престолы их находятся. Неподалеку и монастырь тут же у них. Армянской монастырь по правую руку с прихода храма Рождества Христова.*

Осмотрев везде, отъслушав вечеръню, позвав нас игумен въ келлию гостиную. Повел направо по лесницами на самый верьх, гдѣ въ гостином покое по коврам накрытые с яствами пища из сорочинской пшены, яишни и прочаго, наперед поднося водки. Сели ужинать. За столом подносили беспрестанно виноградное вино. По вечере записывая въ Синодик имена родителей и клали на блюдо денги, кто сколько хател. Мы услаждали свое зрение съ высокой, въ третьем етажѣ, галлереи приятными садами отдаленных предметов, причем видно и Мертвое море. Галерея сия высотою равнялась съ церковным куполом, покрытым свинцом.

Еще повели нас за монастырь, въ правою руку от онаго, неподалеку, есть пещера въ горе, где Иосиф и Божия Матерь со Христом скрываясь от Ирода, гдѣ Иосифу во сне явися ангел Господин, возгласил: «Иосифе, поими отрочати и матерь Его, отъиде во Египет!»* В сию пещеру *ведет* лествица каменная, которая находится прѣстранная въ левую руку; далеко ход есть. Верх поддержывают стольбы каменные. А гдѣ сидела Божия Матерь со Христом, тут зделана пещерка и род престола из камнев, и горит одна лампада над сим местом. И все приходящие сему месту прикладаются зделанному на камне кресту и берут собою с верою земли.* И мы възяв оной собою въ дома.

На восток солнца от сей горы находится храм вънизу на ровном поле, версты за две, во имя Святаго великомученика Георгия, на том самом месте, гдѣ пастухи овец пасли, когда Господь родися,* им был глас слышаем ангелски на воздусех пения, кои приидоша ко Христу во Вифлием, родшемуся вертепе, гдѣ узреста и поклонишася Господу.* Въозвратяся въ монастырь, по наступлении вечерней темноты розошлись поклонники спать въ нижних етажах на

приготовленных из хлопчатой бумаги туфяках, покрытых коврами и подушками с одеялами.

Въ следующее утро удары въ доску пробудили от сна поклонников. И мы пошли слушать утреню, после коей началась и литургию въ вертепе, которую совершал иеромонах Герасим, изъ Святой горы Афонской находясь для поклонения, на российском языке, а пели наши поклонники. Къ обеднѣ прибыло множество вифлиемских греческаго исповедания арапов и арапок. По окончании литургии *могли* любопытствовать зрением сего храма, где находится сверх сего вертепа соборный храм, а на правой руке еще престол святителя Николая Чудотворца, гречески же. На левой стране соборныя церквѣ есть два престола армянских. По окончании поклонения нашего сим святым местам позвал нас игумен въ гостиной покой, гдѣ почивали кофиемъ и водкою. Виноградом закусив, поблагодаря игумена за угащение, пошли мы опять во храм Рождества Христова прикладываться ко святым иконам и местам въ вертепѣ.

Вышли из храма мы и пошли обратно во Иерусалим теми же улицами, коими входили. Арабские мальчики провожали нас съ великим криком и резвостию. При сем случае приближились къ монастырю Пророка Илии, где угощал нас въчерашни день игумен. Жар был почти нестерпимой. Тут подле ворот стояли послушники съ большими кулганами,* наполненые белым вином, и сам игумен, вышедши, угощал оным доволно всех. По приходе нашем во Иерусалим тем же самым путем поклоники разошлись по своим местам въ манастыри.

Октября 17-го игумен Паисий собрав въсех нашего каравана поклонников у Давыдовых върат.[a] Арапы стояли с лошаками для поклонников, вести въ монастырь Священнаго Саввы:* от Ерусалима расстояния верст 20-ть, за что платя по 3 лева съ человека. Некоторые согласились пешком ити. Игумен прибыл к нам к воротам и повел по дороги от Давыдовых ворот вълево, под гору, Кедрским потоком на полуденную страну. Поднимаясь на возвышенныя горы, проежая арабские шатры, въ коих онѣ живут, переходя с место на место для скота корму около Мертваго моря.* Въ сих местах нет селениев до онаго. Поднялись на высокую гору, проежая близ глубочашаго вертепа[1] промеш гористых стен, въ коей юдоле видны и поныне пещеры спасаемых во оной убиенных иоръданскими разбониками-арапами до 14 000, что и опустошено. Растояния оная долина версты на двѣ.

Приближасъ къ монастырю Священнаго Саввы, которой с трех сторон окружающию стены высокие с величашею высокою башнею, гдѣ братия обители сея стретили нас с колоколнымъ звоном, гдѣ имеются неболъшие и часы подле соборной церкве. Възодя во оную, воздали Богу молебные молитвы, прикладались к иконам. Водили въ часовню, въ коей над тем самым местом зделан

[1] пещеры.

[a] *На поле*: Описание монастыря *святаго* Саввы и расстояние от Ерусалима.

беломраморных камней гроб во оной над мощами *святаго* Саввы, сокры*тых* под спудом, бывшее здесь.* Также водили по другим церьквам. Въ горе церковь во имя Святителя Николая, где есть окно въ боку левой руке: камора болшая, где и поныне изъбиенных праотцов мужей главы сохраняются до 14 000 ты*сяч*, въ целости кости оные.* И еще есть некоторые редкости неисповедимые.

Возвратясь въ собо*рн*ою церъковъ к вечерни, отслушав оную, повел нас игумен въ гостиную, продолговатой покой которой услан был коврами и подушками, около стен разскладены. Мы сели на оные, а нам подносили водки, на закуску подавали сухова винограду. Позвав игумен Паисей к столу въ трапезу, зазвоня в колокольчик. Мы взо*й*дя во оную, гдѣ на беломраморных столах бе*с* скатерътей наставлена уже была пища, обекновенно из сорочинской пшены с коровьим маслом уваренная, яишня и прочие кушанье. На руки подали въсем чистые бумажные полатенца и за столом угощали виноградным вином.

После стола водили нас на нис вертепа глубочайшаго. При подошве онаго, под горою, есть ключ, из коего вытекает вода, которая дарованная угоднику священному Саввы при жизни его Богом,* из камней текущая, которую мы пили и брали въ посуду и мыли лица. За коею по вся дни приходят арапы с ко*р*зинами, мешками напольняют оною. От манастыря выдается им хлебы: каждые сутки по 8 хлебов малых на человека, равн*о* и на малых дете*й* получаемая, з башне из окна въ корзине спускаемая, потому что манастырь на заторе находится в опасении разграбления от араб иорданских, равно же и сих жывущих. И еще им положено со всякаго приходящаго поклонника по 15 пар собирается иразд*а*ваемая оны*м* охраняющим монастырь арапами.

По обсмотрении всего манастыря, разошлись спать на приготовленные тюфяки. Въ первом часу ночи началса благовест въ колокол. Мы, пришед въ соборную церковь, слушали утренню, а потом началась литургия на российскомъ языке, которую совершал иеромонах Герасим. По окончании оной вынесли части мощей *святаго* Аркладия *с* сыновями его,* *к* коим прикладалисъ поклонники и пели молебно.

Святого Саввы храм весь росписан: по стенамъ святителей лики изображеные, а кто желал, брали масло от лампады *святого* Саввы. И потом при восходе солънца вышли изъ церъкви на пространую галлирею, где подносили водки, и потом позвали на трапезу, где угощали изобильно. После стола подали кофию по чашке. Поблагодаря игумна, записав имена, клали на блюдо, кто сколько хотел. И помолясь Богу въ церъкве, поехали тою же дорогою, коею ехали. Прибыли во Иерусалим перед вечерьными, заплатив денги арапам за извод (и сполна!), разошлись по монастырям въ свои келлии вторично.

Декабря 4 и 5 дня празнуемы памяти *святого* Саввы въ лавры его обители.* Соверъшаемая литургия была епископом Кирилом, гдѣ были мы и множество поклонников, иерусалимских арапов. После обедни были все угощаемы обедным столом, за оным почивали виноградным вином беспрестанно. После

стола подносили кофию по чашкѣ. Поблагодарив игумна и поклонившися въ соборныя церькве, возвратясь во Иерусалим. Ити было пешком. Чрезвычаная жара от сольнычнаго зноя, идучи в однех рубашках до Иерусалима. Въ Селиамском источнике мылись водою и пили воду от жазды оную. И пришед въ монастыри *в* свои келлии декабря 24.

Поутру, 2 часа при солночном възходѣ, собрались мои товарищи Петр, Иван и Захарий: пожелали ити на празник *в* Вифлием Рождеству Христову. Вышли въ Давыдовы върата обыкновенную большою дорогою, ровными поля*ми*, засеяною пшеницею. И по дороге ехали так же поклонники и шли пешкомъ множество из Ерусалима во *Ви*флием. И сам митрополит Масаил ехал верьхом на лошади, на коей убор блистал златной, провожаем вооруженными турками и арапами пешым*и*. А чиновные турки и арапы ехали верхами с митрополитом на убранных лошадях чапраками* и муштуками сребреными и с позолотою чешуи разнаго вида. Мы, подходя ко Вифлиему, увидав уселение стоявших толъпами арапов, пришедших для въстречи с ружьями, а турецкие енычары стояли подле монастыря *с* заряженными холостыми патронами для чести, отдаваемый епитропу, который ехав позади нас.

Из монастыря вышло духовенство во облачении, с херувими и с образами навстречу митрополиту. По приближению его началась пальба из ружей. Он слес с лошади, надев на него мантию и дав крест и костел[1] в руки, всех благословя, повели во храм Рождества Христова, гдѣ стал он на свой трон. И потом началась служба, вечерня, 4 часа пополудня. С церемонию по их обряду, со *в*сеношною, величания, и продолжалась до 9 часов вечера. Поклонники были угощаемы вечерьным столом и вином виноградным изобилно. Потом разошлись, кто хател, спали. И во храме места все были позанеты спящим, что прой*ти* невозможно было за народною теснотою. Мы были ночь *в* Вертепном храме. 12 часов начали бить въ доску, и продолжалъса звон во оную до перваго часа.

Потом началась утренняя служба. После оной и литургия, которую совершал сам митрополит с многочисленным духовенством целимилиарно ⟨*так!*⟩. Евангелие читали на разных языках еромонахи, иеродиаконы, и епископ, и митрополит постиховно. Служба продолжалась со многими ги*рля*ндами и других р*о*дов лампад и свещами, осияющими весь храм соборный въ приятном виде до 7 часов утра. По окончании службы прикладались Рождению Христову и яслем. По выходе изъ храма на второй лествице въ монастыре раздавали всем по одному хлебу и сыру, чем и разговлялись.

Пошли мы в соборную церковь и, *в* вертепе помолясь Богу, пошли во Иерусалим тою же дорогою. На полях травы зеленелись и цветы цвели. Дошли до Давыдовых ворот, где стояло много народа, вышедших из Иерусалима смотреть идущих и едущих из Вифлиема. И мы остоновились на гористом месте сем

[1] Здесь, очевидно, митрополичий посох.

и дождались митрополита едущаго. За ним възо*й*дя во Иерусалим, разошлися по манастырям.

В Вифлиеме мы трижды были, где брали в жестяночки масла собою в отечество свое.

27-го декабря 1 часу полночи дали во все манастыри знать народу, чтобы шли во храм Божию Гробу,[а] где у коего греческаго исповедания, получив фирман от султана, — изъ Царяграда дозволение совершать над оным гробом литургию Богу — для чего и поклонники собрались во храм Гроба Господня, где и началась литургия. Въ первый греческаго исповедания над гробом Божиим совершал епископ литургию. Чрезвычаной радости находились поклонники о семъ дозволении, за что турецкому правительству внеся подати 100 тысящ левов за Божий Гроб, заплатив за дозволение совершать литургию над оным. А прежде одне франки совершали литургию над Божиим гробом. Ныне греческое духовенство повсядневно совершают службу у гроба Господня. Так же и франки повсядневно.

Великаго поста въ первое воскресение была служба у гроба Господня и ход крестны*й* с многочисленнаго духовенства во облачении. И епископ, неся животворящей Крест Господень, на голове поставя, обоима руками держав, и всево духовенства въ руке по кресту неся, обходя Кувуклию с херувимами и с пение*м* трижды, с великою церемониалным обрядом, а потом обо*й*дя храм Воскресения Христова. После сей церемониальнаго обряда народ, выходя изъ храма, были приглашены мерхаджею поклоники въ патриаршей монастырь к обеденному столу, где при входе на вторую лествицу раздавали закуску, сухова винограду. При восходе на кровле подносили водки, где по кровлям плоским стояла пища на простертых белых скатертях. Мы сели за оные. Нам подносили за кушаньем вино виноградное ковшичками, угощали изобильно. По выходи из-за стола, разошлись поклонники по своим монастырям.

Марта 12 числа всех поклонников собрав мерхаджей за Давыдовы връата,[б] гдѣ турки, приехав верхами, повели нас въ Горную, где жил Захарий и Елисавет.* По дороги шли на запад мимо Крестнаго монастыря, вѣрст 7 растояния отъ Ерусалима. Проходя арабское селение, спустившися под гору, и шли при подошвы горе, а потом ровным полем про*й*дя, придя к пещере, или камню, где Елисавет скрылась во оную, въ разселину онаго камня, со младенцом от Иродова гонения.* В сию мы разселину пространную лазали, из коея витекает вода чистая, котор*у*ю даставали все поклоники и пили, и мылись от зноя сольничнаго. Напротив сей горы за потоком есть находится селение арабское. Отъсель повели нас в Горную. Про*й*дя назад немного, поворотя налево от сего места, версты три растояния. Подъходя къ Горной, въ левой рукѣ нанизу видны были вдали

[а] *На поле*: Получения дозволения над гробом Божием греческаий религий служения.

[б] *На поле*: Описание Горной и пещеры, сокрывающей Елисавет со Иоанном Предтечею.

сады масличные. Въ Горную възойдя, где дерева в садах цвели великом множестве въ приятном виде, где арап и арапок стояли великими толпами, смотря на поклонников. Мы, възадя въ монастырь фраский, во храм, гдѣ Елисавету целова Мариа,* возрадовася мы о сем, что удостоились видити сие место. Тут престол и камень въ стене хранится, на коем Божия Матерь сидела; в левой руке вертеп, сойдя ступеней сем, гдѣ место сие обделанное сребром. Под престолом неугасимых лампад 9 горят с маслом, где Иоан Предтеча родися. Стены шелковыми материям со цветами по белой земли завешаны. Пол мраморнаго камня. Посреди церькве престол, гдѣ Захарий, служащий литургию, ему ангел благовестил Господень о рождении Иоанновом.*

Всех престолов пять в сем храме. Из воску зделанные младенцами Иисус Христос, Иоан Предтеча, поставленные на престолах у жертвенниках: Иоан с приходу, неподалеку дверей, на левой рукѣ; Господь — прямо напротив онаго. Въ прекрасных видах, какъ жывые точно. Гдѣ есть и хоры, тут и органы франския. Сим монастырем владеют франки; прекрасный, со многими келиями. Осмотрев везде и поклонившися святым местам.

В селении сады прекрасные, разных родов дерева и виноград ростет въ болшем количестве. Из горы прекрасной источник ключевой воды бежитъ с шумом внис, под сады и огороды. И потом возвратились во Иерусалим, заплатив по 15 пар провожатым, разошлись по манастырям.

Третий недели Великаго поста во храме Гроба Господня была литургия;* воскресной день и хождение с хоруфимами[1] и с ыконами вокруг Кувуклии трижды, и Воскресенскаго храма обошедши, народ, выходя изъ храма вон, гдѣ мерхаджий поклоников приглашал въ патриархию к обеденному столу. А нас, российских, приглашал игумен Паисий, знающий наш язык, который урожденниц российской, гдѣ были угощаемы поклонники все обеденным столом изобилно и виноградным вином. После стола разошлись по монастырям.

В Вербное воскресение была литургия во храме Воскресения Христова,* и где на утреной службы раздаваемые вайи епископом, то есть ведки финиковы,* за что клали на блюдо пары, хто сколько хотел. Потом совершали литургию. После оной было обхождение вокруг Кувуклии трижды с кресным ходом цемилиарно. По выходе из храма были приглашены поклоники и поклоницы ко обеденному столу в патриархию, где были угощаемы изобильно всем.

На Страстной недели,* въ четверток, поутру рано позвали всех поклонников въ патриарший монастырь, гдѣ митрополит Мисаил раздавал всем по свече немалой и один епископ раздавал греческия и славянския грамоты разрешительныя,* каждому по две, за что клали на блюдо по леву. А хто желал, брали и более, за что платили денги по сей цене, платимой за две грамоты и одну свещу,

[1] хоругвями.

как выше значится. На другой день, въ Великой пяток,* пришли поклонники и поклонницы из всех монастырей и съ детми своими во храм Гроба Божия, принесли съ собою данные въ патриархии свечи, да еще покупные, малыя, для обож*ж*ения святым светом. И оставалисъ въ оном чрез всю ночь, быв по обыкновению заперты и запечатаны.

Въ субботу Великую все архиереи, бывшее тогда духовенство и некоторые из поклонников, имеющии чин священства, во облачении носили съвященную церемонию, Святую плащаницу.* И, обошед съ оною трижды святую Кувуклию, положили на место святаго со Креста снятия при гробе Господа, при том пели 17-ю кафизму* на греческом и арабском языках. После сего начали бегать арапы кругом святой Кувуклии крыгами и резвились, становились кучками и друг другу на плеча и, ходя вокруг святой Кувуклии, произнося на своих языках многими голосами «воля динь илля динъ ель Месия». Т. е. утверждают веру христианскую, что делали, однако, не съ умилениемъ, но съ веселостию и рукоплесканием. Около 4-х часов пополудни погасили во храме все свечи и неугасимыя лампады, но арапы не преставали проказничить. Отперли святую порту, набралось народу разных леригий. Турецкия чиновники сидели на хорах тогда и смотрели на волнующийся народ и резвость арабской черни, никем необуздаемой.*

Въ то время, когда епитроп святый Петр и прочие архиепископы и архиереи и духовенство во облачении обо*й*дя святую Кувуклию трижды с херувихвам, тогда възо*й*дя во оную митрополит, гробу Господню, в одной мантии, а турки стоявши при дверях оной на карауле, чтобы народ не лезли туда. Арапы от самовольства воздержались, поклонники стремились съ пуками свеч для зажения, когда явится Свет Святый, смешавшися многоразличнаго народа, произвели чрезвычайную тесноту: тут слабому или престарелому невозможно было стоять, таковые все отходили прочь.

Наконец въ 8 часов пополудня явился арий, т. е. Благодатный Огнь, вънутре святой Кувуклии, гдѣ гроб Божий, въ особенном блеске, но сего явления не мог никто видѣть внутре Кувуклии, кроме бывшаго въ оном митрополита. По принятию им Святаго Света и по выходе из Кувуклии *с* зазженными свечами, раздался по храму глас, подобный грому, все христиане на разных языках возопияли: «Господи, помилуй!» Митрополит сначала раздавал зазженые свечи первейшим духовным особам,[a] потом брали всякой, кто успел протиснится прежде. И сей огненый свет разлился по всему великому пространному храму въ самое кратчайшее время. По обозжении гасили свои свечи, связанныя пучками по тамошнему обычаю, колпаками и шапками. Греки, болгары и волохи, въ турецких областях находящиеся, стоят въ церквах во время службы не снимая шапок, колпаков или скуфей. Поклоники, загасивши мелкия свечи, зажгли дан-

---

[a] *На поле*: Митрополит армянской получает Благодатный Огнь от греческаго митрополита.

ныя от епитропа большия, держали во время вечерней службе. По окончании вечерней некоторые из поклонников за нужными вещами ходили въ свои манастыри на короткое время, потом возвращались во храм, где всю нощь находились во храме.

Въ 6 часов ночи[а] начали в доску стучать. Поклонники и поклон*ни*цы и весь народ поставали от своих мест, потом началась утренняя во храме Воскресения Христова. После утренней служб*ы* и троекратнаго обхождения всего духовенства съ животворящим Крестом, хоругвьми и прочими святыми иконами кругом святой Кувуклии и пели «Воскресение Твое, Христе Спасе»* на греческом и аравинском[1] языках, «Христосъ воскресе!», — таким образом, по-гречески — «Хризосъ алезий!»[2] После чего началась литургия. Цемилиарно совершали служение, Евангелии читали по-стиховной на разных языках.* Литургия кончилась на разсветѣ. При выходе из храма все греческаго исповедания поклонники приглашены были мерхаджием на обед въ потриарший монастырь, въ коем по восходе на вторую лествицу, на площадке, стоял сам епитроп. Поклонники говорили: «Хрзосъ алезий! Алие, деспода!»[3] Он отвечал «Алидосъ алеелсъ!»[4] и раздавал крашенных сандалом* по два яйца. По восходе на нее вторую подносили водку, изюм для закуски. На к*овр*ех по всем верхам монастыря скатерти были разосланы и стояла уже вареная пища, и*з* сорочинской пшены уваренная с маслом каша, яишня, пшеничной хлеб. По возседании на оных поклонникам безпрестанно подносили белое виноградное вино. По выходе из патриаршей разошлись по манастырям все поклонники.

Апреля 17 числа светлыя Пасхи, в среду,[б] поутру дали знать всем поклонникам, кто желал ити на Иордан реку пешком, тем велено выходить за Евсиманския врата. Мы вышли со товарищами за врата оные, гдѣ поклоники собирались у вертограда, где Господь молилса до кровава пота перед страданием своим. Мы, сев под масличнами деревами от зноя солнечнаго, дожидая поклонников и поклониц. Некоторые из поклоников и поклониц нанимали для себя лошаков у арапов в оба конца, платима цена по 8 левов. С польдня арапы иорданские и турецкие провожатые приехали и повели всех поклонников и поклониц ко Иорданской реки.*

Мы шли прямо на восток, мимо Вифании. А о*т*толь чрез высокия каменныя горы, просеченною местами дорогою, около которой находится страшныя пропасти, поростшия колючими кустарниками, часа чрез три после вечерняго сумерка пришли къ развалинам бывшаго некогда монастыря святаго Евфимия.*

[1] арамейском; [2] Т. е. «Христос анести!» (Χριστός ανέστη! Khristos anesti! Христос воскрес!); [3] Т. е. «Алие (Оле?), владыко!»; [4] Т. е. «Алифос анести!» (Αληθώς ανέστη! Alithos anesti! Воистину воскрес!).

[а] *На поле*: На Пасху.

[б] *На поле*: Путешествие на Иордан реку.

И разположились начевать у разрушинной каменной ограды,[а] гдѣ уже находился конвой провожатых араб из Иорданской реки, — конные, с пиками и с ружями, повесовши за спиною. Лошадей имеют под верхом хороших, платье имеют обыкновенное арабское, полосатую, род шенели, без рукавов, на голове кушак, свитой змейкою. Арапы, кормя своих лошаков ячменем, мы сели вечерить, у кого что было взято собою изъ Ерусалима, а воду покупали у варапов, приносимых из селения, недорогою ценою. Потом легли спать. Сон наш не более продолжался трех часов. Арапы всех разбудили, чтоб продолжать путь далее. *Из-за* ночной темноты были заженные из смолистаго дерева факеллы, носимы арапами, при чем светло ити было гористыми сходами под гору.

При восходе солнца поравнялись мы съ находящеюся здесь въ левой стране Кварентинскою или Четыредесятидневною горою, на которой постился Христос 40 дней и 40 нощей, и гдѣ искушал Его диавол.* На другой стороне дороги противолежит сей горѣ Мертвое море, арабами называемое Багем.* Въ сем месте спустились мы под гору Елисееву, по току у коего находятся на пространном равнине развалины древняго города Иерихона,* между котором живут арапы въ несколких семествах; держат рогатый скот и пашут землю. Здесь продолжали путь свой по равнине, украшающейся зеленеющимися отъменными лесочками. Историк Иосифъ Флавий* пишет: «На сей равнине пространной были сады бальзамические и приносили драгоценные плоды, но Клеопатра, египетская царица, пленясь могуществом и красотою Марка Антония, въ знак презрения своего Ироду, перенесла или перасадила оные въ Каир». Потом шли верст съ десять, на сем пути видны развалины пустых монастырей. Первой, вверху Иордана, на правом берегу, святаго Иоанна Предтечи, а въправе, неподалеку устья, гдѣ оная река впадает въ Мертвое море, святаго Герасима, где лев поработал до кончины его.* Ныне въ оных монастырях скрываются разбойники.

Наконец приближились мы къ сей прославляемой христианами рекѣ[б] — по Крещению въ ней Спасителя нашего — и разошлись между лесу по полю, гдѣ кому угодно было разположится для купанья. И съ благоговением вошли въ реку по груди. Вымыв головы и потное тело, по несколку раз окунулись и от солнечнаго зноя доволно напились онай. Вода беловатая, мутная, легка: чем пьешъ, тем более апетиту к питию. И доставали камушки на дне и наполнили оною взятую съ собою посуду. Потом, вышед, оделись.

Иордан течет очень быстро, съ шумом, такъ что редкие отваживались входить въ глубину и плавать. Ширина его, где мы купались, около пятнацати или двацати сажень. Левой берег каменной, крутой и довольно высок. Арапы и турки на брегу, смотрев на нас, купающихся, дабы хто не утонул бы во оной, что и охраняют, долго не позволяют купатся, выгонят вон. Все окупались, тогда

[а] *На поле*: Обыкновенно где бывает начлех.

[б] *На поле*: Описание реки Иордана.

повели назад до лагерей — разбитых полаток патриаршаго монастыря, привезенных на верблюдах. По прибытии къ Елисееву потоку,* у коего стояло уже много разбитых полаток и шатров, мы, взо*й*дя под монастырской шатер, где одохнувши и пообедали. Тогда епископ и мусилим с турками и поклонники и поклоницы на лошадях верхами к нам прибыли в лагери, где арапы мусилима въстретили с палбою руженою. Для него особая полатка была, при коей караул содержали енычары. Мы с полудня 6 часовъ поднялись все поклоники, бывшие на Иордане реке.

Вход во Иерусалим тою же дорогою, коею шли ко Иордану, а конный караван остался на семъ месте начевать. Мы прибыли на то же самое место, где начевали прошедшую ночь, при темноте ночной, где на голой земли начевали. Поутру на другой день, чуть свет, вси поднялись поклонники ити в ход. Мы пришли во Иерусалимъ поутру 4 часа въ монастырь с*вятаго* праотца Авраамия,* где моя была келлия во оном; по том одохнул от перехода труднаго.

25-го апреля[a] все поклонники, бывшые во Иерусалиме, поклоняясь гробу Господню и наняв лошаковъ, и лашадей, и верблюдов, простясь с митрополитом и знакомыми еромонахами, начали отправляться во свое отечество, кому куда следовало. И мы, российские поклонники, въместе все отправились с караваном поутру въ 4 часа въ Давыдовы върата (тысеч за десяти человекъ ра*зных* вер) прежнею дорогою, мимо села Емануса.* И нас провожали енычары воруженныя до города Ремьля,* где начевали въ подворье патриаршем. А 26-го, поутру 2 часа, поднялись все поклонники, выехали из города. По проездѣ находящихся за городом смоковных садов или рощей, открылись зрению нашему объширныя ровныя, отчасти песковатые, пашни *с* особенным родом табаку, которой по времени имеет не желтой, а красной цветъ, арбузы и дынями, ко*и* тогда цвели, а дале пути наше*и* спелою пшеницею, которую поселяне жали и сваживали.

Прибыв въ Яфу* того жъ дня, т. е. 26 апреля, увидили мы до 40 судов греческих, турецких, италианских, пришедших за поклонниками. Мы, греческаго исповедания, поместились въ том же патриаршемъ метохе, въ коем, отправляясь во Иерусалим, жили более недели.

Мы иногда хаживали въ Дама*с*ския ворота, что на восточной старане, за город прогуливатся по морскому берегу. Сбирали выброшенныя со дна бурею разных сортов раковинки и купались въ морѣ.

Мы желали отправится въ путь на греческом суднѣ, и прописав наши пашпорты у консуля италианскаго, которой оказав свое благодеяние к российским поклоникам, не имевши денег чем заплатить за перевос до Константинополя по зговоренной цене, по 70-ти левов съ челове*к*а платимой, уговорив хозяна нашего карабля, чтобы безденожно взяльса довести, гдѣ российский министр

---

[a] *На поле*: Отбытие из Ерусалима въ Россию 1818-м году 25 апреля прежнею дорогою.

заплатить все денги и сполна, на что был наш хозяин и согласин принять всех таковых бедных на свой карабль. Мы, поблагодаря г*оспод*ина консула за его благодеяния и угощения, получа свой пашпорт от него и простясь с игумном нашего манастыря, забрав свои вещи, понесли за ворота на берег и склали на судно, переехав на карабль.

5-го майя ветер дул попутной, то немедленно снялось судно наше съ якоря и, подняв паруса, при помощи Божией пустились плыть в Средиземное море. На корабле нахадилось всех поклоников 72 человека разных вер. Плыли двое суток, не видали мы ничего, кроме моря и неба.

8-го майя увидали остров, Кипрским берегам, верстах въ 3-х от берега бросили якорь. Матросы спустили баркас, забрали боченки для пресной воды и поехали в селение на берег, которое при самом береге находилось с прекрасными садами, гдѣ матросы накупили провизии и разныхъ фруктов, вишен и лимонов, и апельсин, и хлеба, и дров, возвратились на судно. Снялось судно съ якоря, пустились въ море боковым ветром.

12-го майя усмотрели въ отдаленности Анатольскии берега.* Въ тот же день приближились мы къ развалинам города Мир Лики*и*, неподалеку у самаго моря, *с* турецками садами. Монастырь С*вятого* Николая Чудотворца до половины разрушившийся, гдѣ опочивали святыя его мощи до взятия их итальанцами,* греческие монахи оставили вовсе сей монастырь, потому что терпели от морских разбоников всегдашнее нападение и грабительство.

13-го ма*и*я пришли мы при сильном ветре крепость города Родоса, основаннаго *по* Истории Форонеем, царем Аргосским,* за 700 лет до Рождества Христова, называвшагося прежде разными именами, а потом, по сооружении искусны*м* художнико*м* Харесом чрезмерной величины Колосса, Колоссами, сим*и* именами называет его и святый апостол.* Двойная крепость вооруженная многими большаго калибра медными пушками. По съездѣ на берег видели мы чрезвычайной величины венецианския медныя пушки съ надписью латинскими и изображением с*вятых* угодников въ святительских одеяний на крепости стен, въ которых на вложенных мраморных камнях изображены кресты и святые угодники. Доказывают, что оныя построены во время владения христианами.

Кавалеры Иоанна Иерусалимскаго лишились сего славнаго острова въ 14 векѣ: султан Сулейман II-й напал на родосцев съ двумястами тысяч войска и четырмястами кораблей, принудил их шестимесечнаю осадою къ *с*дачѣ.* Сия война была кровопролитнее всех прочих известных по греческихъ историй. Турки, по овладении сим столичным городом, ничего въ нем не переменили въ мечети. Из них в одной погребен почитаемый ими за святаго паша, овладевши*й* Родосомъ. Въ крепости домы каменные о двух етажах, въ оных живут по болшой части турки, греки же в предместиях, гдѣ у них жиды на рынках продают мало товару, кроме что бакалейные и разные съесные припасы: плоды, лимоны, пер-

сики и огурцы, привозимыя сельскими греками лимоны, апельсины, арбузы, дыни во множестве и весма дешевы. По осмотре города и закупку путевых припасов, возвратились мы на судно.

На другой день снялось судно съ якоря и пошли мимо крепости, имевши на правой старане въ виду Анатольские берега. Плыли мы между многими малыми, населенными и необитаемыми, островами, нигдѣ не останавливаясь. Плыли мимо города Самоса,* мимо западнаго берега сего острова, целой день попутным ветром. И так мы при*плы*ли ночью къ городу Хио, именуему турками Сакиз,* отстоящаго от Самоса на 60 миль. В следующий день продолжали плыть близности сего острова; видели на оном обширные сады, из коих мастичные состоят под надзором турецких начальников. Хийская мастика, или дорогая мастичных кустарников смола, почитается лучшею во всем архипелаге. Мастика перваго сбору принадлежит султану, доставляется ежегодно оной 100 000 фунтов; остающуюся сверх сего продается хийский ага съ приложением казенной восковой печати. Око, или три фунта,* стоит 8 левов. Она употребляется в лекарство. Мы плыли около сего острова целой день. При наступлении ночи къ главному городу Хио, растоянием около 3-х верст, спустили баркас, и матросы, забрав боченки, поехали за пресной водой, а карабль лавировал, покудова с водою матросы возвратились на судно, и пош*ли* мимо сего города.

Плыли к острову Тенедосу* и, приближаясь къ Дарданеллам,* приметили великую разность въ цветѣ вод Чернаго и Средиземнаго морей. Первая — светлозеленая, а последняя — очень голубоватая и несравненная прозрачнее. Здесь прошли мы мимо находившагося от нас на заподе острова Самофраки, известнаго по ссылке на оной *святаго* Иоанна Златоустаго.* Далеко въ той же сторонѣ видна С*вятая* гора Афонская.* На восточном берегу, пред Дарданеллами, находится селение с прекрасными садами, рощами и лугами, кои принадлежат капитан-паше, то есть главному над турецком флотом начальнику. Проходили мимо крепости Инги Гиссин,* и достигли Мраморнаго моря, объежая многия тяжело нагруженныя суда сеном и другим припасом, идущие въ Костантинополь.

28-го майя, про*й*дя султанские серали къ Галатскому порту,* по приходу стали против балык-базара, то есть рыбнаго рынка. Приехавши на судно наше таможный надзиратель, осмотрев наши сундуки и чемоданы, сказал, чтобы мы вынесли для осмотра. С нас ничего не взяли: въ турецком государстве платятъ пошлину иностранные и мусульмане по 3, а подданные христиане по 10 процентов.

На другой день отправились мы в Перу, къ российскому посланнику въ канцелярию, гдѣ о*т*дав данные пашпорты на италиянскомъ языке, гдѣ и объявив г*осподи*ну коллѣжскому совѣтнику и кавалеру Тимонину, что у нас денег нет и за перевоз хозяину не платили, *то* нам объявили, *что* за перевоз заплатитъ канцелярия. И нам выдали на содержание пищи на одне судки, по

60 пар на человека, и приказали каждый день являтся въ канцелярию, которая будит старатся приисканию кораблей, идущих в Одессу и Тагинъ рог,* ко *от*правлению нас в Россию.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРЕСТЬЯНИНА ЯКИМА ВАСИЛЬЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО СВЯТЫЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ ИЗ РОССИИ ВЪ 1818-го ГОДА ОКТЯБРЯ 12-го ДНЯ

Из города Адеста* на греческом корабле до Царяграда Черным морем при благополучном ветрѣ, 900 миль француских, переплыли в 3-и судки, а российских 2000 верст.

2

Из Царяграда помощиею российскаго посланника из его росьсийской канцелярии отправлены мы были на турецком корабле, пловущем къ Ерусалимским берегам въ город Акру* октября 22 дня. И при благополучном ветре переплыли Мраморное море.* Въ трои сутки *доплыли* до города, по-турецки, Чернаполя.

3

Из Чернаполя пошли 25-го дня въ Белое море.* При переменных ветрах проходили остров по-грецки Анкис, а потом остров и город Родос.* Из Родоса при переменных ветрах неоднократно для наливки воды и переправки при той погод*е*, неблагоприятных ветр*ах*, выходили в острова на стоянки якорей. Дошли до острова Киприча* в последних числах ноября. А от острова Киприча пересели мы *на* карабль греческой, пловущей в город Яфу, по-турецки, а по-руски — Иопию, где Иону пророка кит-рыба вырыгнул на берег.* И приплыли мы въ 3 дни, и в греческой монастырь пристали декабря 13 дня. А всего ходу по Мраморному и Белому морям от Царяграда до Яфу по прямому курсу, или пути, расстояния 800 миль француских, а рускихъ 4000 верст.

Из города Яфа, из монастыря, до Иерусалима отправлены мы сухим путем расстояния 60-ти верстъ: богатыя — на лошедях и ослятах верхами, а мы, не имущия капиталов, — пешками. Были в городе милая Лида, въ греческом монастыре, где церковь Великомученика Георгия, в которой въ поминаемой въ книгах Священнаго Писания при строении той церкви вдовицин столп мраморной, принесенной морем, съ надписанием великомученика Георгия, по ея, вдовицину, желанию поставлен был на правой стороне въ первом столпи. А ныне уже от многих разорениев неприятелских церковь другая поставлена, а не та

самая.* А столпи половина, а не весь столп поставлен в церкве на том месте на воспоминание бывшаго чудесе, къ которому и мы, многогрешные, удостоились приложится съ призыванием на помощь великомученика Георгия.

А из Лиды, переночевавши, декабря 4-го числа пошли во Иерусалим. И не доходя пешком в один день по величине переходу и многими крутыми горами, каменистыми местами, на 5-е число, не доходя до города, на поле ночевали.

А 5-го числа прибыли во Иерусалим поутру рано и приняли нас съ радостию и благоприветством в Патриаршей монастырь.* И, по обыкновению тамошняго заведения, ноги мущинам обмывали так, как Христос своим ученикам,* и угощали нас, поклонников, богатою трапезою по-тамошнему заведению. И кто что мог, давали мы въ Синодик* денги и записывали имена живых и мертвых для поминания въ церквах за здравие и за упокой. А в вечеру, на 6-е число, на Николин день,* после вечерни съ протчими поклонниками въведены были начевать въ болшую церковь, где гроб Христов.* А по приведении учрежденные монахи повели нас по всей церкве, по всем святым местам, где Христос ст*ра*дал плотию, и розъказывали все святые места, кои имеются в той церкви.

А церковь весма велика и в ней много келей и жителей по сторона*м*. И в ту нощъ удостоились мы, многогрешные, слушать раннюю литургию на гробе Христа и приложится гробу Христову. А на Голгофе* и въ средней церкве служили соборные митрополит и архиерей и поминали написанные наши въ Синодике имена за здравие и за упокой. А после литургиев повели нас из болшей церкви и определили в разные монастыри по кельям для проживания до дни Пасхи Христовой. А мы с товарищи отведены были в монастырь Иоанна Предътечи, где есть глав*ы* его часть,* и ту въ келье жили до отъезда своего.

Описание святаго града Иерусалима по возможности ума моего, могущаго что вместить, и что я телесными очами сподобился видеть и описать помощию Божиею часть страданий Христовых и состроенной царемъ К*он*стянтином болшей церкви иерусалимской Воскресения Христова на горе Голгофе.

1-е

Царем К*он*стянтином великим и материю его Еленою состроенная церковь иерусалимская на горе Голгофе — где Христос страдал плотию нашего ради спасения и на кресте былъ распят — весма великая и чудесная, что даже применить ни къ кото*рой* церкве неможно. А назвать ее как болшей монастырь: она можетъ вместить в себя 10 000 человек, ибо в ней много кельев, как то — греческих, армянских, полских, католических, сирианских и копских.*

2-е

При ней за стеной церковь первомученици Феклы,* в которой есть камень неболшей, отшибенной от столпа Христова, при коим Христа мучили привязаннаго. А отшибен во время взятия турками Иерусалима града. И одинъ тур-

чанинъ взял отшибок въ свой дом, и ему неоднократно были страшные привидения, коему приказано было во сне отдать оной камень христианскому архиерею. И оной турчанин, устрашась, и отдал тогдашнему патриарху, а патриарх и отдал в сию церковь.* Х коему и мы, многогрешные, удостоилисъ приложится.

Подле той же церкви, близ дверей полуденных церковных, церковь Иакова, брата Божия по плоти.* В паперти есть притвор — часовня, где Мария Магдалина, первая пришедши поутру рано ко гробу Христову, по Евангелию, въ первый день после субботы. А где Христос был погребен, то место был сад, или вертоград Иосифа Аримофея на горе Голгофе. И она от великой печали дошла по саду и была въ великом недоумении, что не нашла желаемаго Христа. И видит ангеловъ у гроба, а тела Христова нет. И въ ту самую минуту явился ей Христосъ телесным образом и глаголетъ: «Марие!» Ту она, по гласу узнавши Христа, и от радости бросилась къ Его пречистым ногам и хотела целовать ноги. Но Христос ея от себя отринул и рек ей: «Не прикасайся мне, Марие! Я не умер, еще в мире, и не умер, еще не взошел ко Отцу Моему! А иди и возвести учеником моим, что я воскрес из мертвых и возхожду ко Отцу моему на небо».* И мы къ месту тому прикладываемся, стопам Христовым.*

4-е

Во оной же паперти храм Иоанна Богослова. При одной стене от олтаря камень немалой, принесенной въ старину ангелом из Синайской горы, с того места, где Бог стоял на нем во облаке на горе и Моисею пророку глаголал и дал ему скрижаль Завета.* И мы, многогрешные, сподобились къ нему приложится.

5

На другой стороне дверей церковныхъ, при стене, есть неболшая церковь, где во время жизни Марии Египецкой она была не впущена в церковь силою Божиею.* И ей был ту глас от иконы Богородицины: «Аще обещае ми ся Богу въпредь съ сего времени не делать того греха, что прежде делала, и пойдешь за Иордан реку в пустыню и покаешся, то и будешь впущена в церковь». И она, услышавши глас, той иконе начала молится и все то обещалась исполнить, тогда и была въпущена в церковь. И, поклонившись святым местам, возвратно вышла и ушла в то же время за Иордан реку в пустыню молится Богу. И, как пишет въ ея Житии въ Треоди посной,* на том месте и ныне ея храм. И ту мы прикладываемся ко образу Марии Египетской.

6

Подле сей малой церкви есть монастырь Авраамиев.* И в том монастыре въверху горы церковь неболшая, где Авраам сына своего Исаака хотел зарезать для принесения его в жертву Богу по повелению Божию. Ибо, любя его, Бог искушал его верность и усердие къ Богу.* Когда Авраам, слыша Бога повеление

себе, что сына своего Исаака принести въ жертву Богу, не пременил Божия слова и не пожалел сына своего. Помыслил, что «силен Бог из мертвых воскресити сына моего», и, доведя его на сие место, связа ему руки и ноги и хотел зарезать его ножем. То въ тот час ангел, послан от Бога, удержа ему руку с ножем и рек: «Аврааме, Аврааме, остави сына своего, а вместо его в саду *своем* привязаннаго овна под древом взять и того зарезать в жертву Богу, вместо сына своего Исаака». И мы к месту тому прикладываемся. А древо то, къ которому овен был привязан, и ныне зелено стоит, и зимой с листом.

7

Въ болшей церкви есть место на верху горы Голгофы, где был крест Христов водружен въ землю.* Ту место и ныне хранится, видно. И мы сподобились къ месту тому приложится.

8

Въ зделанную царем Костянтином болшую церковь входить с полуденной стороны, при коих содержится турецкой караул, и оные двери отпирают по временам, когда получат от патриарха положенную плату за вход церковной. И входят без денег толко те люди-христиане, у коих есть турецкие фермины, по-нашему — указы, кои получают в Цареграде; за них платят по 25-ти левков. Еще монастырские за патриаршую плату входят. А у коих нетъ ферманов, со всякаго берут турки за вход по 2-ва лева и болше, смотря по человеку.

9

Възойдя в болшую церковь, от дверей саженъ 5-ть, прямо дверей церковных на полу есть место поднятое, аки амвон, обделано карнизами каменными, а наверху въ середине плита мраморная изъкрасна.* Въ долготу болше dву аршин, а ширины въ аршин или поболе. На оной плите, повествуют, благообразна князъ Иосифъ съ Никодимом, снявши со креста тело Господа нашего Иисуса Христа, объвивали плащеницами. А когда обвивали, тогда ангели на воздусех пели «Святы Боже, святы крепки»* и прочая. И потому въ православной Церкве соборами положено, как умершее тело христианское несут на погребение, то и поют «Святы Боже» по примеру пения ангелскаго. А над тем местом висят лампады греческие и горятъ неугасимо греческие, армянские, франков, сирианские и католиков. А на концах плиты стоят по 3-ри свечи болшиех. И мы ко оному месту прикладываемся.

10

И от того места по правой стороне в церкве есть лесница, итти въверх. Тамо место, где пришли жены-мироносицы съ Богородицой поутру рано ко гробу Христову помазать тело Христово миром и увидели двух ангелов, у гроба се-

дящих и им глаголющих, что востал Христос из мертвых, несть зде: «Идите въ Галилею, тамо Его узрите». А над тем местом кругом зделана железная решетка как венец, а наверху образ Пресвятыя Богородици, чудотворной,* и ту горят лампады. А мы месту тому покланяемся и целуем.

11

И от того места въправо среди церкви, где выведен кунпал, а ныне стоит непокрытой, и против кунпала внизу есть Кувуклия, или по-нашему часовня, над гробом Христовым, которая прежде, до пожару,* была вся мусиею украшена, то есть мелкими камешками позолоченными обложена снутри, а снаружи были образа. А ныне оное все погорело, толко объвешены стены красным бархатом снутри и снаружи. И, подходя къ часовне, всякой человек должен снять съ себя сапоги или башмаки съ ног, идти босыми ногами ко гробу Христову.

12

При входе въ часовню въ двери западные, над ними есть образ восстания Христова из гроба. И възойдя въ первые двери въ часовню, среди ее, стоитъ камень вышины до грудей человеку, въверхъ болше полу-аршинна. Тотъ самой камень, которой отвален ангелом от гроба Христова.* А над ним висят лампады сребрянные греческие, армянские, сирианские. И на тот камень греки приносят каждой день из большей церкви на медном листу написанной образ снятия Господа нашего Иисуса Христа со креста и кладут на оной камень поутру рано ежедневно, и служат на камне со образом раннюю литургию. А проскомидию совершают на самом гробе Христове,* потом и унесут образ в олтарь. Тогда франки служат свою литургию по своему обряду.

13

А от камня, отваленнаго ангелом, аршина съ полтора на запад вход весма ниской, наклонившись, взойти в часовню, или в пещеру ко гробу Христову,* где при одной ночной стороне у стены стоит гроб Христов на полу, которой въ вышину поменше аршина и въ ширину как то жъ въ длину, болше двух аршин. Мраморной видом, белой, съ полосами синими накось. Стены у гроба прямыя, как сундук, а верхняя крыша пополам расколота поперег. Повествуют, некогда султан турецкой хотел крышу съ гроба Христова взять къ себе, во свой дворец в Царьград, на свою потребу. То греки сие услышали и по совету тогдашняго патриарха оную крышу раскололи. Когда турки, присланные за крышой, пришли и увидели расколотую *плиту*, и писали о том султану. Ту султан, узнавши, не приказал и взять, оставить при своем месте.*

А над гробом образ восстания Христова изъ гроба* изображен весма чудесно. А въверху по всей часовне лампады с зажженным елеем горятъ неугасимо — греческие, армянские, сирианские, франков и коптов. Которой гробъ мы,

многогрешные и недостойные, приходя, прикладываемся, когда отпрут турки двери у болшей церкви, а въ часовню входим, скиня с ног сапоги или башмаки, босыми ногами.

А зъзади, чрезъ стену, есть церкви сирианской веры, другая — коп*т*ской веры. И у них две могилы, где были гробы благообразнаго Иосифа Аримафейскаго и князя Никодима.* И мы, изъходя, оные гробници целуемъ.

А выходя, противъ часовни, есть колодец каменной, выкладенной, дождевой воды, приведенной со всей болшей церкви трубами и жалобами.* Из коего колодца все люди, живущие в церкве, для употребления в пищу берут воду, и мы из того пили. Ибо во граде Иерусалиме водой весма скудно в сухое время и у всех жителей есть каменные колодцы, и в них с кровель дождевные воды накопляютъ на сухое время.

14-т

Вышедши из часовни, по левой же стороне изъ-подъ свода кунпала, храм франков. А в ней на полу плита круглая мраморная. Повествуют, что на ней жиды выправляли гвозди, коими прибивали ко кресту тело Христово. И мы оную плиту целуем. И еще есть столп, закрытой досками, у коего привязаннаго Христа били по главе.* А мы съквозь досток въ скважню тростию ударяем в тот столп и целуем у трости конец въ воспоминание страдания Господа нашего Иисуса Христа.

15-т

От того места поперег церкви къ дверем, въ кои на восток въход в церковь, въ средине болшей церкви храм Воскресения Христова. И въ средине его стоит камень на полу, окаченной кругом, а на нем крест поставлен. И то говорят, тут под каменем Пуп земли. И никого под пол и под камень не допущают, ибо и царь Давид написал: «Спасение соделалъ еси посреди земли, Христе Боже наш».* И мы тот камень целуем.

16-т

Вышедши на восток из часовни, кругом средней церкви, от ночных дверей неподалеку, есть престол Логина сотника.* Когда Христа распяли на кресте, солнце померкло, и земля потряслася, тогда сей сотник, стоя у креста, уверился, что Христос есть Сын Божий, нача Ему молитися и проповедати, то Пилатовы воины, услышавши от него, и били его. И ту ныне его храм. А мы же целуем престол его. От него мало пройдя, против самаго олтаря Воскресения Христова, въ стене армянской престол, где снят*ые* со Христа ризы воины делили и драли и жребий метали на четыре части.* И ту създади престола мы, християне, целуем стены ящиков, в коих лежали те ризы Христовы,* въ воспоминание страстей Господних.

17-ть

А от того места, на восток идти, есть лесница вниз ступеней 50-т, где внизу престолъ армянской.* А вбоку, на земле, есть место крестов и столпов и гробы зарытых въ земле бывших по*стра*давших. К ночи лесница вверх, повы*ше* ступеней 30-т, не на самой пол церковной, есть церковь армянская болшая о двухъ пределах. А въ правом боку три горящие лампады. Повествуют, что царица Елена и царь Константин ту сидели и смотрели, когда из земли вырывали крестъ Христов и двух разбойников. И гроб Христов, и столпы, кои все были зарыты в землю от царя Андрияна ельлинскаго, идолопоклонника и служителя бесом,* а Ерусалим град стены и дома после все были разорены до основания, по слову Спасителеву: «Не остане*тся* камень на камени, дондеже вся разорятся».* Ибо тогда царь Констянтин и царица Елена и Макари*й*, патриарх Иерусалимски*й*,* вырывши из земли кресты, Христов и разбойниковы, и не узнали, которой крест Христов, и были в печали. И начали просить Бога объявить, которой крест Христов. И по Божию строению в то время несли на погребение мертвую девицу, и возложи Бог царю на серце, повеле оную девицу принести и нача прикладывати ко крестам. И егда приложили ко кресту Христову, и оживе мертвая девица.* И в тот час познали крест Христов и вознесли на Лобное место въ славу и показание всемъ людем.

18-ть

А от того места обратно въверх выдеш по дву лесницам, и мало пройдя, обратясъ къ западу, въ стене престол греческой, а под престолом за железной решеткой есть столп, у котораго воины Пилатовы Иисуса Христа били и терновен венец на святую главу Его возлагали и въ святое лице Его плевали, и на колена пред ним припадали на поругание, и давали трость в десницу Его, приговаривали: «Радуйся, царю иудейски!»* А сами тою тростию по главе Его били. И, повествуют, что оной столп святою Его кровию был весь окровавлен. И мы толко сквозь решетки рукою достаем до столпа и руку целу*ем* въ воспоминание Христова страдания.

19-ть

И от того столпа къ западу дойдя до полуденныхъ дверей, кои двери из церкви Воскресения Христова, есть лесница въверх ступеней 15-ть. И въверху церковь немалая, называемая «на горе Голгофе». В той есть престолов три: греческой, армянской и франков, то есть католиков. Греческой престол на отъкрытие без *и*коностаса, а под престолом медной въниз дирой. Повествуют, что на том месте крест Христов был в землю водружен во время Христова страдания, а назади престола поставлен крест распятия Христова.* [*Листы с главами 20—27 утрачены и далее следует описание храма Успения Богородицы в Гефсимании*]

...А ныне то место розрыто широко и глубоко, и въ немъ зделана церковь доволно велика, а сходит вниз в церковь лесница широкая, ступеней до 40-ка или болше. А на средине той лесници, въ правой стране, стоят гробы богоотцев Иоакима и Анны. На одном гробе совершают литургию, а на другом проскомидию; и они стоят на восточной стене.

28

На той же леснице, на сопротив тех гробов, в западной стене гроб Иосифа, обручника Богородицина.* На том гробе армянской престол,* которые места мы все целуем.

29

Въ средине церкви, къ востоку, есть часовня неболшая, в которую входить в двери наклонившись. Ту стоит гроб пресвятыя Богородици мраморной белой съ синими полосами, вышина от земли более аршина, а ширина въ аршинъ, в длину более двух аршин. Стены у гроба прямые, сундуком, а над ним лампадов съ елеем доволно, горят неугасимо греческих, армянских. И литургию на нем служат прежде по-гречески арабские христиане-священники, а когда отслужат, тогда и антимис убирают. А потом на том же гробе служат армяне, а наши христианские священники проскомидию совершают на особенном жертвеннике въпереди часовни. А ко гробу, как Христову, равно и къ Богородицину, всех вер христианские люди прикладываются. Так же и мы, грешные, удостоилисъ прикладыватся; некоторые и турки прикладываются.

30

Выходя из церкви, влево, в потоке есть пещера болшая, в которой апостоли от страха пряталися, когда Христа распинали. И в нее же по Воскресении, дверем заключенным, взошел Христос къ ученикам своим и глаголал им: «Мир вам!»* Показывал им язвы гвоздинныя на руках и на ногах и пречистые ребра своя, язвы кровавыя и страдания своя. Ту престол армянской, мы же мимо ходим, то они вместо «Господи, Иисусе Христе!» рекли «Пресвятая Богородице, помогай нам!» Так и ныне при болших обителех уставлено и велено исполнять. А мы, многогрешные, все те святые места удостоились видеть и приложится. [*Далее листы, до описания Елеонской горы, утрачены*].

36-ть

А от того камня идти в гору верст с полтора на восток, на Елеонскую гору, где Христос вознесься на небо. Есть старинная церковь, называемая Малая Галилея: когда Христос возносился, тогда Богородица и ученики были на горе, и сам Христос на всех учеников сво*и* руки полагал и благословлял. И чрез то их всех делал архиереами и, благословя, приказал им отступить от себя.

И когда они отошли на сие место и смотрели, тогда подошед облако, взяв и вознесѣ Христа на небо. А къ Богородице и ко апостолом посланы были два ангела, кои рекли им: «Сей Иисусъ, Егоже видите возносящася на небо, той паки приидетъ на облацехъ же на землю судити живыхъ и мертвыхъ и воздати комуждо по деломъ его».* И ту, где были олтари и престолы, мы прикладываемся. А ныне церкви нет.

37-е

А на самом верху горы Елеонской старая церковь, непокрытая, а среди ея есть кувуклия, или род часовни, а внутри ея на камне, значит, стоп Христовых следы, с коего камня Христос вознесъся на небеса.* И ныне то место, где стоял Христос на камне босыми ногами, аки на песке, видно, стопы Его. И мы къ стопам Его прикладываемся. А въ церкве престол болшей греческой, а по сторонам армянской, сирианской, копской и франков. А во время празника Вознесения Христова* на всех тех литургии служат.

38-е

От горы Елеонской ити къ востоку версты две, есть деревня Вифания. Внутри ея глубокая пещера и болшая, в которой был погребен Лазарь, и Христос его воскресил, четверодневнаго, божественным своим словом, рек: «Лазоре, гряди вонъ!»* И возта Лазорь, аки вран летящи,* и в той пещере въ старину была церковь и престол, а ныне пусто.*

39-е

А от Вифани с полверсты на восток же есть камень, на котором Христос сидел. Когда Лазарь помре, Христос пришел его воскресить и, не доходя до Вифани, на том камне сел. Ту его стретила Марфа. Прежде Христос велел ей и Марию привести, а пришедше же, они заплакали, рекоша: «Господи, аще бы Ты былъ зде, не бы братъ нашъ умеръ». Он же рече: «Не умеръ бо есть, но спитъ. Покажите ми место, где его положисте». И, пришедъ, глаголаше: «Лазоре, гряди вон!» И воста из гроба.* А камень, на коем сидел Христос, весь изъбит: всякой христианин, приходя целовать его, и стараются от него что ни есть отшибить, но не могут — болно крепок. Повествуют, что некогда и молотами били, но ничего не могли отшибить. И мы его целуем.

40

От того камня обратно идти во Иерусалим версты 3-ри с половиной, и, не доходя до города, есть Юдоль плачевная, а по горе до низу кладбище жидовское. И оной поток взялся повыше Гепсиманской веси и пошел на полдень подле восточной стены Иерусалима града. И повествуют, что во время пришествия Христова на землю от гроба Богородици по тому потоку потечет река огнен-

ныя,* и прошед он до реки Иордана. А у кладбища жидовскаго есть болшая гробница, в ней погребен сын Авесьсалом, которой хотел у отца живаго царство взять насилно войною, но Господь его наказал на сем свете.* И в ту часовню жиды и протчих вер, кроме христиан, кому случится идти, всякой кидает в окно по камню, по ихному закону: за то, что он на отца своего шел войною. А мы, христиане, мимо проходим.

41-е

Близ той гробници вниз есть на камне стоп Христовых следы обеих Его пречистых ног, на котором стоя, Христос плюнул на землю и зделал брение, и помаза очи слепорожденну, и приказал идти и умытся в купели Силуамстей, то есть в колодце. Он же, шед, умывся и прозре. И от того месту, по потоку с полверсты вънизъ, купель Силуамъская,* а в ней вода чистая, аки сребро белое, глубины въ аршин. И тут христиане умываются, где и слепой умылся и прозрел. А армяне неверные купаются. А вода из него уходит под гору и проходит под го*рою* более версты, и выходит внизъ поток*а* болшею струею, которую воду иерусалимские жители, когда бывает засуха, берут на всякую потребу и возятъ в город на ослятах.

42

И от того источника идти съ полверсты к городу по потоку *К*едрскому, въправе по горе село Скуделничье, в коем жителей нет, а толко старинное кладбище, купленное на данные Иуде денги — тридесять сребренников — от жидовских архиереев. И куплено то село въ погребение странным.* А ныне тут уже не кладут покойников.

43

И от того обратно идти къ Ерусалиму с версту или болше, взойдя на гору Сионскую,* ныне христианское кладбище. И ту есть разваленной камень, и уже собранной в кучу, из коего был построен дом Зеведеев, о*тц*а Иоанна Богослова. В коем доме Исус Христос совершал Тайную вечерю и учеником умывал ноги, и с ними, по жидовскому обряду, ял пасху и пил из чаши вино, коя чаша и ныне хранится во Афонской горе, в монастыре Вадопетском.*

В том же доме и сошествие Святаго Духа было въ Троицин день* на Богородицу и на всех учеников въ виде огня, и коемужде седе огнь на главу его, как пишется, видим на *ик*онах, и начаша глаголати странными глаголы.* Еще въ том же доме и Богородица жила после Христа у Иоанна Богослова. В том же доме умре сном естества человеческаго, и душу ея сам Христос взялъ на свои руки ис того дому, и тело ея апостоли отнесли въ Гепсиманию на погребение.* И ту мы къ месту ея прикладываемся.

44-е

И от того места идти на ночь къ городским полъдневным воротам Сионским.* Не дойдя оных ворот, есть место, где Амони жидовин хотел гроб Богородицин с телом ея опрокинуть, когда несли на погребение. Тогда ангелъ Господень, прикоснувшись его рукам невидимо, обе его руки по локоть отрубил. И обе руки его повисли на гробе, а он *от* великой болезни закричал необыкновенно. Тогда Петр апостол рек ему: «Естли ты повершиь, что рожшейся от нея Христосъ есть Богъ, то и руки твои изъцелеютъ». Тогда он воскричал от всего сердца: «Верую Иисуса Христа быти Бога истиннаго!» Тогда апостол повеле ему къ рукам висящим приложити свое руки. Как скоро приложил, то и приросли по-старому, и болезни избавился. Толко вид был отрубленых мест: препоясани черным.*

45-е

Еще тем же путем идти къ собору, у стены градской болшое каменное здание, где был дом царя Давида, а ныне пуст. В кое здание христиан не впущают, а повествуют, что во время втораго Христова пришествия на землю, в день Страшнаго суда, в нем будет поставлен престол Господень. Еще внутри есть на камне следы ступени ноги Давида царя: когда царь Давид войск*о*м брал у арапов сей град, во время сражения стоял на оном камне, молился и просил Бога, и ноги его ушли въ камень, аки въ воск.* А в том здании ныне турецкой арсенал: на стенех пушки и вокруг канал*ы*. Мы же проходим мимо.

46-е

Град Иерусалим стоит на гористом месте и в нем есть горы болшие. Видом он пятистенной, а около его обнесены стены каменные, высокие, едва камнем немочно въскинуть, а средина просыпана тамошняго хрящу (*так!*), стена дикова камня. Ворот 5-ры, и одне неболшие улици в нем, даже все камнем высланы. И есть гостиной двор и рынок, где поселяне привозят дрова и скотину приганяют у Давыдова дому. Ту и ворота городские, называемые Давыдовы.* В кои врата мы, поклонники, приходим во Иерусалим от западу, и въ немъ расстояния вер*с*тъ 5-ть или болше будет.

47-е

А близ болшей соборной церкви кругом монастыри, а имянно: 1 — Сретения Господня; 2 — Въведения пресвятыя Богородици; 3 — Архангела Михаила; 4 — Иоанна Предтечи; 5 — Николая Чудотворца; 6 — Василия Великаго; 7 — Великомученика Георгия; 8 — Великомученика Димитрия; 9 — Феодора Тирона; 10 — Авраама патриарха; 11 — Великомученици Екатерины; 12 — Евфимия Великаго, кроме Патриаршаго болшаго монастыря.*

48-е

Выходя из города в полуночные ворота, или Дамасковы,* близ тех ворот есть пещера болшая, в которой прежде был монастырь, а ныне опустело, а толко турецкой караулъ (и берутъ турки за вход с каждаго человека по 2-ве парички). В ней есть въ стене въ камне место, где прежде спал пророк Варух, послушен Иеремии пророка, а спал на том месте 70-т лет, когда иудеи были въ Вавилоне въ плену. А когда он пробудился, тогда поймал врана, написал писмо и привязал врану под криле, и послал его въ Вавилонъ къ Даниилу пророку, изъвестил, что оне в том году будут отпущены изъ плену.*

49-е

От западных Давыдовых ворот идти в горы версты 3-ри, есть монастырь Кресной.* Повествуют, в нем росло древо на крест Господень на Адамове могиле.* И ту есть над тем местом престол, и мы къ месту прикладываемся. Под престолом ход в землю — яма, где корень был у древа, и каждой беретъ тоя земли. А когда мы, поклонники, приходим, то выносят крест неболшей от настоящаго древа Христова, и к нему прикладываемся, а из-под креста наделяют нас по веточке с листами растущаго древа. В том монастыре от корени древа креснаго, или райскаго, веточки весма душистые. А о древе пишется: «От котораго древа преступление, от него и спасение». Когда Адама жъ изъгна из раю, и рече ему: «Во время приидеши ты къ болезни. Приди или пришли паки в рай для врачевания болезни твоея».

И когда Адам прииде къ старости своей и возлеже на одре болезни своея, посла сына своего Сифа ко ангелу, хранящему рай, просити врачества ради здравия и продления жизни на земли. Ангел же Божиим повелением от древа заповеданнаго в раю, от негоже Адам вкусиф, преступи заповедь Божию, даде ему три зерна. Сиф же, от ангела тыя зерны приемши, возратися ко отцу своему Адаму и не обрете его в живых, но умерша и погребена. И плакав много, посади зерна в землю при гробе отца своего. И от тех зерн возрастоша три леторасли — кедрова, и кипарисова, и певгова. Таже по многих лет древа оные срастошася во едино древо: от корени едино древо, въ верху же ветви особо разделишася натрое. И пребысть то древо до дней царя Соломона. Соломон же, во Иерусалиме строив церковь Святая Святых и собирав древа негниющие, и посечено бысть оное древо яко изрядное, и во Иерусалим къ зданию привезено. И по смотрению Божию не употребися въ здание церковное: на ином бо месте бываше долго, на ином же коротко. Того ради древо оставлено вытесанное брусом и по окончании церкви положено в сенех, при стене церковной, в седалище приходящим людем и почити оттуда хотящим.

Егдаже царица Савска* именем Никавля — едина от древних пророчиц — прииде во Иерусалим видети Соломонову премудрость, то, разъсмотряя пречудное церковное здание, хотяше почити на оное древо, но опали ея огнь

(бяше бо на ней в то время женам немощь бысть). Во ужасе и пророческим духом прорече: «О, о треблаженное древо! На немъже расъпнется Христосъ Господь!» Хотящися она рещи: «О, о треклятое древо», — но усты ея прорече: «О, о треблаженное древо!» Того ради повелением царя Соломона древо оное закопано бысть в землю глубоко в горе, противу Овчей купели.* Но по многих летех земля объсыпашеся съ горы от воды, и Божим строением древо оное изыде из земли и по воде купели Овчия плаваше. Коего ради древа ангел Господень на всяко лето съхождаше в купель оную и возмущаше воду, то бо древо омывая и отираше, и подавашеся изъцеление: иже первее влязаше по возмущении воды, окунется, здрав бываше. Егда же жидове, емше Христа и Пилату на распятие предавше, искаше древа тяжчайшаго на крест и увидевше оное древо въ воде купели Овчия, водою намоченное, изъвлекоша его оттуду и въдаша на соделание из него креста Господня, иже толь тяжек бе, яко нужда бяше, да кто въ ношении Христу поможетъ. И задеша Симону Киринейску понести крест Господень,* на нем бо Господа распяша, и от него спасение изыде.

50

А от Креснаго монастыря версты 4-ре къ Вифлеему,* на пути монастырь Илии пророка, есть камень, а в нем яма, где Илья пророк спал на том камне, ушедши от Езавели, царици жидовской, убоявшись смерти, и ангел Господень его возбуди, принес пищи и рек ему: «Яждь сие, се бо далекъ ти путь предлежитъ». Он же яде и после сего ангелскаго кушанья иде въ путь четыредесять дней и нощей, не взалка.* И та яма въ камне, где лежал, выдавлено как в песке. Мы же в нее ложимся и целуем то место.

51-е

От монастыря Ильинскаго на полдень верты 4-ре, на горе Вифлеем град. Шед близ, подле его есть монастырь на том месте, где Христос родился въ вертепе. Монастырь болшей, стены столь кругом высоки, что едва камнем перекинешь. А въ средине, над самым вертепом, престол греческой. А збоку в той же церкве армянская церковь и с обеихъ сторонъ въниз ход въ вертеп, где Христос родился.* Под престолом, ныне над ним въверху престол, и на нем прежде греки литургию отслужат, потом уберут свой антимис, потом армяне по своему обряду тоже литургию отслужат. А къ месту мы, христиане, прикладываемся. А около его, под престолом, лампадов горящих неугасимо доволно греческих, армянских, франков. Так же и по всему вертепу.

52-е

Въ том же вертепе есть место яслей, где Богородица, спеленавши Христа, положила во ясли. Они пониже полу, въ полъ-аршина. И ту франки служат, а мы къ яслем прикладываемся.

52-е (*так!*)

Близ того монастыря, на полдень, есть пещера, в коей въ старину была церковь, а ныне опустело. Когда Ирод царь приказал убивать младенцов, хотел в том числе и Христа убить, то Богородица, сие услышавши, раньше ночью, взявши Сына своего, Иисуса Христа, и пришедши в ту пещеру, где Иосиф, ея обручник, спал, возбудивши его, сказала бывшее, что надобно отселе бежать. А Иосифу во сне явился ангел Господень и рек: «Поими отроча и матерь и бежи во Египет, и буди тамо, дондеже реку ти». Он же, восставши ото сна, посади Богородицу на осля со Христом и пошелъ в ту нощь во Египет.* И ту мы прикладываемся.

53-е

И от того места на восток, с версту или болше, под гору есть долина, где был монастырь, а ныне пустое, камнем огороженное, место. Когда Христос родился, в ту нощь тут пастухи пасли скотину, им ангели явились и говорили: «Идите въ Вифлеем и поклонитеся рождшемуся Христу, въ вертепе лежащему (во яслех)».* И воспеша ангели на воздусех: «Слава в вышнихъ Богу и на земли миръ, в человецехъ благоволение!»*

54-е

От Давыдовых ворот иерусалимских на зимней восток, по потоку Ке*др*скому верстъ 29-ть, монастырь на самом потоке, в горе, Саввы Освященнаго и ево келья в земле, в пещере, где спасался в монастыре. Церквей 5-ть, 6-я — соборная, Саввы Освященнаго храм, в котором выносили въ ящиках мощей, главы К*с*енофонта и супруги его Марии и детей их — Аркадия, Иоанна,* къ коим мы прикладывалися.

55-е

Въ восточные, Гепсиманские, ворота из Ерусалима идти ко Иордану* на восток мимо Вифани*и*, верст 30-ть, есть монастырь разваленной Герасима, иже на Иордане, коему служил лев.* *Теперь* толко один знак монастырской ограды, более ничего нет. Где мы, идучи на Иордан, начевали. И от онаго, поутру въставши, ночью шли верт 99-ть. Начали съпущатся съ последней горы въ долину лугов Иордан*а* реки, в левую сторону. В ночь видна была гора Саранданская, на которой Христос после Крещения постился 40-к дней и 40-к нощей, и ту искушаем был от диавола.* В ней мы не были. От Иорданской дороги видно, примерно верстъ 20-ть или болше.

56-е

И от подошвы горы лучами равными местом до Иордани реки верст 10-ть. И дошед до нее, мы — все поклонники — исъкупалися на самом на

том месте, где Христос крестился, и пошли обратно къ той горе на роздых обедать, где турецкие караулы для поклонников роскину*ли* шатры, ибо от набегов арапов бывает поклонникам обида. И тамо, где купались, на берегу, есть монастырь опустевшей, где крестился Христос и народ от Иоанна Крестителя.*

Река Иордан течет весма быстро, равно, как у нас въ болшие воды весною реки текут, а она въсегда тако течет от ночи на полдень из двух озер Иора и Дана.* Близ того места, где Христос крестился, впадает в Мертвое море, и, по Писанию, проходя то море, уходит своею струею под гору въ землю.

57-е

А Мертвое море* от того места, где Христос крестился, примерно верст 5-ть или болше, а потому называется Мертвое, что в нем никакой рыбы, ни гада, ни зверя нет. А какая рыба или гад зайдет, то в нем и помрет, ибо оно взяло свое начало, когда проволились съквозе землю Содом и Гомор грады* со своими окресностями. И зъделалась вода болшое озеро. И в нем толко по берегам вымывает соль, коею збирают арапы и продают въ пищу. А оно, по повествованию тамошних жителей, в ширину на 40-к миль французских, а въ длину на 500-т миль, а в каждой миле росъсийских 5-ть верст. И мы на нем не были, а толко близко были.

58-е

От Давыдовых ворот из Ерусалима на запад идти в горы верстъ 5-т или болше есть гора прекрутая, где Елисавет, жена Захариева, съпрятавшись в расьселину каменную со младенцем своим Иоанном Предтечею, услышавши, что Ирод царь начал побивать младенцов,* от коего страха укрывалась в той расъселине, где просила Бога, чтобы ей подал воду для утоления ея жажды. Тогда же Бог услышал ея молитву, и потече ис камня вода болшею струею; которая пещера и ныне есть, и вода течет изобилно. И оную воду мы пили.

А всего святаго места уму не вместимо и описать невозможно, а толко по возможности ума моего, *с* Божиею помощиею, я описываю, но не все святые места, а часть изърядную для повествования. Аминь.

О произъшестви света Христова на гробѣ въ болшой церкве на горе Голгофе

Когда мы пришедше во Иерусалим на зимней Николин день,* а протчие росъсийские же поклонники пришли и раньше, и все доживши до дни Пасхи Христовой въ патриаршем монастыре по монастырским кельям. И во всю бытность у нас, российских поклонников, от патриаршаго монастыря доволствовали хлебом и харчами, хотя и не так богато, но можно жить. И во время прожива-

ния были доволствованы въ патриаршем монастыре поклонники, всех языков христиане, по три раза трапезой богатой угощены, где и вина было до зело. А во время проживания до Пасхи были позываны въ болшую церковь все поклонники на ночь начеватъ три раза.

В день недели Православ*ия*,* после литургии, митрополит со всем священническим собором со крестами и съ хоругви вокруг часовни, въ коей гроб Христов, обошли три раза, а по церкве един. И после у гроба Христова творили литию, за которой поминали имена всех поклонников за здравие. И во второй раз, в недел*ю* третию Поста, Крестопоклонную,* так же вокруг часовни обходили три раза и тоже творили литию. И за здравие имена поминали всех поклонников, Бога молили.

И третий, въ день Вайи,* тоже митрополит со крестами и съ вайами такожде около часовни ходили. И во время объхождения пели празнику дневной молебен и после творили такую же литию пред гробом Христовым, и всех поклонников за здравие поминали. А поклонники всякой свое вайи брали въ свое отечество.

Потом въ Великой четверток* после литургии все поклонники званы въ патриаршей монастырь, где для дни Пасхи давали каждому за денги свечи, по одному леву свеча, а кто давал по два и болше, тому толикое число и свеч. Еще давали без денег каждому по два листа печатные, въ лицах изображения Христа и апостолов по сторонам, а въ средине прощалная молитва за подписаниемъ тамошняго патриарха, которую должно по смерти класть во гроб в руку тому человеку, кто сподобился принять.*

А въ Великую пятницу после Часов* всех поклонников послали въ великую церковь на ночь начевать, где гроб Христов. Тогда кто имеет ферманы, то есть по-нашему выправлен указ в Цареграде, то въпущают в церковь турки без всякой денежной платы, а кто не имеет ферманов, с тех берут турки за вход съ ка*ж*даго человека по 25-ти левов и болше.

И възойдет в церков людей на Великую субботу* начевать многое множества: столко, что после вечерни везде и полягут по полу церковному, даже подле самых престолов всех вер христиане, кроме турок. Естли кому нужно идти, то через людей и шахают — неможно пройти! А въ первом часу с полуночи будут къ заутрене благовестить. И в той же церкве над олтарем, на хорах, бьют в било железное съ час: прежде в нашей, греческой, потом въ армянской бьют въ свое било. И начнут наши греческие ранше служить заутреню, а после заутрени въскоре на гробе Христовом наши греки отслужат и раннюю литургию. И потом весь народ кто ходит, кто сидит, кто и спит по нашим немецким часам так, как часу до 8-го утра.

А съ 8-го часа уже в часовне, где гроб Христов, началной градской караула турка съ армянским еромонахом все кадила загасят и еще вынесут из греческой церкви Воскресения Христова от митрополита греческаго одно кадило

болшое, налитое масла, которое и повесят надъ гробом Христовым, и оставят незажигавши светилны. И тут турки съ армянским еромонахом, погася огнь у часовни гробовой, двери затворят и запечатаютъ. И приставят къ печати двух караульных воинов ис турок. Тогда, по-тамошнему заведению, крещеные арапы начнут вокруг часовни по церкве бегать и скакать в одных рубашках и по своему языку просить Бога, чтобы сошед Свет Христов на гроб.* И они в ыгре своей армян укоряют и над ихной верой насмехаются, насмешками и *ужи*мками, как они во время кал кушали ис корыта.* А над франками и католиками смеятся и дразн*ят*, как они Свет Христов, то есть огонь, прежде нашей Пасхи в нашу Лазореву субботу кремнем высекают и празднуют свою Пасху прежде нас.* И так бегают часов 6-ть. И начнут друг *на* друга становить босыми ногами на плеча стопко*й*, и по церкви друг друга носят, и все кричат по своему языку: «Слава Богу!»

А в первом часу, по нашему по полудни, турки — началной караула и съ ним армянской еромонах — отворяют двери у часовни и въходят ко гробу Христову, и еще осматривают в лампадах: весь ли погашен огонь. И, выходя, так же запечатают двери и караул поставят. И после сего в олтаре греческом Воскресения Христова митрополит и архиереи и всякаго чина священники и диаконы начнут облачатся в одежду — ризы и стихари* — и, облачившись, ожидают того превожделеннаго и пресладчайшаго и радостнаго часа от Бога. Потом, по нашим часам с полудни, прошедши один час, армянской патриарх приходит с послушник*о*м своим служебным в наш олтарь и падает греческому митрополиту въ ноги, и просит позволения тожъ облачит*ь*ся. Тогда митрополит ему позволит облачат*ь*ся. И пойдет он въ свою церковь, и будет со своим священным собором облачатся, и, облачившись, выдет ис *с*воей церкви къ часовни, и становится у сторонних дверей от своей церкви, и стоит тоже до времени. А арапы все еще бегают. И повествуют про них, что в некое было одно время от греческаго митрополита запрещено бегать им вокруг часовни, то в том году Свет Христов позже обыкновеннаго часу сошел чрез три часа, потому уже и ныне ихное заведение так и оставили не запрещено.

И уже по обыкновению извеснаго времени въ коем часу сходит прерадостны и сладчайши и вожделеннейши Свет Христов на гроб, то есть в *и*сходе втораго часа по полудни, понесут из греческой церкви, из олтаря Воскресения Христова, хоругви, и кресты, и образ воскресения Христова, и свеч пучки великия незажженныя къ часовне, ко гробу Христову. А за ним пойдет греческой митрополит и весь собор духовной: архиереев 6-т, архимандритов 4-ре, игумнов до 15-ти, иеромонахов и священников многое множество как греческих, болгарских, малдаванских, словунских, сербских, арапских и российских, что в великом множестве и смятении и съчесть невозможно.

Все священники, кои приходят на поклонение тамошнее, облачаются. Потом вокруг часовни объходят тожъ три раза. Идут въ два ряда, и всякой по своему языку поет стихиру «Воскресение Твое, Христе Спасе нашъ» и прочая.

Тогда арапы бегать перестанут и армянской патриарх, тоже съвоим собором изготовяся, стоит на том же месте у сторонних дверей, а наши греческие, отъшедше съ хоругвами и со крестами около часовни, то унесут хоругви в болшую среднюю церковь в олтарь, а священной собор весь остоновится у часовни. Тогда карулной началник турка отворяет у часовни двери ко гробу Христову, то наш греческой митрополит, съ двема архиереами и архимадритами, имея въ руках пучки свеч незажженныхъ, входит въ часовню прежде. А за ним турки, потом армянской патриарх и сирианской архиерей за нашим митрополитом вместе възойдут тоже со свечами незажженными, в руках держат. И нам уже неизвесно и не видно, сколко молятся Богу, а толко времени, как четверток часа. Вдруг из окна, на левую сторону, выдали пучек свеч со светом. Тут народ бросился и стали было засвечать свои свечи, но въ великом смятении друг други угнетают, и погасили.

А повествуют тако. Когда митрополит греческой възойдет въ часовню ко гробу Христову съ туркой и съ протчими, тогда, взявши приготовленную хлобчатую бумагу, и тою бумагою верхнюю дцку у гроба Христова обътирает и весь гроб, ибо крыша зделается как бы отпотевшая. И, обътерши правою рукою, бумагу подънимает къ болшему приготовленному незажженному лампаду. Толко станет руку зъ бумагою надъносить къ лампаду тому и къ фитилю, тогда вдруг силою Божиею въ лампаде фитиль въспыхнет, огнь и засветится. О, оле чудесе! Фитиль от потной бумаги въ лампаде загорится! Тогда митрополит греческой засвечает пучки свеч и дает сперва архиереем, потом армянскому патриарху и сирианскому архиерею, а после прикажет из часовни в окно выдать пучек свеч зажженных всем людем. А сам митрополит въ правой руке держит первозажженной пучек свеч, потом и въ другую руку взявши, как бы по-нашему гривенных свеч 30-ть или болше, и станет выходить из дверей часовни и осенять народ.

Тогда народ бросился все засвечать от его рук свое свечи, чтоб сперва засветить от Света Христова, и караул весь здавили. А митрополита в тот час христианские арапы подъняли на себя на головы, человекъ 6-ть или болше, и понесли на головах изъ часовни по церкве к олтарю Воскресения Христова до царских дверей лицем въверх, а он разъпростер свое руки на обе стороны, держа по пучку зажженных свеч, чтобы народ свет засвечал от его рук. И тут некоторые успели засветить на пути от его рук. И несли по церкве въ народном смятении того ради на головах, что неможно пройти за утеснением народа, а расстояния от часовни до олтаря неблиско. И донесли до царских дверей, спустили зъ голов. И тут, кто стоял ближе, от его рук засвечали, а потом, кто не успел от митрополита засвечить, то друг *от* друга засвечали и, словом сказать, когда все засветили свечи, то как бы вся церковь загорелась, ибо почти всякой поклонник, кроме данных свеч, еще берет по 33-ри свечки неболш*их*, въ число жития лет Христовых на земли. И говорят так: кто сперва успеет у митрополита засветить, и тот

огнь прикладывали къ волосам и одежде, то ничто не горело и ничего не опаляет, а толко освещает. А спустя времени немного и будет опалять. А я, многогрешной, не успел и не сподобился от митрополитовых рук засветить свое свечи, а засветил у людей из третьих рук.

Тогда, естли вообразить умом по своему грешному сердцу, тоже и у всякаго человека, полагать можно, что приходит такая радость: необыкновенно великое и ужасное невидимое удивление. И таковаго прерадостнаго и пресладчайшаго и вожделеннейшаго часа и сълучая на сердце моем по жизнь мою не бывало, что я весь объят был сладчайшим увеселением, и сердце мое как бы въ теплом месте огнем пыхало, что от толь сладчайшей радости из очей поневоле слезы текут и сердце мое трепещет, и душа моя въ весели*и* духа възъклицает къ Богу молитвы. Ибо само по себе мое многогрешное и скверное, и окаянное сердце, чувствуя божественное посещение нам, многогрешным, сошедшее въ весели*и* духа, аки у Анны, матере Самуила пророка, *когда* къ ней явлени*е* аггела Божия и пророчени*е* о зачатии Самуила пророка,* возрадовася дух ея. Или у Елисафеты во чреве ея възъклицани*е* Иоанна Предътечи въ пришествие пресвятыя Богородицы: «Величит душа моя Господа, и возрадовася дух мой о Бозе, Спасе моем».*

И в то время по церкве необыкновенное и чрезъвачайное такое у народа смятение, ибо всякому хотелось от митрополит*а* засветить свое свечи, възъжечь огнь Христов. Тогда по такой великой церкве зделался шум и раздается гам, гул, вой, и что даже воображая то в себе: не настало ли то время втораго Христова пришествия на землю?

А когда митрополита от часовни понесли, ибо расстояния немалое число, тогда и армянской патриарх, и сирианской архиерей пошли съ зажженными, данными им от митрополита свечами. И ихной народ тожъ друг пред другом спешили из архиерейских рук засветить свое свечи.

Тогда греческой учрежденной иеромонах, възошед в часовню ко гробу Хористову, и против лампады все засветил от того лампаду, которой сам собою засветился. А сам собою зажженной лампад съ елеем теплился неугасимо субботу и Пасху, а на другой день, в понеделник, остатки из него масла выливают въ бочку, въ которой весь год хранится. И, размешавши в бочке тот елей с маслом, на второй и третей день давали то благодатное масло всякому поклоннику по части без денежной платы. А когда армянской и сирианской архиереи вышли из часовни, тогда турки поставили караул у дверей часовни и стали въпущать ко гробу Христову прикладыватся за денги. Кто из греков или армян давали по червонцу съ человека, того и въпустят, а наши, русские, со своими ферманы ходили без денег, прикладывалися.

А после зажжения свеч от митрополита начали чередные архиереи въ Воскресенской церкве и на Голгофе служить литургии, которые отошли по нашему часу въ 6-м после полудни. И выходили из церкви въ кельи своя пообедать.

А потом паки собирались въ великую церковь все поклонники и тамошние жители-христиане на ночь, на Воскресение Христово, на стояние. Читали «Деяние апостолское».*

И въ 1-м часу съ полуночи начался благовест, и *били* въ било, и продолжали часа съ полтора, а потом, по уставу церковному, служили повечерие,* канон посной Треоди. После повечерия митрополит и архиереи, архимадриты и игумены облачалися въ светлые одежды, потом и священники всякаго языка. И, облачившисъ, пошли от Воскресения, весь собор священной, со кресты и съ Евангелием, и со образом Воскресения Христова ко гробу Христову. И объходили вокруг часовни, где гроб Христов, три раза, и пели стихиру всю «Воскресение Твое, Христе Спасе нашъ». И, объшедши, остановилися против дверей часовни ко гробу лицем. И по уставу церковному митрополит зделал начало: «Слава святей единосущней» и прочая. Потом «Христосъ воскресе!» трижды. И певчие запели «Христосъ воскресе», а митрополит со стихи «Да воскреснетъ Богъ». Потом с иконами и съ хоругви възошли въ церковь Воскресения Христова и начали служить заутреню Пасхе. Чередные архиереи служили заутреню, а как в показанное время митрополит и архиереи три становилъ посреди церкви со кресты, и весь народ, кто успел, подъходили ко кресту, христосовалися: прикладывалися ко кресту и, целуя у митрополита руку, приговаривая «Христосъ воскресе!» А он отвечал: «Воистину воскресе!»

И въскоре, не допевши заутрени, на гробе Христовом начали и раннюю литургию служить, ибо от олтаря Воскресенскова до гроба Христова доволно расстояния. А потом на свету начали и поздние соборные литургии служить у Воскресения Христова и на Голгофе. И въскоре, и рано отслужили, а отслуживши, всех поклонников посылали въ патриаршей монастырь, где давали по два красные яйца на розъговение каждому. Потом, пришед в свое кельи, теми яйцами и разговелися. А къ вечерне все поклонники позываны были въ патриаршей монастырь, где после вечерни выпущены из монастыря въ одне двери. У них митрополит, сидя со крестом, всякому приветствовал быть здоровым, кланялся и позъдравлял съ праздником.

А на четвертой день, въ среду, ходили мы на Иордан изъкупатся в реке Иордане, где Христос крестился. И чрез две ночи пришли обратно въ свое кельи и жили до среды Фоминой недели.* А въ среду, сходя къ вечерне въ болшую церковь, приложившись къ святым местам, и вынесенному Кресту животворящаго древа, на коем Христос был плотиею распят, приложилися. И тут учрежденной монах всякому поклоннику давал по часточке хлопчатой бумаги, той самой, коей был от митрополита обтираем гроб Христов, ибо она смешена так же, как елей из лампаду, ибо невозможно на многое количество всем сподобиться.

У болшей церкви двери церковныя зделаны съ мраморными многими столпами и, повествуют нам, назад тому лет съ 200 или болше, во 1-н год, во время Пасхи Христовой, армяне подъкупили турок, чтоб их патриарх был преж-

де въпущен ко гробу Христову, вынести людям сходящей с небеси Свет Христов на гроб въ Великую субботу, а греческой патриарх со всем собором греческаго исповедания людми турками высланы были вон из церкви. Тогда армяне, овладевши началством чрез денги, въ Великую субботу възошли ко гробу Христову и ожидали сошествия на гроб Христова Света, то есть огня. И то время, когда сходил свет у греков, прошло, и уже приближалося къ вечеру, а Свет Христов не сошел. Тогда высланной из церкви греческой патриарх приказал всем христианом приближитися к дверем церковным и просить у Господа Бога милосердия. А сам у дверей, восъклонивши свою главу на столп, начал творить тайную молитву со слезами, а людем всем повелел говорить «Кириелейсон!», то есть по-руски «Господи, помилуй!» О, оле чудесе! То въдруг ударил звук болшей, тогда тот у дверей церковных столп разъселся сверху донизу и нача по разъселине огнь играть, а у патриарха незажженные свечи въ руках засветилися. И то увидевши турки со армяны, себя посрамленными от Бога, въ болшую церковь отворили двери и възвели греческаго патриарха съ великою честию въ церковь к армянам. От стыда хотели всех *армян* перерезать въ церкве, тогда патриарх греческой запретил сие кровупролитие съделать, а зделал совет: на посрамление их веры поставить у столпа, при дверех, мраморное корыто и накласть в него калу, или, просто сказать, говна человечъяго, и выпускать армян из церкве, начиная съ патриарха и до последняго, и по одной лошке того калу черпать и снедать каждому, а буде кто не будет сънедать, тому голову отрубить за церквой. И оне не захотели головы рубить, то и начали съ патриарха и до последняго армяне выходить, и каждой по одной лошке того калу сънедали, кое корыто и ныне стоит у того столпа приблиз под ногам въ углу. А мы, православные, къ тому столпу, къ разъселине, ныне стоящему, въходя и изъходя, прикладываемся, помня оное чудо Божие.*

14 (*так!*)

А когда у дверей от звуку разъселся столп и появился огнь, тогда один турка, близ тех дверей сидел на столпе высоком, смотря на сие и, увидевши такое чудо, возъкричал: «Велик есть Бог христианский! И я отселе хочу быть христианином!» И соскочил со столпа на посланной пол — каменные плиты — босыми ногами. И ноги его, аки въ песок, в камень вдавилися. И те места, следы стоп его, и ныне на камне видны. Тогда турки ему на том же месте и голову отрубили.* А мы целуем и тот столп, на коем он сидел.

А после сего мы выступили из Иерусалима пешком въ Яфу. Ходу 60-т верстъ. А из Яфы на третьей неделе в субботу отправились на греческом корабле къ Афонским берегам. А были во граде Мир Ликии, где святителя Николая паства и он живой был архиереем, где и погребен.* Ту были на его могиле въ церкве, въ Мир Ликие граде, и, поклонившися, шли мимо Родос и у ина доли (*так!*) были в монастыре архангела Михаила, где его чудотворной образ.* А от-

туда приплили къ Афонской горе. Пристали чрез 4-ре недели и афонские монастыри все обошли в 7-мь дней. А что в них есть любопытнаго, при сем на конце особливое описание: сколко монастырей и какие части мощей, и протчаго достопамятнаго — все описано.

А из афонских монастырей, из Святой горы Афона пошли къ Царюграду июня 3-го дня. И были ветры противные. Пришли въ Царьград июля 1-го дня, а расстояния от Святой горы до Царяграда по Белому и Мраморному морям* 150-т миль францусских, а по-руски 1500-т верст.

При проходе изъ Мраморнаго моря въ Белое, где съблизилисъ берега, ту есть на средине моря остров, у коего острова во время тихое безъветрия въ море выходит из воды наверх масло, или мир — масло с весками.[1] В то время, кто случается кораблем или лоткою, то оное миро собирают съ воды въ посудини, те звески, которыми мажутся телу во здравие и пьютъ душе на спасение. Ибо при последнем царе Константине, когда Царьград турки обступили,* тогда как из дворца, равно ис святых мест, то есть из церквей, все святости и сокровища отправляли на кораблях по морю въ далные острова. Тогда из болшей церкви, зделанной царем греческим Иустинианом, называемой Софии, Премудрости Божия, все сокровища и святости выгружены на корабль, а паче всего святая трапеза, то есть престол Господень, которой карабль, шедши морем, по смотрению Божию, потонул со всем тем сокровищем, вынесенным из Софийской церкви, при близ онаго острова. Из того корабля вышеозначенной елей, или мир — масло, и выходит наверх звесками.*

Во время царствования въ Цареграде православн*ого* греческаго царя Иустиниана Благочестиваго по-старинному ельлинскому заведению было въ един день: собравшись на поле молодых юношей възрослых гулять на конех, и начали делать въ шутках поединки на саблях, и прирубили в то время друг друга до 3500 человек. То оной царь Иустиниан видит свой душевной грех, что за все души даст Богу ответ, за ево позволение тоя битвы, и начал размышлять, как бы за такой грех принести къ Богу удовлетворение. И вздумал зделать въ своем столичном граде соборную болшую церковь, которая бы превозвышала величиной и красотой всех церквей по всей подънебесной. И начал строить во имя Софии, то есть Премудрости Божия. И строил многое время, что все царское сокровище даже до последняго истощил, а церкви не достроил. И, по писанию, был въ великой печали и начал молится Богу, чтоб Бог помог достроить оной храм. И во един день явися ему юноша и рече: «Что ты, царю, прискорбен?» Царь же поведа печаль свою. Рече ему юноша: «Не буди печален, о царю! Аз ти дам злата, елико потребуеши, присылай ко мне, ко вратам Златым».* Царь же возрадовася и не вопроси его имени его. И посла къ назначенным вратам министра своего с рабами на 30-ти лошедях, которой приеха*л* къ назначенным вратам. Юноша же сто-

[1] с взвесью (суспензией).

ит у вратъ на коне, ждуще их приезду. И приведе их къ единому преогромному дому и отверзе врата, аки у погреба или у могазенны, и даде им лопату. И приказано было от юноши накладывать злата столко, сколко довести могут. То оной министр, наклавши злата, поблагодарил и отправились въ путь свой. А юноша затвори врата. И, прибывши къ царю со златом, сложили. Которое увидя, царь от ужасу, содрогнувшись, рече: «Кто такой за господин? У кого вы злато брали?» Они же отвещали: «Мы его не испытовали». Царь же в тот час посла рабов на то место узнать онаго богача. Посланные же пришли на то место: ни дому, ни могазенны — ничего не нашли. Тогда царь позна, что сие есть ему Божие милосердие: послано злато на помощь строения храма, коими и состроил храм. И потом начал еще прилежнее Богу молится, что Бог наставил на разум: как бы зделать в олтаре трапезу, то есть престол Господень, лучше и краше всей под вселенной престолов, чтобы после и после таковаго никто не мог зделать.

И въторой раз явися ему аггел Господень, рече: «Собери по своему царству драгоценные камни, и злата, и сребра. И все истолки, или смели мукой, и въсыпли муку в костел или въ казан, и наклади злата и серебра, и все сие растопи. Потом изъготовь формы, пять досток, по величине престола, как следует, и, растопивши, вылей въ те формы, из которых и поставь престол».

Царь учини по повеления ангела. Собра драгоценные вещи до 70-ти вещей, а когда из формов вынял те доски, то неможно было смотреть глазами, весма трудно зрак человеческой отнимает, потому от камней и золота местами лучи и блеск изъдает, как то: светлые, красные, зеленые, синие, желтые, алые и чорные. И сказать словом, что красоты оных описать никто не может! И когда растапливалось то смешение, тогда сам царь и мастер видели у горнила аггела Господня, которой размешивал тот раствор, или медаль, и готовил къ вылевке. А как вылили, то аггел Господень жезлом разводил светлые камни и блески, где следует.* И оной престол въ вышепомянутом корабле и затонул, и от них тот елей, или мир-масло, наверх воды и выходит.

Еще повествуют греки, когда Царьград взят будет благочестивым царем християнским, то того судна все украшение церковное и престол Господень внесено будет в церковь Софии, Премудрости Божия, а того неизвесно: само ли судно наверх выдет или каким образом достанут машинами.

3-го числа июля в Цареграде был на месте Белаклай, за городом. Есть в земле глубокой колодезь с водой, при нем есть неболшая церковь, а по Божественному Писанию — самой Живоносной источникъ Богородицин, которой нашел греческой царь Лев Премудр* (смотри о нем в Синоксаре* на Светлой неделе въ пятницу — въ Цветной Треоди, как он открылся). Еще в том же источнике вода весма чистая и холодная и прозрачная, а глубины въ пол-аршина, ширина и длина под землею не видно. И тут въ воде есть неболших рыбок 12-ть плавают, величина как съ два вершка и с половиною.

А повествуют про те рыбки: когда Царьград объступили турецкое войско, тогда царь Костянтин у того источника въ церкве молился Богу и, помолившись, близ источника стал хлебы кущать. Тогда подали ему на сковраде зажаренной рыбы и был у них разговор про турецкое войско. И между разговорами сказал царь: «Естли сия рыба на сковраде оживет и соскочит въ воду, то и Царьград турка возмет». Ибо как царь выговорил сие слово, то в ту же минуту рыба на сковроде стрепехнулась и соскочила въ воду, въ Живоносны*й* источник, которая рыба и ныне плавает, а въ величину не прибывает: каковая была тогда, таковая и ныне величиною.*

22

Еще июля 6-го дня был въ Цареградской патриаршей церкве, в которой есть мощей трои: 1-е — великомученици Ефими*и* Всехваль*ь*ные, 2-е — Феофани*и* святыя, 3-и — святыя Соломонии.* В той же церкве есть столп на правой стороне, въ нем вложен*а* часть немалая того столпа, къ которому привязаннаго Христа мучили всю нощь.* Еще есть образ Пресвятыя Богородицы, которой еще писан во время жизни Павла апостола, ибо он весь изображен мусиею, то есть мелкими камешками. По достоинству одежды, лица и венца такие и камни золотые, зеленые и жолтые. То жъ Иоанна Крестителя* — такой же образ старинной и весма древней. Такоже мусиею изображен, стоит на правой стороне въ церкве.

А где была Влахерская соборная Пресвятая Богородици церковь, въ которой сама Богородица явилась Андрею Юродивому на воздусех, еще цареградским мастерам каменщикам, коих подъряжала Киево-Печерскую церковь строить, ибо она им показалась въ виде земной Царици, с ними разговаривала и образ им дала во имя Успения Пресвятыя Богородици, чтоб во имя ея был зделан началной храм въ Киево-Печерской лавре,* то тут ныне одно место пустое, весь разорен, а образ и ныне в Киеве над царскими дверми поставлен.

А зделанная царем Иустинианом церковь Софиа, или Премудрости Божии, и ныне стоит на том же месте, не разорена турками, а толко в ней турки по своему обряду совершают свое богомолие.* А в олтарь, въ коем была у християн та святая трапеза, никто ис турок не входит, ибо он так и стоит закладен. А когда турки взяли Царьград и стали въ сей церкве свое богомолье совершать, и стали было входить во святы олтарь, то все начали умирать, или другие призывали християнскихъ священиков, *чтобы* тех выводили живых, а сами они не выдут. В некоторое одно время взошел в олтарь и сам царь, салтан турецкой, и не мог выти из него, доколе не призвал греческаго патриарха, которой, помолившись Богу, его и вывел. После сего салтан наложил клятву, чтоб никто из турок не въходил в тот олтарь, потому и ныне не входят, и стоит закладен.* А християне повествуют, что из святаго олтаря благодать Божия неизъшедшая, потому по всему сему и гадают, что будет въпредь царь християнской, и святы престол будет поставлен на своем месте.

А 10-го числа июля изъ Царяграда пошли на корабле по Черному морю къ городу Адесту. Июля 16-ть дня пришли въ город Адест. Конец сему путешествию.

Предисловие

Благочестивый читателю! Во всем видимом сем моем похождении, что я от грубости и недостатку ума моего не изъяснил в сей книге, или которые слова не по-силогически и красноречию описал, — потому я не ритор и не философ, а российской прямослов — прошу всякаго читателя миня изъвинить, что может не ясно или покажется кому неправилно написано. Въ том можете миня простить, потому что я, хотя и многие святые места те видел, о произъшествии оных некоторыя, по согласию Священнаго Писания, объяснял на память, а другие по повествованию тамошнихъ жителей услышавши, въносил в сию книгу. Может быть, кои речи и слова и неправилные, ибо я по-своему простосердию въ записку сию все и вносил. Писано бо есть: «Незлобив всему веру емлет».* Колми паче что говорено мне и указывано места страданий Христовых, въ коих я не нахожу греха праславлять Христа, кроме спасения себе и прочих. Ибо имя Христово всякой душе весма полезно не толко писанием, но и чтением, и повествованием. Писано бо есть въ книгах: «Прославляющаго Мя прославлю».* Потому и я, желая сего въ будущей жизни, потщался от грубости и невежества грешной моей души и скуднаго ума моего сие написать на поощрение слышателей къ хождению во Иерусалим для поклонения святым местам, а паче гробу Христову. Ибо я, многогрешной, воображая себе, что сие путешествие всякаго человека от промысла Божия не останется безъ награждения въ будущей жизни, естли кого Господь удостоит видеть толь прерадостной и превожделенной сладчайшей тот час, когда сходит на гроб Христов Свет, а притом и донести милостыню тем служителям у гроба Христова, которые молитвы и моления своя вседневно возъсылают къ Богу о наших грехах. Ибо сие благочестивое установление апостолами уставлено (смотри о сем въ книге «Апостоле» Павла апостола), ибо он повеле христианом отлагать каждую субботу по части по своему изъволу имуществу кто что может в милостыню живущим во Иерусалиме братиям,* которое заведение благочестивые христиане и ныне творят въ ползу всякой душе христианской в будущей жизни. Аминь.

Описание афонских монастырей, въ которых был 1819-го года июня 1-го дня

Къ Афонской горе пристали мы кораблем с восточной стороны, къ монастырю Пантократову, то есть Вседержителеву.* А оная гора от матерековой земли взялась и продолжается от ночи на полдень, с обеих сторон море, в длину

80-т верст, а поперег ея местами от моря до моря верст 15-т и болше, а въ другом месте и 20-т или болше.

1-й

Монастырь Пантократов на восточной стороне стоит близ моря, в коем началной храм Преображения Господня. *Есть* чудотворной образ Пресвятая Богородици,* мощи: глава апостола Андрея Первозваннаго,* Иоанникия Великаго* глава же, Иоанна Кущника — его Евангелие,* Феодора Тирона и щита его часть,* и протчих немало.

Скит святаго пророка Илии,* русской, от моря в гору версты 2-ве. В сем храме Ильи пророка и мощей части доволно.

2-й

Монастырь, называемой Ставроникитской, ибо строитель его был Никита.* Стоит на восточной же стороне, близ моря, от Рускаго скита верст 7-ми, въ коем началной храм святителя Николая чудотворца и образъ Николая Чудотворца, въ прежние годы пришел по воде тот образъ.* И мощей доволно: кира Иоанна, Козмы и Дамиана,* и протчих доволно.

3-й

Монастырь Иверской, от иверскаго князя* состроен, на восточной же стороне близ моря, въ коем началной храм Успения Пресвятыя Богородици и чудотворной образ Пресвятыя Богородицы Иверской. А въ другой церкве Богородицина икона: в шею ея лика варвар ударил ножем, и ныне кровь видна на шее.* И мощей части много.

4-й

Монастырь, называемой Филостей, ибо строитель его был Филостей.* На восточной же стороне от моря въ гору 3-ри версты, от Иверскаго расстоянием 10-ть верст. В нем началной храм Благовещения Пресвятыя Богородици, и мощей части немало.

А Афонская гора, святогорские монастыри посему наречены. Когда Христос вознесься на небеса, и апостоли метнуша жреби*й*, кому в которую страну идти проповедать христианскую веру, тогда и Богородица прия на себя жреби*й*. И по жребию ей досталось оное место и гора Афонская, а в ней жители были все заблужденные идолопоклонники, кланялися идолом, а паче сказать — бесом, в них живущим. И Богородица по времени спустя собралась ехать во свою часть. И как она толко тронуласъ изъ Иерусалима, то во Афонской горе все идолы заплакали и сотворили плач вели*й*, где-либо какой идолъ стояше. То народъ все устрашились и думают: «Что будет сие? Все мы погибнем, ибо и боги наша погибают!» И стали съпрашивать своих богов, отчего они плачут. И при-

нуждены*е* были Божиим промыслом, сказали, что Божия Матерь идет «и нас всех погубит, изгонит». И как Богородица ко*р*аблем приплыла ко брегу и вышла на брег, рекла: «Падите вы все, идолы!» По ея словесы все идолы пали и перекололись, и бесов всех изъгна, и чудодействия не ста.*

Людие же, видевше таковые чудеса, яша веру: прияша учение христианское и крестишася помощию Иисуса Христа безо всякаго труда Богородицы, понеже она и ныне присудствует своею благодатию. Посему и называются святогорские монастыри по жребию Пресвятыя Богородицы.*

И от онаго монастыря шли верстъ 10-т и начевали в келья. Выкладены диким камнем. И в той келье есть монах Мефоди*й* съ бородой толь долгой, что по земле вершков 6-ть лежит. И он во своей келье имеет церковь и при нем послушн*иков* 4-ре человека.

А от кельи поутру рано пошли мы на самой верх горы Афона, где есть храм Преображения Христова.* И шли въ гору по каменьям и лесам болше полудни съ частыми отдыхами по крутости горы. И възошедши до означеннаго холму высокаго и храма Преображения Господня, где, помолившисъ Богу, и возъблагодарили за Его толь неограниченные до насъ милости, что сподобил нас на толь дивную высоту достигнуть и видеть облака, ходящие ниже нас въ полгоры. И тамо воздух весма холодной, были майя 29-го дня. С полдневой стороны местами есть снег, и с восточной, и ночной стороны очень еще много снегу лежит. Говорят, что и во все лето не ростает. И тамо мы по роздаху принесеннаго хлеба покушали, и посмотревши кругом на белой свет, на море, на коем корабли близ горы плавающие (не видны их корпусы, а толко белеются паруса на синей воде, как бы где на реке галка или гусь плавает), и потом пошли мы вниз съ горы. И сошли столь поспешно въ 4-ре часа, толко поспевали ноги переставлять, и мало отдохнули въ два раза. И, полагать, примерно должно до высоты самой горы от кельи верст 18-ть или менше. А от кельи до воды моря верст 8-м, а всего от воды до высокаго холму верст 23-ри или болше.

7-й

Монастырь, называемой Павловиат, ибо его начал строить преподобны*й* Павел.* Стоит на западной стороне, от моря с полверсты. В нем началной храм великомученика Георгия и крест, подаренной царем Костянтином, на нем вырезаны изъ костей разные Господские празники.* И тамо лежат принесенные въ Вифлеем Христу дары от персидских волхвов, или царей: злато, и ливан, и смирна.* Злато трехъуголное, величина въ вершок; ливан — ягода видом красная, съ миндалной орех. От них запах весма благовонной. К коим и мы, грешные, удостоились приложится.

8-й

Монастырь Дионисия, ибо его строитель был Дионисий.* Стоит на западной стороне, близ моря.

9-й

Монастырь Григориат от строителя Григория.* Создан на западной же стороне, близ моря.

10-й

Монастырь Синопод по месту той горы называется,* на западной же стороне, от моря съ версту.

11-й

Монастырь Ксеропотам по месту той горы называется,* на западной же стороне, от моря въ гору, версты с полторы. Въ нем же есть крестъ от самаго Животворящаго древа, и та самая часть, где были нозе Христовы прибиты.* Величины крест 6-ть вершков, и на кресте внизу зъ дирой, где был гвоздь сквозь нозе Господней. И мы удостоились ко оному кресту приложится.

12-ть

Монастырь Руской, потому и назван, что были монахи русские.* А назад тому лет 10-ть греки по наущению злаго духа руских всех ночью перерезали сонных.*

13-й

Монастырь Ксинап.* По месту той горы на западной же стороне, близ моря, от Рускаго верстъ 6-ть. Началной храм Великомученика Георгия, *есть* образ чудотворной, некогда от одного варвара ударено было ножем въ шею икона, и потече кровь. И ныне оная кровь на иконе видна. Еще есть чудотворной образ Пресвятыя Богородици. Некогда един царь, пришед в церковь и говорит: «Почему называется чудотворной образ?» И приложил палцем къ иконе къ носу, коего палца и не мог от иконы отторгнуть, ибо он пристал и так крепко, что даже у палца мякиж тела отрезали ножем, что и ныне присохшее у иконы тело видно.*

14-ть

Монастырь Духояр по храму Архангелов назван.* В нем началной храм архистратигов Михаила и Гавриила, а прежде был Николая Чудотворца, ибо по одному чудеси переименовано въ прежние годы. Есть противу Афонские горы остров Евстрат,* и въ нем был на горе идол. У того идола была надъпись: «У сего идола можно найти много злата въ главе». И многие люди били по главе и злата искали, но не могли найти. И един отрок, лет 20-ти, в том острове пас скотину и

те слова читал часто. И въздумал при захождении солнца того идола, где *тень* доставала стене, то тут копать землю, ибо он стоял на западной стороне, а гора крутая. И начал отрок копать землю, и докопавшись до котла, которой полн злата, и убояся его вынять, чтоб его со златом не убили, ибо у него родственников не было. И вздумал идти во Афонскую гору. И, пришед въ сей монастырь, которой был очунь скуден, объявил тогдашнему игумену о злате. Тогда игумен послал с ним трех братьев, кои, доехавши до того злата, выняли и поехали морем обратно в монастырь, и съ отроком, на лодке. И, ехавши, два из нихъ уговорились того отрока кинуть въ воду, а злато взять по себе, а третей брат не согласился. Оне и ево хотели въ воду же въверзнуть, но он дал клятвенное обещание, что никому о том не поведа*е*т. И, не дойдя горы Афонские, привязали отроку на шею камень и въверзили ево в море. А злато скрыли в лесу, не дошед до монастыря. А когда его бросили, то въдруг ему явились два юноши светлые, один другому говорит: «Архангеле Михаиле, помоги мне!» И в ту же минутут слышит себя отрок не въ воде, но на земли, и позна, что в церкве и съ камьнем, привязанным на шее его. А посланные монахи въ вечеру поздо явились игумену и сказали, что злата не обрели, а отрок бежал. И въ полунощи кандиловжигатель приходит въ церковь и слышит глас человека. Исъпугавшись, пошел доложить игумену. Игумен же сам пошед и отперши церковь, видит человека лежаща, мокра, из одежды его вода течет и камень на шее его. И собравши всю братию, и посла по трех братьев, и показа. И приведе их ко отроку, про котораго они сказали, что бежал. Тогда они от страха помертвели и повинились двое, а третьяго оправдали, и съпрятанное злато принесли игумену. А игумен двоих братов за грех от монастыря отлучил, а третьяго оставил въ монастыре и наложи*л* на него епетимию. И на те денги построили объширную обитель и храм архангелов Михаила и Гавриила, по слышанному отрока гласу. А отрок остался ту жить монахом; и камень доднесь хранится. И мы къ нему и ко всем святым местам прикладываемся.

15-ть

Монастырь Констоманит построен царем Констянтином.* Стоит на западной стороне от монастыря Духояра, верст 10. Началной храм первомученика архидиакона Стефана, и *есть* часть риз Христовых, при распятии воинами раздранных, ибо оне были кладены на четыре части.

16-ть

Монастырь, называемы*й* Изограф.* В нем образ великомученика Георгия, а сам собою написася. И храм во имя его, и еще образ чудотворной, по воде пришедши.*

17-ть

Монастырь, называемой Хиландар,* по месту той горы прозывается. От рускаго скита верстъ 10-ть на другую, восточную, сторону. В нем началной храм Въведения Пресвятыя Богородици и еще чудотворных Богородициных 3-ри образа.

1-я — Троеручица,* та самая, коя изъцелила руку, отсеченную Иоанна Дамаскина, ибо по оклеветанию Иоанна ложному повеле и отсече князь десную его руку, и повешена бысть на торжище въ показание всем людем. Иоанн же от болезни и многаго течения крове изънемог. Пришедши же вечеру, посла Иоанн моление ко князю: «Умножается моя болезнь, донележе усеченная моя рука на торжище висит. Даждь ми ю, яко да погребу ю. Мню бо, аще погребена будет моя рука, то облехчится моя болезнь». Мучитель же повеле усеченную руку Иоанна взяти. Прием же Иоанн свою усеченную руку, въниде в молитвенную клеть и, падши на землю пред святою сею иконою, моляшеся со слезами на мног час, рече: «Ты веси, яко святых твоих ради икон сие стражду». И по молитве усну и узре въ сонном видении икону Причистыя Богоматере, приступивши к нему и руку къ язве приложивши, глаголюще ему: «Се здрава есть рука твоя. Не скорби», *и* протчее. Возбудився же Иоанн, егда узре свою десную руку исъцелевшую и болезни не имеющи, став на ногах своих и руце горе къ Богу воздев, благодарение восъсылаше Божией Матери. Наутрие же, услышаша вси людие, удивишася. Князь же, призвав къ себе, и виде усеченную руку исъцелевшую: въ знамение же усечения аки нить червленна вокруг на руце его зряшеся. Нача князь прощения просити, и отпусти его, амо же хощет он, шед в монастырь со иконою сею.

2-ой образ стоит на другом столпе лицем къ народу.* А 3-й — неболшей, в иконостасе на столпи же, тотъ самой, которому царица Феодора въ спалне тайно молилася, когда муж ея, Феофил, на иконы гонение воздвиже в Цареграде.* А изображение сего образа Тих*в*инской.*

Еще повествуют, что из сего монастыря един монах некогда пошел въ мир, что нечем ему было питаться. На пути ему стретилась Богородица и говорит: «Куды ты, брате, грядеши?» Он же отвечал: «Иду в мир». Она же рече: «А для чего ты не жил в горе Афонской?» Он же отвечая: «Нечем питат*ь*ся». Тогда она ему дала горсть зернов и сказала: «Возвратись во Афонскую гору и посей сие зерно в землю, и будеши питатся». Он же сотвори тако. И ныне оные семена разъположены по всей горе, из них делают монахи четки и тем себе пищу приобретают, ибо те, Богородичные четки, по все греческой земле похвалны.*

18-ть

Монастырь Симонов называется потому, что строитель его был Симон.* Стоит на восточной стороне близ моря.

19-ть

Монастырь, называемой Водопетской по месту той горы.* Стоит на восточной стороне, близ моря, где самая лучшая пристань корабелная. Въ нем началной храм Пресвятыя Богородици Благовещения. Чудотворных образов Богородичных четыре. Первая стоит в олтаре за престолом, называемая Вадопетская, найдена под престолом съ зажженною свечею.* И оная свеча и ныне горит пред иконою неугасимо, и ее не убывает. А где стояла под престолом, ту есть колодец, из него наливают воды в ту самую чашу, в которой Христос съ учениками на Тайной вечери кушал вино. И мы из нее удостоились воду пить и приложится.

2-я — у стены в боку, третия — в паперте въ той же церкви.* А 4-я — въ боковой церкве, в паперти же.* Некогда в одно время от одного диакона ножем в щеку иконы ударено. И ныне кровь и язва на иконе видны. В то время оной гордой диакон служил всенощное бдение (праздник Богородицын), ибо он был чередным, и после святой литургии и правила пришел в трапезу и просит себе обедать. А трапезник был весма занет другою нужною работою, не успел ему скоро подать пищи. То оной диакон осердился и возъбезумился, пришел в паперть и, говоря иконе Богородицине: «Я тебе служил всю ночь, а мне не дают и есть», — и ударил ножем икону в щеку ту. Из иконы потекла кровь, а диакон руки съ ножем не мог отнят. То, сойдясь, вся братия просили Богородицу отпущении его греха. И он исповеда свой грех всем людем. И три дни плакали вся братия, а рука все держима была у иконы съ ножем: не мог отнять. И едва на третей день отпущена, отняв руку от иконы. И после сего оной диакон до своей смерти молился пред сею иконою. И умерши, был зарыт в землю. И чрез 30-ть лет было извещение одному монаху, что он прощен. Братия же, не уверившись, розрыли землю и усмотрели его тело в земле предано все, а десная рука его по локоть съ палцами осталась нетленною, проклята, окаменела за дерзнутое дело. Коя и ныне из гробницы выносится на устрашение всем людем, чтоб съ содроганием чуствовались против Божией силы въсходить въ какие-либо противности. И онаго диакона против иконы Богородицины изображен плачущей его патрет.

Еще за престолом крест, присланной царем Костянтином.* Еще лежит пояс Богородицин, которой Фоме апостолу после ея смерти по воздуху спущен во Иерусалиме, въ Гепсимании,* которой мы удостоились видеть и приложится.

20-й

На Карье, то есть на базаре, соборная церковь болшая,* при ней всякаго монастыря есть кельи и подворье. И ту афонскихъ монахов судебное место, по-нашему назвать кансистория; от Вадопетскаго монастыря верстъ 29-ть. Посредине горы от моря, в гору верст 10-ть, началной храм Успения Пресвятыя Богородици. И за престолом есть чудотворной образ Богородицин, называемой «Достойно есть».*

Некогда молодой монах из одной кельи пошел в тот собор молится Богу, ибо ему великое было желание до пения божественнаго. И на пути его догнал монах же, еще его моложе, и пришли оба в церковь, в коей никого не было. Ту, явшейся молодой монах, запел стих «Достойно есть» у иконы Богородицины. Тогда монах, услыша такой пресладкой глас и пение умилное, весма ужаснулся и стоит в недоумении. Тогда ему певчей говорит: «Чему ты удивляешися? Мы на небеси всегда тако поем, и вы должны пред иконою Богородици то же петь». Тогда монах стал его просить, чтобы научил его так же петь. Явлейся же еще запел и говорит: «Пой и ты так же со мной». Тут монаху захотелось его списать, просил его въ свою келью, то певчей пошел с ним до кельи, и пришедши в келью монах съ певчием, поискавши чернилници съ пером, но не нашел и запечалился крепко. Тогда ему певчей говорит: «Не печался, пойдем со мной на улицу, я тебя научу». И, вышедши на улицу, начал петь и ему за собою то же велел петь. И нача петь и перстом на камне писать «Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную Матерь Бога нашего». Когда, дописавши, допел, то въдрух невидим бысть. И от того времени въ церквах уставили петь со звоном «Достойно есть» и продчая. А камень тот лежит въ церкве, изображение на нем и ныне видно.* А «Честнейшую херувим» написа и церквам предаде Козма, епископ Манумски, сверстник Иоанна Дамаскина.* Козма же съ Дамаскиным бяше по седмом сте лет от Рожества Христова.

21-й

Монастырь, называемой Котломуж* по месту той горы. От собора съ версту на средине горы Афона от моря, в гору верстъ 10-ть или болше, началной храм Преображения Господня и чудотворной образ Пресвятыя Богородици.* Мощей святых: глава преподобнаго Олимпия,* ноги праведныя Анны,* глава священномученика Харлампия* и протчих немало. Мы же, многогрешные, те все святые места удостоились видеть и часть описать, приснопамятные, по возможности ума моего. А всего и писанию предать невозможно, что Господь привел увидеть и прикладыватся.

Обще сказать о Святой горе Афонской

Во всех святогорских монастырях есть из частей Животворящаго древа Христова, на котором плотию пострадал, из него по одному неболшому кресту. Еще тоже во всяком монастыре по церквам стенное писание — изображение всякихъ Господскихъ празниковъ греческаго писма высокой работы, и ясные, прозрачные видом. Въ иную церковь възойдешь, покажется, аки в рай земной! Во всей везде светится, а притом во всякой церкве, по тамошнем заведению, вместо наших паникадил такие великоогромные поясье медное со свечами на

4-ре цепях повешены, и по всему поясу свечи засвечены идут во время службы.* А у местных образов подъсвешники медные, литые, преболшие, со свечами болшими, кои въ великие праздники все засветят и от всего везде сияние исходит. Словом сказать, аки рай земной!

И все монастыри велики и прекрасны, а паче Афонская лавра,* Иверской монастырь и Ватопетская лавра, ибо строены стены высоки. Когда еще не было пушек и пороху, то от набегов неприятелей всякой монастырь спасался своими каменными стенами, потому запрут ворота, и попасть в него неможно.

Гора Святая Афон есть из земных мест рай монашеской, потому древ растущих всякаго роду множество, какъ то: маслин, винограду, орехов, яблоней, смоквей, дулей-груш, с кипарней кипарису, дубу, пев*г*ов и протчих древ. А воды холодных родников и сочесть невозможно! Монастырей, скитов, келей съ церквами так же многое множество. А паче женскаго полу нет.* Ту монаху и спасение.

У всякой кельи и скита или монастыря свой сад. И въ каждом саду овощия всякаго и винограду доволно, из коего себе делают питие — увеселение сердцу. И почти у всякаго монастыря есть и хлеба свои: посев и хлеб родится хорошей. И все тамошние монахи и схимники занимаются трудами, от чего и пищу себе приобретают и свои рукоделья по субботам продают на базаре. А когда мы, поклонники, приходим къ какому-либо монастырю, то нас стречают с радостию и со звоном. Начнут звонить во все колокола, и пойдем прямо в церковь, и будут выносить все святые и чудотворные образа и мощи, къ коим мы прикладываемся. Потом позовут нас въ гостиную залу, и ту нас, въ котором монастыре есть фрухты изобилие, тем нас и чествуют, а где обедать или начевать станем, то кормят везде богатою трапезою. А краснаго вина во всяком монастыре пили доволно, как рускаго квасу, — сколь душа поднимает. А после почествования будут записывать имена, кто сколко скажет, для поминания за литургиами. И поклонники кладут по возможности, кто что может положить. И во всяком монастыре *так*: одно сие таковое заведение по всей Святой горе Афонской. Аминь.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВИЦЫ АННЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО СВЯТЫЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ СЕЛА ЛЕЖНЕВА* ДЕВИЦЫ АННЫ АЛЕКСЕЕВНЫ И ВДОВЫ ПАРАСКЕВЫ СТЕПАНОВНЫ 1819 ГОДА

Приходим мы во град Адест.* Сей град прекраснѣйший, стоит град на морѣ, тут пристанище корабельное. Месяца августа 7 числа повелѣнием государя нашего императора Александра Павловича* начал приуготовляться корабль

въ Царьград. И купцы адестские начали насыпать корабль пшеницею. И адестский начальник, граф,* собирает нас, поклонников, которых нас было 20 человѣк, и подписуют на наших пашпортах. Такожде и еще въ нижнем карантыре въ присудстви*и* подъписуют на нашых пашпортах, и карантырские присудствующие отдают нас при росписках корабленным копитанам, коих было двое.

И отправились мы месеца авъгуста 30 числа Чермным морем. И приплыли мы въ дѣвятый день под Царьград. И тут корабленны*е* копитаны приказали нам сесть на малые судны, потому что корабль до брегу далече не доходит. И вывозят нас на брѣг Царяграда. И копитаны отдают нас на брѣгу туркам, а турки вводят нас въ Московскую канцелярию его императорскаго величества посланнику. Потом посланник наш выправляет у турецкаго салтана нам пашпорты, и за кажды*й* пашпорт платится турецкому салтану по 22 рубля. И наш посланник московский отдает наши пашпорты, а вмѣсто нашых дают нам свои пашпорты на разных языках. Потом наш посланник отдает нас туркам. А турки, възявши нас, отводят нас на брѣг моря и отдают нас царѣградскому патриарху. И патриарх принимает нас. И отправил на свой патриарший корабль.

И поплыли мы Мраморным морем* ко святому граду Иерусалиму. И плыли мы Божиею помощию благополучно и приставали мы ко острову Кипрскому.* И ходили мы въ монастырь для поклонения чудотворнаго образа Божия Матере, которая писана была первая, еще она была въ живых, самим евангелистом Лукою.* И она рекла ему: «Съ сим образом да будет благодать моя». Сия икона пречудная, лику ея никтоже не может видеть: лик ея покрыт пеленою.* А прикладывались къ пречистым ея персям, а къ предвечному ея Младенцу — къ пречистым Его ношкам. Тут стоит подсвѣшник со свѣщами мраморны*ми*. Тут мнѣ сказовали, что дѣ ехал архиерей и молился ея чудотворному образу Божие*й* Матере, и просил настоятеля, чтобы открыть ея лик. Настоятель ему не позволил, и архиерей выпрасился тут начевать у чудотво*р*наго Божия Матере образа. И поутру пришли въ церковь: архиерей лежит мертв пред иконою.

Еще на етом островѣ Кипрском, и от етаго мѣста растоянием благополучнаго плавания един день, тут монастырь святаго и праведнаго друга Божия Лазаря,* гдѣ и Божия Матерь, когда он был тут архиереем; и Божия Матерь, когда изволила посѣщать Афонския горы,* и къ нему во остров Кипрски*й* приежала и его посещала. Мы въ етом монастыре и въ его церкви были и гробу его поклонились. Гроб его мраморны*й*, а святое его тѣло въ Царѣградѣ.* Си*и* монастыри вѣсма пречудные въ горах, и горы превѣличайшие каменные бѣлые, наподобие снегу. Сей остров изобилен весма виноградами и маслинами и рошками[1]. А ис Кипрскаго острова отправились мы тем же Мраморным морем и въпали въ Бѣлое морѣ,* которое посредѣ свѣту. Сие морѣ Бѣлое чистое, аки хрусталь.

[1] плодами рожкового дерева.

И потом приплываем мы ко святому граду Иерусалиму, къ пристанищу въ Яфы.* И тут корабленники роскидавали флаг*и*. И узнают арапы, и приежают къ нам малыми судны, и перевозят нас на брѣг. И принимает нас кончур[1] и отдает нас монах*ам* иерусалимским. И монахи нас принимают въ свой монастырь въ Яфе.

Потом, как мы управились въ Яффе въ монастырѣ, и отправляет нас кончур во святы*й* град Иерусалим на конях верхами мужески пол и женски, потому что там на телѣгах никак неможно, что горы превѣличайшые каменные. А растоянием от Яфы до святаго града Иерусалима два дня езду.

На пути половины дороги стоит град Рама. Гдѣ, писанно въ Евангели*и*: «Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть; плачъ и рыдание и вопль многъ; Рахиль плачущися чадъ своихъ».* Тут мы начевали. И на другой день, выслушавши божественную литургию, поехали ко святому граду Иерусалиму.

И въежаем мы въ святый град Иерусалим во враты Давидовы и мимо Давидова дому.* И приежаем мы къ патриаршескому дому. И стречают нас и принимают монахи, и въводят нас въ кельи. И потом принявшыи нас въ кельи стали нам, грѣшным, умывать ноги,* — мужескому полу ноги, а женскому руки. И посажали нас въ кельях въсех за трапезу на полу: там лавак и стульев нет, а садятся все на полу. Пол весь убран хорошими коврами. И стали нас монахи подъчивать красным и бѣлым вином и носили кушание — сорочинское пшено, горох, маслины и еще раковины[2] называемыя. И после трапезы мы все отдохнули.

И как шесть часов ударило ночи, то начели бить въ сребренную доску къ заутрени: там колоколов нет, потому что турки не дают. И отпевшыи заутреню, и потом къ литургии (там поют нашу литургию очень рано). И отпевши божественную литургию, повѣли нас опеть въ кельи. И сажали нас за трапезу, и угощали нас таким же образом, и красным и бѣлым вином. И носили то же кушание — сорочинское пшено, горох, маслины и раковины. А нас, поклонников, было двѣсти человѣк из Царяграда. Всѣх угощали.

И въ той же день после вечерни патриаршей повели нас ко вратом святыя великия церкви Воскресения Христова:* и отпирают, и отворяют враты святыя великия церкви Воскресения Христова турки. И как мы, грѣшные, приходим ко святой и великой церкви, тут мы ув*и*дели первое чудо: на левой стороны входа церкви, на мраморном столпе, разъселину и скважину так, как палца три вложить можно, и опалено Божественным огнем сверху до низа аршина на четыре и более. И сказывали нам, что де ето было назат тому лѣт семдесят. Что де армяне по ненависти откупили у турки мѣсто у Гроба Господня празновать Пасху по их армянскому закону, и что де «при нас огнь Господень снидет на гроб Господень». И патриарха выгнали из церкви и всех вѣрных христиан — и тако недопущаемы были въ церковь, а стояли внѣ церкви, у дверей церковных, и зело

---

[1] здесь, очевидно, проводник; [2] устрицы.

плакали и молились Богу. И как наступил осьмый час дня Великия субботы, то ожидали армяне Божественаго огня на гроб Господень, но Господь презрел их, армян, не сошел на гроб Господень. Но вдруг опалило сие место, мраморный каменый столп: ис столпа огнь Божествѣнный вышел. И патриарх, и все верные христиане, видя сие чудо, зело возрадовались, и все Божественнаго огня зажигали свечи и въходили въ великую церковь ко гробу Господню торжественно. Армяне остались посрамленны и выгнаны из церкви. А турка стоял недалече от церкви на восъвышенном месте. Как увидел Божествѣный огнь, так упал съ места и умре. И так и теперь всем видимо на столпѣ мраморнем опаление Божественнаго огня.*

И как мы възошли въ церковь, переступили порог, тут поклонились мы снятию Господню, гдѣ Иосиф съ Никодимом снял тѣло Иисусово со Крѣста.* На том святом мѣстѣ четыре столпа златые, а на столпах балдахин. И тут горят шесть паникадил масла: паникадилы сребрянные величайшие, а посреде столпов камень мраморный, а каймы златые. Еще подалее как сажень десять, гдѣ Божия Матерь смотрела на страдание Господне, на том святом мѣстѣ камѣнь мраморный и рѣшеткою желѣзною огорожен, и паникадилы масла горят.* И тут поклонились.

Потом мы, грѣшные, приходим къ тому мѣсту, гдѣ гроб Господень.* И въходили мы внутрь ко гробу Господню с вѣликим страхом и трепетом. Припадали и поклонились мѣсту над гробом Господним, называемая кухлия: мраморная, наподобие часовни, увешана вся бархатами и золотыми голунами. Над гробом Господним множество горят паникадил масла. Против гроба Господня церковь Воскресения Христова.* Иконостас весь мраморный, святые иконы писма грѣческова. Тут висит паникадил, я думаю, болѣе тысящи, и по сторонам иконостасы. Тут, посрѣде церкви, кунпал круглый до самые главы. Тут, сказывают, Пуп земный,* и знаменует камень мраморный, наподобие зеркала. Тут, сказывают, что на етом святом мѣстѣ и камнѣ будѣт стоять святый престол Господень, и будет судить Господь вселенную.* А въ главѣ горят двѣсти ланпад масла.

Потом приходили мы на святую гору Голгофу,* гдѣ распят был Господь наш Иисус Христос. Тут руппа сребренная, аки звѣзда, а из руппы благоухание исходит велие, а над руппой престол мраморный бѣлый, за престолом крест Господень. Тут же, подлѣ престолу, камень распадши: когда завѣса раздрася, и камене распадеся на Голгофе.* Иконостасу нет; вмѣсто иконостасу раскидавают занавес, и тут горят множество ланпат масла. Еще поклонились, гдѣ на Господа жыды тернов венѣц налагали, и трость въ руку Ему давали.* Еще, гдѣ царица Елена Крѣст обрѣла:* под гору ступеней тритцеть, тут камень мраморный, и на нем изображен крѣст. И тут горят множество ланпад масла. И гдѣ царица Елена смотрела сверху во окошко, когда вырывали Крѣст Господень,* и тут горят паникадилы масла. Еще тут же поклонялись, гдѣ жыды Господа сажали въ кондалы.* И на том камени, гдѣ Господь стоял, и от пречистых Его ног изобразилось

мѣсто святых Его стоп.* И продчим в великой святой церкви мѣстам страдания Господня поклонились.

Потом, после всего поклонения, повели нас вечерять у гроба Господня, наподобие того, как Господь вечерял со ученики своими.* И подъчивали по-прежнему, и носили кушанье — сорочинское пшено, горох, маслины и называемыя раковины. И после вечерни грѣческие, болгары и мы, русские, тут, у гроба Господня, начевали, и как кому угодно было: кто отдыхает и кто молится.

Служба на гробѣ Господнем каждый день, служат архиереи. И у Воскресения Господня каждый день архиереи, и на Голгофе каждый день архиереи. И круг гроба Господня жывут въ кельях архиереи грѣческие, арапские, копские, французские. Тут же въ великой церкви и гробы въ пещере Иосифа и Никодима.*

И на другой день после литургии отпирают турки враты великие церкви и выпущают нас вон. Из церкви вышедшы, поклонились, гдѣ Мария Египетская силою Божиею недопущаема была въ церковь. Тут церковь небольшая и служат каждый день. Еще поклонялись, гдѣ Мария Египетская молилася въ паперти Божией Матери (сия икона Божия Матере пречудная!).* Еще поклонялись, гдѣ Иякова, брата Господня, престол.* Тут служат арапы. Еще поклонялись, гдѣ Мария Магдалина спрашивала Господа яко вертоградаря. Тут церковь Марии Магдалины.* Еще тут же, под звонницай, престол Сорокомучеников,* прекраснейший. Еще тут же монастырь, гдѣ Авраам приносил Исаака, сына своего, на жертву.* Тут церковь великолѣпная.

От Воскресения Христова пошли мы до Гепсимании,* гдѣ Юдоль плачевная.* Шествия до Гепсимании двѣ вѣрсты. Тут церковь вся въ земле,* выспод сорок ступеней: на половине почивают святые и праведные родители Божией Матери Иоаким и Анна, гробы их каменные. И напротив их гроб Иосифа Обручника.* И тут горят паникадилы масла. Еще от родителей до гробу Божией Матере 20 ступеней. Гроб Божия Матере среди церкви, мраморный, и по нем полосочки голубые. Над гробом горят множество поникадил масла, и круг гробу Божия Матере увешана вся отласами и голунами[1], и вся церковь над гробом Божия Матере.* Наверху подсвѣшники златые со свѣщами. Въ церкви Божией Матере поникадил многое множество горят масла. Напротив гроба Божия Матере, въверху, большое окошко. Тут, сказывают, что Господь възял душу и съ телом Матерь свою.

Потом пошли мы на святую гору Елеон,* разстояние будет вѣрсты двѣ, гдѣ Господь воснесься на нѣбо. Тут Его святые стопы знать на камени. И сия гора украшена цвѣтами наподобие маку, и древами масличными, и древами смоковными, и древа черносливные.

Еще покланялись, гдѣ Господь уходил на молитву и молился о чаше: «Аще возможно, да мимо идетъ от Мене чаша сия».* Тутъ и апостолы почивали.

---

[1] То же, что и позумент — золототканая лента или нитяные кисти.

И гдѣ Господь молился, то мѣсто огорожено камением бѣлым. Сие мѣсто называется Юдоль плачевная и поток Кедръский.* Сие мѣсто весма ужасное и страшное. И въ евтом мѣстѣ Господь наш Иисус Христос Иудою предан под древом масличным.* И етою Юдолию и потоком Кедрским, сказывают, что и река огненная потечет на мучение грѣшников.*

И сказывают, что как Июда предал Господа нашего Иисуса Христа жидам, и жиды, възявши Господа нашего Иисуса Христа, и надѣли на него цѣпь и влачили по етому потоку Кедрскому. И тут была вода и грязь. И били, и ругались, и вели до Пилатовы*х* ворот. Сие врата закладены.* Сказывают, что жиды сими вратами шли и переслѣпли, и так заклали. А нынѣ ходят сбоку. И по етой горѣ, когда Господа жыды вели и били, и ругались, тогда Божия Матерь шла за Ним и плакала, и падала на землю, и пречистым*и* своими ручками о камни опиралась. И так от пречистых ея рук изобразились тѣ мѣста. И по потоку жыды Христа влачили, и Божия Матерь смотрѣла и говорила: «Ах, что и ты, вода, Сына моего помочила!» И так вода изчезла, и донынѣ нет. Еще, гдѣ Божия Матерь стояла у стеночки и смотрела на страдание Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, и ето мѣсто как бы было вибито, и теперь знать.* И от етаго мѣста недалѣче был тут кладѣсь. И Божия Матерь тут стояла и говорила: «Что ты вода шумишь, что про Сына моего говорят?» И так въ кладезѣ вода изъчезла, и донынѣ нет.

Тут недалѣче домы родителей Божия Матере Иоакима и Анны,* и баня, и купель Божия Матере. А которые домы жидов — Анны и Каиафы,* сие домы и теперь стоят развалины, и ж*и*вущых въ них нет. Еще гдѣ Господь прозрил слепорожденному очи:* тут стопы Его знать святыя, гдѣ Господь наш Иисус Христос стоял на камѣни. Еще, гдѣ из Марии Магдалины выгнал седм бѣсов,* и тут святыя Его стопы знать на камѣни. Еще гдѣ Божия Матерь из Святая Святых приходила къ своим родителем,* и тут на камени ея святые стопы знать.

О святом Вифлееме

Разстоянием от святаго града Иерусалима до Вифлеема града 15 верст. На половине пути стоит монастырь святаго пророка Илии,* гдѣ он почивал и ангел Господень его будил; на том камени изобразилось его мѣсто. Тут же недалече и гро*б* Рахили, матери Иосифа Прекраснаго.*

Град Вифлеем прекраснѣйши*й*, стоит на горѣ превысочайшей. Тут монастырь преогромнѣйши*й* и величайши*й*.* И для поклонников кельи все убраны, и полы усланы хорошыми коврами. И въ святом монастыре вертеп въ землѣ,* ступеней 10 или болѣе, гдѣ Господь Иисус Христос родился: на том святом мѣстѣ круг сребренны*й*, наподобие звѣзды. А над етем святым кругом престол мраморны*й* бѣлы*й*; за престолом — образ Рожества Христова, а преди престола, гдѣ Бо-

жия Матерь Христа родила, тут горят 14 паникадил масла. Напротив образа Рожества Христова, вниз ступени 3, ясли каменные* четвероугольные, гдѣ Божия Матерь положила Иисуса Христа въ ясли. Вертеп весь мраморный и украшен разными материами, и паникадил множество горят масла. А над святым вертепом, наверху, соборная церковь, превеличайшая и пречудная, и святыя иконы чудные, писма грѣческаго, и подсвѣшники всѣ мраморные резные, и поникадил многое множество горят масла. И пол весь мраморный. Тут же и францускaя церковь. Тут же въ пещерѣ и младенцы 14 тысящ, от Ирода избиенных.*

Еще, гдѣ Божия Матерь ходила со дщаним во град Иудов и целовала Елисавет, и гдѣ святый Иоанн Предтеча, креститель Христов, родилъся, тут церковь превеличайшая* и вся украшена отласами и голунами. И гдѣ Иоанн Креститель родился, на том святом мѣстѣ звѣзда сребренная, над етой звездой престол. Тут же камень, на котором Иоанна Предътечы усекнута глава.* И от етаго святаго мѣста растояния 3 вѣрсты, гдѣ Иоанн Крѣститель въ пустынѣ жил.* Сия святая пустыня превѣличайшая и высочайшая гора, и толь крута, что мы въходили с вѣликим трудом. И на етой святой горѣ пещера камѣнная, гдѣ святый Иоанн Крѣститель жил. Тут источник воды* течет ис-под камени. И по сѣй святой пустынѣ древа масличные и смоковные.

Еще от Иерусалима растояние 3 версты монастырь прекраснѣйшый, гдѣ древо выросло на крѣст Господень.*

Сказание о церемонии на Рожество Христово

Турецкое воинство убравшись, и кони были убраны, и поехали все верхами во град Вифлеем — и митрополит, и все духовѣнство, и мы всѣ, поклонники, коих было восемь тысящ: кто верхами, а кто пеш, накануне Рождества Христова.*

Как приехали в Вифлеем, потом началась пушечная палба, и потом начали служить литургию, и продолжалось до самой ночи. На самое Рождество Христово началось всенощное бдение и лютургия. И после лютургии как все, и мы все, поклонники, восемь тысящ, всех угощали красным и бѣлым вином, и для всех была трапеза.

В Мясопустную пятницу* за вѣчернею помазавали нас святым елеем, всѣх поклонников.

Потом наступает Четыредесятница.* Въ первое воскресение, то есть въ Православие,* митрополит и продчие архиереи и архимандриты и всѣ духовенство, собравшись въ великую церковь Воскресения Христова, и было проклятие всем еретикам.* Потом продолжалась служба, и после литургии всѣ духовенство собирались въ патриаршую, и для всех была трапеза.

Во вънторую и третию недѣлю от гроба Господня собирали нас, поклонников, коих было восемь тысящ, за трапезу въ патриаршею. И всех нас угощали красным и бѣлым вином, и для всех носили кушание — сорочинское пшено, горох, маслины и называемые раковины.

Потом приходит Лазарева субота.* Собирает нас, поклонников, митрополит на святую гору Елеон, гдѣ Господь наш Иисус Христос вознесься на нѣбо.* И тут Его святые стопы.*

И раскидывали палатки, и церковь, как бывает здѣсь у военных въ полках. Таким образом и служили литургию. По отпѣти*и* литурги*и* отправилъся митрополит и продчее духовенство во Иерусалим на конях вѣрхами, а мы, поклонники, на то мѣсто, гдѣ Марфа и Мария въстрѣтили Господа и говорили Ему: «Господи, естьли былъ Ты, былъ здѣсь, братъ нашъ не умеръ бы». И Господь говорил имъ: «Воскреснетъ братъ вашъ». И на том мѣстѣ камень.* И от етого мѣста пошли мы, гдѣ Лазаревь гроб.* Тут пещера, как възойти в нее человѣком дватцѣти. Тут мы, поклонники, въходили и пѣли молебен за всех православных христиан о здравии и о спасении. Потом совершали понихиду за упокой за всѣх православных христиан.

Потом приходим мы во Иерусалим въ великую церковь Воскресения Господня. Тут на заутрении съ вербой не стоят, а по отпетии заутрени начал митрополит раздавать вербу* по чинам, как кто преждѣ принял вѣру. Преждѣ архиерею ефиопъскому, архиерею грѣческому, архиерею болгарскому и нашему русскому. Потом таким же образом архимандритом, игуменом и всему священному причту, коих было человѣк до пятидесять. И всѣ были облачены во священные одѣжды златыя и свѣтлѣйшые. И вербы были украшены всякими цвѣтами, и крѣсты, державщие въ руках. Потом несли х*о*ру*г*ви, Евангелие и святые иконы. И понесли круг гроба Господня: напреди шли архиереи ефиопъские, за ними шли грѣческие, за греческими болгарские, потом нашы русские. Позади митрополит несъ жывотворящи*й* крест на главѣ, стойма, и вѣрбу держащую въ руках, украшенную разными цвѣты. И как обошли три раз круг гроба Господня, потом пошли францускиe архиереи и все духовенство точно таким же образом. После французских армянские архиереи и все их духовенство, также их народ. И как все обходили, начал митрополит служить литургию на гробѣ Господнем и у Воскресения Господня архиереи, и на Голгофе архиереи, и во всех мѣстах.

Въ Вѣлики*й* четверток* у гроба Господня, на Лобнѣм мѣстѣ, было умовѣние ног: митрополит умывал ноги наподобие как Госпоть ученикам умывал ноги, таким же образом.* И потом по всем местам служили литургии архиереи.

Въ Великую пятницу* собираются вся племена земная на поклонение ко гробу Господню, и турки отпирают великую церковь Воскресения Господня и пропущают народ и *с*обирают денги. А мы, руские, денег не даем, а проходим съ турецкими пашпортами. И всего народу было многое множество, коих насъ

было, поклонников, восемь тысящ. А что всего грѣческаго и продъчаго народа и женщин со младенцами и изъчислить неможно.

Потом запирают турки враты на великие церкве накрепко на Великую суботу.* И как пробило шесть часов ночи, начали служить заутреню. И после заутрени кухлию, гдѣ гроб Господень, заперли накрѣпко. И старой огнь во всѣм храмѣ погасили. Потом арапы въ бѣлых рубашках начали бѣгат круг кухли гроба Господня и въ ладоши били. Иного схватят съ собой и бѣгут съ ним. У других на плѣчах народа бѣгали, и по головам, и кричали. А что кричали, етого не знаю. Только я спрашивала других, и сказывали мнѣ, что дѣ проклинают еретиков. И продолжалось етаго времени до осмаго часу дня.

И как восемь часов дни ударило, и приходит митрополит къ кухли и отпирает, и въходит внутрь ко гробу Господню. И въ то время на гроб Господень сходитъ Благодатный огнь, и митрополит зажигает на гробѣ сего Благодатнаго огня и раздает *его* продчим. И зажигали мы все свѣчи друг от друга, а свѣч было у каждаго по тритцети по три свѣчи во образ жития Христова: Иисус Христос на земли жил тритцеть три лѣта. И по всей святой церкви засвѣтили новым Благодатным огнем. Потом всѣ притушили, а оставили по одной свѣче и, как сказано преждѣ, въ Вербное воскресение, брали по чинам архиереи ефиопские, грѣческие, болгарские и наши русские, и всѣ духовенство. И были все облачены въ самые свѣтлѣйшые священные одежды. И всѣ по чинам стали и взяли крѣсты, и свѣчи, и хоругви, и Евангелие, и святые иконы. И пошли круг кухли гроба Господня, и обошли три раза, и пели «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небѣсѣхъ»* и протчая. И, объходя, начали служить литургии: митрополит на гробѣ Господнем и у Воскресения, и на Голгофе архиереи; и на всех мѣстах служили. И после отпетия, как кому угодно: кто молится, кто отдыхает.

На свѣтлое Христово Воскресение, как шесть часов ударило ночи, то начали бить въ доску, и происходила служба у гроба, и у Воскресения, и на Голгофе, и на продчих мѣстах по-прежнему. На литургии читали Евангелие: на святом престолѣ читал митрополит и архиерее, и на хорах архимандриты. Въ свѣтлое Христово Воскресение после литургии отпирают враты великие церкви, и митрополит приказал нам, поклонникам, приходить въ патриаршую. И христосился со всѣми нами, восми тысячими, и давал нам каждому по два яйца. И послѣ всѣго того разошлися по своим кельям.

Потом, въ свѣтлой въторник и въ среду, отправляет нас митрополит на Иордан рѣку:* растояние от Иерусалима шестьдесят верст. И провожали нас турки. На половине дороги, гдѣ преждѣ был монастырь преподобнаго Герасима,* нынѣ нѣт, а толко знамѣние огорожено камением. И приходили мы на святую рѣку Иордан, гдѣ Господь наш Иисус Христос крѣстился. И надѣвали мы всѣ бѣлые рубашки, и погружались, и пили воду, и набрали себѣ въ домы.

Сказание о Назаретѣ*

Растояние от Иерусалима до Назарета ходу пять дней. И шли мы три дни до Самарии, гдѣ Господь бѣсѣдовал у студенца съ самаряниной женой.* Тут путь весьма жестокой: величайшые горы каменные, и у студенца источницы текут многи ис-под камения. Тут, во градѣ Самарии, монастырь греческой прекраснейши*й*.* Мы тут ночевали. И от Самарии до Назарета шли два дня.

Не доходя до Назарета три вѣрсты, есть гора высочайшая каменная. Тут есть пещера, куда Божия Матерь у*х*одила на молитву *от* Назарѣта. Из пещеры мы вышли и възошли мы на превысочайшую гору, и на той пещерной горѣ есть превеличайши*й* камень. И сказывают, что Господь сам поставил, когда Божия Матерь ходила въ свят*ую* пещеру на молитву, и дѣти жидовския бросали на нее камни: и так Господь сим камнем от них ея застенил.

И, сошетшы мы съ етой горы, пошли во град Назарѣт. И приходили къ протопопу арапскому. И хо*ди*ли мы во градѣ Назарѣте, гдѣ Божия Матерь жила въ дому Иосифове. Тут церковь французская, увешена вся отласами.* И гдѣ обручение ея было, и тут увешана отласами, а гдѣ Божия Матерь читал*а к*нигу, на том мѣстѣ положено наподобие звѣзды сребренной, а над звѣздой престол французской. Въ той же церкви комната, гдѣ она жила, ма*л*инкая — едва одной можно жить. И от етаго дому изволила Божия Матерь ходить по воду одн*у* верст*у*, и тут ея над водами осенил Дух Святый. Теперь тут церковь христианская и чудная;* иконы святые чудные.

Потом же мы пошли от Назарета и възошли на превысочайшую гору, гдѣ Господь насытил пять тысящ.* На том святом мѣстѣ камѣнь вѣличайшы*й*. И гдѣ Господь сидѣл и народ благословил, и на том камении изобразилося Его мѣсто, гдѣ Он сидѣл.

Потом пошли мы на святую гору Фавор, гдѣ Господь наш Иисус Христос преобразился.* И шли мы на гору два часа съ половиною. Преждѣ на том святом местѣ, гдѣ Господь прѣобразился, была церковь.* Нынѣ нет, а только лежит камѣнь мраморный, наподобие бруса, и огорожен камѣнием. И тут двѣ норы воды чистые, наподобие хрусталя. И мы тут молебѣн пели и воду святили.

И от етаго святаго мѣста пошли мы въ Кану Галилейскую, гдѣ Господь наш Иисус Христос был на браке и воду въ вино претворил.* Тут теперь церковь христианская:* иконостас каменной глаткой; царские враты есть, а затворов нет. Святых икон — Спасителев образ и Божия Матере, за престолом животворящи*й* крест. И тут чаша каменная, въ которой Господь претворил воду въ вино. Тут был дом Симона Зилота.* Потом пошли мы на теплые воды, которые текут из гор, из-под камения. Сие воды так гарячи, что никак неможно терпеть. И тут здѣланы фанта*н*ы и текут въ котлы. Тут и двѣ бан*и* — мужеская и женская, и етой водой моются.

Мы возвратились во святой град Иерусалим.

Потом, на Фаминой неделе,* въ четверток, отправляет нас митрополит *на* наш корабль. Отпевшы литургию и собравшись, митрополит и продчие архиереи и архимандриты и все монахи всех нас благославляли и прощали, и провожали, и кланялись. И ехали мы до Яфы на конях верхами.

СЛУЖБА ПУСТОЗЕРСКИМ МУЧЕНИКАМ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ (УСОВА)

МЕСЯЦА АПРЕЛИЯ, ВЪ 14 ДЕНЬ. СВЯТЫХЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ И ИСПОВЕДНИКЪ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИЕРЕЯ ЛАЗАРЯ, ДИЯКОНА ФЕОДОРА И ИНОКА ЕПИФАНИЯ, ИЖЕ ВЪ ПУСТОЗЕРСКЕ СОЖЖЕННЫХЪ. АЩЕ ХОЩЕТЪ НАСТОЯТЕЛЬ, ТВОРИТЪ БДЕНИЕ*

На малѣй вечерни. На «Господи возвахъ» стихѣры на 4, гласъ 4, подобенъ: «Яко добля».*

Яко солнце восия намъ пресветлая память ваша, исповедницы божественнии, евангельскимъ учениемъ насыщении; превозмогосте еретическая смущения премудростию словесъ своихъ и силою Духа Святаго, Господа истиннаго, егоже славимъ со Отцемъ и Сыномъ.

Аввакума богомудраго, Лазаря пречюднаго и Епифания всехвальнаго съ дивнымъ Феодоромъ да воспѣваютъ днесь вси людие; тии бо побѣдиша насилие вражие безмѣрнымъ терпѣниемъ и мужествомъ и кончиною мученическою во пламени огненнѣмъ.

Громогласным ти языкомъ сокрушилъ еси еретическия твердыни, богодухновенне Аввакуме, съ пострадавшими съ тобою необоримыми мученики; съ нимиже предстояще престолу Господню, молися присно о мирѣ всего мира и о спасении душъ нашихъ.

Слава, гласъ 6. **Т**оржествуйте нынѣ вси концы землении, въ память великихъ исповѣдникъ, иже вся славная мира сего презрѣша, да Христа приобрящутъ и да вседушно Ему работаютъ, и просиявше славою мученическою, молятся Ему помиловати душя нашя.

И нынѣ. Богородиченъ.

На стиховнѣ, стихѣры,* гласъ 2, подобенъ: «Доме Евфрафовъ».

Да веселится Церкви Божия, лобызающи честная страдания священномученикъ и исповедникъ, подающихъ исцѣления молитвами своими.

Стих: Возваша праведнии, и Господь услыша ихъ.*

Прославляя своя угодники Господь, прославилъ есть Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, ихъже молитвами богоуслышными спасаемся от бѣдъ и напастей.

Стихъ: Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.*

Столпы четверочисленнии явистеся Церкви Божии, на нихъже утвержающеся, славимъ Троицу единосущную во вѣки вѣкомъ.

Слава, и нынѣ. Богородичен, гласъ и подобенъ той же.

Съ вышними силами воспѣвающе Тя, Богомати, величаемъ Прошедшаго изъ Тебе, Исуса Сына Божия, единаго Человеколюбца.

Таже[1] «Ныне отпущаеши», трисвятое, и по «Отче нашъ» тропарь, глас 6, писанъ въ велицѣй вечерни, Слава, и нынѣ, богородиченъ воскресенъ.

На велицѣй вечерни. Стихологисуемъ «Блаженъ мужъ», 1-ю славу.*

На «Господи возвахъ» стихѣры на 8, гласъ 4, подобенъ: «Иже званъ свыше бывъ».

Егда божественное найде на васъ звание, Аввакуме, Лазаре, Феодоре и Епифание, тогда огнепальною ревностию разжегшеся, обличасте заблуждения Писании Священными, и утвержасте люди въ вѣрѣ истиннѣй, славяще Христа Бога, егоже молите спасти и просвѣтити душя нашя.

Егда обольщениемъ и прещениемъ[2] понужаху васъ отврещися апостольскихъ предании, тогда Духа Святаго исполнившеся, добропобѣднии мученицы, глаголасте къ мучителемъ: Ничтоже насъ отторгнетъ от Церкви Божия и от вѣры истинныя, еяже ради готовы есмы страдати, [3]Господу поспѣшествующу[3], егоже нынѣ молите, умирити миръ и просветити душя нашя.

Егда отступницы предаша святыхъ градскимъ казнениямъ, тогда иерею Лазарю, диякону Феодору и преподобному Епифанию языки отрѣзаша, и съ протопопомъ Аввакумомъ сослаша въ заточение, идѣже въ смрадныхъ темницахъ, гладомъ и нуждею удручаеми, пребыша до кончины въ вѣре истиннѣй, и нынѣ молятся Христови, спасти и просвѣтити душя нашя.

Егда ни муками, ни заточении еретицы не возмогоша отлучити васъ от Церкви Христовы, непобѣдимии страстотерпцы, тогда осудиша васъ живы сожещи огнем, и содѣлаша срубъ древянъ; вы же, простившеся другъ со другомъ, мужественно внидосте[4] во нь, и сгорѣсте убо телѣсы, душя же своя предасте въ руцѣ Божии, егоже возлюбисте.

Иже свыше приемше священное звание, доблемудрии исповѣдницы, и любовию къ Богу распалаеми, наставлясте люди на путь спасения учении божественными и чюдесъ множествомъ; и по мученичестѣй кончинѣ, водворяющеся въ Вышнемъ Царствии, сохраняете насъ невреждены, молящеся Христови умирити миръ и спасти душя наша.

Чада суще Евангелия, блажени вы, мученицы, яко изгнани бысте правды ради;* блажени вы, исповѣдницы, яко умиротворяете Церковь Христову, блажени вы, святии, яко, чисти сущи сердцемъ, узрѣсте Бога;* вы бо соль земли необуявшая,* послѣдовасте Христу тѣснымъ путемъ,* внидосте въ радость Господа своего,* яко умножившии вручении вамъ таланты.

[1] Затем; [2] угрозою; [3—3] с помощью Господа; [4] вошли.

Слава, гласъ 8. Мученицы божественнии, кая[1] мучения не подъясте, и въ темницехъ заключаеми, и узами желѣзными связуеми, и биеми болѣзненнѣ, и гладом томими бысте; и языки вамъ отрѣзаху, и руки отсѣкаху, вы же съ радостию вся сия терпѣсте, вѣры ради и любви, яже ко Христу Богу, Спасу душамъ нашимъ.

И нынѣ. Богородиченъ «Царь Небесныи». Выходъ.* Прокименъ* дню, и чтения три, исповѣднические.*

На литии.* Стихѣры, гласъ 3, самогласны.*

Да радуется съ нами небо и земля въ пресветлую память исповѣдникъ Господнихъ, Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, иже претерпѣша мучения многая и въ пламени сожжение, вѣры ради християнския; и нынѣ предстояще престолу Господню, молятъ спастися душамъ нашимъ.

Дивна дела Твоя, Господи, ихже Ты являеши рабомъ твоимъ: Лазарю бо, Феодору и Епифанию мучители отрѣзаша языки, и чюдеснѣ израстоша; и паки отрѣзаша ихъ и руки отсѣкоша, и паки чюдеснѣ израстоша; и глаголаша святии ясно,* проповѣдающе Тя Спаса душамъ нашимъ.

Ревностию божественною подвизаемъ, и благодатию Духа Святаго укрѣпляемъ, священномучениче Аввакуме, исполнилъ еси миръ писании спасительными и чюдесъ множествомъ, и явился еси столпъ крѣпости отъ лица вражия; и нынѣ съ пострадавшими съ тобою молишися Христу Богу, да спасетъ душя нашя.

Яко гроздие истиннаго винограда Христова, обрѣзаны быша уды[2] тѣлесъ вашихъ, и яко жертва всесожжения богоприятна, сожжени бысте во огни, и яко пастырие и учителие непреложнии, и изъ пламени огненнаго утверждаете християны, показующе истинное креста знамение.

Слава, глас той же. **К**то исповѣсть ваши подвиги и страдания, ихъже подъясте ради благочестия; кто изочтетъ вашя чюдеса и исцѣления, ихже совершисте благодатию Божиею яко въ животѣ, тако и по преставлении, святии мученицы; исцѣлите нашя болѣзни, душевныя и тѣлесныя, молитвами своими.

И нынѣ. Богородиченъ «Безъ сѣмени от божественнаго».

На стиховнѣ. Стихѣры, глас 5, подобенъ: «Радуися, Живоносныи Кресте».

Радуися, Аввакуме богоглаголиве, благочестия свѣще неугасимая, иже огнемъ богодухновенныхъ ти словесъ пожеглъ еси плевелы еретическихъ мудровании; радуися и Лазаре преблаженныи, съ Феодоромъ славнымъ, и Епифаниемъ преподобнымъ, претерпѣвшии двократное языкъ урѣзание и рукъ отсѣчение; исповѣдницы непобѣдимии, столпы церковнии незыблемии, Христови молитеся, даровати душамъ нашимъ миръ и велию милость.

---

[1] какие; [2] члены, части.

Стих: Возваша праведнии, и Господь услыша ихъ.

Радуйтеся, мученицы доброхвалнии, иже Христа ради вся красная мира сего ни во чтоже вмѣнившии, разлучаеми от друзей и ужикъ[1] и ссылаеми въ страны дальния, въ острогъ Пустозерскии, идѣже заключени бысте въ темницы подъземныя,* но не престасте утвержати вѣрныхъ Писании Божественными, тѣмъ[2] живы сожжении бысте, молящеся за мучителей своихъ, яко ученицы Христовы истиннии, да получатъ вси миръ и велию милость.

Стихъ: Многи скорби праведнымъ, и от всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.

Радуйся, великая Земле русская, яко въ тебѣ возъсияша свѣтильницы немерцающии, преславнии священномученицы, Аввакумъ, Лазарь и Феодоръ, съ дивнымъ преподобномученикомъ Епифаниемъ, иже разгоняютъ тму еретическую учении православными и чюдесъ множествомъ, и святою кончиною страстотерпческою, и молятся Христови, подающему мирови велию милость.

Слава, гласъ 1. **П**одобаше хладнѣй сѣверней странѣ согрѣятися благодатными свѣтлостьми мученикъ Господнихъ; и сослани быша въ ню[3] четверочисленнии исповѣдницы, и сожжени во пламени, согрѣваютъ оледенѣвшая грѣхми сердца теплотою молитвъ своихъ.

И ныне. Богородиченъ «Се исполнися».

На благословение хлѣбомъ.* Тропарь, гласъ 6. Яко апостоломъ подобницы, и священникомъ наставницы, и яко путеводителие заблуждьшимъ, и пастыри добрыи, положившии душя своя о спасении словесныхъ овецъ Христовыхъ, молитеся о насъ единому Человеколюбцу Богу. **Дважды**. И «Богородице Дѣво радуися», **единощи. Сице глаголемъ тропарь, аще всенощное поемъ. А идѣже не бываетъ всенощное, малыя вечерни не поемъ. На велицѣй вечерни тропарь глаголемъ единою. Слава, и нынѣ. Богородиченъ «Иже благословенную нарекии».**

На утрени. На «Богъ Господь» тропарь 2-жды. Слава, и нынѣ. Богородиченъ.

По 1 стихологии.* Сѣдаленъ,* гласъ 1, подобенъ: «Ликъ ангельскии».

Кротость и мужество ваше удиви мучителей, противистеся бо имъ терпениемъ мукъ и побѣждасте силою словесъ своихъ, ихъже внуши вамъ Духъ Святыи, тѣмъ днесь празднующе святую память мучении вашихъ, исповѣдницы премилостивии, просимъ грѣховъ всѣхъ оставления. **Дважды. Слава, и нынѣ**. Богородиченъ. **П**ристанище тихое и наставнице заблуждьшимъ, Владычице, направи мя на путь спасения, влающагося[4] въ мори житѣйстемъ, обуреваемаго напастьми вражиими и потопляемаго волнами страстей и золъ лютыхъ, и спаси мя молитвами своими.

---

[1] близких; [2] потому, из-за того; [3] в нее; [4] сотрясаемого, мятущегося.

По 2 стихологии. Сѣдаленъ, глас 8, подобенъ: «Премудрости».

Благодатию Духа Святаго насыщени, священномученицы пребогатии, питасте пищею духовною вѣрныхъ и отгоняcте пагубныя волки от стада словесныхъ овецъ пращею слова Божия, и пострадасте мужественно, взывающе пастыреначалнику Христу: Иного развѣ Тебе Бога не знаемъ.* **Дважды. Слава, и нынѣ**. Богородиченъ. **П**остигнути никакоже можетъ умъ человѣческии и ангельскии Твоего преестественнаго рожества таинство, Пречистая Богородице, како безъ мужа воплотися от Тебе Богъ Слово и ключа дѣвства не руши, но вѣрою несумнѣнною сие приемлемъ, Богу бо достойна суть преславная, еже на Тебе содѣяся, на спасение человѣкомъ.

Величание. Величаемъ васъ, страстотерпцы Христовы, Аввакуме, Лазаре, Феодоре и Епифание, и чтемъ честная страдания ваша, вы бо молите за насъ Христа Бога нашего.

Псалом избранный: «Богъ намъ прибѣжище и сила».*

По полиелеосѣ.* Сѣдаленъ, гласъ 1, подобенъ: «Гробъ Твой».

Яко четыре рѣки райския, напояющия душя, жаждущия правды, и омывающия скверны грѣховныя, явистеся, Аввакуме, Лазаре, Феодоре и Епифание, и волнами своихъ мучении потопившии гнилостную ладию ересей, и прославистеся на небеси и на земли, яко велиции священномученицы. **Дважды. Слава, и нынѣ**. Богородиченъ. **Б**огоневѣстная Дево, рождьшая истинное солнце правды Христа, разсѣй моихъ грѣховъ тму душетлѣнную, и настави мя на путь покаяния, и спаси мя покланяющагося вѣрою рожеству твоему.

Степенна,* 4-го гласа. Антифонъ* 1. Прокименъ: Честна пред Господемъ смерть преподобныхъ Его.*

Стих: Что воздамъ Господеви о всѣхъ, ихже воздастъ ми.*

Таже: «Всяко дыхание». Евангелие от Матфея, зачало* 36.

По 50-мъ псалмѣ, стихѣра, гласъ 6.

Благочестия истиннаго проповѣдницы, сожженнии во пламени огненнѣмъ, водрузистеся на тверди церковнѣй, яко звѣзды свѣтосиятельныя, и освѣщаете темную нощь невѣрия, и озаряете сердца вѣрныхъ учении божественными и предивными чюдотворении, мученицы достохвальнии, молитвеннцы о душахъ нашихъ.

Канонъ Богородице, со ирмосомъ на 6, и священномученикомъ оба канона на 8.

Канонъ священномученикомъ, гласъ 1.

Пѣснь 1. Ирмос:* Твоя побѣдительная десница.

Запѣвъ: Святии священномученицы и исповѣдницы, молите Бога о насъ.

Ваши побѣдительныя десницы отсѣчены, и языки отрѣзаны быша, Лазаре, Феодоре и Епифание, вы же не престасте, купно съ Аввакумомъ, евангельское учение проповѣдати.

О, чюдо предивное, мучители изнемогоша, мучаще святыхъ, мученицы же никакоже ослабѣша, укрѣпляеми бо быша божественною благодатию.

Истиннии подражателие Христу, уподобистеся Ему временемъ кончины, въ самый бо день страстей Его, въ Великии пятокъ, живы сожжени бысте.*

Богородиченъ. **Д**ревле убо Моисей созда киотъ Завѣта Ветхаго,* Ты же, Пресвятая, явися одушевленъ киотъ Новаго Завета, рождши Господа обоихъ Завѣтовъ.

Другии канонъ, священномученику Аввакуму единому, имыи кранегранесие:* «Аввакума славите, вернии вси».

Канонъ, гласъ 5.

Пѣснь 1. Ирмосъ: Коня и всадники.

Запѣвъ: Святыи священномучениче Аввакуме, моли Бога о насъ.

Аввакума великаго страстотерпца труды и подвиги како возмогу воспѣти, недостойныи азъ, но дерзаю на сие, надѣяся, Христе, на Твою всесилную помощь.

Веселятся небеса, и радуется земля въ память исповѣдника Господня, побѣдившаго противныя[1] безмерною любовию къ Богу и мучениемъ ради славы Его.

Возлюбилъ еси измлада Христа Бога, егоже заповѣди соблюдая, спаслъ еси дщерь вдовицы от насильства болярина,* не щадя живота своего, Аввакуме благодерзновенне.

Богородиченъ. **С**ынъ Божии сынъ человѣческии бысть Тобою, Пресвятая, да насъ, сыновъ человѣческихъ, сотворитъ сыны Божия по благодати, тѣмже Тя съ любовию славословимъ.

Пѣснь 3. Ирмосъ: Едине свѣдыи земныхъ.

Едине свѣдыи мученикъ страдания неизреченныя и нашу немощь грѣховную, спаси насъ, Милосерде, молитвами страстотерпѣцъ Твоихъ.

Подвигоположникъ Спасъ не остави вашя подвиги и труды безъ праведнаго воздаяния, но яко добропобѣдныхъ мученикъ славою и честию вѣнчалъ вы есть.

Старцы и юноши, иноци и простии, и святители со иереи, и вси людие, воспойте днесь святыхъ мученикъ, Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, присно бо молятся о насъ Господеви.

---

[1] врагов, противников.

Богородиченъ. **Р**адости всяческия исполнишеся, отнележе[1], Пречистая, услышала еси радость от ангела, и родила еси Христа, источника истинныя радости.

Инъ ирмосъ: Утвержеи ни на чимже землю.

Агньцу Божию, вземлющему грѣхи мира, подобяся, яко агнецъ въ жертву принесеся, святе, живъ сожженъ от злочестивыхъ, веры ради и любве християнския.

Кая темница не имѣ тебе узника, кая ли область не имѣ тебе благовѣстника, от запада бо до востока и от востока до запада прехождаше,* утвержая вѣрныхъ.

Умъ огненныи имѣя, священномучениче, попалилъ еси терние ересей учении православными, и чюдесы преславными, и житиемъ воистину богоугоднымъ.

Богородиченъ. **В**ъ чюждую Египетскую страну избѣгшая съ предвѣчнымъ Младенцемъ от Ирода, Богородице, сохрани избѣгшихъ от злыхъ гонителей, покрывая ихъ покровомъ милости своея.

Сѣдаленъ, гласъ 3, подобенъ: «Красотѣ дѣвства».

Мученицы добропобѣднии, Феодоре дияконе богогласныи, и иерею Лазаре досточюдныи, съ протопопомъ Аввакумомъ премудрымъ, обличившии козни сопостата, и преподобныи Епифании, ясно исповѣдавшии Троицу нераздѣльную, единомудрствующе купно, от напастей насъ избавите.

Слава, и нынѣ. Богородиченъ. Божественное проречение, еже сѣмя жены сотретъ главу змия,* исполнися на Тебе, Приснодево, воплотивыися бо от тебе безъ мужескаго сѣмени Христосъ сотре главу злоначальнаго змия, и спасе родъ человеческии от прародительнаго грѣха, и рая жители сотвори насъ.

Пѣснь 4. Ирмосъ: Гору Тя, благодатию Божиею присѣнну[2].

Мняху[3] ересеначальницы, яко лишиша васъ сановъ священныхъ, но Господь сохрани на васъ священство и честь, и славою мученичества вѣнчалъ вы есть.

Огненнымъ пламенемъ сожженнии, святии исповѣдницы, сохраните жилища наша от огненнаго запаления и душя нашя от огня вѣчнаго.

Приясте Царствие благолѣпия и вѣнецъ доброты от руки Господни, славнии мученицы, и небесною красотою облистаете вселенную всю.

Богородиченъ. **Н**и разумъ мудрецъ, ни витий хитрословесие не возмогутъ постигнути и воспѣти дѣвственное Ти рожество, Мати Бога Вышняго.

---

[1] с тех пор, как; [2] осененную; [3] думали, мнили.

Инъ ирмосъ: Божественное Твое разумевъ смотрение[1].

Мысль свою вперивъ къ Богу и очистивъ душу от тины грѣховныя, явился еси сосудъ благодати Божия, священномучениче, молися, да не явимся сосуды гнѣва Божия.

Аще и предаша тя еретицы озлоблениямъ[2] лютымъ, но не поколебаша духа твоего силу, Духа бо Святаго исполненъ былъ еси обильно.

Славитъ тя вся Русская страна, и вѣрнии тобою укрѣпляются, Церкви же Божия веселится, Аввакуме, прославляя твоя страдания безчисленная.

Богородиченъ. **Ч**юдо дивное, яко Носяи всю тварь рукою своею, рукама Дѣвыя носимъ явися яко младенецъ, да спасетъ человѣка, младенствующа грѣхомъ.

Пѣснь 5. Ирмосъ: Просвѣщеи сияниемъ пришествия.

Отсѣченная десница иерея Лазаря чюдеснѣ сама сложи персты по святоцерковному преданию двоеперстно,* на обличение отступникъ.

Благодатная отрасль святыя обители Соловецкия, преподобныи Епифание,* и по втором ти отрѣзании языка Христосъ явѣ дарова тебѣ языкъ правовѣрно хвалити Его.*

Аще и поколебася Феодоръ дияконъ во благочестии,* но вскорѣ исправи свое падение, претерпѣвъ двократное отрѣзание языка, и руки отсѣчения, и смерть огненную.

Богородиченъ. **И**збави страну нашу от междоусобныя брани и мятежей, и даруй миръ мирови, и спаси насъ своимъ заступлениемъ, Всенепорочная Владычице.

Инъ ирмосъ: Одеяися свѣтомъ яко ризою.

Люди и скоты исцеляше и бѣсы прогоняше,* чюдеса многа сотворяя въ славу Христа Бога нашего яко служитель Его и угодникъ великии.

Апостольскими труды и подвиги украсился еси, и языкъ богогласенъ стяжалъ еси, священъномучениче Аввакуме, благочестия свѣтомъ просвѣщаше люди.

Витийства суемудренныхъ посрамилъ еси простотою словесъ,* чюдесы божественными и молитвою благоприятною, еюже и нынѣ сохрани насъ от всѣхъ искушении.

Богородиченъ. **В**ся, яже на Тебѣ бывшая таинства, непостижима суть, прежде бо рожества Дѣва, и въ рожествѣ Дѣва, и по рожествѣ паки Дѣвою пребываеши, Мати Христа Бога.

---

[1] промысел, провидение; [2] страданиям, мучениям.

Пѣснь 6. Ирмосъ: Обыде насъ послѣдняя бездна.

Елико ты насъ болѣ мучиши, толико мы болѣ любимъ тя, — взываете святии къ царю мучителю, яко истиннии блюстители заповѣдей евангельскихъ.

Ужаснися, небо, и устрашися, земля, зряще праведникъ, живы сожигаемы от своихъ единоплеменникъ за отеческое благочестие, сердца же еретикъ нечювственни пребываху.

Лики святыхъ съ нами невидимо молятся въ праздникъ страстотерпѣцъ Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, иже древнимъ мученикомъ уподобишася и съ ними ликовствуютъ.

Богородиченъ. Создатель создася плотию въ Тебѣ, Всенепорочная, да создание Свое, истлѣвшее грѣхомъ, возведетъ въ первое достояние, от негоже древле испадохомъ.

Инъ ирмосъ: Волнящееся бурею.

И востокъ дальнии, и сѣверъ хладныи, и вся Русская страна освятишася стопами ногъ твоихъ, обтеклъ бо еси апостольски землю, просвѣщая люди свѣтомъ Евангелия.

Тя славятъ святители со иереи, и весь соборъ благочестивыхъ, въ животѣ бо сиялъ еси чюдесы предивными, и нынѣ не оставляеши насъ своею помощию.

Евангельскою простотою и святостию крѣпко оградився, Аввакуме, и на нечестие ополчився, крѣпость ересей низвергъ, твердыи проповѣдникъ явися.

Богородиченъ. Ходатаицу приводимъ Ти Матерь Твою, Христе, воззри милостивымъ си окомъ на достояние Свое и сохрани насъ от страха и бѣдствий, грядущихъ на вселенную.

Кондакъ, гласъ 2, подобенъ: «Твердыя».

Богодухновенныхъ исповѣдникъ, Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, претерпѣвшихъ муки лютыя и живыми сожженныхъ, приялъ еси, Господи, яко жертву непорочну, единъ сыи прославляяи святыхъ Своихъ.

Икосъ. Озари омрачение ума моего, Христе, яко да дерзновенно отверзу уста воспѣти труды и страдания четверочисленныхъ мученикъ Твоихъ, ихъже подвигомъ и терпѣнию удивишася видимая же съ невидимыми, защищаху бо обидимыхъ от руки обидящихъ, не бояся лица силныхъ, и искореняху языческия обычаи и кощуны,* обличаху ереси и утвержаху православие, и претерпѣша узы, темницы, биения, раны, отсѣчения удовъ, гладъ, и мразъ, и смерть во пламени огненнѣмъ; и прославилъ еси ихъ по всей земли, единъ сыи прославляяи святыхъ Своихъ.

Пѣснь 7. Ирмосъ: Тебе мысленную, Богородице, пещь.

В онь же день июдеи предаша Христа смерти крестнѣй, въ Пяток великии, еретицы предаша святыхъ смерти огненнѣй,* поющихъ: Отцемъ Богъ, благословенъ еси.*

От пепла сожженныхъ мученикъ, возникоша тмы вѣрующихъ, по пророчению священномученика Аввакума, егоже славимъ съ Лазаремъ, Феодоромъ и Епифаниемъ.

Процвѣтосте, праведницы, яко финикъ,* украшающе живоносныи садъ церковныи, въ немже прохлаждающеся взываемъ: Отцемъ Богъ, благословенъ еси.

Богородиченъ. Истребившая прародителныи грѣхъ рождьшимся изъ Тебе, Мати Божия, истреби грѣхи моя многия ходатайствомъ си[1].

Инъ ирмосъ: Превозносимыи отцемъ Господь.

В странѣ Сибирстѣй многолѣтно странствуя въ полку воеводы свирепаго,* терпѣлъ еси гладъ и мразъ и истязания многая за правду божественную, поя: Боже, благословенъ еси.

Еретическая ополчения и козни бѣсовския сокрушилъ еси силою крестною и мученическими подвиги, и явися необоримая крѣпость Церкви Христовы.

Ревностию и любовию Божиею подвизаемъ, обличаше злодѣйства болярь и воеводъ, защищая неповинныхъ, яко обидимымъ заступникъ и нищимъ помощникъ.

Богородиченъ. Да посрамятся не исповѣдующии Тя истинную Богородицу, и да веселятся вси вѣрнии, имуще Тя молитвенницу неусыпную ко Христу Богу.

Пѣснь 8. Ирмосъ: Въ пещи дѣти израилевы.

Языкъ исчести не можетъ вашихъ подвигъ и чюдесъ неизмѣримую пучину, мученицы Господни, пастырие словесныхъ овецъ, Русстѣй земли украшение, Церкви святѣй слава.

Нечестия обуздатели и благочестия насадители бысте, исповѣдницы, насыщая вѣрныхъ учении правыми и просвѣщая вселенную молитвами своими.

Ни щитъ, ни мечь, но крестъ Христовъ вземше, оружие непобѣдимое, мученицы, поразисте силу вражию и научисте глаголати: Пойте и превозносите Бога во вѣки.*

Богородиченъ. Исполняя Твое пророчение, нынѣ блажимъ Тя, вси роди* християнстии, Тобою бо блаженства неизглаголаннаго наслѣдницы явихомся.

---

[1] своим.

Инъ ирмосъ: **Т**ебѣ Вседѣтелю.

На судищи неправеднѣмъ дерзновенно защищаше предания апостольския,* еже не терпяще, отступницы изгнаша тя въ заточение и во огни сожгоша.

И Даурская страна, и градъ стольныи Москва, и Сибирская тайга, и Поволжския веси, и области моря Студенаго имяху тя пастыря и учителя* и наставника на путь спасения.

Изволилъ еси приметатися къ Церкви Божии, неже сообщатися со отступники,* иже ссылаху тя и на востокъ, и на сѣверъ, жестоце истязующе, исповѣдниче Аввакуме.

Богородиченъ. **У**моли Сына своего, Христа Бога нашего, просвѣтити одержимыхъ тмою невѣрия, утвердити православие и спасти душя нашя.

Пѣснь 9. Ирмосъ: **О**бразъ чистаго рожества Твоего.

Четырьми времены кругъ лѣту вѣнчавыи Господь, яви четырехъ мучениковъ, Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, украшение Церкви своей, ихже величаемъ.

Простистеся другъ со другомъ, идуще на огненное сожжение, молитеся о всемъ мирѣ, святии, простите намъ грѣхи нашя и молитеся о насъ, да васъ непрестанно величаемъ.

Предстояще престолу Божества со всѣми святыми, мученицы Господни, молитеся въ мирѣ сохранитися Церкви святѣй и спастися любовию васъ величающихъ.

Богородиченъ. **С**олнце мысленное восия изъ Тебе Христосъ Богъ и лучами милости своея освѣти вселенную, и спасе всѣхъ, Тя, Богородице, непрестанно величающихъ.

Инъ ирмосъ: **И**саие, ликуй, Дѣвая бо имѣ во чревѣ и породи Сына Емmануила, Бога же и человѣка, Востокъ имя ему, егоже величающе, Тебе, Дѣво, ублажаемъ.

Волю Божию исполняя присно, псаломски глаголалъ еси правду и предъ цари небоязненно, яко иерей истинныи, того ради жива сожгоша тя.

Святую Троицу единосущную исповѣдалъ еси ясно, яко словесы, тако и писании, Ейже поклоняющеся, тя, священномучениче, ублажаемъ.

Истнилъ[1] еси яко исполинъ еретическия ополчения, и попралъ еси козни вражия ногама трудовъ и подвигъ мученическихъ, и молишися о всѣхъ тя вѣрно ублажающихъ.

Богородиченъ. **П**редстательнице теплая, ходатаице неусыпная, Богородице милосердая, молися о насъ Господеви со святымъ исповѣдником Аввакумомъ, егоже славя, пѣснь скончаваю.

---

[1] Сокрушил в прах.

Свѣтиленъ,* подобенъ: «Духомъ предзря».

Свѣтъ пламени, имъже сожжени бысте, Аввакуме, Лазаре, Феодоре и Епифание, освѣщаетъ поднебесную паче солнечныхъ лучь и согрѣваетъ душя вѣрныхъ, направляя на путь правыи. **Дважды**.

Богородиченъ. **Ж**илище свѣта истиннаго Ты бысть, Приснодѣво, изъ Тебе бо Христосъ восия плотски и просвѣти миръ свѣтомъ боговѣдения, разгоняя тму многобожия и безбожия, яко милосердъ.

На хвалитѣхъ стихѣры,* на 4, гласъ 8, подобенъ: «Что вы наречемъ».

Что васъ наречемъ, святии: мученикъ ли, яко пострадасте за имя Христово; исповѣдникъ ли, яко мучими бысте отъ еретикъ; пастырей, упасосте бо вѣрныхъ; учителей црковныхъ, участе[1] бо вѣрѣ истиннѣй и любви нелицемѣрнѣй; и молитеся спастися душамъ нашимъ.

Что васъ нареку, божественнии: рѣки ли, исходящии изъ Едема и напаяющая сердца вѣрныхъ и орошающая сады церковнии; столпы премудрости, сосуды благодати Божия, ангеломъ сограждение, молите спастися душамъ нашимъ.

Егда зима еретическая хотяще оледенети Церковь Божию, тогда, исповѣдниче Аввакуме, разгналъ еси мразную мглу смущении, тѣмъже сожженъ былъ еси, съ Лазаремъ, Феодоромъ и Епифаниемъ, и согрѣсте душя благочестивыхъ, и молите спастися душамъ нашимъ.

Слава, гласъ 5. **П**ридите, христолюбивии народи, почтемъ съ любовию мученикъ всехвальныхъ, Аввакума, Лазаря, Феодора и Епифания, иже побѣдиша ярость мучителей и упраздниша тму еретическую, претерпевше муки лютыя, и явишася обители Святыя Троицы, Ейже нынѣ предстояще, молятся о душахъ нашихъ.

И нынѣ. Богородиченъ.

Славословие великое. И отпустъ.*

На литургии. Блаженна:* пѣснь 3 перваго и пѣснь 6 втораго канона. **Прокименъ,** гласъ 4. **С**вятымъ, иже суть на земли Его, удиви Господь вся воля своя в нихъ.* **Стихъ**: Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да ся не подвижу.* **Апостолъ**: К евреомъ, зачало 334. **А**ллилуия. **Евангелие**: От Луки, зачало 77 «Рече Господь: Не бойся, малое стадо».* **Причастен**:* «Радуйтеся, праведнии, о Господѣ».

[1] учили.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ГАТО	— Государственный архив Тверской области
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГМИР	— Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)
ИППО	— Императорское православное палестинское общество
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
МГАМИД	— Московский Главный архив Министерства иностранных дел
НБ ГМИР	— Научная библиотека Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург)
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СОРЯС	— Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ЦНБ АНУ	— Центральная научная библиотека Академии наук Украины

СКАЗАНИЯ ОБ ИОСИФЕ ПРЕКРАСНОМ В ОБРАБОТКЕ КРЕСТЬЯНИНА-СТАРООБРЯДЦА И. С. МЯНДИНА

Иван Степанович Мяндин (1823—1894) — крестьянин-старообрядец из старинного села Усть-Цильма, основанного при Иване Грозном новгородским кречатником Ивашкой Ласткой на берегу Печоры при впадении в нее рек Цильмы и Пижмы. В настоящее время селения по берегам этих рек входят в Усть-Цилемский район Республики Коми, известный фольклористам, историкам древнерусской и старообрядческой книжности, этнографам и историкам старообрядчества как уникальный «заповедник» народной культуры, сохранивший до наших дней большое количество памятников устного народного творчества и древнерусской литературы. В семейных библиотеках печорских, пижемских и цилемских крестьян сохранились как старинные рукописи XVI—XVII веков, попавшие на Печору из центральных и северных районов Руси, так и списки древнерусских и старообрядческих сочинений, переписанные самими печорскими крестьянами. Основной массив доступных для изучения печорских рукописей (около 1000) сейчас хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН в двух печорских собраниях, созданных в середине XX века благодаря неустанной собирательской работе ленинградского ученого, создателя Древлехранилища Пушкинского Дома, известного исследователя творчества протопопа Аввакума Владимира Ивановича Малышева, его учеников и коллег по Пушкинскому Дому и студентов-филологов Ленинградского университета под руководством Н. С. Демковой. Другой значительный фонд печорских рукописей сейчас хранится в Научной библиотеке Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (270 рукописей). Он создан в результате археографической работы в Усть-Цилемском районе студентов-филологов Сыктывкарского университета под руководством автора этой публикации в 70—90-е годы XX века.

Уникальность Нижней Печоры как старообрядческого книжного центра заключается не только в разнообразии памятников древнерусской литературы и старообрядческой публицистики (в печорских собраниях рукописей представлены практически все жанры русской средневековой литературы и наиболее яркие ее произведения), но и в творческом отношении печорских крестьян к тексту переписываемых ими старинных произведений. Еще в первой трети XVIII века в верховьях реки Пижмы появляется Великопоженский старообрядческий скит, созданный по образцу знаменитого Выголексинского общежительства в Обонежье. Оттуда на Великие Пожни присылались рукописные сборники, переписывавшиеся в скриптории пижемского скита, ставшего, по выражению В. И. Малышева, «рассадником грамотности» среди крестьян Нижней Печоры. Когда в середине XIX века Великопоженский скит был закрыт, перепиской рукописей стали заниматься местные крестьяне-старообрядцы.[1]

Наиболее активно как писец-профессионал проявил себя Иван Степанович Мяндин, выходец из семьи усть-цилемских наставников Ирины Васильевны Мяндиной и Степана Никифоровича Еремина. О жизни И. С. Мяндина известно не слишком много. Основные факты биографии печорского книжника были собраны В. И. Малышевым по сохранившимся документам и устным рассказам односельчан Мяндина, которые в молодости встречались с ним и позднее рассказали о своих впечатлениях ленинградскому археографу.[2] Известно, что И. С. Мяндин выбрал путь профессионального писца, некоторое время служил письмоводителем у богатого устьцилема Прокопия Чупрова и вместе с тем много помогал своим односельчанам, составляя для них жалобы и прошения, за что однажды даже был бит розгами по приказу разъяренного «героя» одной из жалоб, снискав у земляков славу народного заступника.

Оставшись без родителей, которые рано ушли из жизни вследствие судебного процесса над ними, подорвавшего их здоровье (власти застали их за проведением старообрядческой службы

[1] См.: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 10—12.

[2] См.: Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 323—337.

в собственном доме, что было тогда категорически воспрещено), И. С. Мяндин сосредоточился на рукописной работе, выработав свой особый полууставной почерк, легко узнаваемый на фоне других печорских почерков. Благодаря этому сейчас можно составить представление о размахе его рукописных трудов. К настоящему времени по почерку выявлено свыше 400 отдельных списков литературных и богослужебных текстов, переписанных И. С. Мяндиным. Помимо переписывания рукописей Мяндин занимался и их реставрацией: дописывал слова в поврежденных рукописях, иногда заново восстанавливая сильно пострадавшие или вообще отсутствующие в рукописи страницы. В его рабочей комнате был и переплетный станок — сохранился ряд рукописей, переплетенных И. С. Мяндиным. В распоряжении печорского книжника была, по-видимому, большая библиотека, некоторые книги из которой сейчас известны по владельческим записям их хозяина. Сохранилось и несколько писем И. С. Мяндина, дающих представление о нем как о человеке.[1]

Однако самым значительным и интересным в рукописном наследии И. С. Мяндина являются его переделки древнерусских повестей, житий, поучений. Изучение их показало, что они представляют собой литературное явление значительного для народной демократической культуры масштаба. Печорский книжник И. С. Мяндин, судя по переработанному им значительному пласту средневековой письменности, обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов и любознательностью. Он стремился донести до своих земляков не только важнейшие христианские идеи, но и простые человеческие истины о правильных, достойных отношениях в семье, представления о том, каким должен быть правитель страны.

Круг литературных тем и сюжетов, привлекших внимание печорского книжника, поражает обширностью и разнообразием. Это и полные драматизма биографии библейских героев (см. сказания об Иосифе Прекрасном, царе Соломоне и др.); и сказания на евангельские сюжеты в их апокрифическом преломлении, такие как «Сказание Афродитиана»; и обработки сюжетов из древней дохристианской истории, почерпнутых из Хронографов, например сказания об Александре Македонском, о взятии Трои; и рассказы о трагических судьбах русских людей, в далекие эпохи русской истории, такие как повести о новгородском посаднике Щиле, о владимирском священнике Тимофее. Привлекали И. С. Мяндина и судьбы выдающихся подвижников, стоящих у истоков старообрядчества (см. его обработку Жития Корнилия Выговского), и семейные трагедии совсем не исторических героев, место жизни которых и эпоха весьма смутно вырисовываются из повествований о них (см. его обработки повестей о царице и львице, о царевне Персике и др.), и жизненные перипетии мудрецов, иногда становившихся жертвами зависти своих близких (Повесть об Акире Премудром). Нашли место в круге мяндинских переделок и повести, развивающие сюжет о неожиданных поворотах в судьбе человека — о превращении недавнего преступника в «богоизбранного» царя, «милостивого» к народу и идущего на добровольные мучения, чтобы искупить грех своего договора с дьяволом («Повесть об убогом человеке»), и наоборот — сюжеты о превращении богатого и славного царя в жалкого нищего («Повесть о гордом царе Аггее»). Это далеко не полный перечень тем и сюжетов, которые можно найти в многочисленных литературных переработках И. С. Мяндина. К настоящему времени их выявлено более 70. В своих переделках Мяндин подчеркивал те проблемы, которые волновали и его самого, и его земляков: какие последствия для человека имеют сомнения в истинности слов Священного Писания, что стоит за этими сомнениями и какие испытания проходит человек, их допускающий («Повесть о гордом царе Аггее»), что ждет душу человека за пределами земной жизни (апокрифы, рисующие картины рая и ада: Житие Василия Нового, Хождение Агапия в рай, Сказание об апостоле Фоме, построившем в небесном мире дворец для индийского царя), почему человек должен быть ответственным за каждый прожитый день (новелла Великого Зерцала «О страсе Божием»), какие жизненные ситуации могут вызвать чудесные явления икон и их вмешательство в дела людей (сказания о чудотворных иконах Богородицы — Иверской, Новгородской и Устюжской). Задумывался Мяндин и над проблемами исторического масшта-

---

[1] См.: Волкова Т. Ф. Усть-цилемский книжник И. С. Мяндин: Итоги изучения рукописного наследия // Первые Мяндинские чтения: Материалы республиканской науч.-практ. конф. С. Усть-Цильма. 12 июля 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 52—66.

ба: почему исчезают целые империи и что приводит к гибели великих полководцев, завоевавших огромные территории и подчинивших себе множество народов (он искал ответ на эти вопросы в дважды переработанном им Сказаиии об Александре Македонском). Волновали Мяндина и вопросы государственной власти, в художественном раскрытии которых проявлялся его крестьянский взгляд на то, каким должен быть идеальный правитель (см. его Сказание о библейском царе Соломоне, Повесть о купце Дмитрии Басарге). В таких переводных повестях, как Повесть о царице и львице, Повесть о царевне Персике, Мяндин рассуждает вместе со средневековым автором о том, в чем проявляется доверие правителя своему народу, должен ли он разделять с «народным множеством» радости его и горе, надежды и сомнения.

Некоторые древнерусские повести и сказания И. С. Мяндин переделывал несколько раз. Изучение таких его переделок, дошедших в нескольких списках, позволило заглянуть в «рабочий кабинет» крестьянского писателя, понять принципы его работы над текстом источников. Оказалось, что один и тот же сюжет иногда осмыслялся печорским книжником по-разному: на разных этапах его редакторской работы активизировались разные сферы его творческого сознания, разные стилистические пласты в его творческой памяти, поэтому одни и те же персонажи в разных мяндинских списках некоторых повестей предстают перед читателем то эпическими богатырями, ассоциировавшимися у печорского читателя с любимыми сказочными и былинными героями, живущими и действующими в некоем фантастическом мире, то просто отважными любителями приключений, обитающими хоть и в далеком, но вполне конкретном мире. В одних повестях герои Мяндина мудры и прозорливы, как герои Житий, их посещают видения, с ними происходят чудеса, ниспосланные Богом, в других они практичны и по-крестьянски наблюдательны, руководствуются здравым смыслом и не забывают про доставшиеся от отцов и дедов обычаи и обряды. Воспитанный на назидательной христианской литературе И. С. Мяндин никогда не забывает наставить читателя на материале заинтересовавшей его жизненной истории, почерпнутой из той или иной старинной повести, напомнить ему о спасительной силе покаяния, о терпении, помогающем победить любую беду, о предстоящей — за гранью этого мира — встрече с Высшим Судией, перед которым придется держать ответ за все свои земные дела.

Вместе с тем в пересказах средневековых сюжетов И. С. Мяндин обнаруживает и совсем другие грани своей личности: рядом с суровым старообрядцем, всегда помнящим о «последних временах», зачастую появляется «лирический повествователь», долго и подробно, на своем крестьянском языке описывающий простые человеческие чувства — обиду, боль от потери близкого человека, зависть, ревность, страх. Но более всего на описания чувств персонажей и комментарии к их поведению, отсутствовавшие в древнерусских текстах, печорского писателя подвигало самое «романтическое» из человеческих чувств — любовь в разных ее проявлениях: внезапная влюбленность, запретная страсть, супружеская верность. Если осваиваемый им литературный сюжет предоставлял такую возможность, И. С. Мяндин обязательно пытался описать подобные чувства своих героев, комментируя их жесты, слова, поступки и тем самым восполняя «пробелы» в скупых на изображение чувств древнерусских текстах.

Хорошо знакомый по старинным рукописям с языком древнерусских сочинений, уже давно ушедшим из обыденной жизни, И. С. Мяндин в своих редакциях пытается найти компромисс между древнерусской языковой традицией и языковой культурой своих читателей — печорских крестьян второй половины XIX века. Созданные им варианты древнерусских повестей отличаются не только своим построением и сюжетом, но и языком. Осторожно «входя» в новый сюжет, И. С. Мяндин сохраняет его языковую «плоть», устраняя лишь совсем непонятное и чужеродное для его читателей. Если сюжет нравился, печорский книжник обращался к нему вновь, стараясь раскрыть его по-своему, рассказать хотя бы часть описываемой истории своим крестьянским языком. Если же сюжет и дальше «не отпускал», требовал нового обращения к нему, в Мяндине писатель побеждал редактора, и древнерусский текст под его пером превращался в то, что современные филологи называют «сказом», при этом средневековый повествователь превращался в современного читателям Мяндина рассказчика с характерными оборотами речи, зачастую неправильно употребленными падежами и синтаксическими конструкциями. Но все эти «неправильности» для читателей Мяндина, печорских крестьян, были близки и понятны: это была их повседневная речь,

привычный им синтаксис, обычная для них орфография. Может быть, именно поэтому составленные Мяндиным сборники так активно, судя по сохранившимся на них записям, читались усть-цилемами, и так бережно хранились ими.

Все эти особенности мяндинских редакций древнерусских повестей ярко проявились в трех вариантах Сказания об Иосифе Прекрасном, построенного на библейском сюжете (Быт. 37—50). Два из них находятся в сборниках Усть-Цилемского собрания ИРЛИ (далее — УЦ), № 66 и 267, содержащих мяндинские переработки, третий вариант читается в сборнике Российской национальной библиотеки из собрания НСРК, О.100.

Наше исследование показало, что для создания своей версии Сказания печорский книжник использовал два источника — рассказ из Русского Хронографа (свода материалов по всемирной и русской истории) и «Слово» раннехристианского писателя IV века Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном.

Что же позаимствовал И. С. Мяндин из своих источников? Из Хронографа (который значительно сократил библейский рассказ и сделал повествование более фактографичным, исторически окрашенным) И. С. Мяндин взял ряд тематических эпизодов Сказания: рассказ о родителях Иосифа (смерть Рахили и борение Иакова с Богом), рассказ о содержании снов Иосифа, пересказ которых вызвал ненависть к нему братьев; описание государственной деятельности Иосифа в Египте; сообщение о рождении там его сыновей. Эта хронографическая информация была художественно переработана И. С. Мяндиным: помещена в иной, чем в Хронографе, контекст, стилистически обработана.

В основном же И. С. Мяндин в своей редакторской работе над Сказанием опирался на осмысление библейского сюжета Ефремом Сирином, слова и поучения которого были очень популярны в старообрядческой среде, в том числе и на Печоре. Он почерпнул в Слове Ефрема Сирина ряд подробностей, касающихся обстоятельств продажи Иосифа в рабство и его жизни в Египте, которые отсутствовали в Хронографе (например, рассказ о плаче Иосифа на могиле матери; упоминание о женских хитростях жены Потифара, с помощью которых она пыталась соблазнить Иосифа). Позаимствовал Мяндин из Слова Ефрема Сирина и само осмысление образа Иосифа как праведника, ставшего жертвой сначала завистливых братьев, а затем блудницы — орудия самого сатаны.

Однако образы Иосифа и его соблазнительницы под пером Мяндина от версии к версии постепенно меняли как стилистическую окраску, так и идеологическое наполнение.

Первоначальный этап разработки И. С. Мяндиным сюжета об Иосифе Прекрасном отразился в списке УЦ 267, в котором мы находим подробный рассказ о судьбе Иосифа с сохранением композиции источников. Здесь еще не введено ни одного нового сюжетного мотива, но уже заметна некоторая художественная разработка отдельных эпизодов, почти не сохранившаяся в последующих редакциях.

Вторая стадия овладения сюжетом Сказания отражена в списке УЦ 66. Это самый объемный из трех мяндинских списков. На этой стадии работы печорский книжник, с одной стороны, еще полностью следует за композицией своих источников, не подвергает текст последовательному сокращению, с другой — весьма существенно перерабатывает сюжет, вводя новые сюжетные мотивы и меняя акценты в обрисовке образов главных героев. В этой версии появляется новое действующее лицо — некто Селима, возлюбленная Иосифа, для которой сочиняется биография, расходящаяся с библейской историей — она называется осиротевшей племянницей Иакова, дочерью Нахора, который Мяндиным представлен как «брат Рахили», жены Иакова, хотя согласно Библии Нахор — общий дед родителей Иосифа — Рахили и Иакова, двоюродных брата и сестры. Сюжетная роль Селимы здесь — мотивировать зависть, которую испытывал к Иосифу один из его братьев Симеон, также претендовавший на руку Селимы.

Введение И. С. Мяндиным нового действующего лица повлекло за собой и введение в дальнейшее повествование ряда новых сюжетных мотивов, развивающих тему Селимы, которые связали «египетскую» часть Сказания с началом рассказа. Так, образ Селимы появляется в сцене соблазнения Иосифа женой Потифара (которая здесь названа Далукой) и в сцене посещения ею Иосифа в темнице (также придуманной Мяндиным), в которой Далука слышит, как Иосиф во сне разговаривает со своей невестой, что лишает Далуку последней надежды завоевать его сердце.

В варианте УЦ 66 И. С. Мяндин вводит и совершенно новые подробности начала жизни Иосифа в доме «Петерфия» (так у Мяндина, как и в Хронографе, именуется Потифар), свидетельствующие о его крестьянском взгляде на описываемую ситуацию. Иосиф в этой версии сначала становится простым пастухом и живет среди других «пастырей». Здесь он, в изложении Мяндина, во-первых, «перевоспитывает» своего «начальника», который был «лютый и золъ зѣло», но Иосиф из него сделал «кроткаго друга»; во-вторых, проявляет себя в творческом труде — «из древъ палмовых и дерна сотвори Иосифъ прекрасную сѣнь, и цвѣтами ю украсил, и лиру, чего ради звукъ лиры и видѣния сѣни привлекалъ многих окрестных пастырей ко Иосифу». Этот вновь введенный мотив служит в УЦ 66 экспозицией рассказа о жене Петерфия, которая, услышав о деяниях Иосифа, посещает его на пастбище и сразу влюбляется в молодого «пастыря».

Существенно переосмысляется во второй мяндинской версии Сказания и образ соблазнительницы Иосифа — Далуки. Из орудия сатаны, окаянной блудницы, какой она вслед за Словом Ефрема Сирина предстает в списке УЦ 267, Далука в новой версии сюжета превращается в любящую и страдающую от неразделенной любви женщину, которую только страх оказаться разоблаченной мужем толкает на оклеветание Иосифа. Эта перестройка образа Далуки начинается с первого эпизода ее появления. Здесь И. С. Мяндин вводит отсутствующую в источниках характеристику жены Потифара как первой красавицы Египта, «земной богини». Эта характеристика находит себе художественную параллель в последующем эпизоде соблазнения Иосифа, в котором из-под пера И. С. Мяндина появляются новые художественные детали: отчаявшись привлечь Иосифа своими нарядами и благовониями, Далука обращает внимание юноши на богов — Венеру и Марса, скульптуры которых как бы демонстрируют радость плотской любви. Так же, по художественной логике Мяндина, считает себя достойной любви и «земная богиня» Далука.

На втором этапе освоения библейского сюжета в рассказе о Далуке И. С. Мяндиным сняты все упоминания о ее блудной страсти, влекущей Далуку к Иосифу, об охватившем ее вожделении, которыми насыщен текст варианта УЦ 267, отталкивавшегося от трактовки этого образа Ефремом Сирином. Вместо выражения «блудная страсть» появляется слово «любовь». Характерна и концовка эпизода посещения Далукой Иосифа в темнице. Убедившись в том, что сердце Иосифа полностью занято другой женщиной — Селимой, имя которой он произносит во сне, Далука «скоро возвратилась во свои чертоги 〈...〉 нося с собою сердце Иосифово». Таким образом, можно сказать, что на втором этапе освоения сюжета об Иосифе в Мяндине-редакторе побеждает писатель, пытающийся в духе Нового времени по-крестьянски осмыслить любовные взаимоотношения своих персонажей.

На третьем этапе освоения сюжета (список РНБ НСРК, О. 100) редакторская работа Мяндина направлена на придание сюжету Сказания лаконизма и большей выразительности, на усиление логики повествования и создание большего сюжетного напряжения. В этой версии печорский книжник, во-первых, сокращает многие сюжетные мотивы и детали, внесенные на второй стадии, причем иногда создается впечатление, что, производя эти сокращения, он как бы подразумевает знание читателем текста предшествующего, более подробного веpианта Сказания. Так, например, введя на второй стадии работы образ Селимы, объяснив, кто она и как появилась в доме Иакова, в третьем варианте Мяндин упоминает о ней как об уже знакомой читателю героине, опуская биографическую справку о ней. В этой версии Сказания заметна дальнейшая работа печорского книжника над образом главного героя. Иосиф здесь как бы «очищается» от всего того, что может хоть сколько-нибудь скомпрометировать его в глазах читателя и представить как человека, который сам спровоцировал своим поведением зависть своих братьев (доносил на них отцу, рассказывал им свои сны, в которых явственно прослеживалась символика его превосходства над братьями). И. С. Мяндин расширяет на этой стадии работы характеристику Иосифа, мотивирующую особое отношение к нему отца: помимо красоты и премудрости Иосиф наделяется здесь кротостью и послушанием.

Особое внимание в этой версии И. С. Мяндин отводит сцене соблазнения Иосифа женой Петерфия. Она тщательно им разрабатывается. Во-первых, подробно описывается место действия. В Слове Ефрема Сирина и Хронографе оно никак не обозначено, в двух первых мяндинских версиях — это спальня жены Петерфия («ложница»), о чем упоминается вскользь. В третьей версии —

это «нѣкий прекрасный садъ», куда однажды заходит Иосиф, а вслед за ним и Далука. Встреча эта рисуется Мяндиным как нечаянная, а не подстроенная Далукой, и все последующее ее поведение приобретает характер экспромта. Речь Далуки, обращенная к Иосифу, здесь сокращается, текст становится более энергичным, действия Далуки более стремительными. Тема Селимы, оставшейся на родине невесты Иосифа, вводится прямо в монолог Далуки, воспринимающей ее как соперницу: «И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: „Виждь, Иосифе, мои члены, нѣужели лучше моихъ у твоей Селимы?"». Меняется и рисунок поведения Иосифа. Из непоколебимого праведника он превращается в смущенного мужчину, который начинает колебаться в своей аскетической позиции, что сразу замечает влюбленная Далука: «Иосифъ же при таком зрѣлищи весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную, но Далука восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в обьятия». И только после этого Иосиф «спомнилъ свою Селиму и Иякова» и «какъ стрела из лука бросился вонъ из саду», оставив свою ризу в руках Далуки. Таким образом от версии к версии в списках Мяндина образ главного героя Сказания — Иосифа — все более приближался к представлениям печорского крестьянина об Иосифе как реально существовавшем человеке, стойко перенесшем все отпущенные ему судьбой страдания, способном найти применение своим талантам в любой обстановке, умеющем хранить верность любимой женщине, но способном и поколебаться в этой верности перед лицом ее красивой соперницы. Менялся в ходе работы над Сказанием и образ героини-соблазнительницы Иосифа: из злодейки, орудия дьявола, она превращалась в любящую женщину, поступки которой диктуются не греховным вожделением, а истинным сильным чувством, вызывающим сочувствие читателей. Так печорский книжник попытался наполнить древнерусские тексты описаниями чувств и душевных состояний своих героев, которые отсутствовали в его источниках.

В настоящем издании мы публикуем два последних варианта Сказания об Иосифе Прекрасном, так как они в большей степени отражают принципы редакторской работы И. С. Мяндина. Второй вариант Сказания публикуется по рукописи ИРЛИ УЦ 66, л. 29 об.—47 об., третий вариант — по рукописи РНБ НСРК О. 100, л. 133 об.—146 об.

Стр. 24. *О прекраснѣм Иосифѣ* — Иосиф Прекрасный — сын библейского патриарха Иакова от его любимой жены Рахили, единоутробный брат Вениамина (см. Быт. 30, 22—24).

Из двенатцети сыновъ Ияковлихъ... — Иаков (Израиль) — третий из библейских патриархов, герой Пятикнижия Моисеева, сын Исаака и Ревекки. Имя Иаков, производное от Акев (пята), было дано ему потому, что он родился, ухватившись за пятку своего брата-близнеца Исава. Иаков имел 12 сыновей от разных жен и наложниц: от Лии — Рувима, Симеона, Левия, Иуду, Иссахара и Завулона; от Рахили — Иосифа и Вениамина; от Валы — Дана и Неффалима, от Зелфы — Гада и Асира. Второе имя — Израиль, согласно библейскому рассказу, было дано Иакову самим Богом (Быт. 35, 9—10).

Рахиль — одна из жен патриарха Иакова, младшая дочь Лавана, внучка Нахора, сестра Лии, мать Иосифа и Вениамина. Умерла при родах Вениамина (Быт. 35, 16—20).

Селима — вымышленный персонаж, отсутствующий и в Библии, и в Хронографе. Имя Селима иудейское и мусульманское, означает «миролюбивая».

...дщи бывши Нахорова, брата Рахилина... — Нахор — сын Фарры, брат Авраама, первого библейского патриарха (Быт. 11, 26). Рахиль приходится ему правнучкой, а не сестрой.

...Симионъ... — Симеон — второй сын Иакова от Лии (Быт. 29, 33), родоначальник одного из колен израилевых, получившего в удел юго-западную часть Ханаана. В Библии изображается как человек жестокий и мстительный (Быт. 25, 26, 34).

...измаильтянъ... — Измаильтяне — народы, описанные в Библии, потомки Измаила, сына патриарха Авраама от наложницы Агари (Быт. 16, 15). Двенадцать сыновей Измаила стали родоначальниками племен измаильских, которые жили к востоку от Египта по направлению к Ассирии. Современными представителями измаильтян считаются арабы.

Стр. 25. *...плакася горько на гробѣ Рахили...* — Знаменитая гробница Рахили существует до сих пор. Она находится около современного Вифлеема.

Лира — струнный щипковый музыкальный инструмент; считается символом поэтического творчества, вдохновения.

Далука — в Ветхом Завете жена Потифара не имеет имени. Имя эта женщина приобретает только в средневековых легендах, где она фигурирует то как Зулейка (Зулайха, Зулейха), то как Селиха («соблазнительница»). Источник, из которого Мяндин почерпнул это имя, пока не выявлен. Имя Далука фигурирует в древнеегипетском предании о царице Далуке ибнат Забба. Согласно этому преданию, после того как в водах Красного моря был потоплен фараон и его войско, знатные египтянки, испугавшись, что на них нападут цари Сирии и Запада, избрали на царство мудрую «старуху» Далуку ибнат Забба, которая обнесла Египет охраняемой воинами стеной. Самый ранний дошедший до нас источник, который сохранил рассказ об этой легендарной царице — исторический труд «Футух Миср» («Завоевание Египта») Ибн Абд ал-Хакама (ум. в 870 г.).

Петерфирий — так в Хронографе и у Мяндина именуется царедворец фараона, купивший у измаильтян пленного Иосифа. В Ветхом Завете он назван Потифаром. Согласно Библии он был начальником царских телохранителей и жил в Гелиополисе.

Стр. 26. *...Венеру обнаженную, держащую Марса во обьятиях своих* — Венера в римской мифологии — богиня красоты, плотской любви, желания, плодородия; Марс — бог войны, супруг Венеры. Скульптурные изображения Венеры и Марса создавались многими известными художниками. Возможно, И. С. Мяндин видел какое-то живописное изображение римских богов или его репродукцию, подсказавшую ему этот образ в его версии Сказания.

...старѣй хлѣбарем... — В этом месте в Библии речь идет о старейшине хлебодаров, т. е. о должностном лице, руководившем раздачей хлебов при дворе египетского царя.

...старѣй виночерпиям. — Виночерпиями в древности назывались слуги, подносившие напитки на пиру. Главный виночерпий — царедворец из ближайшего окружения царя, отвечавший за снабжение стола напитками. Должность виночерпия считалась очень важной в древних восточных странах, в том числе и в Египте.

Стр. 28. *Вениамин* — единоутробный брат Иосифа, в родах Вениамина умерла их мать Рахиль (см. Быт. 35, 17—18).

Стр. 29. *Рувим* — сын Иакова от Лии, сестры Рахили (см. Быт. 29, 32).

Стр. 30. *...землю Геесинскую* — Гессен (или Гошен) — название местности в Древнем Египте, расположенной в северо-восточной части Египта, в дельте Нила, где сейчас находится долина Вади-Тумилат. Название Гессенская земля эта территория имела в период с VII по IV в. до н. э. при XXVI династии фараонов (672—525 гг.). Это были пограничные земли, служившие базой для фараонов, когда они предпринимали свои походы в Азию. В этом округе каторжным трудом поселившихся здесь израильтян были построены укрепленные города Пифом и Раамсес (Исх. 1, 11). Гессенская земля охватывала на западе Вади-Тумилат, на востоке — область Сокхоф с Пифомом как главным городом, на севере простиралась до руин Пер-Рамсеса (дом Рамсеса) и была богата как пахотными землями, так и пастбищами.

...брака великолѣпнаго Иосифа с Селимою... — Согласно библейскому рассказу (Быт. 41, 45), фараон дал Иосифу в жены Асенефу, дочь илиопольского жреца Потифара, по-видимому, тезки бывшего хозяина Иосифа (однако некоторые иудейские толкователи считали возможным, что оба эти Потифара — одно и то же лицо).

Ефрем и Манасия — сыновья Иосифа от Асенефы (Быт. 46, 20). Первым из них родился Манассия. Умирающий патриарх Иаков благословил сыновей Иосифа, отдав первенство младшему по рождению — Ефрему (Быт. 48, 14). Колено Ефремово в дальнейшем превосходило колено Манассии по численности и отличалось воинственным духом. К нему принадлежал и Иисус Навин — завоеватель обетованной земли (см. 1 Пар. 7, 27).

И бысть всѣх жития Яковля лѣт. — В списке УЦ 66 в данном месте годы жизни Иакова не приводятся. В двух других мяндинских списках Сказания об Иосифе этого указания также нет: в списке УЦ 267 в этом месте говорится: «исполнь сый лѣтъ»; в списке РНБ НСРК О.100 фраза о продолжительности жизни Иакова отсутствует.

Иосифъ же, сынъ Рахилинъ... — См. коммент. к с. 25.

...Яковом... — См. коммент. к с. 24.

...братия Иосифова... — См. коммент. к с. 24.

...*Симионъ*... — См. коммент. к с. 24.

...*Селиму*... — См. коммент. к с. 24.

Стр. 31. ...*измаильтеских купцовъ*. — См. коммент. к с. 24.

...*гробъ Рахили*. — См. коммент. к с. 25.

...*Петерфию*... — См. коммент. к с. 25.

...*Юпитеръ и Венера*... — Юпитер — в древнеримской мифологии бог неба, дневного света, грозы, верховное божество римлян. Скорее всего, Мяндин, работая над третьей версией Сказания, представляющей собой краткий пересказ второй версии, по-видимому, не имел ее перед глазами и перепутал название супруга Венеры, которая в предшествующем варианте изображена в объятиях Марса (что соответствует мифу). На использование образа Юпитера Мяндина, возможно, натолкнула одна из ипостасей Юпитера — он тоже, как и Марс, был богом войны, к ногам которого полководцы-победители в капитолийском храме приносили жертву из взятой на войне добычи.

...*Далука, жена Петерфиева*... — См. коммент. к с. 25.

Стр. 32. ...*хлѣбарь и виночерпий*... — См. коммент. к с. 26.

...*царьскую багреницу*... — Багряница (пурпур, порфира) — торжественная верхняя одежда или мантия царей пурпурного цвета, являлась знаком верховной власти.

Стр. 33. ...*Вениамина*... — См. коммент. к с. 28.

...*Рувимъ*.. — См. коммент. к с. 29.

Стр. 34. ...*Израиль*... — См. коммент. к с. 24.

...*в земли Геесенстѣй*. — См. коммент. к с. 30.

ЖИТИЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО, НАПИСАННОЕ АРХИМАНДРИТОМ ЖЕЛТИКОВА МОНАСТЫРЯ МАКАРИЕМ (ПЕ́ТРОВИЧЕМ)

Один из наиболее ярких представителей русской духовной жизни середины XVIII века, педагог, богослов и агиограф архимандрит Макарий прожил короткую, но очень насыщенную жизнь. Марк Пе́трович, венгерский серб, родившийся в Тамесваре в 1733 году, в семнадцатилетнем возрасте покинул свою родину, отправившись на восток, сначала в Киев, потом — в Москву. Хронология его жизни зафиксирована в краткой записке, составленной его другом и покровителем тверским архиепископом Гавриилом (Петровым) вскоре после кончины Макария:

«*1751* *Приехал из Сербии, изменив веру, в Киев.*

1753 *Приехал в Москву.*

1758 *Пострижен и обучал в Академии.*

1759 *Был проповедником два года.*

1761 *Философию учил два года.*

1764 *Генваря в монастырь взятъ Желтиков, произведен архимандритом, 28 апреля в Консисторию членом, от 23 септября богословию учил.*

1765 *4 октября болезнь к смерти было расположила, и с того времени от часу слабее становился и декабря 24 дня поутру в начале девятаго часу преставился в вечный покой»* (*ГАТО*, ф. 1409, оп. 1, № 1317, л. 12).

Записка эта требует комментария. Архиепископ Гавриил — единственный, кто сообщает о смене веры Макарием. Сейчас трудно сказать, что стоит за этим утверждением, знание реального факта или общие представления архиепископа Гавриила о том, что всякий, кто приезжает с запада, должен был поменять вероисповедание. Однако нужно отметить, что тема смены веры была для Макария актуальной. В написанное им Житие князя Михаила Ярославича Тверского он специально вводит дополнительный эпизод, рассказ о принятии княгиней Кончакой (у Макария ее зовут

Кончаной), сестрой хана Узбека, христианства. Менял веру юноша Марк Пéтрович или нет, но создается такое впечатление, что он искал место, где мог бы беспрепятственно исповедовать православие. В дневнике, который он вел в последние годы своей жизни (сохранился в автографе — *ГАТО*, ф. 1409, оп. 1, № 1317, л. 1—11 об.), проскальзывает тема сохранения православия, борьбы православия с католицизмом на землях западных славян. Под 1 февраля 1765 года Макарий пишет: «П. Коницкий приѣхалъ ко двору из Полши просить защищения православной церквѣ от папскихъ нападений. Ни на кого такъ злочестивой тот волкъ не свирѣпѣетъ такъ, какъ на наших. Правда глаза колет. О Боже, истреби его державу!» (Семячко С. А. Тверской агиограф архимандрит Макарий и его дневник // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 616).

Будучи в Киеве, Марк Пéтрович успел поучиться в Киево-Могилянской академии, а приехав в Москву, сразу же поступил в Славяно-греко-латинскую академию, закончив которую, принял постриг в Заиконоспасском монастыре и остался преподавать в академии (перечень изданий его академических курсов см.: Николаев С. И. Пéтрович Марк // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 434). Прослужив в академии пять с половиной лет, Макарий дослужился до должности префекта и преподавателя философии (выше оставалась лишь должность ректора и преподавателя богословия) и 27 декабря 1763 года получил назначение в Тверь, где незадолго до этого стал архиепископом Гавриил (Петров) и где сам Макарий возглавил Духовную семинарию и стал архимандритом Желтикова монастыря. При Макарии семинария стала центром не только религиозной, но, шире, культурной жизни города. В семинарии была принята практика составления «ораций» по любому значимому поводу, каковым могло быть событие не только религиозной жизни, но и событие сугубо светское. Теологические диспуты, проводимые учениками, привлекали довольно широкую публику, чему немало способствовало то обстоятельство, что Макарий ввел преподавание на русском языке. Теологические штудии Макария, его педагогическая практика нашли отражение и в его агиографических трудах. Так, в публикуемом Житии Михаила Ярославича Тверского мы найдем обстоятельное изложение сути православия в виде поучения князя Михаила, обращенного к плененной им Кончане/Кончаке (§ 41). Помимо всего прочего, князь объясняет своей пленнице сущность троичности Бога, а примерно в то же время Макарий делает запись в дневнике (14 декабря 1764 года): «Диспуты богословския о Богѣ едином и триипостасномъ отправили в Семинарии. Преосвященный присутствовалъ, и многие из господъ тверских» (Семячко С. А. Тверской агиограф архимандрит Макарий и его дневник. С. 614).

Записи в дневнике о богословских диспутах, церковных праздниках, ремонтных работах в монастыре, пастырских и светских визитах, о работе над церковной историей, теологическими и агиографическими сочинениями перемежаются записями о болезнях и недомоганиях. Его нездоровье началось еще в Киеве. Впоследствии он записал в дневнике: «Холодъ не вредит. ⟨...⟩ Однакъ помалу к нему привыкат(ь) должно. И я, приѣхавши в Киевъ, крайнѣ простудился, употребляя венгерское зимное платьѣ. В протчемъ вижу, что здѣсь многие зимою могут ходить босиком, без шапки, роскрывши грѣдь, в одном кавтанчикѣ» (Там же. С. 618). Макарий так и не приспособился к местному климату. В Твери он прожил лишь два года. Как писал епископ Арсений (Верещагин) (епископ Тверской и Кашинский с 1 апреля 1775 по 22 сентября 1783 года), при Макарии бывший учителем риторики в Тверской семинарии, а после кончины Макария ставший префектом, а потом и ректором этой семинарии, Макарий «оставил трудов своих немалое число сочинениев и вечную память добродетелной своей жизни. Скончался чахотною болезнию 1765 года декабря 24 дня и погребен в Желтикове монастыре, по завещанию ево, въ паперти близ церковных дверей с южной стороны. Науками просвещен был довольно, разум имел основательной, память хорошую; нравов тихих, ласковых и приятных; осторожен, но чистосердечен; росту средняго, волосы имел черные, продолговатые, взор и лице приятное, голос и произношение соответствующие приятности души его благоразумной и добродетельной...» (*ГАТО*, ф. 1409, оп. 1, № 1162, л. 12—12 об.).

Архимандрит Макарий очень ценил дружбу. «Скуку разогнат(ь) два имѣются способа: Бога в мысли всегда имѣть, оттуду удоволствие и радост(ь), да с другом, или живымъ, или мертвымъ, разговариват(ь), откуду происходит добродѣтелное щастие», — писал он в дневнике под 8 февраля 1765 года (см.: Семячко С. А. Тверской агиограф архимандрит Макарий и его дневник. С. 617). У него было немало друзей и приятелей, среди которых — известный русский поэт и дра-

матург Александр Петрович Сумароков. Можно думать, что Макарий был в курсе самых последних литературных новаций. Однако как литератор он проявил себя в одном из самых традиционных и этикетных жанров, жанре жития, укорененном в русской книжности практически с момента ее возникновения.

Перу Макария принадлежат два жития — святителя Арсения (1764) и тверского князя Михаила Ярославича (1765). Выбор главных героев не вызывает удивления. Епископ Арсений был основателем Желтикова монастыря, где настоятельствовал Макарий. Мощи святителя находились в главном монастырском храме. Празднества, посвященные Арсению Тверскому, были одними из самых важных в священнической деятельности Макария. 2 марта 1765 года: «Праздновали день преставления святителя Арсения чудотворца, которой нетлѣнно почивает в здѣшнем монастирѣ в соборной церквѣ под болдахиномъ в сребренной ракѣ, и прикладываются к нему в руку. Чудны мощи и чудодѣйственны! Четвертой уже вѣкъ, какъ скончался, произведенъ соборомъ епископом в Тверь на мѣсто еретика Евфимия» (Там же. С. 617). Из этой записи видно, что Арсений для Макария был человеком, чье восхождение на епископскую кафедру знаменовало собой победу над ересью.

Это очень важно в понимании общей позиции Макария: для него принципиально важным было единство Церкви. Так, он записал по поводу проводимых в Семинарии богословских диспутов: «Диспуты сии не суть необходимо надобны Церквѣ, но толко под условиемъ в разсуждении разныхъ обстоятелствъ, причиняющих раздоры и погибелныя ереси, кои нарушают благочестие, вѣру и спасение» (Там же. С. 621). В его дневнике мы постоянно сталкиваемся с инвективами, то в адрес католиков, то в адрес старообрядцев. Видно, что он не вникает в причины раскола и не пытается найти правых и виноватых, для него нестерпима сама мысль о расколе. Как человек, пришедший из мест, где православные находятся если не в угнетенном, то во всяком случае не в доминирующем положении, он страшно боится ослабления православия. Из дневника очевидно, что он не разделяет религиозное пространство старообрядцев и представителей официальной Церкви, для него это одна вера. Просто старообрядцы, которых он всегда именует раскольниками, с его точки зрения — это люди, цепляющиеся за свои предрассудки и не понимающие, что их упрямство ведет к ослаблению православия. О Ржеве он пишет: «Премножество тут расколниковъ суевѣрныхъ и богатыхъ» (Там же. С. 609). По поводу праздничного обеда на день памяти святителя Арсения Тверского он замечает: «Купцы отказались за своими промыслами, а многии расколничают и гнушаются нами, чтоб к святой ихъ бородѣ наши грѣхи не пристали, или бы наши блюда ихъ брюха не осквернили» (Там же. С. 617). Этим же вызван и пассаж о старых книгах и «черных» иконах в Житии Михаила Ярославича Тверского (§ 107).

Культ благоверного князя Михаила Ярославича для Твери — главный. На протяжении веков на нем фокусировались идеи политической самостоятельности, величия и силы Тверского княжества. И в XVIII веке, когда уже давно перестали быть актуальными идеи противостояния Москве, ушли в прошлое претензии на великое княжение, вместе с самой системой престолонаследия, осталось отношение к Михаилу Ярославичу Тверскому, князю-мученику, как наиболее значимой фигуре на политическом и религиозном пространстве Тверской земли.

Архимандрит Макарий не ограничивается созданием новых житий Арсения и Михаила Тверских, он заботится и об их иконографическом увековечении. 28 февраля 1765 года он записывает: «Привезъ Григорий живописецъ двѣ картины болшия, которыя я ему заказалъ было дѣлать, одна святителя Арсения, другая благовѣрнаго князя, изрядно написаны, для украшения церкви» (Там же. С. 617). И эта запись говорит о многом. Очевидно, что Макарий заказал и получил иконы нового письма, которые он в силу их стилистических особенностей называет картинами. Это уже не только и не столько молитвенные образы, сколько картины для украшения церкви. Возможно, это некая эстетическая оппозиция тем «черным» иконам, которые упоминаются в Макариевом Житии Михаила Ярославича.

Это во многом объясняет и тот факт, что Макарий берется за создание новых житий святых при наличии немалого количества списков их средневековых редакций. Очевидно, что эти старые редакции не устраивают его в эстетическом отношении. Жанр жития для него — это жанр литературный, и особенно ярко это проявляется в отборе источников для создания текста.

Очевидно, что для Жития Михаила Ярославича Тверского основным источником Макарию послужил вариант редакции Жития конца 50-х гг. XVII века (см.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974). Только в редакции конца 50-х гг. XVII века этот текст называется «житие и страдание» (такой заголовок мог быть не только во втором варианте этой редакции, но и в первом, однако начало текста в первом варианте не сохранилось), в остальных разновидностях он озаглавлен «убиение» или «страдание». Это самый поздний средневековый вариант текста и как следствие — самый полный в отношении количества чудес. Скорее всего, в распоряжении автора был сборник, содержащий и Житие Михаила Ярославича, и Житие Арсения. Сборники подобного состава были очень популярны в Твери, только В. А. Кучкин насчитал их 22 (Там же. С. 45, 55—61, 64—67, 69—71, 73, 74), и все они, кроме одного, содержат использованный Макарием вариант редакции Жития князя Михаила конца 50-х гг. XVII века. Но у Макария было еще два важных источника, использование которых принципиально отличает текст его Жития от всех предшествующих редакций и наглядно характеризует Макария как литератора.

Первый такой источник — это «Повесть о Тверском Отроче монастыре» (см. наст. изд., т. 15, с. 128—135, 490—492), текст не слишком достоверный в историческом отношении, но обладающий бесспорными литературными достоинствами, сюжетно непредсказуемый, держащий читателя в постоянном напряжении, символически насыщенный. Из этой повести Макарий извлекает историю знакомства родителей князя Михаила. Автор Жития не копирует слепо свой источник, в некоторых моментах он переосмысливает его, пытаясь предложить «рациональное» объяснение поведению своих героев. Так, некое внутреннее, изначально присущее героине «Повести о Тверском Отроче монастыре» знание своей судьбы, которое позволяет автору Повести называть ее «богомудрой», для Макария непонятно и требует объяснения (по версии автора Жития Ксения видит вещие сны), что наглядно иллюстрирует тот факт, что Повесть и Житие, созданные с интервалом менее века, принадлежат разным мировоззренческим эпохам. В тексте Жития мы не раз сталкиваемся с попытками его автора прокомментировать то или иное чудо.

Еще более показательным является другой источник архимандрита Макария — Житие благоверной княгини Анны Кашинской (текст его см. в наст. изд. Т. 17. С. 447—463), причем в Житии Михаила Ярославича содержится прямая ссылка на него (см. с. 47, 58). Это представляется весьма примечательным, поскольку во времена архимандрита Макария Житие Анны Кашинской находилось под церковным запрещением. Собор 1678 года постановил: «Житие великия княгини писано самосмышлениемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго жития чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго Евангелия Христова: въ малѣ невѣрно, и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житии же семъ не мало, но много писано неправды, и того ради, аще бы отъчасти нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно не явствити é повелѣваемъ, но сожещи» (Колосов В. В. Благоверная княгиня Анна Кашинская // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 г. 10—20 августа. Тверь, 1906. С. 106 (знаки препинания мои. — *С. С.*); подробнее см. наст. изд. Т. 17. С. 643—646). Запрет был снят лишь в 1909 году.

В данном случае интересен сам факт сохранности Жития Анны Кашинской. Подавляющее большинство дошедших до нас его списков датируется как раз тем временем, когда оно находилось под запрещением. Совершенно очевидно, что Житие княгини Анны не только не сжигалось, но и переписывалось. Имеющийся в распоряжении исследователя материал приводит к заключению, что культ Анны Кашинской сохранялся, во-первых, усилиями местных жителей, поддерживавших молитвенную память о святой и записывавших чудеса от ее гроба, а во-вторых, в рамках старообрядческой традиции, в которой княгиня Анна занимала особое место благодаря чуду от ее десницы (см. подробнее наст. изд. Т. 17. С. 636). Однако Макарий мог найти Житие Анны Кашинской либо в библиотеке Желтикова монастыря, либо в библиотеке Духовной семинарии. Т. е. Житие не было уничтожено и соответственно распоряжения Церковного собора не были выполнены и в структурах официальной Церкви.

Другой вопрос — знал ли Макарий о всей этой истории, связанной с запретом почитания Анны Кашинской, поскольку она случилась не только задолго до его приезда на Русь, но и до его рождения. Как показывает текст Жития Михаила, он обнаружил расхождения Жития Анны с лето-

писями и пытался примирить эти два источника (см. коммент. к с. 42). Но обнаруженные противоречия нисколько не мешают Макарию в качестве опорного текста избрать именно Житие княгини. Таким образом, и в случае с «Повестью о Тверском Отроче монастыре», и в случае с Житием Анны Кашинской Макарий сознательно предпочитает «красивый» источник достоверному.

Отбор источников и характер работы с ними наглядно демонстрирует, что Макарий относится к Житию как к литературному произведению, под его пером Житие оказывается на пути к превращению в жанр почти беллетристический. Если сравнивать Житие, написанное Макарием, с легшей в его основу редакцией Жития конца 50-х годов XVII века, впрочем, как и с любой другой средневековой редакцией этого Жития, нельзя не обратить внимания на произошедшую под пером Макария драматизацию текста. У Макария все герои заговорили: по любому поводу они произносят пространные речи, в которых разъясняют свое отношение к происходящему. Содержанием этих речей стали рассуждения о просвещении разума и пользе наук, об идеальном государе, правосудии и государственной пользе, т. е. идеи, характерные для русского барокко. С культурой барокко роднят написанное Макарием Житие и развернутый в нем образ книги — вертограда, прекрасного сада с разнообразными деревьями, «живыми водами», скульптурами и памятниками древности. Причем это уже не просто некая абстракция, мысленный сад, это еще и образ тех реальных садов, какие появляются в России начиная с Петровского времени. Особое место в речах героев Жития занимают идеи учения и доброго употребления приобретенных знаний. Причем речь идет не о традиционном для средневекового Жития учении-послушничестве, прохождении первых шагов на пути постижения божественной благодати под руководством духовного наставника. Герои Жития размышляют о приобретении рационального знания, об обучении наукам, ибо «правила, преподаваемая въ наукахъ, много споспѣшествуютъ къ просвѣщению разума» (с. 39). Во всех этих рассуждениях присутствует и скрытая полемичность, обращенная к приверженцам старой традиции. И в конце концов Макарий прямо формулирует: «Учение бо не вредитъ, якоже нѣцыи глаголютъ, но точию злое онаго употребление пагубно есть» (с. 92).

Среди постигаемых юношей-князем наук находится место и дисциплине сродни тому богословию, которое сначала изучал, а потом и преподавал сам Макарий: «...наипаче же потщася Бога, елико можно, лучше уразумѣти, обаче не вдавашеся продерзостно въ любопытное испытание непостижимыхъ, вѣдая, яко любопытство еретичество раждаетъ, а незнание есть суевѣрия мати. Узнавъ же Бога, дѣлаше сравнение, умомъ возлетая, яко по лѣствицѣ от тварей ко Творцу и прилѣжно разсматриваше имѣющееся между Богомъ и нами различие, отонуду же стяжа совершенное познание вещей» (с. 40). В понимании Макария, все, что связано с Господом, с проявлением его благодати на человеке, с чудом, может быть изучено, подвергнуто критике и даже оспорено. Одним из объяснений того, что так мало записывались чудеса от гроба Михаила Ярославича, для Макария является боязнь «строгаго изслѣдования и такъ называемыя критики» (с. 92). Одним из наиболее примечательных в этом отношении является объяснение чуда, случившегося с «искусным древоделом» Назарием, дерзновенно засунувшим руку в гроб Михаила, вложенное автором Жития в уста святителя Евфимия (с. 90—91). Чудеса подобного рода случались и ранее (см., например, чудо Анны Кашинской над некоей Акилиной, с небрежением прикоснувшейся ко гробу святой княгини и опершейся на него, наст. изд. Т. 17. С. 482, 654—655), но агиографам прошлого не приходило в голову давать им объяснение. И сам вопрос, не является ли подобное чудо проявлением мстительности святого, показался бы святотатством. С точки зрения агиографа второй половины XVIII века, чудо может вызывать вопросы и должно быть изъяснено просвещенным человеком для непросвещенных.

К XVIII веку жанр жития проделал огромный путь и стоял на пороге своего кризиса. У читателя «Библиотеки литературы Древней Руси» есть возможность проследить эволюцию того образа святости, который нашел свое воплощение в личности святого благоверного князя Михаила Ярославича Тверского, от наиболее ранней редакции Жития (см. наст. изд. Т. 6. С. 68—91) до совершенно нового, всецело соответствующего своей эпохе Жития, написанного архимандритом Макарием в 1765 году за считанные дни до своей кончины.

Агиографические сочинения архимандрита Макария были изданы в 1791 году в Москве, спустя четверть века после его смерти, под одним переплетом. Состав этой книги таков (у каждой

статьи самостоятельная пагинацня): «*Житие и страдание святаго благовѣрнаго князя Михаила Ярославича, Тферскаго чудотворца, сочиненное въ Тфери 1765 года тферской семинарии ректоромъ и архимандритомъ Макариемъ*» — л. 1—64 об.; «*Житие иже во святыхъ отца нашего Арсения епископа тферскаго чудотворца и Повѣсть о обрѣтении и о пренесении мощей его и о нѣкиихъ при томъ бывшихъ чудесахъ, собранная яко из древнихъ рукописныхъ книгъ, тако и из напечатанныхъ и другихъ надписаний, обрѣтающихся въ Желтиковѣ монастырѣ въ Тфери, 1764 года*» — л. 1—22 об. (Житие — л. 1—13, Повесть об обретении и перенесении мощей — л. 13 об.—20 об., Чудеса — л. 21—22 об., Тропарь и Кондак — л. 22 об.); «*Бытописание преосвященныхъ архиереевъ тферскихъ*» — л. 1—7 об. Безусловно, прн подготовке издания 1791 года текст архимандрита Макария подвергся языковой редактуре. Об этом свидетельствует сравнение с его дневником, писавшимся в то самое время, когда создавались жития Арсения и Михаила Тверских н сохранившим южнославянские особенности речи автора.

Настоящая публикация Жития Михаила Ярославича Тверского выполнена по экземпляру издания 1791 года, хранящемуся в Отделе редкой книги РНБ под шифром Х.8.21. Мы сохраняем присущую первому изданию разбивку текста на абзацы и нумерацию абзацев, маргиналии издания с указанием источников библейских цитат внесены (в квадратных скобках) в текст после соответствующих цитат.

Стр. 35. *Блаженный Павелъ, аще и изчисляетъ бѣды, яже горестную творятъ жизнь, обаче присовокупляетъ, яко за то соблюдается вѣнецъ жизни.* — О венце жизни идет речь не у апостола Павла, а в Соборном послании апостола Иакова: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим его» (Иак. 1, 12), — и в Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова): «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2, 10).

...нужно есть Царствие и тѣсный путь къ нему предлежитъ. — См. Мф. 7, 14.

...поживишии здѣ свято вящшее за понесенный крестъ восприимутъ воздаяние въ будущей жизни, якоже блаженный Павелъ въ послании къ евреомъ учитъ. — См. Евр. 10, 32—39.

Стр. 35—36. *...великий князь Александръ Ярославичь Невский... преставися къ Богу...* — Это случилось в 1263 г. Житие Александра Невского см. в наст. изд. Т. 5. С. 358—369, 515—518.

Беркаль — хан Берке, пятый правитель Джучиева Улуса (1257—1266).

Стр. 36. *...возведенъ бысть по немъ на великое княжение Ярославъ Ярославичь, князь Тферский, яко старѣйший братъ святаго, въ лѣто от спасительнаго промысла 1264.* — Ярослав Ярославич был великим князем с 1263 по 1271 г. Слова «*яко старѣйший братъ святаго*» следует понимать не как «старший брат Александра», а как «старший брат после Александра». О возрасте Александра Невского и его братьев см.: Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174—177.

Бысть убо сей двадесять первый великий князь по счислению лѣтъ от святаго Владимира... — Имеется в виду общее количество великих князей от Владимира до Ярослава Ярославича.

...по степени же родства седмый... — Согласно Степенной книге царского родословия, Владимир Святославич относился к четвертой степени, Ярослав Ярославич — к одиннадцатой (о Степенной книге см. наст. изд. Т. 12. С. 588—591).

...Ярославъ родися от Всеволода Георгиевича Долгорукаго... внукъ Игоря Рюриковича... — Имеется в виду отец Ярослава Ярославича Ярослав Всеволодич, бывший сыном Всеволода Большое Гнездо, отцом которого был Юрий Долгорукий. Таким образом, Всеволод был внуком Владимира Мономаха. Отцом Владимира Мономаха был Всеволод Ярославич, который приходился внуком Владимиру Святославичу, а тот в свою очередь был внуком князя Игоря Рюриковича. Указанный здесь 981 г. должен обозначать дату рождения Ярослава Владимировича Мудрого, потому что именно ему «*даде начало святый равноапостольный великий князь Владмиръ Святославичь*», и действительно он родился ок. 978 г. (см.: Творогов О. В. Князья Рю-

риковичи: Краткие биографии. М., 1992. С. 12), князь же Всеволод Ярославич родился в 1030 г. (Там же. С. 17).

Стр. 36—37. *Сей благовѣрный князь Ярославъ Ярославичь до возшествия на великое княжение ... и княжескимъ изволениемъ состави зѣло красный монастырь во Тфери, нарицаемый Отрочь,идѣже свято и добродѣтельно поживъ, ко Господу отъиде.* — Этот фрагмент Жития имеет своим источником «Повесть о Тверском Отроче монастыре» (см. наст. изд. Т. 15, С. 128—135, 490—492), достаточно вольно передающую исторические факты. Ксения была второй женой Ярослава Ярославича (его первая жена и сыновья от первого брака погибли в 1252 г. во время очередного татарского набега), при этом она была дочерью не едимоновского церковнопричетника Афанасия, а новгородского посадника Юрия Михайловича. Вряд ли можно судить сейчас, было ли это супружество браком по любви, однако совершенно очевидно, что оно должно было сыграть свою роль в урегулировании сложных отношений Ярослава Ярославича с Новгородом. *...святаго великомученика Димитриа Фессалонийскаго церковь...* — Архимандрит Макарий, вслед за автором «Повести о Тверском Отроче монастыре», указывает существовавшую в его время в селе Едимонове (примерно в сорока километрах от Твери) и не сохранившуюся до наших дней церковь Димитрия Солунского († 306 г.; святой, причтенный к лику великомучеников) как место венчания князя Ярослава Ярославича, что не соответствует действительности.

Стр. 37. *И тако даде имъ Богъ дщерь едину, яже потомъ уневѣстися Христу.* — Речь идет о принявшей монашество княжне Софье Ярославне, Житие которой ныне известно в двух списках XV—XVI вв. в составе Минейного Торжественника.

...Самуилова мати... — Имеется в виду пророчица Анна (XI в. до Р. Х.), мать пророка Самуила, долго бывшая бесплодной и вымолившая ребенка, обещав посвятить его Господу (см. 1 Цар. 1, 1—2, 10). История пророчицы Анны приобрела особую известность, так как благодарственная молитва Анны вошла в литургическую практику как третья библейская песнь.

«Пою Богу моему, вознесеся рогъ мой, неплоды роди» — 1 Цар. 2, 1.

...облечеся во святый аггелский образъ... — Принял монашеский постриг.

...преименованъ бысть Афанасиемъ въ знамение ожидаемыя имъ безсмертныя жизни... — Имя Афанасий в переводе с греческого означает «бессмертный».

Стр. 38. *...препроводивше въ церковь святыхъ безсребренныхъ Космы и Дамиана, ту погребоша его.* — Время постройки Космодемьянской церкви неизвестно, ее первое упоминание в летописях связано с погребением князя Ярослава Ярославича в 1271 г. Посвящение церкви святым безмездникам Косме и Дамиану историки связывают с новгородским влиянием. См. также коммент. ниже.

Како увяде твоя доброта, яко кринъ въ полудни от силнаго зноя! Како прекратися жизнь, исчезе слава, яко дымъ от вѣтра, яко пожатая трава, яко сѣнь, солнцу объяту тмою! — Плач княгини Ксении построен на традиционных библейских образах, получивших наибольшее развитие в Псалтири и, через посредство Псалтири, широко распространившихся в литургической поэзии. См., например: «Человѣкъ, яко трава дние его, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтет...» (Пс. 102, 15); «...Исчезоша яко дымъ дние мои...» (Пс. 101, 4); «Уязвенъ быхъ яко трава...» (Пс. 101, 5); «Дние мои яко сѣнь уклонишася, и азъ яко сѣно изсхохъ» (Пс. 101, 11), «...яко дым от ветра...» (Акафист честному животворящему Кресту, икос 10). См. также одно из предисловий к сборнику XVII в. «Крины сельные»:

«Человѣкъ, яко трава, дние его, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтетъ и пройдетъ.

Скоро бо пройдетъ житие наше, яко сѣнь облачная предъ солнцемъ, и без вѣсти будетъ.

Дние живота нашего — яко дымъ на воздусѣ разливается.

Скоро бо жизнь наша скончается, яко день единъ пройдетъ» (цит. по списку Новгородского государственного музея-заповедника КП 30056-137/КР 237, л. 5 об.).

...паде кедръ, цвѣтущий въ Ливанѣ... — Цветущий ливанский кедр — устойчивый библейский образ. Падение кедра — образ, свойственный плачу, в таком качестве он встречается в Книге пророка Захарии: «...зане паде кедръ...» (Зах. 11, 2).

Предвидя же имѣющую вселитися въ него Божию благодать ... наименова его во святомъ крещении Михаиломъ... — Имя Михаил в переводе с древнееврейского означает «кто как Бог» («подобный Богу»).

...Писание глаголетъ, «яко страхъ Божий есть премудрости начало»... — Притч. 1, 7. Ср. Иов. 28, 28.

Стр. 39. *...за пространную жизнь, яже во дно адово приводитъ...* — См. Мф. 7, 13.

...лѣнивымъ бо рабомъ Божий гнѣвъ судомъ угрожаетъ... — См. Мф. 25, 14—30.

Стр. 40. *...вся жизнь наша есть дымъ исчезающий или трава, скоро увядающая въ полѣ...* — См. выше коммент. к с. 38.

...по подобию Далиды предаетъ въ плѣнъ, обложивъ оковы. — См. Суд. 16, 4—21.

...еваггелскаго богатаго, осужденнаго за скупость... — См. Лк. 12, 16—21.

...Богу освященныхъ лицъ. — Имеются в виду лица духовного звания.

...нѣкая смоковница, насажденная во оградѣ Христовой, сторичный приношаше плодъ. — Притчу о смоковнице, за которой ухаживает заботливый виноградарь, см. Лк. 13, 6—9.

Стр. 41. *...житие безмолвное и супружества свободное...* — Имеется в виду иночество, предполагающее безбрачие.

...«никто бо без грѣха, кромѣ единаго Бога»... — Ср.: «Никтоже без греха есть, токмо ты един, Владыко...» (Канон за единоумершего, песнь 4, второй тропарь); «...никто же бо без греха, токмо един Бог» (Стефан Яворский «Иго Господне благо и бремя его легко», см.: Григорьев А. Б. Сочинение митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского «Иго Господне благо и бремя его легко» // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие. Философия. 2012. Вып. 2 (40). С. 119).

Стр. 42. *...премудрость, присѣдящая Вышняго престолу...* — Ср. Прем. 8, 4.

...во градѣ Кашинѣ къ благородному мужу Димитрию Борисовичу (князю Ростовскому)... — Здесь Макарий пытается соединить свидетельство летописей о том, что жена Михаила Анна была дочерью ростовского князя Димитрия Борисовича, и ошибочное утверждение Жития Анны Кашинской, что она происходила из кашинского боярского рода. В действительности Димитрий Борисович никакого отношения к городу Кашину, находящемуся неподалеку от Твери и бывшему во времена Михаила Ярославича центром удельного княжества, не имел, а его дочь Анна получила свое прозвание по месту кончины и погребения. Что касается соответствующего ошибочного утверждения Жития Анны Кашинской, то оно было одним из чтений, на основании которых на соборах 1677 и 1678 гг. Житие было признано лживым (см. наст. изд. Т. 17. С. 646).

Стр. 43. *...прежде потопа бывшии исполины.* — См. Быт. 6, 4—7.

Стр. 44. *...роди мужескъ полъ... Димитриемъ нарекоша...* — Димитрий Михайлович Грозные Очи (1299—1325), старший сын Михаила Ярославича и Анны, наследовал отцу на тверском княжении, 21 ноября 1324 г. убил в Орде князя Юрия Даниловича Московского, погубившего его отца, и был казнен по велению хана.

...еще родити три сына, Александра, Константина и Василия. — Александр Михайлович (1301—1339) — второй сын Михаила и Анны; после убийства в Орде Юрия Даниловича получил ярлык на великое княжение, т. е. наследовал на великом княжении своему старшему брату; в 1337 г. получил ярлык на тверское княжение; так же как старший брат, окончил свою жизнь — был казнен в Орде по приказу хана 28 октября 1339 г. вместе со своим сыном Федором. Константин Михайлович (1306/07—1348) — третий сын Михаила и Анны; наследовал брату Александру на тверском княжении; умер в Орде. Василий Михайлович (1309—1368) — младший сын Михаила и Анны; в 1348 г. стал великим князем Тверским, хотя ярлык получил лишь в 1352 г.; в начале 60-х гг. уступает своему племяннику Михаилу Александровичу, который и становится великим князем Тверским, а сам последние годы проводит в своем уделе, в Кашине.

Благослови бо я Богъ чадородиемъ, якоже Иоиля... — См. 1 Пар. 5, 4—8.

От сего Александра... цари же и князи... — Среди потомков Александра Михайловича наиболее знамениты были его сын Михаил Александрович (1333—1399) и праправнук Борис Александрович (род. после 1398—1461), которому посвящено «Инока Фомы слово похвальное» (см. наст. изд. Т. 7. С. 72—131, 498—506).

...Константинъ же бысть... по отцевскому наслѣдию. — Если тверское княжеиие действительно являлось наследием Михаила Ярославича, то Анна, будучи ростовской княжной, никакого отношения к кашинскому княжеству не имела, а в Кашине оказалась лишь в конце своей жизни, когда там стал княжить ее младший сын.

...еже бы создати великолѣпную каменную церковь во имя Святаго Спасова Преображения на томъ мѣстѣ, идѣже прежде древянная Святыхъ чудотворцевъ Космы и Дамиана бѣ... — Закладка каменного Спасо-Преображенского кафедрального собора в Твери состоялась в 1285 г. Строительство было завершено в 1290 г., в 1292 г. собор был расписан. Строительство этого собора было значимым событием в жизни Владимиро-Суздальской Руси: оно было отмечено в подавляющем большинстве летописей. Космодемьянская церковь, в которой был погребен отец князя Михаила Ярославича Ярослав Ярославич (см. коммент. выше), скорее всего, сгорела в пожаре 1276 г., в результате которого в Твери осталась лишь одна церковь, коей никак не могла быть церковь Космы и Дамиана. Вероятно, церковь была отстроена заново и получила то же посвящение.

...бысть преемникъ престола... Василий Ярославичь... — Василий Ярославич был великим князем с 1272 по 1276 г.

...по немъ владѣша... Димитрий, Андрей и Даниилъ. — Димитрий Александрович (1250?—1294) стал великим князем Владимирским в 1276 г., в 1281 г. ярлык на великое княжение получил его младший брат Андрей, борьба за великое княжение между Андреем и Димитрием продолжалась вплоть до смерти последнего. После смерти Димитрия Андрей был великим князем Владимирским до своей смерти в 1304 г., ему наследовал Михаил Ярославич Тверской. Младший сын Александра Невского Даниил (1261—1303) великим князем Владимирским не был, а княжил в Москве.

Стр. 44—45. *...подобаше сему благовѣрному князю Михаилу Ярославичу... взыти на великое княжение.* — Михаил Ярославич имел преимущественные права на владимирский великокняжеский стол, так как был внуком Ярослава Всеволодича (см. выше), а претендовавший на это же княжение Юрий Данилович Московский (см. далее) лишь его правнуком.

Стр. 45. *...присутствующу при томъ и святейшему Петру, митрополиту всея России, 1304 года от Христа...* — Петр не мог присутствовать при этом, так как был хиротонисан в митрополиты в 1308 г. Однако это не ошибка автора Жития, а сознательная замена имени митрополита Максима (ум. 6 декабря 1305 г.), которого называют все предшествующие редакции Жития, на более известное и авторитетное имя.

...великаго князя Даниила Александовича старейший сынъ, емуже имя Георгий... — Юрий Данилович (ум. в 1325 г.) — двоюродный племянник Михаила Ярославича, князь Московский, с 1315 г. великий князь Владимирский.

...срѣте его святѣйший Петръ митрополитъ... — Предшествующие редакции Жития и в этом случае называют митрополита Максима (см. выше).

Стр. 46. *...благословение приемъ от святителя Божия Петра митрополита...* — Петр еще не был митрополитом и не мог благословить князя Михаила (см. выше).

...якоже бысть во дни Соломона, царя израильскаго... — См. 3 Цар.

Стр. 47. *Давидовы пѣсни* — псалмы.

Кто есмь азъ... у сихъ бо подобаетъ мамоною неправды куповати небо. — Эти размышления Михаила Ярославича имеют в своем основании библейские противопоставления бедности и богатства, коими полна, например, Книга притчей Соломоновых (см. Пр. 13, 5—9; 22, 1—2, 16 или Иер. 17, 11) или нагорная проповедь Иисуса Христа. *Не сии ли суть, ихже ублажая, Христосъ Господь братиями нарицаетъ?* — Братьями своими Христос называл своих учеников и последователей, см. Мф. 12, 49—50: «И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мой брат, и сестра, и матерь». *Не сии ли продаютъ елей, имже во срѣтение Владычне возжигается свѣтилникъ?* — Возникновение обычая возжигать светильник (свечи) в праздник Сретения Господня (на 40-й день после Рождества) связывают со словами Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2, 29—32). «Гряди, Творче и Владыко, яко да с горящими светильники чистоты изыдем на сретение Твое» (Акафист Сретению Господню, икос 11). *...мамоною неправды...* — Лк. 16, 9.

...якоже въ Житии святыя благовѣрныя великия княгини Анны, супруги святаго, написано обрѣтохомъ. — Макарий ссылается на запрещенное в его время Житие благоверной княгини Анны Кашинской (см. вступ. статью).

Между же тѣмъ умре ордынский царь ... по согласию съ турками приемъ... — В 1313 г. после смерти хана Тохты во главе Орды стал хан Узбек, первый ордынский хан, принявший мусульманство. Сарацины — один из народов, живших на территории Аравии. Первоначально сарацинами называли кочующие разбойничьи племена, в Средние века христианские писатели называли сарацинами арабов, а впоследствии — мусульман.

Стр. 48. *...Кончану царевну, сестру свою, даде въ жену...* — Сестру хана Узбека, ставшую женой Юрия Даниловича Московского, звали Кончака.

...якоже Навуходоносора на Иерусалимъ... — См. 4 Цар. 25, 1—4; Иер. 25, 1—11.

Кавгадый — один из представителей золотоордынской знати, военачальник, ханский посол.

Стр. 49. *...великий князь Михаилъ... прииде во отечество свое...* — В действительности, в это время великие владимирские князья, как правило, не жили во Владимире, а, имея титул великого владимирского князя, оставались в своем княжестве. Так, Михаилу не нужно было уходить из Владимира, поскольку, будучи великим князем Владимирским, он жил в Твери. Вот потому-то и нападает на тверскую землю князь Юрий, получив в Орде титул великого князя Владимирского.

«Кое причастие свѣта ко тмѣ, или кое общение Христу съ велиаромъ». — 2 Кор. 6, 14—15. Комментарий на полях книги.

Варсонофий — хиротонисан в тверские епископы в 1315 г., ум. в 1328 г., погребен в кафедральном соборе.

Стр. 50. *«Больше сея любви ничтоже есть, да кто душу свою положитъ за други».* — Ин. 15, 13. Комментарий на полях книги.

...яко по израилѣ над фараономъ... — См. Исх. 14, 4—23.

Спуд — хлебная мера, скорее, мера вместимости, нежели веса; по В. И. Далю, сосуд, кадочка или ведерко, как мера сыпучих тел.

Стр. 51. *...месяца декемвриа въ 22 день...* — 1317 г.

«Аггеломъ своимъ заповѣсть, еже сохранити тя». — Пс. 90, 11. Комментарий на полях книги.

Стр. 52. *...како устроилъ Богъ сей миръ...* — См. Быт. 1—2.

...како грѣшныя истреби потопомъ... — См. Быт. 6—8.

...како изведе израиля и даде законъ... — См. библейскую книгу Исход.

...како нашего ради спасения сниде съ небесе и воплотися от пречистыя Дѣвы Марии безмужно... — См. Мф. 1, 18—25; Лк. 1, 26—38; 2, 4—7.

...и пострада безвинно, и умре поносно... — См. Мф. 26, 47—27, 56; Мк. 14, 43—15, 41; Лк. 22, 47—23, 49; Ин. 18, 2—19, 37.

...и воскресе тридневно... — См. Мф. 28, 1—20; Мк. 16, 1—18; Лк. 24, 1—49; Ин. 20, 1—21, 25.

...и взыде на небеса... — См. Мк. 16, 19—20; Ин. 24, 50—53.

Стр. 52—53. *Богъ убо нашъ, яко пречистый и пресвятый, грѣхомъ онымъ зѣло прогнѣванъ бысть, того ради человѣка предаде смерти, изгна из рая и осуди...* — См. Быт. 3.

Стр. 53. *...огласив ю, крести... преименоваша ю Агафиею.* — Жена Юрия Даниловича Московского в крещении действительно имела имя Агафья, однако лишь архимандрит Макарий сообщает о том, что она приняла крещение в Твери и ее восприемником был князь Михаил. Логичнее было бы предположить, что крещение она приняла при вступлении в брак. Однако этот эпизод дает Макарию возможность, с одной стороны, сделать законченным образ святого князя, с другой — изложить основы православия, как он, вероятно, имел обыкновение делать на лекциях в семинарии.

Стр. 55. *...срѣте его противу Синевскаго...* — Синеевское — село в Тверском княжестве.

...якоже при Даниилѣ львомъ въ ровѣ... — См. Дан. 6, 16—23.

...яко Исаву иногда, иже противъ кроткаго Иакова ополчашася. — См. Быт. 27, 41.

Стр. 56. *...яко уби незлобиваго Авеля Каинъ...* — См. Быт. 4, 1—8.

...вѣщаетъ Богъ чрез пророка: «Сыне человѣчь, ты посредѣ скорпий живеши»... — Ср. Иез. 2, 6.

...прелестныя звѣзды... — Иуд. 1, 13.

...дважды умершая тѣлеса... — Иуд. 1, 12.

Стр. 56—57. *...аггели сатанины...* — Ср. 2 Кор. 12, 7.

Стр. 57. *...волцы хищнии...* — Мф. 7, 15.

Низовская земля — Северо-Восточная Русь.

Стр. 58. *...нѣкоего от велможъ своихъ, именемъ Ахмыля...* — Имя ханского посла Ахмыла не читается в Пространной нелетописной редакции (см. наст. изд. Т. 6. С. 76—77), которая, с точки зрения В. А. Кучкина, в большей степени отражает первоначальный текст. Ученый полагает, что этого имени и не было в первоначальном тексте, оно является позднейшей вставкой, сделанной составителями Софийской I летописи. «Другие источники не подтверждают факта приезда Ахмыла на Русь в 1318 г. О грозной Ахмыловой рати летописи сообщают только под 1322 г.» (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 215).

«Яко вси, хотящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ». — 2 Тим. 3, 12.

«Всякъ... делаяй злая ненавидитъ свѣта». — Ин. 3, 20.

«Вы от мира нѣсте, чего ради ненавидитъ васъ миръ». — Ин. 15, 19.

Стр. 59. *...блаженство бо Писание приписуетъ страждущымъ правды ради, и умирающымъ о Христѣ, и полагающымъ душу за братию свою.* — См. Мф. 5, 10; 1 Пет. 3, 14; Ин. 15, 13.

Стр. 60. *Пришедшымъ же имъ къ рѣцѣ, называемой Нѣрли, пригласи святый духовнаго отца своего Иоанна...* — Точных сведений об Иоанне в ранних редакциях Жития, называемом игуменом, мы не имеем. По предположению В. А. Кучкина, это Иван Царегородец, игумен тверского монастыря Св. Федора Тирона и Федора Стратилата, который провожал Михаила Ярославича до Нерли Волжской. На Нерли Волжской монастырей не было.

Стр. 61. *«Увы мнѣ, яко пришелствие мое продолжися!»* — Ср. Пс. 119, 5. Комментарий на полях книги.

«Когда прииду и явлюся лицу твоему, Боже!» — Пс. 41, 3. Комментарий на полях книги.

Сурожское море — Азовское море.

Стр. 64. *...от седми князей седмь суровыхъ стражей...* — Ср. Есф. 1, 10—2, 9.

«Обыдоша мя врази мои, яко пчелы сотъ». — Пс. 117, 12. Комментарий на полях книги.

«Друзи мои и искреннии мои далече от мене сташа». — Пс. 37, 12. Комментарий на полях книги.

«Благословенъ Господь, научаяй руцѣ мои на ополчение». — Пс. 143, 1. Комментарий на полях книги.

«Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ». — Пс. 22, 1. Комментарий на полях книги.

Стр. 65. *«Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей».* — Пс. 50, 1. Комментарий на полях книги.

«Господи, услыши молитву мою». — Пс. 101, 2; Пс. 142, 1. Комментарий на полях книги.

«На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся вовѣкъ». — Пс. 30, 2. Комментарий на полях книги.

«Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея». — Пс. 68, 2. Комментарий на полях книги.

Стр. 66. *...елико внѣшний человѣкъ тлѣетъ, толико внутренний обновляется...* — 2 Кор. 4, 16.

...елико больше умерщвляема бываетъ плоть, толико возмогаетъ и мужается душа... — Ср. в Скитском патерике: «Елико тѣло сильно есть, толико душа либава есть, и елико тѣло либѣваеть, толико душа силнѣеть» (The Old Church Slavonic Translation of the ΑΝΔΡΩΝ ΑΓΙΩΝ ΒΙΒΛΟΣ in the edition of NIKOLAAS VAN WIJK † / Edited by D. Armstrong, R. Pope and C. H. van Schooneveld. The Hague; Paris, 1975. P. 225). Либивый — худой, ослабленный, изнуренный.

«Да не кто от васъ постраждетъ, яко убийца или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель». — 1 Пет. 4, 15. Комментарий на полях книги.

«Аще же кто христианинъ... наше есть крест...» — 1 Пет. 4, 16.

«Да возметъ крестъ свой... пришелцы есмы на земли». — Ср. Мф. 10, 38; 16, 24; Мк. 8, 34; Лк. 9, 23; Лк. 14, 27.

...Павловы узы... — См. Деян. 24—26.

...Петровы вериги... — См. Деян. 12.

...Иовлевы страдания... — См. библейскую Книгу Иова.

...Давыдовы изгнания... — См. Первую и Вторую книги Царств.

...Даниилъ въ ровѣ со львы борется... — См. коммент. к с. 55.

...отроцы естество укрощают огня... — См. Дан. 3.

Милоть — одежда из овчины, кожух.

Стр. 67. *...толикие праведницы руганиемъ и ранами... и въ пропастехъ земныхъ.* — Евр. 11, 36—38. Комментарий на полях книги.

«Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое его». — Пс. 102, 1. Комментарий на полях книги не точен: в качестве источника ошибочно указан Пс. 105, 1.

«Блажени непорочнии въ путь...» — Пс. 118, 1.

...а ты, брение, не глаголи скудельнику: «Почто мя сотворили еси?» — Ср. Рим. 9, 20—21.

...якоже апостоли рекоша: «Лучше бо есть тысящекратно умрети, нежели единожды грѣхомъ раздражити Бога». — Это своеобразная «псевдоцитата», которая передает общий смысл апостольских изречений, но не является точным высказыванием. Поэтому ее и предваряет обобщенная отсылка «якоже апостоли рекоша».

Стр. 69—70. *Аще кто благоволитъ... къ приумножению радости душевныя служатъ.* — Ср. Кол. 1, 24—29.

Стр. 70. *Не слышасте ли, яко Неронъ Римский не можаше во всемъ царствии своемъ спокойствия обрѣсти? Такожде и Крезъ Мидский, и Киръ Персидский, и Александръ Македонский.* — Макарий устами Михаила приводит в качестве примера исторических деятелей, прославившихся своим «беспокойством», многочисленными войнами. *Нерон Римский* — римский император (54—68 гг.), последний представитель династии Августа, известный своей развращенностью, тиранством, злонравием, оргиями. В результате своего «беспокойного» царствия был покинут всеми, бежал из Рима и покончил жизнь самоубийством. Много воевали друг с другом *Крез Мидский*, сын Алиата, последний лидийский царь из династии Марменидов (560—546 гг. до Р. Х.), и *Кир Персидский*, или Кир Старший (599—530 гг. до Р. Х.), основатель Древнеперсидского царства. Среди источников, из которых русским авторам и читателям могли быть известны эти деятели, — хронографические памятники, «Летописец Еллинский и Римский», о Кире также рассказывают некоторые библейские книги, например 2 Пар. 36, 1 Езд. и др., а о прославленном полководце *Александре Македонском*, или Александре Великом (356—323 гг. до Р. Х.), еще и «Александрия» (см. наст. изд., т. 8, с. 14—149, 539—544).

Стр. 71. *«Блюдите, да не соблазните единаго от малыхъ».* — Мк. 9, 42. Комментарий на полях книги.

«Мы проповѣдуемъ Иисуса распята, иудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безумие». — 1 Кор. 1, 23. На полях книги источник указан недостаточно точно.

Град Тятяков — город на Северном Кавказе; разные варианты текста Жития Михаила Тверского дают разные вариации названия города: Тютяков, Тетяков, Тютякоков.

Рѣка Терка — р. Терек.

Желѣзные врата — по мнению В. А. Кучкина, Дарьяльский перевал. Возможны другие варианты — см. т. 6, коммент. к с. 110, 230.

Рѣка Сѣвенца — по предположению В. А. Кучкина, р. Сунжа на Северном Кавказе.

«Позоръ быхомъ миру, и аггеломъ, и человѣкомъ». — 1 Кор. 4, 9. Комментарий на полях книги.

Стр. 72. *«Боже, Боже мой, вонми ми, вскую мя оставилъ еси...»* — Пс. 21, 2. Комментарий на полях книги.

...въ день Введения въ храмъ пресвятыя Богородицы... — Праздник Введения во храм пресвятой Богородицы, из числа двунадесятых, отмечается 21 ноября (4 декабря).

Александр игумен — игумен Тверского Отроча монастыря, предполагаемый автор первоначальной редакции Жития.

Запасное причастие — иначе запасные дары — частицы, святые дары, которые священники приготавливают во время литургии в Великий Четверг, хранят в дарохранительнице и используют позднее для причащения тех, кто не может прийти в храм.

...превзыдоша главу мою беззакония моя... — Пс. 37, 4.

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко... — Лк. 2, 29

Исчезе сердце мое Боже, яко земля безводная, къ тебѣ. — Ср. Пс. 142, 6.

...кто дастъ ми крилѣ, и полечу, и почию? — Ср. Пс. 54, 6.

Стр. 72—73. *...уже при дверехъ предстоитъ пришедый взяти...* — Ср. Мф. 24, 33; Мк. 13, 29; Иак. 5, 9.

Стр. 73. *...внидоша въ миръ прелестию змия въ Едемѣ.* — См. Быт. 3.

Стр. 74. *Адежъ* — по предположению В. А. Кучкина, река Ачалуки на Северном Кавказе.

...у язычниковъ фуриями нарицаются... — Архимандрит Макарий делает отсылку к древнеримской мифологии, где фуриями называются богини мести.

Стр. 75. *Таковый бо человѣкъ, по Приточнику, не радитъ и дерзаетъ, яко левъ, сирѣчь, на вся злая стремится...* — Ср. Притч. 26 и 28.

Иуда предатель — один из двенадцати апостолов, предавший своего учителя Христа; см. Мф. 26, 14—16; Мк. 14, 10—11; Лк. 22, 3—6.

Саул — первый царь народа Израиля, не исполнивший повеления пророка Самуила и враждовавший с ним, пытавшийся убить царя Давида и в конце концов покончивший жизнь самоубийством; см. 1 Цар. 9—31.

Исав — сын Исаака и Ревекки, продавший свое первородство брату-близнецу Иакову; см. Быт. 25—36.

Каин — старший сын Адама и Евы, убивший из зависти своего брата Авеля; см. Быт. 4.

...Господу хранящу вся кости праведныхъ своихъ... — Ср. Пс. 33, 20.

...яко Даниилу пророку иногда. — См. примеч. к с. 55.

Стр. 76. *Мосчары* — в Пространной нелетописной редакции — Мжачары, золотоордынское поселение Маджары, на месте которого сейчас находится г. Буденновск.

Стр. 77. *...око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде...* — 1 Кор. 2, 9.

Не слышиши ли фараона, глаголющаго къ Моисею съ презорствомъ: «Кто есть Богъ?» — Исх. 5, 2. Комментарий на полях книги.

И паки Исаиа пророкъ: «Сыны родихъ и возвысихъ, тии же отвергошася мене». — Ис. 1, 2. Комментарий на полях книги.

«Цѣлихъ, — рече, — Вавилона, и не исцѣлѣ». — Иер. 51, 9. Комментарий на полях книги.

«Уклонися от зла и сотвори благо»... — Пс. 33, 15. Комментарий на полях книги.

Стр. 78. *...всадники и тристраты...* — См. Исх. 15, 4. *Тристаты* — военачальники.

Павелъ апостолъ глаголетъ, яко единаго святаго весь миръ не стоитъ... — Евр. 11, 38.

...болшая часть въ мирѣ свиней и скотовъ, имже Спаситель не повелѣ даяти святая, ниже пред ними пометати бисеръ... — См. Мф. 7, 6.

...царствие Божие и дастся языку, творящему плоды, сиречь кроткимъ, смиреннымъ, боящымся и почитающымъ Бога... — Ср. Мф. 5, 2—10.

...почитай кости праведныхъ, ихже Богъ хранитъ, да не сокрушится ни едина от нихъ... — См. Пс. 33, 21.

...едина Илиина милоть разделяетъ Иорданъ... — См. 4 Цар. 2, 8.

...едины Елисеевы кости воскрешаютъ мертвыхъ... — См. 4 Цар. 13, 21.

...единъ Моисейский жезлъ изсушаетъ море... — См. Исх. 14, 21.

...побѣждаетъ Амалика... — См. Исх. 17.

...наказуетъ Египетъ... — См. Исх. 10.

Спаситель нашъ Христосъ не обличаетъ иудеовъ, яко красяху праведныхъ раки, но яко избиваютъ къ нимъ посланныя пророки и Божию сопротивляются слову. — См. Мф. 23, 29—37.

...день Пентикостии... — Т. е. день Троицы, или Пятидесятницы, когда Церковь празднует сошествие Святого Духа на апостолов, в 50-й день от дня св. Пасхи.

И аще убо не подобаетъ почитати мощи святыя... — Вопрос о почитании мощей святых неоднократно возникал в истории христианства. Надо думать, что Макарий, постоянно думающий о современном состоянии Церкви и сохранении истинной веры, полемизируют в данном случае с протестантами, отрицающими почитание мощей.

Стр. 79. *...привезенъ въ Москву, обрѣтается на княжескомъ дворѣ во храмѣ всемилостиваго Спаса...* — Имеется в виду московский храм Спаса Преображения на Бору.

...язва бо, егда разсвирѣпѣетъ, не терпитъ ни пластыря, ни обязания, ни елея... — Ср. Ис. 1, 6.

Стр. 80. *...изсше, яко скудель...* — Пс. 21, 16.

Стр. 80—81. *«Вѣруяй... въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и болша сихъ сотворитъ».* — Ин. 14, 12. Комментарий на полях книги.

Стр. 81. *Вся бо бѣдствия... премудрый и пресвободный.* — См. Быт. 3.

И сего ради смерть праведныхъ именуется успениемъ, упокоениемъ, преселениемъ, возрождениемъ и приятнымъ разлучениемъ от плотскихъ оковъ, еже святому Павлу всегдашнимъ бѣ увеселениемъ. — См. Фил. 1, 18—21.

...у монастыря святаго архаггела Михаила... — Михаило-Архангельский монастырь в Твери находился неподалеку от Отроча монастыря, был упразднен в XVII в.

Стр. 82. *...сотре главу змиеву...* — Пс. 73, 13.

...соборную Спасова Преображения церковь, юже самъ святый созда. — См. коммент. к с. 44.

...погребению предаша месяца септемвриа въ 6 день въ придѣлѣ святаго Александра Невскаго об ону страну боголюбиваго епископа Симеона Тферскаго, прямо жертвенника. — Придел, в котором были погребены епископ Симеон (о нем см. коммент. к с. 96) и князь Михаил Ярославич, во время их погребения был Введенским. Посвящение его неоднократно менялось, Александровским он стал во второй половине XIV в., впоследствии был переосвящен во имя Михаила Тверского; Александровским же стал другой придел, но уже во имя не Александра Невского, а Александра Свирского (см.: Салимов А. М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. С. 46—61). Однако тот собор, в котором были погребены епископ Симеон и князь Михаил, ко времени Макария был полностью утрачен; Макарий же видел возведенный на месте старого собор 1689—1696 гг. с совершенно иной планировкой.

Полезная писания, яже намъ предлагаетъ святая Церковь, подобна суть прекрасному и преизобилному вертограду... и памятники, представляющыя древность. — Макарий рисует картину типичного барочного сада с его идеей изобилия, роскоши, сочетанием растительности, «живых вод» (ручьев, водопадов, фонтанов) и скульптур; сада, служащего познанию мира (подробнее о садах барокко см.: Лихачев Д. С. Поэзия садов. СПб., 1991. С. 74—87), при этом сравнивая книги с садами, что также характерно для эпохи барокко.

Стр. 83. *...не дерзнеши представляти Бога съ долгою брадою... черныя иконы спасаютъ...* — Этот фрагмент представляет собой инвективу в адрес старообрядцев, крестившихся двумя перстами и использовавших в своей духовной и богослужебной практике только дониконовские книги и иконы или списки с них.

...нѣсть иного имене под небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися, кромѣ имене Иисуса... — Деян. 4, 12.

...яко огнь, пожирающий терние грѣховъ, яко млатъ на жестокия сердца... — Ср. Иер. 23, 29. См. также: *...огнь, пожирающий терние грѣховъ...* — Ис. 9, 18; Евр. 12, 29.

...сѣмя, сторичный приносящее плодъ... — Ин. 12, 24.

...по Иакову апостолу, слушатель забытливъ, иже уподобляется мужу, смотрящему лице бытия своего въ зерцалѣ, иже, отшедъ, забы, каковъ бѣ. — См. Иак. 1, 23—25.

...«не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста». — Пс. 1, 1.

Вси уклонишися и неключимы быша, якоже глаголетъ пророкъ. — Ср. Мал. 2, 8.

Стр. 84. *«Кто разлучитъ мя от любве Божия».* — Рим. 8, 35. Комментарий на полях книги.

Домъ мудраго мужа не разрушаютъ вѣтры и буря... — Притчу о благоразумном муже, который строит свой дом на камне, и о безрассудном, строящем свой дом на песке, см. Мф. 7, 24—27; Лк. 6, 47—49.

Благовѣрная великая княгиня Анна... въ соборнѣй Успения пресвятыя Богородицы церквѣ. — Этот фрагмент имеет своим источником Житие Анны Кашинской. Согласно ему, Анна умерла в 1338 г. (через 19 лет после гибели своего мужа). На соборах 1676—1678 гг. эта дата была справедливо оспорена, и Житие княгини в этой части было признано недостоверным. (см. наст. изд. Т. 17. С. 649). Под монастырем «во имя Софии премудрости Божия» подразумевается Свято-Афанасьевский Софийский женский монастырь в Твери, основанный сестрой князя Михаила Софьей, как об этом свидетельствует ее Житие.

...обрѣтены быша мощи ея нетлѣниемъ и чудодѣйствиемъ почтены, якоже и донынѣ въ Кашинѣ градѣ видѣти есть. — Упоминание о нетлении и чудодействии мощей княгини Анны противоречит официальной позиции Церкви. На церковных соборах (1676 и 1677—1678 гг.) нетление мощей было оспорено, а по поводу их чудодейственной силы было высказано сомнение. В народе же культ благоверной княгини Анны сохранялся и после церковного запрещения, что и привело к восстановлению церковного почитания Анны Кашинской в 1909 г.

«Видите знание ваше... сущая упразднитъ». — 1 Кор. 1, 26—28. Комментарий на полях книги не захватывает первую часть цитаты.

Стр. 85. *...со Христомъ сядутъ на дванадесяти престолѣхъ...* — Мф. 19, 28.

...возлягутъ со Авраамомъ въ Царствии... — Мф. 8, 11.

...нѣсть злѣйшаго зла, паче злыя жены, якоже глаголетъ нѣкто... — В русской книжности было распространено большое количество сочинений, обличающих злых жен и прославляющих жен добрых. Среди их авторов были и такие авторитетные, как например Иоанн Златоуст. Однако источником архимандриту Макарию послужил какой-то текст, имя автора которого ему ничего не говорило. Таким сочинением могло быть и «Слово Даниила Заточника», представленное в настоящем издании (см. т. 4, с. 280—283).

...литовская и польская нападения на Россию... — Имеется в виду польская интервенция в Россию в Смутное время.

Стр. 86. *...святителю Феоктисту, архиепископу Тферскому...* — Феоктист был архиепископом Тверским и Кашинским с января 1603 г., когда был хиротонисан из игуменов Болдина монастыря, до 1609 г., когда был убит.

...«истребляется вѣра и надежда, обаче любовь николиже отпадаетъ». — 1 Кор. 13, 8. Комментарий на полях книги.

Молятся аггели у Даниила о помиловании израиля. — В Книге пророка Даниила нет моления ангелов о помиловании израильского народа.

Молятся апокалиптическии старцы и мученицы о спасении Божиихъ рабовъ и истреблении диавольскаго царства. — Ср. От. 5, 8—14; 7, 11—17; 11, 16—17.

Молятся в Маккавейскихъ книгахъ упоминаемии архиерее о свобождении своего народа. — См. 3 Мак. 1, 14. См. также молитву первосвященника 3 Мак. 2, 1—15.

Такожде и мужи нѣкии упоминаются тамо, иже, являющеся, устрашаху враговъ и защищааху вѣрныхъ. — См. 2 Мак. 8, 1—4. Впрочем, молитва мужей иудейских к Господу неоднократно упоминается во Второй и Третьей маккавейских книгах (см., например, 2 Мак. 8, 10, 11 или 3 Мак. 5, 16). Особо следует отметить моление священника Елеазара и старцев (3 Мак. 6, 1—14), в котором есть ссылка (как и у Макария, см. коммент. ниже) и на трех отроков, не сгоревших в печи, и на Даниила, уцелевшего во рву со львами.

Видитъ Елиссей поборствующая по немъ огненныя колесницы и кони. — См. 4 Цар. 6, 8—23.

...якоже Димитрий — Фессалоникии... — Великомученик Димитрий Солунский († ок. 306 г., память 26 октября) исторически считается покровителем г. Фессалоники (Солунь).

...Петръ — Риму... — Имеется в виду апостол Петр, который в католической церкви считается первым Папой Римским. Принявший мученичество в Риме, там казненный и погребенный, он исторически считается покровителем Рима.

Державствующу благочестивому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу... — Первый царь из династии Романовых Михаил Федорович (1596—1645) находился на царском престоле с 27 марта 1613 г. до своей кончины 13 июля 1646 г.

Стр. 87. *...прейде от времянныя жизни ко Господу отецъ его величества святѣйший Филаритъ Никитичь, патриархъ Московский и всея России.* — Патриарх Филарет (в миру — Федор Никитич Романов) скончался 1 октября 1633 г.

Тферский бо архиепископъ Евфимий... — Евфимий был хиротонисан во архиепископа Тверского и Кашинского 26 октября 1628 г. и пребывал в этом сане по 1642 г.

«Не подобаетъ... да свѣтилникъ мира и источникъ чудесть хранится под спудомъ... иже въ храминѣ Церкве православныя обитаютъ» — Ср. Мф. 5, 15; Мк. 4, 21; Лк. 8, 16; Лк. 11, 33.

Стр. 88. *...ископа на единъ лакоть...* — Локоть — мера длины, равная расстоянию от пальцев до локтя или от конца среднего пальца до локтя. При разных способах измерения длина локтя колеблется от 30 до 60 см.

Стр. 89. *...до раздѣления мозговъ же и членовъ...* — Евр. 4, 12. Комментарий на полях книги.

Стр. 90. *...якоже глаголетъ Богословъ: «Возлюбленнии, нынѣ чада Божия есмы, и не су явися, что будемъ. Вѣмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ, ибо узрим его, якоже есть»* — 1 Ин. 3, 2. Комментарий на полях книги.

Стр. 91. *...Оза внезапу паде мертвъ пред Господемъ, яко прикоснуся кивоту завѣта...* — См. 2 Цар. 6, 6—7.

...звѣрие не прикоснушася Даниилу... — См. Главу 6 Книги пророка Даниила. См. также 3 Мак. 6, 6.

...огнь не опали отроковъ... — См. Главу 3 Книги пророка Даниила. См. также 3 Мак. 6, 5.

Обаче языковъ учитель глаголетъ, яко и то нѣкиимъ бываетъ воня смерти въ смерть. — 2 Кор. 2, 16. Комментарий на полях книги.

...и вины не имутъ о грѣсѣ своемъ. — Ин. 15, 22.

«Ядый, — рече, — недостойнѣ судъ себѣ ястъ и пиетъ» — Ср. 1 Кор. 11, 29. Комментарий на полях не очень точен.

...на гору Божию никто да не восходитъ не предочистився, якоже Моисей... — См. Исх. 19, 3 и 19, 10—15.

Стр. 93. *...яко о Велзевулѣ изгонитъ бѣсы, яко прелщаетъ народы, и подобная симъ.* — См. Мф. 12, 23—24.

...въ царство благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича... — Алексей Михайлович (10.03.1629—29.01.1676), второй русский царь из династии Романовых, находился на царском престоле с 14 июля 1645 г. до своей кончины; его сочинения см. в т. 17 наст. изд.

...престолъ патриаршества правящу святѣйшему Никону... — Вошедший в историю как инициатор реформы, приведшей к расколу Русской православной церкви, Никон (в миру — Никита Минин; 7.05.1605—17.08.1681) находился на патриаршем престоле с 25 июля 1652 по 12 декабря 1666 г.

...во Тфери же Лаврентию архиепископу пасящу Христово стадо... — Лаврентий был архиепископом Тверским и Кашинским с 16 апреля 1654 по 26 июля 1657 г.

...примѣромъ предшествова намъ великий Ниневийский градъ... — Город Ниневия был спасен от гнева Господня благодаря посту и покаянию, см. главу 3 Книги пророка Ионы.

Стр. 94. *Камка* — вид шелковой ткани.

...нѣкоему велможѣ, именем Роману Бобарыкину, иже при дворѣ его царскаго величества отправляше должность столника... — Роман Федорович Боборыкин (ок. 1609/10—1682), стольник, воевода, основатель г. Тамбова, в 1681 г. упоминается как окольничий.

Стр. 95. *...Въ лѣто Господне 1682 возведенъ бысть на святителский престолъ въ Тферь преосвященный Сергий...* — Сергий был хиротонисан 5 февраля 1682 г. Он оставался архиепископом Тверским и Кашинским до 1702 г.

...церковь Воздвижения честнаго креста... — Упоминание в источниках церкви Воздвижения честного креста на княжьем дворе относится к первой трети XIV в. Вероятно, поначалу она была деревянной. Строительство каменной Воздвиженской церкви отмечено в летописи под 1384 г. До наших дней не сохранилась.

Совершившуся же зданию оному... — Новый собор был построен в 1689—1696 гг.

...преосвященный епископъ Варлаамъ, бывый въ 18 вѣцѣ... — Имеется в виду Варлаам (Косовский), который был епископом Тверским и Кашинским с 21 января 1714 по 3 марта 1720 г.

...до времени преосвященнаго Митрофана, иже святительствова въ лѣто 1746 от Христа. — Митрофан (Слотвенский) стал епископом Тверским и Кашинским в начале 1739 г., 27 июля 1744 г. был возведен в сан архиепископа, в коем пребывал до своей кончины 7 декабря 1752 г.

Епископ Афанасий — Афанасий (Вольховский) был епископом Тверским и Кашинским с 23 апреля 1758 по 26 мая 1763 г.

...поставиша на брезѣ Волги-рѣки противъ Феодоровскаго училищнаго монастыря... — Монастырь находился на острове в устье р. Тьмаки (не сохранился, сейчас на его месте стоит часовня Михаила Тверского). По указу Петра I он был передан архиерейскому дому под училище для «церковнических» детей. С 1739 по 1775 г. на его территории располагалась духовная семинария.

...императрица Екатерина Алексеевна Вторая, пришедъ из Санкт-Петербурга коронования ради... — Коронация Екатерины II состоялась 22 сентября (3 октября) 1762 г. в Москве, путь государыни из Петербурга в Москву пролегал через Тверь.

Стр. 96. *Отецъ же его благовѣрный великий князь Ярославъ Ярославичь младъ сый скончася, и тридесяти лѣтъ не доживъ.* — Ярослав Ярославич в момент смерти (в 1271 г.) был значительно старше, чем здесь сказано. Хотя год его рождения точно неизвестен, можно предположить, что он родился во второй половине 20-х—начале 30-х гг., так как согласно летописям в 1252 г. у него уже были жена и дети, которые погибли во время татарского набега на Переславль-Залесский.

...Симеонъ, князь Полотский... — Первый тверской епископ (ум. 3 февраля 1289 г.); П. Строев называет его бывшим епископом Полоцким.

...Андрей, князь Литовский... — Второй тверской епископ, хиротонисан в 1289 г. из игуменов Тверского Богородицкого монастыря, в 1315 г. оставил епархию, ум. в 1323 г. в своем монастыре Св. Богородицы на Шоше. Был сыном литовского князя Герденя.

...прочих преосвященных архиереевъ тферскихъ зри оглавления при концѣ сея книги. — Имеется в виду «Бытописание преосвященныхъ архиереевъ тферскихъ», опубликованное под одним переплетом с Житием Михаила Ярославича (см. вступительную заметку к комментарию).

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО, НАПИСАННОЕ Я. А. ТАТИЩЕВЫМ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский (11(?).12.1651—28.10.1709), является первым святым, канонизированным в синодальный период Русской православной церкви. В 1757 году по постановлению Святейшего правительствующего синода мощи Димитрия Ростов-

ского, открытые более чем через 40 лет после его смерти (в 1752 г.), были признаны нетленными, и вслед за этим были установлены праздники святому: 21 сентября (в день обретения мощей) и 28 октября (в день преставления). Причисление Димитрия Ростовского к лику святых стало единственной общерусской канонизацией на протяжении всего XVIII века.

Еще до открытия мощей в Троицком (Зачатьевском) соборе Спасо-Яковлевского монастыря, где погребли святого, был устроен надгробный комплекс. Для дальнейшего развития культа Димитрия Ростовского необходимо было создание Службы святому и его Жития.

С момента обретения мощей святителя Димитрия и до конца XVIII века были написаны четыре Службы, а также две полные и две краткие редакции Жития. Авторы этих текстов в основном были лицами духовного сана. Вонифатий Борецкий (?—1761), архимандрит Ярославского Толгского монастыря, написал две Службы святому; игумен Спасо-Яковлевского монастыря Лука (?—1763) был автором одной из редакций краткого Жития Димитрия Ростовского; Дмитрий Михайлов, священник Кашинского Воскресенского собора, создал акафист митрополиту Димитрию; Арсением Мацеевичем, митрополитом Ростовским и Ярославским (1697—1772), при котором произошло открытие мощей святителя Димитрия, было написано в 1757—1758 годах первое полное Житие святого, а известным церковным деятелем и писателем Амвросием Зертис-Каменским (1708—1771), архиепископом Московским, в 1756 году, еще до канонизации свт. Димитрия, создано Краткое житие, а затем написана и Служба «новоявленному чудотворцу». Отметим, что племянник Амвросия Зертис-Каменского, русский историк, археограф и издатель Н. Н. Бантыш-Каменский, в 1774 году участвовал в издании «Диариуша» — дневника Димитрия Ростовского.

К плеяде авторов, создававших в XVIII веке агиографические и гимнографические тексты, посвященные Димитрию Ростовскому, присоединяются и светские лица. Так, в 1798 году была написана Служба Димитрию Ростовскому с акафистом князем Гавриилом Петровичем Гагариным (1745—1808). К сочинениям духовного содержания, созданным Г. П. Гагариным, кроме Службы святителю Димитрию, относятся также «Акафист святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову» (1798) и «Служба преподобному Феодосию Тотемскому с Житием и чудесами» (1798). Служба святителю Димитрию Ростовскому была дважды издана Московской Синодальной типографией: в 1798 году (на средства самого князя Г. П. Гагарина) и в 1799 году (на средства Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря).

Впервые Житие Димитрия Ростовского было напечатано в качестве приложения к первому Собранию сочинений Димитрия Ростовского, изданному в 1786 году. Синодальной типографией — «Собрание разных поучительных слов и других сочинений святаго Димитриа митрополита Ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенное, с приложением и Жития его». Автором этого Жития был представитель древнего княжеского рода Яков Афанасьевич Татищев. Исследователи долгое время считали, что текст Жития, опубликованный в Собрании сочинений Димитрия Ростовского 1786 года и неоднократно переиздаваемый как отдельно, так и в составе собраний сочинений писателя, принадлежит перу митрополита Арсения Мацеевича. Однако текстологический анализ текста показал, что «печатное» Житие было написано не Арсением Мацеевичем, а инициатором первого издания собрания сочинений Димитрия Ростовского — Яковом Афанасьевичем Татищевым.[1]

[1] Впервые на это обстоятельство обратил внимание при описании архива Святейшего синода А. И. Никольский в 1909 г., отметивший, что в документах Синода нет никак данных о том, что Житие, написанное Арсением Мацеевичем, было рассматриваемо Святейшим синодом и «опробовано им для напечатания». Независимо от публикации А. И. Никольского профессор А. А. Покровский на заседании Ярославской губернской ученой архивной комиссии в 1913 г. прочитал доклад «Новые данные по вопросу о св. Димитрии Ростовском», посвященный первому изданию Собрания сочинений Димитрия Ростовского. В докладе А. А. Покровский на основе архивных материалов показал, что первое издание сочинений Димитрия Ростовского являлось инициативой частного лица — Якова Афанасьевича Татищева; при работе над Собранием сочинений Я. А. Татищев имел в своем распоряжении Житие св. Димитрия, составленное митрополитом Арсением Мацеевичем и не одобренное Синодом, но не представил его для издания, «имея в виду сам

Род Татищевых, как значится в «Бархатной книге» — родословной книге наиболее знатных боярских и дворянских родов России, ведет свое происхождение от князей Соломерских. Татищевы стали играть заметную роль и выдвигаться на государственной службе со второй половины XVI в. и имели в своем роду немало известных государственных и военных деятелей. Наиболее прославленный представитель этого рода знаменитый русский историк Василий Никитич Татищев (1686—1750), приходившийся дальним родственником Я. А. Татищеву и являвшийся младшим современником святителя Димитрия, был и первым исследователем творчества ростовского митрополита, по достоинству оценившим в своей «Истории российской» историко-хронологические расчеты «Келейного летописца» Димитрия Ростовского.

Яков Афанасьевич Татищев, автор Жития Димитрия Ростовского, родился в 1729 году и был единственным сыном Афанасия Даниловича Татнщева (1685—1750), любимого денщика Петра I, затем флигель-адъютанта и генерал-майора, и Анны Степановны Новосильцевой (1710—1766). Среди именитых родственников Я. А. Татищева значится его двоюродная тетка — царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова (1664—1723), жена соправителя Петра I царя Иоанна. Важно отметить, что Прасковья Федоровна состояла в переписке с Димитрием Ростовским, почитала его еще при жизни; вместе с дочерьми она в 1709 году шла к святителю на поклонение, перед самой его смертью (о чем рассказывает Житие), но уже не застала его в живых.

Я. А. Татищев получил домашнее образование, в 1746 году во время правления императрицы Елизаветы Петровны, достигнув шестнадцатилетнего возраста, поступил рейтаром в лейб-гвардии конный полк и, дослужившись до звания ротмистра, в 1761 году был уволен со службы. После ухода со службы он женился на Марии Дмитриевне Еропкиной (?—1813), дочери рижского губернатора Дмитрия Федоровича Еропкина и сестре Петра Дмитриевича Еропкина, московского главнокомандующего во время чумы 1772 года. В браке у них родилась одна дочь — Варвара Яковлевна, в замужестве Белосельская-Белозерская (1764—1792), у которой был сын князь Ипполит, умерший в юности, а также три дочери — Мария Александровна Власова, Наталья Александровна Лаптева и Зинаида Александровна Волконская. (Знаменитая хозяйка литературного салона пушкинской поры была внучкой Я. А. Татищева!)

С 1782 года Я. А. Татищев становится предводителем московского и коломенского дворянства, а с 1792 — серпуховским уездным предводителем.[1]

Яков Афанасьевич Татищев умер в 1806 году в возрасте 78 лет и был похоронен на кладбище Симонова монастыря, которое являлось некрополем многих знатных русских родов. В 1815 году

составить Житие св. Димитрия». К началу печатания Собрания сочинений (к 28 февраля 1784 г.) новое Житие еще не было написано, но вскоре (в том же 1784 г.) Я. А. Татищев «подал заявление о дополнительном томе, собранном им», для которого он подготовил текст своего Жития Димитрия Ростовского, в итоге житие вошло в первый том. Один из редакторов Собрания сочинений святителя Димитрия, архимандрит Симонова монастыря Павел Пономарев, дал отзыв на подготовленное издание, в том числе и на Житие, написанное Я. А. Татищевым. Но отзыв архимандрита Павла не был принят во внимание. И это ввело в заблуждение некоторых позднейших исследователей, считавших автором Жития Арсения Мацеевича.

[1] До своего предводительства Я. А. Татищев был помещиком в Липецком уезде. Известно, что в 1769 г. Я. А. Татищев купил в Липецком уезде село-усадьбу Знаменское (ныне село Вешаловка Липецкого района), которую продал в 1804 г., а также имел усадьбу в Новоржевском районе Псковской области. В принадлежащих ему владениях он занимался строительством. Наиболее ярким актом его строительной деятельности стала постройка знаменитой церкви в честь Божьей Матери «Знамение» в селе Вешаловка. Проект церкви датируется 1768 г., а освящена она была лишь 30 сентября 1794 г. Знаменская церковь и сегодня является одним из выдающнхся памятников псевдоготического стиля русской архитектуры XVIII в., построенным велнким русским архитектором В. И. Баженовым (1738—1799). См.: Клоков А. Ю., Найденов А. А., Селезнев Н. П. Усадьба в селе Вешаловка Липецкого района // Усадьбы Липецкого края. Липецк, 2015. С. 283—289.

на могиле своего деда его старшая внучка Мария Александровна Власова поставила памятник из белого дикого сибирского мрамора с мраморной вазой и покрывалом, который был разрушен вместе со всем некрополем Симонова монастыря в 1928 году.

Итак, Я. А. Татищев был инициатором первого издания Собрания сочинений Димитрия Ростовского. Первое прошение Я. А. Татищева в Святейший синод с просьбой рассмотреть и разрешить напечатать на собственные средства имеющиеся у него тексты Димитрия Ростовского датируется 11 июля 1782 года. Вместе с прошением в Синод были присланы четыре книги с копиями текстов Димитрия Ростовского. В 1784 году, после цензурной правки, издание начали печатать; в 1785 году Я. А. Татищев прислал в Синод еще один том сочинений писателя, в который он включил и текст составленного им Жития. В результате на средства Татищева в 1786 году было издано шеститомное Собрание сочинений Димитрия Ростовского.

Остается загадкой, что подвигло Я. А. Татищева на издание сочинений святого Димитрия Ростовского и написание Жития. Интерес к творческому наследию святителя? Интерес к истории?[1] Семейные предания?[2] Следует сказать, что несмотря на все недостатки первое издание сочинений Димитрия Ростовского стало основой для всех последующих переизданий собраний трудов святителя вплоть до начала XX века.

Текст Жития, составленного Татищевым, имеет не только богатую печатную, но и рукописную традицию. Автор Жития использовал многочисленные источники, которые он перечислил в предисловии: Житие, составленное Арсением Мацеевичем (хотя имени автора этого Жития он, ве-

[1] Интерес к истории и прошлому своего рода характерен для Я. А. Татищева. Известно, что в 1786 г. он обращался в Геральдическую контору за генеалогическими справками, а в 1787 г. первый, как старший к тому времени в роде, подписал «объявление о 11 однородцев в Московское дворянское депутатское собрание о внесении, на основании Жалованной дворянству грамоты, рода Татищевых в Родословную книгу».

[2] Кроме писем и рассказов о царице Прасковье Федоровне, известно одно чудо, которое произошло от мощей святого Димитрия Ростовского и было связано с именем родного дяди Я. А. Татищева, брата его отца — Алексея Даниловича Татищева, в молодости, как и его отец, денщика Петра I, дослужившегося до генерал-аншефа, действительного камергера и сенатора. Чудо широко известно в рукописной традиции, сохранилось среди записей чудес «от ножной болезни» под 1758 г. в тетрадях, которые велись при мощах «новоявленного чудотворца Димитрия митрополита». Вот его текст: «Его высокопревосходительства генерала-аншефа полициймейстера, дѣйствительнаго камеръгера и кавалера Алексѣя Даниловича Татищева сын Михаил находился болен обѣими ногами чрез три мѣсяца, за которою болѣзнию не ходил и не мог на оные приступать. И в той ево имѣющейся болѣзни всегда на руках носили. Бывшу же ему в той болѣзни, показанной отец его генерал Алексѣй Данилович Татищев положил обѣщание ѣхать в Ростовский Яковлевский монастырь на поклонение мощам святителя Димитрия, новоявленнаго чудотворца, по каковому обѣщанию сего 1758 году февраля 4 дня в Ростов и приѣзжал, и онаго сына своего Михаила с собою купно привозил. Но как по приѣздѣ их на другой день показанный Михаил внесен был служителями в церковь ко отправляемой литоргии и оную выслушав и по наряду их у гроба отпѣваемой святому чудотворцу Димитрию молебен, то он встал и прикладывался к мощам святителя Димитрия. И, приложившись, пошел из церкви сам о себѣ, только что за слабостию его, от той болѣзни ему бывшей, мало под руки держали. И с того времени стал не имѣть припадку, и час от часу начал в себѣ совершенное от тоя болѣзни чувствовать облехчение, и в ногах своих возъимѣл первобытное здравие» (*РГИА*, ф. 796, оп. 33, № 222, л. 395—396). Следует заметить, что у Алексея Даниловича Татищева не было сына, именуемого Михаилом, у него был единственный сын, Петр Алексеевич Татищев, известный в будущем масон. Сын же Михаил был у Сергея Даниловича Татищева, родного брата Афанасия и Алексея Татищевых, который имел земли в Ростовском уезде. Михаил Сергеевич Татищев действительно был слаб здоровьем и из-за болезни довольно рано был уволен со службы.

роятно, не знал), «Дневныя записки Святаго Димитрия Митрополита Ростовского, с собственноручно писанной им книги, к Киевопечерской книгохранительницѣ принадлежащей, списанныя» и «Епистоляр», книгу писем и биографических заметок, в издании 1774 года, «Исторический словарь о российских писателях» Николая Новикова (СПб., 1772), издание «Розыска о раскольнической брынской вере» (М., 1745) и, конечно, проповеди из собрания сочинений святителя Димитрия. Я. А. Татищев рисует в Житии более полную по сравнению с предыдущими авторами картину жизни святого, он не слепо следует за предшественниками, а исправляет их ошибки, снимает некоторые шероховатости и более логично выстраивает текст. Так, например, на основе «Диариуша» свт. Димитрия Татищев уточняет, что местом рождения святого был не Киев, а Макаров — населенный пункт, находящийся в 40 верстах от Киева.

Безусловно, автор стремится соблюдать агиографический канон, но насыщенное биографическими данными сочинение существенно отличается от древнерусского Жития: в Житии Димитрия Ростовского содержится не только описание жизни святого, добродетельной и богоугодной, но и биография известного и признанного церковного деятеля, писателя и проповедника, т. е. перед нами уже не столько средневековое житие, сколько агиографический памятник Нового времени, близкий к новому жанру — жанру биографии. Дальнейшая литературная история Жития Димитрия Ростовского пошла по пути еще большего «биографизма»: в конце XIX—начале XX века стали появляться как в печатной, так и рукописной традиции тексты Жития святого Димитрия, составленные на основе уже существующего синодального Жития, но с добавлениями по другим источникам. Среди них, прежде всего, можно выделить «Жизнь святаго чудотворца Димитрия, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго» — Житие, написанное Дмитрием Приклонским (РГБ, ф. 173.II (собр. Московской Духовной Академии), № 195, л. 1—33); сочинение протоиерея Иоанна Троицкого, профессора Демидовского юридического лицея и преподавателя Ярославской духовной семинарии, вошедшее в издание «Летописца о ростовских архиереях» (СПб., 1890. С. 23—36); «Краткое сказание о жизни, трудах и творениях святителя Димитрия, митрополита Ростовского и чудотворца» иеромонаха Пимена, в миру Дмитрия Дмитриевича Благово, будущего настоятеля Николо-Угрешского монастыря (Ярославль, 1884); «Воспоминание о жизни и трудах святителя Димитрия митрополита, ростовского чудотворца» протоиерея Николая Тихвинского (Ростов-Ярославский, 1902); «Жизнеописание святителя Димитрия Ростовского», составленное известным духовным писателем Евгением Поселянином (Погожевым) (СПб., 1905); «Житие святого Димитрия, митрополита Ростовского», сочиненное архиепископом черниговским Филаретом (СПб., 1910); «Житие святителя Димитрия Ростовского», написанное Андреем Муравьевым (последнее издание текста: М., 2005); Житие св. Димитрия Ростовского, составленное А. А. Титовым (Ростов-Ярославский, 1902), и др. Все они, помимо уже известных фактов о жизни, трудах и подвигах святого, дополняются новыми фактами его биографии, взятыми из писем и посланий ростовского митрополита, сведениями из малороссийской и российской истории, анализом его сочинений.

Текст Жития святого Димитрия Ростовского публикуется по изданию: Собрание разных поучительных слов и других сочинений святаго Димитриа митрополита Ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенное, с приложением и Жития его. М., 1786. Ч. 1. Л. 1—25 об.

Стр. 97. *...из дневных собственноручных сего святителя записок, которыя напечатаны в Древней Российской вивлиофике...* — Святитель Димитрий Ростовский начал писать «Дневные записки», или «Диариуш» (duarquo — лат., ежедневный; duaruusz — польск., дневник, семейная хроника), еще на Украине, а продолжил уже будучи ростовским митрополитом. Существует две редакции «Диариуша». Первая редакция сохранилась в единственном списке в составе подготовительных черновых материалов к «Келейному летописцу» в рукописи-автографе кон. XVII в.: *ЦНБ АН* Украины, собр. Киево-Печерской лавры, № 345 (162), л. 126—130 об. Вторая редакция «Диариуша» впервые была издана в «Древней Российской вивлиофике» (СПб., 1774. Ч. 6. С. 315—408) по списку, который не сохранился, издание выдержало несколько переизданий. Наиболее близкий к авторскому оригиналу список второй редакции под названием «Диариуш грѣшнаго иеромонаха Димитрия, постриженца Кирилловскаго Киевского», который написан на русском, польском и латинском языках, сохранился в рукописи *РНБ*, Q.IV.186 (3-я четв. XVIII в.).

...от книги Епистоляра, при тех же записках напечатаннаго... — Авторское название памятника «Епистолар архиерея Ростовского Димитриа, купно и памятник прилучающихся знатнейших деяний, начат писатися в лето Христово 1707, декавриа месяца», текст сохранился в рукописи *ГИМ*, Синодальное собр., № 81, л. 1—13, опубликован в «Древней Российской вивлиофике». Первая запись в рукописи относится к 4 декабря 1707 г., последняя — к 11 сентября 1709 г. Состав «Епистоляра», помимо дневниковых записей, схожих по форме с записями «Диариуша», — письма и послания Димитрия Ростовского. Письма в рукописи написаны писцами, вероятно, под диктовку митрополита, однако даты и обращения к адресатам во многих письмах написаны его рукой.

...от предисловий, положенных при Четиих Минеях... — «Книга житий святых», или Четьи Минеи Димитрия Ростовского, вышла первым изданием в Киеве в 1689—1705 гг. в четырех книгах. Это издание имело в первой книге «Предисловие к читателю благочестивому» Варлаама Ясинского, во второй книге — «Предисловие» Димитрия Ростовского (в котором он отмечает некоторые неточности первого издания), письмо, или грамота-благословение патриарха Адриана от 3 октября 1690 г. Димитрию Ростовскому на продолжение работы над Четьими Минеями, «Извещение о исправлении книжном» Варлаама Ясинского. Третья и четвертая книги специальных предисловий не имели, кроме небольших добавочных статей. В состав первых трех книг входил также список использованных Димитрием Ростовским источников «Учители, списатели, историки, повествователи, от нихъже книга та составися, сии суть». Трудно сказать, каким изданием Четьих Миней пользовался автор Жития: после первого издания и до момента создания текста Жития вышло несколько переизданий, так, первое синодальное издание Четьих Миней увидело свет в 1759 г., до 1784, даты написания Жития, оно выдержало еще четыре переиздания: 1762, 1764, 1767, 1782 — все они имели разные предисловия.

...от книги «Розыска»... — Полное название книги: «Розыск о раскольнической брынской вере, об учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны». Книга состоит из трех частей (Розыск о раскольнической вере, Розыск о раскольническом учении и Розыск о раскольнических делах), вступлением к ней служит «Поучение о четвероконечном кресте», сказанное Димитрием Ростовским 23 ноября 1708 г. Работа над книгой была завершена в 1709 г. Первое издание книги: М., 1745; последнее известное издание: Киев, 1903. Глава «Розыска» «Рассуждение об образе и подобии Божии в человецех» (ч. II, гл. 18) по приказу Петра I была издана дважды в 1714 и 1717 гг. Это последнее крупное сочинение Димитрия Ростовского. Источники «Розыска» многочисленны, в том числе русская полемическая литература XVII в., переводные тексты, западные сочинения. Автор Жития мог также использовать издания 1755, 1762 и 1783 гг.

...Историческаго о российских писателях словаря... — Имеется в виду книга: Опыт исторического словаря о российских писателях / Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

...от Духовной его грамматы... — Сохранился автограф Духовной грамоты (Духовной) митрополита — *РГАДА*, ф. 18 (Духовное ведомство МГАМИД), № 9. Текст датируется 4 апреля 1707 г. Духовное завещание Димитрия Ростовского впервые опубликовано: Собрание разных поучительных слов и других сочинений святаго Димитриа митрополита Ростовскаго чудотворца на шесть частей разделенное, с приложением и Жития его. М., 1786. Т. 1. Л. 26 об.—27 об. (далее используется сокращение — Собрание разных поучительных слов...).

...от двух поучений, писанных им к священникам паствы его... — Речь идет о двух посланиях митрополита иереям. Первое — «Послание ко иереем» (нач.: «Доносится слуху нашему о нѣкоих между вами попах неискусных и злонравных...»), второе — «Послание к иереям о приготовлении иереев к божественному причащению» (нач.: «Должность моя и божественное писание повелѣвает ми не молчати, но и молением и прещением увѣщавати вас, о братие!»). Оба текста написаны не позднее 1704 г. и сохранились в келейном сборнике Димитрия Ростовского, являющемся частично автографом автора: *ГИМ*, Синодальное собр., № 147, л. 329—338, 340—344. Тексты впервые изданы: Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 54—59, 75 об.—86.

...от письменнаго его же Жития... — В 1757—1758 гг. Житие Димитрия Ростовского было составлено митрополитом Арсением Мацеевичем (1697—28.02.1772), который самым непосредственным образом был причастен к открытию мощей святителя. Из истории текста известно, что 25 июня 1758 г. Арсений Мацеевич представил Житие Димитрия Ростовского на рассмотрение Синода. Вероятно, именно этот присланный митрополитом текст (с автографом Арсения Мацеевича) хранится в деле об открытии и освидетельствовании мощей Димитрия Ростовского: *РГИА*, ф. 796, оп. 33, № 222, л. 342—352. Этой редакцией Жития, распространенной в списках, пользовался автор данного текста.

...по Имянному... императрицы Елисаветы Петровны указу... — Императрица Елизавета Петровна (18.12.1709—25.12.1762), дочь Петра I и Екатерины I, принимала участие в деле канонизации Димитрия Ростовского. В апреле 1757 г. Святейший Синод постановил и отправил Арсению Мацеевичу указ № 788, согласно которому с повеления императрицы Елизаветы и Синода мощи Димитрия Ростовского были признаны нетленными, и Димитрий Ростовский стал первым святым синодального периода Русской православной церкви. Тогда же были установлены праздники святому: 21 сентября — в день обретения мощей, 28 октября — в день преставления.

...достоверных записках... — Речь идет о «Диариуше» Димитрия Ростовского, см. коммент. к с. 97.

Макаров — небольшой город в Киевской губернии (ныне поселок городского типа), основан в 1550 г., расположен на реке Здвиж, впадающей в Днепр. В память о том, что в этом городе родился святитель Димитрий Ростовский, на площади возле вокзала в 2007 г. воздвигнута Свято-Димитриевская церковь и памятник святому Димитрию Ростовскому.

...отстоит за пятьдесят поприщь... — Расстояние от Киева до Макарова 56 км.

...отца именем Саввы, иже в воинствѣ малороссийском бысть чином сотник... — Савва Григорьевич Туптало (1599(?)—06.01.1703) — отец Димитрия Ростовского. Традиционно принято считать, что фамилия святого Димитрия Ростовского — Туптало, но это лишь казацкое прозвище его отца, сам же святитель Димитрий всегда подписывался как Савич. Савва Григорьевич прожил 103 года, как об этом свидетельствовал сам Димитрий, служил в Запорожском войске при гетманах Богдане Хмельницком, Петре Дорошенко, Иване Самойловиче, был сотником Макаровской сотни Киевского полка, а с 1660 г. числился киевским сотником, переехав в Киев, где он поселился в самом центре Подола, между Флоровским монастырем и церковью Николая Притиска, в доме, принадлежавшем ранее армянину Солтановскому. Документально известно, что Савва Туптало был ктитором Киевского Троицкого Кирилловского монастыря. Сохранился портрет Саввы Григорьевича, известен его родовой герб — треугольник на красном фоне.

...матере же Марии. — Мать Димитрия Ростовского — Мария Михайловна (?—1689). Святитель Димитрий посвятил в «Диариуше» своей матери надгробное слово: «Того ж 1689, март[а] 29 дня, в святый Великий пяток спасительныя страсти матка моя Мария Михайловна, законная супруга отца моего Савы Григориевича, преставися в девятий час дне, власне в тую пору, когда Спаситель наш, на крестѣ страждущи за спасение наше, духа своего Богу Отцу в руцѣ отдал. Мѣла лѣт от нараженья своего больш седмидесяти. Да помянет ю Господь в Царствии своем Небесном. Кончилася з доброю диспозициею, и памятию, и мовою. О бы и мене таковой блаженной кончины Господь удостоил ея молитвами. Праве христианская ея была кончина (бо зо всѣми обрядками христианскими и с приналежитыми сакраментами), безстрастна, непостыдна, мирна. Еще да сподобит ю Господь доброго отвѣта на Страшном своем Судѣ, якож и не вонтплю о Божой ласце, а о ея спасении, знаючи по ея статечном, цнатливом и побожном житии. А и то за добрый спасения ея знак маю, же того дня и той годины, коли Христос Господь разбойнику во время волныя своея смерти рай отверзл, тогды и ея душѣ от тѣла разлучитися повелѣл».

При рождении наречено имя ему Даниил, вскорѣ потом и святым крещением просвѣщен. — Димитрий Ростовский нигде не назвал точной даты своего рождения и не указал, в честь какого именно св. Даниила он был наречен. Одни исследователи полагают, что он родился 11 декабря и при крещении был назван Даниилом в честь преподобного Даниила Столпника, другие утверждают, что если он и родился 11 декабря, то крещен был 17 декабря, и его небесным покровителем в мирской жизни был пророк Даниил.

...аки лѣствицею от силы в силу грядущи. — Сравнение с «Лествицей» Иоанна Лествичника. Степени «Лествицы» — это прехождение «из силы в силу» на пути стремления человека к совершенству.

...во градѣ Киевѣ в училищный Богоявленский монастырь... — Киево-Братский Богоявленский монастырь был основан в XVI в. В 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан учредил в монастыре братство и основал братское училище, которое с 1634 г. при управлении Киевской митрополией Петром Могилой (1632—1647) было преобразовано в коллегиум, впоследствии ставший Киево-Могилянской академией.

...ради обучения иностранным языкам и другим свободным тамо преподаваемым наукам. — Курс обучения в Киево-Могилянской коллегии ученики проходили за шесть лет: три года учились в грамматических классах (при Петре Могиле основными языками были латинский и польский), два в гуманитарных (изучали поэтику и риторику) и один год отводился на обучение философии.

Стр. 97—98. *По опредѣлении в сие училище отрок Даниил... не многим же лѣтам минувшым, явися довольно искусен в стихотворствѣ и витийствѣ и знающ добрѣ все тое, чему учимь бысть.* — В 1662 г. Димитрий поступил в Киево-Могилянскую коллегию, ректором которой в то время был Иоанникий Галятовский (1620—02.01.1688). Точных документальных данных, сколько лет святитель Димитрий проучился в коллегии, мы не имеем. С одной стороны, есть свидетельства того, что училище было разорено и обучение в нем прекратилось в 1665 г. во время нашествия на Киев гетмана Дорошенко, с другой — имеются записи, что занятия в нем в 1666 г. возобновились. В любом случае, Димитрий смог закончить три первых класса обучения в полном объеме, а также те классы, которые на тот момент могли существовать в коллегии.

Стр. 98. *...в монастырѣ Троицком Кириловском, иже есть в том же градѣ Киевѣ...* — Киевский Троицкий Кирилловский монастырь расположен в трех верстах на северо-запад от Киева. Основание монастыря относится к 1139 г. и связано с именем черниговского князя Всеволода Ольговича, который построил главную церковь монастыря с престолом в честь святителей Афанасия и Кирилла Александрийских. Собор должен был служить усыпальницей черниговских князей Ольговичей. Во время монголо-татарского нашествия монастырь был разорен, вновь возрожден в кон. XVI—нач. XVII в. князем К. К. Острожским, главным престолом стал престол в честь Святой Троицы, потому монастырь стал называться Троице-Кирилловым. Монастырь особо почитался семьей Димитрия Ростовского. С января по июнь 1697 г. Димитрий Ростовский игуменствовал в Кирилловском монастыре, его отец, Савва Григорьевич, был ктитором монастыря, сестра Параскева в 1710 г. отписала монастырю «дом свой отечный близ Притиско Николая стоячий», позднее родители и сестры Димитрия Ростовского были погребены в северной части нартекса Кирилловского храма.

...игуменом Мелетием... — Имеется в виду Мелетий Дзик (?—07.02.1682) — один из наставников Димитрия Ростовского, искусный проповедник, архимандрит Киевского братского монастыря и ректор Киево-Могилянского коллегиума (1662—1665), архимандрит Киевского Троице-Кирилловского монастыря (1666—1676), игумен Киевского Михайловского Златоверхого монастыря (1676—1682). Точная дата смерти Мелетия Дзика известна по запискам Димитрия Ростовского: «Anno 1682. Febr[uaria] 7. Во второк по утрени на преподобного отца Парфения преставися блаженные памяти отец Мелетий Дзик, игумен михайловский киевский. Вѣчная ему память». Мелетий Дзик, по указанию в «Диариуше», был похоронен в Киевском Михайловском Златоверхом монастыре. Возможно, именно он повлиял на решение юного Даниила принять монашество.

...на память святаго священномученика Панкратиа... — Панкратий Тавроменийский (I век) — священномученик, родился еще при жизни Иисуса Христа на земле, ученик апостола Петра, рукоположен апостолами Петром и Павлом в епископа Тавроменийского. Согласно его Житию, «усердно трудился над христианским просвещением народа», был побит камнями, принял мученическую смерть. Память 9 февраля и 9 июля.

...преименован Димитрием... — Имеется в виду Димитрий Солунский (270—306) — христианский святой, великомученик, покровитель г. Фессалоники, пострадал за веру от рук императора Максимиана Галерия. По его благословению, христианин Нестор победил императорского

любимца бойца Лия, после чего Нестор, а вслед за ним и Димитрий были казнены, мощи святого с древности почитались как мироточивые. Память 8 ноября.

Антоний и Феодосий Печерские — Антоний Печерский (983—1073) — преподобный, основатель Киево-Печерского монастыря. *Феодосий Печерский* (ок. 1008—1074) — преподобный, один из основателей Киево-Печерского монастыря, постриженик Антония Печерского, считается родоначальником монашества на Руси, по его инициативе был принят первый общежительный устав Печерского монастыря, составленный на основе Студийского общежительного устава; житие Феодосия Печерского написано в 80-е гг. XI в. Нестором, монахом этой же обители.

...прочим печерским чудотворцам. — Имеются в виду святые отцы Киево-Печерской лавры, почитаемые Собором преподобных киево-печерских отцов. Праздник был установлен в 1670 г., Собор преподобных отцов Ближних пещер (преподобного Антония) отмечается 28 сентября, ранее отмечался в 1-ю субботу по отдании праздника Воздвижения Креста Господня; Собор Дальних пещер (преподобного Феодосия Печерского) празднуется 28 августа. В составе собора почитаются преподобные, священномученики, преподобномученики, мученики, святители — всего 84 человека.

Благовещение пресвятой Богородицы — двунадесятый праздник, события которого описаны евангелистом Лукой (Лк. 1, 28—33), согласно которым в шестой месяц после зачатия праведной Елизаветой Иоанна Предтечи архангел Гавриил был послан Богом в Назарет к Деве Марии с вестью о грядущем рождении от нее Спасителя Мира. Праздник отмечается 25 марта.

Иосиф Нелюбович-Тукальский (?—16.07.1675) — наместник Виленского Свято-Духова монастыря (1649—1657), архимандрит Лещинского монастыря (с 1658 г.), собором православного духовенства избран Киевским митрополитом, но в 1664 г. по доносу был оклеветан и заключен в Мариенбургскую тюрьму, освобожден в 1667 г. Иосиф Тукальский 1 марта 1669 г., незадолго до посвящения Димитрия Ростовского, по ходатайству Петра Дорошенко был избран митрополитом Киевским и утвержден в этой должности Константинопольским патриархом Мефодием. Вместе с Петром Дорошенко стремился заключить договор с Турцией, чтобы получить политическую и религиозную вольность, но этому помешало Андрусовское перемирие 1667 г. между Россией и Польшей. Иосиф Тукальский, не будучи признанным ни киевским духовенством, ни правобережными казаками, так и не явился в Киев на митрополичью кафедру. После смерти Иосифа Тукальского новый митрополит не был избран, местоблюстителем Киевской кафедры до 1685 г. был вновь приглашен Лазарь Баранович. Иосиф Тукальский и игумен Мелетий Дзик, покровитель Димитрия Ростовского, принадлежали к той части украинского духовенства, которая отстаивала самостоятельность украинской Церкви и выступала за юрисдикцию патриарха Константинопольского. При этом Иосиф Тукальский занимал активную антиуниатскую позицию.

...и пребысть в той Киево-Кириловской обители довольное время... — В Киево-Кирилловском монастыре Димитрий Ростовский прожил семь лет.

Стр. 99. *Лазарь Баранович* (1616/1620 (?)—03.09.1693) — ректор и игумен Киевского Братского монастыря (1650—1651), игумен Киевского Кирилловского монастыря (1652—1653), Елецкого монастыря (1653—1657), архиепископ Черниговский (1657—1692), местоблюститель Киевской митрополии (1657, 1659—1661, 1669—1676). Крупнейший церковный и литературный деятель. Оставил после себя богатое литературное наследие — сборники проповедей, панегирики, стихи, трактаты, письма. Основал типографию сначала в Новгороде-Северском, затем в Чернигове. По своим политическим взглядам старался, с одной стороны, содействовать примирению между Москвой и Малороссией, признавая могущество Москвы, с другой — усердно отстаивал привилегии Украины.

Пресвитер — вторая ступень священнического служения после диакона и перед епископом.

...в монастырѣ Густинском... — Густынский Свято-Троицкий монастырь основан в 1600 г. иеросхимонахом Иоасафом, пришедшим в Киево-Печерскую лавру с Афона. Большой вклад в развитие монастыря внес Исайя Копинский, впоследствии Киевский митрополит. В числе других монастырей Густынский Свято-Троицкий монастырь был на стороне народных восстаний на территории Левобережной Украины, в связи с чем имел поддержку со стороны Богдана Хмельниц-

кого, гетманов Ивана Мазепы и Ивана Самойловича, последний был ктитором монастыря, на его средства в 1674 г. построен каменный храм Святой Троицы, в котором был рукоположен святитель Димитрий.

...на праздник Сошествия Святаго Духа. — Праздник Святой Троицы, называемый еще Пятидесятницей, посвящен сошествию Святого Духа на апостолов в пятидесятый день после Воскресения Христова.

...к посѣянию в сердца человѣческия Божия слова... — Ср. Лк. 8, 11.

...благослови его быти проповѣдником... — Должность проповедника на Украине утвердилась в связи с развитием братских школ и училищ, почти все духовные деятели Украины начинали свою карьеру с этой должности.

Чернигов — город на севере Украины, впервые упоминается в «Повести временных лет» под 907 г., когда киевский князь Олег после похода на Византию обязал греков платить дань русским городам. После восстания Богдана Хмельницкого в 1654 г. Чернигов вместе со всеми землями Войска Запорожского вошел в состав Российского государства.

...в соборной черниговской церкви... — Имеется в виду Спасо-Преображенский собор — главный собор всего Чернигово-Северского княжества, который был заложен князем Мстиславом Владимировичем около 1030—1033 гг., но достроен лишь в середине XI в.

...и в других тоя епархии храмѣх... — Согласно «Диариушу», Димитрий Ростовский служил проповедником с 6 мая 1675 по 31 июня 1677 г.

...солию премудрости разтворено... — См. Кол. 4, 6.

...в княжествѣ Литовском... — Великое княжество Литовское — государство на территории современной Белоруссии, частично Литвы, Польши, России и Украины. Существовало с сер. XIII в.: около 1240 г. в княжестве официально был избран первый князь Миндовг, с 1385 г. Великое княжество Литовское находилось в личной унии с Польским королевством, с 1569 г. — в сеймовой Люблинской унии в составе Речи Посполитой, в 1795 г. вошло в состав Российской империи.

Вильна (Вильно) — город, расположенный на юго-востоке Литвы при впадении реки Вильни в реку Вилию. В письменных источниках впервые упоминается с первой четверти XIV в., хотя, вероятно, существовал уже в XIII в. В 1323 г. при литовском князе Гедимине впервые назван столицей Великого княжества Литовского. В период пребывания там Димитрия Ростовского город входил в состав государства Речи Посполитой.

...в монастырѣ Сошествия Святаго Духа... — Основание Свято-Духова монастыря относится к рубежу XVI—XVII вв. После заключения Брестской Унии братия Виленского Свято-Троицкого монастыря переходит и постепенно обосновывается в новом монастыре при Свято-Духовом храме, построенном в 1597 г. Первым настоятелем монастыря был Леонтий Карпович (1580—1620). Во время пребывания в монастыре Димитрия Ростовского он подчинялся Константинопольскому патриарху, под юрисдикцию Московского патриархата монастырь перешел в 1686 г.

...сказывал два поучительныя слова. — Димитрий Ростовский приехал в Вильно по приглашению настоятеля Свято-Духова монастыря Климента Тризны (?—1685). Проповеди, произнесенные святителем в монастыре, не сохранились.

Таже, егда по прошению духовенства братства Слуцкаго из Вильни преселися в Слуцк... — Святитель Димитрий приехал в Слуцк по приглашению Феодосия Василевича (Баевского), православного епископа Слуцкого (?—11.03.1678), и братии Слуцкого Преображенского монастыря. *Слуцк* — город в Белоруссии, в 105 км к югу от Минска. Первые упоминания относятся к нач. XI в. Город входил в состав Великого княжества Литовского.

...Братском Преображенском монастырѣ... — Имеется в виду Слуцкий православный Преображенский монастырь, основанный в 1611 г. православным братством при Спасской церкви на берегу реки Случи. Возможно, заказчиком и автором проекта монастыря был Богуслав Радзивилл (03.05.1620—31.12.1669). Монастырь сгорел в конце XVIII в.

...благочестиваго гражданина Иоанна, по именованию Скочкевича... — Об Иоанне Скочкевиче известно только из «Диариуша» Димитрия Ростовского, он также был ктитором Слуц-

кого Преображенского монастыря, дата смерти Иоанна Скочкевича отмечена в «Диариуше» — 29 ноября 1678 г.

Батурин — город, расположенный на левом берегу реки Сейм, основан в 1575 г. польским королем Стефаном Баторием, давшим имя городу. С 1669 г. Батурин по приказу царя Алексея Михайловича стал официальной гетманской резиденцией на Левобережной части Украины. При гетманстве Ивана Мазепы (1687—1708) город процветал — увеличилось население, были построены новые церкви, но после измены гетмана во время Северной войны Батурин 2 ноября 1708 г. был захвачен войсками под предводительством А. Д. Меншикова и разорен. Решение Димитрия вернуться в Левобережную часть Украины, вероятно, не было случайным: к этому времени ситуация в Правобережье была очень неспокойной, к тому же Димитрий имел дружеское расположение к гетману Ивану Самойловичу (по некоторым сведениям, Димитрий Ростовский был учителем его детей).

...в монастырѣ святителя Николаа, именуемом Крупицком... — Свято-Николаевский Крупицкий Батуринский монастырь был основан в период Киевской Руси на правом берегу реки Сейм рядом с селом Осич недалеко от Батурина, разрушен в XIII в., восстановлен в XVII в. Название «Крупицкий» монастырь получил, потому что монахи обители выстояли во время осады татаро-монголов благодаря тому, что Господь посылал им с неба крупу (манну небесную) в эти тяжелые времена. Предание гласит, что это чудо было записано Димитрием Ростовским на листах напрестольного Евангелия. Среди ктиторов монастыря были Богдан Хмельницкий и гетман Иван Мазепа. Позднее Димитрий Ростовский дважды был игуменом монастыря (1682—1683; 1686—1692).

...разныя обители... неотступными прошениями к себѣ его призываху. — Согласно «Диариушу», первая просьба поступиала в феврале 1680 г. от Киевского Кирилловского монастыря, но Димитрий отказался от игуменства, причины отказа неизвестны.

...во обитель Преображения Господня, нарицаемую Максаковскую... — Максаковский Преображенский монастырь был основан на левом берегу реки Десны недалеко от города Борзны в XVI в. (точная дата основания неизвестна). Спасо-Преображенский собор, заложенный в 1642 г., был одним из первых уникальных каменных соборов на Украине периода Гетманщины.

...пророка Моисея Боговидца... — Моисей — великий пророк, на горе Синай принял от Бога 10 заповедей, почему и именуется Боговидец. См. Исх. 2; Втор. 34, 12.

Стр. 100. *Фавор* — отдельно стоящая гора в Нижней Галилее, место Преображения Господня.

...иже сказа пути своя Моисеови — Пс. 102, 7.

Дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырства собылося! — Знаменитое благословение Димитрия Ростовского Лазарем Барановичем и момент вступления на игуменство в Максаковской обители подробно описаны в одной из редакций «Диариуша» святителя Димитрия, откуда и заимствован в Житие весь эпизод. Приняв игуменство после Иеремии Ширкевича (?—10.08.1681), Димитрий был настоятелем обители недолго, всего 5 месяцев (с 4 сентября 1681 по 1 марта 1682 г.).

...и вся яже на общую обители пользу строя... — Во время игуменства Димитрия Ростовского деревянно-земляные укрепления Максаковского Преображенского монастыря были заменены кирпичной стеной и был создан новый оборонный комплекс обители.

Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга... — Мф. 23, 11.

Евдокия (?—160—170-е гг.) — святая, преподобномученица. Будучи блудницей, собрала огромное состояние, затем была обращена в христианство монахом Германом, приняла постриг в монастыре, отдав все свои деньги, впоследствии стала настоятельницей монастыря за добродетельное житие и аскетизм. Согласно Житию, приняла мученическую смерть через усечение мечом. Память святой — 1 марта.

Посем в лѣто 1682, мѣсяца марта в 1 день... опредѣлен бысть игуменом во град Батурин, в монастырь святителя Николаа, именуемый Крупицкий... октовриа в 26 день... остави начальство Батуринскаго монастыря и живяше во оном уединенно. — С 1 марта 1682 по 26 октября 1683 г. продолжался первый период игуменства Димитрия Ростовского в Батуринском

Николаевском монастыре. Монастырь находился рядом с гетманской резиденций, был влиятельным и авторитетным, однако заботы и хлопоты по руководству монастырем обременяли Димитрия, и он отказался от игуменства и жил в монастыре простым иноком.

Киево-Печерская лавра — один из первых монастырей Древнерусского государства, основана в 1051 г. при Ярославле Мудром и митрополите Илларионе монахами Антонием и Феодосием Печерскими.

...архимандрита Варлаама Ясинскаго... — Варлаам Ясинский (1627—28.08.1707) — украинский церковный деятель и духовный писатель. Получил образование в Киево-Печерской коллегии, затем в Польше и Чехии. Игумен Киевского Братского Богоявленского монастыря (1665—1673), Киевского Михайловского Златоверхого монастыря (1673—1677), Киевского Николаевского Пустынного монастыря (1680—1683), архимандрит Киево-Печерской лавры (1683—1690), с 1669 г. ректор Киево-Могилянской коллегии, которую восстанавливал после разрушения ее гетманом Петром Дорошенко, в то же время возглавлял типографию Киево-Печерского монастыря, во многом определяя ее издательскую политику (Димитрий Ростовский называл его «столпом обители»). 1 июня 1690 г. был избран и 31 августа в Успенском соборе Московского Кремля патриархом Адрианом хиротонисан во митрополита Киевского. Сыграл большую роль в судьбе Димитрия Ростовского, именно он был инициатором того, чтобы Димитрий Ростовский приступил к созданию своих знаменитых Четьих Миней.

Минувшу по сем... преселися из Батурина в Киево-Печерскую лавру. — Димитрий переехал в Киево-Печерскую лавру 23 апреля 1684 г., на день памяти великомученика Георгия Победоносца.

...якоже от предисловия, в началѣ Четиих Миней положеннаго... — Варлаам Ясинский написал предисловие к первой книге (на месяцы сентябрь—ноябрь) первого издания «Книги житий святых» (Киев, 1689. Л. 2—4).

Петр Могила (31.12.1596—01.01.1647) — выдающийся церковный и политический деятель. Архимандрит Киево-Печерской лавры (1627—1633), епископ Константинопольской православной церкви, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси (1633—1647). Петр Могила был противником униатской Церкви как неканонической и выступал за возрождение православного учения, с благословения всех восточных патриархов, включая Московского, ратовал за восстановление единой восточной и западной Церквей периода I тысячелетия христианства. Он признавал возможность существования разных обрядов при православном римском папе, но при признании римского папы только первым среди равных патриархов. Петр Могила был одним из самых образованных и просвещенных людей своей эпохи, в 1631 г. он организовал при Киево-Печерской лавре высшее училище для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках, которое впоследствии объединил с Киево-братской школой в Киево-Могиляискую коллегию. Известен своими поучениями и молитвами («Анфологион», «Евхологион альбо молитвослов», или «Требник»), полемическими трактатами; автор рассказов о чудесах печерских старцев для книги Афанасия Кальнофойского «Τερατουργήμα» (1638); писал на украинском, польском, латинском и греческом языках. Одним из проектов Петра Могилы, наряду с написанием Катехизиса, или «Православного исповедания веры», было издать перевод с греческого на славянский язык житий, написанных Симеоном Метафрастом. Осуществить этот проект Петр Могила не успел. В 2005 г. Петр Могила был канонизирован Русской православной церковью.

Иннокентий Гизель (1600—08.11.1683) — духовный писатель. Игумен Новопечерского Дятловецкого Спасо-Преображенского монастыря (1645—1648), Киевского Братского Богоявленского монастыря (1648—1650), Киевского Кирилловского монастыря (1650—1652), Киево-Никольского монастыря (1652—1654), архимандрит Киево-Печерской лавры (1654—1683), ректор Киево-Могилянской коллегии (1648—1650). Иннокентий Гизель был одним из лидеров украиского духовенства. С одной стороны, Иннокеитий Гизель признавал решения Переяславской рады о присоедиинении Гетманства и Запорожского войска к России, являлся одним из самых ярых сторонников России среди украинского православного духовенства, с другой — ревиостно выступал за автономию Киевской митрополии и сохранение митрополии в юрисдикции Константинопольского патриарха. Был автором философского курса «Opus totius philosophiae», полемических сочинений,

традиционно ему приписываются такие сочинения, как «Мир с Богом человеку» и «Синопсис». Через год после его кончины в Успенском соборе Киево-Печерской лавры Димитрий Ростовский произнес торжественную проповедь «Пирамис албо столп во блаженной памяти преставленнаго высоцѣ в Богу превелебнаго его милости господина отца Иннокентия Гизеля, архимандрита святой великой чудотворной лавры Печерской Киевской, ку вѣчной памяти в год по погребении его при соборной понахидѣ, проповѣдию слова Божого поставленный року 1685 мѣсяца февруария в 24». Намереваясь создать корпус житий святых, Иннокентий Гизель обращался в Москву с просьбой прислать в Киев для этой работы Великие Четьи Минеи митрополита Макария. Эта просьба была удовлетворена только тогда, когда над «Книгами житий святых» работал уже Димитрий Ростовский.

Стр. 101. *Симеон Метафраст* — византийский писатель, государственный деятель. Жил во второй половине X в. Известен собранной им коллекцией житий («Греческая патрология»), которые он литературно обработал и подверг исторической критике. День памяти — 9 февраля.

Равное есть зло — и еже глаголати неподобающая... лишает благочестивых пользы... — Цитата из «Жития и страдания святого священномученика Автонома». Память — 12 сентября.

...вступи в сей богоугодный труд в лѣто 1684 мѣсяца иуниа... — В разных редакциях «Диариуша» Димитрием Ростовским указаны разные даты начала работы над Четьими Минеями. «Вручено мне послушание писати Жития Святых, мая 6», — пишет Димитрий в биографических записках под 1684 г.; в другой редакции «Диариуша» он записал под июнем 1684 г.: «Того месяца, почалем за Божию помощию, з послушания, писати Жития Святых, на целый год. Дай Боже совершити!».

...Макариа, митрополита Московскаго... — Макарий, митрополит (1482—31/21.12.1563), архиепископ Новгородский (1526—1542), с 1542 г. — митрополит Московский и всея Руси, возглавлял Русскую церковь в первую половину царствования Ивана Грозного. Еще будучи Новгородским архиепископом предпринял попытку создания знаменитых Четьих Миней, в которые вошли все книги «в русской земле чтомые», таким образом, Великие Четьи Минеи можно назвать библиотекой духовной литературы своего времени. Они представляют собой двенадцать книг (по числу месяцев), каждая из которых разделена на дни. Под каждым днем — чтения, состоящие из житий, похвальных слов святым, включались статьи из многочисленных религиозно-дидактических сочинений, русских и переводных — Торжественников, Прологов, Требников, сочинений отцов Церкви (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова), некоторые сборники вошли в состав Великих Миней Четьих целиком — это Измарагд, Златоуст, Златоструй, Маргарит, Златая цепь, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Космография» Козьмы Индикоплова, «Хождение» игумена Даниила и др. Известны три «чистовых» 12-томных книжных свода Великих Миней Четьих, названных по местам их первоначального хранения: Софийский, Царский и Успенский. В работе над своими Четьими Минеями Димитрий использовал Успенский список Великих Четьих Миней. Получить эти книги для работы над Четьими Минеями Димитрию Ростовскому удалось только благодаря просьбе Варлаама Ясинского, гетмана Ивана Самойловича и поддержке князя Василия Голицына. Книги были высланы святителю Димитрию по приказу патриарха Иоакима, который с явным нежеланием откликнулся на эту просьбу, а вскоре потребовал вернуть книги назад, и в марте 1688 г. Димитрий Ростовский был вынужден вернуть их в Москву, не кончив работу над ними. 10 ноября 1690 г. Димитрий Ростовский обратился уже к новому патриарху Адриану с просьбой прислать книги за декабрь, январь и февраль, позднее выписки из Великих Четьих Миней были сделаны по просьбе Димитрия его корреспондентами, в частности монахом Чудова монастыря Феологом.

...и иных христианских историков... — Общее число источников, которые использовал Димитрий Ростовский, очень велико. Самыми авторитетными были «Acta Sanctorum» болландистов (к тому времени вышло 18 томов «Acta Sanctorum» за месяцы январь—май (Антверпен, 1643—1688)), «De Probatis Sanctorum Historiis» Лаврентия Сурия (митрополит постоянно пользовался греческими житиями Симеона Метафраста, которые Сурий напечатал в латинском переводе), «Żywoty Świętych» Петра Скарги (в библиотеке святителя были издания 1619, 1626 и 1700 гг.). Основными русскими источниками были Успенский список Великих Четьих Миней митрополита Макария, Киево-Печерский патерик (Киев, 1661, 1678) и Пролог (М., 1685).

...послѣднее напечатано в Минеях Четиях... — Видение было напечатано в качестве приложения к Житию.

...святаго мученика Ореста... — Святой Орест Тианский (Каппадокийский) (?—304) — мученик, был искусным врачом, принял мученическую смерть во времена императора Диоклетиана. Память 10 ноября.

Первое. В лѣто 1685, мѣсяца августа в 10 день в понедѣльник... — Текст взят из «Диариуша» Димитрия.

Благовест — церковный звон, совершаемый одним большим колоколом, извещающий о начале богослужения.

...к заутрени... до чтения Псалтири. — Имеется в виду одно из богослужений суточного круга в Православной церкви, совершаемое утром.

...святую великомученицу Варвару. — Святая Варвара (Илиопольская) (?—306) — великомученица, пострадала за Христа от рук отца-язычника. День памяти 17 (4) декабря.

Стр. 102. *...святыя Варвары, патрона моего...* — Святитель Димитрий вслед за Мелетием Дзиком считал святую Варвару своей покровительницей. Димитрием была написана новая редакция Жития святой Варвары, повесть «О честных мощах святыя великомученицы Варвары», вошедшая в «Книгу житий святых», стихотворный «Венец от дванадесят звезд святой Варваре, от молитв к ней о крайней доброй смерти даре», в 1691 г. и 1692 г. произнесены две проповеди на день памяти святой Варвары. Именно в игуменство Димитрия Ростовского в Батуринский Свято-Николаевский Крупицкий монастырь с разрешения гетмана Ивана Мазепы 13 января 1691 г. была перенесена из казенной палаты гетмана частица мощей великомученицы Варвары.

Второе видѣние бысть того же лѣта сице... — Текст заимствован из «Диариуша». Событие произошло в 1685 г., но записано под 1689 г., вводится следующими словами: «Що давно в доброй моей памяти держу, то судилем за рѣчь слушную тут вписати, обявляючися, же бы коли з памяти не выбилося давностью часу».

В пост апостола Филиппа... — Апостол Филипп (5 (?)—80) — один из двенадцати учеников Иисуса Христа, см. о нем: Мф. 10, 3; Мк. 3, 18; Лк. 6, 14; Деян. 1, 13. Память 14 ноября. Филиппов пост — простонародное название Рождественского поста, длящегося 40 дней с 15 ноября по 24 декабря (включительно). Рождественский пост называется Филипповым в знак того, что он начинается на следующий день после дня празднования памяти апостола Филиппа.

...во одну ночь, окончав писмом страдания святаго мученика Ореста... — Димитрий работал над Житием святого Ореста между 14 ноября и 23 декабря в Филиппов пост. После окончания работы Димитрию во сне было видение святого Ореста. Святитель Димитрий начал писать Четьи Минеи летом 1684 г., а к зиме 1685 г. он уже почти закончил работу над первой книгой (на месяцы сентябрь—ноябрь), это свидетельствует о том, что первая книга была написана очень быстро.

Я больше претерпѣл за Христа мук, нежели ты написал. — Согласно Житию святого Ореста, после отказа поклониться языческому идолу сорок воинов, сменяя друг друга, били святого мученика Ореста плетьми, палками, воловьими жилами, затем пытали огнем, еще через семь дней ему вбили гвозди в пятки, затем привязали к дикому коню и влачили по камням, отчего он и скончался.

Кто сей есть Орест? Не из числа ли пяточисленных? — Орест (Севастийский) мученически пострадал при императоре Диоклетиане в Севастии (Армения) вместе со святыми Евстратием, Авксентием, Евгением, Мардарием. Святой Орест был молодым воином, исповедал себя христианином, судом был приговорен к сожжению на раскаленном железном ложе, куда взошел укрепляемый молитвой святого Евстратия. Память севастийских мучеников отмечается 13 декабря.

...бысть паки восприяти игуменство монастыря Батуринскаго Николаевскаго. — Речь идет о втором игуменстве Димитрия Ростовского в Батуринском Николо-Крупицком монастыре — с 1686 по 1692 г.

Стр. 103. *...ясновельможному гетману...* — Имеется в виду гетман Иван Мазепа. *Мазепа Иван Степанович* (20.03.1639—22.09.1709) — гетман Войска Запорожского Левобережной Украины (1687—1703), гетман Войска Запорожского обеих сторон Днепра (1704—1708), по-

литический деятель, соратник Петра I, участник Северной войны, второй кавалер ордена Андрея Первозванного (1700), князь Священной Римской империи (1707). Во время Северной войны в 1708 г. тайно перешел на сторону шведского короля Карла XII, за что был предан гражданской казни, лишен всех титулов и наград, предан анафеме. После поражения Карла XII бежал в 1709 г. в Османскую империю, умер в г. Бендеры. В одной из редакций «Диариуша» есть записи, сделанные не Димитрием Ростовским: под 1708 г. — «Сего лѣта Мазепа гетман измѣнил, и велие в Малой России тѣм бысть смятение и мятеж».

...отъехати из Батурина в царствующий град Москву... — Поездка в Москву началась 21 июля 1689 г. Целью делегации, в которой принимал участие Димитрий Ростовский, было проведение дискуссии о времени пресуществления Святых Даров, превращения вина и хлеба в Кровь и Тело Христовы, разгоревшейся с новой силой во второй половине XVII в. Кроме того, святитель Димитрий хотел лично познакомиться с патриархом Иоакимом и разрешить неприятную ситуацию, связанную с Макарьевскими Великими Четьими Минеями, которые нужны были святителю для работы над житиями святых.

...игумен Иннокентий... — Иннокентий Монастырский (?—17.01.1697) — ректор Львовской иезуитской коллегии, игумен Люблинского Преображенского монастыря (1650-е гг.), архимандрит Овручский (1680), игумен Киевского Кирилловского монастыря (1681—1697). В период игуменства Иннокентия Монастырского Кирилловский монастырь достиг своего наивысшего расцвета. Принимал активное участие в религиозных и политических событиях на Украине: в 1678 г. делегирован в Москву с письмами об ущемлении прав православного населения в Речи Посполитой; в 1680 г. — участник Люблинского собора, посвященного переговорам между униатами и православными, на котором выступил с критикой унии; в 1685 г. в составе делегации Гедеона (князь Святополк-Четвертинский), митрополита Киевского, был в Москве на переговорах о переходе Киевской митрополии в подчинение Московскому патриарху; в 1689 г. — вместе с Димитрием Ростовским участник дискуссии о времени пресуществления Святых Даров, во время которой взгляды Иннокентия Монастырского были признаны «латинскими», и его выслали из Москвы. Иннокентий Монастырский был автором «Книги о пресуществлении, словесы Христовыми с действием Святаго Духа совершающомся», в которой поддержал «Книгу о манне Хлеба животного» Сильвестра Медведева в противовес мнению братьев Лихудов, изложенному в книге «Акос, или Врачевание, противополагаемое ядовитым угрызением змиевым». Обе редакции «Диариуша» Димитрия сообщают о смерти Иннокентия Монастырского под 1697 г.: «Ианувариа 17 з суботы на неделю от Закхеи в ночь годины 3 преставилъся антецессор мой игумен кирилский Иннокентий Манастирский, погребен 18 на святых Афанасиа и Кирилла. По нем аз грѣшний убѣжден приняти игуменство кирилское».

...со двѣма тоя обители диаконами... — Согласно «Диариушу», это были Петр и Ефрем, дьяконы Киевского Троицкого Кирилловского монастыря.

Иоанн (Иван V) Алексеевич (27.08.1666—29.01.1696) — русский царь (1682—1696) из династии Романовых, сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, был избран на царство вместе с Петром I при регентстве царевны Софьи Алексеевны.

Софья Алексеевна (17.09.1657—03.07.1704) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, пришла к власти в результате Стрелецкого бунта 1682 г., регентша при младших братьях Петре Алексеевиче и Иоанне Алексеевиче (1682—1689). В 1689 г. была лишена власти и сослана сначала в Путивльский Святодуховский монастырь, а потом в Новодевичий монастырь. После подавления Стрелецкого восстания 1698 г. была пострижена в монахини с именем Сусанна; умерла, постригшись в великую схиму с именем София.

Петр Алексеевич (30.05.1672—28.01.1725) — Петр Первый, последний царь всея Руси (с 1682), первый император Всероссийский (с 1721). Сын царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Был провозглашен царем в 10-летнем возрасте при регентстве сестры Софьи Алексеевны, с 1689 г. управлял государством единолично. Реформатор, считается создателем Российской империи, за что получил прозвище Великий.

...во обители преподобнаго Сергиа, радонежскаго чудотворца. — Свято-Троицкая Сергиева лавра — крупнейший мужской монастырь, основанный в 1337 г. преподобным Сергием

Радонежским, мощи которого почивают в монастыре. Троице-Сергиева лавра играла заметную роль в политической жизни Руси — во время монголо-татарского завоевания, в Смутное время, в период противостояния Петра I и царевны Софьи Алексеевны.

Иоаким — Иоаким, Савёлов Большой Иван Петрович (06.01.1621—07.03.1690) — патриарх Московский и всея Руси. После царской и военной службы, а также после известия о смерти жены и детей постригся в монахи, архимандрит Чудова монастыря (1664—1672), митрополит Новгородский и Великолуцкий (1672—1674), патриарх Московский и всея Руси (1672—1690). Во время своего патриаршества Иоаким вел активную борьбу с ревнителями старой веры, защищал имущественные права духовенства и авторитет патриаршей власти. Иоаким был сторонником просвещения в России, ориентированного на греческую традицию (при нем была открыта Типографская школа и Славяно-греко-латинская академия во главе с братьями Лихудами), а потому противником иностранного влияния на жизнь русского общества, при нем была осуждена позиция Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и украинского духовенства в споре о времени пресуществления Святых Даров, при этом патриарх Иоаким также пытался контролировать деятельность Киево-Печерской типографии, указывая на недопустимость выпуска книг без предварительного согласования с Москвой. В связи с этой позицией патриарха подвергся цензуре 1-й том «Книги житий святых» Димитрия Ростовского: патриарх потребовал изъятия и переделки листов, на которых, по его мнению, содержались суждения, не согласные с учением православной Церкви, а именно исключения в «Слове на Рождество Пресвятой Богородицы» мнения о непорочном зачатии Богородицы и упоминания святого Иеронима как учителя православного в списке источников «Учители, списатели, историки, повествователи, от нихъже книга та составися, сии суть».

...в той же обители прилучися быти. — Украинская делегация гетмана Ивана Мазепы прибыла в Москву 10 августа 1689 г. За два дня до этого, в ночь с 7 на 8 августа, Петр I, испуганный слухами о возможном своем свержении сестрой царевной Софьей Алексеевной, покинул Москву, переехав в Троице-Сергиев монастырь и начав тем самым открытую борьбу против Софьи. Патриарх Иоаким, прибывший в Троице-Сергиеву лавру по настоянию Софьи вернуть Петра в Москву, вместо этого присоединился к нему и остался в лавре. Делегация гетмана, оценившего ситуацию, приехала в Троицкую лавру в начале сентября, а 7 сентября был издан указ о лишении Софьи звания правительницы, после чего начались репрессии: князья Голицыны, поддерживавшие Софью, были отпрáвлены в ссылку, Федор Шакловитый и другие стрелецкие командиры казнены. Описание этих событий имеется в одной из редакций «Диариуша» Димитрия Ростовского.

...святѣйший патриарх... благослови продолжати писанием жития святых. — После встреч с Димитрием Ростовским патриарх Иоаким благословил последнего на продолжение работы над Четьими Минеями, хотя до этого был крайне недоволен выходом первой книги житий святых (1689 г.) без его патриаршего разрешения, о чем он с раздражением сообщил в письме Варлааму Ясинскому.

...устрои себѣ особенную келлию для способнѣйшаго пребывания близ церкви святителя Николаа, которую он в дневных своих записках именует скитом. — В «Диариуше» под 1691 г. читаем: «Року того ж в осени збудовалем себѣ келию новую на скитку для спокойнѣйшаго писания житий святых. Мѣсяца октоврия 15 совершена, а 18 освящена, и началем жити в ней во имя Господне».

Адриан (02.10.1627 (или 1637, или1639)—16.10.1700) — архимандрит Чудова монастыря (1678—1686), митрополит Казанский и Свияжский (1686—1690), последний (десятый) патриарх Московский и всея Руси досинодального периода (1690—1700). Был противником реформ Петра I, хотя и не выказывал открытого противления царской антиклерикальной политике.

...преосвященным митрополитом Киевским Варлаамом Ясинским, бывшим прежде Киево-Печерскыя лавры архимандритом... — В 1690 г. скончался киевский митрополит Гедеон (князь Святополк-Четвертинский), на его место был поставлен Варлаам Ясинский, архимандрит Киево-Печерской лавры.

...в началѣ второй книги Четиих Миней напечатана. — Грамота патриарха Адриана была помещена Димитрием Ростовским в «Диариуше», затем публиковалась в каждом издании

Четьих Миней во втором томе. В ней патриарх обратился лично к митрополиту Варлааму Ясинскому с просьбой во всем содействовать Димитрию в написании «Книги житий святых».

Стр. 104. *...вскорѣ отвѣтствова святѣйшему патриарху...* — Благодарственный ответ Димитрия Ростовского с просьбой прислать Великие Четьи Минеи митрополита Макария датируется, согласно «Диариушу», 10 ноября 1690 г.

...остави игуменство монастыря Батуринаскаго. — Димитрий отказался от игуменства 14 февраля 1692 г., вместо него игуменом был избран Пахомий Ходорович (?—1695).

...другия три мѣсяцы... нача печатати мѣсяц декемврий в лѣто 1693, мѣсяца иулиа в 10 день. — Вторая «Книга житий святых» была закончена весной 1693 г., 1 мая 1693 г., согласно «Диариушу», Димитрий Ростовский выехал из Батурина в Киево-Печерскую лавру, куда прибыл 9 мая. Печатание книг началось 10 июля 1693 г. «на память преподобного Антония Печерского».

...игуменом во град Глухов в монастырь Первоверховных апостол Петра и Павла. — Глуховский Петропавловский монастырь по преданию был основан в 1230 г. на реке Клевень около села Будища, в 20 км от Глухова. Димитрий прибыл в монастырь 22 июня 1694 г. В 1695 г. по заказу Димитрия Ростовского «мастер каменного дела» Матвей Ефимов начал строительство главной достопримечательности монастыря — каменного Петропавловского собора, завершенное в 1697 г., собор не сохранился.

...окончана бысть печатанием вторая трехмѣсячная книга в лѣто 1695... — Вторая книга Четьих Миней вышла в феврале 1695 г.

...при архимандритѣ Мелетии. — Мелетий Вуяхевич-Высочинский (1625—06.02.1697) — генеральный писарь при наказном гетмане (т. е. временно исполнявшем функции гетмана) Якиме Сомко (1661—1663), после падения которого был сослан в Сибирь и освобожден по ходатайству Петра Дорошенко, участвовал в дипломатических переговорах со стороны делегаций сначала Правобережной, а потом Левобережной Украины. После разногласий с гетманом Иваном Мазепой принял монашество, архимандрит Киево-Печерской лавры (1691—1697).

...получи сей муж от тогожде святѣйшаго патриарха и за сию вторую книгу чрез присланное к нему в том же годѣ другое писание. — Вторая книга Четьих Миней была послана патриарху Адриану гетманом Мазепой, Мелетием Вуяхевичем, Варлаамом Ясинским, а 4 марта 1695 г. и самим Димитрием Ростовским. Адриан послал всем ответные грамоты и особую благодарственную грамоту, датированную маем 1695 г., Димитрию Ростовскому. Вместе с посланниками гетмана Мазепы и Мелетия Вуяхевича патриарх Адриан передал Димитрию Ростовскому Успенский список Великих Четьих Миней митрополита Макария на месяцы март, апрель, май.

...из Глухова... — Имеется в виду Глуховский Петропавловский монастырь, см. коммент. к с. 104.

Троицкий Киево-Кирилловский монастырь — см. коммент. с. 98.

Минувшу же нѣколику времени... переведен в Троицкий Киево-Кирилловский монастырь... и пребысть во оном токмо пять мѣсяцев. — 18 января 1697 г. умер Иннокентий Монастырский, настоятель Киевского Кирилловского монастыря, после него игуменом был избран Димитрий Ростовский, но пробыл им менее пяти месяцев: 10 июня 1697 г. он был избран архимандритом Черниговского Елецкого монастыря.

...не был сокрыт под спудом... — Ср.: «Зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике» (Мф. 5,15).

...по согласию преосвященнаго Варлаама, митрополита Киевскаго... — См. коммент. к с. 100.

...преосвященнаго Иоанна, архиепископа Черниговскаго... — Иоанн Максимович (1651—1715) — игумен Елецкого Успенского Черниговского монастыря (1695—1696), архимандрит Черниговский (1697—1711), митрополит Тобольский и всея России (1711—1715). Будучи черниговским архимандритом, основал Черниговскую коллегию, поддерживал типографию при Болдинском Троицком Ильинском монастыре, в которой издавал свои сочинения, а будучи тобольским митрополитом организовал Пекинскую духовную миссию (1715) с целью просвещения и проповеди христианства среди местного населения, сбора материалов о Китае, помощи русским дипломатам в налаживании отношений между Россией и Китаем. Был автором большого числа нравственно-ди-

дактических сочинений, среди которых особенно выделяется «Илиотропион, то есть Подсолнечник, представляющий сообразование человеческой воли с Божественной, переложенный с латинского на славяно-русский язык трудами высокопреосвященнейшего архиепископа Черниговского Иоанна Максимовича, впоследствии митрополита Тобольского и всея Сибири» (основу его составляет сочинение Иеремии Дрекселя «Heliotropium, seu conformatio humanae voluntatis cum divina» (1627)). Канонизирован в 1916 г.

...на память святаго священномученика Мефодиа, епископа Патарскаго... — Мефодий Патарский, Олимпийский (ок. 260—312) — автор поучений и толкований Священного Писания, один из первых критиков учения Оригена. Некоторые авторы, в том числе и Димитрий Ростовский, пишут, что он умер мученической смертью, другие отрицают этот факт.

...в лѣто 1697 иуниа в 20 день... произведен бысть архимандритом... — Димитрий Ростовский был архимандритом монастыря с 20 июня 1697 по 17 сентября 1699 г.

...в монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, именуемый Елецкий Черниговский. — Черниговский Елецкий Успенский монастырь по преданию был основан в нач. XI в. в Чернигове на месте явления на ели иконы пресвятой Богородицы. Сначала князь Святослав Ярославович построил церковь в честь Успения Богородицы, а около 1069 г. основал монастырь. Устроение монастыря связывается с преподобным Антонием Печерским, который удалился в Чернигов из Киева, в 1074 г. ископал себе пещеру и основал рядом Болдинский Свято-Троицкий Ильинский монастырь. Некоторые исследователи полагают, что оба монастыря имели общий пещерный комплекс и являлись, по сути, Черниговской лаврой. Основной источник сведений о монастыре содержится в сочинении Иоанникия Галятовского «Скарбница потребная и пожиточная всему свету» (1676).

Емуже дано будет много, много и взыщется от него. — Лк. 12, 48.

...тако и о монастырстѣм благоустроении... печашеся. — По инициативе Димитрия Ростовского в Елецком Успенском монастыре началось строительство храма во имя Святого апостола Иакова над могилой черниговского полковника Якова Лизогуба, умершего 9 августа 1698 г.

Стр. 105. *...в Новгород-Сѣверский, в монастырь Всемилостиваго Спаса...* — Спасо-Преображенский Новгород-Северский монастырь расположен на берегу реки Десны в Новгороде-Северском. По преданию, его основание князем Мстиславом Тмутараканским относится к 1033 г., археологические источники датируют его рубежом XII—XIII вв., эпохой Киевской Руси, письменные источники относят его к XVI в. В середине XVII в. в монастыре был организован коллегиум, открыта типография, архиепископ Лазарь Баранович избрал монастырь своей резиденцией.

В оном пребывая, оконча писанием прежде помянутыя три — март, априллий и маий — житий святых мѣсяцы, а печатанием оныя совершены в лѣто 1700. — Третья книга Четьих Миней была закончена Димитрием Ростовским, как указано в «Диариуше», в середине 1699 г., но на титульном листе стоит 1700 г., вероятно, книга вышла в свет в январе 1700 г.

...архимандриту Иоасафу Краковскому... — Иоасаф Кроковский (1648—01.07.1718) — профессор философии и префект Киево-Могилянской коллегии (1685—1689), ректор Киево-Могилянской коллегии (1689—1690), игумен Киевского Пустынно-Николаевского монастыря (1688—1693), игумен Киевского Богоявленского братского монастыря (1693—1697), архимандрит Киево- Печерской лавры (1697—1707), митрополит Киевский (1708—1718). Среди прижизненных изданий Иоасафа Кроковского известен Акафист великомученице Варваре (1698) и «Триодион» (1702).

...Петру Могиле... — см. коммент. к с. 100.

...образ, егоже благочестивѣйший государь царь Алексий Михайловичь преосвященному митрополиту киевскому Петру Могилѣ присла в дар, егда вѣнчан бысть на царство. — В жизнеописании Димитрия Ростовского упоминаются три образа Божьей Матери: первый образ — это родительское благословение; вторым образом Божьей Матери в окладе патриарх Иоаким благословил Димитрия за труд составления житий святых; третий образ — благословение Иоасафа Кроковского, который был прислан царем Алексеем Михайловичем в дар Петру Могиле. Полагают, что келейной иконой святителя Димитрия Ростовского была икона Ватопедской Божьей Матери. Вероятно, этот образ, а также икона Богоматери Боголюбской стояли, по описи 1757 г., при гробе Димитрия Ростовского. Местонахождение обеих икон неизвестно (см.: Мельник А. Г. Первона-

чальный интерьер Троицкого собора Ростовского Яковлевского монастыря // История и культура Ростовской земли, 2002. Ростов, 2003. С. 60—80).

...прозорливому монарху... — Т. е. Петру Первому, см. коммент. к с. 103.

...в началѣ 1701 лѣта, по имянному... указу, оттуда призван в Москву: не имущей же тогда пастыря епархии Тобольской посвящен бысть в митрополита Тобольскаго и Сибирскаго между патриаршеством тогожде лѣта мѣсяца марта в 23 день... — Указом от 25 декабря 1700 г. Петр I писал: «...для обрания в Сибирские митрополиты, митрополита ж на Игнатьево место, к Москве быть преосвященному епископу Переяславскому Захарию Корниловичу да Черниговские области Новогородскому архимандриту Димитрию, — кто из них по обранию от священънаго собора удостоится» (*РГАДА*, ф. 124 (Малороссийские дела), оп. 1, д. 1700 г., № 81). Обе кандидатуры, вероятно, были названы по совету Стефана Яворского, назначенного местоблюстителем патриаршего престола после смерти патриарха Адриана. Вопрос о назначении нового Сибирского митрополита встал еще в конце 1700 г., до смерти сибирского митрополита Игнатия, удаленного на покой с запрещением в священнослужении из-за душевной болезни и умершего 13 марта 1701 г. Димитрий Ростовский прибыл в Москву 9 февраля 1701 г., в неделю Мытаря и Фарисея, был поставлен сибирским митрополитом 23 марта.

...в недѣлю Крестопоклонную. — Крестопоклонная неделя — воскресенье третьей недели Великого поста.

Таковый правильный резон услышав от него... и повелѣ ему жити в Москвѣ. — Сначала Димитрий Ростовский не поехал в Сибирь из-за весенней распутицы, потом отъезд был отложен по приказу Петра I, велевшего митрополиту дожидаться его возвращения из Воронежа. После этого Димитрий Ростовский заболел. Вскоре царь узнал истинную причину его болезни, вероятно, от Стефана Яворского: переживания Димитрия Ростовского были связаны с невозможностью закончить Четьи Минеи в далеком и глухом месте без книг и помощи ученых людей. Свидетельств посещения Димитрия Ростовского царем Петром I нет, возможно, это было письменное обращение, которое не сохранилось. Во время своего недолгого управления Сибирской митрополией Димитрий жил в Чудовом монастыре, где находилось Сибирское подворье. Вместо Димитрия Ростовского сибирским митрополитом был назначен Филофей Лещинский (1650— 31.05.1727), рукоположенный 1 февраля 1702 г. при участии святителя.

...Иоасафу, митрополиту Ростовскому и Ярославскому... — Иоасаф Лазаревич (?—10.11.1701) — архимандрит Чудова монастыря (1688—1691), митрополит Ростовский и Ярославский (1691—1701).

Просвещение — праздник Богоявления, или Крещения Господня, он называется также Просвещением от древнего обычая совершать накануне его (в навечерие) крещение оглашенных, которое является, в сущности, духовным просвещением.

...в монастырь святаго Иакова, епископа Ростовскаго... — Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь был основан в кон. XIV в. епископом Иаковом (?—1392). Мощи св. Иакова находятся под спудом у северной стены соборного храма, его местное почитание началось сразу же после преставления святого. С названием монастыря связаны следующие факты. В 1764 году был упразднен Спасо-Песоцкий Княгинин монастырь, основанный княгиней Марией, женой ростовского князя Василька, в XIII в. княгиня была погребена под деревянной церковью Спаса на Песках (Преображенской), являющейся соборным храмом Княгининого монастыря. После упразднения монастыря его храмы в 1765 г. по распоряжению ростовского епископа Афанасия были переданы Яковлевскому монастырю, который с тех пор стал носить название Спасо-Яковлевского. В 1795—1801 гг. в обители была построена церковь во имя Святителя Димитрия Ростовского, строительство велось в основном на средства графа Николая Петровича Шереметева. Официально монастырь стал именоваться Спасо-Яковлевским Димитриевым только в 1836 г. после удовлетворения Синодом прошения настоятеля обители архимандрита Иннокентия.

...в соборную Зачатия Пресвятыя Богородицы церковь... — В кон. XIV в. в Яковлевском монастыре был построен первый деревянный собор в честь Зачатия праведной Анною Пресвятой Богородицы. В 1686 г. деревянный храм разобрали, на его месте построили каменный собор, освященный митрополитом Ионой Сысоевичем во имя Живоначальной Троицы. В 1725 г. при рос-

товском епископе Георгии Дашкове был пристроен к Троицкому собору с северной стороны каменный придел, как определил А. Г. Мельник, посвященный Иоакиму и Анне, а в 1754 г. по указу святителя Арсения Мацеевича соборный храм обители был вновь переосвящен в честь Зачатия праведной Анною Пресвятой Богородицы, а придел — в честь святителя Иакова. Монастырь именовался *Зачатьевским* (по имени главного храма, посвященного Зачатию праведной Анны) или *Яковлевским* — по имени основателя обители.

Стр. 106. *...в соборной ростовской церкви...* — Успенский собор до XVIII в. являлся кафедральным собором Ростово-Ярославской епархии. Первый деревянный храм был разрушен пожаром 1160 г., следующий белокаменный храм, построенный Андреем Боголюбским, был разрушен пожаром 1204 г., собор также сильно пострадал от пожара 1408 г. Согласно исследованию А. Г. Мельника, современная кирпичная церковь относится к 1508—1512 гг. Собор имеет стоящую рядом звонницу.

...изрядное поучительное слово... — «Рѣчь преосвященнаго Димитриа, митрополита Ростовскаго, в Ростов на престол свой пришедшаго» была произнесена 1 марта 1702 г. (см.: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 3 об.—5 об.).

Тако да просвѣтится свѣт ваш пред человѣки, яко да видят ваша добрая дѣла, и прославят отца вашего, иже на небесѣх... — Мф. 5, 16.

Запас — преждеосвященные, или запасные, Святые Дары, оставленные для совершения литургии Преждеосвященных Даров, а также для причащения вне храма больных, умирающих и др. Запасные Святые Дары заготавливаются на весь последующий год во время Великого поста в Великий Четверг Страстной седмицы.

Стр. 107. *Случися нам мимошедшаго 1702 года во град Ярославль... ово же — яко ни нарицания честнаго, Пречистым Тайнам подобающаго, иереи вѣдят.* — Цитата из второго послания к иереям, или «Послания к иереям о приготовлении иереев к божественному причащению».

...два краткия... едино по другом, написа поучения... — См. коммент. к с. 97.

Во втором же своем поучении... подобающая их сану исправляли нелѣпостно. — В данном поучении святитель касается вопроса хранения Святых Тайн (Святых Даров), т. е. Тела и Крови Христовой, преподаваемых верующим под видом вина и хлеба во время Святого Причастия.

...к старостам заказным... — Заказные (или поповские) старосты, согласно постановлению Стоглавого собора 1551 г., стояли во главе заказных округов (заказов), границы которых определялись количеством церквей; они избирались церковнослужителями на определенный срок (обычно на три года) и утверждались епархиальным архиереем.

...дабы кийждо священник, преписав оныя, у себя имѣл и, почасту прочитывая содержимыя в них увѣщательныя статии, тщился, елико возможно, всѣ без упущения дѣлом исполнять. — Это требование было изложено Димитрием Ростовским в «Послании к иеромонаху Иосифу», наместнику Ростовского архиерейского дома. Послание сохранилось в келейной авторизованной рукописи святителя (1704 г.): *ГИМ*, Синодальное собр., № 811, л. 252—255. Издания текста нет.

Стр. 108. *...завел в Ростовѣ семинарию...* — Речь идет о Ростовской школе для священнослужителей, открытой 1 сентября 1702 г., через полгода после приезда свт. Димитрия в Ростов.

...собрав во оную из священно-церковнослужительских дѣтей болѣе двухсот человѣк... — Священники Ростовской епархии были обязаны отправлять своих детей на учебу, их содержание и обучение было бесплатным, детям из малоимущих семей, высказавшим желание учиться, доплачивали. Среди учеников были не только местные жители, но и малороссы, о чем свидетельствуют их имена — Бодаковский, Богомадлевский, Мальцевич и др.

...раздѣлил их на три училища... — Школа была построена по образцу иезуитской коллегии, рассчитана на три года и соответственно делилась на три класса — infima classis, media classis, suprema classis.

...трех человѣк добропорядочнаго жития учителями... — Известно о двух учителях Ростовской школы — Иване Филипове (Филиповиче) и Алексее Дмитриеве (учителе греческого

языка), преподаванием могли заниматься также «сеньор» Андрей Бодаковский и старший ученик Ефимий Морогин.

...ко всенощному бдѣнию... — Всенощное бдение, или всенощная, — богослужение, которое совершается вечером накануне воскресных дней, двунадесятых праздников, праздников, отмеченных особым знаком в Типиконе (например, память апостола и евангелиста Иоанна Богослова, святителя Николая Чудотворца), дней храмовых праздников, любого праздника по желанию настоятеля храма или согласно местной традиции. Богослужение называется всенощным, потому что в древности оно начиналось поздно вечером и продолжалось всю ночь до рассвета.

Литургия — главное из общественных богослужений, во время которого совершается таинство Причащения, или Евхаристия.

Кафизма — богослужебный раздел Псалтири, во время чтения которого на богослужении разрешается сидеть.

Демьяны — село, расположено около реки Ишня, недалеко от Ростова, сейчас в нем имеется церковь Воскресения Христова (1804 г.), один из престолов которой посвящен Димитрию Ростовскому. Демьяны были местом летнего проживания Димитрия Ростовского с учениками. Местом летнего отдыха митрополита были также села Шестаково и Капцево.

...посвящал в стихари... — Чин посвящения в чтеца и певца, низшие степени церковного клира. Посвящение (хиротесия) в чтеца, певца не является таинством, а лишь торжественным обрядом выделения наиболее достойного по благочестию из среды мирян для прислуживания при храмовом богослужении. Во время посвящения архиерей осеняет крестным знамением подаваемый ему стихарь, а поставляемый, поцеловав вышитый на нем крест и руку архиерея, облачается в него с помощью иподиаконов.

Лѣтопись о архиереах ростовских — сочинение святителя Димитрия о ростовских архиереях, составленное в хронологическом порядке со времен создания в Ростове архиерейской кафедры. Первая публикация: Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1868 (1869). С. 183—216.

...в Ростовѣ при соборной церкви в книгохранительницѣ... — Трудно сказать, о каком списке идет речь. Сборник из библиотеки Димитрня Ростовского, в составе которого читается «Летописец о ростовских архиереях», хранится в *ГИМ*, Синодальное собр., № 147, л. 318—331. Сочинение встречается и в других рукописных списках.

...святаго мученика Никифора, сказуемаго Побѣдоносца... — Никифор Антнохийский (Сирский) — мученик, жил в III в., по собственной воле принял мученическую смерть вместо пресвитера Саприкия, не захотевшего даже перед смертью простить Никифора, за что Господь отнял от Саприкия свою благодать. Имя Никифор в переводе с греческого языка означает *Победоносец*.

...отдание праздника Срѣтениа Господня... — Память святого Никифора выпадает на Отдание праздника Сретения Господня. *Отдание праздника* в православном богослужении — это последний день попразднества многодневного, как правило, великого праздника. Отдание праздника отмечается особым богослужением, более торжественным, чем в обычные дни попразднества.

Симеон Богоприимец — житель Иерусалима, о котором известно из Евангелия от Луки (Лк. 2, 25—35): ему было возвещено от Бога, что он не умрет до того времени, пока в мир не придет обещанный Мессия — Иисус Христос. Образ Симеона Богоприимца неразрывно связан с праздником Сретения Господня.

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко... — В день, когда родители Иисуса Христа пришли в Иерусалимский храм, чтобы принести жертву за родившегося первенца мужского пола, как это предписывает иудейский закон, Симеон явился в храм и там, взяв младенца на руки, произнес: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко» (Лк. 2, 29—32).

...в день страданий Господних пятничный... — Вспоминаются страдания и Крестная смерть Спасителя в Великую Пятнну.

...«Совершишася»... — Слово, произнесенное на Голгофе в Иерусалиме в Великий Пяток: «Егда же прият оцет Иисус, рече: совершишася. И преклонь главу, предаде дух» (Ин. 19, 30).

...пред субботою поминовения усопших... — Здесь имеется в виду Вселенская мясопустная родительская суббота, которая бывает за неделю до Великого поста. Каждый день недели в Православной церкви приурочен к особому воспоминанию: суббота посвящена памяти всех святых и почивших.

Неделя о Страшном Суде, или Неделя мясопустная — третий из четырех подготовительных воскресных дней к Великому посту. Название «мясопустной» получила по дню, в который в последний раз разрешается есть мясо. Название «Неделя о Страшном суде» происходит от того, что на литургии в этот день читается Евангелие о Страшном суде.

Стр. 109. *...окончана печатанием тогожде 1705 лѣта...* — Четвертая книга Четьих Миней на месяцы июнь, июль и август вышла в 1705 г., на последней странице значится 13 июля, на титульном листе — сентябрь.

...архимандритъ Иоасафъ... — Имеется в виду Иоасаф Кроковский, см. коммент. к с. 105.

...болѣе нежели чрез двадесять лѣт собираемыя и исправляемыя... — Работа над Четьими Минеями была начата 6 мая 1684 г., а закончена 9 февраля 1705 г., она продолжалась 20 лет, 9 месяцев и 3 дня.

...пустынь брынских... — Наименование «брынские» происходит от искаженного названия лесного массива на границе Костромской и Нижегородской областей. По названиям сел Большие и Малые Рымы леса в Макарьевском уезде Костромской губернии назывались Рымскими. Они были сопредельны Керженским лесам, где во времена Димитрия Ростовского находилось до 80 старообрядческих скитов и проживало более 2500 иноков-старообрядцев. Иногда встречаются попытки вывести происхождение названия от г. Брянска или от населенной старообрядцами местности Брыни в Калужской губернии, но они не имеют достаточных оснований.

...си есть капитонскаго яда... — По имени Капитона — инока, одного из лидеров оппозиционного, общественно-религиозного движения противников церковной реформы патриарха Никона. Мирское имя, точные даты рождения и смерти неизвестны. Место рождения — предположительно окрестности села Даниловского Костромского уезда. Первые общины-скиты капитонов (безбрачников и беспоповцев) возникли в 1620—1640-х гг., т. е. почти за 20 лет до церковной реформы патриарха Никона. В работах большинства исследователей старообрядчества говорится о влиянии учения старца Капитона на возникновение самоубийственных смертей (самосожжений, гарей) в русском старообрядчестве.

Илия — библейский пророк, жил в IX в. до н. э. в царствование царя Ахава. Сравнение Димитрия Ростовского с пророком Ильей не случайно: Илия считается ревностным поборником чистоты веры, защитником истинных ревнителей благочестия и обличителем идолопоклонства.

Розыск о раскольнической брынской вере... о дѣлах их... — См. коммент. к с. 97.

...«Лѣтопись», сказующую дѣяния от начало миробытия до Рождества Христова... — «Лѣтопись», или «Летописец келейный», — сочинение Димитрия Ростовского по священной и всемирной истории, основанное на многочисленных западноевропейских источниках, трудах европейских богословов и историков. Начало работы над «Келейным летописцем» Димитрий Ростовский относил еще к 1693 г., времени своего пребывания на Украине, когда им были предприняты исследования по библейскому летосчислению для устранения хронологических несоответствий между Библией и рукописными хронографами; завершению труда помешала кончина святителя и работа над «Розыском о раскольнической брынской вере». «Келейный летописец» бытовал в основном в рукописной традиции. Первое издание под названием «Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского, новоявленнаго чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до Рождества Христова, собранная из Божественных писаний, из различных Хронографов и Историков, Греческих, Славенских, Римских, Польских, Еврейских и иных; с присовокуплением келейной летописи сего же Святаго чудотворца» было подготовлено Н. И. Новиковым и вышло в Москве в 1784 г.

Епистоляр — см. коммент. к с. 97.

...яко не токмо в Малой России, но и в Великой России рѣдко гдѣ обрѣтаются славенския Библии... и иных. — Здесь переложение письма Димитрия Ростовского Стефану Яворско-

му от 4 декабря 1707 г. Ср.: «Помню, же в нашой малоросийской сторонѣ трудно о Быблии славенскии, велми мало, где обрѣтаются и купити насилу достанет, и рѣдко хто от духовного чина вѣдает порядок историй быблийных, что когда дѣялося ⟨...⟩ для того хотел бым, аще бы поспѣшил Господь вашими святыми молитвами, въкратцѣ Быблийную историю подати таковым в вѣдение, книжкою не зѣло великою, мѣрною, чтоб могл всяк недорого купити, и латво о всѣх, яже в Быблиах, увѣдати историах, каковым идут порядком».

Стр. 110. *...по лѣточислению четвертыя тысячи шестаго ста лѣт дѣяния написаны.* — «Келейный летописец», как известно, является незавершенным сочинением святителя Димитрия Ростовского. История была доведена до 4600 года от Сотворения мира, или до 908 г. до н. э.

...принятися за Псалтирь... — В письме иеромонаху Феологу от 7 октября 1708 г. Димитрий Ростовский писал: «А еще и о Псалтирѣ помысл бывает, жаль, что и Апокалипсиса бринскии богословци не путием толкуют».

Алфавит духовный — сочинение Исайи Копинского (1580 (?)—1640), митрополита Киевского и Галицкого (1631—1632), неверно приписываемое Димитрию Ростовскому (ошибка эта встречается и в современных изданиях и исследованиях). Димитрий Ростовский проявлял к этому сочинению большой интерес: в частности, в 1705 г. Димитрий подарил рукопись «Алфавита духовного» тобольскому митрополиту Филофею Лещинскому, а в келейной авторизованной рукописи митрополита имеется список «Алфавита духовного» с указанием на Исайю Копинского как на автора книги (см.: *ГИМ*, Синодальное собр., № 146, л. 2—109 об.). Изначальное название сочинения — «Лествица духовная по Бозе жития иноческого, трудолюбне составлена в пользу иноком и мирским богоугодно жити хотящим». Книга была издана в 1710 г. в Киевской лавре (без указания автора) с заголовком «Алфавит духовный» по названию одной из глав рукописи — кратких поучений, изложенных в алфавитном порядке. По ошибке издателей «Алфавит духовный» был опубликован и в Собрании сочинений Димитрия Ростовского, так как текст находился среди сочинений митрополита. Кроме того, в 1879 г. краткое собрание поучений было издано московским Обществом распространения полезных книг под названием «Краткий духовный алфавит Дмитрия Ростовского». К тому времени полный текст «Алфавита духовного» Исайи Копинского выдержал уже более 10 изданий, но ни в одном из них автор не был указан, вследствие чего автором сочинения продолжали считать Димитрия Ростовского. Кроме трех предисловий (одно из них — посвящение Иоасафу Кроковскому), «Алфавит духовный» состоит из трех частей и заключительного раздела, включающего 5 стихотворных молитв.

Руно орошенное — сочинение Димитрия Ростовского, описывающее чудеса, происходящие от образа «пресвятой и преблагословенной Девы Марии», находящегося в Троицком Ильинском Черниговском монастыре. Икона была написана в 1658 г. монахом Геннадием (Григорием Дубенским). Первое издание книги «Руно орошенное» вышло в Чернигове в 1683 г., последующие переиздания — 1689, 1691, 1696, 1697, 1702, 1750 гг. Последние издания относятся уже к современному времени, см.: Святитель Димитрий Ростовский. Руно орошенное. СПб.: Миръ, 2003; Дмитро Туптало. Руно орошенное / Підгот. тексту, передмова та коментарі О. Тарасенка // Сіверянський літопис. 2009. № 1. С. 30—50; № 2—3. С. 206—227; № 4. С. 151—173. Долгое время считалось, что «Руно орошенное» является первым изданным сочинением Димитрия Ростовского. Однако в основе этого сочинения лежит книга «Чуда пресвятой и преблагословенной Дѣвы Марии, дѣючиися от образа еи чудотворнаго в монастиру святаго славнаго пророка Илии Чернѣговском», написанная по повелению архиепископа Лазаря Барановича в 1677 г. и напечатанная в этом же году в типографии Новгорода-Северского, и она является первым опубликованным прижизненным сочинением Димитрия Ростовского. Книги имеют ряд отличий: в «Чудах» — украинское наречие, в «Руне орошенном» — славянский язык; в первой книге — 22 чуда, во второй — 24, в «Руно орошенное» добавлены также «Беседы» и «Прилоги» нравоучительного характера.

...в монастырѣ Ильинском Черниговском... — Черниговский Ильинский монастырь был основан Антонием Печерским около 1069 г. Монастырь сильно пострадал во время монголо-татарского нашествия. Со второй половины XVII в. он являлся кафедрой черниговских архиепископов, сюда была переведена Новгород-Северская типография. После строительства собора Святой Троицы (окончание строительства — 1695 г.) монастырь стал называться Троицко-Ильинским монастырем.

...в Черниговѣ в лѣто 1696 печатным тиснением издана. — Это третье издание книги «Руно орошенное».

...«Апологиа, во утоление печали человѣка, сущаго в бѣдѣ, гонении и озлоблении, составленная»... — Полное название книги — «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении, вкратце сложенная по совету святаго апостола Павла, глаголющаго: Утешайте друг друга и созидайте кийждо ближияго (1 Солун. 5: 44)». При жизни Димитрия Ростовского книга была издана дважды в Чернигове: в 1696 и 1700 гг., после его смерти в Чернигове и Могилеве в 1716 г., затем в Москве в 1779 г. при переводе сочинения Жирара де Вильтьери «Душеспасительные размышления о познании Бога и наставлении самого себя». Все эти издания не имели указания на авторство Димитрия Ростовского. Как сочинение святителя Димитрия Ростовского «Апология...» была издана в первом собрании сочинений автора: Собрание разных поучительных... Т. 6. Л. 59 об.—74 об.

...в лѣто 1715 напечатана. — Здесь ошибка, книга напечатана в 1716 г.

«Краткий Катехизис» — «Вопросы и ответы краткие о вѣрѣ, или Краткий Катехизис». Хотя сочинение опубликовано в Собрании разных поучительных слов... (Т. 6. Л. 1—32), оно, вероятно, не принадлежит Димитрию Ростовскому.

«Благодарственное размышление о страстѣх Христовых» — имеется в виду текст «Благодарственное страстей Христовых воспоминание и молитвенное размышление паче иных молитв зѣло полезное, еже должно по вся пятки совершати». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 72 об.—77 об.

«Цѣлование удов, или ран Господа Бога нашего Иисуса Христа» — «Цѣлование удов, или ран Господа Бога нашего Иисуса Христа на всяк день». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 78 об.—79.

«Плачь на погребение Христово» — произведение датируется в рукописях 1703 г. Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 96—99 об.

«Поклонение святѣй Троицѣ» — нач.: «Вся силы души моея, приидите и поклонимся Богу в Троицѣ единому Отцу и Сыну и Святому Духу...». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 100.

«Поклонение Господу нашему Иисусу Христу» — нач.: «Приидите, поклонимся: трижды. Поклоняюся твоему прежде денницы от Отца без Матере рождению...». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 88 об.—91 об.

«Поклонение Пресвятой Богородицѣ» — нач.: «Приидите, поклонимся царицѣ нашей Богородицѣ...». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 101 об.

«Разсуждение о причащении Божественных Таин» — вероятно, автор имеет в виду сочинение «О причащении Святых Таин». В состав этого сочинения входит текст «Поклонения пречистым Христовым Тайнам». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 92—96. Димитрию Ростовскому принадлежит и трактат «Разсуждение о пресуществлении святейшей Евхаристии», не имевший большого распространения в рукописной традиции, см. издание: О времени пресуществления св. даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века (опыт исторического изследования), Григория Мирковича. Вильна, 1886.

«Поклонения пречистым Христовым Тайнам» — см. коммент. к статье «Разсуждение о причащении божественных таин».

«Молитва исповѣдания повседневнаго» — нач.: «Уединенное мѣсто обрѣт и сам един быв, сяди, размышляя твое житие...». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 43—48.

«Исповѣдание грѣхов генеральное» — «Исповѣдание грѣхов генеральное, глаголемое пред иереем от лица кающагося». Сочинение опубликовано в Собрании разных поучительных слов... (Т. 6. Л. 88—90), но оно, вероятно, не принадлежит Димитрию Ростовскому.

«Молитва, или краткое воспоминание страстей Христовых» — «Молитва, или краткое страстей Христовых воспоминание». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 90 об.—92.

«Врачевство духовное на смущение помыслов со многими примѣрами, от различных отеческих книг вкратцѣ выбранными» — нач.: «Понеже мнози суть стужаемы и смущаемы от

злых мыслей, наипаче же хульных, врагу навѣтующу...». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 32 об.—42 об.

«Духовное обучение внутренняго человѣка, в клѣти сердца наединѣ поучающагося и молящагося втайнѣ» — имеется в виду сочинение Димитрия Ростовского «Внутренний человѣк в клѣти сердца своего уединен, поучающся и молящся втайнѣ». Первая публикация: Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 48—54.

...первую — о славенском народѣ... — Возможно, имеется в виду «Синопсис», но это не сочинение Димитрия Ростовского, его автором был Иннокентий Гизель (1600—08.11.1683).

...вторую — о построении церквей и о поставлении в России архиереев. — Вероятно, имеется в виду «Каталог митрополитов киевских с Летописанием вкратце» — сочинение, посвященное истории Русской церкви. Текст приписывается Димитрию Ростовскому, первая публикация: Роспись митрополитов киевских с кратким летописанием // Рубан В. Г. Московский любопытный месяцеслов. М., 1776. С. 54—109.

...нѣколико духовных пѣсней... — Имеются в виду духовные песнн, или псальмы. Святитель Димитрий Ростовский считается автором ряда духовных песнопений, или псальмов, однако определить точное количество написанных им текстов не представляется возможным, не сохранилось авторской рукописи с этими текстами, нет прижизненного издания. Имеются две псальмы, содержащие акростих: «Иисусе мой прелюбезный» (акростих: Иеромонах Димитри) и «Добраго воя цареви избранна» (акростих: Димитри Савич архимандрит Новгородски). В конце издаваемого нами Жития также названо три песнопения: «Иисусе мой прелюбезный», «Надежду мою в Бозе полагаю», «Ты мой Бог, Иисусе, ты моя радосте». В издании Аристарха Израилева к этим трем добавлено еще пять: «Похвалу принесу сладкому Иисусу», «Христе мой Боже, Иисусе сладчайший», «Превзыдох меру, о мой вечный Боже», «Воплю к Богу в беде моей», «Мати милосердна! Ты еси ограда» (Псалмы, или духовные канты, сочинения Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, изданные протоиереем церкви святителя Стефана, епископа Пермского, что при Первой Московской гимназии, Аристархом Израилевым. М., 1899).

Стр. 110—111. *...других стихотворений довольное число.* — Димитрий Ростовский был мастером сложения стихов, в его творчестве немало тому примеров, начиная с первых сочинений, например «Руна орошенного», кончая «Комедией на Рождество Христово» («Рождественской драмой»). Большая часть его поэтического наследия опубликована в издании: Українська поезія. Середина XVII ст. / Упор. Крекотень В. І., Сулима М. М. Киев, 1992. С. 278—329.

Стр. 111. *Ибо аще и обрѣтается в Ростовѣ... поучительных слов и других нѣкоторых сочинений сего трудолюбиваго мужа великая книга, полууставом писанная...* — Трудно определить, какие именно сохранившиеся рукописные сборники произведений Димитрия Ростовского послужили основой первого издания его сочинений, при котором напечатано данное Житие святителя, но совершенно очевидно, что это были большие рукописные сборники сочинений митрополита. Большинство представленных в них произведений — это помещенные в календарном порядке проповеди, сначала на подвижные праздники, начиная с Недели о Мытаре и Фарисее, затем на неподвижные праздники, начиная с сентября, с добавлением других мелких сочинений. Часто эти сборники имеют на титульном листе заглавия типа: «Поучения преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, на недѣльные и праздничные дни, егоже архиерейскими трудами сочиненные». Внутри сборников проповеди уже не имели указания на авторство святителя Димитрия Ростовского.

...в Малой же России сказыванных имѣется в той книгѣ числом токмо пять. — Известно 13 проповедей, сказанных Димитрием Ростовским на Украине, которые сохранились в рукописной традиции. Первая произнесенная на украинском языке и сохранившаяся проповедь «Казание на страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (Чернигов, 13 апреля 1677 г.) издания на украинском языке не имеет; первая публикация на русском языке: Сочинения святаго Димитриа, митрополита Ростовскаго. М., 1842. Т. 5. С. 27—68. 8 проповедей («Пирамис албо столп во блаженной памяти преставленнаго высоцѣ в Богу превелебнаго его милости господина отца Иннокентия Гизеля, архимандрита святой великой чудотворной лавры Печерской Киевской, ку вѣчной памяти в год по погребении его при соборной понахидѣ, проповѣдию слова Божого по-

ставленный року 1685 мѣсяца февруария в 24», «Слово на Сошествие святого Духа», «Слово на Успение пресвятыя Богородицы», «Брань святаго архистратига Михаила, воеводы сил небесных, и ангелов его с седмоглавым змием», «Слово на Святую Троицу», «Слово на Рождество Христово», «Слово в недѣлю 7 по Пасце», «Слово в недѣлю 27, о жене сляченной») изданы на украинском наречии в кн.: Титов А. А. Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украиском наречии. М., 1909. «Слово на память великомученицы Варвары», «Слово второе на память великомученицы Варвары» имеют современное издание; «Слово (второе) на Рождество Христово» и «Слово на праздник Благовещения пресвятой Богородицы» не изданы.

...из соборной ростовской церкви... — Имеется в виду Успенский собор Ростовского Кремля, см. коммент. к с. 106.

Крестное хождение, крестный ход — торжественное церковное шествие верующих с большим крестом, или крестами (отсюда и название), иконами, хоругвями и другими христианскими святынями с целью прославления Бога, испрашивания у него милости. Крестный ход может совершаться или по замкнутому маршруту, например вокруг поля, села, города, храма, или по особому, где исходный и конечный пункты следования различны (из храма в храм, из храма к реке для освещения воды и т. д.).

...во град Ярославль... — В XVII в. Ярославль был вторым по величине и третьим по торговому обороту русским городом.

...в соборной и других того града церквах... — Главным кафедральным собором Ярославля был Успенский собор, заложенный в 1215 г. ростовским князем Константином Всеволодовичем (канонизирован в 1501 г.). Собор ко времени Димитрия Ростовского дважды перестраивался в начале XVI в. и в середине XVII в.

Стр. 112. *...и к двору своему грядущу...* — Местом резиденции митрополита в Ярославле были Митрополичьи палаты, построенные в 1680-е гг. ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем, они представляли собой большой двухэтажный дом с великолепно оформленными фасадами, разделенный широкими поперечными сенями на две почти равные части, поблизости от него находилась церковь Святого Леонтия Ростовского.

В реченной книгѣ «Розыскѣ» между иными приложил и о брадах довольное разсуждение... — Эпизод, описанный в Житии и заимствованный из «Розыска о раскольнической брынской вере» (ч. II, гл. 19), связан со следующими обстоятельствами. 19 августа 1698 г. вышел первый указ Петра I «О ношении немецкого платья, о бритии бород и усов, о хождении раскольникам в указанном для них одеянии», запретивший с Нового года, с 1 сентября, ношение бород. Запрет на ношение бороды вызвал бурное недовольство во всех слоях общества. Были зафиксированы случаи массового неповиновения и даже самоубийств по этому поводу не только среди духовенства или старообрядцев, но и в светской среде. Запрет вступал в конфликт с культурными традициями и религиозными нормами: брадобритие было официально запрещено правилами VI Вселенского собора и святоотеческими писаниями, и Церковь считала бритье бород грехом и не благословляла безбородых. Новым указом от 16 января 1705 г. «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяков, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков» была установлена разрядная сетка налогов, для этого был утвержден «бородовой знак» в виде медного жетона.

Почасту призываем бысть в Москву... — Согласно «Диариушу», вторую половину 1705 г. и первую половину 1706 г. Димитрий провел в Москве: «1705. Сего года августа мѣсяца в послѣдних числех по указу поехал в Москву на череду. 1706 Июня в первых числех воротилъся с Москвы в Ростов». В августе 1708 г. Димитрий Ростовский приезжал на хиротонию Иоасафа Кроковского: «1708. Архимандрит Печерский Иоасаф поставлен митрополит Киеву на Москвѣ августа 15. Были и мы на поставлении».

...божественныя службы совершаше и слово Божие проповѣдоваше... — За этот период в Москве Димитрием Ростовским было произнесено немало известных и датированных в рукописях проповедей — в 1705 г.: «Поучение второе в неделю 5 по святом Дусе» (1 июля, Донской монастырь), «Поучение в день чуда святаго архистратига Михаила» (6 сентября, Чудов монастырь), «Поучение на память святаго великомученика Евстафиа Плакиды» (20 сентября, Спа-

со-Преображенский собор Новоспасского монастыря), «Поучение в четверток по 20 недели» (18 октября, место произнесения неизвестно), «Слово на поминовение Тимофея Борисовича окольничаго, иже сын бе болярина Бориса Гавриловича Юшкова» (20 октября, Алексеевский монастырь), «Поучение на память преподобных отец наших Варлаама и Иоасафа индийских» (19 ноября, Измайловский Покровский собор), «Поучение в неделю 25 по святом Духе» (22 ноября, место произнесения неизвестно), «Поучение на память святыя великомученицы Екатерины» (24 ноября, место произнесения неизвестно), «Слово в субботу 4 недели Великаго поста — Панихида по Федору Яковлевичу Турченину» (27 ноября, церковь Козьмы и Дамиана в Кадашевской слободе), «Слово о прошении милостыни на созидание церкве» (точная дата и место произнесения неизвестны), «Поучение на пречестную память великаго святителя Николая архиепископа, мирликийскаго чудотворца» (6 декабря, место произнесения неизвестно), «Поучение на память иже во святых отца нашего Петра, митрополита Всероссийского» (21 декабря, место произнесения неизвестно), «Слово третье в неделю по воздвижению честнаго Креста» (точная дата произнесения неизвестна, Успенский собор, проповедь повторена в 1706 г.); в 1706 г.: «Поучение в неделю Страшнаго Суда» (20 января, место произнесения неизвестно), «Слово на память святаго праведнаго Симеона Богоприимца» (3 февраля, место произнесения неизвестно), «Поучение в неделю сыропустную» (10 февраля, место произнесения неизвестно), «Слово на память святаго Алексиа, митрополита Московскаго и всея России» (12 февраля, место произнесения неизвестно), «Слово в неделю 5 Великаго поста» (3 марта, место произнесения неизвестно), «Поучение на Благовещение пресвятыя Богородицы, и понедельник Воскресения Христова светлый» (25 марта, место произнесения неизвестно), «Слово в неделю святых жен мироносиц» (7 апреля, место произнесения неизвестно), «Поучение на Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (2 мая, место произнесения неизвестно), «Слово на поминовение Иоанна Семеновича Грибоедова, стольника его царскаго величества» (7 мая, место произнесения неизвестно), «Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича» (3 июня, место произнесения неизвестно), «Слово о молитве, в неделю 4 по святом Дусе» (9 июня, место произнесения неизвестно), «Поучение в неделю 6 по святом Дусе, в той же день празднество сретения иконы пресвятыя Богородицы Владимирския» (23 июня, место произнесения неизвестно), «Поучение на память святых верховных апостол Петра и Павла» (29 июня, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря), «Поучение о страстех Христовых» (1706 г., место произнесения неизвестно); в 1708 г.: «Поучение в недѣлю 13 по святом Дусе» (22 августа, Успенский собор), «Поучение на память святых мученик Адриана и Наталии» (26 августа, место произнесения неизвестно), «Поучение в неделю 14 по святом Дусе, и усекновение честныя главы святаго славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» (29 августа, Иоанно-Предтеченский женский монастырь).

...от надписей при тѣх поучениях, на брезѣ означенных. — Имеются в виду заметки на полях рукописи.

Стр. 113. *Иоанн (Иван V) Алексеевич* — см. коммент. к с. 103.

Прасковья Федоровна (12.10.1664—13.10.1723) — царица, урожденная Салтыкова, супруга царя Иоанна V Алексеевича (с 1684 г.). В 32 года, после смерти мужа, осталась вдовой с тремя дочерьми — Екатериной, Анной и Прасковьей.

Алексей Михайлович (17.03.1629—29.01.1676) — царь из династии Романовых (с 1645 г.), отец Петра I.

Мария Алексеевна (18.01.1660—09.03.1723) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, родная сестра царевны Софьи Алексеевны, была в опале и заточении (1718—1721) за то, что поддерживала отношения с царевной Софьей, с Евдокией Лопухиной, первой женой Петра I, и царевичем Алексеем.

Феодосия Алексеевна (29.03.1662—14.12.1713) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, в 1698 г. приняла монашеский постриг с именем Сусанна.

Наталья Алексеевна (21.07.1873—22.11.1716) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной, любимая сестра Петра I, во всем поддерживавшая реформы брата.

Тое одѣяние и донынѣ на нем обрѣтается. — В Доношении о мощах преосвященного митрополита Димитрия Ростовского сказано, что при вскрытии гробницы «одеяние на нем омофор, саккос, поручи и другое — все нетленное».

...воспоминание пяти язв Христовых... — Димитрию Ростовскому принадлежит ряд текстов, посвященных страстям Христовым: «Благодарственное страстей Христовых воспоминание и молитвенное размышление паче иных молитв зѣло полезное, еже должно по вся пятки совершати» (Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 72 об.—77 об.), «Богомысленное размышление о пресвятых страстех Господа нашего Иисуса Христа» (Собрание разных поучительных слов... Т. 1. Л. 79 об.—88 об.), «Молитва, или краткое страстей Христовых воспоминание» (Собрание разных поучительных слов... Т. 6. Л. 90 об.—92), «Поклонение пречистым пяти язвам Христовым» (М., 1858. С. 1—10).

Отче наш — молитва Господня, см. Мф. 6, 9—13; Лк. 11, 2—4.

Да идѣже аз, ту и слуга мой будет — Ин. 12, 26.

«Богородица Дѣво, радуйся» — богородичная молитва, или «ангельское приветствие», потому что она составлена из слов архангела Гавриила, которыми он приветствовал Пресвятую Деву Марию, говоря ей о рождении от нее Спасителя.

Великая четыредесятница — Великий пост, время строгого воздержания, приготавливающее христиан к встрече праздника Пасхи. Великая четыредесятница установлена в воспоминание 40-дневного поста Иисуса Христа в пустыне. Великий пост начинается за семь недель до праздника Пасхи и состоит из 6 недель Четыредесятницы и Страстной седмицы. Общее продолжение Великого поста вместе со Страстной седмицей — 48 дней.

Страстная неделя (седмица) — последняя неделя Великого поста, предшествующая Пасхе, во время которой вспоминается Тайная вечеря, предание на суд, страдания, распятие и погребение Иисуса Христа.

...Великий Четверток единожды... — Страстной четверг, Чистый четверг. В христианстве все дни Страстной седмицы носят название «Великих». В Великий четверток вспоминается Тайная вечеря и установление Иисусом Христом таинства Евхаристии. На Страстной седмице в понедельник, вторник и среду верующим разрешается только сухоядение. В Великий четверг трапеза совершается раз в день, после вечерни. В Страстную Пятиицу — полное воздержаиие от пищи и питья.

...искусный в славянском, латинском, греческом, еврейском и польском языках... — Димитрий Ростовский, безусловно, блестяще владел латиниским и польским языками, его позиания в греческом и еврейском были более скромными.

Духовная — см. коммент. к с. 97.

Стр. 113—114. *...от того бо времени, егда восприя на ся иноческий образ и обѣща Богови извольную нищету, даже до преставления своего не токмо нимало не печашеся о стяжании многаго имѣния и не собираше... злата и сребра, но ниже изволяше имѣти излишних одежд или других каких-либо вещей, кромѣ самых нуждных... и всѣ, егда бысть во игуменах и архимандритах, такожде и во все время пребывания его во архиерействѣ келейныя приходы ово на свои, ово на монастырския истощеваше потребы...* — Воспроизведение текста Духовной митрополита Димитрия Ростовского.

Стр. 114. *Крестовая палата* — Крестовая палата входила в жилое помещение митрополита (Самуилов корпус), находилась посреди Архиерейского двора у небольшого пруда. Здание было построено в XVI в., перестроено в XVII и XVIII вв., при митрополите Самуиле его сделали трехэтажным. Жилые покои митрополита состояли из Крестовой палаты, сеней и жилых келий, кроме того, в корпусе была небольшая домовая церковь Всех Святых. Однако святитель Димитрий Ростовский жил в «Доме на погребах».

...бѣ, по Иову, «око слѣпым, нога же хромым». — Иов. 29, 15.

А дабы по смерти его никто не искал в храминах его злата... служащих при келлии его о том не истязывал... — Воспроизведение текста Духовной митрополита Димитрия Ростовского.

...преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому... — Стефан Яворский (1658—27.11.1722), в миру Симеон Иванович Яворский. Получил образование в Киево-Могилян-

ской академии, затем учился во Львове, Люблине, Познани и Вильне, игумен Свято-Никольского Пустынного монастыря (1697—1700), митрополит Рязанский и Муромский (1700—1701), местоблюститель Патриаршего престола (1701—1721), президент Духовной коллегии (Святейшего правительствующего синода) (1721—1722).

...прежде скончается, тогда погребению его предати преосвященному Стефану Рязанскому. — Эти сведения относятся к устному преданию, в прижизнениых письменных источниках не зафиксировано.

...весьма часто посылаше писания от себя... — Известио 4 письма Димитрия Ростовского Стефану Яворскому (от 4 декабря 1707 г., 11 декабря 1707 г., между 8 и 20 января 1708 г., 24 февраля 1708 г.).

Прасковья Федоровна (Салтыкова) — см. коммент. к с. 113.

...чудотворной Пресвятыя Богородицы иконѣ, нарицаемой Тольской... — Толгская икона Божьей Матери — икона, почитаемая в Русской православной церкви, относится к иконописному типу Елеуса (Умиление). Икона была явлена в 1314 г. ростовскому епископу Прохору (в схиме Трифону) на правом берегу Волги напротив впадения в нее реки Толги. На месте ее обретения была построена и освящена церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Древнейший список иконы (кон. XIII в.), относящийся к «тронному» изображению Богоматери, хранится в Третьяковской государственной галерее. «Явленная» икона Толгской Божьей Матери, которой предание приписывает многочисленные чудеса, хранилась в Ярославском Толгском Введенском монастыре, в 1920-е гг. была передана в Ярославский художественный музей, в 2003 г. возвращена в монастырь. Икона считается покровительницей Ярославской земли, празднование в честь иконы — 8 августа. В XVI в. на основе местных преданий было написано «Сказание о чудесном обретении Толгской иконы Божьей Матери», которое сохранилось в нескольких редакциях. Одна из редакций была написана Димитрием Ростовским и помещена под 8 августа в его Четьих Минеях (т. 4).

...из Тольския обители... — Ярославский Толгский Введенский монастырь был основан епископом Прохором в 1314 г. на месте обретения им иконы Божьей Матери, ставшей главной святыней обители, где н была построена первая церковь монастыря в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1928 г. монастырь был закрыт, вновь открыт в 1987 г., став женским монастырем. В научной литературе отмечают, что Димитрий Ростовский первый допустил ошибку, назвав основателем монастыря Прохора, якобы получившего в схиме имя Трифон. Однако это замечание не имеет под собой основания: Димитрий Ростовский как раз первый указал в своем «Летописце о ростовских архиереях», что епископа с именем Трифон в Ярославле в то время «не обреталось», а Прохор, согласно историческим данным, не принимал схимы ни во время управления епархией, ни перед смертью. Ошибка идет из «Хронологического указателя иерархов Ростовской и Ярославской паствы от учреждения ея при св. равноапостольном в. кн. Владимире до настоящего времени» (СПб., 1859), составленного Нилом, архиепископом Ростовским и Ярославским (1799—1874), на основе «Летописца о ростовских архиереях» Димитрия Ростовского, в который именно архиепископ Нил впервые вписал: «17. Прохор, с 1311 года. Хиротонисан в епископа из архимандритов Ярославскаго Преображенскаго монастыря. В схимничестве носил имя Трифона». Сам же Димитрий Ростовский в своей редакции «Сказания о ее чудесном обретении Толгской иконы Божьей Матери» осторожно пишет: «Епископ ростовский Прохор (от иных зовомый Трифон), посѣщая паству свою...». В «Епистоляре» Димитрия Ростовского под 1708 г. сказано «Ноября в 21 на Введение Пресвятыя Богородицы, в день недельный, служил архиерей в Толгском монастыре, и поучения к народу говорил доволно, в коем поучении раздавал духовные свещи всякому чину по достоинству».

...архиерейскаго казначея иеромонаха Филарета... — Имеется в виду Филарет — иеромонах, игумен Ярославского Толгского Введенского монастыря (1724—1728, с 1726 г. — архимандрит), 19 мая 1728 г. уволен от должности и оставлен на покое в моиастыре. При Димитрии Ростовском занимал важную должность казначея Ростовского архиерейского дома, в ведении которого была митрополичья казна, митрополичий архив, книгохранилище, «товары» хозяйственной жизни Митрополичьего двора и т. д. Поэтому не случайно, что «Роспись книг келейных», оставшихся после смерти Димитрия Ростовского, была составлена именно иеромонахом Филаретом (см. первую

публикацию: Москвитянин. 1855. № 21—22. С. 79—86). Сохранился черновик письма Димитрия Ростовского от 11 августа 1708 г. иеромонаху Филарету.

Царица Небесная и царица земная... — Имеется в виду икона Толгской Божьей Матери и царица Прасковья Федоровна (Салтыкова).

Стр. 115. *День тезоименитства* — именины, день памяти святого, имя которого было дано христианину при крещении, для монашествующих — день памяти святого, имя которого было дано им при постриге.

...святаго великомученика Димитриа Селунскаго... — См. коммент. к с. 98.

...при царских дверѣх... — Царские врата — главные врата иконостаса, ведут в алтарную часть храма и символизируют собой врата Рая.

...читал же тое поучение, от него самаго прежде приготовленное, по тетради един из пѣвчих. — Сохранилось две прочитанные в Ростове проповеди на память святаго великомученика Димитрия Солунского, одна из них сохранилась не полностью и датируется 1705 г.

...из города Переславля Залѣсскаго обители преподобнаго Даниила столпника... — Имеется в виду Свято-Троицкий Данилов монастырь в Переславле-Залесском. Монастырь был основан в 1508 г. преподобным Даниилом Переславским, в то время иноком Переславского Никитского монастыря (1460(?)—07.04.1540), который впоследствии стал духовником царя Василия III и по преданию был крестным отцом царя Ивана Грозного. В первые десятилетия своего существования монастырь пользовался покровительством московской великокняжеской семьи; значительно пострадал и утратил свое влияние в Смутное время, вновь отстраивался во второй половине XVII в.

...архимандрит Варлаам... — Варлаам Высоцкий (1665—05.08/25.07.1737) — игумен Борисоглебского Песоцкого монастыря в Переславле-Залесском (1704—1709), архимандрит Переславского Свято-Троицкого Данилова монастыря (1710—1726), архимандрит Троице-Сергеева монастыря (1726—1737), духовник императрицы Анны Иоановны, царевен — дочерей царя Алексея Михайловича — Натальи, Екатерины, Марфы, Феодосии, Марии, царицы Прасковьи Федоровны и ее трех дочерей. Присутствовал на коронации Екатерины I, участвовал в погребении Петра I, принимал участие в чреде богослужений при императорском дворе, в 1730 г. был назначен в состав конференции Синода с Сенатом, но ни разу не был на заседаниях. В 1734 г. основал Троице-Сергиеву приморскую пустынь на Петергофской дороге, где и был погребен в 1737 г. Варлаам сыграл важную роль в распространении почитания переславских святых, в частности преподобного Корнилия Молчальника, переславского чудотворца, начало канонизации которого было положено Димитрием Ростовским, освидетельствовавшим в 1705 г. мощи Корнилия Молчальника и приказавшего перенести останки преподобного в только что построенную церковь Пресвятой Богородицы Одигитрии Смоленской Борисоглебского Песоцкого монастыря.

...Варсонофиа Евфимиевна, роду Козинских... — Монахиня, в миру Василиса Ефимовна Козинская. Отец ее Ефим Иванович Козинский имел земли в Переславском уезде, она была родственницей генерал-фельдмаршала И. Ю. Трубецкого и патрираха Иоакима (Савёлова). Жила в покоях царицы Натальи Кирилловны, потом в селе Преображенском при царевне Наталье Алексеевне, соответственно при царевиче Алексее Петровиче, находящемся под ее опекой. Отсюда и происходит ошибочное указание на то, что Варсонофия Козинская была кормилицей царевича Алексея. Остается неясным, сама ли она имела желание постричься или была сослана царевичем Алексеем в ноябре 1708 г. для пострижения в Александрову слободу, в Свято-Успенский женский монастырь, в Синодике которого она упомянута (там же находились ее вклады — Евангелие в позолоченном окладе и мощевики). С 1718 по 1753 г. по именному императорскому указу получала жалованье на свое содержание в монастыре в размере 20 рублей.

Алексей Петрович — Алексей Петрович Романов (18.02.1690—26.06.1718) — царевич, старший сын Петра I и его первой жены Евдокии Лопухиной. За тайное бегство за границу Алексей был лишен права на престолонаследие, предан суду и осужден на смерть как изменник. Умер в Петропавловской крепости.

Вечернее пение — вечернее богослужебное последование.

Певчий — певец церковного хора.

«Иисусе мой прелюбезный», «Надежду мою в Бозѣ полагаю», «Ты мой Богъ Иисусе, ты моя радосте» — см. коммент. к с. 110.

Стр. 116. *...при нем много потрудися в преписывании всяких сочинений.* — Известен основной писец ростовского скриптория святителя Димитрия — Савва Яковлев. К сожалению, кроме имени, о нем ничего не известно, вероятно, он был и певчим при Димитрии Ростовском.

...в большой колокол... — В 1682 г. к Успенскому собору по распоряжению Ионы Сысоевича, митрополита Ростовского, пристраивается звонница, для которой были отлиты два колокола «Полиелейный» в 1000 пудов и «Лебедь». Позже, в 1688 г., был отлит большой колокол в 2000 пудов, получивший имя «Сысой» в память об отце митрополита Ионы.

...в архиерейския келлии... — Помещения, в которых жил Димитрий Ростовский. Они находились в «Доме на погребах», строительство которого началось в 70—80-е гг. XVII в. при митрополите Ионе Сысоевиче. Конфигурация здания, входящего в комплекс Ростовского архиерейского дома, следующая: подвальный каменный этаж, каменный первый этаж и деревянный второй этаж. Уже предшественник Димитрия, митрополит Иоасаф Лазаревич (1690—1701), верхнюю часть этого здания превратил в жилое помещение. Сейчас там находится гостиница.

...а под главу вмѣсто возглавия и под все тѣло по завѣщанию его положены разныя вчернѣ писанныя его рукою сочинения... — Черновые списки сочинений Димитрия Ростовского были положены в гроб при его погребении, о чем свидетельствуют записи в рукописях, например: «По повелѣнию в ракѣ тѣло ево послали черными ево руки книгами в тетратех, а смерти себѣ всегда ожидал около своих имянин и с другими о том говаривал». К 1752 г. эти рукописи истлели, в доношении Святейшему Правительствующему Синоду от 17 октября 1752 г. сказано: «Да под главою оного покойного преосвященнаго Димитрия митрополита положенные трудов его писания, писанныя на бумагѣ, истлѣли».

...в церковь Всемилостиваго Спаса, что на Сѣнях... — Церковь Спаса на Сенях, построенная в 1675 г. при Ионе Сысоевиче, являлась домовой церковью ростовских архиереев. Вход в церковь — с большого гульбища, соединяющего ее с бывшими жилыми покоями митрополитов — Самуиловым корпусом.

...государыня царица Параскева Феодоровна со дщерьми своими благовѣрными царевнами... — Прасковья Федоровна в 32 года осталась вдовой с тремя дочерьми — Екатериной, Анной и Прасковьей, в это время все три дочери жили еще при матери в селе Измайлово, их называли «измайловскими царевнами».

Екатерина Иоанновна (29.10.1691—14.06.1733) — царевна, старшая дочь царя Иоанна V Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны (Салтыковой), в замужестве герцогиня Макленбург-Шверинская, ее дочь Анна Леопольдовна была регентшей при малолетнем сыне — царе Иоанне VI Антоновиче (1740—1741).

Прасковья Иоанновна (24.09.1694—08.10.1731) — царевна, младшая дочь царя Иоанна V Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны (Салтыковой). После смерти матери тайно обвенчалась с сенатором И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Разделяла увлечение своих сестер театром.

Анна Иоанновна (28.01.1693—17.10.1740) — российская императрица (1730—1740), средняя дочь царя Иоанна V Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны (Салтыковой), с 1710 г. — курляндская герцогиня, выдана замуж за Фридриха Вильгельма, герцога Курляндского. Была возведена на российский престол Верховным тайным советом с ограниченными полномочиями, но, распустив Верховный тайный совет, восстановила абсолютизм. По имени ее фаворита Эрнста Бирона время ее правления называется «бироновщина».

...собором отслужити... — Имеется в виду соборное служение — торжественное совместное совершение богослужения (сослужение) несколькими священнослужителями.

Панихида — церковная служба по умершим. Совершаются панихиды как до погребения усопшего, так и после. Здесь панихида была совершена еще до погребения митрополита.

...в Богоявленском монастырѣ...— Согласно легенде, Богоявленский Авраамиев монастырь основан в XI в. на месте сокрушения архимандритом Авраамием идола Велеса, в летописи впервые упоминается в XIII в. Расположен в двух километрах от Ростова по дороге на Ярославль. Монастырь сильно пострадал во время монголо-татарского нашествия и в Смутное время. Извест-

но, что Иван IV, отправляясь в поход на Казань, взял с собой жезл Авраамия, хранившийся в монастыре. В 1553—1554 гг. был построен каменный Богоявленский собор «на победу и одоление Казанского царства» — один из ранних памятников обетного строительства, предпринятого Иваном Грозным после взятия Казани. Рядом расположена Введенская церковь, построенная около 1650 г. по заказу настоятеля монастыря Ионы, будущего ростовского митрополита Ионы Сысоевича.

...преподобнаго Аврамиа, архимандрита Богоявленскаго, ростовскаго же чудотворца... — Авраамий Ростовский — преподобный, основатель Ростовского Авраамиева в честь Богоявления монастыря, первого монастыря в Северо-Восточной Руси. Исследователи расходятся во мнении о времени жизни святого, полагая, что он мог жить как в конце XI, так и в XIV в. Согласно Житию преподобного Авраамия, он чудесным образом получил от Иоанна Богослова жезл, которым сокрушил каменного идола Велеса. Был канонизирован до Макарьевских соборов 1547—1549 гг. Мощи Авраамия Ростовского хранятся в Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре.

Стр. 117. *...к Петровскому монастырю, на пути же от Ростова к Ярославлю стоящему...* — По преданию, Ростовский Петровский монастырь основан в сер. XIII в. одним из потомков Чингисхана — крещеным царевичем Петром Ордынским, мощи которого находились в соборе на месте явления святых апостолов Петра и Павла. Монастырь расположен в северо-восточном конце города по направлению к Ярославлю, за Богоявленским Авраамиевым монастырем.

...Пресвятѣй Богородицѣ молебен. — Благодарственное или просительное богослужение. В храме молебны совершаются обычно после окончания литургии, однако уставом молебны не связаны с литургией и могут совершаться в любое время, когда в этом есть необходимость.

...тѣло святаго Димитриа из домовой той Спасовой церкви с подобающею церемониею пренесено в соборную церковь. — Митрополита Димитрия отпевали в Успенском соборе, но гроб с телом до приезда Стефана Яворского, т. е. до ноября 1709 г., стоял в церкви Спаса на Сенях, в домовой церкви митрополита.

... Духовная сего святителя, писанная собственною его рукою... — См. коммент. к с. 97.

Монастырский приказ — государственное учреждение, созданное в 1649 г. (Соборное уложение, гл. 13), высший центральный орган для разбора судебных дел духовенства, касающихся имущественных отношений, управления земельными владениями духовенства и монастырей; был закрыт царским указом 1677 г., восстановлен Петром I в 1701 г., в 1725 г. окончательно упразднен и преобразован в Камер-контору Святейшего Синода.

...прислан из Монастырскаго приказа в Ростов указ... — Указ Петра I был отправлен 10 ноября 1709 г. казначею Ростовского архиерейского дома иеромонаху Филарету, в нем, в частности, говорнлось: «Сего ноября в 9 день писал ты великому государю и прислал преосвященнаго Димитрия, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, Духовную завещательную грамоту за его рукою, а в ней написано, чтобы по смерти его тѣло погребению предати в монастырѣ Иакова епископа, ростовскаго чудотворца, в углу церковном, гдѣ назначено. И как к тебѣ сей Великаго Государя указ придет, и ты б велѣл к погребению архиерейскому устроить по завѣщанию его гробницу и могилу выкласть камнем в церкви Иакова епископа, ростовскаго чудотворца, в церковном углу, гдѣ в Духовной назначено, а к погребению его изготовить в столовой кушание протнв прежняго обыкновения. А буде рыбы намале купити в Ярославлѣ, осетра и стерляди и проч. рыб, сколько пристойно. А сколько чего куплено и плачено денег, о том писать имяино... Да тое выписку за своею рукою прислать с нарочным посылщиком без замедлѣния по получении сего указа ни мало времени, да о том к Великому Государю писать, а отписку и выписку велѣл бы послать в Монастырском приказе боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину с товарищи». (Выписка из указа Петра I: *ГИМ*, собр. Вахрамеева, № 273, л. 160—160 об.)

Однако по тому указу, неизвѣстно чего ради, не исполнено... о обрѣтении мощей сего святителя извѣствуется. — Времени на погребение святого Димитрия Ростовского в связи со скорым отъездом Стефана Яворского было мало, поэтому приказали разобрать церковный пол и выкопать могилу. Сделали деревянный сруб из сырых бревен, вложили его в могилу, где и поставили гроб святителя 25 ноября 1709 г., несмотря на первоначальное предписание выложить усыпальницу камнем: то, что данное предписание не было выполнено, выяснилось лишь по прошествии многих лет. Спустя почти 43 года, в сентябре 1752 г., игумен Геннадий, занимавший должность

эконома Ростовского архиерейского дома, заметил, что в Троицком соборе в том месте, где погребен святитель Димитрий и где наверху стояла деревянная гробница, опустился пол, чугунные плиты тряслись, отчего была опасность провала всего пола церкви. 18 сентября 1752 г. Геннадий донес об этом Арсению Мацеевичу, ростовскому митрополиту и члену Святейшего Правительствующего Синода. Арсений Мацеевич приказал разобрать пол, выяснить причину его проседания, по необходимости приступить к починке и сообщать ему о выполняемой работе. Уже на следующий день Арсений получает донесение, в котором сказано, что под разобранным полом над гробом святителя Димитрия нет каменного свода, как должно было быть, а только насыпь земли и песка. Под их тяжестью, а также под тяжестью толстых сгнивших бревен, положенных на деревянный сруб, этот сруб провалился, а насыпь засыпала гроб святителя. Игумен Геннадий заключил, что исправление церковного пола не может быть осуществлено без изъятия деревянного сруба. С этого момента началось осмотрение и освидетельствование мощей святителя Димитрия Ростовского, которые в результате были признаны нетленными. Еще спустя почти пять лет, в апреле 1757 г., Димитрий Ростовский был канонизирован и стал первым святым синодального периода Русской православной церкви, это была единственная общероссийская канонизация на протяжении всего XVIII в. Тогда же были установлены праздники святому: 21 сентября — в день обретения мощей, 28 октября — в день преставления.

...пришедше к преосвященному Стефану, просиша его, дабы благоволил погребению предати тѣло сего святителя в соборной ростовской церкви... идѣже вси прежде бывшии ростовские архиереи погребены... — Завещание Димитрия Ростовского противоречило церковной традиции, согласно которой местом захоронения епархиальных владык должен служить кафедральный собор. Ростовский Успенский собор являлся местом погребения иерархов, среди которых святые — епископы Леонтий, Исайя, Игнатий. Вопреки этому, Димитрий избирает для погребения удаленный монастырь, созданный Иаковом Ростовским. Стефан Яворский настоял на точном исполнении воли Димитрия Ростовского.

Стр. 118. *...говорил к народу приличное сему печальному дѣйствию надгробное слово.* — Проповедь Стефана Яворского не сохранилась.

Кандилы — (от лат. candela) свечи, светильники.

...написа об нем надгробную, которая при концѣ сего жития положена. — Прибывший на погребение Стефан Яворский составил эпитафию Димитрию «Стихи памяти смертной всякому потребной»: «Читатель благоразумный, / Ум имей не темный, / Сокрушенно и смиренно сердце в Бозе полагай, / покаянию время день от дни не отлагай...». Эпитафия встречается в многочисленных списках, неоднократно переиздавалась (см.: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. Подгот. текстов и комментарии С. И. Николаева. СПб., 2014. Т. 18. С. 368—369).

...взяты преосвященным Стефаном в Москву и отданы в книгохранительницу Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода типографии. — Известно, что Стефан Яворский распорядился передать книги святителя в Патриаршую библиотеку. В настоящее время основная (бóльшая) часть библиотеки Димитрия Ростовского находится в двух книгохранилищах Москвы: РГАДА (печатные издания) — библиотека МГАМИД, и ГИМ (рукописные материалы) — Синодальное собрание. Книги Димитрия Ростовского перед поступлением их в Патриаршую библиотеку оставались на Печатном Дворе с целью их разбора и описи. Первоначальная опись книг была составлена казначеем Ростовского архиерейского дома иеромонахом Филаретом еще до поступления их в Патриаршую библиотеку, см. коммент. к с. 114.

Сей угодник Божий преставился в лѣто от воплощения Бога Слова 1709... всѣх же жития его лѣт бѣ 58 невступно. — В рукописной традиции встречаются и более точные расчеты времени смерти святителя Димитрия, например, надписание в одной из редакций его Жития: «Житие и чудеса преосвященнаго Димитрия, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, котораго мощи обрѣтены в 1752 году сентября 30 дня, находились в землѣ под спудом 43 года. Преставися же в лѣто миробытия 7217, а от Рождества Христова 1709 году октоврия в 21 день, в пяток, вруцѣлѣто было 5, круг солнцу 21, основание 29, епакта 22, индикт 2, ключ границы q, в Москвѣ долгоденствие было 8 часов 32 минуты, долгонощие 15 часов 28 минут, восхождение солнца в 7 часу в 44 ми-

нуты, захождение солнца в 4 часу в 16 минут, течение луны на 23 градусѣ» (*РНБ*, собр. Титова, № 1343, л. 2—2 об.).

...даже и донынѣ различныя с вѣрою притекающым источаются чудеса... — Следующим этапом в деле канонизации святителя Димитрия Ростовского было требование Святейшего Правительствующего Синода собирать и записывать чудеса, совершающиеся от мощей святого Димитрия Ростовского, и докладывать в Синод «по третям года обстоятельные рапорты». Синод к тому же требовал, чтобы доказательства об исцелении брались под присягой, что было, по мнению Арсения Мацеевича, «нелепо и неуважительно», потому что это охладило бы верующих давать показания. Синод принял доводы Арсения Мацеевича. За 1757 г. была представлена тетрадь с 32 чудесами, за 1758 г. — с 36 чудесами, за 1759 — с 30, за 1760 — с 30, за 1761 — с 37, за 1762 — с 38. В 1763 г., спустя шесть лет после канонизации Димитрия Ростовского, произошло первое официальное торжество в честь святителя Димитрия, с участием Екатерины II и представителей высшего духовенства, а в течение второй половины XVIII в. Димитрий Ростовский становится одним из самых почитаемых святых Российской империи, а Яковлевский монастырь — важнейшим центром паломничества того времени.

ЖИТИЕ ФЕОФАНА СОЛОВЕЦКОГО

Житие Феофана Соловецкого — памятник поздней русской агиографии, повествующий об известном соловецком пустынножителе Феофане (1739—1819), долгие годы подвизавшемся в Поморье и на Анзерском острове.

Текст этот, вне всякого сомнения, представляет значительный интерес — как для истории Соловков, так и для истории русской литературы. Памятник, именующийся в рукописях Житием или Повестью, представляет собой удивительный по силе документ и уникальный по материалам источник по истории позднего пустынножительства, при этом композиционно и стилистически продолжает традиции агиографического жанра. Церковнославянский язык этого сочинения и его поэтика позволяют говорить о нем как о ярком свидетельстве продолжения живой средневековой агиографической традиции «после Древней Руси»; это производит особенно сильное впечатление, если учесть, что герой памятника был старшим современником А. С. Пушкина: старец Феофан преставился 26 июня 1819 года.

Будущий соловецкий пустынножитель (в миру — Фома Пантелеймонов) родился в 1739 году в Малороссии. В 12 лет он осиротел, а в 16 — ушел из дома в Киево-Печерскую лавру, где провел в разных послушаниях 17 лет, в том числе — служа известному затворнику Досифею Китаевскому. По благословению этого старца Феофан совершил поездку в Молдавию к Паисию Величковскому, а впоследствии ушел в Соловецкий монастырь, где в течение нескольких лет проходил различные послушания: служил просфорником и пономарем, посылался на салотопный завод в Реболду и на монастырское подворье в Суму — «назирать оное», был «закупным» в Архангельске и даже, по указу архимандрита Герасима, был поставлен экономом монастыря. Между тем, Феофан испытывал постоянную духовную тягу к пустынножительству, о чем вел частые беседы со своим учеником Климентом. Следствием этого духовного общения стал тайный уход в пустыню обоих — сначала ученика, а затем и учителя. Местом отшельнического подвига Феофана была поначалу пещера в десяти верстах от монастыря, а затем — леса Поморья, где подвижник провел в уединении 23 года. Последние годы своего пустыннического подвига (с 1817 г.) Феофан провел на Анзерском острове, где ему явился Иисус Голгофский, предрекший больному старцу скорую кончину. Весной 1819 года изнемогший от недуга подвижник был возвращен в Соловецкий монастырь, где и преставился 26 июня того же года.

Самые яркие страницы Жития посвящены рассказу о пустынных тяготах соловецких отшельников — с подробным описанием устройства их быта (пищи из белого мха, тертого с брусникой, посуды из бересты и т. д.), порядка молитвенного делания, а также сцен бесовских «страхова-

ний». Причем досаждающие Феофану бесы являются ему не только в облике зверей, гадов или воронов, как это часто случается в агиографической традиции, но и «во образѣ знаемых поморовъ», хотящих утопить его в море, «аки рыболовцы», грозящие ему смертью, и даже «во образѣ Кемскаго протопопа» и «в видѣ штатных служителей», которые якобы по приказу архимандрита вынуждают его покинуть пустыню и вернуться в монастырь. Эти образы, как можно думать, могли иметь и конкретно-историческое происхождение, поскольку само Житие представляет собой яркий документ, свидетельствующий об обысках и гонениях на пустынников, которым те подвергались в XVIII—XIX веках как со стороны государства, так и со стороны монастырских властей. Так, раздел «О монастырях» изданного в 1722 году «Прибавления к Духовному Регламенту» содержал запрет на строительство «скитов пустынных». Это не могло не сказаться на положении любителей пустынного безмолвия, которых принудительно возвращали в покинутые ими без игуменского благословения монастыри. По новому официальному положению, сбежавших монахов следовало возвращать в обители, где и «держать по смерть во оковах в трудах монастырских».

Житие Феофана Соловецкого включает и другие исторические свидетельства — в частности, подробные сведения об устройстве жизни в знаменитом Нямецком монастыре, который Феофан посетил при жизни Паисия Величковского, а также вставную биографическую повесть о затворнике Досифее Китаевском — по легенде, подвизавшейся в «мужеском образе» девице Дарье Тяпкиной.

В настоящее время известно 13 списков памятника, датирующихся 20—50-ми годами XIX века. Сохранившиеся списки разделяются на две редакции, различающиеся в первую очередь объемом и наличием вставных текстов. Так, более поздняя по времени создания Пространная редакция в два с лишним раза превосходит по объему первоначальную Краткую. Текст ее не только носит следы довольно значительной стилистической редактуры, но и включает в себя многие дополнительные сюжеты, а также тексты проповедей старца Феофана и два самостоятельных вставных сочинения: уже упоминавшуюся «Повесть о затворнике Досифее» и так называемое «Возражение ученика Феофана на раскольников» — довольно резкое по тону антистарообрядческое сочинение, идущее вразрез с основной тональностью памятника.

Текст Краткой редакции Жития, известной сегодня в 7 списках, довольно подвижен: ни один из списков не повторяет в полной мере другие. Текст Пространной редакции, дошедшей в 6 списках, более стабилен. Отличительной чертой Пространной редакции является ее конвой: во всех известных случаях ее списки входят в состав цикла Повестей о соловецких пустынножителях. По наблюдениям О. В. Панченко, именно включение Жития Феофана (здесь оно именуется Повестью) явилось завершающим этапом формирования этого цикла, в результате чего была создана его последняя, 3-я редакция (см.: Панченко О. В. Повести о соловецких пустынножителях. (К истории создания цикла) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 569—574).

Примечательно, что в самом раннем из известных сегодня списков памятника, хранящемся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО, Инв. 70 р. ц. (592), л. 53—62 об.; сборник, 4°, 20-е гг. XIX в.), заглавие имеет традиционную агиографическую форму: «Житие и подвизи блаженнаго Феофана Соловецкаго». Таким образом, можно полагать, что памятник изначально создавался как Житие почитаемого подвижника, а в Повесть был переименован позднее — возможно, в целях унификации, при включении его в цикл Повестей о соловецких пустынножителях. О почитании Феофана Соловецкого в XIX веке свидетельствует и запись двух посмертных чудес (1838 и 1841 гг.), читающихся в одном из поздних списков памятника (*ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 840; отдельный список, 4°, 1841 г.).

Можно с уверенностью говорить о том, что Житие Феофана было создано вскоре после смерти подвижника: его Краткая редакция была составлена не позднее 1824 года (этим годом датируется бумага самого раннего — Архангельского — ее списка), т. е. через 5 лет после преставления старца. Самый ранний из списков Пространной редакции — БАН, собр. Археографической комиссии, № 222 — по свидетельству читающейся в нем писцовой записи, был создан в январе—марте 1829 года. Эта запись оказывается ключевой и в поисках ответа на вопрос об авторе Жития.

В тексте памятника неоднократно говорится о двух учениках Феофана, которых он «восприял от пострижения», — Паисии и Антонии. В келье Антония старец провел последние дни жиз-

ни, ему же он дал свою предсмертную заповедь: «Егда грѣшная моя душа изыдетъ от окаяннаго моего тѣлесе, ты, announcedвземъ за нозѣ, извлеки е на брегъ морский и, привязавъ къ прилучившимся древцамъ гнусное и смрадное мое, глаголю, тѣло, от земли же отринувъ, вдай волнамъ, глаголя Богу: „Господи! Милостивъ буди грѣшной душѣ убогаго монаха Феофана!"» Кроме того, три списка Жития Краткой редакции сопровождаются безыскусными виршами «в похвалу блаженнаго Феофана», изложение в которых ведется от лица того же Антония: «Благо было тогда мнѣ, / Когда авва жилъ при мнѣ». Наконец, в некоторых списках памятника Антоний прямо именуется «списателем» Жития старца.

Писцовая запись в сборнике Археографической комиссии, содержащем полный цикл Повестей о соловецких пустынножителях, гласит: «1829 года, м(е)с(я)ца геннуариа 26 дня. Берл. (*так!*) пус⟨тыни⟩ иер(о)м⟨онах⟩ Ант⟨оний⟩ нач⟨ал⟩ пис⟨ать⟩, по 4 марта». Проведенные разыскания показали, что бывший соловецкий казначей иеромонах Антоний, ученик старца Феофана и, как можно полагать, автор его Жития, в марте 1828 года был поставлен строителем Николаевской Берлюковской пустыни Богородского уезда Московской губернии, вскоре после чего заболел, был направлен на лечение в Москву, где и умер в мае 1829 года.

Нельзя, впрочем, исключить и то, что и второй ученик Феофана Паисий мог быть причастен к составлению жизнеописания старца. Об этом свидетельствует запись, читающаяся в двух поздних списках Жития Феофана Соловецкого: «Первый изъ нихъ (т. е. учеников. — *Т. Р.*), именемъ Паисий, былъ послѣ въ Соловецкомъ монаст⟨ыре ⟩намѣстникомъ, нынѣ въ Полоцкѣ архимандритомъ въ первокласномъ монастырѣ, и Святыя Анны 2-й степени кавалеръ, императорскою короною брилиантовою украшенный. А послѣдний, Антоний, послѣ былъ въ Берлюковской пустыне строителемъ, гдѣ и скончался. *Которые и Житие сие писали*» (цит. по ркп.: *ГИМ*, собр. Н. П. Вострякова, № 95, л. 74).

Текст Жития Феофана Соловецкого публикуется по списку Краткой редакции, сопровождающемуся «Стихами в похвалу блаженному Феофану»: ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Вологодское собр., № 18, 40-е гг. XIX в.; отдельный список (*без нач.*). Утраченная часть текста воспроизводится по самому раннему из известных сегодня списков памятника: *ГААО*, Инв. 70 р. ц. (592), л. 53—53 об.

Стр. 120. *Блаженный и памяти достойный пустынножитель инокъ Феофанъ, родом из малороссийских земледѣльцовъ...* — Биографические сведения о Феофане Соловецком крайне немногочисленны. Недавно стало известно мирское имя подвижника — Фома Пантелеймонов (по некоторым источникам — Пантелеев), а также год его рождения — 1739. Точное место рождения Феофана пока достоверно неизвестно. Вместе с тем, поскольку в одном из монастырских актов, зафиксировавших его первоначальное пребывание на Соловках, он назван *поляком* (по месту, откуда пришел), можно с известной долей вероятности предположить, что старец Феофан родился и провел юность в той части Малороссии, которая до раздела Польши 1770—1790-х гг. находилась в границах тогдашней Речи Посполитой.

...внезапу осия его свѣтъ, воззывая от чувственныя нивы мысленный воздѣловати виноградъ. — Т. е. призывая его от мирской плотской жизни к жизни духа. «Мысленным виноградом» в новозаветной поэтической системе именуется Церковь Христова и — шире — христианская вера. См. слова Христа в Евангелии от Иоанна: «Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ Мой делатель есть» (Ин. 15, 1); «Азъ есмь лоза, вы же рождие: и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ в немъ, той сотворит плодъ многъ, яко без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5).

И тако, умилився душею, абие того же часа распряже воловъ... иде въ путь. — Будущий подвижник имплицитно уподобляется здесь пророку Елисею, который, как и Феофан, был призван на служение во время пашни (3-я Книга Царств 19, 19—21). В Пространной редакции Жития эта параллель вербализована: «Онъ же, ощутивъ въ себѣ необычное оное озарение, умилися душею, абие тогожде часа изпряже воловъ, оставивъ въ земли плугъ свой, *сотвори, якоже Авелмеулский Елиссей...*» (цит. по ркп.: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 34).

Киево-Печерская лавра — один из первых по времени создания и наиболее значимых монастырей Древней Руси. Был основан в середине XI в. на правом, высоком берегу Днепра пре-

подобным Антонием Печерским и его учениками. Сказание об основании Киево-Печерского монастыря читается в Повести временных лет под 1051 годом.

...представленъ служити некоему затворнику, Досифею именем, даръ прозрѣния имущу. — Имеется в виду киевский подвижник Досифей Китаевский († 25/26 сентября 1777 г.). Известен, среди прочего, тем, что благословил на монашеский путь Серафима Саровского (см.: Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской обители и затворника, извлеченные из записок ученика его // Маяк: Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. СПб., 1844 (отд. изд. — СПб., 1845. С. 62, примеч.)). Биографические сведения о Досифее скудны и прочиворечивы. По одним источникам, рясофорный монах Досифей происходил из «великороссийских крестьян». Желая принять постриг, он бежал от своего хозяина, однако, придя в Киев, не был принят ни в один из монастырей. Тогда он выкопал небольшую пещеру на Китай-горе, близ лаврской Китаевской пустыни, где и подвизался долгое время в посте и воздержании. По другим источникам, важнейшим из которых является Пространная редакция Жития Феофана Соловецкого, затворник Досифей был женщиной — подвизавшейся «в мужеском образе» девицей по имени Дарья, родом из рязанских помещиков Тяпкиных; чтится Русской православной церковью как преподобная Досифея (Тяпкина), Киевская, затворница (память 25 сентября/8 октября). Сведения о Досифее-Дарье признаются некоторыми современными исследователями легендарными; см.: Крайняя О. А. 1) К биографии преподобного Досифея Китаевского (Киевского) // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 235—250; 2) Досифей Китаевский (Киевский) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 79—81.

Приведем здесь текст «Повѣсти о затворникѣ Досифеи», читающейся в составе Пространной редакции Жития Феофана Соловецкого в виде вставной главы.

«Сей многотрудный и добродѣтелный прозорливый затворникъ, блаженный Досифей, жена бысть естествомъ, мужъ же образомъ. Аще и мало есть кому вѣдомо о семъ и, можетъ быть, нѣкиимъ невѣроятно возмнится, но вѣдущии житие Феодоры, Марины, Евфросинии, Евгении, Матроны и иныхъ многихъ святыхъ женъ, въ мужескомъ образѣ подвизавшихся, во отеческихъ книгахъ упоминаемых, нимало не усумнятся и о сей. Единъ бо есть Богъ, иже оныя древле укрѣпивый, Той и сию въ послѣдняя наша, слабостей и нерадѣния исполненная, времена ради божественныя любве, люботруднаго безмолвия, молитвеннаго трезвѣния, смирения, терпѣния и конечнаго очищения своею божественною благодатию огради и утверди, дарова*ний* прозрѣния и разсуждения исполни и даже до кончины никѣмъ не вѣдому быти, коего есть пола, сотвори, якоже предлежащая явитъ повѣсть.

Родися мнимый сей Досифей во предѣлѣхъ Рязанской губернии от благородныхъ помѣщиковъ, по фамилии Тяпкиныхъ, и наречена Дариею, ибо женска, якоже речеся, пола бысть. Нѣкогда принесе ю матерь ея, двухъ лѣтъ сущую, матери своей, честнѣйшей монахинѣ Порфирии, въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ добродѣтелно жизнь свою провождающей. Изволися же ей по совѣту матери своей оставити дщерь свою на нѣкое время въ монастырѣ — и пребысть тамо юнѣйшая дѣвица Дариа у бабки своей седмь лѣтъ, до девятаго лѣта возраста своего. По семъ старица Порфириа, егда восхотѣ прияти совершенный аггелский образъ, святую схиму, тогда отдаде внуку свою, дѣвицу Дарию, матери ея. И пребываше оттолѣ юная отроковица Дариа въ дому родителскомъ до пятьнадесяти лѣтъ возраста своего, всегда уклоняяся обычныхъ юнымъ дѣтемъ игръ. Въ среду и пятокъ ни ядяше ничесоже, мяса же и млека и яицъ никакоже могоша родители принудити ю ясти, но присно устраняшеся человѣческаго общения и внимаше себѣ.

По семъ, Богу наставляющу рабу свою, изыде тайно от родителей своихъ. Единою бо въ вечеръ поздеиъ, прогуливающися блаженная Дариа съ двѣма сестрами своими въ рощи, древесъ исполненной, уклонися от нихъ и скрыся. Въ нощы же, егда не обрѣтеся Дариа, воздвижеся смятение велие въ дому, и наутрие искаша ю повсюду, но не обрѣтоша, точию платъ ея единъ нѣгдѣ под древомъ найденъ бысть. И воздвижеся плачь велий въ дому Дарии ради: рыдаху родители по дщери, сестры по сестрѣ, рабы по госпожѣ своей. А паче родителница ея рыдаше велми и неутѣшена пребываше: толико же плакаше, яко от премногаго сѣтования и умъ погубити ей.

По триехъ лѣтехъ отшествия блаженныя Дарии пойде сестра ея съ материю своею, болною сущею, въ Москву на поклонение святымъ мощамъ московскихъ чудотворцовъ. Оттолѣ иде въ Лавру преподобнаго Сергиа Радонежскаго чудотворца.

Бывшимъ имъ во обители въ соборной церкви Живоначалныя Троицы, идѣже святыя мощы преподобнаго Сергиа почиваютъ, дщерь болныя, сестра же отшедшия Дарии, стоя съ материю своею близъ раки преподобнаго, видитъ юнаго монаха, возжигающа и устрояюща свѣщы у раки преподобнаго. Егда же воззрѣ на лицѣ его, бысть во удивлении, видяше бо все подобие сестры своея, обаче не смѣяше вначалѣ вопросити о немъ, кто есть и откуду. Помалѣ же паки воззрѣ и смотряше на него, нача познавати, яко поистиннѣ монахъ оный юный во всемъ подобенъ сестрѣ ея есть. Смутися вся внутренняя ея, и не можаше ждати конца литургии, приступи ко иеромонаху, у раки преподобнаго Сергиа стоящему, вопроси его, кто есть юный монахъ оный, возжигающий свещы, и много ли живетъ время во обители, и како нарицается.

Иеромонахъ же оный сказа ей, яко три лѣта есть, отнелѣже прииде во обитель инокомъ. Нарицается же Досифей. Тогда сестра моляше старца онаго, да по скончании Божественныя литургии приидетъ къ ней самъ въ гостинницу, поемши юнаго онаго монаха. Глаголаше бо ему, яко имѣетъ нужду свидѣтелствовать ему от родителей и сродниковъ его привѣтствование, и желаютъ знати о его здравии. Старецъ, то слывшавъ, обѣщася приити къ нимъ съ юнымъ монахомъ.

Симъ бывающимъ, монахъ оный юный ктому невидимъ бысть за литургиею. Сестра же ея благонадеждна бысть, надѣяся видѣти желаемаго, ждаше весь день, но тщетно. Послѣди же вечерни приступи ко гробовому иеромонаху и паки прошаше его, да приидетъ съ преждереченнымъ братомъ. Старецъ же возвѣсти ей, яко братъ от'иде нѣкамо, и егда возвратится, тогда посѣтятъ ю. Но и по прошествии нощи не прииде дожидаемый. По семъ искаша братия его всюду три дни и не обрѣтоша. Тогда сестра позна истинно, яко монахъ онъ, свѣщы возжигаяй, воистинну сестра ея есть, юже онъ прежде ея позна. И плакася много, ища, но не возможе обрѣсти искомаго, и тако возвратися въ домъ съ болною материю своею.

Минувшимъ же двадесяти лѣтомъ, от сестрѣ ея едина (матери уже умершей) услыша, яко въ Киево-Печерской лаврѣ нѣкий затворникъ подвизается въ затворѣ, именемъ Досифей, возжела зѣло видѣти его и бесѣдовати съ нимъ. Многу бо пользу творяше блаженный Досифей приходящымъ къ нему и требующымъ совѣта его и наставления, имѣяше бо дарование слова, о нѣм же вопрошаемъ бываше, приличныя даяше отвѣты. Къ сему же и прозрѣния благодать дана бысть ему, и прорицаше приходящымъ къ нему человѣкомъ хотящая быти, человѣческая же согрѣшения обличаше, къ покаянию приводя. И сбывахуся всегда пророчения его. И ихже къ животу видяше идущихъ — даяше имъ жезлъ или просфору, а ихже къ смерти — тѣмъ даяше фимиамъ.

Къ сему сестра она прииде, желая видѣти, и въ прилучившееся время бесѣдова съ нимъ, обаче лица своего затворникъ не изволи показати ей. Бесѣдуя же, поучаше не изнемогати въ напастѣхъ, но посылаемыя от Бога искушения мужественно терпѣти. Такожде и о сродницѣхъ, аще въ смерти, аще въ болѣзнѣхъ, или во изгнании, или невѣдомо камо скрывшыхся, а паче, аще Бога ради — непотребно безразсудно малодушствовати или роптати, но во всемъ на промыслъ Божий возлагатися, да будетъ во всемъ воля Его святая божественная, человѣколюбная и душеспасителная. А наше плотское, человѣческое — лживое и многажды прелестное мудрование, зане и буее Божие премудрѣе человѣческаго. Сицевая рекши затворникъ, закры оконце, и не можаше сестра ничесоже болѣе тогда увѣдати о немъ.

По времени паки бысть въ Киевѣ, но уже по кончинѣ подвижнѣйшаго затворника Досифеа. Глаголютъ же нѣцыи, яко увѣрена бысть от отца его духовнаго, иже исповѣдаше блаженнаго Досифеа, яко истинно женска пола бысть и яко въ юныхъ своихъ дѣвическихъ лѣтѣхъ остави миръ и от'иде тайно из дому родителскаго.

Обаче пред кончиною изгнание претерпѣ от бывшаго тогда въ Киевѣ митрополита. Той бо, шествуя нѣкогда въ Лавру, увидѣ близъ оконца затворника множество народа, вознегодова и повелѣ его превести въ Китайскую пустыню, отстоящую от Лавры шесть верстъ, идѣже пребывъ многотрудный старецъ Досифей нѣкое время, скончася о Господѣ 1778 году, на 55 году от рождения своего, въ затворѣ пребысть тридесять лѣтъ, и ту погребенъ бысть» (*БАН*, собр. Археографической комиссии, л. 39 об.—42 об.).

По окончании вставной Повести о затворнике Досифее в цитированной рукописи на нижнем поле л. 42 об. более мелким почерком той же руки написано: «Повѣда сию Повѣсть о затворникѣ Досифеи племянница его, благороднѣйшая монахиня Дариа Ильинична, госпожа Долгова, живущая въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 1824 года».

...ни во Святую гору... — Святая гора Афон — монашеская республика, состоящая из 20 православных монастырей, находящихся в непосредственной церковной юрисдикции Константинопольского патриарха. Крупнейший духовный центр православного монашества и место сосредоточения православных святынь. Гора Афон (высота — 2033 м) расположена на одноименном полуострове, представляющем собой восточную оконечность полуострова Халкидики в Греческой Македонии на севере Восточной Греции. Сведения о древних монашеских поселениях на Афоне восходят к VII в. Первый крупный монастырь на Афоне — Великая Лавра — был основан Афанасием Афонским в 963 г.

Нынѣ же, аще хощеши, иди въ Молдавию, се ти будетъ на ползу. — Имеется в виду Нямецкий монастырь — знаменитый духовный и книжный центр, возглавлявшийся в то время Паисием Величковским. Расположен в Румынии возле города Тыргу-Нямц в жудеце Нямц региона Молдова.

...кому аще къ смерти — даваше ладанъ... — Ладан — ароматическая древесная смола, одно из древнейших благовоний; используется при каждении в богослужениях, в том числе — при соборовании и отпевании усопших. Выражение «дышать на ладан» означает быть при смерти, умирать.

Просфора — от греч. προσφορά («приношение») — квасной хлебец из пшеничного теста, состоящий из двух частей, символизирующих две природы Иисуса Христа — божественную и человеческую, с изображением креста и надписью «IC | XC NI | KA» (Иисус Христос Победитель); употребляется в православии при таинстве евхаристии, а также во время проскомидии для поминания живых и мертвых.

Софроний — ученик и преемник преподобного Паисия Величковского, при котором в Нямецкой обители он нес послушание старшего духовника славянской братии. По свидетельству Жития Паисия, Софроний был одним их двух духовников братства, призванных старцем перед смертью, через которых тот преподал последнее благословение братии. После кончины старца Паисия (1794 г.) Софроний более 10 лет был настоятелем Нямецкой обители.

...иже братъ Нежинскому архимандриту, и по кончине его бысть преемникъ. — Здесь в рукописи (а также в других списках Краткой редакции), возможно, имеет место порча текста, возникшая на раннем этапе рукописной традиции памятника. В списках Пространной редакции Жития речь идет о *Нямецком* архимандрите: «Бѣ же то добродѣтелный и премудрости духовныя исполненный старецъ Софроний, спостникъ и сподвижникъ единомысленный великому старцу аввѣ Паисию, архимандриту Нямецкому, иже по его кончинѣ и архимандрит тамо бысть» (цит. по ркп.: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 35).

...от аввы Паисия Нямецкаго монастыря... — Паисий Величковский (1722—1794) — архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии, автор многочисленных переводов святоотеческих сочинений и учительных трудов, создатель славянского текста свода духовных сочинений «Добротолюбие». Оказал существенное влияние на многих православных подвижников России конца XVIII и XIX вв. Прославлен в лике святых на Поместном соборе Русской православной церкви 1988 г., память — 15 ноября.

Стр. 121. *...и привѣтствова любезно, благословляя Феофана...* — Окончание утраченного в основном списке текста, восполненного при издании по списку Государственного архива Архангельской области, Инв. 70 р. ц. (592), л. 53—53 об.

Рогозина — монашеская постель-циновка из тростника (рогоза), соломы или мочальных лент.

И пребы неколико время, разсмотряя чинъ жития ихъ... не даяху бо никому праздно жити. — В Пространной редакции Жития Феофана дано более подробное описание монашеского жизнеустройства Нямецкой обители:

«Пребывая же блаженный Феофанъ въ Молдавии въ первоначалномъ монастырѣ Нямецкомъ, таже хождаше въ Секулской и прочия скиты, здѣсь разсматривая строения и мѣстоположе-

ния обителей и келлий, чиноположения, уставы монашеския, крѣпко наблюдаемыя, нравы ихъ, красоту иноческаго жития показующыя, како держахуся нестяжания. Не видяшеся бо въ келлии ихъ ничего мирскаго, но точию икона, книги, постеля рогозие и орудия, имиже рукодѣлие творяху, — не даяху бо ни единому праздно жити. А паче всего смирения держахуся, гордость же н тщеславие отрѣваху, гнѣва же и озлобления не бяше между ими. Ибо аще бы кому дѣйствомъ бѣсовскимъ случилось сваритися, то тщахуся скоро между собою смиритися. Аще же кий, ожесточенъ бывъ, не хотяше брата своего простити, того увѣдавъ, настоятель абие из обители изгоняше. Ступание имѣяху кротко, очи низу зрящия. Въ срѣтении единъ другаго предваряше поклонениемъ. Въ церквѣ стояху идѣже кому благословенно бысть. Во время шестопсалмия весма кротко предстояху вси, а во время поучения всюду обсѣдяху проповѣдника, кийждо тщашеся слышати душеполезное слово. Празднословити же никакоже попускаху — не токмо въ церкви, но ни на монастырѣ, ни внѣ монастыря.

А понеже братии авва Паисий въ своей Нямецкой обители тогда до седми сотъ имѣяше, то на послушание и труды монастырския собирахуся во многомъ количествѣ: овогда по сту, иногда по сту пятидесяти и болѣе. Сии егда творяху дѣла, тогда единъ из братни, на то учиненный, предстоя книгу чтяше или изустъ душеполезныя отеческия повѣсти глаголаше, прочии же труждающиися послушаху. И аще бы единъ началъ глаголати что праздное, другий абие пресѣцаше, воспоминая заповѣдь. Въ келлии же сѣдяще, овии книги писаху, друзии преплѣтаху. Овыхъ зряше волну прядущихъ, иныхъ клубуки и камилавки дѣлающих и четки вяжущихъ или волну на рясы и мантии для братии ткущихъ. Инии же ложки дѣлаху, а инии кресты рѣзаху и прочия монастырския и инокомъ приличествующыя дѣла со усердиемъ без лѣности и съ глубочайшимъ смирениемъ творяху.

Еще же имѣяху и сие въ правило: вся братия даже до единаго подчиненны быша отцамъ духовнымъ, иеромонахомъ или искуснѣйшимъ монахомъ, къ нимъже приходяще, исповѣдаху грѣхи своя, паче же источники сихъ — помыслы злыя, от общаго врага всѣваемыя, тыя изрыгнувше, цѣльбу абие получаху душамъ своимъ. Сие же творяху на всякъ день дважды: утромъ приходяще, яже прешедшия нощы содѣяша, возвѣщаху; въ вечеръ же паки, еже днемъ содѣлаша, или глаголаша, или помыслиша — вся со смирениемъ кромѣ всякаго стыдѣния и лжи исповѣдаху. Тѣмже цѣли и неудобьуязвляеми от бѣсовскихъ стрѣлъ пребываху.

Къ тому же истребляемъ бываше и сей соблазнъ, от произрастѣния плодовъ земленыхъ и древесныхъ бывающий, ихже въ Молдавии великое изобилие бяше: егда бо творяху рѣзание лозъ виноградныхъ илн обирание черныхъ сливъ, вишенья, дуль, яблоков, баргамотовъ, грушей и иныхъ различных плодовъ, то отнюдъ не попускаху во время дѣлания или мимохождения ясти, лакомство истребляюще. Но упразднившеся от дѣла или отдохновение творяще, собирахуся и, купно молитву сотворше, съ благословениемъ во славу Божию яже от плодовъ вкушаху» (цит. по ркп.: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 35 об.—37).

...даде же ему листъ для прехождѣния въ обратный путь пограничный. — Имеется в виду документ, выдававшийся путешествующим монахам для удостоверения их права на пересечение границы.

...но иди, идѣже ти даруется спасение, во обитель Соловѣцку. — Соловецкий монастырь — ставропигиальный мужской монастырь, расположенный на Соловецких островах в юго-западной части Белого моря при входе в Онежскую губу; один из крупнейших духовных, культурных и хозяйственных центров Древней Руси и России Нового времени. Первая монашеская пустынь появилась здесь в 1429 г., когда в северной части Большого Соловецкого острова поселились в уединении монахи Савватий и Герман; собственно монастырь был основан после смерти Савватия, в 1436 г., преподобными Зосимой и Германом Соловецкими.

Азъ, отче, обѣщахся здѣ жити, затворитися или въ пустыни. — Т. е. уйти в затвор или стать пустынножителем.

...здѣ Антоний и Феодосий, тамо — Зосима и Савватий... — Имеются в виду две пары подвижников — основателей и святых покровителей двух крупнейших русских обителей: преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, основатели Киево-Печерской лавры, и преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, основатели Соловецкого монастыря.

...и блюдися от льва диавола, рыкающа поглотити тя... — Ср. 1 Петр 5, 8.

И помалѣ затворникъ оный потерпѣ изгнание от бывшаго тогда митрополита Самуила. — По-видимому, имеется в виду митрополит Киевский и Галицкий Самуил (в миру — Симеон Григорьевич Миславский; 1731—1796), хотя хронология служения этого иерарха не соответствует сведениям Жития Феофана: Самуил был возведен в сан митрополита Киевского 22 сентября 1783 г. (т. е. уже после смерти затворника Досифея), а священноархимандритом Киево-Печерской лавры стал еще позднее, в 1786 г.

...и повеле его превести въ Китаевскую пустыню... — Китаевская пустынь — православный монастырь в Китаеве (историческая местность на южной окраине Киева), действовавший в первой четверти XVIII (первое упоминание — 1716 г.)—начале XX в.

...идѣже и преставися, 55 лѣтъ бысть, въ затворе же 30 лѣт. — Сведения о дате кончины и возрасте, в котором преставился затворник Досифей, в литературе разнятся. Официально принятой датой кончины старца считается 25/26 сентября 1777 г., однако в различных источниках год смерти подвижника варьируется от 1775 до 1778 г. (последняя дата читается в Пространной редакции Жития Феофана Соловецкого). В анонимном жизнеописании Досифея конца XVIII в. (самом раннем из известных текстов о подвижнике), сохранившемся в семейном архиве А. Лашкевича, говорится о том, что преподобный умер в возрасте около 100 лет.

...но воспрещен бысть. — Т. е. не получил на это благословения.

Стр. 122. *...и поидѣ въ Соловецкий монастырь...* — Год прихода Феофана на Соловки — 1780 — зафиксирован в самом раннем из известных сегодня списков Жития подвижника (Государственный архив Архангельской области, Инв. 70 р. ц. (592), л. 54) и подтверждается актовыми материалами Соловецкого монастыря.

...приятъ былъ архимандритом Иеронимом... — Архимандрит Иероним († 1805 г.) принял монашество в Соловецком монастыре 4 октября 1755 г., из вдовых священников. С 15 июля 1756 г. состоял в монастыре казначеем. По избранию братии назначен настоятелем в 1777 г.; посвящен во архимандрита 8 октября. Уволен на покой в Онежский Крестный монастырь 21 марта 1793 г.

Просфорня — помещение в монастыре для выпекания просфор.

...съ нѣкиим братом именем Климентом... — Взаимоотношениям Феофана и Климента посвящен особый текст — «Повесть о пустынножителе Феофане и ученике его Клименте», известный пока в единственном списке. В 1848 г. этот небольшой памятник был издан отдельной брошюрой иеромонахом Паисием Кривоборским — составителем Патерика новгородских чудотворцев. Это издание следует, по-видимому, считать первой публикацией, посвященной Феофану Соловецкому.

...питахуся же вахтовым корением... — Трава вахта (трилистник водяной, трифоль) — многолетнее травянистое растение с длинным и толстым ползучим корневищем; произрастает в умеренном климате северного полушария, встречается на торфянистых и минеральных грунтах, на болотах, по низким берегам рек и озер.

Белый мох (сфагнум, торфяной мох) — реликтовое болотное растение, чаще всего беловатой или бледно-желтой окраски, с неограниченным сроком жизни, из которого со временем образуется торф. В художественных текстах под понятием «белый мох» часто имеются в виду белые сухие лишайники, растущие на стволах деревьев или скалах. Иногда белым мхом называют ягель.

И здѣ, на Соловѣцком островѣ... — Соловецкий (Большой Соловецкий) остров — самый крупный из островов Соловецкого архипелага (площадь — 246 км^2), на котором расположен Соловецкий монастырь.

...бывъ Андрей, поживѣ во всякой тѣсноте 58 лѣтъ... — Отсылка к циклу Повестей о соловецких пустынножителях, в котором излагаются жизнеописания других известных соловецких пустынников, подвизавшихся в конце XVI—XVII вв. См. о нем: Петренко Н. А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 491—506; Панченко О. В. Повести о соловецких пустынножителях. (К истории создания цикла) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 554—613.

...и приснопамятный Дамианъ многа озлобления от бѣсовъ претерпѣ... — Дамиан (в схиме — Диодор) Юрьегорский († 27 ноября 1633 г.) — севернорусский подвижник, создатель пустыни на Юрьевой горе неподалеку от Водлозера в Заонежье. Повесть о Дамиане Юрьегорском входит в состав цикла Повестей о соловецких пустынножителях. О Житии подвижника см.: Панченко О. В. Житие Диодора Юрьегорского в рукописной традиции Русского Севера // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64.

Святое озеро — озеро в юго-западной части Большого Соловецкого острова, на берегу которого (между ним и Бухтой Благополучия) располагается Соловецкий монастырь. Святое озеро представляет собой искусственный водоем, созданный при игумене Филиппе (Колычеве) за счет расширения естественного озера. Оно входит в единую гидротехническую систему Большого Соловецкого острова, состоящую из 84 озер, снабжающих его питьевой водой.

...иже живя въ Анзерском острове. — Анзер — второй по величине остров Соловецкого архипелага (площадь — 47 км^2). Расположен в пяти километрах к северо-востоку от Большого Соловецкого острова; от других островов архипелага отделен проливом Анзерская салма. Место основания первых скитов Соловецкого монастыря; излюбленное место соловецких пустынножителей, удалявшихся сюда для уединения и безмолвия.

...избра себѣ место под горою близъ Ягоднаго озѣра... — Большое Ягодное озеро — озеро в северо-восточной части Соловецкого острова, недалеко от Чудотворной губы.

...овогда же в видѣ штатных служителей... — Штатные служители — входившие в штат монастыря служащие из мирян (часто — из бывших монастырских крестьян, проживавших в ближайших к обители вотчинах), состоявшие на содержании государства; выполняли в монастыре различные хозяйственные работы — от заготовки дров до поездок на материк по закупным делам. Институт штатных служителей появился в России в 1764 г., после издания Екатериной II манифеста о секуляризации церковных имуществ, лишившего Церковь вотчинных земель и крестьян; просуществовал чуть менее 100 лет (упразднен в 1861 г. вместе с отменой крепостного права).

«Прибѣжище мое, Боже мой, избави мя от обышедших мя!» — Ср. Пс. 31, 7.

Стр. 123. *По времени же посланъ бысть въ Сумский посадъ на управление монастырскаго подворья.* — Сумский Посад (Сума, Сумский острог) — поморское село на реке Сума, в двух километрах от Белого моря. Основано в первой половине XV в. новгородскими переселенцами; принадлежало Марфе Борецкой. Во второй половине XV в. (по мнению В. Л. Янина, после 1471 г.) было передано ею во владение Соловецкому монастырю, который учредил здесь позднее свое подворье. Во время Ливонской войны, в 1576 г., село было разорено и сожжено, после чего монастырь построил здесь острог для защиты от возможных набегов. В 1613 г. Сумской острог выстоял, выдержав осаду шведских войск.

...и от сообращения со строптивыми... — Исправлено по списку *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 49 об.; в ркп. читается «и от сообращения бе строптивымъ».

По семъ посланъ бе въ городъ Архаггелскъ для закупки годовых припасовъ. — О новонайденных документах, отражающих хозяйственную деятельность старца Феофана, см.: Осипенко М. В. Соловецкая обитель: История и святыни. Книга паломника. Соловки: Издание Соловецкого монастыря, 2014. С. 175—176.

Егда же наста архимандритъ Герасим... — После архимандрита Иеронима (1777—1793) настоятелем Соловецкой обители стал Герасим (Ионин, † после 1816 г.), постриженик Тисмянского, что в Валахии, монастыря, назначенный из наместников Александро-Невской лавры (по другим источникам — из Клопского монастыря Новгородской епархии). Возглавлял обитель в течение трех лет (1793—1796). В 1793 г., сразу по назначении, архимандрит Герасим упразднил Сумской монастырский двор. В 1796 г. по болезни был переведен на покой сначала в Коренную, а затем в Софрониеву пустынь Курской епахии, где прожил более 20 лет и умер в глубокой старости.

...опредѣлили его икономом. — Иконом (ср. греч. οἰκονόμος) — управляющий церковным или монастырским имуществом, эконом.

Бывшу ми въ Анзерском ските... — Имеется в виду Свято-Троицкий скит, основанный на Анзере в начале XVII в. иноком Соловецкого монастыря преподобным Елеазаром Анзерским. Расположен в восточной части острова, у Троицкой губы. Второй Анзерский скит — Голго-

фо-Распятский, расположенный на горе Голгофе, приблизительно в четырех верстах от Свято-Троицкого скита, — к тому времени пришел в упадок и стоял без насельников. Сюда лишь изредка удалялись на безмолвие — поодиночке или по двое — иноки Соловецкого монастыря и Свято-Троицкого скита.

...шедъ на Голговску гору. — Гора Голгофа (высота над уровнем моря — 64 м), на вершине которой располагается Голгофо-Распятский скит, находится в центральной части острова Анзер. В Житии Иова (в схиме — Иисуса) Анзерского (1635—1720) повествуется о том, что название горе было дано Пресвятой Богородицей, явившейся в тонком сне преподобному Иову вместе с Елеазаром Анзерским.

...идохъ къ морю, на Волокъ Двинской. — Волок — участок суши, обычно с перевалом, между двумя водными бассейнами, через который тащили суда с товарами сухим путем — «волоком». Волок Двинской расположен на Двинском мысу в северной части побережья Большого Соловецкого острова.

Стр. 124. *...но буди воля Твоя!* — Несколько измененный стих Молитвы Господней («Отче наш»); ср.: «...да будет воля Твоя».

И Божиим пособиемъ преплых сальму ту... — Салма (олонецк., арханг.) — пролив (из фин. salmi — морской пролив, канал). Имеется в виду Анзерская салма — пролив, отделяющий Анзер от Большого Соловецкого острова.

...Живъ, и нынѣ закупнымъ... — Закупной — монах, ответственный за закупки продовольствия и других необходимых монастырю хозяйственных товаров.

...спаси душу твою. — Ср. Мф. 16, 25.

...и готова в снедь душетленному змию. — Т. е. дьяволу.

Богъ же, не хотяй смерти грѣшнику, но еже обратитися на путь спасения... — Парафраз молитв из последования к исповеданию грехов и на сон грядущим, восходящих к Книге пророка Иезекииля (ср. Иез. 33, 11). Входит составной частью в различные христанские молитвы и поучения — Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова и др.

Стр. 125. *Карбас* — гребное парусное судно средних размеров, распространенное у поморов и других жителей Русского Севера. Карбасы строились из соснового и елового леса без использования металлических деталей.

...хотя обрести место въ Примории... — Приморье — материковая часть к востоку от Соловецкого архипелага между Онежской и Двинской губами Белого моря; по современному административному делению входит в Приморский район Архангельской области.

Знаяше бо, яко на Соловецкомъ островѣ укрытися неможно бываемых ради гонений и поисковъ на пустынниковъ. — Речь идет об обысках и гонениях на пустынножителей, которым те в XVIII—XIX вв. подвергались как со стороны государства, так и со стороны церковных властей. Раздел «О монастырях» изданного в 1722 г. «Прибавления к Духовному Регламенту» содержал запрет на строительство «скитов пустынных». Это не могло не сказаться на положении любителей пустынного безмолвия, которых принудительно возвращали в покинутые ими без игуменского благословения монастыри. По новому официальному положению, «монахов, сбежавших и возвращенных, надлежало „держать по смерть во оковах в трудах монастырских"» (Лисовой Н. Н. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России. XI—XX века. Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2005. С. 206).

...углѣбоша въ тимѣнии дѣлъ моихъ! — Ср. Пс. 68, 3 («Углебох в тимении глубины...») и богородичен 3-й песни Канона Пресвятой Богородице («Углебох в тимении дел моих злых...»).

Кемь — город в Онежском уезде Архангельской губернии, расположенный на берегу реки Кемь около места ее впадения в Белое море, при вершине Кемской губы.

Стр. 126. *...за обидѣвших же моляся, да не поставитъ имъ сего въ грѣхъ.* — В приведенном фрагменте использован широко распространенный житийный топос — мотив мольбы праведника ко Господу о прощении его врагов. Сакральным образцом здесь является сюжет из «Деяний апостольских» о первомученике Стефане, молившемся во время казни о своих мучителях: «И камениемъ побиваху Стефана, молящася и глаголюща: „Господи Иисусе, приими духъ

мой!" Преклонь же колѣна, возопи гласомъ велиимъ: „Господи, не постави имъ грѣха сего!" И сия рекъ успе» (Деян. 7, 59—60). В свою очередь слова Стефана представляют собой аллюзию на возглас распятого Христа: «Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ» (Лк. 23, 34; ср. Мф. 5, 44).

Посуда же ему бяше бересто. — Имеется в виду, что посуда подвижника была сделана из бересты (верхнего слоя коры березы) — стойкого к сырости материала, который издревле использовался на Руси для изготовления домашней утвари — туесов, плетеных лукошек, коробов и т. д.

Господи, приими въ мире духъ мой... — Ср. Деян. 7, 59.

Стр. 127. *...по правилу преподобнаго Пахомиа...* — Пахомий Великий (ок. 292—ок. 346 или 348) — египетский монах, преподобный, ученнк преп. Паламона Фиваидского. Основал первый христианский общежительный монастырь в Тавенниси (Верхний Египет), для которого составил первый монастырский устав. Наряду с Антонием Великим, Макарием Великим и Евфимием Великим считается одним из столпов пустынножительства и основателей общежительного (киновитского) монашества. Память 15 (28) мая.

...12 молитвъ, си есть 1200 Иисусовых... — Иисусова молитва — краткая молитва, обращенная к Иисусу Христу с просьбой о помиловании: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Непрестанная Иисусова молитва является неотъемлемой частью монашеского делания.

...привезѣ въ монастырь, 1817 году, при архимандрите Паисии. — Архимандрит Паисий настоятельствовал в Соловецком монастыре с 1813 по 1819 г.

...идѣ Феофанъ в церковь преподобных Зосимы и Савватия, и приложися ко святым мощем ихъ... — Имеется в виду Зосимо-Савватиевский придел Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря, в котором с 8 (21) августа 1566 г. почивали мощи преподобных.

...во образѣ знаемых поморовъ... — Поморы — самобытная этнографическая и этнорелигиозная группа старожильческого русского населения на Белом море; субэтнос русского народа на беломорском Севере России.

Иногда — аки церковники, и косы заплетены и въ пуки связаны. — В Пространной редакции Жития читается особое поучение старца Феофана на эту тему: «Запрещаше такожде и власы въ косу заплетати или въ пучки связывати, глаголаше бо, яко: „Множецею азъ видѣхъ бѣсовъ, приходящихъ ко мнѣ съ заплетенными косами и въ пучки связанными. От сего явѣ показуется, яко бѣсовское есть дѣло, еже косы плести и еже без мѣры краситися (т. е. украшаться. — *Т. Р.*) власами"» (цит. по ркп.: *БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 71 об.; на нижнем поле листа помещено примечание к этой фразе: «Изволяяй да чтетъ о семъ запрещающее правило Шестаго Вселенскаго собора четыредесятое»).

Стр. 128. *...не дающе правила совершати.* — Имеется в виду монашеское молитвенное правило — повседневные молитвы и духовные песнопения, которые инок пронзносит в определенной последовательности.

...и состареся, бывъ 73 лѣтъ. — Пространная редакция Жития Феофана, более точно отражающая хронологию жизни подвижника, говорит в этом эпизоде о 78 годах.

...тимпаны ударяюще... — Тимпан — род барабана, бубна (ср. греч. τύμπανον).

Немощно бо двема господинома работати, Богу и мамоне, глаголетъ Писание. — Ср. Мф. 6, 24. Маммона (мамона) — библейское обозначение земного богатства, от служения которому Евангелие предостерегает христиан.

Воззримъ на сладчайшаго Владыку Иисуса Христа... но вонзше на трость губу, исполниша оцта съ желчию. — Имеется в виду центральный евангельский эпизод Страстей Христовых, когда подвергшемуся оплеванию и заушениям Иисусу, распятому на кресте и мучимому жаждой, римские воины подали в поругание вместо воды уксус, смешанный с желчью (Мф. 27, 33—38; ср. Мк. 15, 22—27; Лк. 23, 33—43; Ин. 19, 17—25). Трость и губу, смоченную в уксусе, относят к орудиям Страстей Христовых.

А мы кроме нужды и преждѣ времене изутра чай пьемъ... — Поучения старца Феофана против чаепитий в монастыре, имеющие основанием традиционную монашескую аскезу, обнару-

живают неожиданные тематические сближения со старообрядческими сочинениями против чая, получившими в XVIII в. распространение среди старообрядцев-беспоповцев; основанием для появляения этих сочинений послужило представление старообрядцев о том, что чай в России появился после никоновских реформ (см. об этом, например: Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII—XX вв. // Живая старина. 2014. № 4. С. 34—37).

...среды и пятки разрѣшающе... — Т. е. не соблюдая пост в среды и пятницы.

...и въ святый постъ со скоромным сахаром... — Скоромным называли обыкновенный сахар, так как при его производстве применялось осветление раствором белка альбумина, извлекаемого из крови, а также процеживание через костяной уголь. Так называемый постный сахар производился из картофельной патоки, без использования костяного угля и альбумина.

Стр. 129. *...воспріявъ аггелскій образъ...* — Т. е. приняв монашеский постриг; ср. наименование двух степеней монашества (малый ангельский образ и великий ангельский образ).

...отнюдъ не постригся бы въ мантію — довольно бы мне было рясофора... — Мантия и рясофор — наименование двух первых степеней православного монашества из трех существующих, принимаемых после прохождения послушнического искуса: рясофор, мантия (малая схима) и схима (великая схима). Степени эти различаются количеством и степенью строгости даваемых перед Богом обетов, аскетическими правилами поведения и послушаниями, а также монашескими одеждами.

По семъ старецъ Феофанъ умоленъ бывъ от нѣкиих двухъ, дабы восприялъ ихъ от пострижения. — Речь идет об учениках Феофана Паисии и Антонии, духовным отцом которых он был. В некоторых поздних списках Жития во фрагменте, посвященном этим ученикам старца, читается любопытный комментарий: «Первый изъ нихъ, именемъ Паисий, былъ послѣ въ Соловецкомъ монаст*ыре* намѣстникомъ, нынѣ въ Полоцкѣ архимандритомъ въ первокласномъ монастырѣ и Святыя Анны 2-й степени кавалеръ, императорскою короною брилиантовою украшенный; а послѣдний, Антоний, послѣ былъ въ Берлюковской пустыне строителемъ, гдѣ и скончался; которые и Житие сие писали. Паисий нрава тихаго и кроткаго, а Антоний горячаго, почему старецъ ему и не благословлялъ въ настоятельство вступать» (см.: *ГИМ*, собр. Н. П. Вострякова, № 1109-4°, л. 74; *ГИМ*, Епархиальное собр., № 876-4°, с. 97).

Стр. 130. *1818 году, при архимандрите Паисии, въ обители между братиами и настоятелем случися нѣкое нестроение.* — Эти события нашли отражение в объемном «Деле о разных злоупотреблениях архимандрита Паисия по Соловецкому монастырю» (1818—1819 гг.), хранящемся ныне в Фонде канцелярии Синода в Российском государственном историческом архиве. После рассмотрения содержащегося в деле прошения братии Соловецкого монастыря императору Александру I архимандрит Паисий был уволен от настоятельства, но оставлен на покое в обители.

Утреня — ежедневное богослужение суточного круга, которым начинается ряд дневных служб. Если молитвословия и песнопения вечерни символически соотносятся с Ветхим Заветом, то утреннее богослужение воспоминает преимущественно события новозаветной истории.

Самъ же злобы началникъ, злоковарный Филузеръ, иже преподобнаго Елеазара искушаше... — Имя беса, искушавшего старца Феофана, — Филузер — помимо Жития соловецкого пустынника встречается еще лишь в одном памятнике севернорусской агиографии — Житии Елеазара Анзерского (соловецкий пустынножитель, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита; † 13 января 1656 г.), к которому и отсылает агиограф в приведенном фрагменте. При этом в Житии Елеазара имя это имеет несколько иное написание (Фелузер), что дает основание некоторым исследователям возводить его к латинскому корню *fel* (желчь, злоба) или производному от него слову *feles/felis* (в одном из значений — вор, похититель); см.: Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита / Изд. подгот. С. К. Севастьяновой. СПб., 2001. С. 97—99, 131—135 (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. Вып. 6). Известно также, что древнерусские азбуковники включали в себя, помимо традиционных *Вельзевула* и *Велиара*, и другие «имена бесовска», отдельные из которых имеют сходное звучание с *Филузером*: Еревентий, Диомодий, Зифелузъ (Зуфелузъ), Зарватей, Зереферъ, Зифее (см.: Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 169, 181, 191, 194).

Стр. 131. *Почто ты, злый калогере...* — Калугер (калогер; ср. греч. καλόγερος) — почтенный старец, монах.

...и молитву «Богородице Дѣво, радуйся» всю до конца. — Имеется в виду одна из основных молитв Православной церкви, обращенная ко Пресвятой Богородице; основана на евангельском повествовании о приветствии Архангелом Гавриилом Девы Марии во время возвещения ей Благой вести (Лк. 1, 28—31).

...яко раба, скрывшаго талантъ... — Имеется в виду евангельская притча о рабе, не использовавшем (зарывшем в землю) полученный им от своего господина талант (от греч. τάλαντον — единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке), символически повествующая о Втором пришествии (Мф. 25, 14—30). Происходящее от этой притчи выражение «зарывать свой талант в землю» означает неиспользование (оставление без пользы) каких-либо знаний, опыта или духовных качеств.

...Господь гордым противится, смиренным же даетъ благодать. — Ср. Иак. 4, 6.

Стр. 132. *Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одѣсную мене есть, да не подвижуся.* — Пс. 15, 8.

Отечник, или патерик (греч. πατερικόν), — сборник дидактических новелл об аскетических подвигах христианских монахов (святых отцов).

Нѣкий старецъ пребываше въ келии со учеником единъ... яко не бываетъ празденъ. — Изложение проложного сюжета, реализующего распространенный в средневековой книжности мотив «труд гонит от монахов бесов». См.: Пролог. Книга вторая: март—август. СПб., 1896 (репринт: М., 2003). Л. 362 об.—363 («Слово от Старчества», чтение на 21 августа); Гурьев В., прот. Пролог в поучениях на каждый день года. М., 1912. С. 919; Игумен Марк (Лозинский). Отечник проповедника. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008. Сюжет № 1156 («Ученик постоянно был в трудах, поэтому бесы не могли приблизиться к нему»): «У одного великого старца был ученик, который жил рядом с ним, но в особой келии. Однажды старец услышал бесов, вопиявших: „Горе нам от этих монахов, и к старцу приблизиться не можем, и к его ученику тоже, потому что он разоряет и строит, и никогда не видим его праздным". Услышав это, старец понял, что от него самого гонит бесов присущая ему благодать Божия, а об ученике недоумевал: „Что это значит: разоряет и строит?" Вечером он пришел к ученику и спросил: „Как живешь?" Ученик отвечал: „Хорошо, отче". Старец стал выпытывать у него, не впадает ли он в уныние. Тогда ученик указал рукой на лежавшие около него камни и сказал: „Из этого камня я строю стены, а потом снова разрушаю их и, поступая так, не ощущаю уныния". Тут великий старец и понял, что бесы потому не могли приблизиться к его ученику, что никогда не видели его праздным, и стал поощрять ученика к продолжению труда. Другим же старец об этом говорил: „Знаю, что своим деланием ученик мой не приносил никакого прибытка ни себе, ни другим, но поскольку не был празден, бесы не находили возможности приблизиться к нему"».

Ср. поучение Пимена Великого: «Когда коноб кипит, снизу поджигаемый, тогда ни муха, ни другое какое-либо насекомое не смеют прикоснуться к нему; когда же остынет, то и мухи, и все насекомые садятся на него; так и к человеку, к честным занятиям прилежащему, враг рода человеческого не смеет приступить. Кто же живет в небрежении и лености, того низлагает он без всякого труда» (Четьи Минеи, 27 августа).

...глаголя молитву Господню «Отче нашъ». — «Отче наш» (молитва Господня) — наиболее распространенная христианская молитва, данная, согласно Евангелию, Иисусом Христом своим ученикам в ответ на просьбу научить их молиться; читается в Евангелиях от Матфея и от Луки (см. Мф. 6, 10; Лк. 11, 2).

Стр. 132—133. *...бѣ же то преподобный Иисусъ Голговский...* — Имеется в виду преподобный Иов (в схиме — Иисус) Анзерский (1635—1720), основатель Голгофо-Распятского скита на острове Анзер Соловецкого архипелага; память — 6 (19) марта.

Стр. 133. *Мы есмы Антоний и Феодосий, здѣ, на Муксалском осторовѣ, пожихом, под горою Фаворъ живше...* — Сведения о соловецких пустынниках Антонии и Феодосии, подвизавшихся на о. Большая Муксалма (третий по величине остров Соловецкого архипелага, располо-

женный в его восточной части, в 10 километрах от монастыря), сохранились только в Житии Феофана Соловецкого. Судя по тексту Жития, пустынники Антоний и Феодосий преставились раньше Феофана, т. е. до 1819 г. Гора Фавор, место их пустыннического подвига, расположена в юго-восточной части острова.

...и при хлѣбне въ чуланѣ оставлен. — Хлебия — то же, что пекарня: место для выпечки хлеба, иногда также — для его продажи или раздачи (в монастыре).

...нарицая его лицѣмера, пустосвята, раскольника... — Здесь Феофан именуется раскольником, по-видимому, как нарушитель монастырского устава, запрещавшего в то время пустынническое житие.

Стр. 134. *Инъ братъ, простецъ, иже некогда служа старцу, скорбя зѣло, яко не имѣ писма уволнительнаго, ибо таковых из монастыря высылаху.* — Имеется в виду увольнительное свидетельство — выдававшийся государственными органами официальный документ об «увольнении из крестьян», дававший право поступления в монастырь.

...есть же на том островѣ рыбная ловля, имянуемо Кирилов... — Имеется в виду Кирилловская рыболовная тоня (небольшое промысловое предприятие для ловли и первоначальной обработки рыбы) — центр рыболовства Соловецкого монастыря на Анзере начаная с XVII в.; находилась в северной части острова Анзер, в двух километрах от горы Голгофы, на берегу Кирилловской губы.

...разстояния же два поприща? — Поприще — крупная путевая мера; расстояние, соответствующее длине римско-греческой мили (ок. 1480 м).

И тако лѣжащу старцу Феофану в хлѣбне в чуланѣ зѣло больну, но не можаше укрытися от приходящих к нему пользы ради... — Возможная утрата текста (в ркп. отсутствует словосочетание «не можаше укрытися») восполнена по списку Пространной редакции Жития Феофана (*БАН*, собр. Археографической комиссии, № 222, л. 81).

Стр. 135. *Посту же апостолску приходящу...* — Апостольский, или Петров, пост — пост, установленный в память об апостолах Петре и Павле, которые постились, готовя себя к проповеди Евангелия (Деян. 13, 3); начинается через неделю после Дня Святой Троицы, в понедельник после 9-го воскресенья по Пасхе, и заканчивается в день святых апостолов Петра и Павла, 29 июня (12 июля). В зависимости от дня празднования Пасхи может продолжаться от 8 до 42 дней.

Огневица — жар, лихорадка.

...въ келию единаго от учениковъ, в то время живущу в послушании печении просфоръ, Антонию именем, иже и списатель бысть жития и подвиговъ его самовидецъ, тогда уже бывъ иеродиаконом. — Имеется в виду ученик Феофана Антоний (в миру — Алексей Иванович Ерофеев), автор Жития подвижника. Антоний родился предположительно в 1788 г. в Сергиевом Посаде, происходил из купеческих детей. В 1818 г. принял постриг в Соловецком монастыре; в том же году был рукоположен в иеродиаконы, а затем — в иеромонахи. В 1824 г. стал ризничим, а позднее — казначеем монастыря. В 1828 г. был определен строителем в Берлюковскую пустынь Богородского уезда Московской губернии, вскоре после чего заболел, был направлен на лечение в Москву, где и умер в мае 1829 г. в возрасте 41 года. Погребен в Симоновом монастыре.

Егда моя грѣшная душа изыдет от окаяннаго моего тѣла... да не осквернитъ место сие святое вложением въ недра земная сея гнусности! — Традиционный для житийного жанра мотив запрета праведника на погребение его тела во избежание посмертного почитания.

Росный ладан (или бензойная смола) — смолистое вещество, вытекающее из надрезов коры бензойного, или росноладанного, дерева и затвердевающее на воздухе. Оно состоит из смеси различных смол, бензойной, а также коричной кислот. Используется при церковном богослужении.

...име 75 лѣтъ от рождѣния своего. — Первоначальная редакция Жития содержит неточные сведения; в действительности старец Феофан преставился в возрасте 80 лет (родился в 1739 г., умер в 1819 г.). В Пространной редакции памятника эта ошибка исправлена.

Преставися 1819 года июня 26 дня... — Допущенная в 1873 г. при издании Соловецкого патерика опечатка (вместо 26 *июня* там читается 26 *июля*) стала причиной того, что во многих

справочных пособиях день смерти (а следственно, и памяти) Феофана Соловецкого до настоящего времени указывается неверно.

...и погребѣнъ бысть внутрь обители Соловѣцкия, близъ часовни преподобнаго Германа, от восточныя страны. — После возведения в 1859 г. на месте часовни преподобного Германа каменной церкви могила Феофана Соловецкого находилась внутри нее — перед иконостасом, против местного образа Тихвинской иконы Божией Матери, у царских врат. Археологическое исследование места погребения старца до настоящего времени не проводилось.

На гробѣ же его бѣснующиися исцѣление получаютъ... И тако здравы отхождаху, благодаряще Бога. — Известен список Жития Феофана Соловецкого (*ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 840), в котором читаются записи двух датированных посмертных чудес — об исцелении у гроба подвижника бесной жены (1838 г.) и о «двух малолетних в Корелах», получивших здравие за веру, которую они имели к старцу (1841 г.).

Стр. 136. *Стихи в похвалу блаженному Феофану.* — Помимо публикуемого известны еще два списка Жития, которые сопровождаются похвальными виршами старцу Феофану: *БАН*, Архангельское собр., Сол., № 8, л. 101—102 и *РГБ*, ф. 122 (Великоустюжское собр.), № 38, л. 38—38 об. При этом все три известных сегодня списка виршей содержат несколько различающиеся варианты их текста.

От мест пещерных удалися... — Имеется в виду Киево-Печерская лавра.

ЧУДЕСА ИУДЫ КОНЕЩЕЛЬСКОГО
(ИЗ ДНЕВНИКА МЕЗЕНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА Г. Я. СИТНИКОВА)

Интересными памятниками поздней рукописной книжности (XIX—XX веков) являются крестьянские дневники. Очень разные по своим жанрово-стилистическим особенностям, они позволяют взглянуть на историю и культуру «изнутри», глазами тех людей, которые являлись носителями традиционных ценностей, но при этом по многим вопросам имели собственное мнение.[1]

Известные сегодня дневники XIX—XX веков имеют преимущественно севернорусское происхождение. В некоторых из них основное внимание уделяется событиям внешнего мира, деревенской или семейной жизни, реже — фактам общероссийской истории; в других дневниках ярко раскрывается внутренний мир автора, повествование приобретает исповедальный характер. Дневники содержат описание повседневных хозяйственных занятий и промыслов, включают тексты заговоров, пословиц, лирических песен, местных поверий и преданий.

---

[1] В последние десятилетия были опубликованы дневники красноборца — жителя деревни Пермогорье И. С. Карпова, тотемского крестьянина А. А. Замалеева, печорского старообрядца С. А. Носова, заонежского бондаря П. Т. Ананьина, крестьянина села Вашки в Белозерском крае Д. И. Лукичёва и других (см.: Карпов И. С. По волнам житейского моря / Публ. С. С. Гречишкина, Г. В. Маркелова. Вступит. статья Г. В. Маркелова // Новый мир. 1992. № 1. С. 7—76; Дневник тотемского крестьянина А. А. Замалеева (1902—1922) / Публ. подгот. В. В. Морозов, Н. И. Решетников. М., 1995; Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / Подгот. текста, вступ. статья и примечания М. В. Мелихова. М., 2005; Текст дневника П. Т. Ананьина / Подгот. публ. В. П. Ершова, И. В. Мельникова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 17—149; Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д. И. Лукичёва и Д. П. Беспалова / Под ред. С. Б. Адоньевой. СПб., 2013). Краткий обзор крестьянских дневников в рукописных собраниях Древлехранилища Пушкинского Дома был сделан Г. В. Маркеловым (см.: Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 493—502).

Как и в «большой» литературе, каждый крестьянский автор обладает своим стилем. Дневник заонежанина П. Т. Ананьина написан деловым, предельно лаконичным языком: «Я был дома, утром было собрание, делал ушат. Митька на лесозаготовке, Марья и хозяйка кое-что».[1] В сочинениях С. А. Носова «переплетаются стилистические формулы книг Священного Писания и просторечные обороты современного народного языка».[2] Яркий литературный талант угадывается в трагедийном, предельно правдивом повествовании пермогорского крестьянина И. С. Карпова, показавшего в своем дневнике судьбы северной деревни времен советизации крестьянской жизни в 1920—1930-е годы.[3]

Большой интерес представляет дневник мезенского крестьянина Григория Яковлевича Ситникова (*ИРЛИ*, Мезенское собрание, № 151, 96 листов).[4] Содержание этой рукописи составляют рассказы о различных чудесах в местных приходах, о снах самого Г. Я. Ситникова, его родственников и знакомых, автобиографические заметки и отдельные литературные статьи (сказания «о лестовке», о «червленом яйце»). Записи, как правило, начинаются с точного указания даты и хронологически укладываются в промежуток с 1891 по 1909 год. В дневнике Г. Я. Ситникова нет информации социально-экономического характера, фактов гражданской истории, хозяйственных рецептов, описания деревенского уклада. Автора в большей степени интересуют вопросы духовной жизни, он стремится отмечать проявления чудесного, божественного в повседневном, описывает свой личный визионерский опыт. При этом в дневнике упоминаются многочисленные названия мезенских деревень, десятки имен местных жителей, крестьян и священников. В дневнике очень ярко представлена религиозная жизнь Лешуконья (Средней Мезени) на Архангельском Севере на рубеже XIX—XX веков.

Г. Я. Ситников родился 17 ноября 1859 года. О своем детстве он вспоминает следующее: «Мы жили бедно. Меня отецъ вывесъ за тайбалу (большой лесной тракт. — *А. П.*, *А. М.*) отроду 9 лет кормитце Христовымъ именемъ, потомъ 12 летъ отдали меня к чиновнику во служение, тутъ я ему пондравилсе, а онъ нанялъ учителя и сталъ меня учить в грамоту» (л. 17). В 1880 году Г. Я. Ситников «призывался царской повинностей» (л. 13 об.), но на военной службе был недолго. В 1883 году по настоянию родителей он женился на односельчанке Евдокии Павловне Мишиной. В 1886 году он жил в Соловецком монастыре, исполняя родительский обет: «...родители мои дали обетъ; у мня у маленкаго, у годового, была трясучая болезнь, потому родители мои и дали обещание готъ жить работать в Соловецкомъ монастыре» (л. 17 об.—18). В 1899 году Г. Я. Ситников обратился в старообрядчество, в белокриницкое согласие, и в 1901 году был поставлен старообрядческим священником. В заключительной части дневника он пишет о своем тесном общении с уральским и оренбургским епископом белокриницкой иерархии Арсением (Швецовым) (1840—1908), о своих поездках к нему в Нижний Новгород и Уральск, а также о путешествиях с женой по святым местам, монастырям и пустыням.

Дополнительные сведения о Г. Я. Ситникове содержатся в архивных документах о деятельности старообрядцев на Мезени в начале XX века.[5] Согласно этим материалам, после рукоположения во священника Г. Я. Ситников поселился в деревне Сёмженская, которая стала центром мезенских старообрядцев-поповцев. Здесь сперва в доме одного из местных жителей, а с 1908 года в недавно построенном храме Г. Я. Ситников совершал богослужения. Наиболее позднее известное сегодня упоминание Г. Я. Ситникова содержится в переписи 1926 года, где он отмечен как житель деревни Верхнеберезницкая, по роду занятий — сапожник.[6]

---

[1] Текст дневника П. Т. Ананьина. С. 45.

[2] Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов... С. 14.

[3] Маркелов Г. В. Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 423—429.

[4] Рукопись была найдена на Мезени во время экспедиции Пушкинского Дома в 1967 г. Краткую характеристику содержания дневника впервые дал Г. В. Маркелов (Маркелов Г. В. Крестьянские архивы... С. 500).

[5] См.: Окладников Н. А. Поборники древлего благочестия. Архангельск, 2012. С. 197—211.

[6] См.: Новиков А. В. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007. С. 496.

Дневник Г. Я. Ситникова содержит уникальный материал, позволяющий проследить одно из направлений в развитии агиографической традиции в XIX—XX веках. На протяжении нескольких лет Г. Я. Ситников был, по сути, местным крестьянским агиографом: он вел запись чудес мезенского святого Иова Ущельского (XVII век) — основателя Ущельской, в честь Рождества Христова, пустыни — и почитаемого на Мезени неканонизированного угодника Иуды Конещельского. При этом автор явно ориентировался иа каноническую форму посмертных чудес, которые обычно следуют в житиях за рассказом о смерти святого. Записи начинаются с точного указания даты, предельно фактографичны, события нередко излагаются от лица свидетелей этих чудесных происшествий. Около 20 записей посвящены Иову и примерно столько же — Иуде; иногда угодники действуют вместе.

Для публикации в настоящем издании выбраны чудеса Иуды Конещельского, поскольку именно в них наиболее ярко отразились черты крестьянской религиозности — «народного православия».

Подлинные исторические известия об Иуде Конещельском, именуемом местными жителями Иудой (Юдой) Трофимовичем, не сохранились. В 1799—1800 годах Мезенским уездным судом и Мезенским нижним земским судом рассматривалось дело крестьян деревни Белощелье, которых обвиняли в «ложном разглашении» о святости Иуды.[1] По материалам дела, Иуда жил какое-то время в построенной им избе в лесу на реке Попьюге, где и умер. Его тело было найдено и похоронено белощельским крестьянином Яковом Мироновым Новиковым — произошло это задолго до судебного разбирательства, поскольку Я. М. Новиков умер еще до переписи 1763 года. Позднее (точная дата в документах отсутствует) сын Я. М. Новикова Трофим вместе с пасынком Иуды Феклистом и крестьянином Иваном Софроновым захоронили на этом же месте павшую лошадь, которая то ли в видении, то ли наяву превращалась в Иуду Трофимовича. Около 1792 года, получив у могилы Иуды исцеление, Трофим выстроил здесь часовню-амбар, к которой стали приходить богомольцы и класть деньги и вещи. По допросам крестьян Койнасской волости Мезенский уездный суд установил, что Иуда был белощельским крестьянином-старовером из рода Осташевых. После длительного рассмотрения дела суд вынес решение: «Наказать Трофима Новикова соразмерно преступлению ⟨...⟩ нещадно плетьми в страх другим, дабы неповадно было на будущее время так чинить. Пасынка же Иуды Феклиста и крестьянина Ивана Софронова за соучастие с Новиковым тож наказать обеих плетьми».[2] Построенный над телом Иуды амбар было велено «истребить вовсе, а имеющиеся образа и прочие вещи отдать по описи в церковь Койнасского прихода с распискою».[3] По данным ревизских сказок, в Белощелье в XVIII веке действительно проживали Осташевы,[4] однако имя Иуды Трофимовича Осташева в этих документах отсутствует.

Постепенно о происхождении Иуды Конещельского из среды местных крестьян-старообрядцев на Мезени прочно забыли. В начале XX века крестьянин села Устьвашка Ф. Ф. Ляпушкин вознамерился построить над могилой Иуды Конещельского церковь во имя апостола Иуды, брата Господня, и создать здесь пустынь. Обращаясь в 1904 году к епископу Архангельскому и Холмогорскому Иоаннikию (Казанскому) с просьбой дать разрешение на строительство церкви, Ф. Ф. Ляпушкин сообщал владыке, ссылаясь на «сохранившееся предание», что Иуда был учеником Иова Ущельского, иноком Ущельского монастыря. После мученической смерти Иова в 1628 году Иуда, стремясь к полному уединению, якобы ушел вверх по реке Мезени и поселился на речке Попьюге, где пребывал до конца своих дней в молитвенных

[1] Эти документы, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области (ф. 760: фонд Мезенского уездного суда; ф. 189: фонд Мезенского нижнего земского суда), опубликованы и прокомментированы: Новиков А. В. Ущельский монастырь (история обители в документах). Архангельск, 2018. С. 156—172.

[2] Там же. С. 164.

[3] Там же. С. 166.

[4] Новиков А. В. 1) Лешуконье XV—XIX вв. История края. Архангельск, 2003. С. 693; 2) Деревни Лешуконья... С. 261.

трудах.[1] Еще один варнант этого «предания», с дополнительными деталями, изложил священник Белощельского прихода А. Гривцев: «По преданию, во времена царя Михаила Феодоровича, ведомый божественною рукою, пришел в Мезенский уезд преподобный Иов, подвижник знаменитого Соловецкого монастыря, который и привел с собою до четырех человек братии, в том числе и пустынника Иуду. 〈...〉 Преподобный Иов устроил обитель Ущельскую и пребывал с братиею, подвизаясь в постах и молитвах, трудами своих рук снискивая пропитание. 1628 года 5 августа преподобный Иов получил мученическую кончину, потерпев убиение от разбойников, а бывшая при нем братия, в том числе и пустынник Иуда, разбежались, скрывшись от разбойников, в темный лес и остановились около речки под названием Попьюга, где и устроили находящуюся по сие время часовню и себе келию с четырьмя отделениями, от которой в настоящее время остались одни только признаки. Спустя несколько годов умер и пустынник Иуда, братия, похоронив его, сама переселилась в другие монастыри, поэтому и местность называется по сие время „Иудиной"».[2]

Но и эта версия не имела на Мезени широкого распространения. Как писал в 1904 году в своем рапорте Архангельской консистории священник Ценногорского прихода о. Александр Афанасьев, который сам, по свидетельству А. Гривцева, прибегал к помощи Иуды,[3] «в Белощельском приходе, от деревни Конещельской в семи верстах 〈...〉 среди дремучих лесов, по сохранившемуся преданию известно, будто бы жил какой-то старец по имени Иуда, где он и окончил жизнь свою. Имеется могила, а письменных документов о сем не сохранилось. Неизвестно, кто такой был старец Иуда, откуда и когда пришел и действительно был или не был на том месте».[4] Об Иуде Конещельском ничего не сообщает в своем очерке по истории Ущельской обители уроженец Мезенского уезда иеромонах Никодим (Кононов), несомненно знавший о существовании почитаемой Юдиной могилы.[5] Примечательно, что и сам Г. Я. Ситников приводит совсем краткие сведения о происхождении Иуды, умалчивая о его пребывании в Ущельском монастыре: «В Конещелской деревни старожилы говорят, что этотъ Иуда — уроженецъ Пинежскаго уѣзда, а из дерѣвни неизвестно. А по отчеству называли Иуду Трофимовицем, поэтому, доложно быть, отца у Иуды звали Трофимомъ, а матерь неизвестио какъ звали» (л. 57 об.).

На рубеже XIX—XX веков Иуду почитали не только в близлежащих деревнях, но во всем Мезенском уезде. Местные жители приходили к Юдиной могиле «по обету» в течение всего года, но особенно много народу собиралось здесь 19 июня, в день памяти апостола Иуды, брата Господня. Как отмечает Г. Я. Ситников, в 1898 году с 15 по 29 июня «было народу богомольцев у Иуды Трофимовица двести один человѣкъ» (л. 57 об.). Церковь во имя апостола Иуды была построена в Юдиной пустыни на средства Ф. Ф. Ляпушкина в 1914 году; до этого здесь находилась лишь небольшая часовенка-амбар, неоднократно упоминаемая Г. Я. Ситниковым. Спустя пять лет, в 1919 году, пустынь была приписана к женской Ущельской обители и просуществовала до 1930 года. В предвоенное время, зимой 1940/41 года, церковь была разобрана, а ее материал использовали для строительства скотного двора в дер. Белощелье. Возрождение пустыни началось в конце XX века, в 1997 году здесь была сооружена новая часовня.[6]

Чудеса Иуды Конещельского, записанные Г. Я. Ситниковым, свидетельствуют о том, что в конце XIX века этот угодник воспринимался прежде всего как покровитель животных. Жители

---

[1] См.: Новиков А. В. Лешуконские храмы: очерки истории церквей, часовен, монастырей, пустынь и скитов на территории средней Мезени. Архангельск, 2015. С. 200—201.

[2] Гривцев А., свящ. Белощельский приход Мезенского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 2. С. 64—65.

[3] О. Александр дал обещание отслужить панихиду по Иуде, если найдется его потерявшийся бык; когда в тот же день бык сам пришел домой, священник выполнил свой обет (см.: Там же. С. 65).

[4] Цит. по: Новиков А. В. Лешуконские храмы. С. 202.

[5] См.: Никодим (Кононов), иеромонах. Преподобный Иов, Ущельский чудотворец, и судьбы основанной им обители. Исторический очерк. СПб., 1900.

[6] Подробнее см.: Новиков А. В. 1) Лешуконье XV—XIX вв. С. 175—195; 2) Лешуконские храмы. С. 192—222.

Лешуконья обращались к Иуде в случае пропажи или болезни скота, принимали обет поставить свечу над его могилой, испечь «коровашки» (маленькие хлебцы) для нищих и «поминать» Иуду, принести в его часовню платок, изображение потерявшегося животного и т. п. В одном из чудес Иуда предупреждает крестьянку, что в ее хозяйстве падеж скота («ускотье») происходит из-за непочтительного отношения к праздникам: «...вы праздники не почитаите, не чтите, вы в праздники работаите ⟨...⟩ потому у васъ и падаютъ частыя ускотья» (л. 54 об.). Несоблюдение постных и праздничных дней — тяжкий грех, осуждаемый и в духовных стихах:

Поймейте вы три дни в неделю —
Среду и пятницу, воскресение Христово ⟨...⟩.
Аще которыя человек
До Воскресения Христова работаеть,
Нет тому человеку
В житье прибытку,
Ни жеребью-таланту...[1]

Пропажа скота и его поиски — очень типичная для крестьянской жизни, особенно в севернорусских деревнях, ситуация. В условиях дефицита пахотной земли скот пасли преимущественно в лесах, огораживая пространство поваленными деревьями или выбирая участки, с которых было бы трудно уйти. Но животные все же нередко выходили за огороженную территорию. На этот случай у крестьян был выработан целый арсенал средств — от практических до магических. На Русском Севере широкое распространение получили верования в способность пастухов заключать договор с лешим и пасти стадо, не следя за ним, а используя колдовское знание (обряд назывался «отпуск», «обход», «сгон», «слука»).[2] Был разработан богатый набор приемов и для возвращения заблудившегося скота — от прочесывания леса до написания «кабалы» лешему.[3] Использование магических средств совершенно не отменяло обращения с просьбами о возвращении скота к местночтимым святым и чудотворным иконам.[4]

Культ Иуды Конещельского — неканонизированного угодника, кроме имени которого доподлинно ничего не известно, — тоже находится, по сути, на меже крестьянской магии и церковного благочестия. Не случайно весьма противоречивым было и отношение местного духовенства к народному почитанию Иуды. Так, Г. Я. Ситников рассказывает о попытках священника из дер. Койнас о. Евграфа Калинникова разрушить часовню Иуды, «чтобы не ходили больше люди по овещанию к Юды» (л. 40). Отец Евграф получил от «духовных властей» разрешение на ликвидацию часовни. Но когда его помощники приступили к этому делу, Евграф ослеп и был прощен и исцелился только после того, как дал обет больше не разорять Юдину часовню. Вместе с тем среди лиц, обращавшихся за помощью к Иуде в связи с пропажей животных, Г. Я. Ситников называет и местного священника о. Алексея.

Почитание Иуды Конещельского сохраняется на Севере до настоящего времени, причем не только в Лешуконье. В 2011 году молитва с обращением к Иуде была записана на Усть-Цильме: «Микола-святитель, Пресвятая Богородица, явлённа Богородица, прескорбяща Мати Божья Бого-

[1] Стихи духовные / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991. С. 176.

[2] См.: Мороз А. Б. Севернорусские пастушеские отпуска и магия первого выгона скота у славян // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 232—258.

[3] См.: Белова О. В. Как в деревне Арзубиха «кабалу писали» // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 183—189.

[4] См.: Пигин А. В. 1) Литературные сочинения о преподобном Пахомии Кенском, Каргопольском чудотворце // Вестник церковной истории. 2009. № 1—2 (13—14). С. 100—120; 2) Сказание о иконе Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерском монастыре Каргопольского уезда // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 76—111.

родица, Казанска Мати Божья Богородица, Дева Мария, Юда ты Трофимович, пресвятая Сомолония [так!], все святые Иоанны, все святы апостоли, все святы угодники, многомилостливы, многожалостливы, скоры помощники, затворники, скоры помощники, помолите Бога об нас, о грешных, сохраните нас и сберегите нас от всякой притчи, от всякой на́пасти, от злых людей, от диких зверей, огня, меча и моря, ружья, и топора, и ножа».[1]

В Юдину пустынь по-прежнему приходят молиться и просить о помощи, оставляют в часовне обетные приношения: одежды и полотенца, а также свечи, монеты, тетрадки с разными пожеланиями.[2] Кроме Иуды почитаются его «духовные братья» Яков Горевший и Оника (Иоанникий), о которых в дневнике Г. Я. Ситникова сведений нет. Могила Якова находится близ с. Белощелье, Оники — в верховьях Мезени, недалеко от с. Латьюга (Удорский район Республики Коми), над этими могилами также установлены часовни.

Вблизи с. Вожгора, около 80 км от Юдиной пустыни, на поросшем лесом возвышении, имеется еще один ритуальный объект, связанный с именем Иуды Конещельского — поклонный крест, который местные жители называют «крестом Юды и Оники» или просто «Юдой и Оникой». Крест установлен на том месте, где согласно преданию Иуда и Оника расстались, после чего каждый из них пошел своим путем. До этого они обошли вместе все селения Мезени, крестили младенцев, освящали часовни, поминальные и обетные кресты. Днем почитания креста, когда к нему сходится особенно много народа, является Троица. В остальное время ходят понемногу — кому как нужно или когда идут мимо по пути в лес. У креста останавливаются, молятся Иуде и Онике, оставляют одежду с больной части тела, навешивают ленточки на деревья. Тематика просьб к «святым угодникам» — а именно так они воспринимаются местными жителями — уже не сводится к возвращению потерявшихся животных, как во времена Г. Я. Ситникова. Старцев могут просить исцелить от болезни, помочь в учебе, работе, в приобретении жилья или даже в сборе грибов и ягод в лесу. Сельские святыни — «крест Юды и Оники» и Юдина пустынь — являются сегодня местами исполнения разнообразных желаний.

Рассказами о чудесах Иуды Конещельского и Иова Ущельского содержание дневника Г. Я. Ситникова не исчерпывается. Автору являлись в «тонком сне» и некие безымянные святые, а также св. Матрона Цареградская и св. Феодосий Угличский и Черниговский. Во время пребывания в Сёмженских кельях (на реке Сёмже, правом притоке Мезени), где находилась местная почитаемая икона Казанской Божией Матери, он увидел во сне саму Богородицу. Г. Я. Ситников рассказывает о своем общении с бесом, поселившимся в голове бесноватой женщины, и с неким соловецким юродивым, явившимся ему во сне. Некоторые свои сновидения он переписывает дважды, дополняя второй вариант новыми деталями и толкованиями. Сон и явь порой причудливо совмещаются в его сознании. Так, рассказав о своем рукоположении во священника, Г. Я. Ситников вдруг заявляет: «...хотя я и был поставлен во священики, но еще нечего ненаученой. ⟨...⟩ Доложно быть, мне ето привиделось во сне к утвержению» (л. 88 об.).

Отсутствие четких границ между миром реальным и трансцендентным, «тонкое» духовное зрение рассказчика и его глубокая вера в неизменное участие сакральных сил в его собственной жизни и жизни его земляков — таковы отличительные особенности этого интересного крестьянского дневника.

Чудеса Иуды Конещельского публикуются по рукописи *ИРЛИ*, Мезенское собрание, № 151, л. 20 об.—22, 26—27 об., 39—43 об., 45—46, 52—57 об., 60—61, 62 об.—63, 93—94 об.

Стр. 139. *...на имя Александра Михайлова Кононова.* — Иеромонах Никодим (в миру — Александр Михайлович Кононов, 1871—1919) — церковный деятель, духовный писатель и

---

[1] «Явле́нная Богородица» в деревне Нонбург (Республика Коми) / Публ. Т. С. Каневой, Д. И. Шомысова; предисл. Т. С. Каневой // Живая старина. 2015. № 4. С. 53.

[2] Сведения о современном почитании Иуды содержатся в материалах экспедиций Российского государственного гуманитарного университета (Москва) в с. Вожгора (2014 г.) и С.-Петербургского государственного университета в селах Вожгора, Ценогора, Селище (2009—2010 гг.).

историк Церкви; уроженец Мезенского уезда Архангельской губернии, выпускник Архангельской духовной семинарии (1892) и С.-Петербургской духовной академии (1896), кандидат богословия, в 1901 г. был возведен в сан архимандрита. Служил на ниве православного просвещения: являлся ректором Калужской духовной семинарии (с 1904 г.), позднее — ректором Олонецкой духовной семинарии (с 1909 г.). В 1911 г. в С.-Петербурге архимандрит Никодим был рукоположен в сан епископа Рыльского, второго викария Курской епархии, 15 ноября 1913 г. стал епископом Белгородским. В годы революции выступал в своих проповедях против насилия большевиков, в 1919 г. был арестован и расстрелян. Определением Архиерейского Собора Русской православной церкви от 13—16 августа 2000 г. о. Никодим был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. Его перу принадлежит ряд работ, посвященных святым Русского Севера («Архангельский патерик», «Олонецкий патерик», «Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники», «Преподобный Иов, Ущельский чудотворец, и судьбы основанной им обители» и др.). Вероятно, Г. Я. Ситников был лично знаком со своим земляком о. Никодимом и некоторые записи о чудесах Иова Ущельского и Иуды Конещельского делал специально для него. В дневнике он рассказывает о своих безуспешных попытках отправить эти записи о. Никодиму по почте.

...я заметилъ Илью Иванова Мишина... Семена Васильева Новикова. — Представители перечисленных фамилий (Мишины, Ситниковы, Кожевниковы, Новиковы) проживали в деревнях Лешуконья (Верхний Березник, Белощелье, Койнас и др.) (см.: Новиков А. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007. С. 572, 574, 576). Одно из указанных здесь лиц — старообрядец Федор Антипович Ситников — отмечено в отчете экспедиции Пушкинского Дома на Мезень в 1958 г. В это время ему было около 80 лет и он по-прежнему проживал в дер. Верхний Березник (Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 531, 536).

Стр. 140. *...чудо про Иова...* — Иов Ущельский († 1628) — соловецкий постриженик, основатель Ущельской, в честь Рождества Христова, пустыни на Мезени (у впадения р. Ежуги в р. Мезень). В 1628 г. он был убит разбойниками, пытавшимися ограбить монастырь. Местное почитание Иова установилось вскоре после его смерти. В середине XVII в. от его гроба начали происходить чудеса исцеления. Житие Иова Ущельского, содержащее очень скудные сведения о святом, известно сегодня в нескольких списках XVIII—XIX вв., представляющих две его редакции (см.: Рыжова Е. А. 1) Житие соловецкого постриженика Иова Ущельского — малоизвестное сочинение XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 313—329; 2) Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (Вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 545—574). В дневнике Г. Я. Ситникова содержится около 20 рассказов о посмертных чудесах Иова, произошедших в конце XIX в. (исцеление местных жителей от болезней, наказание за грехи и нарушение различных запретов, чудесная помощь путникам, охотникам и т. д.) (см.: Пигин А. В. Чудеса Иова Ущельского (из дневника мезенского крестьянина рубежа XIX—XX вв.) // Живая старина. 2016. № 4. С. 2—6).

...в церковь Иевску. — Церковь во имя Иова Многострадального (ветхозаветного) над мощами Иова Ущельского в Ущельском монастыре.

Стр. 141. *В то время, когда в Койнаси при церкви находилсе священикъ отецъ Еграфъ...* — Евграф Андреевич Калинников, священник церкви Николая Чудотворца Койнасского прихода на левом берегу Мезени, служил здесь в 1846—1860 гг. (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2: Уезды Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. С. 347). Свою встречу в Койнасе с о. Евграфом в 1856 г. описал в книге «Год на Севере» С. В. Максимов. О. Евграф жаловался путешественнику на склонность местных жителей к «расколу» и нравственной распущенности (Максимов С. В. Избранные произведения. В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 116—117). Описанная здесь Г. Я. Ситниковым история произошла, таким образом, в середине XIX в. и была записана им по воспоминаниям местных жителей (по «слуху и молве»). По-видимому, тот же Евграф («Еграф» — «старенкой старичек седатенкой») является персонажем и другого рассказа Г. Я. Ситникова о обретении мощей «святаго угодника какого-то», записанного в дневнике под 1 марта 1896 г.

Стр. 144. *...нельзя и-самовару. Самоваръ — пустодомъ.* — «Пустодомом» на Русском Севере могли называть как сам самовар, так и легкомысленного, пустого человека, плохого домохозяина (см.: Словарь русских народных говоров. СПб., 1999. Вып. 33. С. 145; Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 349). Неприятие самовара как новшества, появившегося в русском быту только в XVIII в., особенно характерно для старообрядцев. В старообрядческих сочинениях XVIII—XX вв. самовар именуется «медным змеем», «сатанинским жертвенником», «адской утробой» (см.: Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII—XX вв. // Живая старина. 2014. № 4. С. 34—37).

Стр. 145. *...его ангелу тезоименитому Иуды, брату Господнему...* — Один из апостолов Иисуса Христа, сведения о котором противоречивы; в православной традиции он отождествляется с апостолами от 12 Иудой Иаковлевым и Фаддеем-Леввеем и с автором новозаветного Послания Иуды. Память его 19 июня по старому стилю.

Стр. 146. *Четверть* — мера длины: четверть аршина, четыре вершка, около 18 см.

Аршин — мера длины, около 71 см.

...уроженецъ Пинежскаго уѣзда... — Пинежский уезд Архангельской губернии по реке Пинеге, к юго-западу от Мезенского уезда.

Стр. 147. *«Каки-то кони вышли на Келцемгору»... «...объевлялъ крестьянинъ, Шилявы...»* — Кельчемгора, Юромский (Юрома), Шилява — названия населенных мест Лешуконья. Деревня Шилява входила в состав урочища (куста деревень) Кельчемгора.

ВИДЕНИЯ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Видения — один из тех средневековых жанров, интерес к которым сохранялся у читателей и «после Древней Руси». Во второй половине XVII—XVIII веках, преимущественно среди старообрядцев, становятся популярны древние видения, появляются новые произведения этого жанра, нередко они помещаются в лицевые сборники среди произведений о конце света. Немало видений было записано и позднее — в XIX—XX веках. Видения до сих пор охотно читаются в крестьянской среде; школьная тетрадка с записями религиозных стихов (кантов), молитв и видений — не такая уж редкая находка в археографической работе конца XX—начала XXI века.

Отдельную тематическую группу видений составляют тексты, посвященные «малой» эсхатологии, — так принято именовать систему представлений о посмертном пребывании души на том свете, о «частном» суде над умершим (в отличие от всеобщего Страшного суда) и об устройстве загробного мира.[1] Такие видения представлены двумя жанровыми разновидностями: 1) визионеру является в видении душа умершего, ангел или святой и рассказывает ему о своих посмертных скитаниях; 2) визионер сам отправляется на тот свет и своим «духовным зрением», находясь «вне тела», познает его тайны. Именно вторая разновидность и является основной, «классической». Чрезвычайно богатая в своих конкретных проявлениях, инвариантная сюжетная схема этих видений такова: душа визионера, сопровождаемая, как правило, «душеводителем» (ангелом, святым, умершим родственником), путешествует по различным областям загробного мира, встречает там своих знакомых и близких, получает сокровенные знания, часть из которых после своего возвращения в тело передает изумленным слушателям.

Видения потустороннего мира имеют давнюю традицию в восточной, западноевропейской, византийской и древнерусской литературах.[2] Большой интерес у древнерусского читателя

---

[1] См.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 198.

[2] См.: Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891; Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 8. С. 3—27; Ярхо Б. И.

вызывали такие переводные и оригинальные произведения этого жанра, как видения из житий Василия Нового, Андрея Цареградского, Видение Козмы игумена, Видение Антония Галичанина, видения из Волоколамского патерика и многие другие. К видениям примыкают сказания о «хождении» в загробный мир: Хождение Богородицы по мукам, Сказание отца нашего Агапия и др. Поздние видения — XVIII—XX веков — в целом сохраняют жанровый канон и эсхатологическую топику древнерусских сочинений, однако добавляют к ним и ряд новых черт. В частности, здесь появляется «этнографический», бытовой план, происходит беллетризация жанра, глубина христианского содержания часто уступает место внешним натуралистическим эффектам. Заметное влияние на видения оказали также Пролог, Великое Зерцало и литературный Синодик. Авторы видений черпали из этих сборников отдельные образы и сюжеты, не обязательно эсхатологического характера. С Синодиком, кроме того, видения роднит тема поминовения усопших.

Другая традиция, которая должна быть указана в связи с видениями XVIII—XX веков, — это устные рассказы об «обмирании» (о посещении душой того света во время летаргического сна).[1] Многие видения представляют собой не что иное, как письменные фиксации таких устных рассказов. В некоторых из них сохраняется указание на саму ситуацию обмирания: «...старуха... объумирала в полнощ» (Видение некоей старухи, 1748 г.),[2] «мнит быти себе в то время обмирающа» («Повесть о душеполезном видении» Андрея Данилова Иконникова, 1785 г.). Наконец, общие мотивы сближают видения с духовными стихами и сказочно-легендарными текстами о пребывании человека на том свете («Крестник Бога (Христа)», «Божий пастушок» и др.).

Видения XVIII—XX веков достаточно разнообразны по своему происхождению, содержанию, объему и литературным достоинствам. Визионерами являются здесь старообрядцы разных согласий (Видение некоей старухи; «Сказание о дивном видении» девицы Маргариты, 1804), монахи и монахини (Видение старца Макария, 1845; «Чудесное сновидение» Феклы, 1902), крестьяне (Видение крестьянина Семиона Федотова, 1788; Видение девицы Пелагеи, 1818), горожане (Видение рабы Веры, 1962; Видение Клавдии Устюжаниной, 1964). Почти обязательные указания на место, где произошло видение, свидетельствуют об очень широком географическом распространении произведений этого жанра: Корела, Берлюковская пустынь под Москвой, Макарьевский Желтоводский монастырь на Волге, Вологодская губерния, Тихвинский Введенский монастырь, Одесская область, Барнаул и др.

Видения, как писал Б. И. Ярхо, «принадлежат к дидактическим жанрам, ибо цель их — открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию».[3] Не случайно жанр видений использовался в Средние века в полемических — религиозных и политических — целях. Многие видения XVIII—XX веков сохраняют эту важнейшую жанровую функцию: некоторые из них написаны выговцами против филипповцев, старообрядцами поповского толка — против беспоповцев, представителями господствующей Церкви — против старообрядцев, христианами — против атеистов и революционеров. Визионером в этих полемических сочинениях часто оказывается человек, сомневающийся в каком-либо религиозном вопросе, стоящий перед выбором. Во время загробного откровения он постигает истину и освобождается от своих сомнений. В другой группе видений полемика по религиозно-обрядовым вопросам уступает место проповеди морального закона. Предметом осуждения являются здесь немилосердие к нищим, небрежение постом и молитвой, лечение у «чародеев», пьянство, блуд и т. п. Таких видений удостаиваются, как правило, грешники, которые должны по возвращении души в тело покаяться или даже стать проповедниками христианской веры.

Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 18—55.

[1] См.: Лурье М. Л., Тарабукина А. В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22—26.

[2] Сведения о рукописной традиции и публикации упоминаемых в этой статье видений XVIII—XX вв. см.: Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.

[3] Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток—Запад. М., 1989. Вып. 4. С. 21.

Некоторые сочинения, по-видимому, недалеко отстоят от первоначального устного рассказа и по времени, и по степени литературной обработанности. Такие тексты, как правило, невелики по объему, написаны простым языком, эсхатологические сюжеты в них лишь намечены, но детально не разработаны. В этих видениях сохраняется неподдельная эмоциональность воспоминаний визионера о недавно пережитом. В других видениях заметна очень сильная, порой неумелая обработка. Исконный устный текст восстановить здесь невозможно даже предположительно из-за многочисленных наслоений. Часто повествование разрастается за счет включения в него дополнений и «отступлений» назидательного характера. Встретив на том свете кого-либо из своих знакомых, ясновидец (в большинстве случаев, скорее всего, редактор) рассказывает связанную с ним историю, сюжет которой восходит к древнерусским памятникам или народным легендам. Нередко приводится рассказ о том, как визионер безуспешно пытается вытащить из адской бездны своего знакомого или родственника, за иоги которого хватаются другие грешники. Старец Макарий встречает в местах мучений женщину, на которую «вопиют» лежащие рядом три младенца. В небесной церкви он видит своего знакомого, одетого в простой кафтан. Смысл увиденного становится ясен Макарию только после воскресения, когда он находит эту женщину (она была жива и пребывала как бы в двух мирах одновременно) и родственников праведника и расспрашивает их. Три младенца — это незаконнорожденные дети, которых мать убила с помощью чародейства. Кафтан — та милостыня, которой однажды праведник оделил чудесного нищего (Христа).[1] Оба рассказа выделены в рукописи отдельно как своеобразные комментарии к тексту. Сама структура жанра — череда загробных встреч — позволяла редакторам дополнять первоначальный устный рассказ все новыми и новыми эпизодами, благодаря чему некоторые поздние тексты превратились в своего рода «эсхатологические энциклопедии».

Многие видения имеют точное календарное приурочение. Обычно эта дата приходится на церковный праздник, на время поста, на начало одного и конец другого временнóго цикла: Успение, начало Великого поста, последний день масленицы, первое января, Великая суббота, Сорок мучеников и др. Традиционная календарная семантика часто находит свое отражение в видениях. Так, уснув в Великую субботу, Домнушка-христианка становится участницей торжественного празднования Пасхи на небе. Девица Пелагея, оказавшись на том свете в первые дни Великого поста (в одном списке — в Чистый понедельник, в другом — в первое воскресенье поста), после масленицы, ужасается тому, какие муки ожидают грешников за веселье, «гулбы», «песни и пляски на игрищах». Иногда видение происходит после причащения Святых Тайн, во время паломничества к какому-либо святому месту. «Некая старуха» видит свое видение «в полнощ» (Видение некоей старухи) — именно полночные видения и сны почитались в народе самыми важными. Обязательным является указание и на продолжительность видения: 20 с половиной часов, сутки, 24 дня.

Нередко видению предшествует тяжелая болезнь визионера, во время которой он размышляет о своей посмертной участи, призывает смерть, подвергается притеснениям со стороны родственников. В видении ясновидец получает ответ на эти размышления, убеждается в ничтожности земных страданий перед загробными, иногда узнает дату своей смерти. Один из самых устойчивых мотивов — невозможность излечиться от болезни у земных врачей, бессилие врачей перед тайнами Божьего промысла. К ясновидцу, находящемуся в состоянии обмирания, приглашают «фельдшера», «лекаря», которые никакими средствами не могут вернуть его к жизни. Особенно детально эта тема разработана в рассказе о видении Клавдии Устюжаниной, где она решена в духе древнерусских патериковых легенд. «Безбожница» Клавдия была больна раком и «решила зделать аперацию». Когда врач разрезал ей живот, он пришел к выводу, что больная жить не будет: «...ей жить нечем, у нее здорового нет ничего». Во время операции душа Клавдии побывала на том свете, очистилась от грехов и затем вернулась в тело, которое оказалось совершенно здоровым. Свое исцеление Клавдия получила от «небесного врача», а не от земного. Традиционные древнерусские мотивы, известные, например, по Слову о святом Агапите из Киево-Печерского патерика,[2] здесь хорошо

---

[1] Ср.: Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1898. Вып. 4: Славяно-русский Пролог. Ч. 2: Январь—апрель. С. 163—164, 176.

[2] См.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 398—406.

узнаваемы: врач-иноверец («врачь был еврей») предсказывает человеку смерть, но в результате совершившегося чуда обращается в христианство. Образ врача выполняет в видениях и еще одну функцию: осмотр ясновидца врачом и те свидетельские показания, которые при этом приводятся, должны убедить читателя в истинности чуда. Так, в видениях поздней традиции осуществляется столь характерная для этого жанра установка на достоверность.

По загробному миру душа не может путешествовать без проводника. Чаще всего ее сопровождают ангелы, «рабу Божию» Веру водит по тому свету Богородица, Феклу — ее умершая сестра. Иногда спутником и помощником визионера является святой: Сергий Радонежский, Макарий Желтоводский, Серафим Саровский. Такие видения близки житийному жанру посмертных чудес: открыв визионеру сокровенные загробные тайны, святой исцеляет его от нравственного или физического недуга.

Потусторонний мир в видениях не имеет четкого строения. Обычно он предстает как цепочка никак не связанных между собой загробных областей, одни из которых являются местами блаженства, другие — местами мучений. Описание рая в сочинениях, испытавших влияние церковной книжности, очень традиционно. Рай — это большая церковь посреди «прекрасного града», окруженного со всех сторон стеной, а райская жизнь — вечная церковная служба. Согласно другим текстам, близким к народной прозе, души праведников живут на том свете в особых «храминах», стоящих в «зело красных» полях с «разными цветами». Умершие имеют такой же облик, что и живые люди, носят земную одежду и обувь, ходят друг к другу в гости. Среди обитателей райских мест душа почти всегда встречает детей, умерших после крещения, солдат, погибших на войне, знакомого священника.

Гораздо более разнообразно и детально, нежели блаженство праведников, изображены муки грешников — во многих текстах именно им уделено основное внимание. Наряду с хорошо известными инфернальными картинами древнерусских апокрифов (бесы суют деньги в рот скупым; немилостивые кипят в огненном песке и т. д.) здесь появляются и некоторые новые мотивы, пришедшие из народной амартологии. Женщина, которая стригла и сжигала волосы, теперь осуждена вытаскивать их по одному из огня. Пьяницы сидят на том свете среди пустых бутылок «из-под вина и пива». Нарушение запрета есть яблоки до второго Спаса наказывается лишением их навсегда. Поминовение водкой и вином на могиле оборачивается для умерших рыданием возле стола, заросшего мхом. Свою образную конкретизацию получают иногда наказания за грехи, которые в произведениях предшествующей традиции, как правило, лишь упоминаются в общем перечне. Так, девица Пелагея видит «смехотворца», святочного ряженого: он весь увешан «грязными онучами», которые волочатся за ним по земле «сажен на десять».

Очень характерен для видений мотив запрета на разглашение тайны об увиденном на том свете. Этот мотив вступает как будто в определенное противоречие с дидактической основой видений. С одной стороны, визионер должен рассказать о своих загробных странствиях живущим на земле грешникам, чтобы привести их к покаянию. С другой стороны, мистический опыт визионера — тайна, сокровенное знание, не подлежащее всеобщему и полному разглашению. Это противоречие разрешается в текстах по-разному. Иногда какие-либо следы запретов на рассказ об увиденном отсутствуют, визионеру заповедано рассказать «подробно» обо всем. Согласно другим текстам, можно рассказать все, кроме того, о чем заповедано молчать: «Лучше, — говоритъ онъ, — дамъ я себя сжечь на кострѣ, лучше увижу отца моего и мать сожигаемыхъ, нежели скажу то, что мнѣ не велѣно сказывать. Да хотя бы я и захотѣлъ кому сказать о томъ, такъ языкъ у меня не поворотится и словъ не сыщу въ себѣ» (Видение крестьянина Семиона Федотова). За нарушение запрета визионер подвергается наказанию. Иногда он рассказывает свое видение только одному человеку, который и предает его гласности, или весь остаток жизни хранит видение в тайне и разрешает «объявить» его только после своей смерти.

Старинные топосы визионерской литературы могут использоваться в целях полемики, главным образом в старообрядческих видениях. «Некая старуха» встречает на том свете трех попов в «худых и смердящих ризах», а возле них тех, «кои им каялись и причащались от них», — «и хоть оне каялись, и грехи-те от них не вышли» (Видение некоей старухи). Изображение грешных иереев, мучающихся в аду, относится к числу общих мест эсхатологической литературы, однако в сочи-

нении выговцев-беспоповцев этот образ приобретает новое полемическое значение. В свою очередь девица Маргарита видит в моленной старообрядцев-беспоповцев без голов: они лишают себя «главы самого Христа, Тела и Крови Христовой не приемлют» и тем самым обрекают себя на вечную смерть.[1] В «полуденной стране» на «весьма хорошем» поле с цветами, которое погружено во мрак и туман, Маргарита узнает своего дядюшку, тоже беспоповца: «...стоит дядюшка на восток лицем, в руках лестовка и молится Богу, а одежда на нем гнусная, яко бы смольная». Дядюшка Маргариты принадлежит к особому разряду грешников — к «обоюдным», которые были подробно рассмотрены А. Н. Веселовским в связи с Видением Григория из Жития Василия Нового.[2] При жизни эти грешники колебались «между заветами добра и зла»,[3] а потому после смерти их место не в раю и не в аду, а посередине, на севере или на юге. От вечной муки дядюшка избавлен по той же причине, что и «обоюдные» из Видения Григория: он был «милостив и странноприимец». Такая способность жанра постоянно приспосабливать свою топику к отражению новых коллизий — одна из причин его долголетия в русской рукописно-книжной традиции.

Итак, за каждый грех, совершенный на земле, человека ожидает на том свете расплата. И все же эсхатология, какой она предстает в видениях, не оставляет чувства абсолютной безысходности.[4] Ее пафос не только в неотвратимости загробного воздаяния, но и в том, что покаяние возможно даже для «великого грешника». Покаяние, молитва за усопших, милостыня дают надежду на спасение. Указание путей к нему и составляет в конечном счете основное содержание видений.

В настоящем издании публикуются три текста, относящиеся к жанру видений потустороннего мира: 1) Видение крестьянина Семиона Федотова («Необыкновенное приключение съ однимъ русскимъ крестьяниномъ»), *РГБ*, собр. Оптиной пустыни, № 461, л. 51—56, 1883 г., автограф иеромонаха Оптиной пустыни Палладия; 2) Видение девицы Пелагеи («Вологодской губерни, Тотемскаго уезда, села Внутреннаго суточное видение девици Пелагеи Ивановны въ 1818-м году, месеца марта 2-го дня»), *РНБ*, собр. Титова, № 867, л. 2—9, первая четв. XIX в.; 3) Видение старца Макария («Видѣние старца Макарьевского 2-класнаго монастыря иеродиакона Макария, что нынѣ первокласнаго Нижегородскаго Печерскаго монастыря иеросхимонаха Мардария»), Отдел редких книг Нижегородской областной библиотеки, Р/239, л. 1—16, 1860—1870-е гг.

ВИДЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА СЕМИОНА ФЕДОТОВА

Стр. 148. *...1788 году....* — Вероятно, сам текст был создан спустя много лет после этой даты. О его позднем происхождении (середина—вторая половина XIX в.) свидетельствуют как будто некоторые детали (упоминается, например, «петербургский господин», умерший «полтораста уже лѣтъ»). Возможно, публикуемый текст представляет собой переработку более ранней версии того же видения.

...въ самое заговенье предъ Рождественскимъ постомъ... — Рождественский пост начинается 15 ноября (по новому стилю — 28 ноября).

---

[1] Подобное видение известно, в частности, по Житию Зосимы и Савватия Соловецких. Преподобный Зосима видит новгородских бояр без голов: им суждено быть казненными по повелению великого князя (см.: БЛДР. СПб., 2005. Т. 13: XVI век. С. 90).

[2] Веселовский А. Н. Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // СОРЯС. СПб., 1889. Т. 46. № 6. С. 117—172.

[3] Там же. С. 142.

[4] Ср. с выводом Г. П. Федотова об эсхатологии духовных стихов: «Ужас безвыходный, не знающий искупления, проходящий сквозь всю русскую Божественную Комедию. Такой суд не является разрешением земной трагедии, но продолжает и бесконечно усиливает ее в вечности» (Федотов Г. П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 116).

Въ самое масличное заговѣнье... — Т. е. в воскресенье (Прощеное воскресенье) на масленой неделе, в последний день перед Великим постом. В 1789 г., когда происходит описанное событие, этот день приходился на 18 февраля.

Поддымки — раннее утро в деревнях, когда затапливаются печи.

Стр. 149. *...показали ему мытарей, кои стояли по два, одни другихъ повыше, числомъ около 20-ти, какъ бы на лѣстницѣ.* — После смерти душа проходит по лестнице мытарств, на каждой ступени которой бесы-мытари испытывают ее в том или ином грехе. Согласно Житию Василия Нового, таких мытарств 20 (21) (см.: БЛДР. СПб., 2003. Т. 8. XIV—первая половина XVI века. С. 494—626).

Ниже сего мѣста былъ садъ же, но потемнѣе, въ немъ живутъ некрещенные младенцы. — Ср. со следующим сообщением П. Иванова: «Относительно детей, родившихся неживыми или умершими некрещенными, существует поверье, что они становятся русалками, называемыми иначе „лоскотовки". 〈...〉 Но такое поэтическое поверье исчезает и заменяется убеждением, что Бог не оставляет своею милостию душ и некрещенных невинных младенцев, что он поселяет их в особо назначенном для них раю, впрочем отдельно от душ детей, умерших после крещения, которые живут между ангелами. Однако внешность душ некрещенных детей и в раю сохраняет на себе следы обстоятельств появления своего на свет, а именно: души незаконнорожденных, внебрачных детей, умерщвленных при рождении, — нечисты, грязны, души законнорожденных — белы и чисты, а воспринятых бабкою сверх того и румяны» (Иванов П. Очерк воззрений крестьянского населения Купянского уезда на душу и на загробную жизнь // Пошана. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 246). Ср. с судьбой умерших младенцев в двух других видениях.

Стр. 150. *Выборные* — сельские старосты, призванные следить за работой крестьян.

Стр. 151. *Показали въ сторонѣ садъ Елисеевъ, въ которомъ будетъ по смерти бѣдный ему знакомый крестьянинъ Елисей, садовый работникъ.* — Ср. с новгородским преданием о каком-то праведном Елисее-садовнике, зафиксированным в 1980-е гг.: «Был садовник у помещика — Елисей. Явилась ему Богоматерь у камня, так и назвали его — „Елеськин камень", „Елесина Богородица" 〈...〉. Жил когда-то здесь Елеся, в церковь не ходил, ходил к камню. Один из деревенских ударил по камню топором. Елеся рассердился: „Чтоб у него руки отсохли"; и рук он лишился» (Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 78 (полевые материалы М. В. Шорина)). Не исключено, что в тексте видения и в этих материалах речь идет об одном и том же лице, поскольку северо-западное происхождение видения кажется весьма вероятным (ср. петербургские реалии в тексте).

Маймисты — петербургское прозвище представителей финно-угорских народов.

Стр. 152. *Щетка* — часть ноги лошади над копытным сгибом и волосы пучком на этом месте.

Скажи, чтобы... не перекрещивались... — Т. е. не совершали бы обряда крещения повторно, не переходили бы в другие христианские конфессии. Возможно, имеются в виду анабаптисты, совершавшие обряд крещения над взрослыми, или старообрядцы, принимавшие новых членов в свои общины после перекрещивания.

Стр. 154. *Избойня* — остатки после выжимки сока или масла.

ВИДЕНИЕ ДЕВИЦЫ ПЕЛАГЕИ

Стр. 154. *Въ первое воскресенье святаго Великаго поста...* — В другом, более позднем, списке видения событие приурочено к Чистому понедельнику (первому дню Великого поста) (Отдел редких книг Нижегородской областной библиотеки, Р/175, л. 1, 1850—1860-е гг.).

Стр. 155. *Стихарь* — прямая длинная одежда с широкими рукавами, составляющая облачение церковного чтеца и дьякона.

Стр. 156. *Помоча* — коллективная работа в помощь кому-либо за угощение.

Стр. 157. *...златокрылые — души младенцевъ, умирающихъ воспою.* — По народным представлениям, умершие от оспы ходят на том свете в золотых ризах, а каждая оспинка превращается в жемчужину. Смерть от оспы считается поэтому благом, а оспопрививание — наложением антихристовой печати.

Стр. 158. *Голбец* — подполье, вход в которое находится в избе возле печи.

...какъ левъ рыкая... — Ср. 1 Петр. 5, 8.

Воробница — доска, ходящая кругом на гвозде и служащая для очертания кругов; снасть для мотания пряжи.

Стр. 159. *Ефиопы* — т. е. бесы.

...души, лежащие на доскахъ... поливаемыхъ варомъ, яко бы изъ кувшина. — В другом списке видения дается такое пояснение: «Ети люди нежили свое тела въ печахъ и баняхъ» (Там же, л. 10).

Онучи — портянки на ноги под сапоги или лапти. В другом списке видения об этом человеке в онучах добавлено: «Онъ былъ шутъ и рядился въ святки, за что идетъ мима сего места во адъ за осквернение святыхъ дней» (Там же, л. 9 об.—10).

Чистое раскаяние — покаяние не только в тех грехах, которые совершены после последней исповеди, но во всех начиная с детства.

Стр. 160. *На другой день къ вечеру серце мое от страсти болело немалое время.* — Другой список завершается сообщением о смерти «девицы»: «Дѣвица сия послѣ жила годъ безъ пищи и пития и сна и умерла въ тотъ же самый день. Уже послѣ себя приказала объявить видение сие» (Там же, л. 15 об.).

ВИДЕНИЕ СТАРЦА МАКАРИЯ

Стр. 160. *Макарьевский монастырь* — Желтоводский Троицкий монастырь, основанный св. Макарием Желтоводским и Унженским (см. о нем ниже) в 1435 г.; находился в Нижегородской губернии на левом берегу р. Волги в урочище Желтые воды. В 1868 г. монастырь был упразднен, а в 1882 г. обращен в женскую обитель.

Нижегородский Печерский монастырь — Печерский Вознесенский монастырь на правом берегу р. Волги в Нижнем Новгороде; основан в конце 1320-х гг. св. Дионисием (впоследствии архиепископ Суздальский). Печерским монастырь был назван в честь Печерской иконы Божией Матери, которую Дионисий принес из Киево-Печерского монастыря.

Иеросхимонах Мардарий (1774—1859) — подвижник веры и благочестия Нижегородской земли. Родился в селе Просек Макарьевского уезда Нижегородской губернии, в крещении получил имя Меркурия. В начале 1830-х гг. принял постриг в Макарьевском Желтоводском монастыре, наречен Макарием — именем основателя этого монастыря. В 1846 г. по распоряжению нижегородского архиепископа Иакова (Вечеркова) был переведен в Печерский монастырь Нижнего Новгорода, где в 1851 г. принял схиму, взяв имя своего старца Мардария, и где проживал до самой своей смерти, наступившей 6 апреля 1859 г. Мардарий способствовал возрождению духовной жизни Печерского монастыря, руководил работой по восстановлению монастырских зданий, являлся духовником бывших при нем нижегородских архиереев. Как утверждается в кратком очерке его жизни, «много было великих старцев в первобытном и в нынешнем Печерском монастыре, но в последние два века его существования подвижника, подобного Мардарию, не являлось» (Краткий очерк подвижника Нижегородского Печерского монастыря иеросхимонаха Мардария. Нижний Новгород, 1909. С. 5). Кроме публикуемого текста с именем Мардария связаны и другие видения и чудеса: «Видение об иконе Скорбящей Богородицы», «Видение о иконе Толгской Богоматери», «Сказание о местной иконе Смоленской Богоматери».

Въ 1845 году... — Согласно другому источнику, описанные в тексте события произошли в 1843 г. (Краткий очерк... С. 10).

...волжный разливъ воды былъ такъ великъ... чего никогда не бывало. — Желтоводский монастырь был основан примерно в 5 верстах от Волги, однако река в этом месте меняла свое русло, постепенно приближаясь к монастырю. В XVIII—XIX вв. монастырь неоднократно страдал от наводнений (см.: Пискарев П. Описание Троицкого Макарьево-Желтоводского монастыря. Нижний Новгород, 1846. С. 19—22).

...недобрые пловцы, которые искони ищутъ души человѣка. — Т. е. бесы.

Стр. 161. *...я бросился въ окно.* — В тексте отразились представления о смерти как о выходе из помещения через окно. Ср. в крестьянском рассказе о сновидении: «...а я в окно полезла она меня схватила и поставила на пол и сказала зачем ты полезла из окна ты бы вылезла так сразу померла и я так перепугалась и сразу проснулась» (Живая старина. 1997. № 4. С. 45). Умереть и оказаться во власти бесов-«пловцов» визионеру не позволяет железная решетка монастырской кельи — символ спасения и ограды.

Я, живя въ миру, служилъ при церкви святителя Николая... — До своего пострижения Макарий служил в Никольской церкви села Просек. Святитель Николай — св. Николай Мирликийский (III—IV вв.).

Преподобный Макарий — св. Макарий Желтоводский и Унженский (1349—1444), уроженец Нижнего Новгорода, постриженик Печерского Нижегородского монастыря, основатель трех монастырей — на р. Лух, на Желтых водах и на р. Унже.

Стр. 162. *...макарьевскую женщину.* — Т. е. женщину из г. Макарьева Нижегородской губернии, рядом с которым находился Макарьевский Желтоводский монастырь.

Стр. 163. *Секта перекрещенцев* — анабаптисты, совершавшие повторный обряд крещения над взрослыми.

...они были неплоднымъ древомъ, которое, будучи посѣчено, вмѣтается здѣсь въ етотъ огонь. — Ср. Мф. 3, 10.

«Отидите от Мене, проклятии, во огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггеломъ его». — Мф. 25, 41.

Стр. 164. *...иконы явленныя Богоматери Владимирской, Казанской, Иверской...* — Прославленные чудотворные иконы Божией Матери. Владимирская икона была написана, по преданию, евангелистом Лукой при жизни Богородицы; в древности образ был послан из Иерусалима в Константинополь (V в.), из Византии в XII в. был перенесен в Вышгород, откуда Андреем Боголюбским — во Владимир и, наконец, в 1395 г. — в Москву. Казанская икона была обретена 8 июля 1579 г. в Казани в земле. Иверская икона чудесным образом прибыла в IX в. из Никеи на Афон и была поставлена в Иверском монастыре над вратами храма. В 1648 г. в Москву привезли копию Иверской иконы. Существует множество чудотворных списков с этих икон.

Орарь — часть диаконского облачения в виде длинной широкой ленты, которую носят на левом плече или крестообразно опоясывают через плечи. Орарь изображает собой ангельские крылья.

Кафизма — часть Псалтири; служебная Псалтирь состоит из 20 кафизм.

Стихира — песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером стихосложения.

Стр. 165. *«Свете тихий»* — песнопение, исполняемое на вечерне после возглашения «Премудрость прости». В песнопении выражается мысль, что для людей, доживших до солнечного заката, воссиял тихий вечерний свет в кротком лице Спасителя.

...честнѣйшая и славнѣйшая без сравнения серафимъ... — Начало церковного песнопения (припева) в честь Пресвятой Богородицы, именуемого «Честнейшая» (в песнопении — «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим...»).

Апостолы Петр и Иоанн — Петр — первоверховный апостол, уроженец г. Вифсаиды, брат апостола Андрея, первоначально назывался Симоном, до своего служения Христу был «рыбарем», принял мученическую смерть в Риме; автор двух соборных посланий. Иоанн Богослов — апостол, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Откровения; первоначально, как и Петр, «рыбарь»; любимый ученик Христа, возлежавший у Его груди во время Тайной вечери. Петр и Иоанн нередко упоминаются в Писании вместе (Деян. 3, 1; 4, 13 и др.).

«О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь» — начальные слова задостойника, песнопения в честь Богородицы, автором которого является Иоанн Дамаскин.

Дышкант — т. е. дискант, самый высокий из певческих голосов.

«Свять, Свять, Свять», «Аллилуйа» — песни, которые небесные силы поют Господу, сидящему на престоле (ср. Ис. 6, 3; Откр. 19, 1).

Стр. 166. *Княгинин* — город в Нижегородской губернии в 100 верстах на юго-восток от Нижнего Новгорода.

Стр. 167. *Самъ архимандритъ...* — в 1845 г., когда, согласно публикуемому списку, состоялось видение Макария, архимандритом Желтоводского монастыря был Варлаам (Денисов), определенный сюда 9 марта 1844 г. из Иркутского Вознесенского монастыря, впоследствии архиепископ Черниговский и Нежинский.

Иногда еже не хощу, си содѣваю! — Ср. Рим. 7, 19.

ПОВЕСТИ О ПОКАЯНИИ БЕСА

Важное место в рукописном наследии русских старообрядцев XVIII—XX веков занимает легендарное повествование, имеющее как книжные (апокрифы, патериковые «слова», жития святых), так и фольклорные (сказки, духовные стихи, устные легенды) истоки. Эти поздние повести, как правило, анонимны; в рукописных сборниках они помещались обычно в окружении сочинений из Пролога, Великого Зерцала и различных патериков. В их заглавиях нередко содержатся ложные ссылки на старинные книги, откуда они якобы выписаны, порой даже с указанием конкретной главы или листа (например: «Слово от Старчества, лист 283 на обороте, инока Захария ко ученику своему Евфимию», «Из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря слово на украшающих себя прелестными ризами», «Выписано ис книги патерика Скитскаго о бесе блудном» и др.). «Душеполезные» и увлекательные, часто даже остросюжетные, эти повести затрагивают актуальные для старообрядцев вопросы эсхатологии, церковного обряда и бытового этикета (табакокурение, пьянство, чаепитие, «ризное украшение» и т. д.). В некоторых из них разрабатываются «бродячие» сюжеты христианской словесности, поднимаются вечные нравственные вопросы — греха, покаяния и спасения души, что позволяет считать их произведениями «народного богословия». К таким текстам с полным основанием можно отнести и легендарные повести о покаянии беса.

Вопрос о возможности покаяния дьявола и возвращения его на небеса обсуждался в истории христианской мысли неоднократно, уже с древних времен. Вечны ли зло, адский огонь, муки грешников, злоба дьявола против Бога, или же по истечении времен адский огонь погаснет, грешники будут прощены, а вместе с ними и родоначальник зла дьявол со всем своим воинством, и тогда произойдет всеобщее единение с Богом, всеобщее восстановление, или, в терминах православного богословия, — апокатастасис (ἀποκατάστασις τον πάντον)? Решение этого вопроса и составляет суть христианской эсхатологии. Теория апокатастасиса была разработана крупнейшим александрийским богословом древности Оригеном (III в.) и позднее нашла своего сторонника в лице св. Григория Нисского (IV в.). Однако то неразрешимое противоречие, в которое она вступала с концепцией свободы воли, не позволило ей стать точным выражением церковного учения о конечных судьбах. «Согласно православной точке зрения, поскольку существует свобода, постольку неизбежен и ад для тех, кто не хочет идти на небеса» (Мейендорф И., протоиерей. Введение в святоотеческое богословие: (Конспекты лекций). Вильнюс; М., 1992. С. 199). Во времена «оригенистских» споров, на поместном Константинопольском соборе 543 года, подготовившем решения V Вселенского собора 553 года, учение об апокатастасисе было предано анафеме: «Если кто [говорит или держится мнения], что наказание демонов и нечестивцев — временное и будет иметь после некоторого срока свой конец, т. е. что будет восстановление (апокатастасис) демонов и нечестивых людей, — анафема».[1]

[1] Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 354.

Наиболее известной древнерусской версией сюжета о покаянии дьявола является «Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков (XIV век), а в XVII веке опубликованное типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой и включенное Димитрием Ростовским в «Книгу житий святых» под 17 января как приложение к «Житию Антония Великого» (публикацию повести и комментарии к ней см. в: БЛДР. Т. 8. С. 528—533, 578—579). Бес Зерефер является в облике человека к некоему святому старцу, желая узнать у него, вернет ли Бог демону его прежнее ангельское достоинство, если тот искренне покается во всех своих грехах. Старец сообщает бесу, что Бог готов принять его покаяние, но Зерефер сам отвергает предложенный ему путь спасения, поскольку не может смириться перед Творцом и отказаться от своей гордыни. «Древнее зло ново добро быти не можетъ» — таков нравственный итог этого произведения. Повесть примиряет, таким образом, идею безграничности Божиего милосердия и церковное учение о невозможности покаяния для дьявола.

По-видимому, не ранее XVIII века в русской книжности появились новые произведения, в которых тема дьявольского покаяния получила противоположное — «оригеновское» — решение. Две повести на этот сюжет возникли в старообрядческой среде, о чем свидетельствует состав тех сборников, в которые они включались: 1) «Повѣсть, како един бесъ прииде въ покаяние. Патерикъ Скитский» (далее — «скитская» повесть); 2) «Патерик Синайский ⟨...⟩. Повѣсть дивна, како покаяся бѣсъ и проси у старца креститися» (далее — «синайская» повесть). Произведения известны в нескольких списках XIX—XX веков.

Отличаясь друг от друга отдельными мотивами, повести воспроизводят одну и ту же сюжетную схему: старец встречает в пустыне беса, призывает его к покаянию — бес выражает первоначально сомнение в возможности своего возвращения на небо, однако в конце концов подчиняется старцу — нечистая сила пытается помешать бесу совершить покаяние, но это ей не удается — старец заставляет беса петь «божественную песнь»: «Иже херувимы» или «Отче наш» — с неба слетают два ангела, возвращают бесу его прежний ангельский вид и возносят его на небеса.

Ссылки в заглавии обеих повестей на древние патерики — Синайский и Скитский (в самом тексте — на Египетский), откуда они якобы извлечены, красноречиво свидетельствуют о сознательной ориентации авторов на традиции древнерусского патерикового повествования. С патериковыми «словами» повести роднят их дидактичность, лаконичность, занимательность изложения, особенности построения, а также целый ряд образов и мотивов. Типичной для патериковых рассказов является сама коллизия обеих повестей — столкновение пустынника и беса, испытание ими силы друг друга. Ссылка на рассказчика («Повѣда намъ авва Пиминъ...»), от лица которого и ведется дальнейшее повествование в «синайской» повести, — традиционное начало патериковых «слов».

Одним из источников «скитской» повести послужила «Повесть о бесе Зерефере». Уже в начале двух произведений в сходных выражениях дается характеристика святости старца: «...навыкъ искусно разумѣти сѣть вражию и лесть бѣсовскую, и вся козни диявольския ни во что же вмѣняше» («скитская» повесть) — «превшед бѣсовская искушения, ктому ни во что же коварства их вмѣняше» («Повесть о бесе Зерефере»). В дальнейшем автор «скитской» повести обращается к «Повести о бесе Зерефере» в кульминационной части произведения — в рассказе о покаянии беса, и по существу вступает в прямую полемику с древним сказанием. В отличие от Зерефера бес не скрывает здесь своей инфернальной природы, он принимает разные страшные образы, чтобы «прельстить» старца и погубить его. Но после беседы со старцем бес кается в своих грехах и ради возвращения на небо произносит те слова, которые согласно «Повести о бесе Зерефере» являются условием дьявольского спасения: «Азъ есмь древняя злоба! Азъ есмь омраченная прелесть! Азъ есмь мерзость запустѣния!» Бес не стыдится своего смирения, «не яко же иногда Зерeферъ лестно, приходя къ старцу, искушая, вопрошаше его», произнести слова покаяния «не мерско» ему, но «сладко и радостно».

«Повесть о бесе Зерефере» — не единственное патериковое произведение, определившее содержание и поэтику «скитской» повести. К числу весьма распространенных патериковых мотивов, по существу loci communes патериковой литературы, относится мотив смирения льва перед праведником. В многочисленных патериковых рассказах, в которых он используется, подчерки-

вается, «что святые отцы достигли своими добродетелями такой гармонии с миром, что и дикие звери им повиновались. Не присутствует ли здесь старинная символика (лев — грех), выражающая мысль о святости, побеждающей зло не насилием, а добром и любовью».[1] Именно это символическое, восходящее к Священному Писанию значение образа льва (лев — грех, личина сатаны)[2] и актуализируется в «скитской» повести: старец встречается с бесом в образе льва и приводит его к добру.

Вместе с тем образ самого старца лишен в «скитской» повести однозначной трактовки. Добродетельный старец, «мужъ смысленъ», который «козни диявольския ни во что же вмѣняше», оказался гордецом, посчитавшим себя выше другого, пусть даже и самого «последнего», грешного существа — беса («Онъ есть духъ и тма, азъ же есмь свѣтъ»). Коллизию между старцем и бесом автор повести решает в традиции тех патериковых «слов», в которых повествуется об испытании старцем меры своей праведности. Так, в рассказе из Сводного патерика «О нѣкоемь мужи именемь Сергие» старец Пир «дѣиствомъ диаволиимъ» посчитал себя «въ великы мѣры достигша паче инѣхъ» и захотел узнать, есть ли на земле равный ему праведник. Глас с неба сообщает Пиру, что подобен он некоему мужу Сергию, старейшине над блудницами. Выслушав рассказ этого «праведного грешника» Сергия о своей жизни, старец Пир понимает, что тот намного превосходит его своими добродетелями.[3] В другом патериковом рассказе два старца молят Бога, чтобы открыл им, в «какую достигли они меру». Бог открывает им, что они еще не достигли меры простых мирян, супругов Евхариста и Марии.[4] Мотив испытания «меры» присутствует и в «скитской» повести: старец хочет умолить Бога о прощении беса, чтобы «знать мѣру своему спасению». Результат этого испытания вполне, таким образом, традиционен для патериковой литературы. Повесть заканчивается посрамлением старца: посчитав себя неизмеримо выше беса, старец не закрыл уши во время пения бесом херувимской песни, полагая, что сможет устоять на ногах, но упал на землю. Вознесение беса и падение старца — таков неожиданный финал повести. «Первый» и «последний» поменялись местами: «грешник» оказался «святым», а «святой» — «грешником».

«Скитская» и «синайская» повести обнаруживают также родство с легендами о заключенном бесе. Н. Н. Дурново, подробно изучивший этот сюжет на обширном византийском и древнерусском материале, установил следующие его компоненты: святой наказывает (бьет, связывает, заключает, держит) беса, заставляет его открыть свое имя и свою силу, иногда бес выполняет различные поручения святого: помогает ему строить храм (апокрифы о царе Соломоне), приносит ему драгоценный камень («Повесть о старце, просившем руки царской дочери»), переносит святого на другое место («Житие Иоанна Новгородского») и т. д.[5] Следы генетической связи повестей о покаянии беса с этим кругом легенд, может быть, не очень многочисленны, но все же очевидны. В «синайской» повести старец «заклинает» беса именем Господним, получает над ним благодаря этому власть и заставляет его рассказать историю своих злоключений. В «скитской» повести он предупреждает беса, что «не отпустит» его и даже «замучает», если тот не покается.

Прямым подтверждением того, что мотивы «заключения» беса и возвращения его на небеса могли объединяться в одном тексте, служит, например, еще одна небольшая поздняя повесть, имеющая в рукописях заглавие «От жития святыхъ отецъ о нѣкоемъ преподобнѣмъ старцѣ». Некий пустынник, получив полную власть над бесом благодаря «Христову знамению», заставил «лукаво-го» 30 лет стоять на одной ноге у окна, «и что преподобный ни повелитъ ему, то и творитъ бѣсъ».

---

[1] Лихачева О. П. Лев — лютый зверь // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 136.

[2] Ср.: «...диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5, 8). Впрочем, в христианской традиции образ льва наделяется и противоположным значением, символизирует праведников, евангелистов и самого Христа.

[3] См.: Николова Св. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 354—359.

[4] См.: Древний патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 387—388.

[5] См.: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 54—152.

В конце концов бес не выдержал и стал умолять старца отпустить его. «И рече преподобный бесу: „Запой мнѣ агглъскую пѣснь, и азъ тя отпущу". И ту стоитъ гора велика. И рече бѣсъ къ преподобному старцу: „Взыди со мною на сию гору, и азъ тебѣ запою пѣснь. Токмо ты от мене прочь подале отиди, а то мя наша братия растерзаютъ, и тебѣ от нихъ будетъ тяжко". И вшедъ на гору преподобъный, и поотдася от бѣса, и ста одаль. И запѣвъ бѣсъ агглскую пѣснь с великою нуждею. И тако много клевретовъ его притѣкоша и хотѣша его разтѣрзати. Божиимъ повелѣниемъ аггели Господни на небеса взяша его за послушание и за то, что онъ хвалу Христу принесе. И не отпадша лика сталъ, но причтенъ бысть ко Христову стаду» (*БАН*, собр. Семеновского районного отдела НКВД, № 11, л. 110 об.—111 об., конец XVIII в.).[1]

При всем сходстве этой легенды со «скитской» и «синайской» повестями они различаются в главном: в повести «о нѣкоемъ преподобнѣмъ старцѣ» отсутствует мотив покаяния беса. Восстановление нечистой силы происходит здесь исключительно по воле старца; добродетелью прощеного беса является не готовность принести покаяние, а «послушание». В свою очередь создатели «скитской» и «синайской» повестей, акцентировав идею покаяния, неизбежно должны были ослабить мотив «заключения» беса, потому что обязательным условием покаяния является свобода выбора: «покаяние бо вольно есть».

Важнейшая художественная особенность «скитской» повести — ее притчевая форма. История покаяния беса является, по замыслу автора, «исполнением» евангельской цитаты, приведенной в самом начале текста: «Радость бываетъ велия на небеси ангеломъ о единомъ грѣшницѣ кающемся» (Лк. 15, 10). В Евангелии от Луки эти слова заключают притчу Христа о потерянной драхме. Вводимая благодаря цитате аллюзия на эту евангельскую притчу придает повести характер иносказания. Восстановление беса являет собой символический образ того, как безгранично милосердие Творца, готового с радостью принять любого, даже самого страшного грешника. «Скитская» повесть отличается от древнерусских повестей-притч («Повесть о старце, просившем руки царской дочери», «Повесть о царе Аггее» и др.), подробно рассмотренных Е. К. Ромодановской,[2] тем, что цитата из Священного Писания не играет в ней сюжетообразующей роли. Однако сходство «скитской» повести с этими произведениями все же есть. В качестве сюжетных коллизий они избирают некие крайние, граничащие с парадоксом ситуации, обыгрывают контрасты: старец просит руки царской дочери, царь становится нищим, бес превращается в ангела. Такое построение этих повестей призвано подтвердить абсолютную, не знающую никаких исключений истинность библейского изречения. Примечательно, что основной источник «скитской» повести — «Повесть о бесе Зерефере» также тяготеет к жанру притчи, точнее к «exempla» средневековых проповедей. Она завершается религиозно-назидательной концовкой, в которой содержание основной части трактуется как пример Божьего милосердия и всесильности покаяния. Две прямо противоположные версии сюжета о покаянии беса выполняют, таким образом, одно дидактическое задание.

«Скитская» и «синайская» повести получили распространение в старообрядческих рукописях в те времена (XIX—XX века), когда, по словам П. А. Флоренского, «чуть ли не в каждую душу закрался... оригенизм — тайная уверенность на окончательное „прощение" Богом».[3] Тема падшего духа, его противоборства с Богом и надежды на восстановление активно разрабатывалась русскими поэтами-романтиками вслед за их европейскими предшественниками (Мильтоном, Байроном, Муром, де Виньи и др.). Мятежный демон, уставший наконец творить зло, вспоминающий

---

[1] Подобные легенды проникли и в устную традицию (см.: Народные русские легенды А. Н. Афанасьева / Сост. В. С. Кузнецова. Новосибирск, 1990. С. 125—126), а также известны на европейском материале (см.: Herbert J. A. Catalogue of Romances in the Department of Manuscripts in the British Museum. London, 1910. Vol. 3. P. 70 (№ 118: английская легенда XIII в.); Британская библиотека (Лондон), отдел рукописей, Arundel MS 527, 129 v—131 v: сербская легенда XVIII в.).

[2] См.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 96—112.

[3] Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. С. 208.

об утраченной гармонии с Богом и мечтающий вновь встать на путь добра, — традиционный образ романтической демонологии (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Подолинский, В. Г. Тепляков, М. Ю. Лермонтов и др.). Повести и духовные стихи о покаянии беса вошли к круг монастырского чтения (анонимные сочинения «Покаяние искусителя», «Монах. Восточная повесть»). Патериковые и народные легенды на этот сюжет послужили источниками для произведений А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева, Арсения Несмелова. В 1941 году известный русский богослов С. Н. Булгаков в одном из очерков книги «Невеста Агнца» вновь вернулся к обсуждению теории апокатастасиса. По его мнению, возвращение сатаны к Богу, «соединенное с началом его раскаяния», неизбежно: «Быть верховным архангелом, Денницей, — таковым призвал его к бытию Творец».[1] В «скитской» и «синайской» повестях излагается та же богословская идея — но только языком народной легенды.

В основе публикуемых повестей лежит, таким образом, один из тех мировых сюжетов, которые отвечают «на вековечные запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 376).

Повести публикуются по рукописям XIX в.: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, КП 42444/Кр 493, л. 242—245 («скитская» повесть); Древлехранилище лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета, Талицкое собр. (XI), № 35р/1269, л. 520 об.—522 («синайская» повесть).

Стр. 168. *Патерикъ Скитский* — один из переводных греческих патериков, в основе которого лежит систематическое собрание «Изречений отцов», где все патериковые рассказы и изречения разделены на главы, представляющие главнейшие монашеские добродетели. С XV в. в древнерусской письменности название «Скитский патерик» применялось также к составленному в Болгарии в XIV в. Сводному патерику и другим патерикам, являясь по сути термином родовым (см.: Николаев Н. И. Патерик Скитский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. С. 321—325). Автор повести вряд ли имел в виду какой-то конкретный патерик, а лишь использовал популярное в рукописной книжности название (ниже он называет этот патерик «Египетским»).

«Радость бываетъ велия на небеси ангеломъ о единомъ грѣшницѣ кающемся». — Лк. 15, 10.

...в патерице Египетскомъ. — Переведенный с греческого языка сборник патериковых рассказов, возникших в среде ближневосточного, прежде всего египетского, монашества IV—V вв. Патерик включает несколько произведений: «Историю египетских монахов», «О народах Индии и брахманах», «Лавсаик» Палладия Еленопольского, извлечение из алфавитной части «Изречений святых старцев» и др. (см.: Николаев Н. И. Патерик Египетский // Там же. С. 302—308).

Стр. 169. *Мерзость запустѣния* — см. Дан. 9, 27; 11, 31; 12, 11; Мф. 24, 15; Мк. 13, 14.

...пѣснь херувимскую... — Церковное песнопение «Иже херувимы тайно образующе...», которое поется на литургии во время Великого входа духовенства, когда Святые Дары переносятся с жертвенника на престол.

...полъпоприща... — Поприще — старинная мера длины, около полутора километров.

Патерикъ Синайский, знамение «П», лист 345. — Синайский патерик — переведенный с греческого языка сборник рассказов, посвященных подвигам синайских и палестинских монахов, основу которого составляет «Луг духовный» Иоанна Мосха (VII в.) (см.: Николаев Н. И. Патерик Синайский // Там же. С. 316—321). Приведенное далее уточнение — «знамение „П"» — является указанием на какой-то сборник, в котором рассказы сгруппированы по именам подвижников, расположенным по алфавиту (в повести старец носит имя «Пимин»). Наиболее известным сборником такого типа был Азбучный патерик, составленный соловецким книжником Сергием Шелониным в 1630—1640-е гг. и изданный старообрядцами в 1791 г. в Супрасле. Весьма вероятно, что ссылка на «знамение „П"» в заглавии повести появилась под влиянием именно Азбучного патерика, который «находился в сфере внимания старообрядцев» (Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX в. Введение в изучение. СПб., 1996. С. 111). Указа-

[1] Булгаков С. О Богочеловечестве. Paris, 1945. Ч. 3: Невеста Агнца. С. 568—569.

ние конкретного листа («лист 345») заманчиво прочитать как отсылку к какому-то конкретному сборнику, созданному по образцу Азбучного патерика, хотя и возможно, что оно, как и в целом вся первая часть названия повести, является обычной для поздней старообрядческой традиции мистификацией.

...авва Пиминъ... — Персонажами древних патериковых сказаний являются два святых с этим именем: Пимен Великий (египетский) (27 августа) и Пимен Палестинский (27 августа). Рассказы о них входят, в частности, в состав популярного у старообрядцев Азбучного патерика (Супрасль, 1791. Л. 416 об.—436 об., л. 487—487 об.), но ничего общего с содержанием публикуемой повести не имеют.

Стр. 170. *Колико уязвенъ быхъ от Богослова железными веригами Андрея ради...* — Данный эпизод отсылает к «Житию Андрея Цареградского» — византийскому памятнику X в., известному в Древней Руси уже в домонгольский период, повествующему о подвигах Андрея Юродивого, с именем которого связан праздник Покрова. Однажды ночью к св. Андрею «приде... очивѣсть дьяволъ съ многы бѣсы, держаи секиру, а они друзѣи — ножи, друзѣи — дрѣво, и колье, и меца, и копья...». Явившийся по молитве Андрея Иоанн Богослов (один из 12 апостолов, автор четвертого Евангелия, трех Посланий и Откровения) снял с шеи святого железные вериги и наказал ими по очереди всех бесов: одному из них он нанес «ранъ 100, и вопияше же яко человѣкъ: помилуй мя! Посемъ пакы протягоша другаго дѣмона, и бьенъ бы и тъ такоже. ⟨...⟩ Протягоша же и третьяго, да и тъ толико же претерпѣ. ⟨...⟩ Поряду же бивше всихъ...» (Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 170—171; этот же рассказ читается в «Прологе» под 3 октября).

...в книгахъ животныхъ. — Т. е. в «книгах жизни», куда, по воззрениям средневековых христиан, ангелы на небесах заносят человеческие деяния.

Вѣмъ, яко Манасию прости, нинѣвитяны гневъ на милость преложи, и Навуходоносору покаятися сподоби... — Манассия — царь Иудейский, о котором повествуется в Четвертой книге Царств и во Второй книге Паралипоменон. Во времена его правления в Иудее возродилось идолопоклонство, проливалась кровь невинных людей. Попав в плен к ассирийцам, Манассия глубоко раскаялся в своем нечестии, после чего Бог простил его и возвратил в Иерусалим на царство (2 Пар. 33, 11—13). Ниневитяне — жители Ниневии, «великого города» Ассирийского царства. Согласно Книге пророка Ионы, ниневитяне вели нечестивый образ жизни, и злодеяния их дошли до Господа. Под влиянием проповеди посланного в Ниневию Господом пророка Ионы горожане «обратились от злого пути своего». Бог помиловал город и отвратил от него «пылающий гнев Свой» (Ион. 3, 8—10). Навуходоносор — царь Вавилонский, завоеватель Иерусалима, на службе у которого состоял пророк Даниил, разгадавший его вещие сны. За гордыню и беззаконие Бог покарал Навуходоносора: царь утратил разум, был лишен власти, отлучен от людей, обитал с полевыми зверями и питался травой. Когда же прошло «семь времен», Навуходоносор прославил Всевышнего, вернувшего ему после этого разум, царство, «сановитость и прежний вид» (Дан. 4, 31—34). Примечательно, что эти примеры покаяния в Библии приводятся в речи беса. Автор повести, следовательно, хорошо знал легенды, в которых бесы выступают книгочеями и знатоками Священного Писания.

...Июду призывая на покаяние. — Иуда Искариот — один из 12 апостолов, предатель Иисуса Христа. В канонических евангелиях этот мотив отсутствует, хотя все сказанное Иуде Христом «клонилось только к назиданию и исправлению предателя» (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Изд. преемников А. П. Лопухина. СПб., 1911. Т. 8: Евангелие от Матфея. С. 443). Размышления о возможности покаяния Иуды больше характерны для апокрифической и «народной» экзегетики; ср., например: «Иуда был учеником Господа. И он Господа продал за трицать сребреников. ⟨...⟩ И то Госпоть сказал: кабы он исповедалсы ото всей души, дак иму бы прощенье было, а он нет» («Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004. С. 343—344).

Отче нашъ, Иже еси на небесехъ. — Одна из главных христианских молитв, которую сам Христос дал своим ученикам (Мф. 6, 9—13; Лк. 11, 2—4).

...и прилетеша духове, яко галицъ множество... — По славянским воззрениям, галка является «нечистой» птицей; образы галок принимают бесы, когда являются за душой грешника (см.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 532—534).

Стр. 171. «*Слава в вышнихъ Богу!*» — начало песни, пропетой небесным воинством после рождения Иисуса Христа (Лк. 2, 14). Этими словами начинается Великое славословие, которое исполняется в церкви на утрене.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Паломничество с Руси на Святую Землю и на Афон началось вскоре после принятия христианства, в чем убеждают сообщения русских летописей, называющие среди первых богомольцев игумена Варлаама и Антония Печерского. Однако первое письменное свидетельство о таком богомолье, сохранившееся до нашего времени, датируется началом XII века. Его автор — «русский игумен» Даниил, как он представил себя читателю — до сих пор, по меткому определению первого издателя этого памятника И. П. Сахарова, является для русских паломников тем же, что Нестор для летописцев, т. е. родоначальником традиции описания Святой Земли и основоположником жанра «хождения».

«Хождения» («хожения») — оригинальный жанр русской средневековой книжности, получивший широкое распространение среди читателей того времени. Репертуар «хождений» Средневековья трудно считать богатым, в отличие от житийной литературы: сегодня можно назвать 20 памятников XII—XVII веков, описывающих путешествия на богомолье в Палестину и Константинополь. Однако количество рукописных копий, в которых сохранились некоторые из этих произведений, убеждает в их востребованности у читателей разных эпох. Так, Хождение игумена Даниила переписывали (следовательно, и читали) не только в XII столетии, но и продолжали копировать даже в XIX веке, когда уже появились издания этого памятника. А Хождение Трифона Коробейникова, описывающее поездку царских послов на Христианский Восток в 1582—1584 годах, встречается едва ли не в каждом рукописном сборнике литературного содержания XVII—XVIII веков. В эпоху Средневековья определилась и сформировалась композиция паломнических описаний, специфика структурирования их текста и способы описания святых мест и реликвий.

Основная установка жанра была сделана на личное свидетельство — «самовидство» — автора, посетившего Святую Землю. В «хождениях» описывалось то, что видел паломник «своима очима» и слышал от своих «вожей» (гидов). Благодаря этому известно большинство имен средневековых русских богомольцев, хотя литература того времени носила имперсональный характер. Так как паломники рассказывали об известных по Библии событиях, то повествование об увиденном сопровождалось цитированием библейского текста и пересказами ветхозаветных и новозаветных апокрифических сюжетов и местных преданий. Такая внелитературная категория как маршрут странствия определяла композицию паломнического текста, состоявшую из описания пути к Святой Земле («иерусалимский путь»), повествования о посещении святых мест Иерусалима и его окрестностей, описания обратного пути.

Многие установки, свойственные жанру и обусловленные консерватизмом паломнической практики, сохраняются вплоть до наших дней: пока продолжаются богомолья к местам, где Христос «походил своима ногама» и пострадал «плотию за весь род человеческий»,[1] неистребимо

---

[1] Такое отношение к Палестине зафиксировано даже в заглавиях Хождения игумена Даниила, характерных для поздних списков памятника: «Сказание о пути ко святому граду Иерусалиму, о стоянии светаго града того и о всехъ местехъ святыхъ, идеже Христосъ пречистыма ногама походи и много чюдеса сотвори. Хождение и видение светаго инока игумена Данила, иже с нимъ в вышних служебниковъ во граде Иеросалиме» (*БАН*, 34.8.20, XVIII в.).

желание людей поделиться увиденным и пережитыми эмоциями, свидетельствовать об истинности Писания. Из столетия в столетие паломники проходили одними и теми же путями, описывали одни и те же города и места, связанные с событиями Нового Завета и воспоминаниями о ветхозаветной истории, что, с одной стороны, определило однотипность содержания «хождений» XII—XIX столетий и устойчивость используемых приемов описания, а с другой — их различия, обусловленные временем богомолья и физическим состоянием местных памятников, личностью писателя-паломника и его искушенностью в литературном труде. Такие различия обнаруживаются даже у писателей-паломников, совершивших богомолье в одно и то же время, что можно увидеть на примере публикуемых текстов, рассказывающих о паломничествах, предпринятых в 1817—1819 годах.

«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» ПОДПОРУЧИКА ИЛЬИ СЫСОЕВА

Как и в Средневековье, о писателе-паломнике Нового времени узнаем из его повествования о богомолье, которое в традиции жанра скупо на подробности такого рода. В случае с Ильей Степановичем Сысоевым информативным оказывается заглавие его повествования, сообщающее, что подпоручик Сысоев вместе с крестьянином Петром Хостовым совершили паломничество из Старой Руссы в Иерусалим в 1817—1818 годах. Традиция совершать паломничество «дружиной» сформировалась еще в эпоху Средневековья, как об этом писал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 42, 114). Мотив совершения паломничества, сформулированный в начале повествования («порываемъ ревностию и любопытствомъ»), также традиционен для русской паломнической литературы как она сформировалась к началу XIX века.

Богомолье Сысоева и Хостова началось 1 мая 1817 года, его описание заканчивается 29 мая 1818 года.

Получив паспорта в Петербурге, паломники отправились в Одессу. Описание пути до Одессы выполнено в форме путеводителя: перечислены города, через которые проходил путь паломников. В одесском порту богомольцы сели на корабль, доставивший их в Константинополь, по средневековой традиции именуемый Царьградом. Осмотрев местные достопримечательности, паломники продолжили свой путь морем через Родос, остров Кипр до Яффы, оттуда сухопутным маршрутом добрались до Иерусалима. Такой маршрут в XIX веке для русских паломников в Святую Землю стал традиционным: им же прошли Яким Васильев и Анна Алексеевна — авторы еще двух публикуемых Путешествий. Паломнический маршрут Сысоева по Иерусалиму и его окрестностям лишен оригинальности и также определен многовековой практикой богомолья по Святой Земле: помимо Иерусалима наш подпоручик совершил паломничество на Иордан, в Вифлеем, на Елеон, в Гефсиманию, описал Мертвое море. Центром для паломника и его описания Иерусалима становится храм Гроба Господня, где он провел ночь в молитвах. К началу XIX века рассказ о проведенной в храме Гроба Господня ночи становится нормативным элементом содержания паломнических текстов, чего нельзя сказать о средневековых «хождениях».

Рассказывая об Иерусалиме, Илья Сысоев подробно описал путь Господень на Голгофу (характерное для западной традиции его название «Виа Долороза» ни Сысоевым, ни другими современными ему паломниками не используется: эту часть города автор последовательно называет «улицей»). Подробно в «Путевых записках» рассказано о проведенном паломником в Палестине Великом посте и Страстной седмице с таинством схождения Благодатиого огня на гроб Господень в Великую субботу и о Пасхальной службе в храме. И здесь наш писатель-паломиик продолжил традицию, начатую Хождением игумена Даниила, в описании которого рассказ об этих событиях выделен в главу с соответствующим названием — «О свѣтѣ небесиѣм: како сходит ко Гробу Господню» (см. наст. изд. Т. 4. С. 108—117).

Описание Святой Земли было нелегким делом, поэтому, как и в Средневековье, писатели-паломники Нового времени использовали в своих рассказах повествования предшественников. Таким способом в конце XVI века появился «Странник Иерусалимский» Даниила, архимандрита

Корсуня, совершившего паломничество в Святую Землю в том столетии. За основу своего рассказа паломник принял Хождение игумена Даниила, дополнив источник апокрифическими сюжетами и реалиями, характерными для конца XVI века. А Хождение Василия Познякова (см. наст. изд. Т. 10. С. 48—93) в том же XVI столетии стало основой Хождения Трифона Коробейникова, что не помешало этому памятнику стать одним из «любимейших чтений простого народа». Этот же путь избрал и Илья Степанович Сысоев: описывая совершенное им паломничество, богомолец заимствовал отдельные фрагменты из книги «Путевые записки во святой град Иерусалим» дворян Вешняковых и купца Новикова, опубликованной в 1813 году и рассказывающей о паломничестве 1803—1804 годов.[1] Можно предположить, что выбор источника был оправдан близостью времени этих двух паломничеств и сходством условий богомолья. Так, паломники Вешняковы и Новиков сообщали о гостеприимном приеме их в Одессе в доме купца Лариона Федоровича Портнова, у которого, согласно тексту «Путевых записок», жил и Илья Степанович Сысоев (см. наст. изд. С. 172). Это сообщение нашего паломника можно было бы рассматривать как механическое заимствование из источника, который он в этом месте повторил почти дословно. Однако в 1818 году, когда Одессу посетил подпоручик из Старой Руссы, Л. Ф. Портнов был жив († 1837), ему было 65 лет, а такая деталь, отмеченная Сысоевым, как реально существовавший при доме именитого одесского гражданина сад («принимаетъ въ свой домъ, въ *особенно въ саду*»),[2] о котором умалчивали предшественники-богомольцы, свидетельствует в пользу реальности его проживания в этом месте и вдумчивом отношении автора к источнику.

Ориентированность Ильи Сысоева на источник-образец никак не умаляет своеобразия его записок и их интереса как для читателей, так и для специалистов. Заимствования из «Путевых записок» Вешняковых и Новикова у Сысоева обнаруживаются в тексте рассказа о пути к Иерусалиму и обратно на родину, при описании города и его окрестностей и даже в названии повествования («Путевые записки в святой град Иерусалнм и в окрестности онаго...»; наст. изд. С. 172).

Традицию обозначать в заглавии жанровое определение своего труда паломники Нового времени «унаследовали» от эпохи Средневековья, но сами определения поменялись: на смену «хождению», «житию и хождению», «сказанию о святом граде Иерусалиме», «путнику» и «тропнику» пришли «путешествия» и «путевые заметки», в чем можно усмотреть влияние на этот пласт народной литературы общелитературного русского процесса эпохи классицизма и романтизма. Традиционное обозначение паломнического текста «хождением» в XIX веке окончательно вышло из литературного обихода и сохранялось только в рукописных копиях средневековых памятников и при их публикациях.

Повествование Ильи Степановича Сысоева построено по дневниковому принципу. Признаки такого типа повествования в русской паломнической литературе начинают проявляться с середины XV века, с Хождения («Ксеноса») иеродиакона Зосимы. В Петровское время интерес к дневниковому типу изложения проявляли многие писатели-паломники, а в поздней традиции, XVIII—XIX веков, такая организация паломнического текста стала преобладающей: ее элементы характерны для Путешествий Якима Васильева и Анны Алексеевны.

Своеобразие «Путевых записок» Ильи Сысоева прослеживается в его интересе к «кулинарной» теме посещенных им стран: у современных ему Якима Васильева и Анны Алексеевны эта

[1] Путевыя записки во святый град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынскаго купца Новикова в 1804 и 1805 годах, содержащия в себе достойнейшия любопытства всякаго христианина замечания о святом граде Иерусалиме, с присоединением рисунков храмов живоноснаго гроба Господня и дома святаго царя Давида, достопамятности о святых местах рождения, жизни и страдания Спасителя нашего; учиненныя наблюдения от города Одессы в Константинополе, по Архипелажским островам и в Палестине; описание нравов жителей, обычаев их, местоположений, произрастаний и произшествий, как туда, так и обратно с сими путешественниками на морях и на суше приключившихся. М., 1813.

[2] Подробнее историю этого дома см.: Губарь О. Пушкинские адреса Одессы: дом Лучича // Дерибасовская—Ришельевская: Одесский альманах. Одесса, 2009. Кн. 39. С. 21.

тенденция обозначена, но проявилась не так ярко и последовательно, как у Сысоева. Однозначно определить природу авторской заинтересованности в ней трудно. Возможно, она задана источником, хотя не стоит отрицать и собственного интереса паломника к этой стороне жизни неизвестной страны, через которую ярко проявилась тема «чужого», характерная для паломнического текста. В «Путевых записках» Ильи Сысоева эта тема получила многоаспектную реализацию, отразившись в бытовых зарисовках посещенных стран, в отмеченных паломником особенностях мусульманской архитектуры и местной природы, в рассказе об обычаях и в описании костюмов местных жителей. Особое место в «Путевых записках» занимает тема турецкого присутствия на Святой Земле, проявившаяся как в запрете на посещение паломниками храма Соломона, превращенного в мечеть, в присутствии турецкой стражи в храме Гроба Господня, в передаваемых паломником местных легендах на эту тему, а также в отмеченных богомольцем межконфессиональных спорах за право владения святыми местами в храме Гроба Господня, обострившихся в XIX столетии. Чужим для Сысоева, как и для паломников эпохи Средневековья, оказался и обычай местных христиан-арабов громкими криками и плясками встречать в храме извещение о сошествии Благодатного огня на гроб Господень в Великую субботу. Первым из наших паломников сообщение об этом в XV веке оставил иеродиакон Троице-Сергиевой лавры Зосима: им этот обряд не был понят и назван «срамным». А в XVI веке, в Хождениях Василия Познякова и Трифона Коробейникова, это действие было подробно описано под названием о «беснующихся в церкви еретиках» (см. наст. изд. Т. 10. С. 76). Своими впечатлениями от этого обычая, не понимая его природы, делились не только средневековые паломники, но и многие богомольцы XIX века, ставшие его свидетелями в Великую субботу: отозвались на него Илья Сысоев и его современники Яким Васильев и Анна Алексеевна (см. наст. изд. С. 222—224, 246, а также коммент. к публикуемым текстам).

Описание паломничества Ильи Степановича Сысоева сохранилось в рукописи *РНБ*, ОЛДП, Q.623.[1] На полях приведены пометы, ориентирующие читателя в предмете описания и по структуре напоминающие названия глав, на которые традиционно делился паломнический текст эпохи русского Средневековья. Такой средневековый тип организации текста характерен для описаний Якима Васильева и Анны Алексеевны. При публикации «Путевых записок» Ильи Сысоева эти пометы приведены в постраничных примечаниях и отмечены буквами латинского алфавита. При передаче текста сохранены особенности его орфографии, курсивом отмечены исправления и вставленные в текст слова, пропущенные в оригинале и необходимые для понимания смысла; характерные для текста нарушения нормы синтаксической связи не исправляются, если они не мешают его восприятию. Знаки пунктуации поставлены по современным нормам.

Стр. 172. ...*Старорускаго уезда, деревни Марфина*... — Деревня Марфино расположена на правом берегу р. Порусья, к югу от г. Старая Русса.

...*въ богоспасаемы град Москву, во обитель преподобному Нилы, столбна чудотворцу*. — Речь идет о Нило-Столобенской пустыни, основанной прп. Нилом Столобенским в 1528 г. на острове Столобный на озере Селигер, в 7 км от г. Осташкова Тверской губернии.

---

[1] Рукопись в четвертую долю листа (14.4×21.2 см), переплет из бумаги серого цвета, на обложке запись: «Книшка путевыя записки во святый градъ Божий Иерусалимъ въ 1817-м и 1818 годахъ». На нижнем переплетном листе другая запись: «Сию книгу читалъ стараруской мещанин сынъ Иванъ Алексеевъ и отдалъ, похвалу принося». Рукопись написана темно-коричневыми чернилами одной рукой, правка по тексту и дополнения к нему выполнены той же рукой светлыми, по отношению к основному тексту, чернилами. На л. 1 заголовок от текста отделяет заставка в виде линии, орнаментированной травным мотивом. Т. е. перед нами тип «народной» рукописной книги, бытовавшей в пер. пол. XIX в. в мещанской культуре и крестьянской среде. К этому же типу принадлежат и рукописи, в которых сохранились описания еще двух публикуемых в настоящем издании паломничеств. Об их востребованности читателями свидетельствует физическое состояние рукописей: листы, как правило, затертые в нижнем правому углу, частично угасший текст и восковые пятна на листах.

...обитель преподобнаго Мефодия, называема Пестовшина... — Очевидно, речь идет о Николо-Пешношском монастыре, основанном в 1361 г. Мефодием Песножским, учеником Сергия Радонежского.

...обитель ходков Троицы, лавру Сергия Радонежскаго... — Троице-Сергиева лавра основана под Москвой прп. Сергием Радонежским в 1337 г. и до сих пор остается одной из самых почитаемых общерусских святынь, посещаемых многочисленными паломниками.

...обитель Петра и Павла (построен преподобным чудотворцем Димитрием Ростовским)... — Речь идет о Глуховском Петропавловском монастыре (основан в 1230 г.), в котором свт. Димитрий Ростовский был игуменом с 1694 по 1697 г., и при нем в обители был возведен каменный Петропавловский собор (1695—1697).

...Софроновская пустынь... — Софрониево-Молченская Печерская мужская общежительная пустынь находится в 20 км от Путивля, в лесу на горе Чудной. Согласно преданию, основана монахами Киево-Печерской лавры, покинувшими Киев после его разорения монголо-татарами в 1240 г.

...при устье реки Синюхи переправились чрез Буг. — Синюха (Синие воды), река на юге Украины, левый приток реки Южный Буг.

Прибыли потом въ славной город портовой Одессу... въ дом 1-й гилдии купца Лариона Федоровича Портнова... — Ларион (Илларион) Федорович Портнов (1749—1837), орловский купец греческого происхождения, с 1795 г. имевший «постоянную оседлость» в Одессе, а с 1797 по 1800 г. — ее городской голова. Дом Портнова в Одессе находился на углу Ришельевской и Дерибасовской улиц. С XIX в. Одесса становится важной вехой на пути паломников в Святую Землю: здесь они получали паспорта для выезда, из порта корабли доставляли их в Яффу.

Прописали свои пашпорты у господина генерал-губернатора графа Ланжерона и разных орденов кавалера... — Ланжерон Людовик-Александр-Андро — граф, генерал (13.01.1763 (Париж)—04.06.1831 (С.-Петербург)). С 1815 по 1823 г. был Херсонским военным губернатором, Одесским градоначальником, управляющим гражданской частью в губерниях Херсонской, Таврической и Екатеринославской, а также главнокомандующим Бугскими и Черноморскими казаками.

...по червонцу галанскому... — Червонец — денежная единица в Российской империи. Голландский червонец — название, данное червонцам, битым на Санкт-Петербургском монетном дворе, с изображениями на сторонах, подражающими старым дукатам голландских штатов.

Стр. 173. *...прибыли на пристань Галатскую корабелную...* — Современная пристань Эминоню, примыкающая к Галатскому мосту, переброшенному через бухту Золотой Рог.

...к российскому посланнику генерал-майору и кавалеру Григорью Александровичу барону Строгонову. — Строганов Григорий Александрович (13.09.1770—07.07.1857), барон, затем граф, действительный тайный советник, обер-камергер, член Государственного совета. В описываемое паломником время Г. А. Строганов служил послом в Константинополе.

...переехав пролив Уфанарий... — Очевидно, имеется в виду Босфор — пролив, на обеих сторонах которого расположен г. Стамбул.

...пошли со товарищами мы къ патриарху Иерусалимскому, къ Поликарпу... — Поликарп, патриарх Иерусалимский (1808—1827).

...пожелали видеть Живоносный источник, а по-турецки называемый «Балыкли»... — Речь идет о церкви Живоносный источник, возведенной в память о чуде, которое охотно пересказывали русские паломники, начиная с XIV в. Согласно преданию, храм был поставлен императором Львом I в память о чуде, которое случилось с ним в его бытность простым солдатом. Однажды он помог слепому человеку, блуждавшему в зарослях вокруг источника. Чувство сострадания заставило воина отправиться искать воду, чтобы напоить слепого, тогда он услышал голос Богородицы, указавшей ему на источник чистой воды и велевшей поставить на том месте храм, с посвящением Ей, в котором все страждущие будут получать исцеление.

Стр. 174. *...до ворот Адриопольских...* — Учитывая сообщение паломника о том, что богомольцы шли к Живоносному источнику (Балыклы), можно предполагать, что речь идет о воротах Священного Источника, находившихся недалеко от источника Балыклы.

...по одной паре... — Пара, серебряная монета Турции, находящаяся в обращении с 1623 г.

...пошли въ греческую церковь Иоанна Предтечи, где слушали литургию и служили молебна и к мощам прикладывались преподобной Фекле. — По этому описанию трудно понять, о какой именно церкви идет речь. Возможно, паломник указывает на церковь Иоанна Предтечи в Евдоме. Это древнейшая церковь из посвященных св. Иоанну Предтече в Константинополе и его окрестностях. Кроме нее, в Константинополе есть еще несколько храмов, посвященных святому, — церковь и монастырь Св. Иоанна Предтечи (монастырь Липса) и церковь Св. Иоанна Предтечи в Оксии. Фекла Иконийская — первомученица, ученица св. апостола Павла. По преданию, была арестована за исповедение христианской веры и брошена на растерзание диким зверям, которые ее не тронули.

...каша сорочинской пшены... — Т. е. рис.

Стр. 175. *...митрополиту Мисаилу.* — Мисаил, митрополит Петры Аравийской и наместник Иерусалимский.

...площать, называемой Иподром... — Место, где проводили гонки на колесницах во времена расцвета Византийской империи.

...видели египетскую пирамиду чрезвычаную величины... а шириною сажень печатная... — Египетский обелиск фараона Тутмоса III, привезенный в город Константином Великим. Установлен на ипподроме по приказу императора Феодосия I, поэтому его называют обелиском Феодосия. Все четыре грани обелиска покрыты письменами из египетских иероглифов, что и было отмечено паломником. Сажень — старинная русская мера длины. Сажень печатная — трехаршинная сажень длиною в 216 см.

...медный столб, свитой из трех змей... въ древния времена кумир Аполлонов, которому византийские еллены приносили божественную честь и жертвы. — Паломник описывает Змеиную колонну — античную бронзовую колонну, являющуюся частью жертвенного треножника, привезенную в Византию императором Константином.

...столб, сделанный из болших обделанныхъ камней. Он обит был некогда медью, коей теперь нет. — Речь идет о колонне Константина: римская триумфальная колонна, открытая в 330 г. в день основания Константинополя.

...мечеть Софийская... — Храм Святой Софии — главная святыня Константинополя — построен в 532—537 гг. После завоевания Царьграда в 1453 г. турками стал мечетью Айя-София. Описанию ее реликвий посвящено немало паломнических записок, старшей из которых является «Книга Паломник» Антония Новгородского XII в.

...пишет Дорофей, митрополит Монемвасийский... — Очевидно, автор имеет в виду Хронику, приписываемую митрополиту Монемвасии Дорофею, переведенную на Руси в сер. XVII в. и сохранившуюся в многочисленных списках XVII и XVIII вв.

...въ царствование греческаго царя Устиниана... — Иустиниан Благочестивый — император (527—565), выдающийся государственный деятель Византии, строитель храмов и церковный писатель. Лучшей постройкой его времени считается храм Святой Софии в Константинополе.

...въ лето от воплощения Христова 531-е... Пришло ему на мысль соорудить храм, могущей своим великолепием удивить вселенную. — Паломник пересказывает легенду о создании константинопольского храма Святой Софии. Эту же легенду воспроизвел Яким Васильев, см. с. 227—228.

Стр. 176. *...город великой Галиполи.* — Т. е. город Гелиболу (в древности Галлиполи), расположенный на Галлипольском полуострове.

...приближились к крепостям на правой и на левой руке, называемым по-турецки Ченакали, въ древности — Сесто иовидо. — Чанаккале — турецкий город, порт на побережье пролива Дарданеллы. Основан в XV в. как османская крепость.

...плыли Дарданельскимъ проливом... — Пролив между европейским полуостровом Галлиполи (Турция) и северо-западом Малой Азии.

...пришли въ церковь... — Возможно, имеется в виду церковь Святителя Николая Фундукли.

Стр. 177. *...видать был город Мир Ликиск, где святитель Николай Чудотворец находясь въ древности.* — Речь идет о свт. Николае, архиепископе Мир Ликийских. Здесь же до 1087 г. находились мощи святителя, пока их не вывезли итальянские купцы в г. Бари.

...город Яфу... — Яффа (Иоппия), один из главных портов древнего Израиля, куда издревле приходили корабли с паломниками, направлявшимися в Иерусалим.

Повели въ монастырь... въ коей два престола — Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца. — Очевидно, имеется в виду монастырь Архангела Михаила и всех Бесплотных Сил Небесных, расположенный близ Яффского порта, и его собор во имя Архангела Михаила.

...святый апостол Петр воскресил Тавифу. — Согласно Евангелию, в Яффе святой апостол Петр воскресил портниху Тавифу (Деян. 9, 36—41).

Стр. 178. *...Павел Енея изъцелил разслабленнаго.* — Имеется в виду чудо, совершенное апостолом Павлом в г. Лидде, описанное в Деяниях святых апостолов (9, 36—41).

Так же Лида славна по рождении святаго великомученика Георгия. — По преданию, в г. Лидда (в настоящее время — Лод) родился и был погребен св. великомученик Георгий. На месте погребения была построена церковь во имя святого, под престолом которой находилась гробница Георгия Победоносца.

...прибыли въ город въ Рем... — Рамла (Рамле) — Рамафем Ветхого Завета и Аримафея Нового Завета — отечество Иосифа и Никодима, которые погребли тело Иисуса.

...храм Святаго великомученика Георгия. — По преданию, храм св. великомученика Георгия в Рамле возведен на месте дома Иосифа Аримафейского.

...столп, егоже, купивши, вдовица морем посла, и молитвою святаго Георгия обретен бысть въ пристанищи и положен здесь с правой стране у столъба 2-го храма сего. — Речь идет об одном из чудес св. Георгия, включенных в его Житие, условно названном «Чудо о колонне вдовы» (или «Лепта вдовы»). В нем рассказано, как в Сирии, где ие было больших камней для столбов, которые должны были поддерживать здание, эти камни покупались в далеких странах и привозились морем. Так поступила и одна бедная вдова, купившая столб и умолявшая капитана взять его на корабль, чтобы отвезти к строящемуся в Рамле храму Георгия великомученика. Капитан не внял мольбам бедной женщины и отказал в ее просьбе. Явившийся ей во сне святой Георгий не только переправил столб через море в Рамлу, но и написал на нем, где по желанию вдовы столб должен быть поставлен. Рассказывая о посещении Рамлы, многие паломники вспоминают это чудо, описывая «столб вдовы».

Стр. 179. *...приближились к селению Еманусу...* — Еммаус (Никополь), селение в Иудее, находящееся на дороге, ведущей из Яффо в Иерусалим, поэтому все паломники проходили через него. Упоминается в Евангелии от Луки (24, 13).

...Крестной манастырь, греческой, с высокими стенами. — Имеется в виду монастырь Святого Креста, подробнее см. коммент. к с. 192.

Давыдовы ворота — Ворота Давида (Яффские) расположены в западной части Старого города рядом с башней царя Давида; единственные ворота города, обращенные к Средиземному морю. Расположены на перекрестке западной дороги, ведущей в Яффу, и южной дороги, ведущей на Вифлеем и Хеврон. Традиционно этими вратами паломники входили в город, о чем рассказано еще в Хождении игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 36).

Стр. 180. *...къ Патриаршему, съ правой стороны, монастырю.* — Патриарший монастырь во имя Святых Константина и Елены («Старая патриархия») примыкает с запада к храму Гроба Господня. С 1815 г. в нем проживает Святогробское братство, и имеется подворье для паломников, описываемое нашими богомольцами. По местному преданию, занимает место Никодимова вертограда.

...въ церковь святыя Феклы слушать утреню. — Монастырь Св. первомученицы Феклы располагается по левую руку от храма Гроба Господня.

Стр. 181. *...по другим церквам патриаршаго дома: Святаго апостола Иакова и Авраамия, праотца нашего, где своего сына приносил на жертву Богу, Исаакия.* — Речь идет о храме Иакова, брата Господня, и монастыре Авраама, главный храм которого имеет символическое значение горы Мориа — места, где Авраам в знак покорности воле Божией намеревался принести в жертву сына Исаака (Быт. 22, 1—13). Этот греческий монастырь расположен с правой стороны двора храма Гроба Господня.

Здесь всех мущин и женщин посадили, началось омовение ног путешествующим. — Обряд омовения ног паломникам совершается в память описанного в Евангелии от Иоанна омовения, совершенного Иисусом Христом своим ученикам (13, 4—14). Описание этого обряда в русской паломнической литературе появляется с Петровского времени.

За каждое вписанное имя должно было платить на изкупление Божия Гроба от магометан по 50 левов... по 30 левков. — Стоит напомнить, что в 1810 г., когда храм Гроба Господня был восстановлен после пожара 1808 г., Иерусалимский патриархат имел долг перед Портой около 7 миллионов пиастров, чтобы его погасить проводился сбор финансовой помощи во всех православных церквах и с паломников (см. об этом, к примеру: Малкин С. А. Взаимоотношения Иерусалимских патриархов с Россией в начале XIX века // Кадашевские чтения. Сб. докл. конф. М., 2011. Вып. 8. С. 185).

...Патриарший монастырь должен муселиму и прочим магаметанам за него платить определенную съ хаджей дань въ немалом количестве... — Необходимость пожертвований греческому духовенству так объяснял потенциальным паломникам автор «Вечерних рассказов странника на родине»: «Там не так, как у нас в Росии, где даром везде и накормят и напоят, — там все монастыри обязаны значительною поземельною податью турецкому и египетскому правительствам. И как, по этому самому, от каждого поклонника ожидается помощь, то ничего не жертвующий, разумеется, должен быть в тягость тамошним монастырям», — и далее о пожертвовании при посещении греческой патриархии: «Здесь каждый поклонник должен пожертвовать как можно более денег, потому что жертвуемая сумма употребляется на содержание храма Воскресения, всех палестинских церквей, братии монастырской и вообще всего тамошнего православного духовенства, а также на вспоможение больных и бедных палестинских христиан» ([Ширяев С. Г.] Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима. СПб., 1859. С. 73, 110).

Стр. 182. *...ко вратам храма Гроба Божия, созданнаго святою царицею Еленою от Рождества Христова въ 326-м году.* — Храм Гроба Господня (Воскресения Христова) в Иерусалиме был воздвигнут по приказу равноапостольных имп. Константина и его матери Елены после обретения Животворящего Креста в 325—326 гг.

...и на левой стране из единаго столпа Божиим промыслом изшел чрез отъкрившуюся въ нем разселину благодатный огнь патриарху Софронию въ 1547 году. — Речь идет о колонне Святого огня — одной из мраморных колонн, оформляющих портал храма Гроба Господня, расколотой почти наполовину. Историю происхождения трещины на ней описывает легенда, называемая писателями-паломниками «чудом Благодатного огня» или «чудом колонны Святого огня». В ней рассказано о конфликте греков с армянами за право получения Благодатного огня у гроба Господня в Великую субботу, известном как «Кривая Пасха» 1634 г. Это событие датируется паломниками разным временем, автор наших путевых записок связывает ее с именем иерусалимского патриарха Софрония (Софроний IV (?), 1579—1608). Легенду передают тексты писателей-паломников, начиная с Петровского времени; ее пространный вариант приведен в Путешествии Якима Васильева (см. наст. изд. С. 225—226).

Первое поклонителное место, от врат прошед 14 ступень, снятию со Креста тела Христова, где Иосиф и Никодим, повиша Его чистою плащаницею. Здесь красноватаго мрамора доска наподобия гроба, вышиною 5 вершков, коей длина въ 3, а ширина въ 2-е четверти с половиною. — Камень помазания — одна из главных христианских святынь — находится напротив входа в храм Гроба Господня. Это первая святыня, которой поклоняются приходящие паломники. Камень покрыт красной мраморной плитой и обозначает место, где, согласно Писанию (Мф. 27, 57—60; Мк. 15, 43—46; Лк. 23, 50—53; Ин. 19, 38—40), снятое с Креста Иосифом Аримафейским и Никодимом тело Иисуса было умащено благовониями и подготовлено к погребению.

...мрамором белым кругловато пол оделано, идеже стояла Божия Матерь со Иоанном Богословом при распятии Христовом. — Часовня Пресвятой Девы, по преданию Армянской церкви, отмечает место, где в момент Распятия стояла Богородица.

Стр. 183. *...близ армянская церковь ту, и лествица наверх их церкви.* — Очевидно, имеется в виду армянская церковь, называемая Второй Голгофой (по уровню пола она почти совпа-

дает с подлинной Голгофой). Построена в 1439 г. по благословению армянского патриарха Мартироса, после того как армяне лишились права владения Голгофой.

Посреди сего храма построенная святая Кувуклия... — Часовня в храме Гроба Господня, построенная над гробницей, где было положено тело Иисуса Христа после Распятия. Заключает в себе гроб Господень и придел Ангела.

...камень, на котором по Воскресении Христовом сидевший ангел возвестил женам: «Что ищете Живаго съ мертвыми? Воста, несть здѣ», — которой обделан въ столбике мраморном, вышиною въ поис человеку, которой цвета красноватаго, длиною пол-аршина, шириною 6 вершков. — Согласно Писанию (Мф. 28, 1—2; Мк. 16, 4—5; Лк. 24, 1—4; Ин. 20, 11—12), на камне, отваленном от двери гроба Господня, сидел Ангел, возвестивший женам-мироносицам Воскресение. Его слова вспоминаются всеми писателями-паломниками, входящими в придел Ангела (расположен в восточной части Кувуклии), через который они попадают в погребальную пещеру: вход в нее обрамляет мраморный полог, воспроизводящий слова ангела. В приделе Ангела находится пьедестал с частью священного камня, расположенный посреди часовни.

Вошед въ другия двери, внутрь ко гробу Господню, где узриши гроб Господенъ, по правую руку, подле дверей, из белаго мрамора... — Пещера гроба Господня — небольшая камера, справа занятая Тридневным ложем, покрытым мраморной плитой.

Здесь усмотришь приделанный сзади Кувуклий гроба Господня малый олтарь коптский... — Снаружи Кувуклии, в западной части, со стороны, куда была обращена глава Христа, пристроен коптский придел (часовня Главы).

...внидеши въ церковь сирианскую. Въ нейже есть и пещера, идеже гробы святых благообразнаго Иосифа и Никодима. — Напротив часовни коптов, в западной апсиде, расположен придел св. Никодима, принадлежавший Сирийской, а затем Армянской церкви. Небольшой проход в юго-западной стене ведет к гробницам Иосифа Аримафейского и Никодима.

Стр. 184. *...есть место круговидно, мрамором обделано... гдѣ Христос по Воскресении своем рек Марии Магдалине: «Не прикасайся Мне».* — Вблизи Кувуклии расположен престол св. Марии Магдалины в память о явлении ей воскресшего Христа, которого она приняла за садовника (Ин. 20, 14—17).

Тут есть и церковь их... Въ сей же церкви, на правой стране, близ дверей есть столп каменный за двема решетками железными, къ которому жыды привязывали Спасителя нашего во время страдания Его. — Речь идет о католической церкви Явления воскресшего Господа Деве Марии, главной святыней которой является фрагмент порфировой колонны бичевания, к которой, по преданию, был привязан Христос, по приказу Пилата избиваемый римскими воинами.

...плита... съ двумя кругловатыми въ ней дырами, въ коих святыя нозѣ Христовы заключенны были въ железы. — Очевидно, паломник имеет в виду каменную плиту с двумя отверстиями для ног, куда сажали приговоренных, расположенную перед входом в часовню Уз (Темница Христова).

Въпреди сего другий престол и под нимъ пещера, въ которой Божия Матерь укрывалась от иудей, смотря из оной при начале страдание Христова. — Вероятно, автор имеет в виду францисканский алтарь Скорбящей Богородицы.

...престол святаго Логгина Сотника, къ которому престолу так же все христиане прикладываются.... — Православный придел св. Лонгина Сотника устроен в память о событиях, описанных в Евангелиях. Римский воин, пронзивший копьем распятого Иисуса Христа (Ин. 19, 31—37), видя дивные знамения во время Его смерти, уверовал в Иисуса Христа (Мф. 27, 54; 15, 39). За это, по преданию, он подвергся мученической смерти.

...престол армянской, идеже воины разделиша ризы Христовы. — Придел Разделения риз (Ин. 19, 23—24) отмечает место, где, согласно преданию, легионеры разделили одежды Иисуса Христа. Принадлежит Армянской церкви.

Там есть церковь армянская съ куполом... Ту два престола и место, идеже сидела царица Елена, когда отыскивали и откопывали въ землѣ сокровенный жидами Крест Животворящий Господень. — Подземная церковь Святой Елены — небольшой крестово-купольный храм, в котором отмечено место, где сидела царица, наблюдая за раскопками Креста.

...на правую страну въторая лествица вниз о тринадцати ступенях: тут престол римских. И въ правой же стране, близ онаго, место греческих, обделанное чистым мрамором, идеже обретен Крест Господень. — Церковь Св. Елены соединена тринадцатью ступенями с церковью Обретения Креста, в правой части которой лежит мраморная плита, обозначающая место, где было обнаружено Честное Древо.

...Воздвижения Честнаго Животворящаго Креста Господня. — Праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня (14/27 сентября) установлен в 326 г. в память обретения и воздвижения Креста Христова.

Стр. 185. *...престол греческой, под которым есть камень за решеткою железною, на немъже жиды Христа посадиша, и терновый венец на главу Его святую возложиша.* — Придел Тернового венца расположен близ лестницы, уходящей к церкви Св. Елены. В центре этого придела находится фрагмент мраморной колонны (Колонна поругания), на которой, по преданию, в момент увенчания терновым венцом сидел Иисус Христос (Мф. 27, 29).

...будет лествица каменная осмнадцать ступеней, взыдеши на святую Голъгофу. — Голгофа — место, где был распят Иисус Христос (Ин. 19, 17—42). Современный вид Голгофа приобрела после ремонта храма Гроба Господня, проведенного после пожара 1808 г. Голгофа разделена массивными колоннами на два придела: православный и католический. В православном приделе (слева) находится одна из главных святынь христианского мира — место, где был водружен Честной Крест. Отверстие в полу, под которым находится место, где был установлен Крест, обрамлено серебряным кругом; над отверстием помещен беломраморный престол. В католическом приделе находится серебряный алтарь с мозаичной композицией «Пригвождение ко Кресту». На Голгофу ведут две лестницы: правая — «латинский всход» — начинается от дверей храма и ведет к католическому приделу, левая — «греческий всход» — ведет к православному прнделу.

Тут церковь малая святаго Иоанна Предтечи, и за престолом пещерка за решеткою медною, идеже обретен Адамов лоб, почему и называется Лобное место. — Речь идет о часовне Главы Адамовой (придел Адамовой главы), расположенной, согласно древней христианской традицни, на месте погребения Адама. Из этого придела дверь справа ведет в придел св. Иоанна Предтечи.

Стр. 186. *...зделан из камня мраморнаго красноватаго Пуп земли...* — «Пуп земли» отражает представление об Иерусалиме как о центре земли (Пс. 73, 12). С 1810 г. это место в храме Гроба Господня обозначает мраморная полусфера, помещенная на специальной вазе-подставке.

...стоят два трона вырезных из дерева, на правой стране иерусалимскаго, а на левой — александрийскаго патриарха. — После пожара 1808 г. в храме Гроба Господня были сооружены специальные, не доходящие до сводов стены, выделяющие кафоликон (храм Воскресения Господня). Кафоликон является кафедральным собором Иерусалимского патриархата. В его восточной части и помещены два тронных места: патриарха Иерусалимского и его эпитропа, митрополита Петро-Аравийского.

Иконостас выкладен из камня мраморнаго и разными красками разкрашенной... — Восточная часть кафоликона — иконостас, солея, колонны над ней, входы в алтарь — представляют собой единый ансамбль из розового мрамора.

Стр. 187. *...празник Покрова Пресвятыя Богродицы...* — Непереходящий православный праздник, широко отмечаемый Православной церковью 1/14 октября. Установлен в память о явлении Богородицы Андрею Юродивому (пам. 2/15 октября) во Влахернском храме в Константинополе. Согласно преданию, в нач. X в., во время нападения на Константинополь иноземцев, Андрей Юродивый во время службы увидел Богородицу, стоящую на воздухе и простирающую покров над городом.

...раздает антидор всем. — Антидор — в Православной церкви раздаваемые верующим в конце литургии части просфоры, из которой на проскомидии был вынут Агнец.

Стр. 188. *...монастырь Святаго праотца Авраамия...* — См. коммент. к с. 181.

...храм малый на том самом месте, на горѣ, гдѣ святый праотец Авраамий приносил на жертву сына своего Исаакия... выкладенное место оное и сребром кругловидно обдела-

но... — Так как подлинное место горы Мориа и жертвенного камня Авраама принадлежит мусульманам (мечеть «Купол скалы»), то Православная церковь символически изображала это важнейшее ветхозаветное событие, явившееся прообразом Голгофской жертвы Христа. В храме Гроба Господня оно отмечено посреди церкви мраморным кругом.

Стр. 189. *...церковь арапская, престол Марии Египецкия, где ей на сем мести возбранял ход ангел Господенъ въ святую порту, и глас был от иконы Божией Матери: «Аще же прейдеши Иорданъ, покой обрящеши».* — В западной части храма Гроба Господня, в часовне Марии Египетской, находится чудотворная икона Божией Матери, от которой, по преданию, был голос прп. Марии Египетской. Это место храма и событие, с ним связанное, вспоминается всеми паломниками, начиная с Хождения игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 42).

...церковь римская, ту и крылцо во оную, где царица Елена сидела во время допроса, чинимаго жидам о животворящем Кресте Господнем. — Речь идет о подземной церкви Св. Елены, см. коммент. к с. 184.

...по левую руку, где колоколня, тут под нею престол 40 мучеников. — Речь идет о постройках в левой части двора храма Гроба Господня. Колокольня была построена в 1160—1180 гг. Под ней, как точно отмечено нашим паломником, находится церковь св. Сорока мучеников, являющаяся усыпальницей Иерусалимских патриархов.

А посреди Воскресения Господня престол, позаде апостола Иакова, брата Божия. — Церковь Св. Иакова, брата Господня, расположена в западной части двора храма Гроба Господня.

...улица, направо по коей мы шли вниз, где поворот налево в улицу. — Здесь автор начинает описание Страстного пути (Виа Долороза, Крестный путь) — дороги, по которой Иисус Христос прошел от места приговора к казни до Голгофы.

...на камне въ стене, есть знак локтя Христова: когда нес крест Господа на раме своем на волную страстъ. И шед, ту пал, и знак изобразися на камне от пречистаго локтя Его. — На Страстном пути отмечено три места, связанные с падением Христа под тяжестью Креста. Следуя логике повествования, можно думать, что автор рассказывает о месте первого падения Иисуса. В этом месте солдаты римской охраны, раздраженные медленным продвижением приговоренного, заставили Симона Киринеянина нести крест Христов (Мф. 27, 32). Это место отмечено францисканской часовней, а на стене с противоположной стороны сохранился камень с углублением, считающийся следом от руки Иисуса, оперевшегося о стену.

...дом над вратами в улице, преогромный, Лазаря богатаго, въ коем мечеть турецкая. — Речь идет о месте на Страстном пути, находящемся между домами Симона Киринеянина и Вероники, где, по преданию, был дом евангельского богача (Лк. 16, 19—31).

...на повороте сидя, Христос от усталости Креста имел отъдохновения присести, где столп лежит мраморный, красноватый. — Вероятно, речь идет о седьмой остановке Страстного пути (второе падение Иисуса). Это место отмечено остатком колонны.

Потом пройдя, будут род воротъ, где Божия Матерь сидела на правой стране у стене во время, как Христа к Пилату жиды водили. — На Страстном пути четвертой остановкой отмечено место встречи Христа с Матерью. Согласно преданию, с этого места Богоматерь наблюдала за страданиями Сына. Первая остановка Крестного пути — место, где в претории Иисус был осужден Пилатом (Мф. 27, 2, 11—25; Мк. 15, 1—15; Лк. 23, 1—25; Ин. 18, 28—40).

Не доходя крепостных Гефсиманских ворот, на левой стране, будит дом о двух окнах, высокой, святых Акима и Анны, и соборная церковь пустая, находящаяся там, где Божия Матерь родиласъ. — Имеется в виду церковь Свв. Иоакима и Анны, находящаяся на месте дома, где родилась Дева Мария. Дом, где жили Иоаким и Анна, находился к северу от Иерусалимского храма, вблизи ворот, выходящих в сторону Гефсимании и называемых Овчими, Львиными, Гефсиманскими и Стефановыми.

Стр. 190. *Находившаяся у сих мест Овчая купель...* — Вифезда («Овчая купель») — купель, располагавшаяся у Овечьих ворот. Упоминается в Евангелии от Иоанна (5, 2—9) как место исцеления Иисусом Христом расслабленного.

...где был дом Иоакима и Анны, святою царицею Еленою монастырь разорен и опустошен за многие назад тому веки. — См. коммент. к с. 189.

...проходя мимо грунта каменнаго, бывшаго обагренным кровию святаго первомученика архидиакона Стефана, убиеннаго на сем месте. — Речь идет о побиении иудеями камнями святого архидиакона Стефана (Деян. 7, 55—60).

...за потоком Кедрским, находится великий въ земле храм Успения Пресвятыя Богородицы. — Кедрон — название ручья, упоминаемого в Библии (2 Цар. 15, 23; 3 Цар. 2, 37; Ин. 18, 1), протекавшего между Иерусалимом и Елеонской горой и впадавшего в Мертвое море. Церковь Успения Богородицы в Гефсимании, по преданию, поставлена над гробницей Пресвятой Богородицей.

...направо уская дорога до Пещеры святых апостолов двоенадесеть... — Имеется в виду Пещера учеников, где, по преданию, спали апостолы во время Гефсиманской молитвы Спасителя. Вход в эту скальную пещеру расположен справа от входа в церковь Успения Богородицы.

Тут армянский престол. — Армянский престол пристроен снаружи к западной стене кувуклии, слева от входа в нее.

...на правой руке вмещаются въ стене гробы святых и праведных Иоакима и Анны, а напротив, на левой стране, въ стене же гроб святаго Иосифа Обручника, а внизу храма, направо, престол святителя Николая Чудотворца. — По преданию, Богородицу погребли в родовой усыпальнице. На уровне 20-й ступени лестницы, ведущей в подземный храм, справа, как точно отмечено нашим паломником, расположен престол, посвященный праведным Иоакиму и Анне, и их гробницы. Слева, на уровне 24-й ступени, — престол и гробница прав. Иосифа Обручника. Православный престол в честь св. Николая расположен в северной части храма.

Стр. 191. *Пройдя от кувуклии направо, ту престол и гроб святаго архидиакона Стефана.* — Православный престол в честь св. первомученика Стефана находится сразу при сходе с лестницы на правой стороне у стены.

...до вертограда 195 шагов, въ коем молился Христос, оставив Петра и Иакова и Иоанна. — Речь идет о Гефсиманском саде, месте молитвы Иисуса Христа перед взятием под стражу и Крестной смертью (Мф. 26, 36—56; Мк. 14, 32—52; Лк. 22, 39—53; Ин. 18, 1—12).

...Иуда дая лобзание, жиды Христа связаша по преданию Иуды. — В Гефсиманском саду Иисус Христос был предан Иудой Искариотом, который поцеловал Его и тем дал знак вооруженным слугам иудейских старейшин, кого надо арестовать (Мф. 26, 47—50; Мк. 14, 43—45; Лк. 22, 47—48).

...камень, с котораго Христос на жребя сел, въехав во Иерусалим. — Речь идет о Входе Господнем в Иерусалим (Мк. 11; Лк. 19; Ин. 12; Мф. 21, 9).

...пещера святыя Палагии... — Гробница прп. Пелагии Антиохийской († 461) находится в Елеонской пещере, расположенной вблизи места вознесения Иисуса Христа.

...Елеонския горы, с которой вознесеся на небеса Сын Божий. — Елеонская (Масличная) гора — место Вознесения Иисуса Христа на 40-й день по Воскресении (Лк. 24, 50—61; Деян. 1, 9—12).

...гдѣ построен был святою Еленою храм кругловидной, то есть Вознесения ... остася следы по Вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа, как будто на воске, стопы. — На Елеонской горе, недалеко от места Вознесения, равноап. царицей Еленой была воздвигнута базилика Вознесения. Храм Вознесения Господня на месте Вознесения был построен между 330 и 378 гг. римлянкой Пименией. Паломники здесь особо почитают камень со следом левой человеческой стопы, по преданию, оставленной Христом при Вознесении. Игумен Даниил здесь видел две стопы (см. наст. изд. Т. 4. С. 50), но позже мусульмане перенесли один отпечаток в мечеть Ель-Акса.

...пространная пещера съ гробами древних пророков, съ надписями еврейскими. — «Гробница Пророков» расположена на юго-западном склоне Елеонской горы. По преданию, здесь находятся гробницы пророков Аггея, Захарии и Малахии.

Неподалеку гора Малая Галилея находится от Елеонския... «Что, мужие галилесте, зристе на небо? Видите Господа, восходяща от земли на небо со славою?» Тако тут теперь источник ключевой воды, а храм разорен до основания. — Речь идет о греческом монастыре «Мужей Галилейских», находящемся на вершине Елеонской горы и названном так в память о событии, описанном в «Деяниях святых апостолов» (1, 11), когда два Ангела обратились к ученикам Христа по Вознесении Его на небо. Монастырь называют еще и «Малой Галилеей»,

так как на этом месте в евангельские времена располагался постоялый двор, где останавливались приходящие на праздник в Иерусалим галилеяне.

Стр. 192. *На восток, за Елеонскою горою, верстах четырех находится Вифания... где въ горе был погребен Лазарь.* — Вифания расположена на юго-восточном склоне Елеонской горы. Согласно евангельскому повествованию (Ин. 11, 1), из этого селения были родом Лазарь и его сестры Мария и Марфа. С этим селением связан целый ряд новозаветных событий. Здесь Иисус Христос через четыре дня после смерти воскресил Лазаря, жителя Вифании (Ин. 11, 3—45). В нем Господь пребывал накануне торжественного въезда в Иерусалим (Мк. 11, 11—15; Мф. 21, 17; Лк. 19, 29). Здесь же, в доме Симона прокаженного, женщина помазала главу Иисуса Христа миром (Мк. 14, 3; Мф. 26, 6—7), а Мария, сестра Лазаря, умастила и отерла своими волосами Его ноги (Ин. 11, 2).

Неподалеку от Сионской горы находится источник въ горе каменной, пространный, называемая Силоамская купель... — Сион, Священная гора (Пс. 2, 6), которую избрал Господь (Пс. 77, 68) и где Он пребывает (Ис. 8, 18). Силоамская купель — купальня в южной части Иерусалима, вода которой обладала чудесным свойством исцелять больных. Сюда Христос направил слепого умыться, и тот прозрел (Ин. 9, 7).

...древо, на котором Исаию пророка претроша пилою... — Согласно древнему преданию, ветхозаветный пророк Исайя принял мученическую кончину: по приказу царя Манассии его перепилили пополам деревянной пилой.

На сем месте дав прозрение слепому, помазав землею очи ему, ту и перстов знаки есть и стопы Божией Матери. — Здесь автор еще раз вспоминает историю исцеления Христом слепого (Ин. 9, 6—7), см. также коммент. к с. 190. На месте этого евангельского чуда паломник видел так называемые камни-следовики — камни с впадинами, напоминающими форму ладоней и стоп, которые местной традицией приписывались Спасителю, Богородице и палестинским святым. Такие камни почитались паломниками разного времени, но в большом количестве эти реликвии, указанные проводниками богомольцам в разных местах Палестины, описываются именно в XIX столетии (см. о них также в Путешествиях Якима Васильева и Анны Алексеевны. С. 215, 241—242, 243).

...пирамида над гробом Авессалома, сына Давыдова. — В Писании (2 Цар. 18, 17—18) рассказано о том, что Авессалом, третий сын царя Давида, еще при жизни поставил себе памятник и назвал его своим именем, чтобы сохранить о себе память, так как не имел сына. По преданию, гробницей Авессалома называется древний, высеченный над скалою памятник, сохранившийся в Кедронской долине.

На юго-западной стране, за Дамасковыми воротами, въ горе каменной находится пещера, гдѣ Варух, посланный Иеремием за смоквами больных ради, спал 72 лѣта... — Дамасские (Шхемские) ворота — главные ворота мусульманского квартала Старого города Иерусалима. Расположены в стене на северо-западной стороне города. Паломник вспоминает сюжет апокрифического предания под названием «Паралипомен Иеремии», но ошибочно приписывает Варуху поход за смоквами. Согласно апокрифу, по молитве Иеремии и по воле Бога, Авимелех накануне вавилонского пленения Иерусалима отправляется за смоквами. На обратном пути, утомленный жарой, он сел отдохнуть под дерево и проспал 66 (или 70) лет. Проснувшись, Авимелех находит Варуха, они посылают с орлом «епистолию» плененному Иеремии, находящемуся в Вавилоне, с орлом получают и ответ.

Название монастыря Крестнаго потому, что на том месте... древо было вырощено... праведным Лотом, поливанное... до трех лѣт. — Монастырь Святого Креста, по преданию, поставлен на месте, где выросло дерево, из которого был сделан Крест, на котором распяли Иисуса Христа. Паломник приводит одну из версий «Крестной» легенды. Согласно ей, Авраам наложил епитимью на согрешившего Лота: посадить три головни — кипариса, певга, кедра — и поливать их, нося воду из Иордана, до тех пор, пока они не пустят корни и не прорастут деревом, свидетельствующим о прощении греха. Еще одним условием Авраама племяннику было поить любого, кто об этом попросит. Дьявол, стремясь помешать Лоту, являлся ему в облике странника и выпивал воду, так что за три года Лот только трижды донес воду до места, но головни проросли. На дерево Лота обра-

тили внимание при строительстве храма Соломона. Тогда оно и было срублено, но для храма не подошло. Впоследствии из него и был сделан Крест для Спасителя. Другую версию этого предания передает Яким Васильев (см. с. 217—218). Публикацию одной из версий Крестной легенды — «Слово о Крестном древе» Григория Богослова — см. наст. изд. Т. 3. С. 284—290.

...повел нас мерхаджий в Вифлием... — Вифлеем, поселение на западном берегу Иордана. Согласно Евангелиям, место рождения Иисуса Христа. Одно из самых почитаемых святых мест христанства.

Стр. 193. *...монастырь Святаго пророка Ильи, гдѣ ангел воздвиг его спящаго от сна и возгласил: «Востани, яждь и пий, яко многъ отъ тебѣ путь».* — Монастырь Святого пророка Илии (Мар-Элиас) находится на пути из Иерусалима в Вифлеем. Согласно преданию, монастырь основан на месте, где пророку Илии, скрывшемуся в пустыне от преследований безбожной царицы Иезавели, явился Ангел (3 Цар. 19, 4—8). Посетившие это место Анна Алексеевна и Яким Васильев также приводят это предание в своих рассказах.

...поле то, где крестьянин сеил горох... Господь сказал: «Уродись камень!» Что и збылось — горох обратильса камнями. — Предание о поле, рождающем каменный горох, у русских паломников связывается либо со Спасителем, либо с Богородицей. Средневековые «хождения» этой палестинской легенды не знают, в паломническом тексте она появлятся в начале XVIII в., в Перегринации Ипполита Вишенского. Хотя в русском переводе Топографии Анзельма Краковского (Поляка), выполненном в XVII в. с польского языка, эта легенда приводится, но в версии этого текста поле породило гречу. В паломнических описаниях XIX—нач. XX в. это местное предание встречается в целом ряде текстов, хотя в рассказах Анны Алексеевны и Якима Васильева эта легенда не зафиксирована.

...въ правой рукѣ находится от дароги гроб Рахилии: Иосифа Прекраснаго матерь на сем месте погребенна. — Гробница поставлена на месте, где, согласно традиции (Быт. 35, 19), была погребена праматерь Рахиль — жена Иакова и мать Иосифа Прекрасного (Быт. 30, 22—24). Находится севернее Вифлеема. Об этом памятнике сообщал и игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 66).

...пространный продолговатый храм Рождества Христова, созданный императором Иустинианом... царь Мануил украсил оной весь мусиею или мозаиком и мрамором, но Солиман султан весь оной обобрал на украшение иерусалимскаго Соломонова храма, или мечети. — Базилика Рождества Христова, согласно преданию, поставлена на месте рождения Иисуса Христа. Наряду с храмом Гроба Господня является одним из главных христианских храмов Святой Земли. Базилика была заложена св. царицей Еленой во время ее паломничества по Палестине. Дальнейшую историю храма достаточно точно передает наш паломник, воспользовавшись «Путевыми записками» Вешняковых и Новикова. Согласно истории храма Рождества Христова, император Юстиниан I восстановил разрушенный в 529 г. храм, на средства византийского императора Мануила I Комнина он был отреставрирован в 1161—1165/1169 гг., в том числе и храмовые мозаики, которые в нач. XII в. еще видел игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 86). Храм действительно подвергался разорению турками, но не во времена султана Сулеймана Великолепного, а позднее: в 1596 и 1626 гг. турки похитили мраморные плиты, украшавшие пол храма.

...вертеп — место Рождения Христова... — Пещера (Вертеп, Грот) Рождества — место, почитаемое как место рождения Спасителя. Находится под амвоном базилики Рождества Христова. Евангелия говорят, что Спаситель родился в Вифлееме (Лк. 2, 4—7; Мф. 2, 1—11), но пещеру не упоминают. Первым из наших паломников Пещеру описал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 66).

Стр. 194. *...ясли по правую руку, въ которых по рождении положен был Спаситель... Где ясли Господни, там престол франский.* — В южной части Пещеры Рождества, слева от входа, находится придел Яслей — место, где был положен Христос после рождения. Эта часть пещеры находится в ведении католиков.

Позаде престола есть место, где по рождении Спасителя Божия Матерь пелена омывала. — В этом сообщении паломника, вероятно, отразилось местное предание, связанное с Пещерой Рождества.

...есть пещера под престолом, гдѣ матери сокрываясь со младенцами от Ирода царя, где их побили; там их телеса. — Об избиении младенцев по приказу Ирода повествуется в Евангелии от Матфея (2, 16). По преданию, бóльшая часть невинно убиенных младенцев была брошена в Пещеру Рождества: в пространстве храма это место отмечено престолом Святых младенцев. Описание этого места находим уже у игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 65).

Армянской монастырь по правую руку с прихода храма Рождества Христова. — К югу от дворов базилики Рождества Христова находится армянский монастырь, постройка которого XVIII—XIX вв. опирается на сводчатые структуры XII в.

...пещера въ горе, где Иосиф и Божия Матерь со Христом, скрываясь от Ирода, гдѣ Иосифу во сне явися ангел Господинъ, возгласил: «Иосифе, поими отрочати и матерь Его, отъиде во Египетъ!» — Речь идет о Молочной пещере, где, по преданию, святое семейство спаслось от воинов царя Ирода перед бегством в Египет. Рассказ о бегстве в Египет содержит только Евангелие от Матфея (2, 13).

И все приходящие сему месту прикладаются зделанному на камне кресту и берут собою с верою земли. — Обычай уносить паломниками землю из Молочной пещеры связан с названием этого святого места. Согласно легенде, кормя младенца Иисуса, Богородица капнула несколько капель молока на камень, который изменил цвет, став белым. Считается, что этот камень, растворенный в воде, помогает матерям, имеющим проблемы с кормлением. Эту легенду находим у русских паломников XIX в., средневековая традиция ее не знает.

...храм въниѕу на ровном поле, версты за две, во имя Святаго великомученика Георгия, на том самом месте, гдѣ пастухи овец пасли, когда Господь родися... — Вероятно, речь идет о храме Георгия Беджальского в селении Бейт-Джала, где, по преданию, хранились оковы Георгия Победоносца, которыми он был скован во время мучений.

...приидоша ко Христу во Вифлием, родшемуся вертепе, гдѣ узреста и поклонишася Господу. — Поклонение пастухов новорожденному Иисусу описано в Евангелии от Луки (Лк. 2, 8—20). Этот евангельский рассказ распадается на две части: Благовестие пастухам явившимся ангелом и их поклонение Младенцу.

Стр. 195. *Кулган* (*кумган*) — металлический сосуд в виде узкогорлого кувшина с крышкой, длинным носком и ручкой (тюрк. qumgan).

...монастырь Священнаго Саввы... — Лавра Саввы Освященного, православный греческий мужской монастырь. Основан около 484 г. прп. Саввой Освященным в Иудейской пустыне, в долине Кедрон. Одним из первых эту палестинскую обитель подробно описал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 60).

...около Мертваго моря. — Мертвое море (оно же Содомское море, Асфальтовое море) — бессточное соленое озеро в Восточном Средиземноморье. Название объясняется отсутствием в нем органической жизни. В него впадает р. Иордан.

Стр. 196. *Водили въ часовню, въ коей над тем самым местом зделан беломраморных камней гроб во оной над мощами святаго Саввы, сокрытых под спудом, бывшее здесь.* — Гробница св. Саввы находилась в небольшой усыпальнице, расположенной на центральной площади монастыря. Игумен Даниил был первым и последним русским паломником, кто видел мощи св. Саввы и описал их на этом месте (см. наст. изд. Т. 4. С. 60): в 1256 г. мощи святого были вывезены крестоносцами в Венецию и помещены в церковь Сан-Антонио. В лавру мощи вернули в 1965 г.; в настоящее время хранятся в Благовещенском соборе лавры Саввы Освященного.

Въ горе церковь во имя Святителя Николая, где есть окно въ боку левой руке: камора болшая, где и поныне изъбиенных праотцов мужей главы сохраняются до 14 000 тысяч, въ целости кости оные. — По преданию, пещерная церковь св. Николая Мирликийского была построена еще при жизни основателя лавры. В специально устроенной усыпальнице лавры хранятся мощи и главы замученных в 614 г. иноков обителей. Предание рассказывает, что в правление имп. Ираклия лавра подверглась набегу персов, которые считали, что монахи хранят сокровища. Но оказалось, что у иноков ничего нет. Тогда завоеватели, собрав монахов, стали требовать, чтобы братия отреклась от веры во Христа. Иноки отказались, за что все погибли в зверских пытках и мучениях. Православная церковь вспоминает об этом событии 16/29 мая, установив праздник «Пре-

подобных отцов, в лавре Святого Саввы избиенных». Русская Духовная Миссия в Иерусалиме празднование преподобномученикам включает в «Собор Палестинских святых», воспоминаемых в Святой Земле во второе воскресенье по Пятидесятнице. Церковное предание повествует, что в 614 г. в зверских пытках и мучениях погибло 44 монаха, однако в описаниях наших паломников можно встретить сообщение о 1000 избиенных лаврских монахов — «новомучениках». В Хождении Иоанна Лукьянова (нач. XVIII в.), русском переводе «Путешествия в Святую Землю и Египет» Николая Радзивилла (XVII, XVIII вв.) это событие связывается с именем турецкого султана Селима II (1524—1574 гг.).

...под горою, есть ключ, из коего вытекает вода, которая дарованная угоднику священному Саввы при жизни его Богом... — Житие Саввы Освященного рассказывает об источнике воды, дарованном Богом по молитве преподобного: св. Савва пожалел монахов, которые издалека носили воду в лавру, и в ночных молитвах просил Господа о помощи. Закончив молитву, он услышал шум, раздававшийся от русла высохшего потока, и увидел дикого осла, который копытами долбил землю. Выкопав яму, животное опустило в нее голову и стало пить. Св. Савва раскопал то место и обнаружил источник. С той поры лавра всегда имеет питьевую воду, которую до сих пор раздают паломникам.

...вынесли части мощей святаго Аркладия с сыновями его... — Вероятно, речь идет о прп. Аркадии Константинопольском, Палестинском — сыне прп. Ксенофонта и его супруги Марии, чьи мощи являются реликвией лавры Саввы Освященного. О поклонении им свидетельствовал и Яким Васильев (см. с. 219).

Декабря 4 и 5 дня празнуемы памяти святаго Саввы въ лавры его обители. — Память св. Саввы Освященного Церковь установила 5/18 декабря.

Стр. 197. *...чапраками...* — Чапрак — подстилка под конское седло.

Стр. 198. *...въ Горную, где жил Захарий и Елисавет.* — Горняя (град Иудов, Эйн-Карем) — место, где, по преданию, жили родители св. Иоанна Крестителя — Захарий и Елисавета. Сюда пришла Пресвятая Дева после благовещения архангелом Гавриилом (Лк. 1, 39—58).

...Елисавет скрылась во оную, въ разселину онаго камня, со младенцом от Иродова гонения. — Паломник отсылает к апокрифическому рассказу о бегстве Елисаветы с младенцем Иоанном Предтечей от слуг царя Ирода, содержащемуся в Первоевангелии Иакова. Об этом же вспоминал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 80).

Стр. 199. *...въ монастырь фраский, во храм, гдѣ Елисавету целова Мариа...* — В IV в. св. царица Елена на месте дома Захарии и Елисаветы поставила церковь, а в XIX в. на руинах византийской церкви был построен католический монастырь ордена францисканцев. Встреча Марии и Елисаветы произошла спустя несколько дней после Благовещения (Лк. 1, 39—56), согласно христианскому преданию, в доме Захарии. В ответ на приветствие Елисаветы дева Мария произнесла благодарственный гимн, начинающийся словами «Величит душа моя Господа» (Лк. 1, 46—47).

Посреди церьквe престол, гдѣ Захарий, служащий литургию, ему ангел благовестил Господень о рождении Иоанновом. — О рождении Иоанна Предтечи архангел Гавриил предвозвестил Захарии в храме (Лк. 1, 13—17).

Третий недели Великаго поста во храме Гроба Господня была литургия... — Воскресенье третьей недели Великого поста в Православной церкви называют Крестопоклонной неделей, напоминая верующим о приближающейся Страстной седмице и Пасхе Христовой.

В Вербное воскресение была литургия во храме Воскресения Христова... — Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим) — двунадесятый праздник православного календаря, отмечаемый за неделю до Пасхи, в воспоминание о торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим за несколько дней до Его крестных страданий. Об этом событии рассказывают все четыре евангелиста (Мф. 21, 9—11; Мк. 11, 8—10; Лк. 19, 36—48; Ин. 12, 12—18).

...вайи... то есть ведки финиковы... — В Вербное воскресенье по традиции освящаются ветки пальм в воспоминание о народе, встречавшем Христа с пальмовыми ветками. На Руси их заменили ветками вербы, которая первой распускается весной, поэтому и праздник был назван Вербным воскресеньем.

На Страстной недели... — Последняя седмица Великого поста, предшествующая Пасхе, посвященная вспоминаниям о последних днях земной жизни Спасителя — Тайной вечери, предании на суд, страданиях, распятии и погребении Иисуса Христа.

...грамоты разрешительныя... — Разрешительная молитва, которую читают во время чина погребения, а затем вкладывают в правую руку умершего.

Стр. 200. *...въ Великой пяток...* — Великая пятница Страстной седмицы посвящена воспоминаниям распятия и погребения Иисуса Христа.

Въ субботу Великую все архиереи, бывшее тогда духовенство и некоторые из поклонников, имеющии чин священства, во облачении носили съвященную церемонию, Святую плащаницу. — Великая (Страстная) суббота — суббота Страстной седмицы, посвященная воспоминанию о пребывании Иисуса Христа во гробе и сошествии во ад; последний день перед Пасхой. Священнослужители на утрени Великой субботы при пении «Святый Боже...» выносят Плащаницу — полотно большого размера с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа — из храма на главе и при участии народа обносят ее вокруг храма в воспоминание сошествия Иисуса во ад и победы над смертью.

...пели 17-ю кафизму... — 17-я кафизма (118-й псалом) является неотъемлемой частью заупокойной службы, как молитва за умерших, свидетельство об их благочестивой жизни и напоминание живым о смысле земного пути человека; читается в дни особого поминовения усопших.

...начали бегать арапы кругом святой Кувуклии крыгами и резвились, становились кучками и друг другу на плеча и, ходя вокруг святой Кувуклии... Турецкия чиновники сидели на хорах тогда и смотрели на волнующийся народ и резвость арабской черни, никем необуздаемой... — В Великую субботу в храме Гроба Господня происходит чудо сошествия Благодатного огня. Церковная церемония Святого огня начинается за сутки до начала православной Пасхи. В храме собирается большое количество народа, среди которых обязательно православная арабская молодежь, которая через 20—30 минут после опечатывания Кувуклии начинает резвиться, сидя на плечах другу у друга как наездники. Они просят Господа и Божью Матерь, чтобы они даровали православным Благодатный огонь. Достаточно подробно «арабское беснование» («беснование еретиков»), как называли поведение православных арабов наши средневековые паломники, не понимая природы этого обряда, описано в Хождении Василия Познякова (см. наст. изд. Т. 10. С. 76).

Стр. 201. *...«Воскресение Твое, Христе Спасе»...* — Начальные слова пасхальной стихиры.

...Евангелии читали по-стиховной на разных языках. — На Пасхальной утрене в память о завете Христа проповедовать слово Божие всем народам принято читать Евангелие на разных языках.

Сандал — устаревшее название растительных пигментов, получаемых из ряда деревьев, а также красок на их основе. Получили название по сандаловому дереву, дающему красный пигмент.

С полъдня арапы иорданские и турецкие провожатые приехали и повели всех поклонников и поклониц ко Иорданской реки. — Посещение паломниками реки Иордан, места Крещения Господня (Мф. 3, 13—17; Мк. 1, 9—11; Лк. 3, 21—22; Ин. 1, 24—29), с древнейших времен является частью паломнического маршрута по Святой Земле. Об этом также см. соответствующие главы в Хождении игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 52—56).

...къ развалинам бывшаго некогда монастыря святаго Евфимия. — Речь идет о монастыре, основанном палестинским аскетом преп. Евфимием Великим (память 20 января / 2 февраля) в V в. Монастырь был расположен на перекрестке важных дорог, по которым проходили паломники в Иерусалим. В нач. XII в. монастырь посетил игумен Даниил и в своем Хождении сообщил, что видел мощи преп. Евфимия (см. наст. изд. Т. 4. С. 62).

Стр. 202. *...Кварентинскою или Четыредесятидневною горою, на которой постился Христос 40 дней и 40 нощей, и гдѣ искушал Его диавол.* — О сорокодневном молении Спасителя на горе Искушения (Сорокодневная гора или гора Карантиль) и его искушении дьяволом рассказывает Писание (Лк. 3, 1—14).

На другой стороне дороги противолежит сей горѣ Мертвое море, арабами называемое Багем. — См. коммент. к с. 195.

...спустились мы под гору Елисееву, по току у коего находятся на пространном равнине развалины древняго города Иерихона... — По описанию трудно понять, что паломник называет «горой Елисеевой». Возможно, речь идет о месте вознесения пророка Илии — горе в Иордании, откуда, по библейскому свидетельству, Илия был взят на небо (4 Цар. 2, 11—12). Свидетелем этого события был ученик Илии, пророк Елисей, которому Илия оставил свою милоть (верхнюю одежду), сбросив ее с огненной колесницы, как своему преемнику. Иерихон — город, расположенный на севере Иудейской пустыни, многократно упоминаемый в Библии (см., к примеру, 2 Пар. 28, 15).

Иосиф Флавий — знаменитый еврейский историк и военачальник, автор «Истории Иудейской войны». Русский перевод этого сочинения с греческого языка был осуществлен еще в XI—XII вв. (см. наст. изд. Т. 2. С. 254—294). В XVIII в. был выполнен новый перевод этого памятника уже с латинского оригинала: *Иосиф Флавий.* О войне Иудейской / Пер. с лат. М. Алексеева. СПб., 1779—1783. Переиздан в начале XIX в.: Оно же. Ч. 1. 1804; Ч. 2. 1818. Этот фрагмент текста, как и все описание паломничества на Иордан, заимствованы из Путешествия Вешняковых и Новикова.

...на сем пути видны развалины пустых монастырей. Первой вверху Иордана, на правом берегу, святаго Иоанна Предтечи... святаго Герасима, где лев поработал до кончины его. — Речь идет о древних Иорданских монастырях. Считается, что монастырь Иоанна Предтечи воздвигнут по указу византийского императора Анастасия I (491—518) на месте, где жил Иоанн Креститель. Первое свидетельство о монастыре относится к VI в. Василий Позняков сообщал, что монастырь стоит на месте, «идѣже крещаше Иоаннъ Предтеча неверныя июдѣя» (см. наст. изд. Т. 10. С. 90). А игумен Даниил на этом месте видел еще небольшую капеллу (см. наст. изд. Т. 4. С. 52). Монастырь Герасима Иорданского назван в честь преп. Герасима Иорданского, подвижника V в. (пам. 4/17 марта). Патериковая история об излечении прп. Герасимом льва, у которого он вынул из лапы занозу, за что зверь служил ему как домашнее животное, хорошо известна не только паломникам XIX в., но и богомольцам эпохи русского Средневековья по тексту Синайского патерика (см. наст. изд. Т. 2. С. 316—320). Об этих иорданских монастырях первым среди наших паломников сообщил игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 52, 56).

Стр. 203. *Елисеев поток* — согласно Писанию (4 Цар. 2, 19—22), пророку Елисею жители Иерихона пожаловались на плохую воду и бесплодную почву, тот бросил в источник соль и, как, вспоминая об этом событии, писал игумен Даниил, «ослади Иелисѣй пророкъ» — сделал воду здоровой (см. наст. изд. Т. 4. С. 58).

Мы пришли во Иерусалим поутру 4 часа въ монастырь святаго праотца Авраамия... — См. коммент. к с. 181.

...мимо села Емануса. — См. коммент. к с. 179.

...до города Ремьля... — См. коммент. к с. 178.

Прибыв въ Яфу... — См. коммент. к с. 177.

Стр. 204. *...усмотрели въ отдаленности Анатольскии берега.* — Анатолия (Малая Азия), полуостров на западе Азии. Часто Анатолией (по-греч. — восход) называют азиатские владения Турции, в Османской империи — название ее западной провинции.

...приближились мы къ развалинам города Мир Ликии... гдѣ опочивали святыя его мощи до взятия их итальянцами... — См. коммент. к с. 177.

...основаннаго по Исторьи Форонеем, царем Аргосским... — Фороней (1807—1747 до н. э.), царь древнегреческого Аргоса. Возможно, под «Историей» паломиик понимает «Церковную историю» Евсевия Кесарийского (ок. 263—340).

...крепость города Родоса... Колоссами — сим именами называет его и святый апостол. — Родос — портовый город, расположенный на одноименном острове в Эгейском море, в Греции. Здесь был поставлен знаменитый Колосс Родосский — одно из «семи чудес света» — гигантская статуя (36 м) древнегреческого бога Солнца (Гелиос), выполненная скульптором Харесом. Разрушена Родосским землетрясением в 226 или 222 г. до н. э. Через Родос проходил путь апостола Павла во время его последнего путешествия в Иерусалим (Деян. 21, 1). Однако наш текст отсылает к Посланию апостола Павла к Колоссянам (1, 1—2), где речь идет о фригийском городе Колоссы (а не о Родосе!), существовавшем между V в. до н. э. и XII в. н. э.

Кавалеры Иоанна Иерусалимскаго лишились сего славнаго острова въ 14 векѣ: султан Сумейман II-й напал на родосцев... принудил их шестимесечнаю осадою къ сдачѣ. — С 1309 г. Родос был центром Ордена святого Иоанна (Мальтийские рыцари, Госпитальеры или Иоанниты). Паломник ошибается, относя завоевание города войсками Сулеймана II (1642—1691) к XIV в.: эпоха владычества Рыцарей закончилась в 1522 г. при Сулеймане I.

Стр. 205. ...*мимо города Самоса...* — Речь идет, очевидно, об острове Самос, расположенном в Эгейском море.

...*къ городу Хио, именуему турками Сакиз...* — Остров Хиос (тур. Sakiz — Сакыз) — один из островов Эгейского моря.

Око, или три фунта... — Око и фунт — единицы измерения веса. В русской системе мер фунт равен 96 золотникам, примерно 400 граммам.

...*к острову Тенедосу...* — Небольшой остров в Эгейском море, близ берегов Троады.

...*къ Дарданеллам...* — См. коммент. к с. 176.

...*мимо... острова Самофраки, известнаго по ссылке на оной святаго Иоанна Златоустаго.* — Самофракия, остров в северо-восточной части Эгейского моря.

...*Святая гора Афонская.* — Название горы и одноименного полуострова на севере Восточной Греции. Одно из главных святых мест для православных, средоточие православного монашества (здесь находится 20 православных монастырей); почитается как земной удел Богородицы, место православного паломничества.

...*мимо крепости Инги Гиссин...* — Описание обратного пути в Россию Илья Петрович Сысоев заимствовал из Путешествия Вешняковых и Новикова, где название крепости передано как «Румели Инги Гиссан». Вероятно, речь идет о Румельской крепости (Румели Хисары, Румели-Гиссан), расположенной на берегу Босфора.

...*къ Галатскому порту...* — См. коммент. к с. 173.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРЕСТЬЯНИНА ЯКИМА ВАСИЛЬЕВА

«Путешествие во святый градъ Иерусалимъ изъ России въ 1818-го года...» известно по рукописи *РНБ*, собр. А. А. Титова, № 889.[1] Атрибуция Путешествия Якиму Васильеву предложена бывшим владельцем рукописи, известным ростовским купцом и коллекционером А. А. Титовым на основании записи, читающейся на обороте второго листа кодекса: «Сия книга путешествие во Иерусалимъ получена для пиреписки со оной изъ дерѣвни Ляхова от крестьянина Якима Васильева сего 1831 года марта 18 дня»; ниже другой рукой приписка: «И пиреписына со оной такием же манеромъ полууставнаго церковнаго писма в дѣревне Маурине. Крестьянинъ Алексей Сергѣевъ». Деревни Ляхово и Маурино находились в Березниковской волости Ростовского уезда Ярославской губернии, поэтому можно думать, что Яким Васильев был ростовским крестьянином. Но ходил ли он в 1818 году в Иерусалим или только был читателем и владельцем тетрадей, содержащих описание паломничества? Из письма А. А. Титова в Императорское Православное Палестинское общество известно, что он расспрашивал об этом крестьян деревни Ляхово, которые слышали, что крестьянин их деревни «старик Аким 〈...〉 ходил давно в Иерусалим» (*НБ ГМИР, ИППО*, Н. V, № 338).

[1] В 1889 г. с этой рукописи была сделана копия, сверенная А. А. Титовым с оригиналом и отправленная им в Императорское Православное Палестинское общество (Санкт-Петербург) для публикации на страницах «Православного Палестинского сборника» как одно из «описаний путешествий русских людей». Об этом известно из сопроводительного письма А. А. Титова: в настоящее время рукописная копия, с вплетенным в нее письмом коллекционера, хранится в Научной библиотеке Государственного музея истории религии, шифр — *НБ ГМИР, ИППО*, Н. V, № 338. Из сопроводительного письма узнаем, что сама рукопись, содержащая описание паломничества в Иерусалим, была случайно куплена коллекционером на базаре в Ростове (там же).

Стоит также обратить внимание на бумагу, на которой написан текст: она голубого цвета с филигранью «Герб Баташевых» — владельцев Копнинской фабрики, расположенной в Московской губернии.[1] Отечественная бумага такого сорта производилась в 10-х годах XIX века. Степень ее залежности в то время, как отмечают специалисты, небольшая и составляет несколько лет. Следовательно, рукопись Путешествия из собрания А. А. Титова могла быть написана в конце десятых годов или чуть позже. В таком случае эта дата не противоречит времени описания паломничества. Согласно тексту, паломники вернулись в Одессу в июле 1819 года. Автору Путешествия необходимо было время, чтобы, пройдя обязательный в таких случаях карантин, добраться до дома и обработать свои записки, что могло произойти в конце того же 1819-го или чуть позже, в 1820 году. Сохранившаяся рукопись не является автографом, а одна из его копий, о чем свидетельствуют и имеющиеся утраты текста (см. наст. изд. С. 212—213). Таким образом, говоря словами автора этого Путешествия, «не нахожу греха» в том, чтобы вслед за А. А. Титовым считать его автором ростовского крестьянина Якима Васильева и опубликовать под его именем описание паломничества 1818—1819 годов, сохранившееся в рукописи *РНБ*, собр. А. А. Титова, № 889.

Паломничество в Святую Землю Яким Васильев начал описывать 12 октября 1818 года: этим днем датируется первая запись, сделанная в Одессе. Как и откуда богомолец добрался до этого южного порта, текст умалчивает. Если принять версию, что Яким Васильев был родом из Ростовского уезда Ярославской губернии, то, возможно, его путь до Одессы проходил по одному из тех маршрутов, которые, например, рекомендовал паломникам автор «Вечерних рассказов странника на родине»: из Ростова в Переславль-Залесский, через Сергиев Посад в Москву, оттуда в Киев и «529 версты» из Киева до Одессы. Либо другим путем: через Нижний Новгород и Кострому.[2]

Немногословно и дальнейшее описание пути в Иерусалим. Согласно рассказу паломника, из Одессы на греческом корабле группа богомольцев отправилась в Константинополь. Там паломники получили грамоты («ферманы»), что значительно облегчило дальнейшее путешествие и пребывание их в Палестине, так как позволило без дополнительных трат посещать святые места. Из Константинополя 22 октября паломники морем отправились в Иерусалим. «В последних числах ноября» достигли Яффы, оттуда через Лидду 5 декабря 1818 года паломническая процессия вошла в Иерусалим. Здесь автора рассказа и его спутников разместили в монастыре Иоанна Предтечи, откуда они совершили паломничество на Сион, в Вифлеем, в Вифанию, к Иордану и Мертвому морю. Встретив Пасху 1819 года в Иерусалиме, паломники отправились в обратный путь. Он проходил через Миры Ликийские. Там богомольцы поклонились месту погребения святителя Николая и отправились на Афон, где пробыли неделю. 1 июля 1819 года паломники прибыли в Константинополь и 16 июля вернулись в Одессу.

Пройденный за десять месяцев маршрут определил композицию рассказа, в котором можно выделить четыре части: вводную, содержащую описание пути из Одессы в Иерусалим. Центральную — описание Иерусалима и его окрестностей. Третью часть занимает описание Константинополя и Софии Царьградской, осмотренной автором на обратном пути. В отдельный рассказ, примыкающий к тексту Путешествия под самостоятельным заглавием «Описание афонскихъ монастырей, в которыхъ былъ 1819-го года июня 1-го дня», помещено повествование о Святой горе.

Святая гора в маршрут русских богомольцев вошла рано, однако описания таких хождений появляются только в Петровское время. Повествование об Афоне Якима Васильева тяготеет к

---

[1] С. А. Клепиков считал, что в данном случае речь идет о владелице Копнинской фабрики Елизавете Баташевой (село Копнино Дмитровского уезда Московской губернии), см.: Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959. С. 152.

[2] Варианты паломнических путей XIX в. до Одессы из различных российских губерний см.: [Ширяев С. Г.] Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима. СПб., 1859. С. 125, 138—142.

форме путеводителя:[1] содержит перечень святогорских монастырей с их краткой характеристикой; для некоторых приведены легенды, посвященные истории их основания или рассказывающие о происхождении местных реликвий. Предваряет «афонскую» часть обращение автора к читателям, оформленное под заглавнем «Предисловие» (наст. изд. С. 230). Традиционно таким предисловием открывался паломнический текст. Учитывая, что содержание «Предисловия» связано с «палестинской» частью богомолья нашего автора (в ней он формулирует цель своего хождения, принципы повествования и отбора материала) и не затрагивает богомолья по Афону, можно предположить, что эта часть повествования относилась к началу Путешествия, как это и характерно для композиции паломнического текста. Из-за путаницы листов, очевидно произошедшей еще в рукописи, с которой был переписан текст Путешествия (так называемый антиграф), эта часть текста в рукописи Титов. 889 оказалась не на своем месте. О том, что листы антиграфа были перепутаны, свидетельствует и то, что не на своем месте в нашей рукописи оказался и апокриф о путешествии Богородицы на Афон (нач.: «А Афонская гора, святогорские монастыри посему наречены»: наст. изд. С. 231). Апокриф механически разрывает повествование об афонском монастыре Филофее, являвшемся для рассказчика точкой отсчета в его дальнейшем святогорском маршруте: пересказ автором апокрифа о посещении Афона Богородицей заканчивается словами «Посему и называются святогорские монастыри по жребию Пресвятыя Богородицы» (наст. изд. С. 232), и далее следует никак не связанное с ними сообщение: «И от *онаго* монастыря шли верстъ 10-т и начевали в келья» (Там же. Курсив в тексте мой. — *И. Ф.*). Как следует из содержания, «оным монастырем» автор называет монастырь Филофей. Таким образом, апокриф о посещении Богородицей Афона и по содержанию, и по логике повествования должен был начинать повествование о Святой горе. Об этом же свидетельствуют и другие описания Афона нашими паломниками и путеводители по нему, изданные в середине—второй половине XIX столетия, в которых апокриф о посещении Богородицей Афона всегда помещался в начале повествования и являлся своеобразным «зачином», предшествовавшим описаниям монастырей Святой горы и отсылавшим к ее древнейшей истории.[2]

К особенностям содержания публикуемого Путешествия нужно отнести обилие апокрифических сюжетов и местных легенд, к которым автор имел особый вкус. В отличие от эпохи Средневековья, паломники Нового времени ничего пагубного в таких неканоничных сюжетах не усматривали, ибо всё, что прославляет Христа, по убеждению того же Якима Васильева, «всякой душе весма полезно не толко писаниемъ, но и чтениемъ, и повествованиемъ» (наст. изд. С. 230). Даже традиционные для паломнического текста апокрифические сюжеты (о Крестном древе, о жидовине, проявившем непочтение при погребении Богородицы, о происхождении имени реки Иордан и др.) в этом Путешествии переданы в своеобразных версиях (см. наст. изд. С. 216—217, 220 и коммент. к ним). Своеобразие настоящему Путешествию также придают и местные предания, очевидно, записанные автором со слов «гида», среди них легенды: о происхождении трещины на плите гроба Господня, об уверовавшем турецком воине — свидетеле чуда схождения Благодатного огня, о камне, на котором ковали гвозди для распятия Христа, «царьградские» легенды (см. наст. изд. С. 210, 226, 211, 227—229).

К своеобразию паломнических описаний Нового времени стоит также отнести сообщения Путешествия о паломнических обрядах и обычаях — той стороне богомолья, которой в Средние века внимания не уделялось. Так, об обряде омовения ног паломникам в греческом патриархате как обязательном ритуале богомольцы начинают сообщать с раннего Нового времени: об этом же читаем и в публикуемых Путешествиях (см. наст. изд. С. 181, 207, 240). Или сообщение о местной

---

[1] Стоит напомнить о том, что в нач. XIX в. был известен только один путеводитель по Святой Горе, опубликованный в 1809 г.: Описание всех монастырей, находящихся на Афонской горе. Перевел с еллино-греческого языка старанием и иждивением Иверской обители монаха Макария, урожденца с острова Псара. М., 1809.

[2] См., к примеру: Путеводитель по Св. Афонской горе. Описание монастырей и скитов, находящихся на св. Афоне с видами их. СПб., 1870. С. III—IV; Путеводитель на Св. Афонскую гору, а также по ея монастырям, скитам и прочим достопримечательным святыням. Одесса, 1884. С. 13—14.

традиции бросать камни в памятник-обелиск Авессалома, вспоминая таким образом о его восстании против отца, ветхозаветного царя Давида. Такие детали, позволяющие реконструировать паломнический обряд, показательны и для динамики жанра, и для истории паломнического маршрута, который в разные времена тоже имел свои особенности. Так, например, с XVI века паломники перестают сообщать о посещении дуба Мамврийского — места, где Бог открыл себя Аврааму в образе Святой Троицы (Быт. 18).[1] Паломники Нового времени эту традицию продолжили, о чем свидетельствуют и публикуемые в настоящем издании описания. Однако с середины XIX века в паломнических записках снова появляются сообщения о посещении Хеврона и поклонении дубу Мамврийскому. Еще пример — посещение Фавора: судя по описаниям Якима Васильева и Ильи Сысоева, они не восходили на гору, где, по преданию,[2] Господь «открыл» себя апостолам, а одновременно с ними побывавшая в Палестине Анна Алексеевна посетила это почитаемое паломниками место, о чем рассказала в своих воспоминаниях (см. наст. изд. С. 247).

Несмотря на близость времени паломничества Якима Васильева и Ильи Степановича Сысоева и однотипность их описаний, последние отличаются друг от друга рядом моментов. Так, Илья Сысоев описал место побиения прп. Стефана и древо, на котором «Исаию пророка претроша пилою» (см. наст. изд. С. 190, 192), а у Васильева об этом ничего не сказано, хотя он, в свою очередь, отметил село Скудельниче (см. наст. изд. С. 215), тогда как Сысоев обошел его своим вниманием (или не посетил?). Илья Сысоев активно использовал в своем повествовании хорошо известный со Средневековья «измерительный прием описания», позволяющий зримо представить описываемый объект (для этого автор внимательно пересчитывал и записывал количество лампад в разных монастырях, количество ступеней и колонн в храмах и т. п.), у Васильева этого нет. В Новом времени претерпела изменения метрическая система, используемая паломниками в своих повествованиях: если средневековые богомольцы измеряли расстояние «вержением камия», полетом стрелы, верстами, локтями, поприщами, стадиями, то паломники Нового времени используют принятые в их время сажени, аршины (Илья Сысоев), французские мили, русские версты (Яким Васильев). Такого рода детали в содержании и приемах описания определили специфику русской паломнической литературы XIX века, где каждое произведение, с одной стороны, традиционно для жанра, с другой — самобытно.

Текст Путешествия Якима Васильева публикуется по тем же правилам, что и «Путевые записки» Ильи Степановича Сысоева (см. наст. изд. С. 356).

Стр. 206. *...Тагинърог...* — Таганрог, портовый город на берегу Азовского моря.

...Адеста... — Имеется в виду Одесса. См. также коммент. к с. 172.

...въ город Акру... — Очевидно, речь идет об Акре (Птолемаида), небольшом городе на северо-западе Израиля.

...переплыли Мраморное море... — Внутреннее море Атлантического океана. На северо-востоке Мраморное море соединяется проливом Босфор с Черным морем, на юго-западе — проливом Дарданеллы с Эгейским морем.

Белое море — Белым морем южные славяне называли Эгейское. Аналогично его именовали и некоторые русские средневековые паломники, например, иеродиакон Троице-Сергиевой лавры Зосима, совершивший паломничество в 1419—1422 гг.

...проходили остров по-грецки Анкис, а потом остров и город Родос. — Вероятно, речь идет об острове Сакыз (Хиос), расположенном в Эгейском море (см. коммент. к с. 205), и городе-острове Родос (см. коммент. к с. 204).

Дошли до острова Киприча... — Остров Кипр расположен в восточной части Средиземного моря.

...в город Яфу, по-турецки, а по-руски — Иопию, где Иону пророка кит-рыба вырыгнул на берег. — Паломник вспоминает историю из Священного Писания о том, как пророка Иону

[1] Рассказ о нем см. в Хождении игумена Даниила (наст. изд. Т. 4. С. 70).

[2] Напомним о том, что в Евангелиях название горы, где произошло Преображение Господне, не указано: говорится лишь о «горе высокой» (Мф. 17, 1).

проглотил «большой кит». В его чреве Иона провел три дня и три ночи и по молитве был освобожден Господом. Однако Книга пророка Ионы (2, 1—11), в которой об этом рассказано, не связывает спасение Ионы с Яффой (о ней см. коммент. к с. 177).

Стр. 206—207. *Были в городе милая Лида, въ греческом монастыре, где церковь Великомученика Георгия... другая поставлена, а не та самая.* — Традиционно храм, в котором чудом Георгия Победоносца был поставлен столб бедной вдовы, описываемый в одном из чудес святого, связывается с г. Рамла (см. коммент. к с. 178). В Лидде находится храм Великомученика Георгия, по преданию воздвигнутый над его гробницей (см. коммент. к с. 178).

Стр. 207. *...в Патриаршей монастырь.* — См. коммент. к с. 180.

...по обыкновению тамошняго заведения, ноги мущинам обмывали так, как Христос своим ученикам... — См. коммент. к с. 181.

Синодик — книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения.

...на 6-е число, на Николин день... — 6 (19) декабря Церковь почитает преставление св. Николая Мирликийского (в народной традиции называемый «Никола Зимний»).

...въведены были начевать въ болшую церковь, где гроб Христов... — Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме (см. коммент. к с. 182). Яким Васильев, как и все наши древние паломники, начиная с игумена Даниила, именует главный храм христианского мира «Воскресением Христовым». Такое название храма по его первоначальному имени «Анастасии» — «Воскресение» — принято у православных греков и арабов. Название «храм Гроба Господня» является западноевропейским по происхождению, в русской паломнической литературе оно появляется довольно поздно, с середины XIX столетия.

...на Голгофе... — См. коммент. к с. 185.

...монастырь Иоанна Предътечи, где есть главы его часть... — Церковь Иоанна Предтечи расположена к югу от храма Гроба́ Господня. В ковчежце, хранящемся к храме, находится часть главы святого.

...в ней много кельев, как то — греческих, армянских, полских, католических, сирианских и копских. — Храм Гроба Господня находится в совместном владении и под совместным управлением нескольких христианских конфессий: греко-православной, римско-католической, сирийской, коптской, эфиопской и армянской. Распределение между ними храмовой собственности и порядка служб определено постановлением 1757 г., потверждено фирманами 1852 и 1858 гг.

...церковь первомученици Феклы... — См. коммент. к с. 180.

Стр. 208. *...есть камень неболшей, отшибенной от столпа Христова, при коим Христа мучили привязаннаго... а патриарх и отдал в сию церковь.* — О колонне бичевания см. коммент. к с. 184. Фрагменты колонны бичевания (Ин. 19, 1—3), к которой, по преданию, был привязан Христос, избиваемый римскими воинами, можно найти в разных иерусалимских церквах. По греческой версии предания, она находится в патриаршем храме вмч. Георгия Победоносца в Фанаре в Константинополе. Яким Васильев передает одно из палестинских преданий, связанных с эпохой захвата Иерусалима турками в 1516 г. Другими «хождениям» это предание не фиксируется.

...церковь Иакова, брата Божия по плоти. — См. коммент. к с. 189.

В паперти есть притвор — часовня, где Мария Магдалина... возвести ученику моим, что я воскресъ изъ мертвыхъ и возхожду ко Отцу моему на небо». — Паломник описывает католический престол св. Марии Магдалины, находящийся вблизи Кувуклии: по церковному преданию, здесь произошла встреча св. Марии Магдалины с воскресшим Спасителем. Также см. коммент. к с. 184.

И мы къ месту тому прикладываемся, стопам Христовым. — Речь идет о камнях, обозначающих места, где во время разговора стояли Мария Магдалина и воскресший Спаситель (Ин. 20, 14—17). Это место в храме Гроба Господня русские паломники начинают описывать с XVII в.

...камень немалой, принесенной въ старину ангелом изъ Синайской горы, с того места, где Бог стоял на нем во облаке на горе и Моисею пророку глаголал и дал ему скрижаль Завета. — Яким Васильев вспоминает предание о том, как Богородице, изъявившей желание посетить гору Синай, ангел принес с нее камень, и этот камень сохранялся в доме Иоанна Богослова. Это предание читается и в Хождении игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 64).

На другой стороне дверей церковных, при стене, есть неболшая церковь, где во время жизни Марии Египецкой она была не впущена в церковь силою Божиею. — См. коммент. к с. 189.

...как пишет въ ея Житии въ Треоди посной.... — Житие Марии Египетской было переведено еще в Древней Руси (см. наст. изд. Т. 2. С. 190—214). В Триоди постной, издание которой началось на Руси еще в XVI в., Житие читалось как дополнительная статья. Триодь постная — богослужебная книга Православной церкви, содержащая молитвословия на дни Великого поста.

Подле сей малой церкви есть монастырь Авраамиев. — См. коммент. к с. 181.

...Авраам сына своего Исаака хотел зарезать для принесения его в жертву Богу по повелению Божию. Ибо, любя его, Бог искушал его верность и усердие къ Богу. — Здесь и далее паломник вспоминает рассказ книги Бытия (22, 1—13).

Стр. 209. *Въ болшей церкви есть место на верху горы Голгофы, где был крест Христов водружен въ землю.* — См. коммент. к с. 185. «Большой церковью» паломник в своем описании последовательно называет храм Гроба Господня.

...есть место поднятое, аки амвон, обделано карнизами каменными, а наверху въ середине плита мраморная изъкрасна. — См. коммент. к с. 182.

...«Святы Боже, святы крепки»... — Начальные слова молитвы (Трисвятая песнь) трем лицам Пресвятой Троицы.

Стр. 210. *...место, где пришли жены-мироносицы съ Богородицой поутру рано ко гробу Христову... наверху образ Пресвятыя Богородици, чудотворной...* — Судя по описанию, речь идет о часовне св. жен-мироносиц, куда, согласно преданию, в заброшенную пещеру приходили св. жены-мироносицы. В ней находится икона Богоматери «Умиление». Однако местом возвещения ангела женам-мироносицам вести о воскресении Христа традиционно считается придел Ангела, расположенный в Кувуклии. О нем см. коммент. к с. 183.

...прежде, до пожару... — Речь идет о пожаре 1808 г., когда огнем был разрушен весь круглый храм вокруг часовни Гроба Господня и отчасти Голгофские приделы. См. также коммент. к с. 181.

И възойдя въ первые двери въ часовню, среди ее стоит камень... Тот самой камень, которой отвален ангелом от гроба Христова. — О приделе Ангела см. в коммент. к с. 183.

...и служат на камне со образом раннюю литургию. А проскомидию совершают на самом гробе Христове... — Во время православной литургии в Кувуклии Тридневное ложе служит жертвенником, а престолом — камень в приделе Ангела. На эту особенность православного богослужения в храме Гроба Господня обращали внимание многие писатели-паломники XIX в.

...взойти в часовню, или въ пещеру ко гробу Христову... — О пещере Гроба Господня см. коммент. к с. 183.

...верхняя крыша пополам расколота поперег. Повествуют, некогда султан турецкой хотел крышу съ гроба Христова взять къ себе... не приказал и взять, оставить при своем месте. — Паломник акцентирует внимание на расколотой поперек мраморной плите, покрывающей Тридневное ложе, и передает один из вариантов местной легенды, рассказывающей историю появления этой трещины.

А над гробом образ восстания Христова из гроба... — В пещере Гроба Господня помещены три иконы Воскресения, принадлежащие христианским конфессиям.

Стр. 211. *А зъзади, чрез стену, есть церкви сирианской веры, другая — коптской веры. И у них две могилы, где были гробы благообразнаго Иосифа Аримафейскаго и князя Никодима.* — См. коммент. к с. 183.

...колодец каменной, выкладенной, дождевой воды, приведенной со всей болшей церкви трубами и жалобами. — Очевидно, речь идет о «Колодце Елены», расположенном под храмом Гроба Господня. Каменный колодец, имеющий продолговатую форму канала, сооружен еще в древние времена для сбора и хранения воды. Исправно действует и по сегодняшний день.

Вышедши из часовни, по левой же стороне из-под свода кунпала, храм франков... И еще есть столп, закрытой досками, у коего привязаннаго Христа били по главе. — Речь идет о церкви Явления Воскресшего Господа Пресвятой Деве Марии (подробнее о ней см. коммент. к

с. 184). Сообщение Якима Васильева о камне, на котором ковали гвозди для распятия Спасителя, уникально для описаний наших паломников и, возможно, записано со слов «гида» богомольца. Это сообщение отсылает читателя к «Легенде о вечном жиде».

...Пуп земли... «Спасение соделалъ еси посреди земли, Христе Боже наш». — См. коммент. к с. 186.

...престол Логина сотника. — См. коммент. к с. 184.

...армянской престол, где снятые со Христа ризы воины делили и драли и жребий метали на четыре части. — См. коммент. к с. 184.

И ту съзади престола мы, християне, целуем стены ящиков, в коих лежали те ризы Христовы... — Ни в описаниях средневековых паломников, ни у современников Якима Васильева об этой реликвии и поклонении ей не сообщается.

Стр. 212. *...внизу престол армянской.* — О подземной церкви Святой Елены см. коммент. к с. 184.

И гроб Христов, и столпы, кои все были зарыты в землю от царя Андрияна ельлинскаго, идолопоклонника и служителя бесом... — Император Адриан (117—138) приказал засыпать землей Голгофу и Гроб Господень и на образовавшемся холме поставить капище языческой богини Венеры и статую Юпитера.

...по слову Спасителеву: «Не останется камень на камени, дондеже вся разорятся». — Согласно евангельскому преданию (Мф. 24, 2; Мк. 13, 2), Спаситель предсказал гибель Иерусалима.

...Макарий, патриарх Иерусалимский... — Макарий, патриарх Иерусалимский (313—323), вместе с царицей Еленой принимал участие в обретении Креста Господня.

...царь Констянтин и царица Елена и Макарий, патриарх Иерусалимский, вырывши из земли кресты, Христов и разбойниковы... И егда приложили ко кресту Христову, и оживе мертвая девица. — Яким Васильев вспоминает предание о воскрешении умершей женщины после того, как к ней прикоснулись животворящим Крестом Господним в день его обретения, известное по тексту Жития Константина и Елены. Место, где произошло это знаменательное событие, находится во францисканском монастыре, пристроенном к северной части храмового комплекса Гроба Господня, и почитается паломниками.

...въ стене престол греческой, а под престолом за железной решеткой есть столп... и давали трость в десницу Его, приговаривали: «Радуйся, царю иудейски!». — См. коммент. к с. 185.

И възверху церковь немалая, называемая «на горе Голгофе»... а назади престола поставлен крест распятия Христова. — См. коммент. к с. 185.

Стр. 213. *...сходит вниз в церковь лесница широкая, ступеней до 40-ка или больше. А на средине той лесници, въ правой стране, стоят гробы богоотцев Иоакима и Анны... в западной стене гроб Иосифа, обручника Богородицина.* — См. коммент. к с. 190.

На том гробе армянской престол... — С 1757 г. храм Успения Богородицы был передан турками Греческой и Армянской церквам.

Выходя из церкви, влево, в потоке, есть пещера болшая... взошел Христос къ ученикам своим и глаголал им: «Мир вам!» — Очевидно, речь идет о Пещере учеников, где апостолы спали во время Гефсиманской молитвы Спасителя. С ней же паломник связывает явление воскресшего Христа апостолам, хотя Писание говорит, что это событие произошло в «доме, где собрались ученики Его» (Ин. 20, 19—29).

Стр. 214. *Есть старинная церковь, называемая Малая Галилея... Той паки приидетъ на облацехъ же на землю судити живыхъ и мертвыхъ и воздати комуждо по деломъ его».* — См. коммент. к с. 191.

А на самом верху горы Елеонской старая церковь... на камне, значит, стоп Христовых следы, с коего камня Христос вознесъся на небеса. — См. коммент. к с. 191.

...празника Вознесения Христова... — Двунадесятый праздник, отмечаемый Церковью на 40-й день после Пасхи в честь вознесения Иисуса Христа, также см. коммент. к с. 191.

От горы Елеонской ити къ востоку версты две, есть деревня Вифания... «Лазоре, гряди вонъ!» — См. коммент. к с. 192.

..возта Лазорь, аки вран летящи... — Сравнение воскресшего Лазаря с «враном летящим» отсылает к апокрифическим «Слову на воскресение Лазаря» и «Слову о сошествии Иоанна Крестителя во ад», ср.: «Исусъ рече ему словомъ: „Лазарь, гряди вон!" Лазарь же встав ничем не врѣжен, яко лев на лов, паря по воздуху...» (см. наст. изд. Т. 3. С. 260). В комментарии к «Слову о сошествии Иоанна Крестителя во ад» сказано, что чтение «яко лев» неверное, в других списках Пространной редакции Слова читается «яко орел». Это сравнение, как следует из комментария, восходит к «Слову о сошествии во ад Иоанна Крестителя» (Там же. С. 268). Возможно, сравнение Якима Васильева воскресшего Лазаря с летящим вороном продолжает этот образный ряд.

...и в той пещере въ старину была церковь и престол, а ныне пусто. — Возведение храма над гробницей праведного Лазаря датируют концом IV в. Подробно это святое место описано в Хождении игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 68). Также см. коммент. к с. 192. К нач. XIX в. бóльшая часть храмового комплекса в Вифании была разрушена.

...камень, на котором Христос сидел... И воста из гроба. — Автор вспоминает евангельское повествование о смерти Лазаря и его воскрешении Спасителем (Ин. 11, 1—44). На месте встречи Марфы и Марии, сестер праведного Лазаря, с Исусом Христом был построен монастырь Сретения. Камень, на котором, по преданию, сидел Христос, паломники Нового времени называют Камнем отдохновения или беседования.

Стр. 214—215. *...Юдоль плачевная... по тому потоку потечет река огненныя...* — Речь идет о Кедронской (Иосафатовой) долине, в которой, согласно христианской эсхатологии, будет происходить Страшный суд.

Стр. 215. *...болшая гробница, в ней погребен сын Авесьсалом, которой хотел у отца живаго царство взять насилно войною, но Господь его наказал на сем свете.* — См. коммент. к с. 192.

Близ той гробницы вниз есть на камне стоп Христовых следы обеих Его пречистых ног... купель Силуамъская... — См. коммент. к с. 192.

...село Скуделничье... И куплено то село въ погребение странным. — По евангельскому повествованию (Мф. 27, 7), на деньги, заплаченные Иуде за предательство Исуса Христа и после Его осуждения брошенные Иудой на землю, первосвященники купили у горшечника землю для погребения странников. В восточнославянской традиции это место паломники называют село Скудельниче (т. е. Горшечниково), в западной — Акелдама («земля крови»).

...на гору Сионскую... — См. коммент. к с. 192.

...дом Зеведеев, отца Иоанна Богослова... ял пасху и пил из чаши вино, коя чаша и ныне хранится во Афонской горе, в монастыре Вадопетском. — Имеется в виду Горница Тайной вечери (Сионская горница), где Христос умыл ноги двенадцати апостолам (Ин. 13, 4—11) и установил таинство евхаристии (Мф. 26, 26—29). Местом хранения Святой Чаши легенды называют разные места — Британию, Турцию, но Афона среди них нет. Показательно, что известный паломник пер. пол. XVIII в. Василий Григорович-Барский, подробно перечисливший реликвии монастыря Ватопед, также ничего о Святой Чаше не говорит. Возможно, Яким Васильев отождествил Святую Чашу с чашей, дарованной монастырю греческим императором Мануилом, которой местная традиция приписывает противодействие всевозможным ядам.

...Троицин день... — День Святой Троицы — один из главных христианских праздников, отмечаемый Православной церковью в воскресенье на 50-й день после Пасхи, посвящен сошествию на апостолов Святого Духа.

В том же доме и сошествие Святаго Духа было въ Троицин день на Богородицу и на всех учеников... и начаша глаголати странными глаголы. — О сошествии Святого Духа на апостолов в Сионской горнице в день Пятидесятницы рассказано в Деяниях апостолов (2, 1—16). О присутствии при этом Богородицы прямо в Новом Завете не сказано, но она традиционно изображается на иконах, посвященных этому событию. Как считается, иконография таких памятников определена сообщением о том, что после Вознесения ученики Исуса «единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, матерью Исуса» (Деян. 1, 14).

...въ том же доме и Богородица жила после Христа, у Иоанна Богослова... тело ея апостоли отнесли въ Гепсиманию на погребение. — Согласно христианскому преданию, в доме Иоанна Богослова жила и преставилась Богородица.

Стр. 216. *...воротам Сионским.* — Сионские ворота — одни из восьми ворот Старого города, построены в 1540 г. в период правления султана Сулеймана Великолепного. Арабы их называют «ворота царя Давида», так как недалеко от них находится гробница, где, по преданию, похоронен царь Давид. Дорога от Сионских ворот идет к святым местам на горе Сион.

...место, где Амони жидовин хотел гроб Богородицин с телом ея опрокинуть, когда несли на погребение... Толко вид был отрубленых мест: препоясани черным. — Апокрифический рассказ о жидовине, взявшемся за одр Богоматери при ее погребении, или легенда об Иофонии-жидовине, в описаниях наших паломников встречается со времен игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 48). У Якима Васильева приведен своеобразный, неизвестный по другим текстам вариант предания, очевидно, восходящий не к литературному источнику, а к его устной версии (традиционно говорится об усыхании рук нечестивца, об этом же сообщается и в песнопениях об Успении Богородицы).

...здание, где был дом царя Давида, а ныне пуст... и ноги его ушли въ камень, аки въ воск. — Башня (цитадель) библейского царя Давида расположена недалеко от Яффских ворот (ворот Давида) у входа в Старый город в Иерусалиме. По преданию, отсюда царь Давид увидел красавицу Вирсавию, жену Урии, купающуюся в бассейне, и велел привести к себе на ложе (2 Цар. 11, 2—4). Здесь же, по преданию, царем была составлена Псалтирь. Легенду об отпечатке ноги Давида другие паломники не передают, но некоторые из них отмечают отпечаток на камне, сохранившийся в цитадели, называя его отпечатком локтя царя, появившимся в то время, когда он сочинял псалмы.

Ту и ворота городские, называемые Давыдовы. — См. коммент. к с. 179.

А близ болшей соборной церкви кругом монастыри... кроме Патриаршаго болшаго монастыря. — Традиция перечислять, а в ряде случаев и кратко характеризовать христианские церкви разных конфессий, расположенные в Иерусалиме, в русской паломнической литературе восходит к Хождению Василия Познякова, где рассказ о них выделен в главу «О монастырех» (см. наст. изд. Т. 10. С. 82, 84). Яким Васильев, как и средневековые паломники, называет самые известные обители: находящиеся к западу от храма Гроба Господня монастыри Св. Екатерины и Св. Георгия, а между ними церковь архангела Гавриила; армянская церковь Св. Феодора. В северо-западном углу Старого города расположен монастырь Святого Николая, а к югу от храма Гроба Господня церковь Иоанна Предтечи.

Стр. 217. *...полуночные ворота, или Дамасковы...* — См. коммент. к с. 192.

...на камне место, где прежде спал пророк Варух... и послал его въ Вавилонъ къ Даниилу пророку, изъвестил, что оне в том году будут отпущены из плену. — См. коммент. к с. 192.

...монастырь Кресной. — См. коммент. к с. 179, 192.

...в нем росло древо на крест Господень на Адамове могиле. — Далее паломник приводит вариант легенды о Крестном древе. См. также коммент. к с. 192.

...царица Савска... — Легендарная правительница аравийского царства Саба, чей визит в Иерусалим к царю Соломону описан в Библии (3 Цар. 10, 1—10; 2 Пар. 9, 1—9).

Стр. 218. *...противу Овчей купели.* — См. коммент. к с. 190.

Егда же жидове, емше Христа и Пилату на распятие предавше, искаше древа тяжчайшаго на крест... И задеша Симону Киринейску понести крест Господень... — См. коммент. к с. 189.

...версты 4-ре къ Вифлеему. — См. коммент. к с. 192.

На пути монастырь Илии пророка... иде въ путь четыредесять дней и нощей, не взалка. — См. коммент. к с. 193.

...есть монастырь на том месте, где Христос родился въ вертепе... ход въ вертеп, где Христос родился. — О Вифлеемской церкви Рождества Христова см. коммент. к с. 193.

Стр. 219. *Ирод царь приказал убивать младенцов... и пошел в ту нощь во Египет.* — См. коммент. к с. 194.

И от того места на восток, с версту или болше, под гору есть долина... «Идите въ Вифлеемъ и поклонитеся рождшемуся Христу, въ вертепе лежащему (во яслехъ)». — См. коммент. к с. 194.

«Слава в вышнихъ Богу, и на земли миръ, в человецехъ благоволение!» — Ангельская песня, пропетая при благословении пастухам о рождении Иисуса Христа (Лк. 2, 14).

...монастырь на самом потоке, в горе, Саввы Освященнаго... выносили въ ящиках мощей, главы Ксенофонта и супруги его Марии и детей их — Аркадия, Иоанна... — См. коммент. к с. 195.

...идти ко Иордану... — См. коммент. к с. 201.

...монастырь разваленной Герасима, иже на Иордане, коему служил лев... — См. коммент. к с. 202.

...гора Сарандanская, на которой Христос после Крещения постился 40-к дней и 40-к нощей, и ту искушаем был от диавола. — См. коммент. к с. 202.

Стр. 220. *...монастырь опустевшей, где крестился Христос и народ от Иоанна Крестителя.* — По евангельскому повествованию, Иисус Христос пришел к Иоанну Крестителю, находившемуся у реки Иордан, чтобы принять крещение (Лк. 3, 23; Ин. 1, 28). О монастыре св. Иоанна Крестителя см. коммент. к с. 202.

...течет от ночи на полдень из двух озер Иора и Дана. — Паломник отсылает читателя к апокрифической легенде о происхождении имени реки Иордан от названий составляющих ее рек Иор и Дан. Впервые в русской паломнической литературе ее привел игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 90).

...Мертвое море... — См. коммент. к с. 195.

...Содом и Гомор грады... — Согласно книге Бытия (14, 2—3; 19, 15—29), города Содом и Гоморра, расположенные в долине Сидим, были истреблены за грехи их жителей. О том, что Мертвое море затопило земли, на которых находились эти города, сообщает Библия (Быт. 14, 3).

Есть гора прекрутая, где Елисавет, жена Захариева, съпрятавшисъ в расьселину каменную... Ирод царь начал побивать младенцов. — См. коммент. к с. 198.

...на зимней Николин день... — См. коммент. к с. 207.

Стр. 221. *...недели Православия.* — Торжество Православия совершается в первую неделю (воскресенье) Великого поста.

...в неделю третию Поста, Крестопоклонную... — См. коммент. к с. 199.

...въ день Вайи... — См. коммент. к с. 199.

...Великой четверток... — Четверг Страстной недели, в который вспоминается Тайная вечеря и установление Иисусом Христом таинства евхаристии.

...два листа печатные въ лицах изображения Христа и апостолов... класть во гроб в руку тому человеку, кто сподобился принять. — См. коммент. к с. 199.

А въ Великую пятницу после Часов... — См. коммент. к с. 200. Часы — краткое богослужение, установленное Церковью для воспоминания некоторых священных событий; входят в суточный богослужебный круг.

...на Великую субботу... — См. коммент. к с. 200.

Стр. 222. *...по-тамошнему заведению, крещеные арапы начнут вокруг часовни по церкве бегать... просить Бога, чтобы сошед Свет Христов на гроб.* — О природе этого обряда православных арабов см. коммент. к с. 200.

...над ихной верой насмехаются, насмешками и ужимками, как они во время кал кушали ис корыта. — Автор отсылает к легенде о «Кривой Пасхе» 1634 г., которую он подробно излагает на с. 226.

А над франками и католиками смеятся и дразнят... и празднуют свою Пасху прежде нас. — После календарной реформы, проведенной в XVI в. Римско-католической церковью, даты Пасхи у православных и католиков перестали совпадать. Расхождение между датами Пасхи определено различием в дате церковных полнолунний и разницей между солнечными календарями. Как правило, католическая Пасха празднуется на неделю раньше, чем православная. Главное пасхаль-

ное богослужение у католиков — навечерие Пасхи. Оно начинается в субботу около 21.00 с особой литургии света. Во время этой литургии во дворе храма разжигается костер, от которого священник зажигает пасхал — особую пасхальную свечу, огонь которой раздается верующим. Лазарева суббота — суббота шестой седмицы Великого поста, в которую вспоминают чудо воскрешения Иисусом праведного Лазаря (см. также коммент. к с. 192).

...ризы и стихари... — Риза — верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения. Стихарь — богослужебное облачение церковнослужителей (дьяконов и чтецов): длинная, с широкими рукавами, обычно парчовая одежда.

Стр. 224. *...аки у Анны, матере Самуила пророка, когда къ ней явлении аггела Божия и проречение о зачатии Самуила пророка...* — Паломник вспоминает события, предшествующие рождению пророка Самуила и описанные в Первой книге Царств.

«Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозе, Спасе моемъ». — См. коммент. к с. 199.

Стр. 225. *«Деяние апостолское»* — книга Нового Завета, рассказывающая о событиях, происходивших вслед за евангельскими.

...повечерие... — Богослужение суточного круга, завершающее молитвенный день православного христианина.

...до среды Фоминой недели. — Вторая седмица после Пасхи, на которой воспоминается уверение апостола Фомы.

Стр. 226. *А мы, православные, къ тому столпу, къ разъселине, ныне стоящему, въходя и изъходя, прикладываемся, помня оное чудо Божие.* — См. коммент. к с. 182.

...один турка, близ тех дверей сидел на столпе высоком... Тогда турки ему на том же месте и голову отрубили. — Некоторые наши паломники с XVIII в. к легенде о колонне Святого огня добавляли легенду о воине Омире, уверовавшем во Христа, глядя на произошедшее чудо. В православии воин Омир Иерусалимский почитается как новомученик (пам. 19 апреля/2 мая).

А были во граде Мир Ликии, где святителя Николая паства и он живой был архиереем, где и погребен. — См. коммент. к с. 177.

...были в монастыре архангела Михаила, где его чудотворной образ. — Монастырь Архангела Михаила находится в 40 км к югу от города Родоса. Воздвигнут на месте языческого храма Аполлона.

Стр. 227. *...по Белому и Мраморному морям...* — См. коммент. к с. 206.

...при последнем царе Константине, когда Царьград турки обступили... — Речь идет о Константине XII Палеологе — последнем византийском императоре (1449—1453) и о взятии Константинополя турками 29 мая 1453 г. Об этом трагическом для христианского мира событии подробно рассказано в древнерусской «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» (см. наст. изд. Т. 7. С. 26—71).

Тогда из болшей церкви, зделанной царем греческим Иустинианом, называемой Софии, Премудрости Божия... вышеозначенной елей и выходит наверх звесками. — Об императоре Иустиниане см. коммент. к с. 175. Далее паломник кратко передает легенду о затонувшем церковном престоле императора Иустиниана Благочестивого. Впервые в русской паломнической литературе эту легенду привел в своем «Хождении» Трифон Коробейников (XVI в.).

...ко вратам Златым. — Триумфальная арка, возведенная в 324—330 гг. на крайнем юго-западном фланге стен Константинополя. Золотыми называли ворота, открывавшиеся на главную улицу. В восточнохристианской традиции «Золотые ворота» — один из устойчивых символических топонимов, отождествляющий сакральное пространство города с прообразом Царьграда.

Стр. 228. *...аггел Господень жезлом разводил светлые камни и блески, где следует.* — Яким Васильев пересказывает предание об основании церкви Св. Софии Цареградской, сюжет которого был известен еще в средневековой Руси по «Сказанию о создании церкви Св. Софии». Эта же легенда приведена и в «Путевых записках» Ильи Сысоева, ср.: с. 175.

...был на месте Белаклай, за городом... Живоносной источник Богородицин, которой нашел греческой царь Лев Премудр. — См. коммент. к с. 173. Достаточно подробное описание

Константинополя и его архитектурных памятников приведено в «Путевых записках» Ильи Сысоева (см. с. 173—175).

Синаксарь — чтения, собранные из писаний св. отцов и церковных преданий, предназначенные для чтения на утрени после шестой песни канона.

Стр. 229. *А повествуют про те рыбки... въ величину не прибывает: каковая была тогда, таковая и ныне величиною.* — Паломник приводит легенду-пророчество о падении Константинополя. В описания русских паломников она включается с Петровского времени.

...был въ Цареградской патриаршей церкве, в которой есть мощей трои: 1-е — великомученици Ефимии Всехвальные, 2-е — Феофании святыя, 3-и — святыя Соломонии. — С 1601 г. резиденцией Константинопольского патриарха стал собор Святого Георгия, расположенный в стамбульском районе Фанар. В южной стороне храма покоятся мощи Евфимии Всехвальной (пам. 11 июля и 16 сентября), св. царицы Феофании (пам. 16 декабря) — первой жены византийского имп. Льва Мудрого, и св. Соломонии — матери мучеников Маккавейских.

...есть столп на правой стороне, въ нем вложена часть немалая того столпа, къ которому привязаннаго Христа мучили всю нощь. — В соборе Святого Георгия, справа от иконостаса, находится часть колонны (столб бичевания), привезенной из Иерусалима. Эту царьградскую святыню видел и описал еще Стефан Новгородец (Хождение Стефана Новгородца: см. наст. изд. Т. 6. С. 38).

...есть образ Пресвятыя Богородицы... То жъ Иоанна Крестителя... — Икона Богородицы «Всеблаженная» (Паммакариста) — одна из особо чтимых икон Константинопольского патриархата. Древний мозаический образ был перенесен из бывшего храма Богородицы Паммакаристы. Из этого же храма происходит и икона св. Иоанна Предтечи.

А где была Влахерская соборная Пресвятая Богородици церковь... чтоб во имя ея был зделан началной храм въ Киево-Печерской лавре. — Храм Влахернской иконы Божией Матери, где хранилась нетленная риза Богородицы. Здесь же паломник пересказывает легенду о создании Киево-Печерской церкви, известную по тексту «Киево-Печерского патерика» (см. наст. изд. Т. 4. С. 302, 304).

А зделанная царем Иустинианом церковь София... турки по своему обряду совершают свое богомолие. — См. коммент. к с. 175.

А в олтарь, въ коем была у христиан та святая трапеза, никто ис турок не входит... в тот олтарь, потому и ныне не входят, и стоит закладен. — Паломник приводит одну из местных легенд на тему «прение о вере», получившую распространение в русской паломнической литературе с XVI в.

Стр. 230. *«Незлобив всему веру емлетъ».* — Ср. 1 Кор. 13, 7.

«Прославляющаго мя прославлю». — 1 Цар. 2, 30.

...въ книге «Апостоле» Павла апостола... в милостыню живущим во Иерусалиме братиям... — Судя по тексту, автор отсылает к 29-му стиху 11-й главы «Деяний святых апостолов».

...къ монастырю Пантократову, то есть Вседержителеву. — Монастырь Пантократор (в честь Преображения Господня) — один из православных монастырей Афона, расположенный на северо-восточной стороне Святой горы. Первое упоминание о монастыре относится к 1358 г., однако существует легенда, что монастырь основал трапезундский император Алексей Великий Комнин (1181—1222).

Стр. 231. *...чудотворной образ Пресвятая Богородици...* — Очевидно, речь идет о так называемой Богородице Герондиссе, чудотворной иконе, находящейся при северо-восточной колонне собора.

Апостол Андрей Первозванный — один из учеников Иисуса Христа, брат апостола Петра.

Иоанникий Великий — вифинский подвижник, преподобный (пам. 4/17 ноября). Согласно упоминаниям других паломников, в храме Преображения Господня хранится глава святого.

...Иоанна Кущника — его Евангелие... — Христианский святой, воин, преподобный (пам. 15/28 января). Согласно Житию, с Иоанном всегда было Евангелие, подаренное родителями. В монастыре Пантократор хранится Евангелие, почитаемое как Евангелие Иоанна Кущника.

...Феодора Тирона и щита его часть... — Христианский святой, великомученик (пам. 17 февраля / 1—2 марта. В субботу 1-й недели Великого поста вспоминается Феодор Тирон в связи с его чудом о коливе). Апокриф о Феодоре Тироне рассказывает о чуде спасения святым своей матери от змея, в борьбе с которым он использовал «оружие», но про щит ничего не сказано. Другие богомольцы, посетившие Афон, об этой реликвии сообщений не оставили.

Скит святаго пророка Илии... — Русский общежительный скит во имя св. пророка Илии (Свято-Ильинский) при монастыре Пантократор. Расположен на северо-восточном склоне Святой горы, на расстоянии получасового пути от монастыря Пантократор. Основание скита относят к 1757 г., когда старцем Паисием Величковским в испрошенной у монастыря Пантократора ветхой келье св. пр. Илии была заложена обитель его имени.

Монастырь, называемой Ставроникитской, ибо строитель его был Никита. — Основание монастыря Ставроникита во имя св. Николая Чудотворца относится к нач. XI в. Паломник придерживается версии, что на месте обители некогда жил инок Никита, занимавшийся вырезанием крестов, поэтому, как гласит одно из местных преданий, обитель и получила свое название от слова ставрос (крест) и имени инока Никиты.

...началной храм святителя Николая чудотворца и образ Николая Чудотворца, въ прежние годы пришел по воде тот образ. — Соборный храм монастыря посвящен Николаю Мирликийскому в память о чуде явления иконы этого святого, помещенной при колонне правого клироса. Легенда гласит, что однажды рыбаки в присутствии патриарха забросили в море сеть, в которой вместо рыбы оказалась мозаичная икона святителя Николая, брошенная в море иконоборцами. К лику святителя приросла перламутровая раковина, и когда ее стали отделять от иконы, на лике святого показалась кровь. Вследствие чудесного обретения иконы патриарх Иеремия I (1520—1545) и назвал храм именем святителя Николая Мирликийского.

...кира Иоанна, Козмы и Дамиана... — Среди святых реликвий афонского монастыря Ставроникита находится челюсть с тремя зубами Иоанна Предтечи, а также части мощей святых-бессребреников, врачевателей Космы и Дамиана (пам. 1 / 14 ноября).

Монастырь Иверской, от иверскаго князя... — Иверский монастырь (979 / 980) в честь Успения Богородицы получил название от своих основателей, трех иноков иверских (грузинских) — Иоанна, сына его Евфимия и их родственника Георгия, который построил великолепный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы.

А въ другой церкве Богородицина икона: в шею ея лика варвар ударил ножем, и ныне кровь видна на шее. — Речь идет об иконе, называемой Вратарницею или Привратницею, стоящей в храме, устроенном в воротах обители. На лике Богородицы видна рана, которую нанес ей варвар, покаявшийся от ужаса при виде истекшей из иконы крови и прозванный на Афоне святым варваром, так как окончил свои дни в молитве и посте на Святой горе.

Монастырь, называемой Филостей, ибо строитель его был Филостей. — Филофея монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Получил название по имени афонского подвижника Филофея, основавшего обитель в XI в.

Стр. 232. *Когда Христос вознесься на небеса и апостоли метнуша жребий... По ея словесы все идолы пали и перекололисъ, и бесов всех изъгна, и чудодействия не ста.* — Яким Васильев пересказывает апокриф о путешествии Богородицы на Афон, известный еще в древнерусской книжности под названием «Воспоминание отчасти святыа горы Афонскыа, како наречена бысть свята гора и коихъ рады дѣлъ прозвася».

Посему и называются святогорские монастыри по жребию Пресвятыя Богородицы. — Здесь автор отсылает к традиции называть Святую гору Афон уделом Пресвятой Богородицы.

...на самой верх горы Афона, где есть храм Преображения Христова. — Небольшой храм Преображения Господня на самой вершине Святой горы, как и окрестные скиты и кельи, находится в ведении лавры Афанасия Великого.

Монастырь, называемой Павловиат, ибо его начал строить преподобный Павел. — Монастырь св. Павла в честь Сретения Господня (кон. IX в.). Назван по имени основателя, царственного инока Павла Ксиропотамского (в мире Прокопий), сына греческого имп. Михаила Куропалата и его жены Прокопии.

...началной храм великомученика Георгия и крест, подаренной царем Костянтином, на нем вырезаны из костей разные Господские празники. — В сообщение паломника вкралась ошибка: собор монастыря Св. Павла посвящен Сретению Господню, где хранится большой напрестольный деревянный крест, по преданию, принадлежавший императору Константину Великому. С обеих сторон крест обложен 50 небольшими иконами. А святому великомученику Георгию посвящен один из монастырских приделов.

И тамо лежат принесенные въ Вифлеем Христу дары от персидскихъ волхвов, или царей: злато, и ливан, и смирна. — В соборе Сретения Господня хранится часть злата, ливана и смирны, принесенных волхвами в Вифлеем младенцу Иисусу. Эту святыню монастырю в 1470 г. пожертвовала Мария, дочь последнего деспота сербского Георгия Бранкована и супруга султана Амурата.

Стр. 233. *Монастырь Дионисия, ибо его строитель был Дионисий.* — Монастырь прп. Дионисия (Дионисиат) в честь Рождества св. Иоанна Предтечи. Основан в 1380 г. подвижником Дионисием, от которого и получил свое название.

Монастырь Григориат от строителя Григория. — Монастырь прп. Григория (Григориат) во имя Св. Николая Чудотворца. Основатель монастыря происходил из Сербии, основание обители относится к XIV в.

Монастырь Синопод по месту той горы называется... — Очевидно, имеется в виду монастырь Симонопетра (Симопетра) в честь Рождества Христова. Монастырь воздвигнут на скале, с трех сторон объятой глубокой пропастью. По преданию, основан он прп. Симеоном в XIII в.

Монастырь Ксеропотам по месту той горы называется... — Монастырь Ксиропотам (греч. Μονή Ξηροποτάμου, Сухой поток) во имя Сорока мучеников Севастийских. Обитель получила название от местоположения: находится при глубоком и широком рве, близ главной афонской пристани Дафне. Один из древнейших монастырей Святой горы, по преданию, основан греческой царевной Пульхерией в V в.

Въ нем же есть крест от самаго Животворящаго древа и та самая часть, где были нозе Христовы прибиты. — Одна из главных монастырских реликвий — две части Животворящего креста Господня. Согласно легенде, одна часть дарована монастырю царевной Пульхерией, другая, с пробитою гвоздем скважиною, — греческим императором Романом, в XI в. способствовавшим восстановлению обители.

Монастырь Руской, потому и назван, что были монахи русские. — Русский великомученика Пантелеимона монастырь (Россикон, или Новый Руссик, Свято-Пантелеимонов). Основание Русика, о котором говорит паломник, приходится на 1803 г., однако появление Русского монастыря на Афоне уходит в глубокую древность. За время существования Русик несколько раз менял свое местоположение.

А назад тому лет 10-ть греки по наущению злаго духа руских всех ночью перерезали сонных. — Если хронологическая выкладка автора верна, то можно думать, он отсылает к событию, произошедшему во время, когда монастырь Руссик уже был возвращен (1803 г.) из-под греческого управления. Однако в истории обители, как ее представляют известные авторы и источники, такого события не зафиксировано.

Монастырь Ксинап. — Монастырь прп. Ксенофонта (Ксенофонт, Ксеноф) во имя вмч. Георгия Победоносца находится на самом берегу моря. Назван по имени основателя обители благочестивого греческого вельможи Ксенофонта в X в.

...образ чудотворной, некогда от одного варвара ударено было ножем въ шею икона, и потече кровь... и ныне присохшее у иконы тело видно. — В соборном храме Георгия Победоносца находятся две чудотворные иконы — Божией Матери и св. вмч. Георгия. Легенда об иконе Богородицы, которую приводит паломник, традиционно на Афоне связывается с «самописным» образом вмч. Георгия из Зографского монастыря (см. коммент. к с. 234).

Монастырь Духояр по храму Архангелов назван. — Монастырь Дохиар во имя св. Архангелов. Основанный в X в. монастырь получил название от должности своего основателя Евфимия, который был дохиаром, или келарем, лавры Афанасия Афонского.

...остров Евстрат... — Очевидно, речь идет о деревне Сикья, которую до сих пор называют полуостровом Лонгоса. Далее приводится легенда, известная как «Чудо архистратига Михаила, бывшее во Святой горе».

Стр. 234. *Монастырь Констоманит построен царем Констянтином.* — Монастырь Кастамонит во имя св. первомуч. Стефана. По одной из легенд, монастырь основан Константином Великим или его сыном Константом, поэтому в переводе Костамонит означает «обитель Константина».

Монастырь, называемый Изограф. — Монастырь Зограф во имя вмч. Георгия Победоносца находится на северо-западном склоне Святой горы. Основан в XI в. тремя братьями из Охриды (Болгария).

В нем образ великомученика Георгия, а сам собою написася... еще образ чудотворной, по воде пришедши. — Название монастыря Зограф — живописец, дано по местной иконе Георгия Победоносца. Согласно преданию, лик великомученика изобразился на ней сам. На этой иконе, на лике великомученика, виден маленький бугорок, напоминающий о наказании, которому подвергся екклезиарх, оказавший иконе непочтение, ткнув в ланиту святого пальцем. Эту легенду наш паломник, Яким Васильев, связал с иконой Богородицы из монастыря Ксенофонт (см. коммент. к с. 233). Еще одна икона св. Георгия, по местной легенде, приплыла на Афон из Аравии.

Стр. 235. *Монастырь, называемой Хиландар...* — Монастырь Хиландар (по одной из версий, называемый так по своей форме, напоминающей очертания византийского корабля типа «хеландион», т. е. «шаланда») в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, по преданию, основан св. Саввой, архиепископом Сербским, в XII в.

1-я — Троеручица... — Икона Божией Матери «Троеручица» принадлежала св. Иоанну Дамаскину (пам. 4/17 декабря), в Хиландаре почитается как образ Настоятельницы обители. Далее паломник пересказывает историю о происхождении названия иконы, известную по Житию прп. Иоанна Дамаскина.

2-ой образ стоит на другом столпе лицем къ народу. — В соборе Хиландарского монастыря в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, при колонне левого клироса, находится чудотворная икона Богородицы, именуемая Попская.

3-й — неболшей, в иконостасе на столпи же, тот самой, которому царица Феодора въ спалне тайно молилася, когда муж ея, Феофил, на иконы гонение воздвиже в Цареграде. — Блаженная Феодора (пам. 11/24 февраля) — византийская императрица, жена императора-иконоборца Феофила (813—842). Почитается христианской Церковью как святая за восстановление иконопочитания. Вероятно, паломник намекает на одну из икон, известных как «игрушки царицы Феодоры»: согласно легенде, чтобы скрыть от мужа свое почитание и поклонение иконам, царица выдавала их за игрушки. Однако эта Богородичная икона, согласно афонской традиции, является реликвией монастыря Ватопед, а в иконостасе Хиландарского собора помещена чудотворная икона, называемая Млекопитательница, которую, по легенде, на Афон из лавры Саввы Освященного принес Савва Сербский (ок. 1169—1236).

...изображение сего образа Тихвинской. — Тихвинская икона Божией Матери, по преданию, написана святым евангелистом Лукой при жизни Богородицы. Паломник акцентирует внимание на иконографии этого образа, являющейся подтипом образа Одигитрии (Путеводительницы).

Еще повествуют, что из сего монастыря един монах некогда пошел въ мир... делают монахи четки и тем себе пищу приобретают, ибо те, Богородичные четки, по все греческой земле похвалны. — На Афоне возделывают злаковые культуры с крепкими темными зернами, которые здесь называют «слезы Панагии» или «слезы Богородицы». Используются они для изготовления четок. Эти растения произрастают в нескольких местах Святой горы, среди которых — келия Маруда, принадлежащая монастырю Хиландар. Паломник приводит уникальную версию легенды, объясняющую историю происхождения этого растения. Повествовательной моделью для этой легенды послужил рассказ об уходе из лавры Афанасия Афонского, известный по его Житию.

Монастырь Симонов называется потому, что строитель его был Симон. — См. коммент. к с. 233.

Стр. 236. *Монастырь, называемой Водопетской по месту той горы.* — Ватопедский монастырь (Ватопед: от греч. βατος — куст и παιδί — дитя, отрок; куст отрока) в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Находится на северо-восточном побережье полуострова Афон. По преданию, монастырь в его нынешнем виде создан около 972—985 гг. тремя знатными людьми — Афанасием, Николаем и Антонием. На место, где сейчас стоит Ватопед, их отправил жить Афанасий Афонский, учениками которого вельможи стали, приняв монашество.

Первая стоит в олтаре за престолом, называемая Вадопетская, найдена под престолом съ зажженною свечею. — Икона Божией Матери Виматарисса (Алтарница или Ктиторская) названа так по месту ее нахождения на синфроне (горнее седалище) в алтаре соборного храма. Далее паломник приводит одну из версий местной легенды, повествующей о ее обретении в монастыре.

2-я — у стены в боку, третия — в паперте въ той же церкви. — Очевидно, паломник имеет в виду две чудотворные иконы Божией Матери — Парамифии («Отрада или Утешение») и Антифонитрии (Предвозвестительница).

А 4-я — въ боковой церкве, в паперти же. — Имеется в виду икона Богородицы «Закланная», историю происхождения ее названия объясняет легенда, приведенная паломником.

...крест, присланной царем Костянтином. — По легенде, этот крест сделан св. царем Константином по образцу креста, виденного им на небесах.

...пояс Богородицин, которой Фоме апостолу после ея смерти по воздуху спущен во Иерусалиме, въ Гепсимании... — Согласно преданию, пояс был соткан самой Богоматерью из верблюжьей шерсти, и после успения, при вознесении, она отдала его апостолу Фоме. В честь этой христианской реликвии в Православной церкви установлено празднование — «Положение честного пояса Пресвятой Богородицы» (13 сентября). В Ватопеде хранится часть пояса Богородицы — дар сербского князя Лазаря Хребеляновича (XIV в.).

На Карье, то есть на базаре, соборная церковь болшая... — Кариес (слав. название — Карея) — административный центр Афонской «монашеской республики». Это небольшой городок, расположенный в южной части Афонского полуострова. В центре Кареи находится Протатский храм (Успенский собор), X в. По преданию, первые афонские монахи назвали свой административный центр Протат от «прота» — главы духовной администрации. Название Кариес (Карея) более позднее и, вероятно, так город был назван из-за большого количества ореховых деревьев («каридья»), растущих в этих местах. Игумен Карейского монастыря осуществляет управление всеми афонскими монастырями.

...чудотворной образ Богородицин, называемой «Достойно есть». — Икона Божией Матери «Достойно есть» (Милующая), празд. 11 июня. По преданию, именно перед ней в X в. явился арх. Гавриил, пропев слова молитвы «Достойно есть, яко воистину блажити тя, Богородице...».

Стр. 237. *Некогда молодой монах из одной кельи пошел в тот соборъ молится Богу... «Достойно есть» и продчая. А камень тот лежит въ церкве, изображение на нем и ныне видно.* — Изложено предание о создании величания «Достойно есть», относимое к последней четверти X в. и записанное ок. 1548 г. протом Афона Серафимом Филиполом.

«Честнейшую херувим» написа и церквам предаде Козма, епископ Манумски, сверстник Иоанна Дамаскина. — Автором гимна «Честнейшую херувим» традиционно считается прп. Косма Маюмский (Иерусалимский) — византийский церковный поэт VIII в., сподвижник Иоанна Дамаскина.

Монастырь, называемой Котломуж... — Монастырь Кутлумуш (Котломуш) в честь Преображения Господня основан в X в. По одной из версий, монастырь так назван по имени араба, принявшего христианство. По другой — это испорченное турецкое слово кур-тур-муш (освобожденный от врагов): согласно преданию, такой вариант названия монастырь получил благодаря тому, что был скрыт туманом от разрушителей. Первые упоминания об обители датируются 1169 г.

...чудотворной образ Пресвятыя Богородици. — Вероятно, имеется в виду Акафистная икона Божией Матери: на иконе вокруг Богоматери изображены пророки, «глаголавшие о Ней», и весь акафист в лицах.

...глава преподобнаго Олимпия... — Очевидно, имеется в виду Олимпий Фракийский, епископ Эносский, противник арианской ереси (пам. 12/25 июня).

...праведныя Анны... — Святая праведная Анна, мать Пресвятой Богородицы.

...священномученика Харлампия... — Священномученик Харлампий был епископом в фессалийском г. Магнезия (северо-восточная область Греции), принял мученическую смерть за Христа в царстование римского имп. Севера в 202 г. (пам. 10/23 февраля).

Стр. 238. *...вместо наших паникадил... поясье медное со свечами на 4-ре цепях повешены, и по всему поясу свечи засвечены идут во время службы.* — Речь идет о хоросе — одноярусном или многоярусном паникадиле, каждый ярус которого сделан в форме обода колеса. Паникадило (поликандило) — в православном храме центральный светильник со множеством свечей или лампад.

...Афонская лавра... — Великая лавра во имя прп. Афанасия Афонского основана в 963 г. св. Афанасием Афонским (пам. 5 июля в Соборе Афонских преподобных).

А паче женскаго полу нет. — Запрет доступа женщин на Святую гору действует, вероятно, с самого начала заселения Афона монахами, хотя он не зафиксирован в древних уставах. В Житии прп. Петра Афонского говорится, что поскольку Христос даровал Афон своей Матери, то другим женщинам на нем нет места.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВИЦЫ АННЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

«Путешествие во святый град Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны 1819 года» сохранилось в рукописях *РНБ*, собр. А. А. Титова, № 1307 и *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 1785. Впервые было опубликовано А. А. Титовым в 1885 г. по принадлежавшей ему рукописи.[1] Как следует из заглавия, паломничество совершили две богомолки — девица Анна Алексеевна и вдова Параскева Степановна. Но рассказ о паломничестве записан со слов одной из них, Анны Алексеевны, о чем сообщает сохранившаяся в конце рукописи приписка, из которой также известно, что записал рассказ священник села Лежнева (Владимирская губерния) отец Кондрат.[2]

В христианской культуре известны рассказы о паломничестве по святым местам, записанные со слов богомольцев,[3] есть такие произведения и в истории отечественной паломнической литературы, но их крайне мало. Это Хождение XV века Арсения Солунского: как считают некоторые исследователи, рассказ о святых местах греческого монаха, прожившего семнадцать лет в Иерусалиме, был записан в Москве (или Новгороде), куда он прибыл в составе монастырского посольства для сбора милостыни. И «Видение и путешествие во Иерусалим заводскаго крестьянина Иакова»,[4] представляющее собой воспоминание о паломничестве по Святой Земле крестья-

---

[1] Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году // Вестник литературный, политический, научный и художественный. 1885. 23 февр. (№ 582). С. 1—3; 28 февр. (№ 585). С. 1—2, 1 марта (№ 586). С. 1—2. То же: Душеполезное чтение. 1910. № 1. С. 37—56.

[2] «Писалъ сию тетрадь священникъ села Лѣжнева отецъ Кодратъ от устъ Анны Алексеевны...» (*РНБ*, собр. А. А. Титова, № 1307, л. 31 об.).

[3] Во времена латинского Средневековья таким образом появился «Рассказ о святых местах Аркульфа, записанный Адамнаном» (Аркульфа рассказ о святых местах, записанный Адамнаном ок. 670 года / Изд. и пер. И. Помяловский. СПб., 1898. С. 57. (Православный Палестинский сборник; вып. 49)).

[4] Этот рассказ паломника сохранился в нескольких рукописях. Подробнее см.: *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 401.

нина из Иркутской губернии, записанное в 1854 году в Киево-Печерской лавре иеромонахом Алипием.

Уникальность рассказа Анны Алексеевны о паломничестве состоит в том, что это одно из ранних описаний женского богомолья в Святую Землю, о котором в основном известно только по документальным источникам.

Время паломничества — 1819 год — также оговаривается в приписке к тексту.[1] Время записи рассказа Анны Алексеевны неизвестно, но можно думать, что произошла она вскоре после возвращения женщин из Палестины. В пользу этого свидетельствуют внешние особенности рукописи, написанной на бумаге двух сортов, производимой в конце XVIII—начале XIX века, и содержание Путешествия, точнее — подробности, приведенные паломницей по памяти, а также стройность изложения, хотя редактированию текст не подвергался.[2]

Стройность и последовательность рассказа Анны Алексеевны обусловлена маршрутно-хронологическим принципом повествования, характерным для паломнического текста. Он же определяет двухчастность его композиции: описание «иерусалимского пути» и паломничества по Иерусалиму и его окрестностям.

Анна Алексеевна прошла традиционным паломническим маршрутом (Иерусалим, Гефсимания, Вифлеем, Иордан, Назарет, Фавор, Кана Галилейская), но ее рассказ не лишен своеобразия и свежести, которые придают ему наивные, но окрашенные искренней верой богомолки, местные предания и сообщения о камнях-следовиках, увиденных в разных местах Святой Земли (см. наст. изд. С. 241, 242, 245).

Анна Алексеевна, как Илья Сысоев и Яким Васильев, провела Великий пост и встретила Пасху в Иерусалиме. Своими впечатлениями об увиденном в те дни в храме Гроба Господня она поделилась со слушателями, однако не меньшее впечатление на нее произвела праздничная служба в вифлеемском храме Рождества Христова, воспоминание о которой даже выделено в главу под соответствующим заглавием «Сказание о церемонии на Рожество Христово» (наст. изд. С. 244). Весь рассказ Анны Алексеевны в рукописи поделен на четыре части, три из которых озаглавлены (см. наст. изд. С. 243, 244, 247). Такая организация повествования характерна для паломнического текста, хотя в данном случае неравномерность его деления на тематические фрагменты позволяет предположить, что воспоминания богомолки были записаны не за один раз.

Текст Путешествия Анны Алексеевны публикуется по рукописи *РНБ*, собр. А. А. Титова, № 1307 по тем же правилам, что и «Путевые записки» Ильи Степановича Сысоева (см. наст. изд. С. 356).

Стр. 238. *Село Лежнево* — село Лежнево Ковровского уезда Владимирской губернии расположено на реке Ухтохме, основано в 1239 г. Со второй пол. XVII в. селом владели несколько поколений предков А. С. Пушкина. В настоящее время — поселок городского типа в Ивановской области России.

...град Адест. — Т. е. Одесса. См. также коммент. к с. 172.

...императора Александра Павловича... — Александр Павлович Романов (12.12.1777—19.11.1825), император Всероссийский.

Стр. 239. *...адестский начальник, граф...* — Губернатором Одессы во время посещения ее Анной Алексеевной был граф Александр Федорович Ланжерон. См. также коммент. к с. 172.

...Мраморным морем... — См. коммент. к с. 206.

...ко острову Кипрскому. — См. коммент. к с. 206.

...которая писана была... самим евангелистом Лукою. — Паломница имеет в виду икону Божией Матери Киккская, по преданию, это одна из икон, написанных евангелистом Лукой.

...лику ея никто не может видеть: лик ея покрыт пеленою. — Паломница отсылает к местному преданию, согласно которому Киккская икона Божией Матери из одноименного монастыря была принесена из Константинополя неким богатым вельможей по наставлению местного

[1] Этот же год указан и в заглавии произведения.

[2] В тексте имеются незначительные исправления, обусловленные записью рассказа под диктовку.

подвижника Исайи. Император Алексей Комнин (1057—1118) согласился отдать чудотворную икону с условием, что лик Божией Матери навсегда будет закрыт, дабы молящиеся имели большее благоговение. По сей день икона почти полностью завешена бархатным покровом.

...монастырь святаго и праведнаго друга Божия Лазаря... — Церковь святого Лазаря в Ларнаке на о. Кипр была построена на самой гробнице святого примерно в 890 г.

...Божия Матерь, когда изволила посѣщать Афонския горы... — Паломница имеет в виду известный апокриф о путешествии Богородицы на Афон, пересказ которого содержит Путешествие Якима Васильева (см. наст. изд. с. 231—232).

...святое его тѣло въ Царѣградѣ. — Часть мощей праведного Лазаря была перевезена с Кипра в Царьград при византийском императоре Льве Мудром (866—912), однако из Царьграда они были похищены крестоносцами и увезены на Запад.

Бѣлое море — См. коммент. к с. 206.

Стр. 240. *...къ пристанищу въ Яфы.* — См. коммент. к с. 177.

«Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть; плачъ и рыдание и вопль многъ; Рахиль плачущися чадъ своихъ». — Слова из Евангелия от Матфея (2, 18) или из Книги пророка Иеремии (31, 15) при описании Рамы вспоминают восточнославянские паломники, начиная с игумена Даниила (см. наст. изд. Т. 4. С. 80, 595).

...во враты Давидовы и мимо Давидова дому. — См. коммент. к с. 179, 216.

...стали нам грѣшным умывать ноги... — См. коммент. к с. 181.

...святыя великия церкви Воскресения Христова... — См. коммент. к с. 182, 207.

Стр. 241. *...тут мы увидѣли первое чудо... на столпѣ мраморнем опаление Божественнаго огня.* — См. описание этого чуда у Ильи Сысоева и Якима Васильева: с. 182, 226 наст. изд. и коммент. к ним.

...гдѣ Иосиф съ Никодимом снял тѣло Иисусово со Креста. — См. коммент. к с. 182.

...гдѣ Божия Матерь смотрела на страдание Господне, на том святом мѣстѣ камень мраморный и рѣшеткою желѣзною огорожен, и паникадила масла горят. — См. коммент. к с. 182.

...гроб Господень. — См. коммент. к с. 183.

...Пуп земный... — См. коммент. к с. 186.

...будет стоять святый престол Господень, и будет судить Господь вселенную. — С Пупом земным паломница, очевидно, со слов проводника, связывает место Страшного суда. Согласно христианской эсхатологии, традиционно этим местом почитается Кедронская долина (см. об этом в Путешествии Якима Васильева и коммент. к нему с. 214—215).

...на святую гору Голгофу... — См. коммент. к с. 185.

...камень распадши: когда завѣса раздрася, и камене распадеся на Голгофе. — Ср. Мф. 27, 51; Мк. 15, 38; Лк. 23, 45.

...гдѣ на Господа жиды тернов вѣнец налагали и трость въ руку Ему давали. — См. коммент. к с. 185.

...гдѣ царица Елена Крест обрѣла... — См. коммент. к с. 184.

...гдѣ царица Елена смотрела сверху в окошко, когда вырывали Крест Господень... — См. коммент. к с. 184.

...гдѣ жиды Господа сажали въ кондалы. — См. коммент. к с. 184.

Стр. 241—242. *...на том камени, гдѣ Господь стоял, и от пречистых Его ног изобразилось мѣсто святых Его стоп.* — Речь идет о камне-следовике, однако такую реликвию в стенах храма Гроба Господня другие паломники не указывают.

Стр. 242. *...Господь вечерял со ученики своими.* — Имеется в виду последняя трапеза Иисуса Христа со своими учениками (Тайная вечеря), о которой повествуют Евангелия (Мф. 26, 17—30; Мк. 14, 12—26; Лк. 22, 7—39; Ин. 13).

...гробы въ пещерѣ Иосифа и Никодима. — См. коммент. к с. 183.

...Мариа Египетская силою Божиею недопущаема была въ церковь... (сия икона Божия Матере пречудная!). — См. коммент. к с. 189.

...гдѣ Иякова, брата Господня, престол. — См. коммент. к с. 189.

...церковь Марии Магдалины. — См. коммент. к с. 184.

...престол Сорокомучеников... — См. коммент. к с. 189.

...монастырь, гдѣ Авраам приносил Исаака, сына своего, на жертву. — См. коммент. к с. 181, 208.

...до Гепсимании... — Гефсимания, местность у подножия Елеонской горы, к востоку от Иерусалима.

Юдоль плачевная — см. коммент. к с. 214—215.

...церковь вся въ землѣ... — Речь идет о церкви Успения Богородицы в Гефсимании.

...на половине почивают... родители Божией Матери Иоаким и Анна, гробы их каменные. И напротив их гроб Иосифа Обручника. — См. коммент. к с. 190.

...церковь над гробом Божия Матере. — См. коммент. к с. 190.

Елеон — См. коммент. к с. 191.

«Аще возможно, да мимо идет отъ Мене чаша сия». — Моление Спасителя о чаше описано евангелистами (Мф. 26, 36—46; Мк. 14, 33—2; Лк. 22, 40—46).

Стр. 243. *...поток Кедръский.* — См. коммент. к с. 190.

И въ евтом мѣстѣ Господь наш Иисус Христос Иудою предан под древом масличным. — См. коммент. к с. 191.

И етою Юдолию и потоком Кедрским, сказывают, что и река огненная потечет на мучение грѣшников. — См. коммент. к с. 214—215.

...до Пилатовых ворот. Сие врата закладены. — Вероятно, речь идет о Златых вратах города, через которые Христос торжественно въехал в Иерусалим (Мф. 21, 8—11). У мусульман существует предание, что через эти врата в Иерусалим должен вступить «царь франков», поэтому они их замуровали.

...гдѣ Божия Матерь стояла у стеночки и смотрела на страдание Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, и ето мѣсто как бы было вибито, и теперь знать. — См. коммент. к с. 189.

...домы родителей Божия Матере Иоакима и Анны... — См. коммент. к с. 189.

...домы жидов — Анны и Каиафы... — После молитвы в Гефсиманском саду и взятия под стражу Иисуса привели к первосвященнику Анне (Ин. 18, 13—24), дом которого находился недалеко от Сионских ворот, на территории армянского квартала Иерусалима. От Анны Христа привели к первосвященнику Каиафе, где состоялось заседание синедриона (Ин. 18, 13—14). Его дом располагался поблизости от дома тестя, первосвященника Анны.

...Господь прозрил слепорожденному очи... — См. коммент. к с. 192.

...гдѣ из Марии Магдалины выгнал седм бѣсов... — Паломница вспоминает о чуде исцеления Марии Магдалины Христом, изгнавшим из нее семь бесов (Лк. 8, 2; Мк. 16, 9).

...гдѣ Божия Матерь из Святая Святых приходила къ своим родителем... — Речь идет о доме родителей Богородицы Иоакима и Анны, где появилась на свет Мария (греческий храм Рождества Пресвятой Богородицы). Расположен вблизи ворот Святого Стефана. О нем упоминал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 42) и Илья Сысоев (с. 189). Святая Святых — Иерусалимский храм, куда, согласно преданию, в трехлетнем возрасте была приведена дева Мария.

...монастырь святаго пророка Илии... — См. коммент. к с. 193.

...гроб Рахили, матери Иосифа Прекраснаго... — См. коммент. к с. 193.

...монастырь преогромнѣйший и величайший... — Речь идет о церкви Рождества Христова в Вифлееме. См. также коммент. к с. 193.

...вертеп въ землѣ... — См. коммент. к с. 193.

Стр. 244. *...ясли каменныя...* — См. коммент. к с. 194.

...въ пещерѣ и младенцы 14 тысящ, от Ирода избиенных. — См. коммент. к с. 194.

...гдѣ Божия Матерь ходила со дщаним въ град Иудов и целовала Елисавет... тут церковь превеличайшая... — См. коммент. к с. 199.

...камень, на котором Иоанна Предътечы усекнута глава. — Речь идет о мученической смерти Иоанна Крестителя, которому по приказу царя Ирода отрубили голову (Мф. 14, 1—12; Мк. 6, 16—29; Лк. 9, 9).

...Иоанн Крѣститель въ пустынѣ жил. — Апокрифическая традиция связывает пребывание Иоанна Предтечи в пустыне с приказом царя Ирода об избиении Вифлеемских младенцев. Монастырь святого Иоанна в пустыне принадлежит францисканцам и построен рядом с источником к югу от Иерусалима.

...пещера камѣнная, гдѣ святый Иоанн Крѣститель жил. Тут источник воды... — Пещера св. Иоанна находится под монастырской церковью. Перед входом в церковь св. Иоанна находится источник Эйн-Хабис (Отшельник).

...монастырь прекраснѣйшый, гдѣ древо выросло на крѣст Господень. — См. коммент. к с. 179, 192.

...накануне Рождества Христова. — Праздник Рождества Христова — один из главных христианских праздников, установленный в честь рождения Иисуса Христа от девы Марии (25 декабря/7 января).

В Мясопустную пятницу... — Неделя Мясопустная — предпоследняя (третья) приготовительная неделя перед Великим постом.

...наступает Четыредесятница. — Четыредесятницей называют Великий пост, который включает 6 постных седмиц (42 дня) и одну страстную (всего 49 дней).

Въ первое воскресение, то есть въ Православие... — См. коммент. к с. 221.

...было проклятие всем еретикам. — В православной богослужебной традиции в неделю Православия служится особый Чин, при котором провозглашается анафема ересям и еретикам. Говоря о «всех еретиках», наша паломница исходила из современной ей церковной практики. В 1801 г. Синодом была установлена сокращенная редакция чина анафематствования: помимо перечисления ересей он включал имена государственных преступников — Г. Отрепьева и И. Мазепы.

Стр. 245. *Лазарева субота* — Лазаревой субботой называют субботу перед Вербным воскресеньем. В этот день христиане вспоминают чудо воскрешения Иисусом Христом праведного Лазаря (Ин. 11, 1—44).

...Елеон, гдѣ Господь наш Иисус Христос вознесься на нѣбо. — См. коммент. к с. 191.

И тут Его святые стопы. — См. коммент. к с. 191.

...мѣсто, гдѣ Марфа и Мария въстрѣтили Господа... И на том мѣстѣ камень. — См. коммент. к с. 214.

...Лазаревь гроб. — См. коммент. к с. 192, 214.

...раздавать вербу... — В праздник Входа Господня в Иерусалим в храме Гроба Господня, по традиции, раздают пальмы, как о том рассказывали Илья Сысоев и Яким Васильев (см. с. 199, 221). Раздавать в этот день верующим вербу — традиция Русской православной церкви. Говоря о вербах, паломница либо оговорилась, либо намеренно заменила вайи привычными для слушателей ее рассказа вербами.

Вѣликий четверток — см. коммент. к с. 221.

...на Лобнѣм мѣстѣ, было умовѣние ног: митрополит умывал ноги наподобие как Госпоть ученикам умывал ноги, таким же образом. — Здесь речь идет о чине омовения ног, принятом в богослужебной практике христианской церкви в воспоминание омовения, совершенного Спасителем над апостолами перед Тайной вечерей (Ин. 13, 3—17). Совершается в Великий четверг архиереем, который омывает ноги 12 священникам. В Иерусалиме чин обычно совершается патриархом.

Въ Великую пятницу... — См. коммент. к с. 200.

Стр. 246. *...Великую суботу.* — См. коммент. к с. 200.

«Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небѣсѣхъ» — См. коммент. к с. 201.

... Иордан рѣку... — См. коммент. к с. 201.

...монастырь преподобнаго Герасима... — См. коммент. к с. 202.

Стр. 247. *...о Назаретѣ.* — Священный город в Галилее, место Благовещения деве Марии (Лк. 1, 26—38).

...до Самарии, гдѣ Господь бѣсѣдовал у студенца съ самаряниной женой. — Самария, историческая область Израиля. Паломница вспоминает событие, описанное в Евангелии от

Иоанна (4, 6—38): Иисус Христос беседовал у колодца с женщиной из племени самарян, с которыми иудеи не общались.

...монастырь греческой прекраснейший. — Возможно, речь идет о монастыре святой Фотины, воздвигнутом на месте встречи Иисуса с самарянкой.

...Божия Матерь жила въ дому Иосифове. Тут церковь француская, увешена вся отласами. — Католическая базилика Благовещения в Назарете, по преданию, поставлена на месте дома Иосифа Обручника, где произошло Благовещение Деве Марии архангелом Гавриилом (Лк. 1, 28—33).

...тут ея над водами осенил Дух Святый. Теперь тут церковь христианская и чудная... — Согласно апокрифической традиции, Протоевангелию от Иакова, Благовещение (оно же пред-Благовещение) произошло у колодца, куда Мария ходила за водой. На этом месте возведена греческая церковь Благовещения. Оба храма, с первых веков христианства связанные с местом почитания Благовещения, описаны игуменом Даниилом (см. наст. изд. Т. 4. С. 102, 104).

...възошли на превысочайшую гору, гдѣ Господь насытил пять тысящ. — Имеется в виду евангельский рассказ (Мф. 14, 17—21; Мк. 6, 38—42; Лк. 9, 13—17; Ин. 6, 9—12) о том, как Христос напитал пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, оказавшихся с ним в пустынном месте. Это евангельское повествование вспоминал и игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 94).

...на святую гору Фавор, гдѣ Господь наш Иисус Христос преобразился. — Фавор — гора в северо-восточной части Изреельской равнины, восточнее Назарета. Евангелия (Мф. 17, 1—2; Мк. 9, 2—3; Лк. 9, 28—29) рассказывают о том, как Христос с учениками взошел на высокую гору помолиться и во время молитвы преобразился — лицо и одежды стали ярко блистающими. Фавор одним из первых русских паломников посетил и подробно описал игумен Даниил (см. наст. изд. Т. 4. С. 98).

...гдѣ Господь прѣобразился, была церковь. — Имеются в виду руины древней византийской церкви Преображения Господня.

...пошли мы въ Кану Галилейскую, гдѣ Господь наш Иисус Христос был на браке и воду въ вино претворил. — Речь идет о первом чуде Спасителя, совершенном во время брачного пира в г. Кане, недалеко от Назарета (Ин. 2, 1—11).

Тут теперь церковь христианская... — Имеется в виду церковь Венчания в Кафр-Кане. По преданию, первую церковь на месте библейских событий построила еще царица Елена. В 1641 г. францисканцы купили участок земли с домом, но строительство храма завершили только в 1881 г.

Тут был дом Симона Зилота. — Святой апостол Симон Зилот происходил из Канны Галилейской, был свидетелем первого чуда Иисуса Христа.

Стр. 248. *...на Фаминой неделе...* — См. коммент. к с. 225.

СЛУЖБА ПУСТОЗЕРСКИМ МУЧЕНИКАМ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ (УСОВА)

Служба пустозерским мученикам и исповедникам была создана в 18—20-е годы XX столетия автором, не обозначившим своего имени в ее тексте. До недавних дней Служба сохранялась в составе машинописного сборника, который в настоящее время утрачен; однако до нас дошел список с него, выполненный в 90-е годы XX века на современной бумаге форматом А-4 (ИРЛИ, Древлехранилище, Отдельные поступления, № 24). По словам бывшего владельца несохранившегося сборника протоиерея Леонтия Пименова особенности машинописи, с помощью которой был напечатан его текст, указывали на пишущую машинку начала XX века типа Ремингтон или Ундервуд. В 1997 году в календаре Русской православной старообрядческой церкви было издано четыре канона из этого сборника (будем в дальнейшем называть его Пименовским), посвященных «мученикам и исповедникам российским» — епископу Павлу Коломенскому, протопопу Аввакуму, боярыне

Морозовой и Соловецким страдальцам — с предпосланным следующим комментарием: «Помещаемые ниже каноны некоторым из святых мучеников, пострадавших за правоверие в XVII столетии, издаются по тетради начала XX века, принадлежащей иерею Леонтию Пименову, настоятелю храма во имя Рожества Богородицы в г. Орехово-Зуево Московской обл⟨асти.⟩ Эта тетрадь, напечатанная машинописным способом, содержит многие службы и жития святых, пострадавших за правую веру более трехсот лет назад. На основании данных ⟨...⟩ „Истории старообрядчества" Ф. Е. Мельникова ⟨...⟩ творцом (или собирателем) публикуемых ниже канонов можно считать выдающегося старообрядческого духовного писателя и апологета, преосвященного Иннокентия (Усова), епископа Нижегородского и Костромского, впоследствии митрополита Белокриницкого».[1]

Старообрядческий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий (Усов) (23.01.1870—16.02.1942), автор многих статей и книг, посвященных духовным вопросам и полемике с представителями господствующей Церкви, был рукоположен во епископа в 1903 году. Смолоду обучался иконописанию, в кон. 80-х—нач. 90-х годов XIX века вместе со своим духовным наставником Арсением Швецовым, впоследствии епископом Арсением Уральским, организовал близ Нижнего Новгорода типографию и мастерскую по изготовлению гектографированных изданий; был основателем журналов «Старообрядческий вестник» (1904) и «Старообрядец» (1906—1907), принимал участие в заседаниях Петроградского религиозно-философского общества;[2] после 1905 года создал в своей епархии мужской монастырь, где был воздвигнут храм с пятью алтарями, один из которых имел освящение (1912) во имя протопопа Аввакума, священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания. В 1920 году владыка Иннокентий эмигрировал из России, некоторое время жил в Югославии, затем — в Румынии, с 1920 года был епископом Кишиневским. После установления в 1940 году советской власти на правобережье Днестра был переведен на Тульчинскую кафедру. В 1941 году возведен в сан митрополита Белокриницкого, но при вступлении Румынии 22 июня 1941 года в войну с СССР был выслан в Яссы. Скончался и похоронен в Румынии.[3]

В годы Гражданской войны еп. Иннокентий поддерживал Белое движение, активно выступал против коммунистического безбожия. Известно, что он читал в Добровольческой армии лекцию под названием «В защиту религии». Ему принадлежит «Молитва об избавлении России», в которой обращены к Богу такие слова: «Сохрани мир свой от пагубы воинствующаго безбожия, избави страну Русскую от враг Твоих, терзающих и убивающих тьмами ни в чем неповинных людей, а наипаче верующих в Тя, упокой во Царствии Твоем всех умученных оружием и стрелянием, гладом и мразом и иными смертями от человеконенавистных слуг диавола. Приими оружие и щит и восстани на помощь нашу. Простри нам с высоты славы Твоея руку помощи, и укрепи волю и силы наши поразити и низложити злолютых врагов рода человеческаго ⟨...⟩. И свободи землю нашу от тяжкаго ига ненавистнаго владычества богоборцев...».[4]

Именно владыку Иннокентия описал М. М. Пришвин в четвертой главе своего очерка-повести «У стен града невидимого» (1909): «Маленький черный монашек с нервным, интеллигентным лицом сидит за круглым столом, читает книгу. Какую? „Юлиан Отступник" Мережковского... Два-три слова о романе, и мы знакомы». В ходе завязавшегося разговора епископ высказывается в пользу «полного разграничения земной Церкви и земного государства». «В душе старооб-

---

[1] Православный старообрядческий церковный календарь. М., 1997. С. 88. Ср.: Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 470, 485, 488.

[2] Записки петербургских религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.). М., 2005. С. 415—417.

[3] См.: Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 114—116; 130 лет со дня рождения митрополита Иннокентия (Усова) // Духовные ответы. М., 2000. Вып. 14. С. 23—42; Агеева Е. А., Боченков В. В. Иннокентий (Усов) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXIII. С. 27—30.

[4] Цит. по: Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество... С. 115.

рядцев, — замечает по этому поводу Пришвин, — есть два таинственных круга. Один круг государственный, другой — религиозный. Эти круги где-то пересекаются, и на месте их пересечения сидит-глядит зверь-антихрист».[1] Владыка Иннокентий упоминается также в повести Михаила Кузьмина «Крылья» (1906), где один из персонажей, обращаясь к другому действующему лицу, говорит: «Да как же, есть и архиереи, светского не чуждающиеся, из ваших же, например, владыка Иннокентий».[2]

Вот каков был создатель сборника Служб старообрядческим мученикам.

Но создатель или же собиратель, как со справедливой осторожностью замечено при издании четырех канонов?

Первое, что следует отметить, отвечая на этот вопрос: Службы, входящие в интересующий нас сборник, написаны одним автором. Об этом говорит прежде всего целостная композиция сборника, созданная под воздействием единого замысла, ориентированного на «Виноград Российский» Семена Денисова.

Для того, кто знаком с «Виноградом Российским» Семена Денисова, этим мартирологом старообрядческих новомучеников, созданным в начале 30-х годов XVIII века,[3] ясно, что состав интересующего нас сборника Служб сформирован под влиянием содержания глав «Винограда».

О едином творце Служб, входящих в сборник, говорит и использование в разных Службах одних и тех же авторских приемов. Например, акцентированное присутствие в тексте авторского «я». «Аввакума великаго страстотерпца труды и подвиги како возмогу воспети недостойный аз, но дерзаю на сие, надеяся, Христе, на Твою всесильную помощ» (Служба пустозерским мученикам, 14 апр., песнь 1-я второго канона). «Святую Феодосию восхвалити по достоянию не возмогаю недостойный аз, но Ты, Христе, подаждь ми свою всемогущую благодать молитвами ея» (Служба боярыне Морозовой и княгине Урусовой, 11 сент., песнь 1-я канона). «Железы скован за веру святую, священномучениче Логине, разреши моя узы греховныя, яко да возмогу воспети твоя победная страдания» (Служба Логгину Муромскому, 22 сент., песнь 1-я канона). «Очисти ми чювства и просвети ми ум, Христе Боже, молитв ради исповедника твоего Филиппа, яко да возмогу воспети мученическия его подвиги» (Служба Филиппу певцу царскому, 29 нояб., песнь 1-я канона). «Укрепи, Христе, ума моего силу и даждь ми слово мудрости божественныя, яко да воспою святителя Павла...» (Служба епископу Павлу Коломенскому, 3 апр., песнь 1-я канона).

Еще один общий творческий прием — это использование в канонах многих Служб акростиха, или краегранесия: «Другий канон, священномученику Аввакуму единому, *имый краегранесие: Аввакума славите, вернии вси*» (Служба пустозерским мученикам, 14 апр.); «Канон мученице Феодоре единой, *имый краегранесие: Святую Феодору чту с любовию*» (Служба Феодосии Морозовой и сестре ее Евдокии Урусовой, 11 сент.); «Канон, *имый краегранесие: Восхвалим Федора вси, людие*» (Служба Феодору Токмачеву, 2 дек.); «Канон, *имый краегранесие: Воспеваю страдания Иоасафа*» (Служба Иоасафу Кирилловскому, 4 мая).

---

[1] Пришвин М. М. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 398.

[2] Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 1999. Т. 1. С. 107. В своем дневнике М. А. Кузмин оставил запись о встрече с еп. Иннокентием, которая состоялась 22 ноября 1905 г. в Петербурге, очевидно, в старообрядческом центре на Громовском кладбище (см.: Кузмин М. Дневник, 1905—1907. СПб., 2000. С. 73).

[3] См.: Юхименко Е. М. 1) «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 249—262; 2) Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 409—421; 3) Новые документы о героях «Винограда Российского» — каргопольских старообрядцах Андрее и Авраамии Леонтьевых // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 97—122; 4) «Виноград Российский» Семена Денисова. История создания и источники // Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 2008. С. 3—42.

Что можно сказать о времени создания Служб? Службы созданы после революции 1917 года, во время Гражданской войны в России. Приметы этого рассыпаны по текстам разных Служб. А именно, в Службе боярыне Морозовой и княгине Урусовой (11 сент.) читаются следующие слова: «Избави, преподобномученице, страну нашу от *междоусобныя брани* и от всякаго зла, развевая *мрак безбожия* и беззакония, и *водворяя мир и тишину* молитвами своими» (богородичен 9-й песни канона); в Службе Даниилу Костромскому (3 сен.) — «От глада, губительства, огня и меча и *междоусобныя брани*, избави рабы своя, молим ти ся, Богородице...» (богородичен 7-й песни канона); в Службе Исаии сожженному (7 нояб.) — «Владычице премилостивая, умоли Сына своего ⟨...⟩ да избавит ны от належащих бед и зол, от *междоусобныя брани и от мучительства богоборцев...*» (славник на «Господи воззвах»); в Службе Соловецким страдальцам (29 янв.) — «...моли *избавити страну нашу от междоусобныя брани*» (богородичен седальна по 3-й песни канона); в Службе Евдокиму и Григорию чарандским (18 июня) — «...да *истерзанный браньми мир* исцелится любовию евангельскою...» (тропарь 6-й песни канона).

Епископ Иннокентий в годы Гражданской войны находился в России и был связан в это время с Белым движением. Следовательно, датировка сборника временем Гражданской войны только усиливает атрибуцию Служб владыке Иннокентию. Усиливает эту атрибуцию и тема «мрака безбожия», звучащая в цитированных выше текстах, что можно соотнести со словами о «*пагубе воинствующаго безбожия*» и об «*иге ненавистнаго владычества богоборцев*» из «Молитвы об избавлении России» владыки Иннокентия.

Таким образом, источниковедческий анализ подкрепляет уверенность в том, что комплекс Служб, дошедший до нас в Пименовском сборнике, создан в 18—20-х годах XX века епископом Нижегородским и Костромским Иннокентием (Усовым).

Вернемся к Службе пустозерским мученикам из Пименовского сборника, которая имеет здесь надписание: «Месяца апрелия в 14 день. Святых священномученик и исповедник, протопопа Аввакума, иерея Лазаря, диякона Феодора и инока Епифания, иже в Пустозерске сожженных». Существует весомое историческое свидетельство, позволяющее считать, что древнейшая Служба протопопу Аввакуму была создана уже в начале XVIII века, а возможно, и несколько раньше, на рубеже XVII—XVIII веков: об этой Службе, обращавшейся среди керженских старообрядцев, упоминает в своем миссионерском антистарообрядческом трактате «Розыск о раскольнической брынской вере» (1709) Димитрий Ростовский.[1] Однако керженская служба до наших дней не сохранилась. В Службе, творцом которой был владыка Иннокентий, обращают на себя внимание два фрагмента, которые при известных обстоятельствах могли бы быть истолкованы как следы первоначальной, созданной еще в начале XVIII века Службы. В первом каноне новейшей Службы, посвященном всем пустозерским мученикам, находятся такие строки: «Огненным пламенем сожжении, святии исповедницы, *сохраните жилища наша от огненнаго запаления* и душа наша от огня вечнаго» (2-й тропарь 4-й песни первого канона). В другом каноне этой Службы, посвященном «Аввакуму единому», читаем: «В чюждую Египетскую страну избегшая с предвечным Младенцем от Ирода Богородице, *сохрани избегших от злых гонителей*, покрывая их покровом милости своея» (богородичен 3-й песни второго канона).

Если бы Служба епископа Иннокентия была составлена до 1917 года, приведенные строки могли бы означать только одно — они написаны в конце XVII—начале XVIII века, когда были столь актуальны старообрядческие «гари» и бегство противников Никоновой реформы от их преследователей на Керженец, в Сибирь, в «леса и на гора». «Литературный слух» как будто подсказывает нам (по особенно устоявшемуся типу словесных формул: «огненное запаление», «злые гонители»), что перед нами следы древнейшей Службы XVIII века. Но в том-то и дело, что мы имеем перед собой творение «древнерусской литературы после Древней Руси», где древние формы могут органично воспроизводиться заново в новейшем памятнике словесности. И остается гадать, относятся ли тексты процитированных тропарей к ситуации рубежа XVII—XVIII веков или же в них идет речь о событиях Гражданской войны XX века, когда безжалостные «огненные запаления» человеческих

---

[1] Димитрий Ростовский, архиеп. Розыск о раскольнической брынской вере... Киев, 1873. Л. 319 об.

жилищ и бегство людей, не только старообрядцев, с насиженных мест от «злых гонителей», их собственных соотечественников, сделались столь же актуальны, как и во времена Раскола.

Вот мы и подошли к теме, от которой никак нельзя уйти при разговоре о старообрядчестве, — о том, как события XVII века повлияли на события 1917 года и последовавшей затем коммунистической эпохи. Первым заговорил на эту тему А. И. Солженицын; именно он первый выявил связь между ними, громко сказав о том, что во многом события 17-го года — это «эпилог, трагическая развязка другой, неизмеримо более глубокой и продолжительной трагедии, которая свое начало имеет в национально-религиозном кризисе XVII века».[1]

Сегодня мы можем сказать, что старообрядческий XVII век был пророчеством о 1917-м годе в России, его глубинной причиной и первым этапом. Потому и повторилась через 200 лет мольба о спасении нашего народа от злых гонителей, от насланного ими «огненного запаления».

Повторилось многое. Рассеяние русской эмиграции так называемой первой волны — вовсе не уникальное явление русской истории XX века. Чем как не рассеянием и эмиграцией было бегство старообрядцев XVII—XVIII веков в Сибирь, Польшу, Турцию, Австро-Венгрию? И понятие «новомученики» — вовсе не уникальное понятие, родившееся в России XX века для обозначения тех, кто был убит за веру коммунистическим режимом. Гораздо раньше это понятие — «новые мученики», «новые страдальцы», «новые страстотерпцы» — возникло в старообрядчестве и стало сопровождаться деятельностью по выявлению и собиранию сведений о тех, кто пострадал за веру в результате Раскола; примером такой подвижнической деятельности является «Виноград Российский» Семена Денисова, созданный в конце первой трети XVIII столетия и растиражированный в течение XVIII—XX веков во множестве рукописных списков старообрядцами самых разных областей России.[2]

И потому слова «древнерусского» гимнографа XX века владыки Иннокентия (Усова) из Службы пустозерским мученикам, написанной им во время Гражданской войны в России, воспринимаются с двойной пророческой силой, от имени как XVII, так и XX века: «Ходатаицу приводим Ти Матерь твою, Христе, воззри милостивым си оком на достояние Твое, и сохрани нас от страха и бедствий, *грядущих на вселенную*» (богородичен 6-й песни первого канона).

Стр. 249. *...творитъ бдение.* — Т. е. совершает бденную службу, праздничную службу со всенощным бдением.

...На «Господи возвахъ» стихѣры на 4, гласъ 4, подобенъ: «Яко добля». — «Господи, воззвах» — так называется группа псалмов (140, 141, 129 и 116), которые вместе с присоединяемыми к ним стихерами составляют одну из основных частей вечерни. Называются так по начальным словам 140-го псалма: «Гсподи, воззвах к Тебе, услыши мя...». «Стихеры на 4» — традиционная форма уставного указания; глас — один из восьми напевов в системе осьмогласия, составляющей основу знаменной музыки. Подобнами называются песнопения, которые следует использовать как музыкально-ритмический образец при исполнении той или иной стихеры или тропаря.

...На стиховнѣ стихѣры... — «Стихеры на стиховне» составляют заключительный ряд песнопений вечерни; называются так потому, что присоединяются к особым *стихам*, избранным из различных псалмов.

...Возваша праведнии, и Господь услыша ихъ... — Пс. 33, 18.

Многи скорби праведнымъ, и от всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. — Пс. 33, 20.

Стр. 250. *...Стихологисуемъ «Блаженъ мужъ», 1-ю славу.* — Речь идет о чтении (стихологисании) 1-й кафизмы Псалтыри, начинающейся словами 1-го псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...». В богослужебной Псалтыри каждая из кафизм разделяется на три «славы», т. е. части (после чтения каждой из частей чтец возглашает: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу...»).

---

[1] Солженицын А. И. Письмо из Америки // Вестник Русского Христианского Движения. № 116. 1975.

[2] Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ). С. 250—266.

...блажени вы, мученицы, яко изгнани бысте правды ради... — Ср. Мф. 5, 10.

...яко, чисти сущи сердцемъ, узрѣсте Бога... — Ср. Мф. 5, 8.

...вы бо соль земли необуявшая... — Ср. Мф. 5, 13.

...тѣснымъ путемъ... — См. Мф. 7, 13—14.

...внидосте въ радость Господа своего... — См.: Огласительное слово на Пасху Иоанна Златоуста («...все войдите в радость Господа своего»).

Стр. 251. *...Выходъ.* — Здесь имеется в виду так называемый малый выход (вход) священнослужителей из алтаря через северные двери иконостаса и вхождение их в алтарь Царскими вратами.

Прокименъ — стих из псалма, предваряющий чтение Евангелия, Апостола, Паремий.

...и чтения три, исповѣдническия. — Имеется в виду чтение Паремий, отрывков из Священного Писания. При службах святым исповедникам, подвиг которых заключается в исповедании веры, читаются специально предназначенные для этого случая Паремии.

Лития — часть всенощного бдения, совершаемая в притворе или же в той части храма, которая ближе всего к притвору.

...Стихѣры... самогласны. — Самогласными называются стихеры, имеющие оригинальный напев, предназначенный только для данной стихеры.

...Лазарю бо, Феодору и Епифанию мучители отрѣзаша языки, и чюдеснѣ израстоша; и паки отрѣзаша ихъ и руки отсѣкоша, и паки чюдеснѣ израстоша; и глаголаша святии ясно... — Священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания «казнили» урезанием языков в первый раз еще в Москве вскоре после собора 1667 г., предавшего старообрядцев анафеме; затем, в 1670 г., уже в пустозерском заточении, их вновь подвергли гражданской «казни»: на этот раз, кроме повторного вырезания языков, им отсекли кисти правых рук, Лазарю — полностью, Феодору — до половины ладони, Епифанию — только персты (см. Житие протопопа Аввакума, им самим написаное: наст. изд. Т. 17. С. 97—98).

Стр. 252. *...ссылаеми въ страны дальния, въ острогъ Пустозерскии, идѣже заключени бысте въ темницы подъземныя...* — После Московского собора 1667 г. протопоп Аввакум, священник Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний были отправлены в заключение в Пустозерский острог, располагавшийся за Полярным кругом в дельте реки Печоры (20 км от современного города Нарьян-Мара), там для них специально была построена тюрьма, представлявшая собой четыре отдельных деревянных сруба, засыпанных землей и обнесенных дополнительным общим острогом.

...На благословение хлѣбомъ. — Благословение хлебов (а также пшеницы, вина и елея) — особый чин, совершаемый на средине храма во время всенощного бдения в память о том, как Христос насытил пятью хлебами 5000 человек (см. Мф. 14, 14—21; 6, 32—44; Лк. 9, 10—17).

...По 1 стихологии. — Т. е. после чтения (стихологисания) первой из назначенных по уставу на этот день кафизм.

...Сѣдаленъ — богослужебное песнопение, исполняемое после каждой из кафизм, читаемых на утрени.

Стр. 253. *...Иного развѣ Тебе Бога не знаемъ.* — Слова из воскресного песнопения «Воскресение Христово видевше...».

...Псалом избранный: «Богъ намъ прибѣжище и сила». — Избранные псалмы читаются во время полиелея (см. следующий коммент.). Их текст входит в богослужебную Псалтырь.

...По полиелеосѣ... — Полиелеос, или полиелей (иначе — «многомилостивое», от многократного повторения слов 135-го псалма «...яко в век милость Его») — часть праздничной утрени, состоящая из исполнения 134-го и 135-го псалмов, завершается чтением избранного псалма.

...Степенна... — Степенна, или степенны антифоны — песнопения, исполняемые на праздничной утрени; составлены применительно к 15 псалмам (с 119-го по 133-й), называемым «песнями степеней», так как в Ветхом Завете они предназначались для пения на ступенях Иерусалимского храма.

Антифонъ — песнопение, исполняемое попеременно обоими клиросами.

...Честна пред Господемъ смерть преподобныхъ Его. — Пс. 115, 6.

...Что воздамъ Господеви о всѣхъ, ихже воздастъ ми. — Пс. 115, 3.

Зачало — название особым образом пронумерованных отделов Евангелия и Апостола, предназначенных для чтения их за богослужением.

Ирмос — первая строфа в каждой из девяти песней канона, служит мелодико-метрическим образцом для последующих тропарей песни.

Стр. 254. *...въ Великии пятокъ, живы сожжени бысте.* — Смертная казнь пустозерских узников путем сожжения их на костре состоялась 14 апреля 1682 года в Страстную пятницу.

...Моисей созда киотъ Завѣта Ветхаго... — Киот, или ковчег Завета, — переносной ящик, в котором хранились каменные Скрижали Завета с десятью заповедями, данными Богом Моисею на горе Синай, а также сосуд с манной и посох Аарона (см. Исх. 25, 10—14; Втор. 10, 2; Евр. 9, 4).

Кранегранесие — краестрочие, акростих — текст, сложенный из начальных букв тропарей канона.

...спаслъ еси дщерь вдовицы от насильства болярина... — В своем Житии протопоп Аввакум рассказывает о том, как в самом начале своего священнического поприща ему пришлось воевать с неким «начальником» за дочь «вдовицы» (см. наст. изд. Т. 17. С. 69).

Стр. 255. *...от запада бо до востока и от востока до запада прехождаше...* — Имеются в виду скитания Аввакума во времена его десятилетней ссылки в Сибирь: сначала из Москвы в Тобольск, потом — в Енисейск, и далее, вместе с отрядом землепроходцев под предводительством воеводы Афанасия Пашкова, — в Даурию; а затем возвращение через ту же Сибирь в Москву (см. наст. изд. Т. 17. С. 73—90 и др.).

Божественное пророчение, еже сѣмя жены сотретъ главу змия... — См. Быт. 3, 14—15 («И рече Господь Бог змию... вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и семенем тоя, той блюсти будет главу твою...»).

Стр. 256. *Отсѣченная десница иерея Лазаря чюдеснѣ сама сложи персты по святоцерковному преданию двоеперстно...* — В своем Житии протопоп Аввакум пишет об этом так: «Посем Лазаря-священника взяли, и язык весь вырезали из горла ⟨...⟩. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала такъ пред народы: исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно» (см. наст. изд. Т. 17. С. 98).

...отрасль святыя обители Соловецкия, преподобныи Епифание... — Инок Епифаний был постриженикoм Соловецкого монастыря, о чем сам написал в собственном Житии (см. наст. изд. Т. 17. С. 229—230).

...и по втором ти отрѣзании языка Христосъ явѣ дарова тебѣ языкъ правовѣрно хвалити Его... — См. в Житии протопопа Аввакума: «Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и языкъ вырезали весь же; у руки отъсекли четыре перъста. И сперъва говорилъ гугниво. Посем молилъ Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московъской и здешъней, на воздухе. Он же, единъ взявъ, положилъ в ротъ свой и с техъ местъ сталъ говорить чисто и ясно, и языкъ совершен обретеся во ръте» (наст. изд. Т. 17. С. 98).

Аще и поколебася Феодоръ дияконъ во благочестии... — На соборе 1667 г. дьякон Феодор принес покаяние за неприятие никоновой реформы, но вскоре отказался от него, за что был подвергнут первому отсечению языка ещё в Москве, до высылки в Пустозерск.

Люди и скоты исцеляше и бѣсы прогоняше... — О многочисленных примерах своего целительства по отношению к людям и животным протопоп Аввакум рассказывает в своем Житии (см. рассказы об исцелении младшего брата Аввакума Евфимия, выменявшего книгу Ефрема Сирина на лошадь, о кумычке Анне, жившей у Аввакума в Сибири, о бесноватых, с которыми протопоп сталкивался многократно в своей жизни, и др.) (см. наст. изд. Т. 17. С. 64—107).

Витийства суемудренныхъ посрамилъ еси простотою словесъ... — Скорее всего, здесь имеется в виду тот эпизод Жития протопопа Аввакума, в котором автор рассказывает о допро-

се его вселенскими и русскими архиереями на соборе 1667 г., когда Аввакум «от Писания с патриархами говорилъ много: Богъ отверзлъ грешъные мое уста и посрамилъ их Христос» (см. наст. изд. Т. 17. С. 95).

Стр. 257. *...и искореняху языческия обычаи и кощуны...* — О своих столкновениях со скоморохами и преследовании им скоморошьих игрищ, представлявшихся ему проявлением язычества, Аввакум написал в своем Житии (см. наст. изд. Т. 17. С. 70).

Стр. 258. *...въ Пяток великии, еретицы предаша святыхъ смерти огненнѣй...* — См. примеч. к с. 254.

...Отцемъ Богъ, благословенъ еси. — См. Дан. 3, 52.

Процвѣтосте, праведницы, яко финикъ... — Ср. Пс. 91, 13.

В странѣ Сибирстѣй многолѣтно странствуя въ полку воеводы свирепаго... — Протопоп Аввакум с семьей был включен как священник в отряд казаков-землепроходцев под предводительством воеводы Афанасия Пашкова, отправленный на окончательное приведение Даурской земли под власть русского царя. Летом 1656 г. отряд выступил из Енисейска. Весь тяжкий путь от Енисейска до Даурии Аввакум прошел вместе с казаками. В 1662 г. Афанасий Пашков был отозван из Даурии в Москву. Вслед за тем пришел указ и о возвращении протопопа Аввакума в столицу. О своих постоянных мучительных конфликтах с жестоким воеводой Пашковым Аввакум много рассказывает на страницах Жития.

Пойте и превозносите Бога во вѣки. — См. Дан. 3, 57—90.

Исполняя Твое пророчение, нынѣ блажимъ Тя, вси роди... — Имеются в виду слова Богородицы «...отныне блажат мя вси роди», сказанные Ею при встрече с Елизаветой, матерью Иоанна Предтечи (см. Лк. 1, 46—55).

Стр. 259. *На судищи неправеднѣмъ дерзновенно защищаше предания апостольския...* — О прениях со сторонниками никоновых реформ как в 1653 г. перед сибирской ссылкой, так и на московских соборах 1666—1667 гг. перед пустозерским заточением, Аввакум рассказывает в своем Житии.

...и Поволжския веси, и области моря Студенаго имяху тя пастыря и учителя... — В нижегородских землях, расположенных в Поволжье, прошло детство Аввакума и первые годы его дьяконского и священнического служения; море Студеное — древнерусское название Северного Ледовитого океана, вблизи которого находился Пустозерский острог, место заточения Аввакума.

Изволилъ еси приметатися къ Церкви Божии, неже сообщатися со отступники... — Ср. Пс. 83, 11.

Стр. 260. *Свѣтиленъ* — песнопение, исполняемое в заключительной части утрени после 9-й песни канона.

На хвалитѣх стихѣры... — Стихеры, которые поются на утрене после канона, чередуясь со стихами так называемых хвалитных 148, 149, 150-го псалмов, начинающихся словами 148-го псалма «Хвалите Господа с небес...».

Отпустъ — краткая молитва, произносимая священником после окончания службы и благословляющая молящихся на выход из храма.

Блаженна — тропари, припеваемые на литургии к стихам Евангелия, заключающим в себе заповеди блаженств (Мф. 5, 3—32).

Святымъ, иже суть на земли Его, удиви Господь вся воля своя в нихъ. — Пс. 15, 3.

Предзрѣх Господа предо мною выну... да ся не подвижу. — Пс. 15, 8.

«...Не бойся, малое стадо». — Лк. 12, 32.

Причастен — песнопение, которое поется на литургии перед причащением верующих, во время причащения священнослужителей в алтаре.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 20

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Оформление *Л. В. Грудинской*
Корректоры *Н. И. Журавлева*, *Л. Д. Колосова* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 26.02.2020.. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.5. Уч.-изд. л. 34.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 133

ФГУП «Издательство «Наука»
117997 г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
https://naukapublishers.ru
https://naukabooks.ru

Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034 г. Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12/28
тел.: +7(812)323-65-69, e-mail: secretspb@naukaran.com

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040331-4